
ВАГИФ ГУСЕЙНОВ
От Ельцина к...?
ВОЙНА КОМПРОМАТОВ

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Вагиф Гусейнов

ОТ ЕЛЬЦИНА К...?

ВОЙНА КОМПРОМАТОВ

Июль — декабрь 1999

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2000

ББК 66.61(2)
Г 962

Исключительное право публикации книги Вагифа Гусейнова «От Ельцина к ... ?» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения или части его без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Гусейнов В. А.

Г 962 От Ельцина к ... ? Война компроматов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. — 590 с.: ил. — (Досье).

ISBN 5-224-01093-4

Первые две книги «От Ельцина к ... ?» руководителя одной из московских аналитических служб В. А. Гусейнова пользовались успехом у читателей. Тираж был распродан за короткое время.

В новой книге автор продолжает начатую тему, доводя описание интригующих событий до избрания российского президента в марте 2000 года. Из этого произведения вы узнаете о подоплеке взрыва жилых домов в Москве и тайных пружинах второй чеченской войны, о том, как возник «Ельцингейт», кто был режиссером других скандальных историй в преддверии президентских выборов в России.

ББК 66.61(2)

ISBN 5-224-01093-4

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2000

Часть первая

ПОДКОВЕРНЫЕ СХВАТКИ

Глава 1

ЖАРКИЙ ИЮЛЬ 99-го

Показатели стабильные, а цены растут. — Безработица: на одно место 355 человек. — Меняю голос на продуктовый набор. — Налоги! Побольше налогов! — Бензиновые страдания. — Кремль обостряет ситуацию в невыгодных для себя условиях. — Раскол элиты: Ю. Лужков бросает вызов президенту. — Игра в «кошки-мышки». — С. Степашин и Кремль: что впереди? — Отдаленные перспективы

Вступление во вторую половину 1999 года было отмечено некоторым снижением уровня политической напряженности, связанным с окончанием весенней сессии парламента, завершившейся утверждением депутатами нижней палаты большинства требуемых МВФ законов для получения новых кредитов. Премьер С. Степашин даже удостоил Думу благодарности за сотрудничество с правительством в принятии законов МВФ.

Президент, в свою очередь, решил, по словам его представителя в Думе, «пойти на уступки, чтобы не обострять политическую ситуацию в стране накануне выборов». Он, в частности, подписал закон «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Госдумы Федерального собрания РФ», содержащий перечень льгот, гарантий и привилегий для депутатского корпуса. По некоторым сведениям, речь действительно шла о прямых договоренностях между Кремлем и Охотным рядом, что закон о статусе депутатов «обменивается» на требования МВФ.

В качестве фактора, позитивно повлиявшего на изменение к лучшему настроения в российских правящих кругах, стали сообщения о появлении положительных сдвигов в экономике. По словам С. Степашина, эконо-

мический рост в мае (по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года) составил 6 процентов, а июньская инфляция остановилась на показателе в 1,5 процента.

Ряд экономистов высказал мнение, что в мае были заложены определенные предпосылки для продолжения экономического роста и в июне (на 3,5 процента вырос объем инвестиций предприятий из их амортизационных отчислений) увеличилось число рентабельных производств, наблюдался небольшой рост рынка акций, улучшились субъективные оценки экономической ситуации, даваемые российскими бизнесменами, а также международными финансовыми организациями.

Конец июня был отмечен также попытками достигнуть позитивной динамики на внешнеполитическом поле, в частности, на Кельнском саммите, после которого Россия и Запад вновь, во всяком случае, внешне нормализовали свои отношения и заявили о выходе на новый уровень обсуждения проблемы российского внешнего долга.

Тем не менее уже с первых дней нового полугодия начал рельефно вырисовываться ряд внешних и внутренних факторов роста политической напряженности.

Так, югославский конфликт значительно расшатал геополитическую ситуацию в Европе и во всем мире. Политики многих стран активно обсуждали вопрос о том, где еще события могут начать развиваться по «югославскому сценарию». Кельн не дал никаких гарантий от повторения «миротворческих» миссий, подобных косовской. Напротив, явно выросла агрессивность ряда стран, надеющихся использовать в собственных геополитических интересах военную машину НАТО.

Премьер-министр Венгрии В. Орбан призвал Запад не останавливаться на Косово и распространить действие своего «стабилизационного плана для Юга Европы» на другую югославскую провинцию — Воеводину, где проживает 350-тысячное венгерское меньшинство.

Грузия после конфликта в Косово, пыталась склонить НАТО к применению аналогичных методов для «умиротворения» Абхазии. Среди точек, в которых мог быть использован «косовский опыт», все чаще называли и Белоруссию.

В свою очередь в России росла откровенная озабоченность угрозам ее национальной безопасности.

25 июня Госдума единогласно приняла закон «О финансировании государственного оборонного заказа для стратегических ядерных сил РФ», явно шедший вразрез с планами Запада по ослаблению российского ядерного потенциала. Наблюдатели не сомневались в том, что Совет Федерации также утвердит этот закон, тем более что президент подписал благоприятное заключение на законопроект.

Далее, 21—26 июня на территории Ленинградского и Московского военных округов прошли стратегические командно-штабные учения, вызвавшие, как известно, повышенный интерес всего разведывательного сообщества НАТО и откровенно негативную реакцию западной прессы, передававшей соответствующие настроения политических кругов стран Североатлантического альянса.

Не исключалось, что эти настроения оказали определенное влияние и на поведение западных финансовых и деловых кругов по отношению к России, отражавшее политический заказ руководства стран НАТО, их реакцию на самостоятельную позицию России во время югославского конфликта и после него.

В частности, к концу первой недели нового полугодия опять начала осложняться судьба «пакета законов» МВФ.

Причем дело было не столько в том, что оставалось не ясным, пройдет ли этот пакет утверждение в сенате (председатель бюджетного комитета Совета Федерации К. Титов высказал сомнения на этот счет). Главное, не было уверенности в том, что МВФ, учитывая последние веяния в отношениях между Западом и Россией, сможет пойти на так называемое «политическое решение» и закроет глаза на то, что «пакет законов», предложенный фондом, принят Думой не в полном объеме.

Представитель фонда в Москве М. Гилман, выступая в Совете Федерации, высказал неудовлетворенность тем, что Дума не приняла все четыре закона. Судя по его заявлениям, которые расходились с высказываниями М. Камдессю на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге, где директор-распорядитель фонда не настаивал на принятии закона о налоге на

автозаправки, «веяния» в МВФ вновь изменились не в лучшую для России сторону.

Учитывая, что МВФ вновь начал ужесточать свою позицию в отношении России, Кремль решил оставить себе свободными руки и по отношению к правительству, и по отношению к Думе. В частности, президент направил председателю Госдумы Г. Селезневу свое заключение на проект федерального закона «О налоге на отдельные виды транспортных средств», принятый Госдумой в первом чтении.

Имелись возражения президента и на закон, предоставлявший ЦБ право эмитировать собственные облигации. Иначе говоря, президент, дистанцировавшись от пакета законов, согласованных правительством с МВФ, возможно, рассчитывал получить поле для самостоятельной игры, не отождествляя свою позицию с позициями всех остальных субъектов политической игры, с тем чтобы иметь при случае дополнительные возможности для маневрирования.

Такие варианты понадобились бы Кремлю на тот случай, если бы возникли трудности при переговорах с МВФ. Президент, в случае, если бы фонд отказался идти на уступки и заблокировал предоставление кредита, получал возможность «обменять» свои возражения против закона на автомобили на одобрение нижней палатой закона на налог с АЗС. Этот «обмен» вполне отражал бы принцип более равномерного распределения тягот налогообложения между всеми слоями российского населения («пакет законов» МВФ в большей мере задевал интересы наиболее богатого слоя обладателей дорогих автомобилей и несколько смягчал положение «среднего класса»).

Впрочем, вскоре после того как маневры закончились, МВФ тут же вернулся вновь к благожелательному тону в диалоге с Россией, и миссия фонда 30 июня одобрила все предварительные меры, принятые российским правительством, сняв вопрос об АЗС.

Прозвучал и весьма тревожный сигнал на рынке акций российских приватизированных предприятий: вопреки ожиданиям большинства экспертов, этот рынок никак не отреагировал на разблокирование счетов, на которых нерезиденты хранили средства, полученные от реструктуризации ГКО. Отсутствие роста цен на этом рынке вопреки тому, что увеличилась свобод-

ная рублевая масса, объяснялось, скорее всего, тем, что нерезиденты, иностранные финансисты, ждали отмены ограничений ЦБ, наложенных на валютный рынок, которые были сняты по настоянию МВФ с 29 июня.

Следовательно, на валютный рынок вслед за нерезидентами могли устремиться и свободные средства российских банков, на корсчетах которых уже накопился «навес» в размере свыше 70 миллиардов рублей. Это перераспределение денежной массы в финансовой сфере, по мнению экспертов, могло оказать серьезное угнетающее давление на рубль и подхлестнуть инфляцию до значений гораздо более высоких, чем в предшествующие месяцы. Соответственно, российской экономике был бы нанесен весьма болезненный удар.

Однако ряд специалистов полагал, что в действительности западный капитал, полученный от реструктуризации ГКО, слишком незначителен, чтобы его вкладывать в доллары. Более выгодной сферой его вложения могли бы стать долговые обязательства российских предприятий. В частности, наблюдался резкий, более чем в два раза, скачок стоимости российских долгов. Особой радости это обстоятельство российскому бизнесу не доставляло, так как скупка долговых обязательств — наиболее легкий способ изъятия собственности у ее владельцев.

Об опасности таких тенденций предупредил новый глава Госкомитета по телекоммуникациям А. Иванов, который отметил, что западный бизнес активно занимается скупкой долгов российских предприятий связи, что грозит полной утратой контроля над этой жизненно важной для государства сферой. Аналогичная опасность угрожала практически всем инфраструктурным отраслям российской экономики.

Так, долги относительно благополучной компании РАО «ЕЭС России» почти на 10 миллиардов рублей перекрывали суммы, зависшие у потребителей. Трудно было оценить все возможные стратегические минусы, которые могли стать следствием подобной экспансии Запада на рынке российских долгов.

В этой связи обратило на себя внимание и следующее обстоятельство. Несмотря на то что в Кельне лидеры «семерки» уверили Б. Ельцина и С. Степашина, что в ближайшее время основные кредиторы не станут

объявлять России дефолт, «независимые» от своих правительств американские инвестиционные фонды, накопившие облигации по долгам Лондонскому клубу на несколько миллиардов долларов, объявили, что не могут дать России отсрочку. Международное рейтинговое агентство «Fitch IBCA» снизило рейтинг этих облигаций до уровня, который означал дефолт, то есть невыполнение Россией своих обязательств.

Вследствие внезапной угрозы начала судебных исков со стороны этих фондов против России на переговоры в Нью-Йорк вылетал российский министр финансов М. Касьянов. Хотя он и снял угрозу предъявления России судебных исков американскими инвестиционными фондами, однако их согласие не подавать в суд потребовало уступок со стороны РФ. В частности, М. Касьянов был вынужден согласиться на то, чтобы переговоры с нью-йоркскими портфельными менеджерами велись постоянно (в полуторамесячном режиме), что означало — эти инвесторы намерены в обозримой перспективе держать Россию «на крючке». России вновь напомнили о том, что она не должна делать слишком резких движений, в том числе и защищая свои внешнеполитические интересы.

Помимо роста внешних факторов потенциальной дестабилизации ситуации в России наблюдались мощные внутриполитические факторы обострения напряженности, обусловленные рядом происшедших «структурных» изменений в российской политической ситуации, имевших принципиальный характер.

Окончательно выяснилось, что попытка Кремля подчинить своей «придворной» группе (бывшего исполнительного секретаря СНГ Б. Березовского и президента «Сибнефти» Р. Абрамовича) основные финансовые ресурсы, нужные «семье» в борьбе за удержание власти, окончилась на этом этапе в принципе безрезультатно.

В силу этой неудачи, «семье» пришлось согласиться с восстановлением прежней схемы сдержек и противовесов в окружении президента, со «вторым изданием олигархической республики», несмотря на то, что сам президент уже практически был не в состоянии сохранять в нем баланс. Борьба между противоборствующими группировками в окружении президента могла стать детонатором серьезных потрясений, крайне опасных для любого режима, раскола в верхах.

Стало очевидным, что плюрализма в окружении президента избежать не удастся и ситуация обречена оставаться предельно взрывоопасной. Б. Ельцин и его режим для своего политического выживания должны были попытаться существенно ослабить влияние оппозиции и сформировать максимально лояльную Думу, которая помогла бы президенту решить не только проблему дальнейшего пребывания у власти, но и сделать это пребывание максимально спокойным.

К тому же, по предположениям ряда политологов, Б. Ельцин и его окружение более или менее определились с тем, как решить задачу о продлении своих властных полномочий.

Озвученная президентом на встрече с руководителями региональных законодательных собраний идея о том, что «тут многие говорят, что нужно оставить все как есть» и продлить срок полномочий всех выборных органов, как известно, не нашла поддержки у элиты. Отсюда, заключили наблюдатели, у Б. Ельцина остается лишь «вариант Милошевича», то есть стать президентом «другого» государства, решив, в частности, вопрос о российско-белорусском Союзе. Другой вариант, — ускорить вопрос преемника, о чем неоднократно декларировал Б. Ельцин.

Однако Дума не намеревалась принимать на этот счет решений, оставлявших президенту надежду встать во главе этого Союза. Поэтому проблема формирования Думы, полностью лояльной президенту и его семье, выходила на первый план.

В этой связи Б. Ельцин резко активизировал подготовку к парламентским выборам, фактически прямо заявив о намерении использовать для решения этой задачи имеющиеся в распоряжении Кремля административные и силовые рычаги, и начал подогревать ситуацию.

Вскоре стало окончательно ясно, что потерпели поражение устремления ближайшего окружения Б. Ельцина, направленные на дальнейшую монополизацию власти и контроля над ведущими компаниями страны и финансовыми потоками в руках фактически одной группы, члены которой входили в ближайшее окружение, были связаны общими капиталами и родственными узами. Эта попытка, предпринятая Кремлем после падения правительства Е. Примакова, натолкнулась на серьезные препятствия.

Начатая в СМИ, контролируемых Кремлем, кампания против руководителей основных российских естественных монополий, в ходе которой группа Б. Березовского, как утверждали, не чуралась даже фабрикации так называемых заказных дел против своих конкурентов, так и не сумела в полной мере овладеть всеми необходимыми для таких целей «командными высотами» — например, Генпрокуратурой.

Слабыми и неэффективными оказались удары по группам таких конкурентов, как В. Потанин и М. Ходорковский. Судя по некоторым сообщениям, группировка Березовского — Абрамовича вела закулисные переговоры с главой «ЛУКойла» В. Алекперовым на предмет широкомасштабного передела российского ТЭК и ставила целью установление контроля над основными естественными монополиями в этой сфере.

Одной из жертв этой кампании должен был стать руководитель РАО «ЕЭС России» А. Чубайс. В СМИ, контролируемых Б. Березовским и Р. Абрамовичем, в вину А. Чубайсу было поставлено перераспределение средств из «дочерних» региональных компаний в центральный аппарат РАО, где финансы с помощью подставных структур перераспределялись в соответствии с политическими симпатиями А. Чубайса в пользу блока «Правое дело», на покупку СМИ и т. д.

Похожие обвинения были выдвинуты теми же СМИ и в адрес руководителя «Транснефти» Д. Савельева, спонсорство которого в отношении движения С. Кириенко «Новая сила» и непрофессионализм якобы привели «Транснефть» на грань банкротства.

Относительно руководителя «Газпрома» Р. Вяхирева также готовился очередной удар. Речь шла о предъявлении ему некоего компромата, ввиду чего он должен был уйти «добровольно и без скандала».

Стратегия формирования власти, прикрытой «цезаристским режимом» Б. Ельцина, потерпела неудачу под давлением «обиженных», но все еще влиятельных группировок, развернувших активную борьбу с планами Кремля как посредством СМИ, так и «кулуарными» методами.

Выразителями беспокойства этих группировок стали ряд центральных газет, телекомпания НТВ, контролируемая «Медиа-Мост» (В. Гусинский), «Газпромом» (Р. Вяхирев) и многие другие СМИ.

Даже в самой группе начались серьезные раздоры, например, из-за планов интеграции остатков неприватизированной нефтяной госсобственности («Славнефть», «Роснефть», ОНАКО) в единую структуру, государственную нефтяную компанию «Госнефть».

С одной стороны, министр топлива и энергетики В. Калюжный, под которым зашаталось кресло, хотел бы форсировать создание нового нефтяного холдинга, включив в него также СИДАНКО, контролируемую «Росбанком» В. Потанина и BP-Амосо.

Однако, с другой стороны, эти намерения явно не устраивали ни президента «ЛУКойла» В. Алекперова, ни Р. Абрамовича. Близкий к нему первый вице-премьер Н. Аксененко назвал планы создания «Госнефти» «сырыми», тем более что против включения «Славнефти» в «Госнефть» выступила Белоруссия, которой принадлежит часть акций этой компании.

Приближенная к Кремлю группировка олигархов (Б. Березовский и Р. Абрамович) не смогла не только реализовать планы подчинения своему влиянию таких естественных монополий, как РАО «Газпром», РАО «ЕЭС России», «Транснефть», но даже не сумела вернуть под свой полный контроль «Аэрофлот», а группе Б. Березовского не удалось существенно изменить ситуацию в Центробанке и вынудить уйти тогдашнюю команду в отставку. Хотя Б. Ельцин отклонял любые расширяющие права ЦБ поправки в законы, регулирующие деятельность Центробанка, вопрос о смене команды пока не был поставлен.

Тактика группы Б. Березовского принесла ощутимые результаты лишь в сфере СМИ — «люди Чубайса» были вытеснены из совета директоров ОРТ.

Кроме того, Б. Березовский с помощью ряда рокировок приобрел контрольный пакет акций «ТВ-6 Москва» у его президента и создателя Э. Сагалаева. Правда, серьезных сдвигов в работе этих СМИ не произошло, что рождало различные слухи насчет того, что Б. Березовский в очередной раз «сблефовал» и, в действительности не имея средств для приобретения и финансирования телекомпаний, приобрел ряд СМИ на деньги Л. Черного и, очевидно, для него.

К выстраиванию медиа-империи Кремля, по сообщениям СМИ, приступил и Н. Аксененко, который для начала мобилизовал для этого ведомственную желез-

нодорожную прессу, в частности, ежедневную газету МПС и ряд других. Кроме того, Н. Аксененко, видимо, участвовал в спонсировании движения кемеровского губернатора А. Тулеева «Возрождение и единство».

Эти и другие аргументы давали основание говорить о серьезных издержках в деятельности команды Б. Березовского и достижении нового внутриэлитного консенсуса вокруг А. Чубайса как лидера, чьи позиции практически остались неуязвимы — президентская сторона согласилась на поправку в устав РАО ЕЭС, смысл которой заключался в том, что председателя правления можно отстранить от должности не простым большинством акционеров (50 процентов плюс 1 голос), а только квалифицированным (75 процентов плюс 1 голос).

Кроме того, в состав совета директоров РАО были введены, наряду с рядом близких к А. Чубайсу фигур, представители интересов некоторых других финансово-промышленных групп, враждовавших с Б. Березовским. В частности, А. Задернюк — протеже Б. Немцова, советник премьера по ТЭК, председатель совета директоров «Транснефти»; бывший первым замом у прежнего министра топлива и энергетики С. Генералова С. Чижов.

Именно С. Чижов, как следовало из ряда сообщений, опираясь на поддержку команды А. Чубайса, сорвал планы В. Калюжного по смещению президента «Транснефти» Д. Савельева и выдвижению на этот пост кандидатуры вице-президента «ЛУКойла» С. Вайнштока. Одновременно, в качестве гаранта интересов Кремля и «семьи» председателем совета директоров РАО ЕЭС был назначен глава президентской администрации А. Волошин.

По мнению большинства аналитиков, формирование тандема Волошин — Чубайс говорило о новом усилении влияния председателя правления РАО ЕЭС на власть и о восстановлении традиционной для Б. Ельцина схемы «сдержек и противовесов» в своей команде.

В то же время, лидирующая роль А. Чубайса в лагере олигархов, противостоящих группировке Б. Березовского — Р. Абрамовича, несомненна.

Кроме того, по некоторым сведениям, А. Чубайса

в его противостоянии с группой Березовского — Абрамовича поддержали глава холдинга «Медиа-Мост» В. Гусинский, президент «Росбанка» В. Потанин, председатель Внешэкономбанка А. Костин, лидер группы «Юкос-Роспром» М. Ходорковский, а также тогдашний премьер С. Степашин, пытавшиеся использовать усиление А. Чубайса для укрепления собственных позиций. По некоторым косвенным признакам, привилегия А. Чубайса была преподнесена ему в подарок олигархами в качестве благодарности за проделанную председателем правления работу по консолидации усилий олигархов в борьбе с наступавшим «семейством».

Таким образом, президентская сторона была вынуждена вернуться от попыток монополизировать основные ресурсы в руках одного олигархического клана к опоре на большинство олигархов, т. е. ко «второму изданию олигархической республики».

Кремлю это решение далось, очевидно, с большим трудом и через фундамент нового здания олигархической республики прошли глубокие трещины. Так, выступая на Первом Всемирном конгрессе русской прессы, который проходил в разгар внутрикремлевской борьбы вокруг судьбы естественных монополий, Б. Березовский, потерпевший в этой борьбе поражение фактически по всем позициям, обвинил руководство страны в отсутствии внятного внешне- и внутриполитического курса.

Аналитики прогнозировали, что скорее всего второе здание олигархической республики окажется еще менее устойчивым, чем первое. Их аргументы: маски давно сброшены, все участники игры имеют в своем распоряжении горы компромата друг на друга, четко поделены на «своих-чужих», ни в малейшей мере не доверяют друг другу, а тем более больному президенту. Достаточно искры, чтобы столь взрывоопасная смесь взорвалась, не оставив камня на камне от некоего подобия стабильности.

Следующая задача была сформулирована президентом еще в его послании Федеральному собранию. В нем, как отмечали аналитики, под предлогом проведения «честных выборов» Б. Ельцин, по сути дела, обосновал свой вариант строительства «управляемой демократии».

В начале июня президент непосредственно приступил к решению этой задачи.

В течение июня кремлевское руководство начинает постоянно уделять внимание предстоящим выборам в Государственную думу. В своем выступлении 12 июня на торжественном приеме в Кремле президент уже коснулся этой темы. Затем состоялось общероссийское совещание председателей избирательных комиссий субъектов РФ. Прошло заседание комиссии по борьбе с экстремизмом, на котором было решено передавать в избирательные комиссии оперативные данные МВД о связях кандидатов в депутаты с преступным миром. Это открывало самые неограниченные возможности для различных манипуляций, которые могли осуществляться, вероятно, хорошо известным с 30-х годов методом анонимных намеков — мол, «органам» все известно, но, поскольку речь идет об оперативной информации, то разглашаться она не может. В СМИ появились намеки, что речь может пойти не о каких-нибудь мелких сошках, «но и об очень крупных политиках».

После встречи Б. Ельцина с С. Степашиным стало ясно, что маховик подготовки к «управляемым выборам» запущен во всю мощь. Судя по итогам этой встречи, Б. Ельцин намеревался в ближайшее время обсудить различные «электоральные сценарии» с губернаторами и политическими лидерами, выбрав, очевидно, наиболее подходящий для себя и своей семьи. Самому С. Степашину Б. Ельцин поручил «продумать место и роль правительства» в предстоящей предвыборной кампании в Госдуму. По словам С. Степашина, очевидно, выразившего и мнение президента, «руководство страны не может быть безучастным к активной политической борьбе, которая начинается накануне выборов». Иными словами, Кремль, очевидно, намеревался вмешаться в эту борьбу и взять на себя функцию управления избирательным процессом.

Апофеозом претензий Кремля на управление избирательным процессом стала публичная порка, учиненная президентом на встрече 29 июня министру юстиции П. Крашенинникову за то, что тот не предпринял радикальных мер против компартии.

Одновременно в Москве состоялось второе Всероссийское совещание органов ФСБ «О задачах органов

ФСБ России по обеспечению безопасности в стране в период подготовки и проведения выборов в Государственную думу» с участием руководителей силовых ведомств. Им президент поручил обеспечить контроль над избирательным процессом и не допускать в Думу «преступников и жуликов».

По мнению экспертов, очевидная юридическая безграмотность, грубейший полицейский произвол, допущенные перед выборами российскими властями, походя нарушивших правовые нормы, которые (статья 49), не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (см. гл. 2, ст. 56, ч. 3), означали, что Б. Ельцин и его окружение готовы были перейти черту, отделявшую правовой порядок от диктатуры.

Скорее модернизируя, чем создавая, систему сдержек и противовесов, как фундамент своей власти, Кремль принципиально исключал из этой системы Ю. Лужкова. В частности, это было видно уже из того, что в новый состав совета директоров РАО «ЕЭС России» не был введен первый заместитель председателя правительства Москвы Б. Никольский, несмотря на то, что РАО ЕЭС являлось одним из основных должников бюджету Москвы. Это обстоятельство вполне могло стать еще одним поводом для углубления конфликта между Кремлем и московской мэрией. Кроме того, А. Чубайс, борясь с командой Березовского — Абрамовича, поддержал С. Кириенко, имевшего свои интересы в «Транснефти», которая также оказалась под контролем Р. Абрамовича.

Аналогичный ход, нацеленный на изоляцию Ю. Лужкова, был сделан президентской командой и в отношении группы В. Гусинского — близкий к ней бывший первый вице-премьер В. Булгак лишился поста в правительстве и получил пост председателя совета директоров «Связьинвеста». Были заметны усилия, которые могли бы заставить В. Гусинского заметно дистанцироваться от московского мэра. Вместе с тем, по мнению ряда экспертов, это дистанцирование носило вполне обратимый характер, и Ю. Лужков назначил С. Ястржембского председателем совета директоров «ТВ-Центра». Правда, многие поспешили оценить это как шаг к интеграции московского канала с «Медиа-Мост», но это было поспешное и необоснованное мнение.

Президенту и близким к нему кругам не удалось однако уломать Ю. Лужкова отказаться от далеко идущих планов участия в президентской кампании, ограничить свои притязания продолжением деятельности на посту мэра. Было ясно, что у Ю. Лужкова главной задачей должны стать попытки прорвать блокаду, которую пыталась установить вокруг него президентская команда.

Он создал новую РР-команду. Вице-мэру С. Ястржембскому было поручено информационное обеспечение предвыборной кампании «Отечества». К мэру перешел и небезызвестный С. Лисовский, один из авторов президентской кампании 1996 года «Голосуй или проиграешь!». У многих наблюдателей трудно объяснимое избрание С. Лисовского, «человека с чудовищной репутацией» (В. Стрелецкий), в совет директоров «ТВ-Центра» вызвало искреннее недоумение. В будущем будут очевидны не только серьезные изъяны этих кадровых ошибок, а, прежде всего, серьезные последствия с подбором команды, в принципах которых трудно было увидеть логику.

Неудачно закончились и усилия Кремля помешать сближению «Отечества» Ю. Лужкова с движением «Вся Россия» президента Татарстана М. Шаймиева, который достаточно резко заметил, что не видит оснований для разрыва партнерских отношений с Ю. Лужковым.

Московский мэр предпринял ряд активных поездок по регионам, руководители которых участвовали в движении «Вся Россия». В частности, он нанес визит в Кабардино-Балкарию и Чувашию. Негативная позиция регионов по отношению к Кремлю, кстати, стала одним из препятствий на пути планов монополизации власти и собственности в руках «семьи», предопределила провал планов создания пропрезидентского избирательного блока «Россия» и угрожала срывом соглашений о кредитах с МВФ.

Ю. Лужков и члены его команды выступили с рядом интервью в российской и зарубежной прессе весьма широкого политического диапазона. Так, К. Затулин дал интервью резко оппозиционно настроенной по отношению к президенту и к самому Ю. Лужкову газете «Завтра». Это говорило о том, что мэр намерен активно вести кампанию и на поле оппозиции. Кроме

того, Ю. Лужков принял участие в традиционном празднике газеты «Московский комсомолец», что дало ему ряд информационных поводов.

Доброжелателей и противников мэра интересовало главное: сумеет ли Ю. Лужков выйти из нарастающей изоляции, найти союзников, расколоть сплачивавшийся против него кремлевский фронт? Отвечая на этот вопрос, аналитики подчеркивали: все это станет ясным уже достаточно скоро, так как спираль политического кризиса в стране продолжала раскручиваться очень быстро.

Из досье «Жизнь по-российски. Первая половина 1999 г.»

Основные социально- экономические показатели России в первом полугодии 1999 года по данным Российского статистического агентства были относительно стабильными.

По сравнению с первым полугодием 1998 года рост промышленного производства в России составил 3,1 процента, грузооборот предприятий транспорта увеличился на 3 процента (в том числе железнодорожного транспорта — на 10,7 процента).

Промышленностью страны было произведено продукции на сумму 1 трлн. 262 млрд. рублей. В июне 1999 г. рост производства составил 9 процентов по сравнению с июнем 1998 года и 1,6 процента по сравнению с предыдущим месяцем.

По итогам второго квартала 1999 года промышленное производство в России возросло на 5 процентов по сравнению со вторым кварталом 1998 года, однако снизилось на 1 процент по сравнению с первым кварталом текущего года.

Вместе с тем объем инвестиций в основной капитал уменьшился в первом полугодии 1999 года на 1,7 процента по сравнению с тем же периодом предыдущего года.

Производство продукции сельского хозяйства снизилось на 3,6 процента, оборот розничной торговли — на 14,2 процента.

По сообщениям Минфина РФ, в июне было перечислено на зарплату бюджетникам, финансируемым из федерального бюджета, более 95 процентов от запланированного объема. В полном объеме были профинан-

сированы расходы по выплате зарплаты сотрудникам судебных организаций, учреждений культуры и искусства, СМИ.

Более чем на 99 процентов было обеспечено финансирование выплаты денежного довольствия военнослужащим по разделам «Национальная оборона» и «Правоохранительная деятельность и национальная безопасность».

Практически полностью выполнен лимит бюджетных обязательств по выплатам стипендий студентам образовательных учреждений федерального ведения, в полном объеме в июне направлены средства федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда России.

Полностью были профинансированы выплаты пенсий военным пенсионерам, а также пенсионерам правоохранительных органов.

В целом суммарная задолженность по заработной плате в июне 1999 года снизилась на 3,4 процента, или на 2 млрд. 089 млн. руб., и к 1 июля составила 58 млрд. 964 млн. руб.

По данным статистики, из общей суммы задолженности по заработной плате долги, вызванные недофинансированием из бюджетов различных уровней, составляли к 1 июля 14 млрд. 605 млн. руб., что на 0,2 процента превышало показатель 1 июня. Из этой суммы долги федерального бюджета составили 2 млрд. 662 млн. руб. (снижение за месяц на 6,1 процента), долги, вызванные недофинансированием из региональных бюджетов — 11 млрд. 943 млн. руб. (рост за месяц на 1,8 процента).

Основная масса долгов по заработной плате приходилась на производственные отрасли, где их сумма достигала 43 млрд. 304 млн. руб., в том числе в промышленности — 23 млрд. 665 млн. руб., в сельском хозяйстве — 9 млрд. 191 млн. руб., в строительстве — 7 млрд. 050 млн. руб., на транспорте — 3 млрд. 398 млн. руб. В отраслях социальной сферы сумма долгов по зарплате достигала 15 млрд. 660 млн. руб., в том числе в образовании — 3 млрд. 485 млн. руб., в коммунальном хозяйстве — 3 млрд. 704 млн. руб., в жилищном хозяйстве — 2 млрд. 843 млн. руб. (остальные в других отраслях).

Основная масса бюджетных долгов по зарплате приходилась на отрасли социальной сферы — 11 млрд. 555 млн. руб., тогда как на производственные отрасли лишь 3 млрд. 050 млн. руб.

Задолженность Пенсионного фонда России (ПФР) перед пенсионерами составляла 11,7 млрд. рублей. Задержка по выплате пенсий по сведениям Минтруда России составляла в среднем 3 недели, в 5—6 регионах — полтора месяца, а в более чем в 29 регионах она была полностью погашена. Поступления от страховых взносов увеличивались, в частности, за июнь они увеличились примерно на 10 процентов.

Задолженность предприятий и организаций перед Пенсионным фондом составляла к середине лета 1999 года 131 млрд. рублей. В случае погашения задолженности ПФР имел бы возможность не только погасить задолженность перед пенсионерами, но и проиндексировать пенсии, что было крайне необходимо, так как прожиточный минимум пенсионера, например, в мае 1999 года составлял в России 656 рублей, а средний размер назначенной пенсии с учетом компенсации — 448,2 рубля, или 68,4 процента от величины прожиточного минимума. Между тем в мае 1998 года средняя пенсия в России на 30,7 процента превышала прожиточный минимум пенсионера.

Но простого избирателя, как правило, не интересовали макроэкономические показатели, ему важно было знать, что его ждало в ближайшем будущем, насколько будут расти потребительские цены, будет ли при этом расти реальная заработная плата, не потеряет ли он работу, сможет ли прокормить своих близких.

Инфляция на потребительском рынке России составила в первом полугодии 1999 года 24,5 процента, в том числе в июне — 1,9 процента. За первые 6 месяцев 1998 года инфляция составляла 4,1 процента.

Цены на продовольственные товары за первую половину 1999 г. выросли на 26 процентов (в том числе в июне — на 1,7 процента), на непродовольственные товары — на 23,7 процента (1,6 процента), тарифы на платные услуги населению — на 19,3 процента (3,5 процента).

Между тем, за первую половину 1998 года продовольствие подорожало всего на 5 процентов, непродо-

вольственные товары — на 1,3 процента, услуги — на 6,7 процента.

Самая высокая инфляция в июне 1999 года была зафиксирована в Томской области — 11,4 процента. На 4,4—4,8 процента выросли цены в Республиках Тыва, Алтай, Хакасия. В Москве инфляция составила лишь 1 процент (с начала года — 30,6 процента), в Санкт-Петербурге — 0,8 процента (29,1 процента).

Набор из 25 основных продуктов питания подорожал в среднем по России за июнь на 3,2 процента (с начала года — на 38 процентов) и к концу месяца достиг стоимости 587,3 рубля на человека в расчете на месяц. Самым дорогим набор был в Якутске (917,1 рубля), Магадане (890,9 рубля), Петропавловске-Камчатском (851,5 рубля), самым дешевым — в Саранске (442,5 рубля), Ульяновске (459,0 рубля), Казани (477,2 рубля). В Москве набор в конце июня достиг стоимости 732,9 рубля.

Среди продовольственных товаров в первом полугодии 1999 года больше всего подорожал хлеб и хлебопродукты (на 33,4 процента), крупы и бобовые (на 29,3 процента), алкоголь, а также рыба и морепродукты (на 26,2 процента). Только за июнь цены на крупу и бобовые выросли в среднем на 9,6 процента (в том числе на гречневую крупу — на 19,0 процента, манную — на 7,3 процента), на муку — на 8,5 процента, на хлеб и хлебопродукты — на 3,9 процента. Из-за сезонного удорожания в июне выросли цены на плодоовощную продукцию на 6,0 процента, картофель подорожал на 23,2 процента, морковь — на 17,4 процента, свекла — на 13,5 процента.

Рост цен происходил на фоне падения реальных доходов населения. Средняя зарплата одного российского работника в июне составила 1 тыс. 619 руб., что на 45,1 процента больше, чем в июне 1998 года, и на 10 процентов больше, чем в мае 1999 года. Вместе с тем реальная зарплата (скорректированная на инфляцию) по сравнению с июнем предыдущего года снизилась на 34,3 процента, хотя по сравнению с маем текущего года — выросла на 7,9 процента.

В целом за первое полугодие 1999 года номинальная зарплата одного российского работника выросла на 32,3 процента по сравнению с тем же периодом предыдущего

года, тогда как ее реальная величина уменьшилась на 36,9 процента.

Прожиточный минимум одного россиянина в июне 1999 года составил 950 руб. в расчете на месяц и по сравнению с июнем 1998 года увеличился более чем вдвое — на 118,1 процента. В среднем за месяц по итогам первого полугодия 1999 года величина прожиточного минимума составляла 872 руб., что было на 103,4 процента больше, чем в первой половине предыдущего года.

Если в целом по России прожиточный минимум по итогам первого полугодия составил 872 руб., то для трудоспособных граждан его величина составила 953 руб., для пенсионеров — 619 руб., для детей — 873 руб.

Постоянно рос уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда, который достиг в конце июня 14,2 процента экономического активного населения. В то же время уровень зарегистрированной безработицы составлял лишь 2,2 процента экономически активного населения.

Расхождение в цифрах объясняется тем, что согласно методологии Международной организации труда к безработным относятся все граждане, не имеющие работы, активно ее ищущие любыми способами и готовые приступить к ней в кратчайшие сроки, а в соответствии с действующим российским законодательством безработными не считаются граждане, отказавшиеся в течение 10 дней со дня обращения в службу занятости от двух вариантов подходящей работы или не явившиеся в срок, установленный им для регистрации в качестве безработного. Кроме того, в комитеты труда и занятости обращались в основном те, кто окончательно потерял надежду самостоятельно найти работу и не имели никаких дополнительных источников дохода.

Большая же часть незанятых граждан не спешила прибегать к помощи государства. Во-первых, это было связано с лишними формальностями. Во-вторых, состояние бюджета не позволяло своевременно выплачивать хоть какое-то существенное пособие по безработице. В-третьих, вакансии, которые предоставляли гражданам службы занятости, были связаны с низко-

оплачиваемой работой, мало соответствовавшей желаниям и профессиональному уровню соискателей. И даже этих вакансий, как правило, было недостаточно. Например, в Республике Ингушетия на одно место претендовало 355 человек.

Ни высшее, ни среднее специальное образование не являлось гарантией трудоустройства, так как лица с профессиональным образованием составляли 53 процента зарегистрированных безработных.

Люди среднего возраста, от 30 до 50 лет, составляли более 60 процентов зарегистрированных в комитетах труда и занятости. В крупных городах серьезнейшие проблемы с трудоустройством возникали у лиц с техническим образованием — наиболее распространенным на просторах бывшего Советского Союза.

Около 32 процентов безработных составляли молодые люди в возрасте до 30 лет. Среди занятых работали не по специальности больше половины выпускников вузов, треть выпускников ПТУ и три четверти выпускников техникумов. Из этих данных следовало, что образовательная система России в массовом порядке производила невостребованных специалистов.

Устойчивое сокращение спроса на рабочую силу после августа 1998 года наблюдалось практически во всех сферах экономики. Наибольшее снижение численности занятых произошло в сельском хозяйстве (7,7 процента), промышленности (6,3 процента), на транспорте (5,4 процента). Существенное увеличение контингента безработных шло также за счет научных работников, служащих, строителей, учителей.

Из регионов к числу рекордсменов относились Корякский и Ненецкий автономные округа, Республика Ингушетия, Мурманская область — там уровень только регистрируемой безработицы превышал 7 процентов трудоспособного населения.

С большой степенью вероятности можно было предположить, что именно среди этих избирателей и членов их семей и находились люди, готовые продать свой голос, так как, по данным социологических опросов, 30 процентов избирателей с удовольствием обменяли бы свой голос на конкретные блага (продуктовый набор, деньги и т. п.).

И в июле в России продолжался дальнейший значи-

тельный рост цен на важнейшие виды продовольственных и промышленных товаров.

Среднесуточный прирост потребительских цен с 1 по 19 июля составил 0,115 процента против 0,063 процента по итогам июня. С начала года до середины июля инфляция в России составила 27,2 процента. Рост цен на продукты питания, например, в Москве шел и в то время, когда традиционно стоимость продовольственных товаров должна снижаться, так как при появлении в достаточном количестве овощей и фруктов потребительский спрос плавно перетекает на этот сегмент продовольственного рынка. Но несмотря на начавшийся овощной сезон, цены неуклонно ползли вверх. Рекордсменом по повышению цен в Москве стала гречневая крупа, стоимость которой в середине июля достигла 25 рублей за килограмм.

Упало до нижнего предела медицинских обоснованных норм потребление россиянами молочных продуктов.

Все те преимущества, которые получила отечественная промышленность от девальвации рубля, грозили растаять уже в ближайшем будущем — сужение потребительского спроса со стороны основной массы населения в конечном итоге вело к падению объемов производства и новому экономическому кризису.

В чем же причина этого явления? Почему вдруг достаточно устойчиво замедляющаяся на протяжении первых месяцев года инфляция (январь — 8,5 процента, февраль — 4,1 процента, март — 2,8 процента, апрель — 3,0 процента, май — 2,2 процента, июнь — 1,9 процента) начала опять расти?

Некоторые специалисты объясняли это явление двумя основными причинами. Во-первых, ростом цен на бензин, во-вторых, введением с 1 июля некоторых видов налогов, которые в конечном итоге выплачивались за счет простых избирателей.

В июне 1999 года индекс потребительских цен на автомобильный бензин составил 114,5 процента (за май — июнь — 141,3 процента, а к декабрю 1998 года — 159,9 процента). Индекс потребительских цен на товары и услуги за полугодие составил 124,5 процента.

Было отмечено увеличение цен на бензин в 70 регионах Российской Федерации, из них в 47 — более чем на

15 процентов. В Республике Тыва бензин автомобильный подорожал практически в 2 раза, в Ульяновской и Костромской областях, Республиках Хакасия и Калмыкия — на 41,6 — 49,1 процента (в наибольшей степени в этих регионах подорожал бензин марки А-76).

Несмотря на предпринятые попытки сдержать цены на бензин и подписание нашумевшего картельного соглашения, потребительские цены на бензин в июле продолжали ползти вверх и с 1 по 12 июля 1999 года повысились на 6,8 процента.

Бензин марки А-76 подорожал с начала июля на 5,9 процента, в том числе с 6 по 12 июля - на 3,0 процента. Бензин марки А-92 (АИ-92, АИ-93 и т. п.) стал дороже на 7,3 процента за период с начала месяца и на 4,6 процента — с 6 по 12 июля.

Статистики отмечали, что в 50 регионах России стоимость бензина с 5 по 11 июля увеличилась, в том числе в 13 регионах цены на бензин выросли более чем на 10 процентов. Наибольший рост цен произошел в Ростове-на-Дону (на 19,9 процента) и Биробиджане (на 19,4 процента).

Однако на этом рост цен не остановился. Новый скачок стоимости моторного топлива последовал уже на следующей неделе. В отдельных регионах стоимость горючего подскочила едва ли не вдвое — так, например, во Владивостоке АИ-93 подорожал с 2,8 рублей за литр до 4,8, в Ростовской области за 10 дней — с 5 рублей до 8 рублей за литр, на кубанских автозаправках 7 рублей за литр. К тому же южные районы страны, где полным ходом шла уборка урожая, страдали не только от дороговизны, но и от дефицита бензина. Топливный кризис в России не ограничивался исключительно дефицитом высокооктановых бензинов, но и низкооктанового — основного топлива промышленного автомобильного транспорта, так как соотношение оптовых и розничных цен на бензин АИ-80 и дизельное топливо подошло «к критической отметке» и в сложившейся ситуации владельцы отказывались от реализации через свои автозаправочные станции низкооктановых сортов топлива. Многие частные заправки закрылись. Учитывая, что в Российской Федерации действовало 29,3 тысячи автозаправочных станций, из которых 87 процентов — негосударственной формы собственности, 13

процентов — государственной и муниципальной формы собственности, административными методами эту проблему решить было невозможно.

Волна бензинового подорожания подбиралась к относительно благополучной Москве. К концу июля, по мнению специалистов, следовало ожидать повышения стоимости моторного топлива в Москве на 7—10 процентов. Это было связано с тем, что начался отток моторного топлива с более дешевого столичного рынка в регионы. И хотя запасы бензина в Москве были рассчитаны на 16 дней, при продолжении такой тенденции они могли истощиться очень скоро.

Объясняя очередной этап роста цен, называли разные причины — от сговора владельцев АЗС и оптовых поставщиков горючего, которые таким образом реагировали на предложения правительства увеличить экспортные пошлины на нефть (22 июля постановление об увеличении экспортной пошлины на вывоз сырой нефти из России за 5 евро за тонну было подписано, таким образом, пошлина составляла 7,5 евро за тонну), до нехватки топлива из-за массового экспорта нефти и начала уборочной страды.

В то же время рост цен на бензин был предсказуемым — в течение последних месяцев наблюдался слишком большой разрыв между внутренними и внешними ценами на нефть. Так, по данным Российского статистического агентства, если в январе 1999 года соотношение цен на нефть внутри страны с ценами на мировом рынке составляло 22,3 процента, то к июню нефть внутри страны стала дешевле относительно мировой цены, и это соотношение составило 18,3 процента.

Желание нефтяных компаний отправлять нефть за границу вполне объяснимо, и в принципе упрекать их в этом было довольно сложно, поскольку основной задачей любого нормального предпринимателя является извлечение прибыли из своей деятельности и он с удовольствием продает свой товар по более выгодной цене. А в случае ограничения экспорта можно было ожидать, что предприниматели не будут мириться с потерями прибыли и попытаются компенсировать ее за счет внутреннего рынка. Несмотря на то что в основных нефтедобывающих странах государство является ве-

дущим собственником в нефтяном секторе, доля государственной собственности в добыче российской нефти составляла чуть более 10 процентов. Поэтому вызывало беспокойство приостановление работ по организации государственной нефтяной компании (ГНК), которая могла бы стать в какой-то мере конкурентом частным компаниям (более того, часть акций компаний, которые планировались включить в состав ГНК, предполагалось продать).

Совершенно очевидно, что для рядовых избирателей такое развитие событий сулило мало приятного, поскольку за ростом цен на бензин последовало бы удорожание всех прочих товаров — горючее ведь является частью затрат на производство практически любой продукции. Это привело бы к дальнейшему росту инфляции, за которой последовало бы очередное обесценение рубля.

Другой основной причиной всплеска июльской инфляции стало введение некоторых видов налогов.

Так, в соответствии с постановлением правительства Российской Федерации от 22.05.99 г., с 1 июля из перечня продовольствия, облагаемого льготным 10-процентным НДС, были исключены сахар, мясо и мясопродукты, яйца, рыба, а также море- и рыбопродукты, которые являются основными продуктами питания.

Согласно расчетам, повышение ставки НДС на указанные продукты питания должно было позволить дополнительно привлечь в бюджет 5 млрд. рублей. Однако, по оценкам специалистов Минсельхозпрода России, достижение этого показателя маловероятно, поскольку рост цен на исключенные из перечня продукты привел бы к снижению спроса на них, сокращению их производства и, как результат, уменьшению налоговых отчислений. К примеру, на мясо и мясопродукты спрос и без того настолько упал, что комбинаты вынуждены были останавливать свои линии. Потребление мяса на душу населения снизилось с 69 кг в 1991 году до 48 кг в 1998 году, а его производство с 63 кг на душу населения в 1991 году упало до 31 кг в 1998-м.

Эксперты Минсельхозпрода считали, что из-за повышения ставки НДС убытки мясной промышленности могли возрасти с 0,9 млрд. рублей в 1998 году до 3 млрд.

рублей в 1999 году, а сахарной — с 0,5 млрд. до 1 млрд. рублей соответственно.

Введение налога с продаж, который фактически изымался у рядового покупателя, также внесло свою лепту в повышение цен.

В регионах отмечалось протестное движение со стороны предпринимателей на введение с 1 августа в действие закона «О едином налоге на вмененный доход». Большинство коммерсантов не намеревались платить начисленные им суммы, тем более что платить приходилось авансом. В случае если введение закона не было бы отложено, предприниматели собирались в массовом порядке сдавать лицензии на право торговли и прочие виды деятельности, подпадавшей под этот налог. Особенно активно выступали в акциях протеста предприниматели Волгограда и Омска. Как правило, они пользовались поддержкой со стороны местных властей.

Прогнозировалось, что в период подготовки к выборам, помимо интенсивной войны компроматов как части информационных войн, социальный фактор будет играть одну из ключевых ролей в критике экономической ситуации в стране и рядовой избиратель, скорее всего, отдаст свой голос за того кандидата, который заявит об этом наиболее убедительно, ярко и эмоционально.

Политический процесс к концу июля начал приобретать несвойственное для лета оживление. Причина была очевидна и связана, прежде всего, с приближением электорального цикла. Большинство политиков стремились использовать месяц, отделяющий страну от начала парламентской кампании, для решения стратегических и тактических проблем, среди которых важнейшую роль играл вопрос о союзниках. В завершающую стадию вступил процесс формирования блоков, определения их составов.

Но главное, что обостряло ситуацию, — Россия стояла накануне смены лидера и его команды, цикла смены политических поколений.

Явно нарастали и признаки того, что характерные для последнего времени попытки Кремля сохранить

под своим контролем ход и направление предвыборной борьбы, обеспечить гарантии политического выживания для действующего президента и после 2000 года натолкнулись на серьезные препятствия. Главным из них стал переход позиционного противостояния между Кремлем и столичным мэром Ю. Лужковым в фазу открытого конфликта.

Прологом нового резкого обострения ситуации послужили попытки президентской команды начать фронтальную атаку на позиции той части истеблишмента, которая выступала против претензий президента и его клана монополизировать политическое лидерство вопреки требованиям Конституции, отражающим минимальный внутриэлитный консенсус относительно правил политического поведения.

Обстановка, в которой Кремлю пришлось начинать эту атаку, оказалась крайне неблагоприятной для президента и его команды. Оценивая ситуацию, следует обратить внимание на три фактора.

Во-первых, Кремлю так и не удалось найти общий язык с Западом. После демаршей Москвы в Югославии, маневров «Запад-99» (когда была имитирована атака ядерных бомбардировщиков на восточное побережье США), западный, прежде всего американский, истеблишмент пришел к выводу, что российский президент может превратиться и уже превращается из партнера Запада если не в его потенциального противника, то по меньшей мере в нового Ельцина. К тому же Москва взяла курс на восстановление старых связей с клиентами Советского Союза по линии военно-технического сотрудничества (Сирия, Индия; вопрос о возобновлении сотрудничества явился одним из основных на переговорах России с министрами иностранных дел Перу и Монголии). Западу не нравилось и стремление Б. Ельцина форсировать создание союзного государства («слабой федерации») с Белоруссией, и курс на усиление в президентском окружении позиций генералитета.

По-видимому, не случайно западные политические круги и СМИ начали проявлять откровенную заинтересованность в разоблачении коррупции в окружении Ельцина. Так, швейцарские правоохранительные структуры вольно или невольно были вовлечены в россий-

скую внутриполитическую борьбу, что окончательно испортило репутацию и резко ослабило позиции Кремля в его противостоянии с внутренними оппонентами.

После обысков в близких к Б. Березовскому компаниях «Андава» и «Форюс» в Швейцарии, правоохранительные органы этой страны продолжили следственные действия в отношении как самого Березовского, так и других бизнесменов, действовавших вместе с ним. Однако главные разоблачения тогда еще не были сделаны. Так, по сообщениям оппозиционной прессы, в конгрессе США в июле изучался доклад о финансовых злоупотреблениях фирмы «Фимако» — с помощью «прокрутки» через нее средств якобы обогащался сам Б. Ельцин и его ближайшие родственники.

Во-вторых, после ухода в отставку правительства Е. Примакова вновь резко понизился моральный уровень истеблишмента. По оценкам западной прессы, будучи пойманы за руку, околокремлевские коррупционеры вели себя на редкость неуклюже, демонстрировали поразительную толстокожесть и окончательно скомпрометировали президента.

С крайним недоумением и раздражением, например, обществом был воспринят тот факт, что вслед за громогласными заявлениями самого президента и премьера о недопустимости проникновения в парламент криминальных элементов, Б. Березовский сразу после того, как в Швейцарии были проведены обыски в контролируемых им фирмах, публично заявил о намерении баллотироваться в нижнюю палату.

Это заявление прозвучало странно еще и потому, что следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Н. Волков, ведущий дело Б. Березовского, ожидал из Швейцарии документы, полученные в ходе обысков в вышеупомянутых швейцарских фирмах. Подавляющее большинство комментаторов усмотрели в намерении Березовского заручиться депутатским мандатом ничем не прикрытое стремление обзавестись иммунитетом на случай неблагоприятного для него исхода следствия.

После подобных заявлений президентская кампания, которую начали раскручивать власти под предлогом возведения барьеров перед криминалитетом,

рвущимся в нижнюю палату, рисковала потерять свою легитимность, превратившись в глазах общества в механизм искусственного политического отбора («одним можно, а другим — нет, где же справедливость?!»).

Не менее болезненно било по позициям Кремля и правительства поведение возвратившегося в страну бывшего мэра Санкт-Петербурга А. Собчака, который, как и Б. Березовский, привлекаемый в качестве свидетеля по уголовному делу его бывших подчиненных, обвиняемых во взяточничестве в крупных размерах, так же немедленно включился в борьбу за думское кресло (было даже объявлено, что А. Собчак может возглавить региональный список «Правого дела» в Санкт-Петербурге).

По мнению ряда обозревателей, возвращение в публичную политику скомпрометированных в глазах большинства, причем не только в России, но и за рубежом, деятелей вроде А. Собчака или Б. Березовского сгустило скандальную атмосферу, сложившуюся вокруг Кремля, и давало серьезные преимущества морально-политического порядка противникам президента.

На подрыв легитимности режима работала и линия Кремля на купирование следственных действий Генпрокуратуры, затрагивающих интересы семьи президента. В прессу просочилась информация о том, что Кремль якобы планировал отстранение и. о. генпрокурора Ю. Чайки, не оправдавшего-де надежд и пока не закрывшего ни одного из громких дел, расследуемых Прокуратурой России. По сообщениям СМИ, на пост главы Генпрокуратуры прочили замгенпрокурора по Северному Кавказу В. Устинова, которого считали близким некоторым олигархам и банкирам, рассчитывавшему на то, что Устинов обеспечит закрытие дел, затрагивающих известных фигурантов.

Свой вклад в деградацию авторитета власти внесло и руководство Главной военной прокуратуры. Оно вывело за штат и отстранило от работы начальника надзорного отдела ГВП генерал-майора Ю. Баграева, подписавшего в апреле 1999 года заключение, в котором было признано противозаконным возбуждение дела против Ю. Скуратова.

Эта новая «акция устрашения» немедленно дала

ход разоблачению очередных пикантных подробностей, сопутствовавших отставке Ю. Скуратова: ряд СМИ немедленно предоставили опальным Ю. Баграеву и Ю. Скуратову трибуну, с которой они поведали о нравах, царящих в правоохранительных органах, попавших полностью в зависимость от Кремля и вынужденных выполнять его «заказы». Неудивительно, что общественным мнением жест властей в отношении Ю. Баграева был воспринят как унижение закона и очередная публичная демонстрация кремлевского всевластия.

Не вполне адекватно, кстати, продолжал вести себя в ситуации, складывавшейся вокруг Генпрокуратуры, и премьер С. Степашин, который не скрывал, что поддерживает кандидатуру В. Устинова. В конечном счете участие в делах «семьи», которая, как считали многие, абсолютно заблуждалась в отношении возможности сохранить не только политическое влияние, но и собственность после 2000 года, бросало тень и на репутацию премьера, лишало его политического будущего.

В связи с предположениями относительно новых репрессалий, которые Кремль уготовил для руководства Генпрокуратуры, некоторые эксперты ставили и обострение ситуации вокруг Е. Строева. Против него уже в течение нескольких месяцев велась «война компроматов», которая началась после того, как Кремлю не удалось добиться от Совета Федерации отставки Ю. Скуратова.

В середине июля в борьбу с Е. Строевым вступил президент Ингушетии Р. Аушев. Он, как считали, по согласованию с Кремлем выступил с требованием ротации в руководстве СФ. Эту лобовую атаку, видимо, можно соотнести с тем обстоятельством, что как Генпрокурор, так и его заместители назначаются и снимаются по предложению президента Советом Федерации. Инициируя уход Е. Строева с поста председателя верхней палаты, Кремль явно добивался получения позиционных преимуществ в борьбе за Генпрокуратуру.

Примечателен и тот факт, что накануне ухода в отпуск президент дал понять, что сочтены дни пребывания на посту близкого к премьеру министра юстиции

П. Крашенинникова, дважды подвергнув последнего публичному разносу за бездействие в отношении КПРФ.

Этот разнос, имевший место на фоне всем известного факта, что проверка компартии Минюстом не выявила каких-либо серьезных нарушений, о чем министерство официально уведомило публику, произвел негативное впечатление на общественное мнение.

В его глазах этот шаг Ельцина наглядно продемонстрировал, что президент подталкивает российскую юстицию на нарушение принципов права ради политической целесообразности. Правда, как заявил пресс-секретарь президента Д. Якушкин, Кремль «выработал иммунитет» по отношению к общественному мнению, поэтому с точки зрения властей речь шла о факторах, которые можно не принимать во внимание.

Показательно в этой ситуации настроение в массовом общественном мнении, которое складывалось крайне неблагоприятно для Кремля.

Социологические исследования показывали, что в обществе наблюдалось возвращение интереса к политике, происходившее на фоне резко негативных и радикальных оценок личности президента и его семьи, итогов «ельцинского десятилетия». Степень радикализма населения значительно превышала радикализм Думы и оппозиционных политических объединений, худобедно направлявших недовольство населения в относительно цивилизованные парламентские формы.

В этой ситуации важно было не то, что те или другие резкие движения Кремля (типа запрета КПРФ или произвольного ограничения ее участия в предстоявших выборах, попытки насадить в стране так называемую «управляемую демократию», шаги, направленные против назревшего в обществе запроса на перемены), но и любые факты, свидетельствующие о равнодушии и «иммунитете» властей в отношении позиции общества, могли обернуться тяжелыми и непредсказуемыми последствиями для самой власти.

В-третьих, еще одной брешью в позициях Кремля была неконсолидированность государственного аппарата. Готовясь к атаке, от успеха которой зависело будущее самого Б. Ельцина и его домочадцев, президентская команда действовала методами «чисток»

и ротации своего окружения, отбирая наиболее преданных, послушных и исполнительных чиновников, расставляя их на ответственные посты, освобождаясь от тех, кто отваживался «сметь свое суждение иметь». Профессиональные качества чиновников в новом раскладе, с которым Кремль выходил на рубеж 2000 года, как показала история с Генеральным прокурором, явно уступали их умению «прислуживаться», выполнять «заказы», переступая при этом через любые императивы и не брезгуя никакими средствами.

В то же время последняя ротация в ельцинской команде, стремившейся с помощью «подбора и расстановки кадров» зарезервировать за собой привилегированное положение и в период после 2000 года, начавшись, осталась явно незавершенной. Это делало позиции президента неудобными для резких столкновений и острой конфронтации с антиельцински настроенной (большей) частью российской политической элиты.

В частности, Б. Ельцин успел «подвесить» ряд чиновников, игравших важную роль в структуре президентской власти, испортив свои отношения с ними, но не успел подобрать кадры для их замены.

В подвешенном состоянии, например, оказалось даже второе лицо государства — С. Степашин. В частности, Кремль не счел нужным внятно отреагировать на слухи о том, что осенью премьер может быть отправлен в отставку.

Достаточно остро складывались отношения Кремля и с руководителями некоторых силовых структур, судьба которых оставалась пока неясной. В частности, в течение всего июля в Москве циркулировали слухи о возможной замене директора СВР В. Трубникова. Не исключали и серьезных перемен в руководстве Министерства обороны, в котором обострилась борьба между министром И. Сергеевым и руководством Генштаба.

Издержки постоянной ротации кадров, ставшей для Кремля образом жизни, вели к нарастающему ослаблению политических позиций Б. Ельцина, плодили ряды оппозиции и недовольных режимом. Фактически каждая такая «рокировочка» приводила к заметной самодискредитации Б. Ельцина и его окружения.

Не осталась не отмеченной наблюдателями и новая

попытка президентских структур, близких к ним политиков, деловых людей и членов правительства атаковать влиятельные корпоративные группировки, стремясь подчинить контролю финансовые потоки, проходящие через соответствующие структуры.

Председатель Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) Д. Васильев на своей пресс-конференции критически отозвался о так называемых «бобрах» (бескупонных облигациях Центробанка РФ), об облигациях «ЛУКойла» и т. д.

Близкими к Кремлю правительственными и деловыми кругами в очередной раз была предпринята атака на руководство РАО «Газпром», находившееся якобы в тактическом союзе с московским мэром и его политической организацией «Отечество». Минтопэнерго настояло на проведении 26 августа внеочередного заседания акционеров «Газпрома», с целью пополнить состав совета директоров РАО своим представителем. Вокруг этого поста началась серьезная борьба между основными финансово-промышленными группировками. Б. Березовский и Р. Абрамович проталкивали в совет директоров главу Минтопа В. Калюжного. Однако, по некоторым сведениям, А. Чубайс в пику им хотел провести более нейтральную фигуру.

В результате политически проигрышных действий Кремля в российской политической системе сложилась качественно новая ситуация. Ее основные черты заключались в следующем.

Существенно был ослаблен политический фундамент президентской команды, имевшей натянутые, основанные на взаимном недоверии отношения практически со всеми сколь бы то ни было значимыми политическими и социально-экономическими группировками (президентская команда слишком пережала административные рычаги).

Начав вновь атаку одновременно на нескольких фронтах (против Е. Строева, Ю. Лужкова, медиа-магната В. Гусинского, Ю. Скуратова, руководства «Газпрома», не забывая при этом клеймить оппозицию), Кремль «растянул линию фронта», явно переоценив свой политический потенциал, который в действительности являлся очень небольшим уже в силу отсутствия у Б. Ельцина массовой политической базы.

Фактически произошло полное падение авторитета власти президента. Кремль наглядно показал, что ставит свои групповые цели выше общественных. Это означало, что основным фактором стабильности режима становился элемент давления, насилия, лишенный ореола оправданности в глазах общества. А значит, власть практически утратила свой главный атрибут — способность легитимно применять силу. Нелегитимное же применение силы в любой момент могло повлечь за собой непредсказуемые последствия для самой власти.

Все эти обстоятельства привели к тому, что стали достаточно проблематичными попытки Б. Ельцина найти для себя удобную нишу, способную обеспечить политическое выживание и присутствие во власти и после 2000 года.

Были все основания полагать, что ускорение процесса российско-белорусской интеграции, на которую президент ориентировался в последнее время, решая задачу своего политического выживания, вызвало серьезные возражения со стороны большей части российской политической элиты. Многие российские СМИ подвергли планы Б. Ельцина достаточно жесткой критике. Как известно, отечественный истеблишмент явно опасается того, что в результате реализации интеграционной идеи на российскую политическую сцену рано или поздно выйдет А. Лукашенко.

Далее, часть российской политической элиты резко обрушилась на попытки Кремля создать систему жесткого контроля над ходом парламентских и президентских выборов, чтобы обеспечить приход к власти сил, лояльных Б. Ельцину. Очевидно, что планы президентской команды состояли не столько в том, чтобы не допустить прихода к власти оппозиции, сколько в том, чтобы обеспечить преемственность власти для своего клана и тесно связанных с ним представителей деловой и политической элиты.

Иначе говоря, летом 1999 года Кремлю не удалось решить свою основную политическую задачу в сфере партийного строительства — сформировать лояльную себе «партию власти». Многие аналитики, наблюдая процессы, шедшие на правом фланге, высказывали предположение, что у Б. Ельцина уже и здесь нет надеж-

ных союзников. Президентская команда с заметным подозрением и ревностью относилась к попыткам правых объединиться самостоятельно и настаивала, чтобы любые объединения проходили под эгидой Кремля.

Более того, правые опасались, что Кремль заигрался в своих попытках создать жесткие механизмы контроля за выборами. Выдвинув перед Центризбиркомом задачу сформулировать чрезмерно жесткие правила игры (например, усложненную процедуру проверки избирательных фондов, новые правила предвыборной агитации, проверка налоговых деклараций кандидатов и т. д.), президент рисковал наказать, прежде всего, те партии, которые располагали поддержкой состоятельных слоев населения, затрачивали на своих кандидатов значительные суммы.

Вместе с неудачами в деле околокремлевского партстроительства рушилась и кремлевская мечта, состоявшая в том, чтобы «выстроить» вокруг себя, как было в 1996 году, коалицию всех антикоммунистических сил. Эта идея явно не была способна реализоваться в новых условиях.

Терпело неудачу и «блокостроительство». Губернаторы, став сильными игроками на политической сцене, не склонны были поддерживать проекты, которые не относились к сфере «реальной политики», и поднять их на «всегубернаторское движение» за сохранение Б. Ельцина в каком-либо качестве у власти после 2000 года представлялось крайне сложной задачей.

В условиях утраты режимом политической базы, растянутости линии конфликтов между Кремлем и другими элитными группами, и началось публичное формирование (пока во главе с Лужковым) некоммунистической антикремлевской коалиции. Середина июля ознаменовалась переходом в открытую форму противостояния между президентской командой и антиельцински настроенной частью российского политического истеблишмента, позиции которого оказались персонифицированными в фигуре столичного мэра. Это обстоятельство еще больше затрудняло Кремлю решение задачи создания околокремлевской «партии власти», лояльной семье президента.

Важнейшим событием конца июля стало взрывное

развитие ситуации после того, как президентская сторона решила «подвесить» Ю. Лужкова. ФСБ нанесло удар по жене столичного градоначальника Е. Батуриной и ее брату В. Батурину, возглавляющим соответственно фирмы ЗАО «Интеко» и «Бистропласт», которые ФСБ грубо и бесцеремонно попыталось связать с делом о незаконном вывозе капиталов за рубеж.

Как и в случае с «пленкой Скуратова», Кремль и ФСБ, за которой все больше закреплялась слава исполнителя «заказов» семьи, проявили узкий стиль мышления, через который четко проглядывала «женская логика», ведшая в конце концов к игре без правил.

Кремль едва ли предвидел, что мэр воспользуется этой попыткой для раскручивания громкого скандала, а не попытается уладить дела «полюбовно», «согласившись и повинившись». Фактически, как и в случае с пленкой, на которой запечатлены кадры из жизни «человека, похожего на Генерального прокурора», предпринятые Кремлем действия возымели обратный эффект и стали поводом для перехода Лужкова в острую контратаку. Очевидно, что и на этот раз ментальность ближайшего окружения Б. Ельцина, явно неадекватная запросам великой страны, была не понята московской элитой, да и не только московской.

Реагируя на просочившиеся сведения о новом ходе Кремля, 14 июля на встрече с руководством Российской академии естественных наук Ю. Лужков заявил, что отсутствие грамотных и квалифицированных управленцев в руководстве России в 90-е годы привело к хаосу в стране. Последующие дни Ю. Лужков, по некоторым сведениям, посвятил консультациям с различными политическими кругами столицы, результатом чего стал резкий информационный накат ряда СМИ на Кремль и ФСБ, к которому затем присоединил свой голос и сам мэр. Он публично объявил, что нынешняя власть опозорила себя попытками использовать силовые структуры в политической борьбе со своими оппонентами и должна уйти.

Кремлем этот «контрнакат» был воспринят явно панически. О чем свидетельствовали туманные высказывания Д. Якушкина и С. Степашина, которые от имени президента полупросили-полутребовали от по-

литиков соблюдать такт и не допускать провокационных высказываний. Кремль как бы начал отыгрывать назад. Например, оправдывая поведение президентских структур, депутат К. Боровой объявил на пресс-конференции прокириенковской «Московской альтернативы», что Ю. Лужков нарочно подстроил и раздул историю с «Интеко», а ФСБ стало лишь жертвой коварства столичного мэра.

Еще одним приемом стала организация столкновений между Ю. Лужковым и Б. Ельциным к «информационной войне» между телекомпанией ОРТ, фактически принадлежащей Б. Березовскому, тесно связанному с ближайшим окружением президента, и телеканалом НТВ, входящим в медиа-холдинг В. Гусинского, играющего на стороне московского мэра.

Параллельно тому, как ФСБ пыталось рыться в белье Батуриных, ОРТ, в свою очередь, стало считать деньги в кармане В. Гусинского, обвинило его в том, что он якобы привел свой холдинг к банкротству и для того, чтобы выпутаться из этой ситуации, попытался в связке с рядом других финансовых структур обанкротить государство. (Холдинг В. Гусинского «Медиа-Мост» входит в число тех структур, которые, как уже отмечалось выше, обратились с письмом в Минфин, требуя погашения долга по облигациям Внешэкономбанка).

К тому же, как стало известно, в Кремле развернулась проработка плана лишения НТВ лицензии на телевещание. По слухам, А. Волошин даже сделал предложение вице-спикеру Думы М. Юрьеву (фракция «Яблоко»), занять пост вице-премьера, если тот согласится взять на себя задачу закрытия НТВ или национализации этого коммерческого канала. Новый министр по делам печати М. Лесин был вынужден задним числом специально опровергать подобные планы.

Параллельно ОРТ развернуло кампанию против руководства «Газпрома», которое-де спонсировало антипрезидентские СМИ («Медиа-Мост») в ущерб интересам акционеров. Силовые структуры начали финансовую проверку СМИ, входящих в «Медиа-Мост». Таким образом, кремлевская команда нанесла двойной удар — во-первых, по медиа-холдингу В. Гусинского

(и, по сути, по группе Ю. Лужкова), а во-вторых, по «Газпрому» как акционеру «Медиа-Моста».

Сначала ОРТ сообщило о крайне тяжелом финансовом положении и об огромных долгах холдинга перед «Газпромом». После этого было организовано открытое письмо акционеров «Газпрома», обвинивших Р. Вяхирева в нецелевом расходовании средств. Скандал, раздувавшийся пропрезидентскими СМИ, был рассчитан, по-видимому, на то, чтобы не только скомпрометировать Р. Вяхирева, а заставить его подать в отставку. Вскоре были разыграны и другие карты против председателя РАО. Мало кто сомневался в том, что целью этой кампании против Р. Вяхирева было его отстранение и замена людьми, преданными Кремлю.

Стычка Кремля со столичной политической командой еще более усугубила кризис.

Резко усилилась ситуация неопределенности, особенно в дни, когда Б. Ельцин отправился в ЦКБ, где прошел «плановый» медосмотр. По сообщениям некоторых источников, президент нанес за неделю не один, а несколько визитов в ЦКБ, и оказался сорван заявленный перед выходными днями пресс-службой Кремля, президентский график встреч с С. Степашиным (по результатам его визита в Киев и Севастополь) и с лидером НДР, главой совета директоров «Газпрома» В. Черномырдиным.

Обострились противоречия в правой части политического спектра. На состоявшемся после срыва встречи В. Черномырдина с Б. Ельциным заседании президиума политсовета движения «Наш дом — Россия» было принято примечательное решение о том, что на выборы НДР пойдет самостоятельно, а не в рядах «широкой правой коалиции», попытку создания которой предприняли в Зальцбурге на экономическом форуме политики, близкие к Кремлю. Многие эксперты расценили это решение как признак того, что договоренность между НДР В. Черномырдина, либеральным «Правым делом» А. Чубайса — Б. Немцова, губернаторским «Голосом России» К. Титова и «Новой силой» С. Кириенко была окончательно похоронена.

Хотя в комментариях, появившихся в прессе, акцент делался на чисто психологические причины (мол,

амбициозные политики не сумели договориться между собой), реальная причина срыва «зальцбургской инициативы» иная. В частности, она состояла в обострении в условиях политической неопределенности борьбы интересов тех финансово-промышленных групп, которые стоят за вышеназванными политическими образованиями. Это проявилось в выступлении Б. Немцова 18 июля в программе «Зеркало», в котором он обрушился на «Газпром», что ясно говорило об источнике расхождений.

И наконец, усилились тенденции консолидации на левом фланге и в центре.

Не говоря о таких курьезах, как высказывания А. Чубайса, поддержавшего союз Ю. Лужкова и Е. Примакова и фактически объявившего о возможности тесного сотрудничества с ними (судя по всему, в качестве частного лица, а не одного из лидеров «Правого дела»), наблюдатели отмечали важную роль в консолидации центра прошедшего в Москве президиума политсовета «Всей России». Он подтвердил и без того заметное стремление губернаторов-центристов из «Всей России» идти на выборы в одной связке с Ю. Лужковым и его «Отечеством». Это явно послужило сигналом для левоцентристской оппозиции, принявшей, судя по всему, решение поддержать единого центристского кандидата на президентский пост, которого видели прежде всего в Е. Примакове.

В какой-то момент от президентской команды решил дистанцироваться даже В. Жириновский. В частности, во время своей поездки в Красноярск лидер ЛДПР обрушился с нападками на А. Лебедя, протеже Б. Березовского, и, как считалось, одного из кандидатов на роль «железного премьера», на которого президентская команда рассчитывала в том случае, если С. Степашин не смог бы справиться с ситуацией. Во время поездки с агитпоездом по Вологодской, Архангельской, Мурманской, Ленинградской областям и Республике Карелия лидер ЛДПР также продолжал попытки реанимировать свой прежний имидж радикального политика, выступающего с антизападных позиций за очищение России от «либеральной скверны». Показательно и то, что пресса, контролируемая

Б. Березовским, жестко отреагировала на красноярские эскапады В. Жириновского.

Лидер КПРФ Г. Зюганов, вернувшись из отпуска и проведя консультации с левыми и левоцентристскими силами, пытался убедить их лидеров, включая аграриев, идти на парламентские выборы одной колонной. Одновременно Г. Зюганов объявил о начале консультаций с «Отечеством» Ю. Лужкова и с Е. Примаковым на предмет создания единой предвыборной коалиции. В то же время «Отечество» заметно отодвинулось от более правого «Яблока», заявив, что не намерено делить с Г. Явлинским Москву.

Подписанное С. Степашиным и главой Центробанка РФ В. Геращенко совместное заявление кабинета и Банка России «Об экономической политике на 1999 год» требовало от российского правительства немедленно перейти к режиму самой жесткой экономии, обеспечить увеличение доходов бюджета и первичный профицит госказны до 2 процентов ВВП. Ликвидировалось льготное кредитование реального сектора, а главным направлением расходования собираемых средств должно стать возвращение долгов зарубежным кредиторам. В то же время кредит на рефинансирование долга России перед МВФ предполагалось выдавать небольшими порциями по 630 млн. долларов в квартал после проведения ежеквартальных проверок состояния российских финансов экспертами фонда.

Следуя этому заявлению, началось срочное формирование соответствующих нормативных документов. Так, Минфин принял решение о новом порядке выделения региональных трансфертов. В соответствии с этим решением трансферты выделялись на основе средних для всей страны нормативов расходов бюджета на душу населения, сбора налогов и т. д. Был утвержден и особый порядок учета обязательств бюджетных организаций.

Согласно правительственному постановлению, учреждения, финансируемые из федерального бюджета, при заключении договоров обязаны исходить из выделенных каждому из них на год лимитов, объем которых не мог быть превышен. Правительство готовило и весьма жесткий проект бюджета, однако, по признанию первого вице-премьера В. Христенко, в 2000 году

стране возможно придется вообще обойтись без бюджета (Дума вряд ли утвердит крайне жесткий и непривлекательный для избирателей проект бюджета ввиду предстоящих парламентских выборов, а новая Дума будет готовиться к президентским выборам и ей тоже будет не до бюджета).

В то же время, на фоне вводимого режима экономии, подчиняющего страну решению задач выплаты долгов, в определенной степени негативно на положении российской экономики сказывался рост цен на нефть и нефтепродукты на мировом рынке, усиливший позиции российских «нефтебаронов».

Нефтяной бум вел к быстрому росту внутренних цен на бензин, нефтепродукты, а соответственно на продовольствие и другие товары первой необходимости. Наблюдатели обратили внимание на то, что Минфин прекратил публиковать данные о текущей инфляции, которая, по оценкам экспертов, приблизилась к 4 процентам в месяц. В основных сельскохозяйственных регионах России, не имевших средств оплачивать нефтепродукты по мировым ценам, наблюдался острый дефицит горючего, поставивший под вопрос уборку урожая, например, в Воронежской и Ростовской областях, в Краснодарском крае.

Нефтяники достаточно откровенно ставили перед правительством условие гарантировать оплату поставок нефтепродуктов в эти регионы фактически по мировым ценам, чего правительство также сделать было не в состоянии. Наблюдатели отмечали, что в погоне за сверхприбылью нефтяные компании в нефтедобывающих регионах, как правило, уходили от налогообложения («скупая» взятками региональное начальство и оставляя местные бюджеты пустыми).

Кроме того, все чаще становились известными данные, свидетельствовавшие о том, что власти ряда регионов, в свою очередь, активно начали заниматься экспортом накопленных запасов нефти и нефтепродуктов, стремясь воспользоваться выгодной конъюнктурой на мировом рынке и не обращая внимания на ущерб от этого интересам населения и местной экономике.

Федеральные власти, заинтересованные в том, чтобы пополнить казну за счет продажи в нее экспор-

терами 75 процентов валютной выручки, смотрели сквозь пальцы на разрушительные для страны последствия нефтяного бума. Исходя из практики последних лет, возможно, деньги в страну от этих операций, как и прежде, не возвращались, оседая на счетах зарубежных банков, в оффшорах.

В частности, вместо ожидавшегося роста золотовалютных резервов наблюдалось их снижение, что большинство экспертов объясняли продолжавшимся реальным падением курса национальной валюты, искусственно прикрываемым интервенциями Центробанка на валютных торгах.

О начале нового витка девальвации рубля, вероятно, свидетельствовало и решение Сбербанка о снижении процентов по вкладам (в результате снижения процентных ставок по вкладам должен вырасти приток «горячих» рублей на валютный и товарный рынки, что, с одной стороны, вызвало бы дальнейший рост цен, а с другой — рост курса доллара). Введение пятипроцентной вывозной пошлины на нефть и нефтепродукты также говорило о том, что государство вынуждено было смириться с потерей нефтедолларов и войти «в долю» с частным капиталом, чтобы снять хоть какую-то часть с его сверхприбылей для пополнения госказны.

Рост мировых цен на нефть и давление интересов нефтяного лобби заметно повлияли на курс государства в отношении нефтяных компаний. В июле пресса активно обсуждала новые планы правительства в отношении продажи крупных пакетов акций «Роснефти» и «Славнефти», в то время как от идеи создания единой государственной нефтяной компании пришлось отказаться (Мингосимущество объявило этот проект «дотационным»).

В условиях роста цен политика жесткой экономии, отмена льгот по НДС, введение новых налогов и ужесточение налоговой политики в целом, другие требования МВФ, предусматриваемые заявлением правительства и ЦБ, угрожали новыми острыми конфликтами.

Их давление способно было существенно модифицировать и откорректировать расчеты основных субъектов российской политики и оказать заметное влия-

ние на ситуацию в России. Дальнейшее ухудшение социального положения большинства в результате давления фискального пресса, запущенного под диктовку МВФ, вело к распространению идеи более справедливого распределения тягот между различными социальными группами и требований ужесточения борьбы государства с коррупцией.

В ряде регионов страны, пострадавших от дефицита нефтепродуктов, начала пользоваться популярностью версия «заговора нефтяных компаний», поставивших себе целью содействовать смене действовавших губернаторов (именно так, например, объяснялся дефицит горючего властями Краснодарского края).

По мнению некоторых наблюдателей, начало нефтяного бума не случайно совпало с резким обострением ситуации на Северном Кавказе. В частности, пуск железнодорожной ветки и нефтепровода «Транснефти» вокруг Чечни, продиктованный стремлением экспортеров нефти и нефтепродуктов во что бы то ни стало увеличить свои прибыли, вызвал обострение кризиса в Чечне, где наблюдался огромный рост цен (в первую очередь на бензин). Чеченский котел грозил выплеснуться на Северный Кавказ и вызвать новые потрясения основ власти федерального центра в этом регионе.

В конце июля 1999 года Б. Ельцин внезапно возвратился из отпуска. Прервав отдых, президент наглядно показал, что складывавшаяся в стране ситуация приобретала напряженный характер и требовала его участия.

Определенное беспокойство у российской элиты начал вызывать проводимый правительством экономический курс.

Составными элементами экономической политики кабинета С. Степашина было сочетание инфляционной накачки (с начала года денежная база выросла на треть) и искусственное сохранение «твердого» рубля за счет массированных интервенций со стороны ЦБ; ужесточение социальных бюджетных расходов (прежде всего, по «льготникам») при одновременном росте размера оборонного заказа и военных расходов; попытки прямого административного регулирования цен, преж-

де всего, на «горячих» направлениях — рынках ГСМ (ввиду «топливного кризиса») и продовольствия (из-за плохого урожая в 1999 году); возрождение практики взаимозачетов (предложение Н. Аксененко провести в августе некое целевое финансирование расходов федерального бюджета на полную сумму недоимки нефтяных компаний в бюджет); решение о квотировании вывоза нефти, ставящее «нефтянку» в полную зависимость от чиновников Минтопэнерго.

Эти признаки углубления кризисного состояния российской экономики были весьма опасны в условиях нависшей над страной долговой проблемы, низкого урожая, израсходованности так называемого «переходящего запаса» зерна урожая прошлых лет, резкого роста давления на экономику со стороны коррумпированных элементов во власти. Можно считать, например, доказанным, что власть стала каркасом системы ценового сговора, возникшего вокруг пресловутого картельного соглашения о сдерживании цен на ГСМ, а по некоторым прикидкам, сама ситуация бензинового кризиса могла рассматриваться как искусственно созданный механизм концентрации в руках Кремля и околокремлевских кланов финансовых средств для финансирования политических акций Б. Ельцина.

Разбалансированность экономики легко могла выйти из-под контроля. В частности, наблюдавшийся рост цен на продовольственном рынке угрожал к осени превратиться в острейшую проблему, которая способствовала бы перерастанию экономической нестабильности в политическую. Едва ли случайно, что, вернувшись в Москву, президент первым делом переговорил с вице-премьером В. Щербаком, курировавшим сельское хозяйство. Судя по заявлениям Кремля, президента беспокоило также серьезное осложнение ситуации на Северном Кавказе.

В Карачаево-Черкесии начались волнения сторонников генерала В. Семенова, победившего на выборах 16 мая, протестовавших против решения Верховного суда РФ, отказавшегося признать результаты этих выборов, и настаивавших на незаконности назначения временно исполняющим обязанности главы республики В. Власова. Фактически ситуация в этой республике

балансировала на грани серьезного гражданского конфликта.

Ухудшалась обстановка в Чечне. Генпрокуратура республики подготовила к передаче в верховный шариатский суд уголовное дело по обвинению в геноциде чеченского народа 200 российских политиков и военачальников. Среди них фигурируют Б. Ельцин, С. Степашин, П. Грачев, А. Куликов, С. Шахрай.

Ш. Басаев представил публике ряд задержанных в Чечне якобы сотрудников ФСБ, обвинив российскую спецслужбу в подготовке террористических акций в Чечне.

Продолжала оставаться очень острой ситуация на границах Чечни с другими субъектами РФ. Постоянным атакам боевиков подвергались заставы и КПП, охранявшие границу Чечни с Дагестаном и Ставропольским краем, возросло число похищенных.

По сообщениям, МВД вело подготовку к проведению силовых акций против чеченских террористов. Ситуация на Северном Кавказе — сложный и многогранный политический феномен, который мог получить самое неожиданное политическое продолжение.

Так, с одной стороны, ряд политологов были убеждены, что в преддверии президентских выборов Кремль воспользуется ситуацией на Кавказе для того, чтобы развязать там войну и сорвать выборы 2000 года, или, наоборот, использовать в качестве управляемого конфликта. Вместе с тем эта ситуация могла быть при определенных условиях использована и противниками Кремля как спусковой крючок для дестабилизации положения в стране.

В связи с последней возможностью обратили на себя внимание необычно жесткие заявления в адрес федерального центра генерала А. Лебедя, который даже проявил готовность протянуть руку Ю. Лужкову. А. Лебедь заявил, что на августовском заседании межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и на Совете Федерации намерен объединить усилия регионов в противостоянии «бездарной» политике федерального центра. А. Лебедь считал, что он уже имеет серьезную поддержку среди коллег и что ему хватит и сил, и воли, и арсенала средств заставить элементарно уважать и край, и регионы.

Одним из основных факторов развития политического процесса России продолжала оставаться борьба в верхах, вылившаяся в столкновение Кремля и группы Ю. Лужкова, возражающей против попыток Старой площади установить свою политическую монополию в стране, в публичном информационном пространстве.

Несмотря на инициированные Кремлем меры, якобы направленные на ослабление напряженности в верхах, возникшей в результате перехода конфликта между Кремлем и Ю. Лужковым в открытую стадию (например, попытки примирить руководителей ОРТ и НТВ), информационная война не прекращалась. Президентская сторона активно использовала в ней подчиненные ей силовые структуры. В частности, по общему мнению, именно Кремль инициировал налоговые проверки холдинга «Медиа-Мост» В. Гусинского Федеральной службой налоговой полиции (ФСНП), возглавляемой В. Солтагановым, которого бывший глава налоговой полиции С. Алмазов, знавший подноготную своего преемника, публично называл человеком Р. Абрамовича.

Наблюдатели обратили внимание на то, что проверки ФСНП проходили как раз в тех подразделениях информационной империи В. Гусинского, которые осуществляли проекты, отличавшиеся наиболее высокой прибыльностью и доходностью (например, издательство «Семь дней» и т. д.).

У аналитиков были основания предполагать, что подобная направленность фискально-полицейских репрессалий, обрушившихся на близкие к мэрии информационные структуры, объяснялась не только стремлением Кремля взять под свой контроль в преддверии выборов финансовые потоки «Медиа-Моста», но и более корыстными мотивами. В частности, по мнению ряда экспертов, речь шла о далеко идущих планах, которые вынашивала группа Березовского — Абрамовича в отношении «Медиа-Моста».

Центральное место на политической сцене продолжала занимать ситуация, которая складывалась в результате конфликта между Кремлем и столичной мэрией. Наблюдатели считали, что Ю. Лужков в ходе этой конфронтации допустил немало серьезных про-

счетов, способствовавших, во-первых, снижению рейтинга самого мэра и, во-вторых, охлаждению отношений с С. Степашиным, что в принципе не было нужно ни Ю. Лужкову, ни близким к нему политическим силам.

Кстати, на окружение С. Степашина и на него самого неблагоприятное впечатление произвело то, что Ю. Лужков лично ввязался в полемику с Кремлем и, таким образом, лишний раз подставился под удары президентской команды. Действительно, в подобных ситуациях предпочтительнее отражать уколы противника и наносить ответные удары через «секундантов», посредников, членов своей команды, подконтрольные СМИ, союзников и т. д., а самому держаться в тени.

Однако, невзирая на тактические просчеты самого Ю. Лужкова, положение в целом пока складывалась в его пользу. Недоверие к президенту, неудовлетворенность итогами его деятельности, коррумпированность ближайшего окружения достигли предельных значений, и даже меры команды Б. Ельцина не смогли остановить общую тенденцию концентрации антикремлевски настроенных политических сил вокруг столичного мэра.

Обратили внимание заявления ряда близких к Ю. Лужкову политиков, которые однозначно обещали твердую поддержку мэру. Среди них вице-мэр столицы В. Шанцев, а также губернатор (теперь уже бывший) Московской области А. Тяжлов.

Бурную активность развила группа В. Гусинского. В открытом письме Б. Ельцину она выдвинула обвинения в адрес руководителя администрации президента А. Волошина в том, что он «нажал» на ФСНП с целью инициировать налоговые проверки информационных компаний, входящих в медиа-холдинг В. Гусинского.

Выступившая в одной из новостных программ НТВ бывший министр гайдаровского правительства Э. Памфилова также заявила, что в комитетах Госдумы имеются материалы, которые подтверждают, что за А. Волошиным тянется длинный шлейф весьма серьезных неблаговидных проступков. Она также обвинила администрацию в организации силового давления на депутатов Госдумы и других политиков, чтобы вос-

препятствовать их сотрудничеству с «Отечеством» и другими центристскими организациями.

В то же время действия президентской команды привели к дальнейшему сближению отношений между движением «Вся Россия» М. Шаймиева и «Отечеством» Ю. Лужкова. Таким образом, Кремлю не удалось политически изолировать Ю. Лужкова, который в свою очередь резко активизировал контакты с потенциальными союзниками: встретился с М. Шаймиевым, руководителем избирательной кампании «Яблоко» В. Игруновым, с лидером движения «Духовное наследие» А. Подберезкиным, а также провел политические консультации с Г. Зюгановым.

Похоже, Лужкову удалось решить свою стратегическую задачу — уговорить М. Шаймиева вступить в альянс с «Отечеством», хотя Кремль и попытался убедить М. Шаймиева воздержаться от дальнейшего сближения с Ю. Лужковым весьма существенным «подарком»: правительство приняло решение о передаче 51 процента акций нефтяной компании «Норси ойл» (Нижний Новгород) в доверительное управление на три года АО «Татнефть».

Неторопливо складывались отношения «Отечества» и с экс-премьером Е. Примаковым, который дал понять, что согласен возглавить широкий блок центристских сил на президентских выборах, но тщательно обходил тему своего участия в парламентской гонке.

Продолжились, судя по словам Г. Зюганова, консультации между КПРФ и «Отечеством». В связи со слухами о возможном запрете компартии Ю. Лужков даже сделал важное заявление и резко осудил подобные планы, назвав их несправедливыми и неконституционными. Однако в предвыборном штабе «Отечества» отрицали факт переговоров с КПРФ. Характерно, что заметно стихли голоса скептиков в отношении возможного создания центристского блока с Е. Примаковым, Ю. Лужковым и лидером КПРФ Г. Зюгановым.

Острое противостояние с Кремлем не помешало Ю. Лужкову продолжать демонстративные публичные акции.

КПРФ также не теряла времени. В. Варенников,

президент российской ассоциации Героев Советского Союза и России, от имени компартии выступил с инициативой создать «патриотический» блок. В данном случае была сделана попытка обойти известное правило политической борьбы в условиях России, где при выборах в парламент оппозиция, чтобы привлечь на свою сторону недовольных, а на президентских выборах — объединить в широкий блок различные силы, включая и умеренные, пытается выступать с весьма радикальных позиций, что может привести к противоположным результатам. Так, например, лидер КПРФ в 1995 году перед выборами в Думу выступал с весьма радикальных позиций, а в следующем оказался под огнем массированной атаки за свой радикализм. Восстановить свой имидж тогда Г. Зюганову не удалось, что и обернулось против него на президентских выборах.

Ныне же компартия, видимо, стремилась преодолеть эти препоны, прибегая к более совершенным политическим технологиям. Так, например, новым стало то, что с инициативой создания блока «За победу!» выступил «гэкачепист» В. Варенников, имеющий репутацию «ястреба», однако при этом он предложил войти в блок Ю. Лужкову, М. Шаймиеву, А. Тулееву, А. Николаеву и даже В. Жириновскому. Естественно, что никто из них в такой блок не вошел, однако у компартии появился важный козырь, который мог быть использован по-разному.

Можно было несколько сбавить ноту радикализма и попытаться «увести» под знамена виртуального блока часть умеренного электората, сохранив одновременно и радикальный электорат.

Можно было попытаться играть сразу на двух полях, умеренном и радикальном, параллельно, что тоже обещало определенные результаты.

Можно было в ответ на высказанное, но не принятое предложение создать патриотический блок, тем самым убедительно доказав нежелание оппонентов работать во имя России.

И наконец, появлялась дополнительная возможность воздействия на союзников по НПСР для преодоления прежней тактической линии компартии на создание нескольких колонн оппозиции.

Определенные попытки маневрирования наблюдались и справа, но они не привели к существенному изменению ситуации в этом слабом сегменте российской политики. С важной с точки зрения Кремля инициативой выступил самарский губернатор К. Титов. Во время своей поездки по восточным регионам России, он предложил внести в Конституцию положение, согласно которому кандидат в президенты может считаться избранным лишь в том случае, если он победит своего соперника более чем в половине регионов России.

Это предложение было явно направлено против возможности избрания президентом Ю. Лужкова, который мог рассчитывать на голоса избирателей, живущих, прежде всего, в сравнительно немногочисленных мегаполисах и промышленно развитых регионах страны, где высокая плотность населения, установившиеся рыночные отношения и уже существующий средний класс.

В то же время Ю. Лужков не пользовался сколько-нибудь заметной популярностью в регионах, где большинство населения ведет преимущественно сельский образ жизни.

Реализация предложения К. Титова была чревата возникновением острого политического кризиса, выгодного действующему президенту. Ведь в случае, если его преемник на выборах не получит перевеса в большинстве российских регионов, Б. Ельцин получит возможность продлить свое пребывание у власти до проведения следующих выборов, которые в условиях продолжавшегося социально-экономического кризиса можно откладывать до «греческих календ», то есть на неопределенный срок.

Впрочем, многие эксперты считали, что в ходе поездки на Дальний Восток К. Титову не удалось сплотить на основе своих предложений элиту «депрессивных» регионов. Местные губернаторы гораздо жестче привязаны к центру и более зависимы от Москвы в политическом, финансовом, экономическом отношениях. Поэтому они не захотели подвергать себя риску и портить отношения с сильной московской политической группой, которая имела шансы прийти к власти в 2000 году.

У промышленно развитой Самарской области были тесные связи с рядом крупнейших российских корпораций. Опираясь на них, она могла маневрировать в своих отношениях с Москвой.

На правом фланге Кремлю не удалось консолидировать силы. НДР В. Черномырдина, который, как казалось правым, неизбежно вольется в созданный С. Кириенко, А. Чубайсом и К. Титовым блок, все больше поглядывал в сторону самостоятельности.

Кроме того, у Б. Ельцина вызывала беспокойство ситуация с «Газпромом» — крупнейшим в России финансовым источником. Дело в том, что приход экспремьера в совет директоров «Газпрома», который был спланирован Кремлем, чтобы ослабить руководство корпорации и поставить ее под контроль Кремля, не обострил своих отношений с Р. Вяхиревым (пресса приводила их совместное обращение к акционерам, распространенное пресс-службой концерна). Список представителей государства в совете директоров, предложенный правительством в отсутствие Б. Ельцина, не имел ничего общего с первоначальными намерениями группы Березовского — Абрамовича установить жесткую систему контроля над корпорацией.

Но Кремль повел атаки на «Газпром», используя ОРТ. «Президентский канал» подверг 24 июля в программе «Время» (ведущий П. Шеремет) «Газпром» очередному наезду в связи с его взаимоотношениями с компанией «Итера», которая якобы, подобно «Андаве» Б. Березовского, служила целям незаконного присвоения и отмывания государственных средств в целях обогащения верхушки газовой корпорации.

Президент посвятил, судя по всему, разборкам в верхах свое общение с главой администрации А. Волошиным. По словам последнего, президента попрежнему беспокоило поведение группы «Медиа-Мост», которая пыталась с помощью «своего рода информационного рэкета» решить свои финансовые проблемы.

Заявление А. Волошина вызвало новый виток эскалации напряженности в отношениях между группой В. Гусинского и Кремлем.

Сможет ли президент помочь своей команде обуз-

дать «плывущую» ситуацию было большим вопросом. Особенностью конфликта в верхах являлось то, что Кремль вступил в него «с марша», в условиях надвигавшегося цейтнота, нарастания разногласий и различных «фобий» внутри кремлевской команды.

Главной причиной ослабления внутренней устойчивости команды Б. Ельцина стали острые разногласия, возникшие после того, как Кремль попытался резко усилить контроль над основными финансовыми потоками, приступив фактически к очередному переделу собственности. Эти разногласия явились причиной усиления трений в президентской команде, ослабляли ее внутреннюю консолидацию, что достаточно рельефно выразилось, например, в резком расхождении позиций Б. Березовского и А. Чубайса. Если первый стремился к конфронтации с группой Ю. Лужкова, то второй явно не исключал возможности достижения компромисса и нередко это демонстрировал.

Начатая в конце мая — начале июня атака Кремля на позиции естественных монополий дала крайне незначительные результаты: не удалось сменить правление ни в одной из известных корпораций. Вместе с тем значительно ухудшилось позиционное положение президентской группировки, так как Кремль недвусмысленно продемонстрировал российской элите свои агрессивные намерения, что ускорило процесс ее консолидации на антикремлевских позициях.

Правда, определенные дивиденды предшествовавшая фаза принесла и Кремлю. Важнейшим направлением его позиционных маневров стало налаживание отношений с С. Степашиным. На фоне обострения конфликта между Кремлем и Ю. Лужковым для Б. Ельцина стало особенно важно предупредить вполне реальную опасность сближения премьера с Ю. Лужковым и Е. Примаковым.

Аналитики не раз высказывали предположение, что Кремль ревниво следил за развитием контактов между столичным градоначальником и председателем правительства. Подобные предположения были не беспочвенны, что и подтверждалось многочисленными фактами, бросающимися в глаза. Например, окружение президента весьма нервно отреагировало на июньские

совместные выходы на публику Ю. Лужкова и С. Степашина в дни пушкинских торжеств.

Весомость опасениям Кремля придавало то обстоятельство, что С. Степашин, как отмечали наблюдатели, никогда прежде не воспринимался как человек из окружения президента и не чувствовал себя в Кремле человеком «семьи». Однако в новой ситуации продолжать держать премьера в подвешенном состоянии стало опасно.

По мере обострения конфликта с мэром Кремль начал заметно «утеплять» отношения с С. Степашиным. В прессе, например, появились сообщения о налаживании регулярных встреч и консультаций между руководством президентской администрации и главой кабинета, а также получила хождение версия о том, что Кремль начал рассматривать премьера в качестве вполне приемлемой кандидатуры на пост будущего президента.

Заметно к лучшему изменилось отношение Кремля к премьеру после того, как он выступил на стороне президента, очутившись в сложной ситуации выбора в конфликте между кремлевской командой и Ю. Лужковым.

С. Степашин, понимая, что оставаться в стороне от схватки между командами Ю. Лужкова и Б. Ельцина становилось уже невозможным, и явно опасаясь осложнить свои отношения с Кремлем, выступил с заявлением, в котором фактически осудил столичного градоначальника и поддержал Кремль. Охлаждение отношений между Ю. Лужковым и С. Степашиным было закреплено тем, что в ответ на критику со стороны премьера мэр не явился на открытие Московского международного кинофестиваля и повторил свои обвинения в адрес Кремля, нарушившего неписаные нормы отношений внутри российской элиты.

После открытого выступления С. Степашина на стороне президента стало ясно, что пасы президентской стороны в отношении премьера достигли своей цели.

В связи с этим будто бы и было дано добро премьеру на подготовку к предстоявшей избирательной кампании. Появились сообщения о том, что главой избирательного штаба С. Степашина может стать министр

внутренних дел В. Рушайло, а к работе формируемого штаба якобы подключены основные аналитические структуры МВД.

Важным событием для С. Степашина стала встреча с Ельциным в «Горках-9», где, по словам премьера, был детально оговорен регламент его поездки по стране и визит в США на заседание двусторонней Российско-американской комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

Наблюдатели обратили внимание, что С. Степашин, освещая свои планы на предстоящую поездку, назвал вышеупомянутую комиссию «комиссией Гор — Степашин». В этой связи необходимо напомнить, что еще недавно, во время Кельнского саммита «большой восьмерки», Б. Ельцин специально подчеркнул, что предпочитает в силу частой сменяемости российских премьеров не называть больше данную комиссию фамилиями ее участников.

С. Степашин, таким образом, хотел в явно рекламных целях обратить внимание на стабильность своего положения во власти. Некоторые аналитики считали, что поездка российского премьера по стране была во многом задумана в качестве попытки его имиджмейкеров поднять рейтинг премьера и сделать из него самостоятельную политическую фигуру, равновеликую таким «тяжеловесам», как Е. Примаков, Г. Зюганов, Г. Явлинский, Ю. Лужков.

В поведении премьера на передний план вышла «пиаровская составляющая», что сразу бросилось в глаза уже на открытии Московского кинофестиваля.

Заметную роль играла имиджмейкерская составляющая и в ходе поездки С. Степашина по стране — из Москвы во Владивосток и оттуда — в США. Выходы премьера на публику в ходе посещения Екатеринбурга (здесь он поддержал губернатора Э. Росселя, который вел борьбу за переизбрание на пост главы администрации Свердловской области), Барнаула (принял активное участие в открытии праздника, посвященного юбилею В. Шукшина), Владивостока (День Военно-Морского Флота России) неизменно сопровождались демонстрацией покладистого характера, добродушия, остроумия, хорошей памяти и других позитивных черт характера.

Усилия имиджмейкеров С. Степашина не прошли

даром. По данным опекаемого Кремлем фонда «Общественное мнение», С. Степашин вошел в пятерку наиболее популярных российских политиков.

Тем не менее некоторые эксперты считали, что премьер сумеет удержать свои позиции в «семье» лишь в том случае, если сумеет решить ставшую основной для Кремля проблему «Газпрома», поставить влиятельную газовую корпорацию под контроль президентской команды. Тем самым укрепятся не только ее финансовые ресурсы, но и будет нанесен удар по информационному холдингу В. Гусинского, а также и по планам создания мощного центристского блока, который стремились организовать к президентским выборам Ю. Лужков и Е. Примаков.

Существовали и иные причины, заставлявшие с осторожностью подходить к вопросу о том, насколько искренен Кремль в своей игре с премьером.

Ряд аналитиков были убеждены в том, что президентская команда разыгрывала с С. Степашиным лишь очередную тактическую комбинацию, которая призвана в условиях острого противостояния с антиельцинской коалицией усилить позиции Кремля, более прочно привязав к президентской команде премьера. На подобные рассуждения наталкивала, в частности, параллельно проводимая Кремлем линия на ослабление влияния премьера на силовые и правоохранительные ведомства. Как уже отмечалось, Б. Ельцин сделал грубую публичную выволочку протеже С. Степашина министру юстиции П. Крашенинникову. По слухам, которые муссировались в прессе, дни пребывания П. Крашенинникова на посту министра были сочтены. При этом делался очевидный расчет на то, что С. Степашин, занятый собственной подготовкой к президентской избирательной кампании, вряд ли в состоянии сопротивляться смещению П. Крашенинникова, а также защищать позиции своих назначенцев в МВД.

Таким образом, некоторое усиление позиций С. Степашина в сфере публичной политики сопровождалось утратой им влияния на силовые структуры. Между тем, по некоторым сведениям, кремлевская команда полагала, что С. Степашин, будучи лишен властных позиций, подобно В. Черномырдину, не сумеет сохранить свою популярность, и, когда переста-

нет быть полезным президенту, может быть легко отправлен в политическое небытие.

Если бы С. Степашину удалось одновременно с повышением своего политического рейтинга сохранить влияние в блоке силовых и правоохранительных ведомств, то рано или поздно это могло бы создать потенциальную опасность для Кремля.

К тому же, заменяя чиновников, лояльных к премьеру, близкому к группе А. Чубайса, Кремль стремился уравновесить влияние главы РАО ЕЭС группировкой Березовского — Абрамовича. Конфликт продолжал развиваться. А. Чубайс подверг критике стремление Б. Березовского подмять под себя медиаимперию В. Гусинского.

Достаточно много странностей наблюдалось и вокруг свежеиспеченного альянса правых сил, о формировании которого заявили лидеры «Правого дела» (А. Чубайс, Е. Гайдар, Б. Немцов), «Новой силы» (С. Кириенко) и «Голоса России» (К. Титов). Прежде всего, обращало внимание заявление А. Чубайса, одного из наиболее авторитетных основателей правого блока, что новый союз рассчитан, чтобы служить политической опорой для президентской кампании премьера С. Степашина.

Однако далеко не очевидно, что Б. Ельцин и его ближайшее окружение действительно рассматривали С. Степашина в качестве реального будущего претендента на роль преемника президента. Как уже отмечалось, премьеру лишь разрешили играть свою собственную игру, чтобы, скорее всего, отвлечь его от соблазна скооперироваться с Ю. Лужковым и Е. Примаковым.

Накануне заявления о создании нового правого блока из «Голоса России» вышла Демпартия России (ДПР), руководители которой известны особыми отношениями с Кремлем. Очевидно, что демарш ДПР во многом был связан с тем, что ее кремлевские спонсоры не были заинтересованы поддерживать кампанию, нацеленную на раскрутку близких А. Чубайсу политиков, включая и С. Степашина.

Очевидным было и то, что новое политическое объединение, выступавшее с претензией стать стартовой площадкой для нового президента, но при этом отражавшее взгляды лишь одной небольшой группы

российского истеблишмента, не вполне адекватно оценило свои силы.

Некоторые эксперты допускали, что ориентация правых на поддержку С. Степашина связана в действительности с упомянутой выше интригой Кремля вокруг премьера, которому таким образом «подсовывался» заведомо ненадежный и нефункциональный политический механизм, поспешно названный в прессе «клубом самоубийц». Мол, этот «данайский дар» отнюдь не прибавит популярности С. Степашину, а скорее превратится в обузу для последнего, что, собственно говоря, и нужно было Кремлю, чтобы занять премьера безобидной и безрезультатной деятельностью. Правда, авторы этих выводов не учли ряд обстоятельств. Мобилизационные и финансовые ресурсы, активный, а в ряде случаев даже агрессивный электорат, наличие в команде А. Чубайса, одного из лучших, что ни говори, администраторов и огромную силу, таящуюся в таком явлении, как реванш.

Наконец, любопытно и то, что В. Черномырдин также высказался категорически против участия НДР в правом альянсе. Наблюдатели по-разному оценивали мотивы, которые двигали при этом экс-премьером, однако ни у кого не вызывало сомнений, что подобное решение В. Черномырдин мог принять в том числе и по согласованию с Кремлем.

Самостоятельное определение НДР своей позиции, кстати, вызвало у членов правого альянса естественное желание попытаться вернуть НДР в русло союзнических отношений. Это несложно было объяснить хотя бы тем, что в «политических окрестностях» нового альянса правых, кроме НДР, не было ни одной значительной политической силы, с которой новое объединение могло бы установить тесные связи.

Однако игра, которая могла возникнуть в отношениях между вновь образованным правым движением и находившемся в «гордом одиночестве» НДР, могла надолго затянуться и превратиться в фактор, отвлекающий премьера и поддерживавшие его правые силы на политически безрезультатное маневрирование. Просматривалась цель увести премьера от действительно большой политической игры, которую затевали более умудренные политические «тяжеловесы» в центре.

По мнению многих экспертов, результаты пиаровских акций премьера не делали его позиции во власти прочнее. Можно было предвидеть заранее, что, если ему удастся накопить серьезный политический багаж, Б. Ельцин и его окружение немедленно почувствуют острые уколы ревности и начнут выискивать недостатки в деятельности главы кабинета.

Между тем они лежали на поверхности. Прежде всего премьер был явно слаб в экономике. Он и в целом аппарат правительства с трудом контролировали экономическую ситуацию в стране и по большому счету не имели навыков серьезной управленческой деятельности народным хозяйством. Они были вынуждены передоверять свои функции нижестоящим министрам, которые являлись ставленниками различных лоббистских групп, заинтересованных в теневом распределении национального богатства.

Возможно, правы те аналитики, которые считали, что неожиданный жест президента, наградившего министра иностранных дел И. Иванова орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, был связан с желанием показать С. Степашину, что у него всегда есть замена, и охладить политика, считавшего, судя по всему, свой визит в США удачным.

Большинство экспертов считало, что позиционная пауза, во многом являвшаяся для президентской команды вынужденной, могла резко прерваться после очередного возвращения президента Б. Ельцина из отпуска.

Многие аналитики полагали, что в течение электорального цикла 1999—2000 годов Кремль не прекратит попыток активного вмешательства в политическую игру. В частности, перед парламентскими выборами Б. Ельцин мог подыграть себе, манипулируя с датой выборов: перенеся их, например, на несколько дней назад; создать проблемы для движения «Отечество», которое в связи с его поздней регистрацией могло быть снято с дистанции Центризбиркомом, согласно российскому законодательству.

Вряд ли, однако, подобное вмешательство изменило бы расстановку сил перед выборами, так как, скорее всего, «Отечество» нашло бы формальный выход из ситуации, прибегнув к союзу с одной из карликовых

партий, имевших право принимать участие в выборах. К тому же не в интересах Кремля создавать для «Отечества» непреодолимые осложнения, поскольку в этом случае электорат движения Ю. Лужкова, скорее всего, перейдет в протестный лагерь. В этом случае, вопреки всем расчетам Кремля, у оппозиции появился бы вполне реальный шанс завоевать думское большинство.

Судя по всему, одним из сюрпризов, который готовил Кремль, был связан с форсируемым процессом российско-белорусской интеграции в фазу объединения двух стран в союзное государство. С инициативой проведения референдума по вопросу о введении поста всенародно избираемого президента нового союзного государства выступила группа, возглавляемая депутатом Госдумы Н. Гончаром.

По плану Н. Гончара предполагалось провести два референдума — консультативный («Поддерживаете ли вы воссоединение Российской Федерации и Республики Беларусь в единое государство, в котором глава государства и орган законодательной власти избираются всенародно?») и ратифицирующий (по союзному договору). При этом предполагалось, что президентские выборы в России должны быть отложены до окончательного решения судьбы союзного государства и избрания союзных органов власти, президента и парламента.

Какой будет конфигурация власти в новом государстве, есть ли у Кремля основания надеяться, что на пост президента Союза удастся провести именно Б. Ельцина и «отфильтровать» других возможных кандидатов, — было не ясно. Однако в близких к Н. Гончару кругах считали, что лишь одно проведение референдумов позволит почти на год продлить полномочия Б. Ельцина. Тем самым он надеялся сломать и лишить смысла формировавшийся центристский блок Лужкова— Примакова— Шаймиева.

Глава 2

КТО СНЯЛ СЕРГЕЯ СТЕПАШИНА

Мальчишка, приведенный в политику. — Что он не выполнил. — Крах «гибкой» линии. — Высокая степень безумства. — Формирование новой партии власти. — «Управляемая демократия»: авторы и исполнители. — Победа группы Т. Дьяченко — Б. Березовского — Р. Абрамовича. — Перспективы А. Чубайса и Н. Аксененко. — Б. Немцов: «Мы золотой кадровый состав». — Запад боится коллапса России

Конец первой декады августа 1999 года ознаменовался серьезными перестановками в президентской команде, ставшими итогом победы сторонников жесткой линии. Отставка С. Степашина с поста премьер-министра и назначение председателем правительства бывшего секретаря Совета безопасности, директора ФСБ В. Путина была вызвана чисто политическими причинами. С. Степашин оказался не в состоянии решить основные задачи, которые встали перед «семьей» в период окончания президентских полномочий Б. Ельцина.

С. Степашин не сумел воспрепятствовать формированию центристского блока «Отечество — Вся Россия», созданного незадолго до его отставки. Премьер не сумел перехватить хотя бы инициативу в этом блоке и подчинить его целям Кремля. Речь идет о попытках Кремля поставить С. Степашина первым номером в избирательном списке этого блока. Неудача в попытке перехватить лидерство в создаваемом блоке, нанесла чувствительный удар по позициям С. Степашина.

Кроме того, сорвалась попытка Кремля создать во главе с С. Степашиным партию «неприсоединивших-

ся» губернаторов, которую президентское окружение рассчитывало противопоставить центристскому блоку Лужкова — Шаймиева.

Кремль с самого начала поставил перед правительством С. Степашина основную цель — установление контроля над газовой монополией и связал с решением этой задачи вопрос о пребывании С. Степашина на посту премьер-министра. Провальные для Кремля результаты атаки на «Газпром», очевидно, учитывались при принятии президентом решения об отставке премьера.

«Газпром» играет одну из ключевых ролей в развертывании важнейших политических процессов. Концерн принял активное участие в формировании движения «Вся Россия». Символично, что представитель «Газпрома» П. Родионов, первый заместитель председателя правления газовой корпорации, был избран в состав президиума политсовета движения.

Кроме того, «Газпром» является одним из крупнейших акционеров «Медиа-Моста» — по разным оценкам, корпорация владеет от 30 до 49 процентов акций этого медиа-холдинга. По некоторым сведениям, в лоббистских планах «Газпрома» объединение «Отечества» и «Всей России» также играло вполне определенную роль. В частности, речь шла об использовании его для создания мощного лобби газовиков в Государственной думе.

Таким образом, в системе отношений между «Отечеством», «Всей Россией», Кремлем, правительством «Газпром» занимал ключевое место, чем и объяснялось стремление президентской команды поставить, к примеру, в «степашинский» период корпорацию под свой полный контроль.

Эта ключевая задача осталась невыполненной, то есть правительству не удалось овладеть и мощным информационным ресурсом, находившимся в руках политических недоброжелателей президента и его семьи — медиа-холдингом В. Гусинского.

Прямые атаки на эту информационную корпорацию не дали результата, так как В. Гусинский, помимо ряда предпринятых мер, воспользовался поддержкой израильского премьер-министра Барака, который нанес однодневный рабочий визит в Москву. По сообще-

ниям прессы, Барак в беседе с глазу на глаз попросил у Б. Ельцина уладить конфликт между президентской администрацией и холдингом «Медиа-Мост», который немало сделал для победы Барака на выборах.

После визита Барака в Москву Федеральная служба налоговой полиции прекратила налоговые проверки, начатые в последней декаде июля в компаниях, входящих в «Медиа-Мост». Считалось, что эти акции были инициированы кремлевской группировкой Дьяченко — Березовского — Абрамовича — Волошина. Эксперты не исключали, что на тормозах будет спущен и конфликт между группой «Медиа-Мост» и «Внешэкономбанком», угрожавшим обанкротить входящую в холдинг компанию «НТВ Плюс». Во всяком случае, определенный шаг в этом направлении был сделан: Московский арбитражный суд отменил свое определение по обеспечительному аресту счетов «Медиа-Моста» и «НТВ Плюс».

Ситуация на информационном фронте для Кремля неожиданно начала ухудшаться и в связи с тем, что после важной политической победы, одержанной командой Ю. Лужкова, сумевшей выстроить блок «Отечество — Вся Россия», отношение к московскому мэру в олигархических кругах начало меняться.

Так, информационно-аналитическая программа ОРТ «Время», контролируемая Б. Березовским, прекратила «информационную войну», которую она вела против «Медиа-Моста» и «Газпрома». В то же время в студию «Времени» был приглашен «триумфатор» Ю. Лужков, давший первое за последний год интервью на ОРТ. Таким образом, для Кремля возникла вполне реальная угроза потери тех информационных ресурсов, которые прежде считались исключительно «президентскими».

Этот ход команды Б. Березовского был тем более неожиданным, что в интервью «Общей газете» (5.08.99 г.) Ю. Лужков фактически потребовал устранения из команды Кремля Б. Березовского и А. Волошина, высказавшись о них весьма нелицеприятно: «Страной сейчас, по сути, руководят два человека, которые проходят по уголовным делам, — Б. Березовский и А. Волошин. И после этого хотят, чтобы к администрации президента кто-то испытывал доверие. Никогда

этого не будет. Честным людям рот уже не заткнешь, правда все равно наружу выйдет».

Команда С. Степашина не справилась и с политическим заказом президента в отношении центристской и левой оппозиции. В частности, креатура С. Степашина — министр юстиции П. Крашенинников не нашел оснований для запрета КПРФ и для исключения из парламентской гонки блока «Отечество — Вся Россия». Как раз накануне отставки С. Степашина Минюст обнародовал информацию о том, что не видит препятствий для участия этого объединения в парламентских выборах.

Мало чем помог экс-премьер и еще одной затее Кремля, связанной с идеей выстраивания правого блока, который пытался сформировать А. Чубайс на основе своего «Правого дела», «Новой силы» С. Кириенко и «Голоса России» К. Титова. К моменту отставки С. Степашина правый блок дал трещину, и появились сообщения о намерении лидера «Голоса России» К. Титова выйти из него. Это также, вероятно, объяснялось стремлением дистанцироваться от Кремля, потерпевшего чувствительное политическое поражение.

Кроме того, начал упираться и лидер движения «Наш дом Россия» В. Черномырдин. Он рассматривался правыми в качестве своего естественного союзника, однако не стал препятствовать стремлению «головки» НДР блокироваться с центристскими силами.

На заседании политсовета НДР 6 августа потерпели поражение попытки близкого С. Степашину А. Чубайса склонить НДР к идее вхождения в правый блок.

По мнению большинства экспертов, они были заранее обречены на неудачу в силу того, что ранее А. Чубайс вел себя не вполне адекватно ситуации: достаточно категорично заявлял с различных трибун, что у НДР нет выбора — «Наш дом» должен либо присоединиться к недавно созданному под его эгидой правому блоку, либо обречен на исчезновение. Эти безапелляционные высказывания вызвали у В. Черномырдина и других руководителей НДР раздражение, так как А. Чубайс явно залез «не в свою епархию».

Отвечая в связи с этим на вопросы журналистов, А. Чубайс не стал скрывать, что его попытка склонить НДР к союзу с правым блоком не привела к успеху. По сообщениям некоторых СМИ, «главный энергетик» в тот же день неожиданно приветствовал объединение «Отечества» и «Всей России», употребив свою излюбленную метафору и назвав этот альянс «последним гвоздем в крышку гроба коммунистической идеи».

Можно назвать и другие, правда, менее значимые причины, приведшие к отставке С. Степашина, однако они скорее подпадали под категорию поводов, нежели объясняли ставшего для многих неожиданным политический смысл такого шага Кремля.

Так, есть сведения, что мощную кулуарную атаку на С. Степашина провел первый вице-премьер Н. Аксененко, на его «подсиживание» достаточно прозрачно намекнул С. Степашин, прощаясь с правительством. Недоброжелательность первого «вице» в отношении С. Степашина объясняется не только тем, что последний являлся личным соперником Н. Аксененко в борьбе за премьерский пост, но и в силу своей принадлежности к иному — «чубайсовскому» — политическому клану, интересы которого расходились с интересами группы Березовского — Абрамовича, стоявшей за Н. Аксененко.

Явно обращали на себя внимание и другие обстоятельства, сопутствовавшие отставке кабинета С. Степашина. Например, буквально накануне очередного правительственного кризиса кто-то организовал попытку покушения на логовазовский офис Б. Березовского. Эта новость в электронных СМИ утром 9 августа подавалась сразу же после сообщения об отставке правительства, создавая впечатление некой связи между этими событиями.

Распространялись слухи о том, что конфликт на границе Дагестана с Чечней имел искусственный характер и специально раздут для того, чтобы объяснить отставку С. Степашина. Известный политический таблоид «Версия», выпускаемый издательским домом «Совершенно секретно», опубликовал материал о контактах между чеченским полевым командиром Ш. Басаевым и «человеком, похожим на главу президентской администрации А. Волошина». По данным газеты «Се-

годня» (12 августа), А. Волошин встретился с Ш. Басаевым в пятницу, 7 августа. После резкого обострения обстановки на границе между Чечней и Дагестаном, С. Степашин был обвинен в неспособности справиться с ситуацией.

В СМИ приводились и другие пикантные подробности очередной внезапной смены премьера, вплоть до слухов, что он якобы обсуждал со своими помощниками планы перехвата власти у президента в случае очередной потери трудоспособности последним.

Не исключено, кстати, что определенную роль в партии оппонентов Б. Ельцина сыграли и влиятельные международные финансовые круги. Так, некоторые аналитики считали, что неудача, постигшая российскую делегацию во главе с министром финансов М. Касьяновым на переговорах с Лондонским клубом, могла быть связана с недовольством западных финансистов тем, что в России укреплялись позиции именно тех кругов, которые имели плохую репутацию на Западе. Ходили слухи, что во время своего визита в США С. Степашин старался показать связи между М. Касьяновым и группировкой Березовского — Абрамовича.

Неудача на переговорах с Лондонским клубом могла привести к серьезным последствиям, тем более что она совпала с публикацией отчета аудиторской компании Rrice Wateghouse Sooregs о финансовой деятельности ФИМАКО и письмом, направленным МВФ правительству и Центробанку России о вскрытых в результате проверки нарушениях в размещении и использовании золотовалютных резервов ЦБ, прежде всего, в 1996—1997 годах, когда они фактически прокручивались на российском рынке ГКО — ОФЗ. При желании эти материалы могли стать поводом для серьезных выводов в отношении дальнейших кредитов реструктуризации российских долгов.

Наконец, среди версий отставки С. Степашина не последнее место занимала гипотеза о том, что, предпринимая этот шаг, Кремль рассчитывал на то, что Дума не даст своего согласия на назначение премьером В. Путина, считавшегося «непроходным».

Однако главной причиной недовольства С. Степашиным со стороны Кремля, очевидно, явилось то, что

он был представителем «гибкой» политической тактики, стремившимся играть роль посредника во взаимоотношениях между президентской командой и ее оппонентами.

В таком же, компромиссном, духе начал действовать и А. Чубайс, который сыграл большую роль в назначении С. Степашина и до последнего момента пытавшегося противостоять планам его отставки, отговорить Б. Ельцина и его окружение от очередной импровизации.

Во второй половине июля, например, А. Чубайс также ориентировался на лавирование между противоборствующими сторонами, нередко меняя свою оценку действиям и намерениям некоторых ведущих игроков. Так, приняв однозначно враждебную позицию в отношении Б. Березовского, он в то же время явно не определил своего отношения к конструкции, которую начали создавать центристские силы. В частности, в ряде своих интервью А. Чубайс явно лавировал и выжидал — то называл позитивным фактом попытку сформировать мощный центристский блок и приветствовал союз Ю. Лужкова — Е. Примакова, то заявлял, что он не имеет перспектив и не позволит России совершить «прорыв в XXI век».

В начале августа, после встречи с Б. Ельциным, председатель правления РАО ЕЭС высказался о необходимости проведения Кремлем более гибкой линии, достаточно нелицеприятно отозвался о политике в отношении группы Ю. Лужкова и ориентированных на нее финансовых кругов и СМИ. По сути дела, А. Чубайс высказался против попыток Кремля поставить под контроль важнейшие политические ресурсы. Логика А. Чубайса вполне понятна, в конечном счете ресурсы концентрировались в руках группировки Березовского — Абрамовича, с которой А. Чубайс пытался конкурировать в борьбе за влияние на президента.

Неспособность, а может, и нежелание в этот период А. Чубайса, поддерживающего С. Степашина, сплотить так называемый правый блок, также, вероятно, сказалась на ослаблении позиций премьера. В этом контексте отставка С. Степашина означала, очевидно, и ослабление политических позиций А. Чубайса.

Отставка С. Степашина означала: попытки здраво-

мыслящей части российского истеблишмента, пытавшейся договориться с шедшей на смену прежней, новой «партией власти», столкнулись с всеобщим эгоизмом элиты именно тех фракций, у которых оставалось мало шансов удержаться на высоких властных позициях.

Это относилось прежде всего к кремлевской команде, которая упорно пропускала мимо ушей все чаще звучавшие намеки представителей постельцинской элиты о том, что «надо договариваться». Кстати, по некоторым данным, С. Степашин во время встречи с Б. Ельциным 5 августа прямо заявил президенту и его окружению, что он, как премьер, считает жесткую линию Кремля, стремившегося к политической монополии, неоправданной и опасной и что необходимо смягчать, а не усиливать конфронтацию.

Действия же Кремля были чреваты тем, что противники кремлевской команды оказались перед необходимостью перенять у Б. Ельцина и его окружения их же тактику, что вообще исключало для «семьи» надежду на благополучный исход схватки за власть. Кроме того, экс-премьер, как утверждали, позволил себе заявить, что не намерен впредь исполнять какие бы то ни было решения «семьи», а лишь самого президента. Однако эта позиция была воспринята в Кремле как очевидное проявление дерзости и чуть ли не предательства.

После отъезда С. Степашина в турне по приволжским регионам и в Дагестан, по данным из осведомленных кругов, президентское окружение заметно сузило круг лиц, вовлеченных в принятие решения по премьеру. В частности, после того как выяснилось, что Б. Березовский начал оказывать знаки внимания формирующейся лужковской «партии власти» и фактически «сдал» было свои СМИ «Отечеству», бывший исполнительный секретарь СНГ был «отключен» от дальнейших совещаний по судьбе правительства. Вскоре Б. Березовский вновь изменил свою позицию. В интервью 12 августа французской газете «Монд» он вернулся на позиции «ястреба», оправдывавшего отставку С. Степашина мягкотелостью последнего, предрекавшего переход «Газпрома» под контроль тех сил, которые преданы президенту.

Как уже говорилось, за бортом остался и А. Чубайс, который без успеха попытался якобы подключить к атаке на Кремль в защиту С. Степашина «демократическую общественность» из своей политической тусовки — Е. Гайдара, Е. Ясина и других. Однако правые в день оглашения указа Б. Ельцина немедленно осудили этот шаг президента. На всякий случай был отодвинут А. Волошин, близкий Б. Березовскому.

За отставку С. Степашина высказался, как считали, самый узкий круг «семьи» — Т. Дьяченко, В. Юмашев, Р. Абрамович. Правдоподобие этой версии очевидно. После оглашения указа президента об отставке правительства А. Чубайс ушел в глубокую тень, что говорило о явном недовольстве решением президента. А. Волошин и Б. Березовский, появившись 9 августа в кулуарах Белого дома, опровергли всякую свою причастность к этому шагу.

То же самое сделали и другие «олигархи» — В. Гусинский, М. Ходорковский, В. Потанин. Кроме того, СМИ, контролируемые Б. Березовским, а также прочубайсовские политические круги без особого энтузиазма восприняли назначение В. Путина. Большинство губернаторов также крайне отрицательно отнеслись к перестановкам в правительстве. Такое отношение губернаторов к переменам было продиктовано, как считали аналитики, не столько антиельцинскими настроениями, сколько здравым смыслом — они не без оснований опасались, что новое правительство мгновенно забудет обязательства старого, даже если большинство фигур в нем останется на своих прежних местах.

Поверхностный анализ принятия решения, приведшего к очередному правительственному кризису, свидетельствовал, что затеянные Кремлем «рокировки» и другие шаги были направлены, прежде всего, на консолидацию президентской команды, в первую очередь за счет усиления в администрации и на других ключевых постах позиций в ближайшем окружении. Речь шла уже и не о «пятерке», усилиями которой был отставлен Е. Примаков, а о «тройке» в составе Т. Дьяченко, В. Юмашева, Р. Абрамовича.

Установка на проведение жесткого курса была бо-

лее близка Б. Ельцину и его ближайшему окружению, убежденному в том, что уступки могут печально закончиться для обитателей Кремля, и привыкшему действовать с расчетом на безоговорочную капитуляцию и полное уничтожение политического противника.

Растущая однородность кремлевской команды принимала черты закрытости, замкнутости, «групповщины». В ближайшем окружении президента появились иллюзии по поводу собственной непогрешимости, неуязвимости, вседозволенности, навязывания обществу своих решений, несмотря на их ущербность.

Эти особенности в полной мере нашли свое выражение как в телеобращении президента от 9 августа, где Б. Ельцин назвал мало кому известного В. Путина «человеком, который способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России, сплотить вокруг себя тех, кому в новом, XXI веке предстоит обновлять великую Россию», так и в ряде других заявлений и планов, которые обнародовал Кремль, до предела раздраженный своими политическими неудачами.

Так, явно под воздействием Кремля ЦИК обратился в Минюст за уточнением, исполнится ли к 19 декабря год со времени регистрации «Отечества», а Минюст произвел проверку правильности регистрации партий, входящих в состав «Отечества». Иными словами, Кремль продемонстрировал всем, что готов идти на крайние меры, лишь бы не допустить участия в выборах нового избирательного блока. Вряд ли он пытался просчитать все последствия, к которым могла привести фактически развязанная репрессивная политика против влиятельных элитных групп.

К этому же ряду действий относились и попытки проведения Кремлем «дифференцированной политики» в отношении составных групп нового центристского блока, например, заявление С. Степашина, что он поддерживает в этом блоке лишь «Всю Россию», а также идея поспешного создания вокруг премьера губернаторского блока «неприсоединившихся».

Таким образом, Кремль не только продолжал утрачивать поддержку в обществе, но и начал действо-

вать явно в логике импровизации. Между тем тактически ситуация требовала перехода президентской команды к более жесткой линии.

Кремль добился решающего перевеса над лужковской командой в сфере силовых ресурсов. После увольнения начальника Центрального регионального управления по борьбе с организованной преступностью Н. Климкина, новой волны проверок московского ГУВД и УФСБ, развала Генпрокуратуры Ю. Лужков оказался вне игры. Перестали угрожать Кремлю и неприятности из Швейцарии — по слухам, были предприняты чрезвычайные меры для того, чтобы банки этой страны ликвидировали опасные счета.

Информационные ресурсы Кремля были по-прежнему велики. Для их удержания в «едином кулаке» необходимо было лишь продемонстрировать жесткий стиль и волю к победе. По сообщениям в прессе, после того как президентская администрация передала подряды на участие в восстановительных работах в Югославии «олигарху» В. Потанину, последний передал контролируемые им газеты «Известия» и «Комсомольская правда» в пользование Кремлю. СМИ Б. Березовского, едва почувствовав «сильную руку», вновь «вернулись под Б. Ельцина».

Очередные кадровые перестановки — отставки заместителя руководителя администрации С. Зверева, главы «Росвооружения» Г. Рапоты — «рокировки» и другие шаги в целом были направлены на консолидацию президентской команды, в первую очередь за счет усиления в администрации и на других ключевых постах группы Дьяченко — Березовского — Абрамовича — Юмашева.

Вероятно, на случай резкого обострения политической ситуации последовали утверждение президентом нового положения о Совете безопасности РФ, расширявшего властные функции этого органа, наделение ФКЦБ репрессивным правом взимания штрафов за нарушение правил фондового рынка его участниками.

Таким образом, для Кремля складывались благоприятные политические условия. После формирования блока «Отечество — Вся Россия» заметно занервничали лидеры левой оппозиции.

Кроме того, в новообразованном блоке Лужкова — Шаймиева также начала усиливаться неопределенность в связи с тем, что, вопреки заверениям создателей этого блока, экс-премьер Е. Примаков, наиболее популярный политик России того времени, заявив о своем согласии возглавить избирательный список «Отечества — Всей России», продолжал хранить молчание и не давал четкого ответа, намерен ли он участвовать в выборах.

Е. Примаков предупредил, что новый блок ни в коем случае не должен становиться на антипрезидентские позиции.

И. о. премьера В. Путину, вступившему на этот пост под лозунгами наведения порядка, укрепления дисциплины, проверки исполнения решений, поначалу не удавалось изменить развитие политической ситуации в пользу Б. Ельцина.

На первых порах В. Путин был значительно ограничен в своих действиях, поскольку Дума еще не дала согласия на его назначение. Предполагалось, что серьезных проблем с прохождением через Думу у него не возникнет, поскольку депутаты не намеревались давать Кремлю повод для роспуска во время начавшейся избирательной кампании, и большинство фракций довольно быстро определилось с решением поддержать кандидатуру бывшего директора ФСБ.

Меры, принимаемые Б. Ельциным, были связаны, прежде всего, с мобилизацией силовых ведомств. Так, прогнозировались вероятные перемены в Минобороны, где мог появиться — либо во главе министерства, либо на посту начальника Генштаба — жесткий и лично преданный президенту бывший командующий Дальневосточного военного округа, начальник Академии Генштаба В. Чечеватов, должна была уйти считавшаяся излишне «гибкой» команда министра обороны И. Сергеева. Большинство экспертов были уверены и в неизбежности ухода министра юстиции П. Крашенинникова, близкого С. Степашину и вызвавшего гнев президента своим «бездействием и попустительством» в отношении политических противников Кремля.

Однако такая политика мобилизации силовых рычагов имела бы смысл, когда правящему классу при-

ходилось идти на подавление массовых выступлений, но в ситуации, когда политика давно ушла с улиц в кабинеты и коридоры, бряцание оружием выглядело бы наивно.

Даже в том случае, если в новом правительстве представительство получила бы исключительно группировка Березовского — Абрамовича, фактически отодвинувшая после отставки С. Степашина группу А. Чубайса, считавшуюся недостаточно лояльной, тенденции развития политической ситуации оставались без изменений. Строительство постельцинской «партии власти» продолжалось.

Очевидно, правы те, кто утверждал: использование административных и силовых средств в качестве давления на СМИ, введение элементов цензуры, а также привлечение правоохранительных органов в качестве инструмента политической борьбы против элиты и ее политических организаций, например, против блока «Отечество — Вся Россия», закончится «катастрофой для власти».

События, развернувшиеся вокруг основных полюсов концентрации партийно-политических сил, подтверждали вывод о том, что формирование постельцинской политической сцены приняло необратимый характер.

Главная тенденция, а именно — консолидация политических сил вокруг блока «Отечество — Вся Россия», как оказалось, не только не приостановилась, но даже заметно усилилась.

Окончательное решение о присоединении к центристскому блоку приняла Аграрная партия России.

«Наш дом — Россия» по высказыванию В. Черномырдина категорически опроверг слухи о возможности вступления в коалиционные отношения с правым блоком Чубайса — Кириенко — Титова. Это заявление, сделанное экс-премьером после встречи с В. Путиным, наблюдатели расценили как свидетельство того, что В. Черномырдин попытается продолжить свои консультации со «Всей Россией» на предмет вхождения в ее состав, а через нее — в более широкую коалицию. По некоторым оценкам, маневры НДР были связаны с планами руководства «Газпрома» создать сильную лоббистскую группировку в Госдуме.

Иначе говоря, оказавшись в условиях жесткого выбора между требованиями президента и императивами собственного выживания, НДР все же продолжил дрейф из правой части политического спектра в центр.

Таким образом, миссия, возложенная на А. Чубайса — создать мощный правый блок, на этом этапе выглядела проблематичной. А. Чубайсу не удалось решить даже в условиях политической неопределенности, вызванной отставкой С. Степашина, задачу возвращения в лоно правых сил движения «Наш дом — Россия», которое вскоре после встречи лидеров правых партий и движений в Зальцбурге — в конце июня — быстро дистанцировалось от других участников коалиции и начало сближаться со «Всей Россией».

Характерно и то, что С. Кириенко не сумел убедить С. Степашина присоединиться к этому искусственно поддерживаемому Кремлем политическому альянсу.

Наконец, проблемы правого блока еще больше усугубились после отставки С. Степашина и назначения В. Путина и потому, что вспыхнул скандал в движении К. Титова «Голос России», политсовет которого высказался за переговоры о присоединении к «Отечеству — Всей России». Хотя К. Титов и близкие к нему функционеры выступили против этого решения, однако этот шаг продемонстрировал, что планы президентской стороны — противопоставить несанкционированному ею блоку Лужкова — Шаймиева мощный правый блок — рушатся, как и попытки остановить консолидацию новой «партии власти» вокруг Е. Примакова и Ю. Лужкова.

С. Степашин, начав, не теряя времени, политические консультации в основном с центристски ориентированными политиками — В. Черномырдиным, В. Рыжковым, О. Морозовым, Е. Примаковым, — уже достаточно четко определил свои политические симпатии к блоку «Отечество — Вся Россия». Это подтверждают планы контактов С. Степашина с Ю. Лужковым и М. Шаймиевым.

По мнению многих аналитиков, вслед за С. Степашиным в блок Лужкова — Шаймиева могли бы войти ряд губернаторов, опираясь на которых С. Степашин попытался бы сформировать собственный блок

из неприсоединившихся губернаторов — Наздратенко, Ишаева и других.

Характерно, что функционеры этого блока, к примеру, руководитель избирательной кампании «Отечество — Вся Россия» Г. Боос, подчеркивали, что их список открыт для С. Степашина и он может занять одно из почетных мест, не исключая и первой тройки. Вопрос о присоединении С. Степашина к «Отечеству — Всей России» рассматривался, в частности, на встрече экс-премьера с координатором «Всей России», руководителем фракции «Регионы России» О. Морозовым.

Не сбылись предположения о том, что в условиях, создавшихся после отставки С. Степашина, в новом объединении, например, возникнут разногласия между лужковской и шаймиевско-яковлевской частями блока по поводу лидера избирательного списка.

Некоторые наблюдатели считали, что «Вся Россия» будет настаивать, чтобы новый блок возглавил С. Степашин. Однако, как стало известно, эта информация не соответствовала действительности, а после переговоров одного из лидеров «ВР» В. Яковлева с Е. Примаковым, последнему было официально предложено возглавить избирательный список объединения.

Таким образом, серьезные перестановки в правительстве не смогли изменить основную политическую тенденцию последних месяцев. А именно — консолидацию истеблишмента вокруг центристской фракции, которая в середине августа окончательно оформилась в избирательный блок.

Едва ли эту ситуацию смогла изменить и попытка Кремля разговаривать с ней жестким тоном. Любое применение силы против своих политических противников привело бы Б. Ельцина к политической катастрофе.

Отставка президентом очередного правительства вызвала у большинства политических деятелей страны негативную реакцию. Оценки даже у политических антагонистов были схожие: «мракобесие», «агония режима» (Б. Немцов), «чего еще можно ждать от этого президента» (С. Иваненко), «клиника» (Г. Зюганов). Поддержали президентское решение В. Жириновский и Б. Березовский. Последний заявил, что «это право президента, Конституцию он не нарушил».

Чтобы несколько разрядить ситуацию, президент в тот же день подписал указ о проведении парламентских выборов в установленные законом сроки — 19 декабря 1999 года.

Важнейшей составной частью всего «мероприятия» стало заявление Б. Ельцина, что он видит В. Путина своим преемником, и подтверждение В. Путина, что он намерен выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах.

Что касается реакции Запада, то официальная позиция властей была традиционно нейтральная. Однако реальное отношение к очередной смене российского правительства откровенно высказывали независимые политологи. И это отношение было крайне нелицеприятным для российского президента, как и для всей России.

По информации радиостанции «Свобода», первые отзывы американских специалистов по России сводились к тому, что «в Москве нет власти, с которой можно вести дела», «непредсказуемая и не заслуживающая доверия власть», «администрация Клинтона осознала, что с российской властью нет смысла общаться, и Россия списана со счетов как партнер». Подчеркивалось, что очередная правительственная рокировка преследовала не экономические, а чисто политические цели. Безусловно, какая-то финансовая помощь будет поступать — Запад откровенно боится коллапса России, но условия ее предоставления принципиально изменены: деньги в руки давать не будут, так как их разворуют. Пока у власти нынешний клан, нет никаких надежд и на приток иностранных инвестиций. Более того, следует ожидать оттока тех иностранных инвесторов и предпринимателей, которые пока еще действуют в России. Россия в глазах Запада выглядит все более дремучей страной, бездарно разбазарившей свой немалый потенциал и неспособной принимать рациональные решения.

Газета «Фигаро» (Франция) высказала опасения относительно складывавшейся в России ситуации и считала, что политическая нестабильность в стране сводила на нет финансовые усилия международного сообщества в отношении России.

Аналогичные мнения относительно очередного по-

литического кризиса в России высказывались в британских и германских СМИ («России сегодня, как воздух, нужна стабильность»).

Бельгийские газеты «Либр Бельжик» и «Суар», говоря о безразличной реакции европейцев, объясняли ее тем, что они окончательно утратили иллюзии относительно серьезности президентства Б. Ельцина; задавались вопросом: не последние ли это судороги загнанной в угол власти или «конец тяжелого царствования»? Вместе с тем высказывалось мнение, что Б. Ельцин ставил перед новым премьером задачу «подготовить сюрпризы», которые выйдут за конституционное поле.

В целом анализ ситуации позволял сделать следующие выводы. Аналитики констатировали очередную «победу» группы Т. Дьяченко — В. Юмашева — А. Волошина.

Решение о замене руководителя правительства было принято «семьей» в качестве последней попытки переломить ситуацию и преследует одну цель — обеспечить гарантии политической и экономической выживаемости президентского окружения.

В качестве первого шага для этого необходимо было сформировать хотя бы минимально лояльную Госдуму. Следовательно, отмечали эксперты, «беспокоящие действия» в отношении КПРФ, «Отечества — Всей России», Е. Примакова и Ю. Лужкова под руководством «жесткого» В. Путина будут интенсифицированы.

Реакция представителей фракций Госдумы позволяла считать, что кандидатура В. Путина на пост председателя правительства будет утверждена. Вместе с тем эксперты высказывали опасения, что чем легче президентскому окружению удается проводить свои самые сумасбродные решения, тем больше шансов на то, что оно на этом не остановится и предпримет новые непопулярные шаги.

Среди них вырисовывались возможные варианты в действиях президентского окружения.

Первый. Оставаясь в рамках Конституции, постараться обеспечить «правильные» результаты парламентских и президентских выборов, которые могли быть назначены и ранее конституционных сроков. При

этом резко усилить давление на «Отечество» — вплоть до возбуждения на некоторых лиц уголовных дел, «Всю Россию» — развал блока с «Отечеством», правительственный нажим на губернаторов, мобилизовать все ресурсы СМИ для реализации плана.

Второй. Если верх будут брать неугодные Кремлю политические силы, то, не отдаляясь от конституционного поля и используя всеобщее недовольство чрезмерной концентрацией власти в руках президента, попытаться с пользой для себя изменить Конституцию, в частности, расширить права лояльного «семье» премьер-министра.

Третий. Если же будет видно, что ни тот ни другой вариант необходимых гарантий не обеспечат (цель все та же — удержание политической и финансовой власти), то Кремль почти наверняка пойдет на неконституционные меры по удержанию власти, включая силовые.

По сведениям из кругов, близких к новому премьер-министру, план, который был выработан ближайшим окружением Б. Ельцина, включал два этапа.

На первом этапе главная роль отводилась вновь назначенному и. о. премьер-министра — ему дан картбланш на проведение «зачистки» среди политических противников «семьи» и их близкого окружения. Среди прочего допускался сбор (или фабрикация) и озвучивание компромата на них. Одна из главных фигур — Ю. Лужков и его окружение. Ясно было, что в ближайшее время будут также приняты меры, в результате которых Ю. Лужков «потеряет Москву». В частности, возможны территориальные изменения: переподчинение Москвы, за исключением «спальных» районов, федеральному правительству с образованием «министерства по делам столицы».

Используя всеобщее недовольство, президент заменит В. Путина на А. Чубайса, С. Шойгу или Н. Аксененко. Причем вторая кандидатура более вероятна.

Будут приняты определенные меры, снижающие недовольство населения, и подтвержден твердый курс на проведение парламентских выборов в установленные сроки.

В оценках перспектив В. Путина как кандидата

в президенты у аналитиков различной политической ориентации было много общего.

Общее мнение таково — «рекомендации» Б. Ельцина россиянам, учитывая беспрецедентно низкий уровень доверия населения самому президенту, скорее всего, могут сыграть лишь негативную роль.

Как Б. Ельцин, так и его ближайшее окружение вряд ли смогли сохранять симпатии к какому бы то ни было политику, который будет проявлять самостоятельность, а, находясь на посту премьера, этого не избежать.

Сам В. Путин в глазах общественного мнения — ставленник «семьи» и преданный ей человек не пользовался авторитетом; он также не пользовался политической поддержкой ни у левых, ни у правых, ни у центристов, а создавать какую-то собственную политическую организацию — идея в складывавшейся ситуации бессмысленная. Лишь неординарные события общенационального масштаба, которые поставили бы премьера в центр событий, а его действия были бы созвучны основной массе гражданам, могли бы вывести его в лидеры.

В СМИ делались намеки на то, что прошлое В. Путина — в частности, его вице-мэрство в Петербурге — тоже далеко не безоблачные.

В обычной обстановке деятельность на посту премьер-министра вряд ли могла принести В. Путину дополнительные дивиденды, учитывая прогнозируемый рост экономических и социальных трудностей, отрешенность западных кредиторов и инвесторов, возросшее недоверие отечественных предпринимателей.

Вместе с тем высказывалось предположение, что «семья» и приближенные к ней финансовые «тузы», сумев поставить под свой контроль основные информационные потоки страны и многие «денежные» ведомства и структуры, да к тому же не обремененные излишней моралью, обладала возможностями «раскрутить» любого кандидата.

И все же преобладающее мнение пока склонялось к тому, что В. Путин, если события будут развиваться

эволюционным путем, имел мало шансов победить на президентских выборах.

Но самое главное — многие аналитики, вопреки заверениям президента, а может быть, именно поэтому, поскольку, как правило, обещания Б. Ельцина сбывались с точностью до наоборот, высказывали сомнение в том, что выборы все же состоятся. Поводом для отмены могло быть все, что угодно: теракты в российской столице или крупных городах, неуправляемый рост социальной напряженности в ряде регионов. И конечно, события на Северном Кавказе. Так, события в Дагестане производили впечатление искусственно смоделированных и хорошо управляемых. В частности, в нужный момент они могли быть направлены таким образом, чтобы обеспечить В. Путину лавры и бойца, и миротворца. Это достаточно ясно вытекало из заявления Б. Березовского сразу после назначения нового и. о. премьера, в котором он отмечал, что С. Степашин не сумел справиться с ситуацией, а у В. Путина есть все возможности, чтобы уладить конфликт. Сам В. Путин также был уверен в этом. Но эти же события могли быть повернуты и так, чтобы дать повод Кремлю ввести режим чрезвычайного положения и отложить выборы.

По мнению руководства КПРФ, выигрыш во времени, достигнутый отставкой С. Степашина, вновь вернул политическую инициативу президентской стороне, и парламентская оппозиция оказалась в положении, когда любой ее следующий ход ей же и невыгоден. Так, отклонение Госдумой кандидатуры В. Путина могло привести к ее роспуску. В этом случае коммунисты лишились бы всех думских материальных и технических возможностей и преимуществ, которые им необходимы в предстоящей избирательной кампании.

Не гарантировало спокойной жизни левым и утверждение кандидатуры В. Путина: через некоторое время премьер мог внести либо неприемлемый для левых бюджет на 2000 год, либо другое «драконовское» экономическое законодательство и поставить их принятие в зависимость от вотума доверия правительству. Отклонение вотума доверия правительству также влекло за собой роспуск Думы.

Кроме того, приняв кандидатуру В. Путина, левая оппозиция дала бы Кремлю возможность утверждать, что она фактически согласилась с предложенным Б. Ельциным кандидатом на пост президента России и одобряет экономические меры правительства. Тем самым оппозиция оказалась дискредитированной в глазах протестного электората, и ее шансы на победу на парламентских выборах могли существенно уменьшиться.

В КПРФ также не исключали, что объявление президентом даты выборов есть не что иное, как «дымовая завеса», под прикрытием которой властью могли быть предприняты «силовые действия», вплоть до отмены выборов. Эти настроения среди левых депутатов Г. Зюганов пытался преодолеть с помощью утверждений, что «умелыми политическими ходами можно вынудить Б. Ельцина провести думские выборы, на которых победа левых сил представляется неизбежной». На обсуждении во фракции кандидатуры нового премьера Г. Зюганов призвал утвердить кандидатуру В. Путина, «который фактически ничем не отличается от Степашина». Эта его линия продиктована тем, что компартия (во многом именно из-за политики самого Г. Зюганова) не обладала реальными возможностями для организации сопротивления возможным неконституционным действиям власти.

Большинство комментаторов отмечали полное отсутствие объяснения мотивов отстранения премьера. По мнению многих информированных лиц, в том числе из администрации президента, главная причина — недоверие Б. Ельцина, которое усилилось тем, что С. Степашин, по мнению президента и его окружения, якобы повел самостоятельную игру на всех уровнях — от регионального до международного.

Следует обратить внимание, что уходя в отставку, С. Степашин на всякий случай присягнул на верность Б. Ельцину, сделав соответствующее заявление. Он заверил, что если, по его же словам, «убежденный карьерист» С. Степашин и отважится на политическую карьеру, то только в составе организации или партии, стоящей близко к президенту.

Многие аналитики сходились во мнении, что основная задача, поставленная перед В. Путиным, — обес-

печить безопасность «семьи» и благополучно «дотянуть» Б. Ельцина до президентских выборов. Для этого В. Путин должен сделать то, с чем, по мнению «семьи», не справился С. Степашин — ослабить движение Ю. Лужкова «Отечество» и внести раскол в союз московского мэра с М. Шаймиевым.

Другая задача нового премьера — решить проблемы Чечни и Дагестана. Б. Ельцин, как большинство политиков его склада, верил в то, что эти проблемы возможно решить средствами силовых структур.

Международные вопросы, как считалось, будут стоять на последнем месте. А между тем Россию ожидали новые проблемы с МВФ, для которого программа и курс нового кабинета, как и перспективы самого В. Путина, оставались загадкой. Трудно было ожидать от западных предпринимателей и банкиров доверия к высшему российскому руководству в свете кратковременности пребывания на посту российских премьеров. К тому же их полная зависимость от президента, что особенно относилось к В. Путину — «самому несамостоятельному из обоймы многочисленных российских премьеров» — усиливало скептическое отношение на Западе к «ритуальным» заявлениям каждого нового премьера о сохранении курса на демократию и рыночные реформы.

По оценке «кремлевских сидельцев», в реакции Запада, в частности, Западной Европы, на приход В. Путина, явно сквозили опасения относительно «силовой направленности» нового российского премьера. В связи с этим проскальзывал намек новому премьеру «держаться в рамках демократических реформ». Силовые и неконституционные действия «силовику» В. Путину не рекомендовались. Что касалось возможных перспектив развития России, то мнения практически были единодушны: в сложившейся обстановке нестабильности такие оценки могут быть сделаны только после парламентских и президентских выборов.

Ряд наблюдателей в связи с отставкой правительства С. Степашина отмечали, в частности, что начало проверки Госналогинспекции Москвы расценивали в Минфине как один из инструментов кремлевской

семьи и нового премьера — ее фаворита по поискам компромата на московского мэра и нужной «семье» перетасовке кадров.

Подтверждая, что «политический заказ» проверяющим сформулирован президентской командой, эти наблюдатели считали, что наиболее вероятным исходом проверки ГНИ могло быть «запрограммированное» обнаружение очередного компромата на Ю. Лужкова и обнародование сведений о нарушителях налогового законодательства, в списки которых могут попасть «заказанные» проверяющим неугодные московские коммерческие структуры. По итогам проверки возможны также обвинения МНС и его руководителя в «неэффективной работе», что для А. Починка должно явиться дополнительным стимулом для формирования необходимых «объективных» выводов по итогам проверки.

По словам одного из финансовых экспертов кремлевской администрации, назначение В. Путина — «прямого ставленника Б. Ельцина» — сводило на нет надежды руководства Мосбизнесбанка добиться пересмотра действий ЦБ по отзыву лицензии.

В частности, мотивированное письмо Ю. Лужкова руководству ЦБ накануне отставки правительства С. Степашина явно наметило позитивный поворот в отношении В. Геращенко к демаршам руководства Мосбизнесбанка и лоббирующего его интересы Банка Москвы, направленным на пересмотр решения ЦБ об отзыве лицензии Мосбизнесбанка. В письме, в частности, отмечалось, что в результате полученных из ЦБ кредитов на цели реструктуризации и поддержки Банка Москвы Мосбизнесбанк смог добиться существенной стабилизации своего финансового положения и готов начать возвращать средства кредиторам. Был подготовлен и согласован график удовлетворения их требований. К тому же, по мнению Ю. Лужкова, решение о банкротстве Мосбизнесбанка проходило с нарушениями установленного порядка и главным мотивом этой акции было намерение ослабить финансовый блок сторонников «Отечества» на предстоящих выборах.

Однако после прихода в правительство В. Путина все эти обоснованные доводы вряд ли будут приняты

во внимание. На первый план выдвигались чисто политические задачи антилужковской программы Кремля. Ожидалось, что руководство ЦБ под давлением премьера, скорее всего, подтвердит свое решение.

По прогнозам экспертов, широкомасштабный выброс компромата на Ю. Лужкова и его окружение мог начаться в сентябре. Не исключался вброс заранее отработанных компрометирующих аудио-, видео- и фотоматериалов.

С подачи СМИ Генпрокуратура, МВД, ФСБ и налоговая полиция начнут проверки в финансовых фондах и структурах Москвы. Последуют обвинения Ю. Лужкова в том, что он создает «режим наибольшего благоприятствования» для чеченских, азербайджанских и грузинских ОПГ. Для осуществления намеченных мероприятий по Ю. Лужкову подбирались надежные исполнители. Кампания будет сопровождаться атаками на тех, кто поддерживал Ю. Лужкова, включая информационные структуры, в первую очередь «Мост». Так, касаясь возможных перемен в сфере масс-медиа, наблюдатели предупреждали, что нельзя исключать проявления большей жесткости к «диссидентствующим олигархам». В частности, под предлогом обеспечения внутриполитической стабильности накануне выборов могли быть предприняты какие-либо санкции, ограничивавшие возможности и свободу информационной деятельности «Медиа-Мост».

Лидер движения «Новая сила» С. Кириенко заявил о намерении правых сил еще до президентских выборов 2000 года организовать проведение всероссийского референдума по вопросу о внесении изменений в Конституцию России. По его мнению, «новый президент должен избираться по новой Конституции». На референдум предлагалось вынести вопрос об ограничении абсолютного права президента отправлять в отставку правительство, о гарантиях безопасности и права собственности, о необходимости изменения закона о СМИ.

С. Кириенко утверждал, что уже создан штаб референдума, инициативная группа готова зарегистрироваться и приступить к сбору необходимых для проведения референдума 2 млн. подписей.

Характерно, что вопрос об ограничении прав президента в отношении правительства корреалировался с «глубинным» планом дальнейших действий президентской администрации. Как уже отмечалось, ни одна из действовавших российских политических сил не могла быть отвергнута с порога, учитывая настроения в стране и в политических партиях в условиях постоянной смены главы правительства.

В то же время, как представлялось, в стратегическом плане правые, не питая надежд на то, что следующий президент будет их сторонником, стремились лишить его значительной части полномочий — в части смены правительства, перераспределения собственности и сохранения независимых от власти СМИ. Потеря интереса к этому посту в случае внесения соответствующих изменений в Конституцию также входила в их планы.

В тактическом плане они, видимо, таким образом хотели бы попытаться обеспечить сохранение у власти того премьер-министра, который достанется новому президенту «по наследству» от Б. Ельцина.

Кроме того, инициатива с проведением референдума, даже если результат был бы нулевым, являлся тем долгосрочным информационным поводом, который позволил бы правым «светиться» в средствах массовой информации в течение длительного времени совершенно бесплатно.

В предвыборной кампании «Отечество» и его союзники исходили из того, что целесообразней будет подготовить заранее ряд «информационных заделов» по наиболее важным проблемам, что позволило бы движению и блоку в целом с минимальными финансовыми затратами популяризировать свою позицию перед широкой аудиторией. Эти заделы по времени их реализации могли быть длительными — например, инициатива проведения референдума относительно внесения поправок в Конституцию и их содержания, и краткими — например, присоединение Е. Примакова к блоку «Отечество — Вся Россия»).

Представлялось также важным накопить как можно больше таких заделов к самому разгару или даже окончанию предвыборной кампании и не торопиться с их использованием, когда впереди еще четыре месяца

борьбы, а большинство населения находилось в отпусках или было занято уборкой урожая на приусадебных участках. Тем более что и основные ТВ-каналы «находились в отпуске» и показывали в значительной мере лишь устаревшие и неинтересные массовому зрителю программы.

Команда московского мэра исходила из того, что Кремль, скорее всего, постарается сделать все, чтобы у «Отечества» и блокирующихся с ним партий и движений не было «позитивных» поводов для выступления в СМИ. Прогнозировалось, что в связи с ожидавшимся потоком компромата против московских руководителей, лично Ю. Лужкова, членов его семьи и соратников, будет сделано все для того, чтобы возникало как можно больше «негативных» поводов, когда Ю. Лужкову и его сподвижникам придется все время оправдываться, а значит, не просто утрачивать инициативу, а качество. При многократном повторении такого сценария интерес к блоку наверняка начнет падать, а количество его противников увеличится. В этой связи тем более важно иметь в заделе «позитивные» поводы для широкого освещения в СМИ.

По-новому заговорили о комиссии по восстановлению Югославии. В. Потанин высказал опасения относительно судьбы этой недавно созданной комиссии, которую возглавлял С. Степашин. После возвращения из США, где он находился с официальным визитом, бывший премьер явно смягчил свою позицию по Югославии, ориентируясь на сближение с Западом. Этот поворот сблизил заместителя главы комиссии В. Потанина с С. Степашиным, прежде всего в вопросе о тесной кооперации с планами стран НАТО по восстановлению Югославии, а также в оценках режима С. Милошевича и его будущего. По словам В. Потанина, такой подход гарантировал выход России «на большие деньги» и получение крупных подрядов на поставки российского оборудования и стройматериалов для западных проектов в Югославии.

В этой связи В. Потанин опасался, что В. Путин в погоне за репутацией «истинного славянофила» — а этого требовала и отведенная ему роль «престолонаследника», может занимать более жесткую и не-

зависимую позицию по Югославии, что могло лишить Россию вполне реальной претензии на роль одной из стран-доноров в восстановлении югославской экономики, а самого В. Потанина, естественно, ожидаемых им немалых доходов. В этом случае российской комиссии по восстановлению Югославии пришлось бы рассчитывать только на деньги российского бюджета и расстаться с надеждами на освоение части средств, выделяемых на югославские проекты западными донорами.

Истинная ситуация в Дагестане существенно отличалась от той, которая преподносилась в СМИ, а операция по освобождению захваченных боевиками населенных пунктов во многом развивалась неблагоприятно для федерального центра. По мнению экспертов, федеральный центр вновь наступал на «чеченские грабли». Повторялись все те же недостатки: ориентация на исключительно силовое решение проблемы, причем организация этой силовой акции грешила теми же недостатками. Со стороны казалось, что не было единого руководства силовыми ведомствами, ни один из силовых министров и их высокопоставленных представителей в Дагестане не хотел брать на себя ответственность за разрешение конфликта. Крайне слабо было организовано обеспечение операции — тыловое, материально-техническое, боевое, особенно разведка и связь. Нередко «вытесненные» федеральными силами боевики возвращались в села после ухода войск. Перекрытие границы с Чечней в горных районах Дагестана от проникновения вооруженных боевиков практически было невозможно. Высказывались опасения, что так называемое «народное ополчение» вряд ли может серьезно противостоять в прямых вооруженных столкновениях с хорошо обученными и оснащенными бандформированиями. Потери среди них, как и среди мирного населения, особенно в результате авиа- и артиллерийских ударов могут крайне негативно повлиять как на общий климат в Дагестане и во всем Северном Кавказе, так и на без того невысокий авторитет федерального центра. Вывод накануне конфликта российских десантников из Ботлиха и снятие пограничных постов в этом районе было, по мнению

экспертов, головотяпством, если не сказать — преступной ошибкой.

Заявленные новым премьер-министром и министром внутренних дел сроки завершения конфликта (1,5 — 2 недели) представлялись нереальными. Если даже будет достигнута видимость «вытеснения» вторгнувшихся на территорию Дагестана сил ваххабитов, то глубинные причины, конечно же, не будут устранены. «Странные» особенности этого конфликта наводили на мысль, что он хорошо управляем, а значит, использовался не только одной стороной в собственных целях.

Вину за это многие наблюдатели однозначно возлагали на власть. По их словам, дагестанские события наглядно показывали, что процессы распада Российской Федерации — весьма реальны, если уже не начались. На их нейтрализацию должны быть брошены все усилия федерального центра.

В этой связи любопытны английские оценки ситуации в России. По оценкам лондонских экспертов, в ближайшие три — пять лет Россия из кризиса не выберется. Такой вывод содержался в докладе, подготовленном для Т. Блэра. В перспективе, после ухода с арены Б. Ельцина, ожидается более равновесное распределение властных функций между президентом, правительством и парламентом. Но главные процессы будут происходить в регионах, которые в постельцинский период предъявят еще большие претензии к федеральному центру.

Поэтому английские специалисты по России рекомендовали своему правительству отыскивать и взращивать «своих людей» и политических лидеров на региональном уровне, приглашать их в Лондон и «работать» с ними.

В числе перспективных политических фигур федерального уровня были названы Ю. Лужков, А. Лебедь, Г. Зюганов, К. Титов и др. Имя В. Путина не называлось скорее по инерции. По мнению англичан, если выборы состоятся досрочно — победит Е. Примаков, а если вовремя — Ю. Лужков, у которого наибольший управленческий опыт, хотя он и меньший демократ, чем Е. Примаков. А. Лебедь отчасти управляем, но его экономическая программа невнятна, команда сла-

ба или ее совсем нет. У Г. Явлинского шансов на президентство, по мнению англичан, не было.

Политические обозреватели выделили некоторые аспекты программного выступления В. Путина в Государственной думе.

Во-первых, отсутствие четкой программы по выводу страны из затянувшегося кризиса. В докладе были обозначены некоторые узловые проблемы социально-экономического плана — долги бюджетникам, АПК, ОПК, поддержка реального сектора экономики и ряд других, но как их намерено решать правительство В. Путина — было совершенно не ясно. Из экономических «нововведений» — только, пожалуй, намерение списать долги оборонных предприятий бюджету, хотя, по мнению некоторых экспертов, это могло привести к дальнейшему росту неплатежей.

Во-вторых, твердо выраженное намерение премьера, причем в качестве главной задачи правительства, обеспечить «честные и справедливые» выборы 1999—2000 годов. Но надзор за соблюдением законности, «честности и чистоты» выборов — функция отнюдь не правительства (ст.114 Конституции РФ), а ЦИК, региональных избирательных комиссий.

Это «обязательство» В. Путина лишний раз убеждало наблюдателей, что он поставлен во главе правительства в основном для обеспечения выгодных власти результатов парламентских и президентских выборов. В этой связи следовало ожидать, что по отношению к неугодным предвыборным блокам и кандидатам будут применяться в полном объеме все допустимые законодательством формы давления, хотя избирательное их применение уже можно расценивать как нарушение закона. Не исключались и действия, выходящие за рамки закона — тем более что правительство по действующей Конституции, а главное, по сложившемуся положению (преданный президенту и его «семье» премьер и его первые заместители, тщательно подобранный состав кабинета — ни одного «оппозиционера» или «инакомыслящего», кадровая «дубина» и т. п.) фактически подотчетно только президенту.

В-третьих, о борьбе с коррупцией — «забойная» тема всех последних правительств, в том числе Е. При-

макова и С. Степашина, — В. Путин не говорил. Речь шла лишь о проникновении преступности в экономику и о разросшемся теневом секторе экономики. Причину В. Путин видел в «слабости государственных институтов», в которых он намерен, как и в других сферах, и в стране целом, навести «дисциплину и порядок». То есть, признавая неэффективность административных методов воздействия на экономику — то же картельное соглашение, заключенное правительством С. Степашина в отношении цен на топливо, — В. Путин в то же время намеревался заняться именно этим.

В-четвертых, путей разрешения общерегионального кризиса на Северном Кавказе, помимо силового, обозначено не было. Максимум, что пообещал премьер, — заняться «искоренением социально-экономических причин терроризма». По мнению аналитиков, такой односторонний подход к многофакторной проблеме Северного Кавказа способен лишь на какое-то время загнать вглубь конфликты в Дагестане и других республиках региона.

В целом же, если судить по докладу В. Путина депутатам Госдумы, новый премьер ясно продемонстрировал, что его правительство основную, если не единственную, ставку в своей социальной и экономической политике намерено делать на силовые решения. В этой связи обращало на себя внимание и заявление Б. Ельцина о «сплоченной, как никогда сильной и организованной нынешней команде силовиков». Следовало также учитывать, что такой курс мог быть поддержан довольно многими избирателями — сторонниками «сильной руки», тем более что в краткосрочной перспективе, по крайней мере до президентских выборов, и особенно при соответствующей рекламе в подконтрольных правительству СМИ он вполне мог создать видимость эффективности своей деятельности. А это, в свою очередь, вело к резкому увеличению шансов В. Путина на выборах 2000 года. Достаточно вспомнить «эффект А. Лебедя» 1996 года, который многого добился только, по существу, словесными обещаниями именно в таком же силовом ключе.

Крупнейшим политическим событием августа-99 было создание предвыборного блока Е. Примакова —

Ю. Лужкова — М. Шаймиева. Оно было болезненно воспринято Б. Ельциным, который считал, что это заговор «элиты против вождя». Вину за это в Кремле возлагали на С. Степашина. Досталось за недоработку и А. Волошину. Образование этого блока во многом сыграло на руку В. Путину, который и был избран преемником президента — как один из наиболее верных его сторонников, к тому же, по расчетам, способный справиться тем или иным способом с новым объединением. В частности, подтверждением этого многие аналитики видели встречу В. Путина с одним из его руководителей В. Яковлевым после объявления Е. Примаковым своего решения возглавить блок.

В рамках этой ситуации расценивалось и намерение С. Степашина создать собственный губернаторский союз «правоцентристских сил». Расчет С. Степашиным делался на то, чтобы перехватить у Е. Примакова часть губернаторов и политорганизаций. В качестве потенциальных членов упоминались помимо НДР партия А. Лебедя, движение «Преображение Урала» Э. Росселя, остатки «Голоса России» К. Титова. В случае успеха инициативы С. Степашина новый союз не только смог бы нанести ощутимый урон коалиции «Отечество — Вся Россия», но и создал бы собственную политическую организацию к президентским выборам 2000 года.

Внимание наблюдателей привлекала и ситуации с созданием предвыборного блока правых сил. По словам Б. Немцова, в блоке «Правое дело» собрались именно те профессионалы, которые нужны стране в данный период ее развития. «Мы, — утверждал Б. Немцов, — золотой кадровый резерв России». С его точки зрения было бы преступно «нам («младореформаторам». — *В. Г.*) отдыхать еще 4 года». Тем не менее избиратели, похоже, пока не оценили «профессионализм» Б. Немцова и его сторонников по блоку «Правое дело», поскольку надежд на преодоление блоком пятипроцентного барьера на этот период времени имелось немного.

По этой причине Б. Немцов и его партнеры всячески старались заманить в свои союзники НДР. Это для них было выгодно во всех смыслах: дополнительные голоса плюс деньги «Газпрома» плюс авторитет руко-

водителей — набиравший силу, не скомпрометировавший себя В. Рыжков и пользовавшийся влиянием среди ряда губернаторов В. Черномырдин. Наконец, их прельщало и то, что премьер В. Путин — активный, по словам В. Рыжкова, член НДР. Хотя сам В. Путин от этого открестился, понимая, что для него как «престолонаследника» это не слишком выигрышная характеристика.

Что касается НДР, то там брали верх опасения, что блок с «младореформаторами», на которых, по мнению многих избирателей, лежит вина за провалы в экономической и внешней политике последних лет, никак не добавит авторитета НДР. Кроме того, по открытому признанию В. Рыжкова, в их организации крайне сильны личностные мотивы: многие видные члены НДР являлись ярыми противниками А. Чубайса или Е. Гайдара, Б. Немцова или С. Кириенко. К тому же лидер НДР В. Черномырдин, похоже, сильно опасался, что среди этой плеяды молодых, по-своему ярких и амбициозных личностей его имидж, и без того подмоченный, еще больше потускнеет. Даже если объединенный блок ПД+НДР пробьется в Госдуму, лично В. Черномырдину мало что светит.

С другой стороны, в НДР понимали, что в одиночку пробраться в Госдуму тоже вряд ли удастся. Расчет на привлечение в свои ряды С. Степашина не оправдался. Поэтому следовало все же ожидать, что в конце концов будет принято решение о присоединении НДР к той или иной предвыборной коалиции. В сущности, выбор перед ними небольшой: или «Правое дело», или «Отечество — Вся Россия», или, возможно, «правоцентристский блок» С. Степашина, если его удастся сгруппировать. Поэтому эндээровцы занимали выжидательную позицию, избегая категоричности. Вместе с тем их тактика давала возможность блоку Е. Примакова — Ю. Лужкова — М. Шаймиева попытаться привлечь часть членов НДР на свою сторону.

В августе уже вовсю говорили о подключении к предвыборной кампании финансово-промышленных групп и банков. В частности, обсуждалось отношение руководства «Альфа-банка» к ряду политиков и политических сил. Были подтверждены предположения, что наряду с В. Путиным «семьей» на должность нового

премьера рассматривался Н. Аксененко — на него якобы был даже подготовлен проект указа президента. Исходя из главной задачи — «добить» Ю. Лужкова — был выбран В. Путин, тем более что он уже сделал, и, по мнению «семьи», неплохо, первые шаги в этом направлении. К тому же он «звезд с неба не хватает», а значит, нерегулируемых «семьей» амбиций проявлять не должен и готов выполнить любой приказ президента. Его — задача провести выборы. «Семья» твердо намерена утопить Ю. Лужкова, а с ним и Е. Примакова. Их будут «шельмовать по полной программе». В. Путина и его команду настраивали на то, что Ю. Лужков и Е. Примаков — диктаторы по натуре и их союз с М. Шаймиевым и М. Рахимовым грозил зловещими последствиями для России. Под их управлением страна якобы придет к полному распаду, так как регионы-доноры будут диктовать свои правила игры. Но главное, чего больше всего опасались в «семье» и ближайшем окружении, — это передела собственности, который наверняка будет иметь место, если президентом станет Ю. Лужков или Е. Примаков.

Высказывалось также убеждение, что В. Гусинский в конце концов поймет, от кого зависит его бизнес, и будет «дожат». Если он и не возьмет сторону Кремля, то будет придерживаться нейтралитета.

По некоторым данным, Т. Дьяченко пыталась «пробить» пост вице-премьера для М. Лесина, поскольку в предвыборный период на посту «капитана по информации» требовался человек с большими полномочиями.

А что в это время происходило в Дагестане? Западные СМИ посвящали событиям в северокавказской республике значительное внимание. Это связывалось, прежде всего, с заинтересованностью западных нефтяных монополий в этом регионе, а также — и не в последнюю очередь — со стратегическими и геополитическими интересами лидера западного мира — США на Северном Кавказе. Утверждалось, что этот район фактически стал независимым от России. Высказывались опасения, что военная кампания России против исламистов могла привести к повторению чеченской трагедии. В то же время подчеркивалось, что большинство — если не все российские политики — хотели

избежать повторения Чечни и все делали для этого, что объяснял недостаточно активный и решительный характер действий российских войск по «вытеснению» боевиков. Появление Ш. Басаева в качестве руководителя операции расценивалось как неприкрытое и демонстративное оскорбление России.

По мнению западных политологов, конфликт в Дагестане мог иметь для России гораздо более опасные последствия, чем чеченская война 1994—1996 годов. Возможные угрозы для России: полное перекрытие российских маршрутов транспортировки каспийской нефти; выход Чечни к морю, а в дальнейшем — образование на юге России недружественного и воинственного государственного образования; наконец, угроза дальнейшего распада России («эффект домино»).

Позитивным для интересов Москвы моментом в дагестанском конфликте являлась извечная вражда чеченцев с аварцами — наиболее многочисленной народностью многонационального Дагестана. Именно это являлось тормозящим фактором выхода Дагестана из Российской Федерации и причиной фактического провала расчетов исламистов на всенародную поддержку единоверцев в Дагестане. Однако, как отмечала турецкая печать, Москва неэффективно использовала этот фактор.

Иностранная пресса прямо указывала на возможную связь сепаратистских действий исламистов с планами кремлевской верхушки, рассматривая это в качестве повода для введения режима чрезвычайного положения и отмены выборов, если предвыборная ситуация будет развиваться в нежелательном для Кремля направлении.

18 августа В. Путин и А. Волошин провели совещание с тремя бывшими экс-премьерами и А. Чубайсом. Оно имело целью отнюдь не решение кадровых вопросов, к которым бывшие премьеры традиционно не допускались, и не конфликт в Дагестане. Это легенда. Истинная цель — обсуждение планов действий правительства и администрации в предвыборных кампаниях 1999—2000 годов и консолидация действий всех сил, которые могли быть задействованы в борьбе с суперблоком Е. Примакова.

Подоплека этой активности ясна: ни в коем случае

не допустить к власти тех, кто может отобрать «добро, нажитое непосильным трудом» за годы правления Б. Ельцина и призвать к ответу за разграбление страны. Недаром в качестве главных идеологов и консультантов антилужковской «путины» выступали А. Чубайс, Б. Березовский, А. Волошин. Один из кремлевских чиновников выразился в следующем духе: «Лужкову никогда не дадут победить. Пойдут на все, что угодно: ЧП, объединение с Белоруссией, «вплоть до танков» — в случае, если события начнут развиваться в опасном для Кремля направлении. На борьбу с «Отечеством» будут брошены все имеющиеся в распоряжении Кремля и Белого дома ресурсы страны. Самый актуальный лозунг момента для правящего режима: «Вся Россия — на борьбу с «Отечеством»!».

Он просил обратить внимание на ряд «многозначительных» назначений последнего времени: В. Путин, Ю. Чайка, Н. Патрушев. Наконец, на должность начальника Военной академии Генерального штаба вместо Третьякова назначен командующий Дальневосточным военным округом В. Чечеватов — исключительно исполнительный и преданный Б. Ельцину, к тому же способный выполнить, не рассуждая, все, что прикажут из Кремля. Его, по-видимому, решили держать «под рукой» на случай чрезвычайных событий.

Для борьбы с «московскими бунтарями» все активнее подключались спецслужбы, особенно ФСБ, МВД и Генпрокуратура.

Не случайна была и возня, поднятая председателем ЦИКа А. Вешняковым в отношении даты регистрации «Отечества». Конечно, результатов она не дала, но оказала моральное давление как на руководителей блока, так и на его электорат.

Но особое внимание было уделено работе с регионами. Использовались все возможные рычаги воздействия на губернаторов и других региональных лидеров. Легче всего задача решалась в дотационных регионах.

Так, Р. Аушева предупредили в кремлевской администрации о возможных экономических и других трудностях, если он будет поддерживать блок Е. Примакова. В этой связи также не случайно, что свой первый визит в регионы в качестве премьера В. Путин совер-

шил в Новгородскую область. Возможно, по замыслам В. Путина губернатору М. Прусаку, учитывая его устойчивый политический «нейтралитет», известную амбициозность и антипримаковский настрой плюс такой «крючок», как государственные дотации, отводилась одна из ведущих ролей в формируемой анти-«Отечественной» коалиции.

Оценивая последствия очередного августовского кризиса власти, большинство экспертов выражали мрачные «предчувствия». Ибо, по их мнению, сколько-нибудь обоснованная аналитика при непредсказуемом — физически и интеллектуально — президенте, его манипулируемости практически невозможна. Они обвиняли Кремль в перманентном и искусственном инспирировании экономической и социальной нестабильности. Сравнительно небольшая часть аналитиков считала, что Б. Ельцин, заменив С. Степашина на В. Путина, совершил логичный ход с хорошо просчитанными последствиями.

Экс-премьер совершил целый ряд существенных упущений. Главное из них — безынициативные действия против Ю. Лужкова; образование союза Ю. Лужков — М. Шаймиев — В. Яковлев; не поставлены под контроль «Газпром» и Р. Вяхирев; эскалация напряженности на Северном Кавказе: Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия. В ближайшей перспективе возможно развитие ситуации в стране по «жесткому» сценарию, что потребует от правительства более решительных действий, на которые С. Степашин не способен. В. Путин во всех отношениях более подходит для Кремля — тот же С. Степашин. Он внешне на первый взгляд менее самостоятелен, более послушный, но решительный и жесткий.

Что касалось «преемнической миссии» В. Путина, то аналитики при ее оценке исходили из следующего: тогдашние шансы В. Путина быть избранным президентом России близки к нулю; он не являлся публичным политиком; идея «преемничества», о которой говорили уже давно, явно «перегорела» и воспринималась как «политическая ловушка», предназначенная либо прикрыть другого «преемника», либо обеспечить Б. Ельцину возможность реализации краткосрочной политической комбинации.

Ясно было, что ближайшая задача В. Путина —

и как премьера, и как «наследника» Б. Ельцина — «изменить политическую конфигурацию», а именно — по максимуму ослабить крайне опасную для правящей кремлевской верхушки коалицию Е. Примаков — Ю. Лужков — М. Шаймиев и, по возможности, создать мощную прокремлевскую политическую коалицию, способную захватить «господствующие высоты» в предстоящих предвыборных кампаниях.

В этой новой «политической конфигурации» известная роль отводилась КПРФ и ЛДПР.

Восьмилетний «антагонистический симбиоз» Б. Ельцин — Г. Зюганов выгоден, по-видимому, обеим сторонам. У Б. Ельцина всегда была возможность пугать и Запад, и российского обывателя «коммунистическим реваншем», умело регулируя активность коммунистов. Показательно в этом смысле принятие бюджетных законов, проваленный импичмент, безропотное утверждение четырех премьеров за последние 15 месяцев, принятие требуемого МВФ пакета экономических законов. А в сложившейся ситуации, когда быстро набирала силу действительно опасная для кремлевских «сидельцев» сила — ОПОО «Отечество» и блокировавшиеся с ним другие центристские демократические движения, КПРФ намерены были использовать в борьбе против «общего противника». Характерно, в частности, что антикоммунистическая риторика Кремля, Б. Березовского и их рупора В. Жириновского к августу заметно поутихла. Г. Зюганова же, похоже, вполне устраивало сложившееся положение.

Эксперты отмечали также, что события на Кавказе, как никогда, были «информационно прикрыты». Это связывалось с тем, что, помимо жестких силовых мер против боевиков, проникших в Дагестан, и, возможно, против Чечни, ситуация могла быть использована Кремлем и в политических целях.

Что касалось «политического ландшафта» предстоявшей предвыборной кампании, то он в целом выглядит следующим образом.

На первый план выдвигалось блокостроительство. Эта тенденция захватила весь политический спектр и на ближайший период обещала быть превалирующей.

«Правый фланг». Положение дел здесь было более неопределенное. «Правое дело», собравшее под крыло скомпрометировавших себя недавних руководителей государства и правительства, не пользовалось сколько-нибудь значительной поддержкой ни в одном из регионов. НДР, растерявшая свою власть и авторитет, также находилась пока в раздумье и не решалась примкнуть к какой-либо близкой организации. Были определенные трудности и с созданием влиятельной коалиции «правых».

«Левый фланг» был далек от прежней партийной согласованности: в Аграрной партии назревал раскол; близко к уходу из НПСР было движение «Духовное наследие» А. Подберезкина; недовольство Г. Зюгановым высказывали и левые радикалы. Да и в самой КПРФ далеко не все было благополучно, многие ее руководители расходились по ряду вопросов с руководителем.

Центр занимал блок Е. Примакова. Его значимость и влияние росли. Лидеры блока — Е. Примаков, Ю. Лужков, М. Шаймиев, В. Яковлев и другие воспринимались как фигуры, которые смогли стабилизировать российскую ситуацию. Однако и здесь до уверенной консолидации сил еще было далеко. Предстояла большая работа, чтобы не дать коалиции развалиться из-за усиливающегося воздействия извне, укрепить ее, усилить влияние, особенно в регионах.

Неожиданно в августе заговорили о высокой смертности населения в России. Оппозиционные СМИ считали ее следствием политики, которую проводила ельцинская власть в течение последних лет. Проблема получила широкое международное звучание.

Так, в докладе ООН по Восточной Европе отмечалось, что, вопреки общемировой тенденции увеличения продолжительности жизни, практически во всех странах на территории бывшего СССР росла смертность, особенно среди мужского населения. В России средняя продолжительность жизни мужчин в России составила всего лишь 58 лет. «Уцелевшие» мужчины страдали от болезней, депрессии, алкоголизма. В стране резко увеличился разрыв между количеством мужчин и женщин, все меньше заключалось браков, все меньше рождалось детей. Сокращение общей численности населения

поставило Россию на грань демографической катастрофы. Ее причину международные эксперты связывали с экономической и политической нестабильностью, ростом безработицы, распадом социальной системы. Все больше людей утрачивали надежду и ощущение безопасности, у них росла тревога за будущее.

Из досье «О демографической ситуации в России»

В последние десять лет постоянно повторяющиеся незавершенные эксперименты над государством, экономикой и обществом исчерпали политический капитал и экономический потенциал России. По мнению независимых экспертов, речь идет не о цепи временных кризисов, а о долгосрочной структурной нестабильности, для преодоления которой недостаточно имеющихся в распоряжении власти инструментов краткосрочного действия.

Негативные оценки относительно возможности быстрого преодоления общего кризиса связываются прежде всего с массивными демографическими потерями последнего десятилетия. В частности, за период с 1992 по 1998 г. население России сократилось на 2 млн. человек. Наибольшие годовые темпы падения численности населения отмечены в 1996 г. (0,32%). Этот процесс продолжается. За 1998 г. население уменьшилось на 405 тыс. человек (на 0,28%), при этом естественная убыль (относительное превышение смертности над рождаемостью) составила 705 тыс. человек.

Особенно велика естественная убыль населения в центральных регионах России. Так, коэффициент убыли на 1000 человек в Псковской области превышал среднероссийский показатель в 2,5 раза, в Тверской и Тульской — в 2,3 раза, в Ивановской — в 2,2 раза, в Рязанской и Смоленской областях — в 2 раза.

Естественный прирост населения наблюдался лишь в Республиках Алтай, Тыва и Калмыкия, в ряде республик Северного Кавказа, в Тюменской и Читинской областях. Его максимальное значение отмечается в Республиках Ингушетия и Дагестан (1,2%).

Быстро сокращается население в северных и восточных районах: в Чукотском автономном округе (в 1998 г. на 5%), Магаданской (2,4%), Сахалинской (2%), Мур-

манской (1,6%) и Камчатской (1,5%) областях, Республике Саха (1,5%), а также в некоторых районах Центральной России — Тульской, Смоленской, Псковской областях (примерно 1%). Со времени последней переписи населения 1989 г. Чукотский автономный округ уже потерял почти половину своих жителей, а Магаданская, Камчатская и Мурманская области — соответственно 35%, 17% и 13% населения.

Вместе с тем следует отметить, что показатель естественной убыли постепенно уменьшается после скачка в 1994 г. В 1998 г. его значения по сравнению с предыдущим годом улучшились в большинстве субъектов РФ (на их территории проживает 78% общей численности населения).

Естественная убыль объясняется чрезмерно высоким уровнем смертности и низким уровнем рождаемости. Коэффициент смертности на 1000 жителей в среднем по стране составил 13,6 и варьируется по регионам от 6,5 (в Республике Ингушетия) до 19,1 в Псковской области.

Комплексный анализ данных социальной статистики свидетельствует о том, что сокращение продолжительности жизни в 90-е годы прямо или косвенно связано с резким и разносторонним ухудшением условий жизни. Так, в 1998 г. доля бедного населения составила 30%, доля бедного населения с детьми — 44%. С 1992 г. стала расти заболеваемость туберкулезом (на 10—15% в год) и смертность от него увеличилась к 1998 г. в 2 раза.

Как поведенческая реакция населения на резкое ухудшение жизни быстро росло потребление алкоголя и наркотиков. Уровень подверженности алкоголизму в 1997 г. в среднем по России составил 118 человек на 100 тыс. населения. Наиболее высок он был в Магаданской (321), Тюменской (228), Иркутской (207), Липецкой (185), Сахалинской (184), Курской (172), Ивановской (170) областях. Высока смертность населения, живущего на загрязненных территориях (7% от общего числа случаев смерти в таких регионах). Резко стала ухудшаться ситуация с заболеваемостью ВИЧ-инфекцией и сифилисом. В 1997 г. заболеваемость сифилисом достигла 277 на 100 тыс. человек, что в 40 раз выше уровня, зарегистрированного в 1991 г. Ожидается, что в начале

следующего десятилетия примерно 1% взрослого населения будет поражен ВИЧ.

Особую озабоченность вызывает серьезное нарушение демографической структуры России. С 1991 года вероятная продолжительность жизни российских мужчин снизилась до 58 лет, то есть она существенно ниже уровня Центральной Европы и сравнима с продолжительностью жизни в таких странах, как Бразилия и Индия. Смертность населения после стремительного роста в 1992 —1994 гг. начала снижаться по мере адаптации населения к новым социальным и экономическим условиям, особенно существенно она снизилась для возраста от 45 до 60 лет. Однако сохраняется высокая смертность в возрасте от 15 до 24 лет.

Число рождений в 1998 г. составило 1285 тыс. человек, что на 26 тыс. больше, чем в 1997 г., но на 19 тыс. меньше, чем в 1996 г.

Наблюдается резкое падение коэффициента рождаемости у женщин в возрасте до 25 лет, причем их число и доля в общей численности женского населения постепенно увеличиваются. Прекратилось снижение рождаемости и даже намечается ее рост у женщин в возрасте от 25 до 45 лет. Из регионов по итоговому коэффициенту рождаемости (с учетом всех возрастов) лидируют республики Северного Кавказа. В группу замыкающих регионов входят, в частности, Москва и Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская и Псковская области.

Свое влияние на уменьшение рождаемости оказывает и снижение показателей бракосочетаний. Несмотря на рост доли женщин молодых возрастов, в 1998 г. заключено наименьшее за весь послевоенный период число браков — 848 тыс. По сравнению с 1997 г. оно уменьшилось на 80 тыс., а с 1989 г. — на 650 тыс. Динамика показателя отражает серьезные изменения, затронувшие сам институт семьи. Под воздействием перемен в нормах социального поведения увеличивается число нерегистрируемых браков. Самые высокие показатели заключения браков — в Москве и Санкт-Петербурге, в Тюменской области, а самые низкие — в Пермской, Кировской, Иркутской областях.

Хотя в стране снижается абсолютное число разводов, одновременно отмечается рост соотношения

числа разводов и браков. За 1998 г. в целом по стране число разводов составило 59 на 100 браков. В регионах Дальнего Востока, Ивановской, Ярославской, Калининградской, Свердловской, Омской, Рязанской областях и некоторых других оно превышало среднероссийский показатель на 30 — 40%. Наиболее крепки семейные традиции в национальных образованиях, особенно в Республике Дагестан. Тем не менее динамика изменения этого показателя сходна почти во всех регионах.

С точки зрения соотношения рабочих и нерабочих возрастов Россия вошла в благоприятный период. Однако через 8 — 10 лет ожидается сильное увеличение нагрузки на трудоспособное население.

Естественная убыль населения частично компенсируется миграционным приростом, за годы реформ он был максимальным в 1994 г. Тогда в страну, по официальной статистике, въехали 1,15 млн. человек, а выехали — 0,23 млн. После 1994 г. число прибывших быстро сокращалось, а отъезжающих — установилось на низком уровне. В 1998 г. миграционный прирост составил 300,2 тыс. человек (въехали 513,5, выехали 213,3 тыс. человек).

Карта общих миграций свидетельствует о тяготении населения к старообжитым регионам. Наибольшее миграционное давление испытывают приграничный пояс европейской части и юг Урала, а также Центральный район.

Многие факторы позволяют предположить, что периода демографической катастрофы Россия еще не миновала, хотя пик кризиса остался позади. По оценкам экспертов, до 2010 года численность населения России снизится еще на несколько миллионов, что негативно отразится на состоянии экономики, социальной структуре и даже обороноспособности страны.

Вызывала беспокойство сложившаяся ситуация в Дагестане. Многие российские и зарубежные аналитики считали, что она может оказаться для России куда более серьезней, чем проблема Чечни.

В Дагестане разгорался не просто конфликт, как это было в моноэтнической Чечне на начальном этапе ее противостояния России. В многонациональном Дагестане ислам объединял многие его народности, и силовые действия российской армии могли быть вос-

приняты как поход против ислама, причем не только в Дагестане, но и в других республиках Российской Федерации и государствах СНГ с преобладанием мусульманского населения. Достаточно вспомнить позицию Татарстана в отношении российской политики в балканском конфликте. Тем более что исламизация конфликта наверняка будет усиленно поддерживаться внешними силами. Это крайне тревожный фактор для российского федерализма, как и вообще для территориальной целостности страны.

С учетом местности Дагестана и других факторов полная ликвидация боевиков там практически невозможна, а следовательно, невозможна и полная победа над ними без больших потерь с российской стороны. Это могло не только вызвать напряжение в армии и среди населения, но и сильно обострить всю внутреннюю обстановку в стране. Поступала информация, что в армии нарастало недовольство тем, что ее в очередной раз «подставили», заставляя воевать на своей территории. Это недовольство усиливалось недостатками в организации боевых действий, их обеспечении, управлении и взаимодействии.

Вооружение населения в Дагестане и Ставрополье — мера, вынужденная в сложившейся обстановке, — могло привести к негативным последствиям. Не исключалось, что завтра это оружие будет повернуто друг против друга или против Российской армии.

Судя по некоторым признакам — переброска дополнительных военных сил в район конфликта, развертывание госпиталей, возможности которых значительно превышали потребности в мирное время, закрытость в информации, — можно было предположить, что российская армия готовится расширить масштабы военных действий.

Зарубежные эксперты считали, что в ответ на развитие этого конфликта, рост числа разрушений и жертв, особенно среди мирного населения, последует жесткая реакция Запада, в частности США, что может привести к серьезным экономическим и политическим санкциям.

Решение Е. Примакова возглавить объединенный предвыборный блок «Отечество — Вся Россия» вызвало заметное внимание не только в России, но и за

рубежом. Отмечалось, в частности, что альянс между наиболее популярными политиками России — Е. Примаковым и Ю. Лужковым способен существенно изменить политический ландшафт России и в перспективе заложить основы мощного общероссийского политического движения.

Правительство В. Путина, по отзывам прессы, все больше напоминало предвыборный штаб партии «Моя семья». В администрации президента и силовых структурах налаживали строгий контроль за лояльностью подчиненных. Обращалось внимание на твердое убеждение Б. Березовского, высказанное им газете «Вашингтон пост» от 19 августа, в том, что «Б. Ельцину не унаследуют ни Е. Примаков, ни Ю. Лужков».

Кроме того, Б. Ельцину и «семье» был необходим контролируемый парламент. В этом отношении крайне невыгодной представлялась победа ОВР — авторитетной и самостоятельной демократической и конструктивной оппозиции. Намного удобней и выгодней работать с привычными и сравнительно легко регулируемыми партиями Г. Зюганова, Г. Явлинского, В. Жириновского и их вождями. Поэтому генеральная цель — добиться максимального вытеснения оппозиционеров, особенно «лужковцев», из избирательных списков. Ставилась задача сделать так, чтобы еще во время избирательной кампании собрать и огласить весь компромат на неугодных, на противников режима, потребовать от ЦИКа под любым предлогом исключения такой фигуры из списков. Эта работа велась по всем избирательным округам.

В этой связи администрацией президента России реализовывался сценарий, направленный на раскол или максимальное ослабление основного противника — суперблока ОВР. Планом предусматривались такие направления, как «чистка» списков блока ОВР под прикрытием обеспечения «чистых и честных выборов»; «вбивание клиньев» между Ю. Лужковым и Е. Примаковым; «работа» с региональными вождями с целью отколоть их от блока, а также поддержка ресурсами Кремля и Белого дома конкурирующих политических сил — «Яблока», ЛДПР, движения А. Лебедя и даже КПРФ. Все это должно было нанести

значительный морально-психологический ущерб движению.

Принимались меры по усилению и «персонифицированию» информационной войны, основное острие которой направлялось против лидеров блока — Е. Примакова, Ю. Лужкова, В. Яковлева.

Большое значение придавалось заключению союза С. Степашина с «Яблоком». Выгоды от этого союза рассчитывали получить как С. Степашин и Г. Явлинский, так и кремлевская команда.

Надежды С. Степашина были связаны с обеспечением уверенного прохождения в Думу и получением там высокого поста — от спикера до руководителя одного из ведущих комитетов. Для него также было важно не быть окончательно выброшенным из-«кремлевской обоймы». Поэтому С. Степашин явно обрадовался благосклонной реакции своего кремлевского «сюзерена» на заключение такого союза.

Однако непросто для него складывались отношения с «вождем» движения Г. Явлинским, причем не только в рамках президентских выборов 2000 года. Настороженно отнеслись к С. Степашину, занявшему второе место в избирательном списке, «яблочные» ветераны и давние соратники Г. Явлинского В. Лукин и А. Иваненко.

Кроме того, вряд ли ему так просто было замести свой след как в чеченской войне, одним из главных инициаторов и исполнителей которой он был, так и в провальной политике федерального центра на Северном Кавказе в целом. Эта бесславная часть его карьеры бросала тень на все движение, которое до сих пор последовательно выступало против чеченской войны.

И — вынужденное противоборство в одномандатном округе с Г. Селезневым, пожалуй, самой сильной фигурой левой оппозиции. Конечно, победа над Г. Селезневым значительно повысила бы авторитет С. Степашина. Но Г. Явлинский опасался, что такая победа могла затмить его как вождя «Яблока», особенно в преддверии президентских выборов. С другой стороны, поражение С. Степашина, пожалуй, было бы более выгодно лидеру «Яблока» и его ближайшим соратникам, так как сразу поставило того на место

и сделало более управляемым. К тому же для С. Степашина такое поражение, конечно же, закрыло бы путь к президентскому «трону», что тоже на руку Г. Явлинскому.

Расчеты Г. Явлинского базировались на том, что включение С. Степашина как новоиспеченного экс-премьера, «ни за что обиженного» Б. Ельциным, существенно поднимали вес «Яблока» на выборах в Госдуму. Следует признать, что эти расчеты вполне оправданы — С. Степашин наверняка повысит шансы «Яблока» на парламентских выборах. Союз с С. Степашиным позволил также Г. Явлинскому установить более тесные отношения с Кремлем и Белым домом и, похоже, заручиться их поддержкой, что крайне важно, учитывая контроль Кремля над огромными информационными и финансовыми ресурсами страны. Кстати, аналитики отмечали, что «вечный оппонент» всех правительств Г. Явлинский заметно лояльней относился к правительству В. Путина и в чем-то даже пошел на сотрудничество с ним.

Кремлевская команда, планы которой в отношении формирования мощного правового блока, противостоящего блоку Ю. Лужкова — М. Шаймиева, провалились, надеялась, что «Яблоко» с С. Степашиным, особенно при его соответствующей поддержке и раскрутке, сумеет отобрать у ОВР значительную часть электората. Да и новую Думу сделать менее оппозиционной и более послушной.

В целом аналитики исходили из того, что союз С. Степашина с «Яблоком» достаточно устойчив, по крайней мере, на период до парламентских выборов, поднимал шансы движения, прежде всего за счет потенциального электората ОВР, то есть делал его одним из главных соперников ОВР на предстоявших парламентских выборах. В этом союзе были и свои слабые стороны. «Отечество» в свою очередь также хорошо продумало свою линию поведения в отношениях с «Яблоком» как одним из главных конкурентов в рамках парламентских выборов, а также определилось, кого целесообразней поддерживать в одномандатном округе, где «скрестят шпаги» С. Степашин и Г. Селезнев.

Следует заметить, что у «Яблока» были натянутые

отношения со всеми лидерами «Всей России» — М. Шаймиевым, М. Рахимовым, В. Яковлевым. В этих регионах «Яблоко» находилось в оппозиции по отношению к местной власти и вынуждено было поэтому выступать против ОВР.

Оппонентам ОВР, в том числе и «Яблоку», неизбежно пришлось использовать против этого блока тезис об ОВР как новой «партии власти». Они полагали в этой связи, что Ю. Лужков ошибочно соединился с партией губернаторов.

Главные аспекты критики ОВР, по мнению авторов анализа, содержались в следующем: деятели блока ОВР всегда поддерживали Б. Ельцина, особенно на выборах 1996 года; оппозиционная федеральному центру «партия богатых регионов» — это партия развала федерации. Аналитики «Яблока» рекомендовали своему руководству перехватить этот тезис, пока этого не успел сделать Кремль.

«Яблоко» предлагалось пропагандировать как наиболее конструктивную из трех ведущих политических сил страны: «партии власти» (ОВР), «коммунистической оппозиции» (НПСР и КПРФ), «некоммунистической оппозиции» («Яблоко»). Подобная схема, как они надеялись, «подтолкнет» электорат к выводу: «Если ты против власти и против коммунистов — голосуй только за «Яблоко».

Фигура Е. Примакова могла «оттянуть» к ОВР не только часть левого электората («умеренные государственники»), но и избирателей «Яблока» средних и пожилых возрастов и высокого образовательного уровня. Поэтому считалось особенно опасным для «Яблока» «воссоединение» Е. Примакова с «Отечеством» и «Всей Россией» и рекомендовалось лидерам «Яблока» обратить на это особое внимание.

Эксперты «Яблока» также отмечали очевидный высокий «уровень недоверия» по отношению ко всем партиям и движениям, что могло повлиять на снижение явки на выборы и повышение доли голосования «против всех». При этом они признавали, что ОВР во главе с Е. Примаковым вызывает у избирателей все же меньше недоверия по сравнению с другими политическими силами.

По данным опросов, «уровень недоверия» состав-

лял у ЛДПР — 82,7 процента, у КПРФ — 79,1, у НДР — 72,0, у «Правого дела» — 60,0, у А. Лебедя — 60,9, у «Яблока» — 55,7, у «Блока Ю. Болдырева» — 53,0, у «Всей России» (отдельно) — 48,0, у «Отечества» (отдельно) — 46,0, у Примакова — 31,0 процента.

По критерию «доверия» избирателей (по убывающей) распределение электората, по данным аналитиков «Яблока», было несколько иное: наибольшим доверием пользовалась фигура Е. Примакова, затем шли КПРФ, «Яблоко» и «Отечество».

Похоже, что одной из характерных особенностей избирательных кампаний 1999—2000 годов являлось значительное увеличение влияния естественных монополий на ход и исход выборов.

Так, Министерство путей сообщения еще в июле разослало в свои региональные структуры циркуляр с требованием выдвигать по одномандатным округам представителей МПС.

Использовались и методы персонального давления на руководителей различного ранга. Например, руководитель ростовской региональной организации «Отечество» В. Колесников (ректор Ростовского государственного университета путей сообщения, член Центрального совета ОПОО «Отечество») подвергался сильному давлению — от него открыто и жестко требовали порвать все отношения с движением «Отечество». Это сильно затрудняло работу региональной организации. Аналогичные примеры были и в других регионах.

Активно работал в регионах и А. Чубайс, используя возможности РАО ЕЭС.

Не остался в стороне и «Газпром». В своих отношениях с губернаторами Р. Вяхирев, используя проблему неплатежей, самым активным образом включился в процесс формирования списков одномандатников в регионах. Не приходилось сомневаться, что возможности «Газпрома», особенно в нефтегазодобывающих и перерабатывающих регионах, широко использовались и в интересах НДР.

По линии администрации президента России лояльные к Кремлю губернаторы получили указание о выдвижении по одномандатным округам согласованных с администрацией кандидатов в депутаты и их продви-

жения в Государственную думу под личные гарантии руководителей регионов.

О событиях в Дагестане. Хотя, по заявлению федеральных органов, территория Ботлихского района была полностью очищена от боевиков, однако говорить о завершении там конфликта не приходилось. По итогам этой операции можно было сделать ряд выводов.

Война в Дагестане далеко не закончена. Даже представители федеральных сил говорили только о завершении первого этапа операции. Следовало ожидать дальнейших вылазок боевиков как с территории соседней Чечни, так и непосредственно с территории Дагестана. Тактика боевиков могла быть изменена. Основной упор может быть сделан не на захват населенных пунктов, что вызвало бы крайне негативную реакцию местного населения, а на ведение партизанской войны, проведение террористических актов и диверсий. Тем не менее прикрытие границы между Чечней и Дагестаном, а также усиление группировок федеральных войск на наиболее вероятных направлениях действий боевиков потребуют привлечения значительных сил и средств. Потребуются дополнительные расходы на восстановление разрушенных сел, обустройство беженцев на новых местах, на обещанное увеличение денежного довольствия военнослужащим. При ограниченных возможностях центра эта задача представлялась крайне сложной.

Ситуация могла еще более усложниться при распространении боевых действий на территорию Чечни. А такие факты уже имели место.

К операции исламских радикалов в Дагестане были причастны внешние силы, в том числе Саудовская Аравия, Турция, включая их спецслужбы. Как известно, США уже давно объявили Кавказский регион зоной своих жизненно важных интересов. Они стремятся решить здесь две задачи: ослабить до минимума влияние России и установить свой контроль над энергетическими ресурсами региона, путями их транспортировки. В частности, данный конфликт, по сути, свел на нет заверения российских представителей о якобы безопасной транспортировке нефтепродуктов в обход Чечни, через территорию Дагестана, но об этом подробней в следующих главах.

Глава 3

БАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ

Выбирать — но из кого? — Президентский зондаж. — Предвыборный фон. — Под неусыпным оком. — «За Победу!» КПРФ — АПР: «Вернись, я все прощу». Лукин, подвиньтесь! — Человек № 2 в партии «Яблоко». — В центре политического поля. — Правые: хрупкое единство. — Джентльмены, не обижайте женщин

В развитии обстановки во властных структурах в июле — начале сентября 1999 года с точки зрения подготовки к парламентским и президентским выборам выделялись несколько этапов. Рубежом стало 9 августа — день отставки С. Степашина, назначения и. о. главы правительства В. Путина и официального начала предвыборной кампании.

К этому времени стало очевидно, что идея пролонгации полномочий президента воспринята российской элитой с непониманием.

Встречаясь в июне с руководителями региональных законодательных собраний, президент Б. Ельцин сделал попытку «пробросить» идею о том, что не исключается возможность продления всех выборных органов власти, публично признав, что он озабочен поиском путей удержания верховной власти в стране в своих руках. Дискуссия, начавшаяся в обществе в связи с подобными планами Кремля, показала однако, что даже в рядах российской элиты мало кто разделял его позиции на этот счет. Намек президента, в частности, не нашел отклика у участников встречи и повис в воздухе, после чего президенту не оставалось ничего другого как подчеркнуть свою «приверженность Конституции».

Отклики на этот зондаж со стороны ведущих рос-

сийских политиков также оказались в целом отрицательными.

Губернатор Приморского края Е. Наздратенко, например, на своей пресс-конференции во Владивостоке заявил, что перенос президентских выборов недопустим и будет встречен как в России, так и в мире с большим непониманием. Ю. Лужков также публично отметил, что президенту следует брать пример с южноафриканского лидера Н. Манделы, который, чтя Конституцию, вовремя ушел со своего поста. Правда, большинство региональных лидеров вслух не высказали своего отношения к намекам Б. Ельцина, но можно было не сомневаться в том, что мало кто решился бы открыто поддержать их как в центре, так и в регионах. Другие представители политической элиты также откликнулись на заявку президента без энтузиазма или использовали эту «горячую» тему в интересах межклановой борьбы, причем далеко не в выгодном для Б. Ельцина плане.

Вынашивавшиеся в Кремле идеи найти повод для введения чрезвычайного положения, получившие широкую огласку и общественный резонанс, особенно в начале июля, достаточной поддержкой не пользовались.

Официальный старт избирательной кампании был объявлен президентским указом от 9 августа.

Еще в июне Б. Ельцин подписал федеральный закон «О выборах депутатов Государственной думы, Федерального собрания РФ», который был призван не допустить использования так называемых грязных избирательных технологий в предвыборной кампании и воспрепятствовать проникновению во власть людей с криминальным прошлым. В частности, закон исключал возможность досрочного голосования на выборах в Госдуму. Он устанавливал обязательность указания в подписных листах в поддержку кандидатов и списках кандидатов, а также в избирательных бюллетенях сведений о наличии у кандидатов не снятой или не погашенной судимости с указанием номера и наименования статьи Уголовного кодекса или иного закона, на основании которой кандидат был осужден. Если у кандидата было гражданство иностранного государства, оно также должно быть указано в названных документах. Кроме того, законом устанавливалось требование

предоставления при регистрации кандидатов сведений о размере и источниках их доходов, сведений об имуществе, принадлежащем кандидатам на правах собственности. В законе были закреплены нормы, препятствовавшие появлению кандидатов-двойников от избирательных объединений и облегчающие различить кандидатов-однофамильцев посредством введения псевдонимов.

Тогда же председатель ЦИК РФ А. Вешняков заявил, что в России по-прежнему останется 225 избирательных округов, и единственно, что может измениться — некоторое уменьшение их в одних субъектах РФ и соответственно — увеличение в других.

29 июня Федеральная служба безопасности впервые за последние годы проявила намерение легально вмешаться в политический процесс. На Всероссийском совещании органов ФСБ контрразведчики обсудили, как им обустроить выборы в Госдуму. С. Степашин объяснял представителям центральных и региональных «органов», что «криминалитет, бандиты и жулики» ломятся в политику, а через нее — в верховную власть. Он призвал аудиторию к профессиональному участию в выборах, имея в виду присутствие чекистов на всех этапах предвыборной борьбы и непосредственно при голосовании. Премьер не стал разъяснять, в чем, собственно, должно выражаться это «присутствие». Особо С. Степашин остановился лишь на информационном обеспечении выборов. По мысли тогдашнего главы правительства, избиратель имеет право знать о кандидате все.

На 1 июля перерегистрацию в Минюсте прошли 442 общественных объединения из 1332 существовавших. Около 750 общественных объединений, не прошедших перерегистрацию, будут ликвидированы. Об этом заявил занимавший в то время пост министра юстиции П. Крашенинников.

Он напомнил, что 30 июня истек установленный законом срок перерегистрации общественных объединений, зарегистрированных по прежнему законодательству. Министр сообщил, что только за последние дни в Минюст с просьбой о перерегистрации обратилось более 100 общественных объединений. Причем более 50 объединений сделали это 30 июня. «Важно очиститься от организаций, которые существуют толь-

ко на бумаге, чтобы в канун парламентских выборов не создавались липовые коалиции и избирательные блоки», — сказал глава Минюста. Он также напомнил, что все крупные партии и общественные объединения, включая те, которые представлены в Госдуме, уже давно прошли перерегистрацию.

6 июля Конституционный суд РФ дал разъяснения по поводу того, как и когда президент передает свои полномочия премьер-министру. Суд подтвердил, что премьер получает президентские полномочия, во-первых, когда президент сам объявляет о своей отставке; во-вторых, «в случае стойкой неспособности главы государства исполнять свои обязанности», в-третьих, когда президенту объявлен импичмент. Во всех трех случаях, как и записано в Конституции, через три месяца должны состояться новые выборы главы государства. КС особо отметил, что полномочия «временного президента» существенно отличаются от полномочий всенародно избранного главы государства. Исполняющий обязанности президента, например, не может распустить Госдуму, назначить референдум и инициировать поправки в Конституцию.

В других случаях, как считал КС, президент может избавиться от своих полномочий на время. А когда проблем не будет, взять их обратно. Однако решение о временной передаче полномочий премьеру можно принять, как постановил КС, и без согласия главы государства — если «объективно исключено принятие президентом такого решения». Какой именно случай имел в виду КС, в решении не уточнялось. Как и то, кто именно принимает в таком случае решение о передаче полномочий.

5 июля было объявлено, что председатель Центризбиркома А. Вешняков и министр по налогам и сборам А. Починок достигли «полного понимания» относительно форм и методов взаимодействия их ведомств в ходе подготовки предстоявших выборов в Госдуму. Как отметил А. Вешняков, эта договоренность позволит нормам нового закона о выборах работать эффективно. А. Починок заявил, что сотрудники налоговых служб понимают свою роль в обеспечении честных выборов. По его словам, важно, чтобы кандидаты в депутаты могли потратить более или менее сопоставимые средства в ходе избирательной кампании. В за-

коне эти средства ограничены размером 10 000 минимальных оплат труда для кандидатов и 250 000 минимальных оплат труда для объединений, причем эти средства должны находиться на специальных счетах Сбербанка. А. Починок подчеркнул, что к моменту объявления выборов декларации уже будут полностью собраны и будет возможность проверять эти данные и данные, представленные в избиркомы. При этом будет сохранена налоговая тайна. Избиркомы получат только выжимки из документов, которые необходимы для проверки данных по кандидатам. По результатам проверок избиркомы смогут принимать решения вплоть до снятия кандидатов с регистрации, сообщил А. Вешняков. Если же несоответствия в данных о кандидатах выяснятся уже после выборов, их будет рассматривать суд, который вправе лишить нарушителя депутатского статуса.

Между тем Б. Ельцин активно работал с «силовиками».

В ходе состоявшейся 5 июля в Кремле встречи президента и министра внутренних дел В. Рушайло обсуждался, в частности, вопрос о возможных мерах органов МВД в связи с предстоявшими в декабре выборами в Госдуму. Как заявил глава МВД сразу после встречи с президентом, речь идет о том, чтобы «противостоять нарушениям на парламентских выборах, противостоять грязным технологиям, которые уже начинают использовать на региональном уровне». В. Рушайло сообщил, что на встрече с президентом обсуждался также вопрос о предотвращении проникновения криминальных элементов во власть. По его словам, речь идет о взаимодействии МВД с Центральной избирательной комиссией, Федеральной службой безопасности, о координации всех действий правоохранительных структур России.

Собрав 8 июля генералитет в Кремле, Б. Ельцин хвалил ФСБ, «обеспечившую стране экономию в десятки миллионов рублей» в ходе борьбы с экономическими преступлениями, терроризмом и коррупцией. На добром счету у президента ФАПСИ, поскольку этому ведомству удалось «установить паритет в информационном противоборстве со спецслужбами ряда стран, в том числе США», Служба внешней разведки («знают свое дело») и МЧС. С видимым удовольствием прези-

дент заявил, что внутренние войска на Северном Кавказе стали активнее бороться за сохранение правопорядка. Досталось только министру юстиции П. Крашенинникову, которого президент обвинил в том, что его ведомство «зачастую не знает, кто работает против ветвей власти».

Продемонстрировав перед генералами физическую форму, Б. Ельцин неизбежно дал пищу разговорам о желании Кремля опереться на силовиков в обострявшейся политической обстановке. В этой связи очередная выволочка, устроенная им министру юстиции, смотрелась вполне органично. Левая оппозиция приняла на свой счет намерения главы государства подавить политический экстремизм.

Одновременно, наряду с мерами юридического характера и по линии спецслужб и других силовых структур, Кремль и Белый дом предпринимали усилия в информационно-пропагандистском обеспечении предвыборной кампании.

Так, в июле было создано министерство под руководством входившего в ближний круг «семьи», проверенного в горниле предыдущих выборов М. Лесина. Это ведомство в официальных кругах стали называть «министерством правды», а оппозиционные силы и большинство СМИ окрестили его как «министерство пропаганды».

Как отмечала пресса, в 90-х годах ум и находчивость позволили М. Лесину стать совладельцем агентства «Видео интернэшнл», активистом предвыборного штаба Б. Ельцина в 1996 году, автором слогана «Голосуй сердцем!» и, что, может быть, самое важное, близким другом Т. Дьяченко. По итогам выборов М. Лесин оказался сначала в кресле начальника Управления администрации президента по связям с общественностью, а с 1997 года — первого заместителя председателя и фактического руководителя ВГТРК. Просочившаяся за несколько часов до обнародования указа о создании Минпрома реплика С. Степашина о том, что «будет создана федеральная структура, которая будет консолидировать в себе все пропагандистские функции государства», лишний раз подчеркнула, что в год выборов в Кремле и в Белом доме сочли опасным расплывчатость функций Госкомпечати и Федеральной службы по телевидению и радио-

вещанию (ФСТР) по отношению к независимым и к государственным СМИ. И что Белый дом отныне не будет вести собственную игру на пропагандистском поле, а вольется в кремлевский оркестр.

9 июля Центральная избирательная комиссия утвердила схему образования одномандатных избирательных округов для проведения выборов депутатов Государственной думы третьего созыва. По словам председателя ЦИК А. Вешнякова, по сравнению с выборами Госдумы второго созыва количество одномандатных избирательных округов увеличилось в Дагестане и Краснодарском крае и соответственно уменьшилось в Мурманской и Читинской областях на один округ.

В июле в информационные сети была вброшена новация о том, чтобы провести одновременно выборы президента России и Госдумы в декабре 1999 года. Как сообщили социологи Всероссийского центра изучения общественного мнения, эту мысль поддержали 46 процентов опрошенных москвичей, отрицательно к ней отнеслись 20 процентов респондентов. Большинство москвичей (72 процента) отрицательно отнеслись к возможности переноса выборов президента и Госдумы на более поздний срок — 2001 или 2002-й год. Только 1 процент опрошенных поддержал такую идею.

Между тем президент, кроме очевидного для всех плохого состояния здоровья, не давал повода для рассуждений о том, готов ли он пойти на досрочное прекращение своих полномочий.

В преддверии кампании по выборам депутатов Госдумы Б. Ельцин 20 июля призвал всех ответственных политических деятелей страны «воздержаться от заявлений, которые нагнетают политические страсти и могут привести к дестабилизации обстановки в стране». Он отметил, что в последние дни «некоторые российские политики допустили заявления, по сути, откровенно провокационного характера». У президента вызывала тревогу тенденция использовать любые происходящие в России события «для громких политических деклараций».

По линии Минюста и правоохранительных органов продолжались мероприятия по усилению контроля за подготовкой и ходом избирательной кампании.

Так, 23 июля министр юстиции П. Крашенинников

заявил, что в преддверии выборов проверки Минюстом партий и движений будут усилены. По его словам, более 140 общественно-политических партий и организаций, которые были зарегистрированы до 19 декабря 1998 года, не могут участвовать в выборах в Госдуму. П. Крашенинников признал, что в прошлом были случаи создания в некоторых субъектах РФ отдельными партиями и движениями своих отделений на предприятиях, в связи с чем Минюст вынес им предупреждения. Касаясь РНЕ и национал-большевистских организаций, министр отметил, что «в принципе было сделано все, чтобы они не попали на выборы как общественные объединения».

В конце июля в Генеральной прокуратуре состоялось закрытое координационное совещание руководителей правоохранительных органов страны, посвященное предстоящим выборам 1999—2000 годов. На нем обсуждались механизмы информационного обеспечения законности в период предвыборных кампаний, а также вопросы взаимодействия правоохранительных органов с избиркомами и СМИ. Было принято решение, что на период выборов на федеральном, региональном и местном уровнях будут созданы рабочие группы из представителей прокуратуры, МВД и ФСБ, которые должны оперативно реагировать на сообщения о нарушениях избирательного законодательства.

На проведение выборов в Госдуму из государственного бюджета предусматривалось выделить 1,4 млрд. руб. Об этом сообщил 7 августа председатель Центральной избирательной комиссии РФ А. Вешняков. По его словам, в эту сумму входили расходы и на кандидатов в депутаты, и на плату работникам избирательных комиссий всех уровней.

ЦИК, несмотря на большую неразбериху в вопросах строительства блоков, уделял повышенное внимание «Отечеству» и «Всей России».

Так, в интервью газете «Время» 9 августа А. Вешняков предупредил, что «Отечество — Вся Россия» (ОВР) и праволиберальная коалиция, в которую входили такие организации, как «Правое дело», «Голос России» и «Новая сила», а также любой другой блок, составленный из нескольких избирательных объединений, при определенных условиях могут быть сняты

с предвыборного пробега. Угроза заложена в законе «О выборах депутатов Госдумы». Согласно одному из его положений, если зарегистрированный список кандидатов теряет 25 процентов наличного состава, избирательное объединение или блок отстраняется от участия в выборах. Произойти это может в том случае, если по суду будет признано, что одна из организаций-учредителей блока не имеет права участвовать в парламентских выборах.

В дальнейшем председатель Центризбиркома высказывался главным образом по этому поводу в отношении блока ОВР, оставляя в стороне другие зарождавшиеся коалиции.

Отставку правительства С. Степашина 9 августа большинство партий и движений расценило как имевшую непосредственное отношение к предстоявшим выборам.

Так, политсовет «Отечества» в тот же день выступил со следующим заявлением:

«В связи с очередной отставкой правительства Российской Федерации политсовет выражает крайнюю озабоченность складывающейся в стране обстановкой. Решение об отставке фактически принято узкой группой лиц в угоду своим собственным интересам. Оно противоречит обеспечению стабильности в обществе, решению жизненно важных проблем страны и ее граждан, сохранению гражданского согласия и мира.

Стало окончательно ясно, что у Кремля нет осмысленной социально-экономической стратегии и кадровой политики. Его действия потеряли всякий смысл, государственную логику и предсказуемость. Более того, они являются опасным индикатором движения власти к силовым методам решения политических проблем, для чего нет никаких объективных причин. В этой связи политсовет «Отечества» предостерегает все органы власти и всех должностных лиц, независимо от рангов, от любых противозаконных и неконституционных действий. Мы обращаемся ко всем политическим силам общества, региональным лидерам, силовым ведомствам, трудовым коллективам, к гражданам страны с призывом предпринять все меры, чтобы не допустить неконституционного развития ситуации».

Министерство РФ по делам печати в середине августа передало в ЦИК РФ официальный перечень теле-

радиокомпаний и печатных изданий, которые по закону обязаны предоставлять эфир и печатную площадь для ведения бесплатной предвыборной агитации. Об этом сообщил и. о. первого заместителя министра М. Сеславинский. В перечень вошли ОРТ, «ТВ-Центр», РТР, «Радио России», радиостанции «Маяк», «Юность — Молодежный канал», «Голос России», ОАО «Концерн «Радио Центр» («Общественное российское радио»). В перечне печатных СМИ — «Российская газета», «Парламентская газета», «Гудок», «Воздушный транспорт», «Красная звезда», «Щит и меч», «Граница России», «Москвичка». Согласно закону о выборах депутатов Госдумы бесплатные эфир или печатную площадь должны предоставлять те СМИ, в состав учредителей которых входят государственные организации или учреждения, а также те СМИ, которые не менее чем на 15 процентов финансировались за счет бюджетных средств.

16 августа Б. Ельцин после утверждения В. Путина премьером в Госдуме заявил, что в стране не будет вводиться режим чрезвычайного положения. «Еще раз твердо и решительно заявляю как президент страны — никакого чрезвычайного положения не будет. Обстановка у нас спокойная, нормальная», — заявил глава государства. Президент выразил удовлетворение, что «идет подъем в экономике, финансовых делах». Он заметил при этом, что кадровые перестановки в стране будут. Говоря о ситуации на Северном Кавказе, Б. Ельцин заявил, что для наведения там порядка будут приняты «жесткие меры». Эти меры могут быть применены «и по Дагестану, и по другим республикам Северного Кавказа». Президент отметил, что у В. Путина «такой характер и настрой», что он осуществит эти меры. Характеризуя команду силовиков, которой располагало правительство, Б. Ельцин сказал, что подобной команды — сплоченной, сильной, «работающей четко и по отдельности, и в целом» — у России еще не было. «Я очень доволен тем, что у нас такие силовики. Это гарантия наведения порядка внутри страны», — сказал президент. В тот же день Б. Ельцин предложил руководителю Федеральной службы налоговой полиции В. Солтаганову сделать все, чтобы люди с криминальным прошлым не прошли на выборах в Госдуму.

19 августа на заседании правительства было принято постановление «О содействии в организации и проведении выборов депутатов Государственной думы». По словам главы ЦИК А. Вешнякова, этот документ определял конкретные меры по борьбе с криминалом, рвавшимся во власть, а также устанавливал контроль за финансированием предвыборных кампаний. В помощники себе председатель Центризбиркома попросил выделить МВД, ФСБ, МНС и ФСНП. «Мы настроены решительно использовать свои права для обеспечения честных выборов», — отметил глава Центризбиркома. Премьер-министр В. Путин был настроен не менее решительно, чем А. Вешняков. Приехав на заседание правительства прямо от президента, премьер с порога заявил, что «ключевой задачей правительства» считает «подготовку и проведение как парламентских выборов в декабре, так и президентских в 2000 году». Пообещав полное и эффективное содействие Центризбиркому со стороны силовиков, премьер-министр между делом защитил и права отдельных граждан. А именно: тех кандидатов в депутаты, с которых снята судимость. На предложение не допускать таких кандидатов до выборов В. Путин резко заметил: «Общество не имеет права тюкать человека по башке до гробовой доски». Но все-таки правительство предложит правоохранительным органам присмотреть за кандидатами в депутаты, не поладившими когда-то с законом.

В последние годы в обиход вошло новое понятие — предвыборные технологии. Разрабатывают их политические консультанты. В одной Москве действуют десятки агентств, которые занимаются политическим консалтингом. Увы, вошло в обиход и другое понятие — грязные технологии. Это явление обрело такой размах, что стало представлять собой угрозу самому демократическому процессу. На самом деле политика и мораль совместимы и друг другу не противопоказаны. Так посчитали руководители крупнейших пиаровских агентств, поставив 1 сентября свои подписи под хартией «Политические консультанты за честные выборы». Среди подписавших хартию были руководители агентств «Никколо М», «Паблисити РР», Центра политических технологий, фонда «Политика», Центра прикладных политических исследований «ИНДЕМ» и других. Хартия призвала к проведению свободных,

честных и справедливых выборов на основе открытости и уважения ко всем участникам избирательного процесса. Подписанты обязались не допускать распространения в ходе избирательных кампаний заведомо ложных сведений, порочащих достоинство кандидатов в депутаты, и воздерживаться от дискредитации коллег, выступающих на стороне конкурента.

Левые силы. Единого блока левых сил, как и перед парламентскими выборами 1995 года, не получилось.

Вопрос о предвыборном сотрудничестве КПРФ с леворадикальными партиями и движениями ввиду острых идеологических и политических разногласий между ними, по существу, не стоял.

Более того, в 1998—1999 годах раскололся созданный в августе 1996 года, прежде всего, для совместных усилий в региональных выборах прокоммунистический «зонтичный» альянс — левоцентристский Народно-патриотический союз России, включавший в себя КПРФ Г. Зюганова, а также еще несколько десятков партий и движений, в том числе Аграрную партию России М. Лапшина, «Духовное наследие» А. Подберезкина.

Пик внутренней борьбы в рядах левых сил пришелся как раз на июль — август 1999 года. 16 августа лидер «Духовного наследия» был выведен из состава думской фракции КПРФ, а 27 августа на съезде Аграрной партии большинством делегатов было решено вступить в блок «Отечество — Вся Россия». 2 сентября М. Лапшин и А. Подберезкин были исключены из состава президиума НПСР. 11—12 сентября «Духовное наследие» провело свой съезд и сформировало собственный предвыборный список, который возглавили А. Подберезкин и известный писатель П. Проскурин.

Обострились разногласия относительно стратегии и тактики предвыборной борьбы и внутри самой КПРФ. Практически был предрешен вопрос о выставлении собственного списка «Движением в поддержку армии», куда входил член ЦК КПРФ В. Илюхин и немало других представителей левого крыла в КПРФ. Такое решение состоялось на съезде ДПА 11 сентября. Предвыборный список возглавили члены думской фракции КПРФ В. Илюхин и А. Макашов, а также ректор Балтийского технического университета Ю. Савельев.

Перед выборами в Государственную думу в 1995 году КПРФ формально не создавала блоков, а выдвинула свой список, в верхнюю часть которого были однако включены для создания у избирателей впечатления о «широком народном фронте» формально беспартийный А. Тулеев, лидер организации «Духовное наследие» А. Подберезкин и другие. КПРФ получила тогда 22,3 процента голосов и получила 99 мест по общефедеральному списку и еще 58 в одномандатных округах. КПРФ стала крупнейшей фракцией в Госдуме.

Леворадикалы шли на выборы 1995 года отдельно. Коалиция «Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз» (В. Тюлькин, А. Крючков, В. Анпилов, А. Пригарин) почти достигла, к удивлению многих аналитиков, пятипроцентного барьера, получив 4,53 процента голосов и опередив, например, гайдаровский «Демократический выбор России». И это при полном отсутствии телерекламы в гораздо более благоприятной, чем в 1999 году, социально-экономической ситуации в стране. В 1999 году леворадикальные силы, не сумев договориться между собой и тем более с левым «Движением в поддержку армии» и КПРФ, создали два соперничавших на одном и том же электоральном поле блока, которые объединял лозунг «За возрождение СССР». Протестный фактор в настроениях электората, несмотря на низкие рейтинги леворадикалов, не следовало недооценивать. Согласно данным социологического опроса, 43 (!) процента россиян считали развал Советского Союза величайшей трагедией и главной причиной всех нынешних бед.

Таким образом, на левом фланге вырисовывались четыре течения:

1. Планировавшийся избирательный блок «За Победу» — на основе КПРФ Г. Зюганова — не состоялся в том виде, как он был задуман. Фактически был выдвинут список КПРФ с включением в него ряда известных деятелей родственных общественно-политических организаций, выходцев из расколовшихся партий и движений левого толка. Рейтинг КПРФ согласно опросу ВЦИОМ 20—24 августа — 31 процент, фонда «Общественное мнение» 21—22 августа — 21 процент.

2. «Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и науки» (ДПА) В. Илюхина — А. Мака-

шова также не стало блоком, но решило идти на выборы самостоятельно. Существенного расширения движения не предвиделось. В рейтингах на конец августа ДПА не значился, поскольку по-прежнему ассоциировался, несмотря на заявления о предстоявшем выдвижении собственного списка, с КПРФ. Экспертная оценка возможного охвата электората — 4—6 процентов.

3. «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз (коммунисты России)». В блок вошли Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) В. Тюлькина, Российская партия коммунистов (РПК) А. Крючкова, Российская коммунистическая партия — КПСС (РКП — КПСС) А. Пригарина. Одним из первых (вслед за правым «Голосом России» К. Титова) 26 августа 1999 года официально зарегистрирован Центризбиркомом. В рейтингах попадал в раздел «другие», которым в общей сложности опросы общественного мнения отводили 3 процента.

4. «Сталинский блок» («Трудовая Россия» В. Анпилова, «Союз офицеров» С. Терехова, внук Сталина И. Джугашвили). Рейтинговое положение на конец августа было схоже с предвыборными позициями «Коммунистов России».

В июле — начале сентября 1999 года над КПРФ и ее союзниками висел дамоклов меч угроз в отношении возможного запрета компартии.

Мысль о запрете КПРФ, которую неоднократно и публично озвучивали Б. Березовский и лидер ЛДПР В. Жириновский, по некоторым данным, настолько захватила Б. Ельцина, что окружение с трудом удерживало его от скоропалительных шагов.

Основой для запрета КПРФ, по мнению авторов этой идеи, мог бы стать пункт 5 ст. 13 Конституции, который запрещает «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя... разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Под эту статью можно было подверстать и антисемитские выступления А. Макашова, и заявления Г. Зюганова о выводе людей на улицы, его призывы к армии.

Коммунисты с точки зрения сторонников «жесткой» линии во внутриполитических делах нарушали

и постановление Конституционного суда от 1992 года о запрете на создание партячеек на производстве и в вузах. Наконец, закон обязывал все партии действовать гласно. А коммунисты чуть ли не каждый месяц проводили закрытые пленумы.

Однако, издав указ о запрете компартии, Б. Ельцин столкнулся бы с двумя проблемами. Первая — юридическая. По закону ликвидировать какую-либо партию можно только по решению суда. Так что коммунисты наверняка сразу же обжаловали бы действия президента в Верховном суде. Правда, процесс мог растянуться как минимум на год, а за это время выборы прошли бы без участия КПРФ.

Другая проблема — политическая. Ясно было, что любую атаку на себя КПРФ обернула бы в свою пользу. Атака Кремля сплотила бы готовые расколоться ряды коммунистов и повысила бы их привлекательность в глазах избирателей. К тому же, непонятно, что делать с Госдумой, ведущая фракция которой после запрета КПРФ оказалась бы вне закона. Ясно, что работа нижней палаты в таком случае осенью была бы парализована.

Президент Б. Ельцин в своем интервью «Известиям» 5 июля 1999 года так и не дал четких ответов на два конкретных вопроса, касавшихся левой оппозиции. На вопрос, будет ли указ о запрете компартии, глава государства ответил: «Считаю, что коммунисты себя уже сами «закрыли», провалились политически». На вопрос же, будет ли захоронено тело В. Ленина, Б. Ельцин ответил: «Будет. Но вот когда — вопрос». По мнению координатора думской фракции КПРФ С. Решульского, такие «уклончивые ответы» президента косвенно подтверждали опасения, что в ближайшее время следовало ожидать «провокационных действий» Кремля в отношении КПРФ. «Но мы готовы к любым пакостям, поскольку знаем, что ни президенту, ни его режиму ни в чем верить нельзя», — сказал депутат. По его словам, КПРФ «в любой момент адекватно ответит на возможные провокации». С. Решульский не стал конкретизировать, подчеркнув лишь, что «сейчас идет борьба, по сути, политическая война, а на войне никто заблаговременно не обнародует свои планы и возможные действия».

Были основания полагать, что идея выноса тела

В. Ленина из мавзолея, провоцирования на этой основе беспорядков или запрета КПРФ под иным предлогом не снималась с повестки дня, однако следовало иметь в виду, что одного вердикта Минюста будет мало. Как известно, аннулировать регистрацию партии или движения может только суд (после нескольких минюстовских предупреждений). Скорым он был, пожалуй, только в отношении московской организации националистического движения РНЕ. В отношении же КПРФ на такой результат рассчитывать не приходилось. А это значило, что с легкой руки президентской администрации коммунисты получили бы бесплатное пиаровское обеспечение на протяжении всей избирательной кампании и образ «гонимой режимом» партии.

КПРФ в начале июля заверила, что к наступлению со стороны Кремля готова. И в свою очередь раскрыла новые нюансы своей предвыборной тактики. К примеру, соратник КПРФ — «Движение в поддержку армии», унаследованное от Л. Рохлина В. Илюхиным, якобы рассматривало возможность пойти на выборы отдельно от «партии-матери» не только для того, чтобы блок НПСР набрал в целом больше голосов, но и из соображений партбезопасности. Запретят КПРФ — останутся ДПА, Аграрная партия, «Духовное наследие». Дальнейшие события в левом лагере показали, что такого рода заявления были не более чем пропагандистской бравадой.

Метания коммунистов и примкнувших к ним национал-патриотов стали заметны невооруженным глазом. Если раньше Г. Зюганов обещал поразить мир триумфальным шествием трех колонн единой оппозиции, то накануне начала предвыборной гонки 1999 года все стало сложнее. Как раз в момент, когда лидер оппозиции объявил о принципиальном единстве тех сил, которые должны составить в будущей Думе «патриотическое большинство», от коммунистов начал отмежевываться кемеровский губернатор А. Тулеев. Начал играть в собственные игры и лидер Аграрной партии М. Лапшин. Заговорили даже о том, что А. Тулеев с М. Лапшиным объединятся и тем самым заберут немалое число голосов у Г. Зюганова с коллегами, особенно в сельскохозяйственных регионах и в Сибири, однако этот прогноз не оправдался.

У коммунистов и национал-патриотов выбивали

из-под ног еще и идеологическую почву. Косовский кризис не дал разыграть во внутриполитическом плане президент. Ю. Лужков тоже частично отобрал симпатии у коммунистов, поставив в центр своей политической тактики борьбу с Кремлем и активно рисуя собственный образ как пострадавшего от козней «семьи». Многочисленные центристы с левым уклоном тоже вознамерились отобрать голоса у зюгановцев. Кроме того, под ногами у компартии путались мелкие радикалы сталинского и левацкого толка, которые могли попортить кровь патриотическому костяку.

Г. Зюганов в начале июля 1999 года нервничал. Победные реляции об уже гарантированном получении 50 процентов голосов сменились заявлениями, в которых начало сквозить неподдельное беспокойство: «Наша задача — сохранить тот капитал, который наработан, держась за каждый процент. Поэтому надо сложить свои усилия и сделать ставку на тех, кто пройдет». Появление группы «новых левых» — А. Тулеева с М. Лапшиным — заставило коммунистического лидера выразить готовность к диалогу с центристами. Кто такие эти центристы, Г. Зюганов не уточнял, но без многосложных консультаций с «Отечеством» и губернаторскими блоками успех коммунистов становился, по мнению многих аналитиков, довольно проблематичным.

Еще 25 июня Г. Зюганов заявил на брифинге, что на парламентские выборы КПРФ должна идти в едином блоке с другими народно-патриотическими силами, включая Аграрную партию (АПР). Он опроверг предположения о том, что АПР намерена идти на выборы самостоятельно, отметив, что лидер партии аграриев, депутат Госдумы М. Лапшин на заседаниях президиума НПСР не высказывался категорически за это и якобы склонялся к тому, что необходимо объединить усилия народно-патриотических сил на выборах в Госдуму.

Однако уже 1 июля появилось сообщение о том, что Аграрная партия России пойдет на выборы самостоятельно, поскольку не желает находиться в зависимости от КПРФ. Об этом заявил председатель АПР М. Лапшин, подтвердив тем самым, что недавние уверения лидеров компартии о единстве всех патриотических сил преждевременны.

Позиция аграриев стала «холодным душем» для руководителей компартии. Осенью 1998 года именно лидер КПРФ Г. Зюганов первым обнародовал идею похода на выборы «тремя колоннами» (компартия, умеренные патриоты и радикал-патриоты), позволявшего максимально учесть интересы большинства избирателей. Однако уже к весне руководство КПРФ пришло к выводу, что пропагандистских, организационных и финансовых минусов в такой стратегии гораздо больше, чем плюсов. Да и большинство представителей региональных структур партии почти единодушно выступили за единый список. Поэтому лидеры компартии усиленно обрабатывали своих союзников по НПСР, уже успевших заявить о самостоятельном участии в выборах, уговаривая их перейти под крыло КПРФ. Считалось, что уговорить аграриев будет не слишком трудно, однако это оказалось не так.

Впрочем, стоит отметить, что в отходе АПР есть и вина КПРФ. На съезде Аграрной партии большинство делегатов высказывались за тесный союз с коммунистами. Но присутствовавший на форуме Г. Зюганов от ответа на прямые вопросы об альянсе ушел, чем сильно обидел аграриев. Результатом этой обиды как раз и стала резолюция о самостоятельном участии АПР в выборах. И, судя по решительному настрою, продемонстрированному М. Лапшиным, оснований для ее пересмотра аграрии не усмотрели.

Осложнились отношения КПРФ и с «Движением в поддержку армии». Его лидер В. Илюхин напомнил, что в декабре 1998 года исполком ДПА принял решение о самостоятельном участии в парламентских выборах. Позже руководство ДПА заявило о том, что начато формирование избирательного блока на базе ДПА, возможно, с Российским общенародным союзом (РОС), который возглавлял вице-спикер Госдумы С. Бабурин.

Делегаты IV съезда ДПА, прошедшего 3 июля в Москве, так и не смогли решить главный вопрос — идти на думские выборы самостоятельно или в союзе с КПРФ. С одной стороны, многие члены движения согласились с тем, что ДПА, как заявил в своем докладе лидер движения В. Илюхин, может получить голоса избирателей, которые, «будучи патриотами и государственниками, по идеологическим соображе-

ниям не хотят голосовать за коммунистов». С другой — число сторонников и противников «самоопределения вплоть до отделения» оказалось примерно равным, что не позволило принять окончательное решение по этому поводу уже на том съезде.

На первый взгляд эта ничья оказалась в пользу коммунистов: у них теперь оставалось еще два месяца до следующего съезда на то, чтобы все-таки уговорить члена ЦК КПРФ В. Илюхина не нарушать партийную дисциплину и согласиться на предложенные ему 40—60 мест в списке компартии. Однако, судя по его докладу на съезде, в котором он подверг предвыборную программу КПРФ и НПСР достаточно жесткой критике, шансов на то, что лидер ДПА передумает, оставалось крайне мало.

Впрочем, проблема раскола замаячила и перед самим В. Илюхиным. Как выяснилось на съезде, и сторонники альянса с компартией, и его противники были настроены весьма решительно и даже грозили выйти из ДПА, если к ним не прислушаются. А это означало, что, какое бы решение ни принял следующий съезд движения, ДПА могло лишиться не только части своих членов, но и, что еще более существенно, ряда спонсоров. А если учесть, что ДПА, как признавали и его лидеры, преодоление пятипроцентного барьера отнюдь не гарантировано, потерянные из-за раскола доли процента могли оказаться решающими.

В политических кругах шли активные разговоры о том, что КПРФ активно пыталась вовлечь в строительство предвыборных блоков и союзов на своей стороне бывшего премьер-министра Е. Примакова. 8 июля один из лидеров КПРФ и ее парламентской фракции В. Купцов был вынужден выступить с опровержением, поскольку среди значительной части коммунистов сама эта идея не вызывала симпатий. Он подчеркнул, что такие планы не рассматривались даже в рабочем порядке. В. Купцов считал, что «кандидатура Е. Примакова на президентских выборах могла бы объединить очень широкий круг как центристских, так и левых сил». В то же время «у нас есть свой кандидат Г. Зюганов, и мы еще ни разу не рассматривали ситуацию, при которой в президентскую гонку мог бы включиться Е. Примаков. Однако сам по себе Е. Примаков без поддержки серьезных политических сил не

сможет одержать победу. Поэтому при получении максимального большинства мест в Госдуме и внесении изменений в Конституцию мы имеем все шансы достичь договоренности с Е. Примаковым по его кандидатуре», — отметил В. Купцов.

На протяжении всего летнего периода продолжались словесные пикировки между лидерами Аграрной партии России М. Лапшиным и Н. Харитоновым. Начались они в тот момент, когда М. Лапшин заявил, что АПР пойдет на выборы самостоятельно. В ответ на это Н. Харитонов сделал свое заявление, в котором указал, что М. Лапшин — это еще не вся Аграрная партия, и лично он считает, что аграрии должны идти на выборы в союзе с компартией.

На первый взгляд смысл этих разногласий лежал на поверхности — линия раскола проходила между прокоммунистическим Н. Харитоновым, с одной стороны, и стремившимся к самостоятельности или подключению к более «респектабельному» блоку М. Лапшиным — с другой.

Однако на самом деле интрига была более сложной. Дело в том, что такие лидеры Аграрной партии, как М. Лапшин, бывший вице-премьер правительства Е. Примакова Г. Кулик и бывший министр сельского хозяйства В. Семенов, очень сильно сомневались в том, что им удастся набрать на будущих выборах более 5 процентов голосов избирателей. Вернуться в объятия КПРФ они уже также не хотели из-за опасений, что коммунисты предпочтут оттеснить их на вторые роли, а в лидеры вывести Н. Харитонова.

И тут как нельзя кстати оказалось предложение Ю. Лужкова, который позвал аграриев в свой блок. М. Лапшину было даже предложено одно из самых высоких мест в предвыборном списке. По оценкам политологов, Ю. Лужков прекрасно понимал, что очень немногие сельские жители готовы отдать свои голоса за «Отечество» в том виде, в каком оно существовало до создания более широкого блока. Поэтому он был крайне заинтересован в союзе с Аграрной партией, который гарантировал бы ему дополнительные голоса в большинстве регионов.

Со своей стороны, компартия начала активно убеждать аграриев отойти от М. Лапшина и идти на выборы единым списком патриотических сил. По некото-

рым сведениям, Н. Харитонову, в случае если бы он смог удержать АПР в русле союза с коммунистами, было предложено место в первой тройке списка КПРФ. Вопрос заключался только в том, за кем пойдет большинство Аграрной партии.

На пленуме центрального совета АПР 8 июля была принята за основу предвыборная платформа, целью которой являлось отстранение от власти «антинародного режима» и приход в союзе с народно-патриотическими и «другими прогрессивными силами» к власти. Пленум принял постановление, подтверждавшее намерение аграриев идти на парламентские выборы 1999 года самостоятельным избирательным объединением, основу которого вместе с АПР составят профсоюз работников АПК и Аграрный союз России, объединявший большинство отечественных производителей сельхозпродукции. Вместе с тем лидер АПР М. Лапшин заявил, что в одномандатных избирательных округах возглавляемая им партия будет «четко взаимодействовать» в вопросах выдвижения кандидатов в депутаты с КПРФ, «Отечеством» и другими народно-патриотическими и прогрессивными силами.

Не сошлись предвыборные пути и между КПРФ и «Российским общенародным союзом» (РОС).

В 1995 году РОС предпринимал попытку создать единый предвыборный блок оппозиции. После ее провала в составе избирательного блока «Власть — народу» во главе с Н. Рыжковым и С. Бабуриным РОС участвовал в выборах в Госдуму, но не преодолел пятипроцентного барьера. Однако в одномандатных округах были избраны 12 депутатов, которые вошли в довольно внушительную по численности депутатскую группу «Народовластие» (41 депутат).

7 июля лидер РОС, вице-спикер Госдумы С. Бабурин заявил, что на пленуме ЦК РОС 10 июля будет в предварительном порядке определена стратегия и тактика этого оппозиционного объединения на предстоящих парламентских выборах. Он отметил, что РОС, представляя национал-патриотическую оппозицию, расходится с КПРФ практически по всем принципиально важным вопросам. «У нас с компартией нет ни взаимопонимания, ни единства практически ни по одной проблеме», — подчеркнул С. Бабурин. По его мнению, на электорат, который потенциально

может поддержать РОС на выборах, будут частично претендовать КПРФ, движение «Отечество», ЛДПР и Российская народно-республиканская партия А. Лебедя. С. Бабурин также сообщил, что подготовлен проект общефедерального списка кандидатов в депутаты Госдумы от РОС, который включает примерно полторы сотни фамилий. Приблизительно половина мест, по словам С. Бабурина, отдана представителям близких РОС национально-патриотических организаций.

Тогда же на пленуме ЦК РОС С. Бабурин высказался еще резче: «В Думе сформировалось единство, которое впору назвать «бандой четырех» — это НДР, ЛДПР, «Яблоко» и КПРФ. По его мнению, эта группировка «способствует оформлению развала и СССР, и исторической России». Поэтому РОС намерен бороться со всеми, в том числе и с партией Г. Зюганова.

Коммунисты, видя заметное ослабление предвыборных позиций на левом фланге, предприняли ряд попыток спасти положение. Начиная с 19 июля, по возвращении из отпуска лидера КПРФ и НПСР Г. Зюганова, была проведена серия рабочих встреч с лидерами народно-патриотических сил для уточнения их предвыборных позиций. Как заявил координатор фракции КПРФ в Госдуме С. Решульский, необходимость проведения таких встреч была вызвана тем, что трое сопредседателей НПСР (губернатор Кемеровской области, лидер движения «Возрождение и единство» А.Тулеев, лидер Аграрной партии России М. Лапшин и лидер движения «Духовное наследие» А. Подберезкин) уже заявили, что возглавляемые ими партии и движения намерены участвовать в парламентских выборах самостоятельно. Коммунисты считали, что у лидеров НПСР все еще оставались шансы договориться о консолидации предвыборных усилий и объединении в единый с КПРФ избирательный блок, который мог бы носить «любое название». «Все должны понять, что, только действуя вместе, мы сможем рассчитывать на серьезный успех на выборах», — подчеркнул С. Решульский.

Однако «раскольники» НПСР продолжали консультации между собой. Так, лидер «Духовного наследия», депутат Госдумы А. Подберезкин провел встречу с заместителем М. Лапшина в АПР, бывшим главой Минсельхозпрода В. Семеновым, где были подробно

обсуждены вопросы взаимодействия. «И я не исключаю возможности блока с АПР», — заявил А. Подберезкин. По его словам, «Духовное наследие» еще раньше предлагало всем партиям, движениям и организациям, которые входят в Народно-патриотический союз и «оставлены за скобками коммунистами», объединиться, чтобы вместе участвовать в выборах депутатов Госдумы.

В. Анпилов заявил 13 июля, что его «Сталинский блок — за СССР» готов «попытаться объединить в одну предвыборную организацию все действующие коммунистические партии России, если КПРФ откажется взять под свое крыло объединительный процесс».

В этой обстановке КПРФ попыталась активизировать усилия по созданию единой левопатриотической колонны. С предложением к лидерам всех патриотических движений сформировать единый блок под названием «Победа» обратился 24 июля депутат от КПРФ В. Варенников.

Он полагал, что в новый блок могут войти все «искренние патриоты», к числу которых он относил и Ю. Лужкова, и М. Шаймиева, и А. Тулеева, и Г. Зюганова, и В. Илюхина с А. Макашовым, и Н. Рыжкова, и А. Николаева. Заметив, что и у В. Жириновского «часто бывают патриотические моменты», депутат не исключил, что и лидер ЛДПР мог бы войти в «Победу». В. Варенников также выразил надежду, что экс-премьер Е. Примаков мог бы поддержать новый блок своим авторитетом.

Г. Зюганов обсудил проект «Победы» с лидером «Духовного наследия» А. Подберезкиным. После встречи Г. Зюганов заявил, что новый блок может быть поддержан широким спектром политических сил, и сообщил, что на идею В. Варенникова уже откликнулся «целый ряд крупных политических деятелей». По словам лидера компартии, «очень важно, чтобы патриотическая колонна была единой, и для формирования такой колонны есть хорошие предпосылки».

На самом деле потянуться друг к другу левых заставили правые и центристы. Играть в несколько предвыборных колонн коммунисты и их союзники могли до тех пор, пока их оппоненты представляли собой конгломерат разобщенных движений. Однако после того как три правые организации — «Голос Рос-

сии», «Правое дело» и «Новая сила», — проявили желание объединить свои усилия, а также наметился мощный центристский альянс между «Отечеством» и «Всей Россией» левым пришлось всерьез призадуматься над собственной предвыборной стратегией.

Расчет делался на то, что лидеры левооппозиционных движений, таких, как ДПА, «Духовное наследие», «Возрождение и единство», часть аграриев, понимавшие, что самостоятельно преодолеть пятипроцентный барьер они не смогут, и их голоса перейдут совсем не КПРФ, возможно, прислушаются к советам В. Варенникова.

Г. Зюганов ухватился за эту идею. Уже 27 июля он заявил о создании нового предвыборного блока левых сил «Победа». В оппозиционную коалицию, по замыслу лидера КПРФ, должны войти «все здоровые силы страны».

Идти на выборы тремя предвыборными колоннами — КПРФ — НПСР, АПР и союз «Патриоты России» — еще в конце 1998 года предложил сам Г. Зюганов. Теперь же глава КПРФ думал иначе. По его словам, причины метаморфозы в том, что, во-первых, нет больше правительства Е. Примакова, вокруг которого «собирались здоровые силы», во-вторых, СМИ «подчиняют себе только два-три человека», а в-третьих «те, кто разрушал страну, создают предвыборные блоки и стремятся подчинить себе всю внутреннюю политику». Ответом со стороны левой оппозиции должно стать «мощное объединение».

Незадолго до этого Г. Зюганов заинтриговал общественное мнение «очень активными консультациями», по его словам, с московским мэром Ю. Лужковым и экс-премьером Е. Примаковым. Лидер ДПА В. Илюхин сразу же откликнулся на это событие, заявив, что в коалиции с «Отечеством» его движение никогда не будет. Чтобы сохранить еще не созданный, но уже расползавшийся предвыборный блок, Г. Зюганов категорически опроверг возможный союз с московским мэром и экс-премьером. Он пояснил, что КПРФ действительно с ними договаривается, но не ради создания предвыборного блока, «а в целях проведения честных выборов, сохранения территориальной целостности России и предотвращения в стране чрезвычайщины».

Негативно откликнулся на планы создания блока «Победа» и лидер Аграрной партии России М. Лапшин. 28 июля он заявил, что крестьяне окончательно размежевались с коммунистами и на выборы в Думу пойдут самостоятельно. Однако несмотря ни на что, к началу августа Г. Зюганов продолжал выражать надежду, что на выборах в Государственную думу проектируемый блок, который к тому времени модифицировал название и стал именоваться «За Победу», «поддержит большинство граждан страны».

В это время пресс-служба парламентской фракции КПРФ распространила заявление, из которого явствовало, что руководство КПРФ намерено просить Генеральную прокуратуру рассмотреть вопрос о соответствии действующему законодательству высказываний премьер-министра С. Степашина в адрес компартии. В ходе своего визита в США С. Степашин заявил: «Как бывший директор ФСБ могу открыть вам секрет: коммунисты в России не победят никогда, они никогда не вернутся, никто этого не допустит». По мнению руководства КПРФ, в высказывании содержался «призыв к насильственному удержанию власти и насильственному изменению конституционного строя России, поскольку российский народ лишается предусмотренного Конституцией права осуществлять свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления». Кроме того, по мнению КПРФ, в высказываниях С. Степашина содержались признаки преступлений, подпадавших под пункт 2 статьи 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). В заявлении пресс-службы также подчеркивалось, что высказывание С. Степашина шло вразрез с Законом «Об основах государственной службы в РФ».

Исполнительная власть отреагировала незамедлительно. Намерение руководства КПРФ просить Генпрокуратуру РФ рассмотреть вопрос о соответствии действующему законодательству высказываний премьера С. Степашина «является не более чем предвыборной риторикой, так как в подобной просьбе отсутствует логика», заявил руководитель Управления правительственной информации А. Михайлов. «Полагать, что в России возможна реставрация коммунизма, — это мечты ограниченных людей, утративших чувство

реальности», — подчеркнул он. «Россия за последние годы прошла слишком сложный эволюционный путь, и вернуться к тоталитаризму, 6-й статье Конституции СССР, органам внесудебной расправы в лице парткомов невозможно», — сказал руководитель УПИ. По его словам, «именно против носителей таких идей с агрессивными замашками и были направлены высказывания С. Степашина».

9 августа, несмотря на заверения, данные С. Степашиным в США, последовала его отставка.

Между тем 27 августа на съезде Аграрной партии России стал свершившимся фактом окончательный переход большинства аграриев в ряды блока «Отечества — Вся Россия». В своем докладе М. Лапшин называл ОВР блоком Е. Примакова, старательно избегая упоминания слов «Отечество» и «Вся Россия», жаловался на несговорчивость коммунистов, но при этом утверждал, что окончательно рвать с КПРФ аграрии не собираются. И предупреждал, что коммунисты еще будут говорить: «Вернись, я все прощу», но наверняка опять обманут.

Коммунисты и сочувствовавшие так и сделали, тут же начав сулить аграриям блага в случае возвращения в лоно патриотической семьи. Тон задал Г. Зюганов, пообещавший АПР мощную фракцию, пост вице-спикера и руководство несколькими думскими комитетами. Другие противники вхождения в ОВР напирали в основном на несчастья, которые обрушатся на страну после вступления АПР в этот блок, призывали «вспомнить глаза голодных детей» и клеймили «ельциниста» Ю. Лужкова и «сепаратиста» М. Шаймиева, примазавшихся к добропорядочному Е. Примакову. А Н. Харитонов потребовал не «падать в объятия» тех, кто привел к власти Б. Ельцина.

Подсчет итогов открытого голосования показал, что за постановление о вхождении в ОВР проголосовали 252 делегата, против — 115 при трех воздержавшихся. Таким образом, противостояние между ратовавшим за союз с ОВР М. Лапшиным и сторонниками альянса с КПРФ во главе с лидером думской аграрной группы Н. Харитоновым закончилось победой М. Лапшина и уходом из зала его противников, пообещавших все равно объединиться с коммунистами в самом близком будущем.

После этого политологи уже не относили АПР к представителям левого фланга политической жизни России. В партии возобладали центристские тенденции.

Сразу же после VIII съезда Аграрной партии делегаты от 23 республиканских, краевых и областных организаций, отказавшиеся войти в блок «Отечество — Вся Россия», выступили с заявлением, в котором определили свое место — в блоке с народно-патриотическими силами. Председатель ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса А. Давыдов на съезде же публично снял свою фамилию, заранее внесенную в список кандидатов от блока «Отечество — Вся Россия». Эта позиция руководителя профсоюза АПК получила одобрение на пленуме ЦК профсоюза. Профсоюзные активисты-аграрии высоко оценили этот поступок и заявили, что на предстоящих выборах будут поддерживать лишь «силы, направленные на созидательное развитие страны и конструктивное решение социальных вопросов».

27 августа исполком «Движения в поддержку армии» принял решение идти на выборы самостоятельно, не блокируясь ни с какими общественно-политическими объединениями. ДПА не отказывалось однако от партнерских отношений с организациями, позиция которых близка движению, и даже готово было предоставить им определенное количество мест в своем общефедеральном списке кандидатов в депутаты. Решение исполкома подтвердил съезд ДПА, прошедший 11 сентября.

В самый последний момент, уже после фактической утраты коммунистами контроля над большинством бывших союзников по НПСР, с КПРФ решили поторговаться «Конгресс русских общин» (КРО) и «Российский общенародный союз» (РОС). Лидер КРО, депутат Госдумы Д. Рогозин заявил, что готов к союзу с КПРФ, но только «на равных». КРО, как известно, был соучредителем движения «Отечество», но за пару месяцев до начала избирательной кампании ушел в свободное плавание. Д. Рогозин объяснял тогда свой уход тем, что после воссоединения «Всей России» и «Отечества» в блоке не нашлось места принципиальным программным установкам КРО. Поэтому «равенство», которого Д. Рогозин ожидал теперь от КПРФ,

означало, что в новом блоке «не должно быть ущемления программных позиций КРО». Кроме этого, КПРФ, чтобы доказать собственную «равность», должна была выделить представителям КРО, как ожидал его лидер, достойные места в общефедеральной и региональной частях списка кандидатов. А третье место в первой «тройке» (после Г. Зюганова и спикера Думы Г. Селезнева) должно быть отдано, по мнению лидера КРО, «непредставителю компартии». Если КПРФ станет настолько конструктивной, то Д. Рогозин не исключал вхождения в блок «За Победу!» еще и Российского общенародного союза, который возглавлял вице-спикер Думы от группы «Народовластие» С. Бабурин. КРО и РОС уже условились о совместном участии в выборах-99. Д. Рогозин утверждал, что во время консультаций С. Бабурин ни разу не высказался против предвыборного союза с коммунистами, отметив только: «Посмотрим, насколько серьезны намерения КПРФ по созданию блока равноправных партнеров».

По крайней мере, Д. Рогозин поддержал совместное с КПРФ обращение к народно-патриотическим силам, опубликованное 31 августа, с призывом способствовать созданию широкого блока «За Победу!» Впрочем, через несколько дней после этого лидер КРО в свойственной ему манере оговорился, что с обращением он согласен, но не подписывал его.

Бывший руководитель службы охраны президента, депутат Госдумы А. Коржаков, которого даже с натяжкой невозможно отнести к представителям левых сил, решил «раскрутить» собственный избирательный блок под названием «Русский дом». В заявлении от имени лидеров новой организации 31 августа была указана ее главная цель: «Покончить с режимом и утвердить новый строй» — правда, конституционными методами. В блок, по замыслу, должно было войти ДПА, а также три малочисленные организации, во главе которых стояли известные в прошлом генерал Б. Тарасов (лидер фракции «Отчизна» в хасбулатовском Верховном Совете), В. Осипов (бывший диссидент от православия) и сам А. Коржаков.

2 сентября лидеры ДПА В. Илюхин и А. Макашов на пресс-конференции вновь подтвердили, что ДПА пойдет на думские выборы самостоятельно и не войдет ни в КПРФ, ни в другие блоки. По словам В. Илюхина,

его переговоры с соратниками «ничего конструктивного не дали», поскольку «чувство вождизма у лидеров других партий взяло верх над интересами объединения». Это относилось и к провозглашенному несколькими днями раньше блоку «Русский дом» с участием Российского общенародного движения А. Коржакова, который поспешил записать в свои ряды и В. Илюхина. В то же время руководители ДПА признавали, что «без координации действий с КПРФ ни один левый блок пятипроцентный барьер не преодолеет». В этой связи ДПА готово было сотрудничать с КПРФ в согласовании кандидатов для выдвижения по одномандатным округам. Одновременно В. Илюхин впервые публично заявил о своих президентских амбициях. Он высказал намерение баллотироваться на пост главы государства в качестве кандидата от национально-патриотических сил.

1 сентября Центризбирком РФ зарегистрировал очередной избирательный блок по выборам депутатов Госдумы — «Сталинский блок»: «Трудовая Россия, офицеры — за СССР». В него вошли общественная политическая организация «Союз офицеров», общероссийские общественно-политические движения «Трудовая Россия», «Народно-патриотический союз молодежи» и «Союз». Как заявил лидер блока В. Анпилов, он благодарен ЦИК за то, что «нам не чинили никаких препятствий, а даже помогали советами». Основные постулаты программы блока заключались, прежде всего, в отказе от института президентства, восстановлении власти Советов, пересмотре итогов преступной приватизации и привлечении к уголовной ответственности ее организаторов, национализации банков и лишении всех чиновников, включая депутатов, любых привилегий.

Президиум «Народно-патриотического союза России» на своем заседании 2 сентября постановил «считать целесообразным идти на выборы в Госдуму единым блоком «За Победу!» в рамках избирательного объединения КПРФ».

Развязка в вопросе о том, будет ли КПРФ выступать на выборах в составе блока или пойдет самостоятельно, наступила на внеочередном съезде компартии, состоявшемся 4 сентября. Решение стало половинчатым, что отражало сложности во взаимоотношениях

КПРФ с другими левыми силами и разногласия относительно предвыборной стратегии и тактики внутри самой КПРФ. С одной стороны, полноценного блока, который требовал бы соответствующей регистрации в Центризбиркоме, не получилось, и компартия выставила собственный список. С другой стороны, с точки зрения интересов ведения предвыборной агитации и пропаганды, в этот список были включены отдельные фигуры из союзнических лагерей. Название «Компартия Российской Федерации, аграрии, патриоты — за победу» решили использовать лишь как эмблему и предвыборный лозунг для заявки на широту охвата различных слоев электората и придания списочникам державной солидности. Действительно, 11 кандидатов из центрального списка не являлись формально членами КПРФ.

В первую тройку вошли лидер КПРФ Г. Зюганов, спикер Госдумы Г. Селезнев, тульский губернатор В. Стародубцев.

Выдвижение на третье место видного представителя аграриев, резко размежевавшегося с «ренегатом» М. Лапшиным, куда прочили губернатора Кемеровской области А. Тулеева, было несколько неожиданным. Оно объяснялось в первую очередь нежеланием КПРФ признать явную трещину в отношениях с представителями сельского хозяйства, образовавшуюся после решения съезда АПР войти в центристский блок ОВР, и стремлением коммунистов продемонстрировать сохранение союза с рядом влиятельных аграриев. Об этом же свидетельствовало включение в избирательный список 37 аграриев, среди которых на высоких местах находились лидер думской фракции аграриев Н. Харитонов (8-е место) и председатель профсоюзов АПК А. Давыдов (16-е место).

Четвертым местом в списке А. Тулеев, за имя которого велась политическая борьба, остался не совсем доволен, однако публично возражать не стал. По наблюдениям политологов, среди моментов, которые учитывались при невключении кемеровского губернатора в первую тройку, была и его известная непредсказуемость — время от времени он заигрывал с окружением президента и крупными финансовыми структурами. Если бы А. Тулеев, будучи одним из первых трех кандидатов, сошел с дистанции после утвержде-

ния списка Центризбиркомом, по закону о выборах появились бы основания для отстранения в выборах всего списка КПРФ. Уверенности в стойкости своего давнего союзника у КПРФ не было.

Анализ процессов, происходивших в КПРФ как на федеральном уровне, так и на местах, свидетельствовал о нарастании скрытых внутрипартийных противоречий. Среди основных причин, вызывавших усиление разногласий в партии, следует выделить: обострение борьбы за партийное лидерство; расхождение во взглядах на конкретную политическую предвыборную стратегию КПРФ; несогласие с практикуемой в КПРФ кадровой политикой, проявившейся в том числе и в формировании избирательных списков.

Основные претензии оппонентов Г. Зюганова сводились к тому, что он, по их мнению, превратился в чисто парламентского лидера, для которого партия является лишь механизмом, обеспечивающим присутствие во власти через выборы «избранных», а не средством завоевания власти. К такому положению его привела ориентация на решение политических проблем исключительно номенклатурным, верхушечным путем.

При работе в регионах Г. Зюганов зачастую опирался на исполнительную вертикаль избранных при помощи КПРФ губернаторов, а не партийные организации на местах.

В результате некоторые региональные партийные организации КПРФ практически были лишены возможности активно влиять на политическую жизнь страны, большинство региональных парторганизаций не могли осваивать и успешно применять передовые избирательные технологии, что могло бы привлечь на сторону компартии новые слои населения, отсутствовала возможность естественного омоложения и притока в руководящие органы новых функционеров, на деле доказавших свой профессионализм.

Как следствие, к моменту начала выборной кампании в Государственную думу 1999 года партия оказалась жестко замкнутой в рамках протестного электората (20—25 процентов). Неудача импичмента и пассивная позиция руководства компартии несомненно привели к некоторому сокращению влияния КПРФ среди населения.

В компартии зрело понимание необходимости вне-

сения качественных изменений в ее деятельность. На последних пленумах ЦК и съезде партии выступавшие из регионов практически единогласно требовали формирования новой кадровой стратегии, что фактически означало констатацию ими факта пренебрежительного отношения партийного руководства к деятельности местных региональных парторганизаций.

По мнению экспертов, эта назревавшая потребность внутрипартийных кадровых перемен должна найти, скорее всего, выход в усилении позиций ряда деятелей второго эшелона партийного руководства (С. Решульский, С. Потапов, Н. Кравец), остро ощущавших невостребованность своего интеллектуального и профессионального потенциала.

К другим партийным деятелям, недовольным по тем или иным причинам политикой Г. Зюганова, эксперты относили депутатов Госдумы, тяготевших к Г. Селезневу (его заместитель С. Горячева, руководители думских комитетов В. Зоркальцев, Ю. Воронин), ряд других депутатов-коммунистов (А. Шабанов, секретарь московского горкома А. Куваев, тверской депутат Т. Астраханкина, секретарь ЦК по международным делам Н. Биндюков), а также представителей леворадикального крыла партии (В. Илюхин, Т. Авалиани, Р. Косолапов, Л. Петровский и другие).

Однако недовольство деятельностью Г. Зюганова не привело к оформлению в какой-то форме внутрипартийной оппозиции по отношению к нему и его сподвижникам.

В то же время окружение Г. Зюганова было достаточно сплочено и действовало единым фронтом. Оно контролировало основные направления партийной деятельности, пресекало в зародыше попытки сопротивления, своевременно оттесняло на задний план возможных оппозиционеров внутри КПРФ.

События июля — начала сентября 1999 года, связанные с определением конкретной политической предвыборной стратегии КПРФ, неудача с формированием единого блока левой патриотической направленности обнажили скрытые противоречия внутри партии, считавшейся прежде настоящим «коммунистическим монолитом».

НПСР как организация «народного фронта» трещала по швам, в самом движении нарастало недовольст-

во «оппортунистической» и абсолютно «эклектичной» политикой Г. Зюганова. Его личные позиции, пожалуй, впервые оказались подорванными.

В то же время не следовало переоценивать значение осложнения внутренней обстановки в КПРФ. Партия в сравнении с другими общественно-политическими организациями по-прежнему обладала самой мощной в стране организацией и имела влияние на широкий электорат.

Левоцентристы. На начало сентября 1999 года несмотря на усилия большого количества мелких партий, которые не видели своего места на левом фланге политического спектра, левоцентристский предвыборный блок не был создан.

Оставалось не так много времени до окончания сроков регистрации блоков, намеревавшихся участвовать в выборах. Понимая это, небольшие партии пытались объединиться и создать более крупные и в первую очередь перспективные объединения. Наибольшую активность в этом проявляли организации левого центра: «Блок Юрия Болдырева», «Российский общенародный союз» (РОС) С. Бабурина, «Союз народовластия и труда» А. Николаева и «Духовное наследие» А. Подберезкина.

Все они исходили из того, что преодоление пятипроцентного барьера поодиночке будет проблематично, и именно поэтому стремились к блокировке с наиболее выгодными союзниками. Однако главная проблема заключалась в том, что каждый из лидеров видел себя в таком блоке не иначе как номером один.

Наибольшую активность в создании нового блока проявлял экс-руководитель Федеральной пограничной службы РФ А. Николаев. Он специально решил провести съезд своей организации 22 сентября, то есть за три дня до крайнего срока регистрации. А. Николаев был уверен, что остальным участникам переговоров ничего не останется, как войти в его блок или идти на выборы самостоятельно. И он не сомневался, что они выберут первый вариант.

Все лидеры левого центра вели схожую предвыборную кампанию. Они не тратили денег на мощную рекламу в центральных СМИ, предпочитая поездки по регионам и выступления в местных печатных и электронных средствах массовой информации.

Движение «Социал-демократы», возглавляемое Г. Поповым и получившее на парламентских выборах 1995 года всего 0,13 процента голосов, пыталось стать объединяющим звеном родственных политических течений. Однако «Союз труда» А. Исаева, ставшего членом политсовета «Отечества», «Партия самоуправления трудящихся» С. Федорова, движение «За новый социализм» Ю. Петрова, Социалистическая партия трудящихся Л. Вартазаровой, Социалистическая партия России И. Рыбкина, «Союз народовластия и труда» А. Николаева проигнорировали призывы «Социал-демократов».

С Российской партией социальной демократии А. Яковлева, вошедшей в «Правое дело», отношения у Г. Попова и других руководителей его движения (Ф. Бурлацкий, Н. Аджубей, О. Богомолов, В. Гольданский, Н. Шмелев) расстроились. Единственным звучным приобретением для «Социал-демократов» в 1999 году стал бывший член фракции КПРФ В. Семаго, кооптированный в федеральный совет движения.

Попытки обхаживания Е. Строева, Г. Селезнева, К. Титова и предложения своих услуг в качестве возможных союзников также успехом не увенчались.

В то же время Г. Попов не оставлял надежд найти сколько-нибудь значимую нишу в политической жизни России. В этих целях он стремился привлечь на свою сторону популярного политика, заместителя председателя Счетной палаты РФ Ю. Болдырева, безуспешно пытался заручиться негласным покровительством Е. Примакова до того, как бывший премьер окончательно определился со своим выбором в пользу блока «Отечество — Вся Россия».

Политсовет движения «Социал-демократы» в июле единогласно принял решение обратиться к Е. Примакову с предложением сформировать и возглавить избирательный блок для участия в выборах в Государственную думу. Об этом говорилось в открытом письме бывшему премьер-министру. «Социал-демократы, — отмечалось в нем, — готовы участвовать в создании такого блока, используя потенциал как собственных региональных структур, так и других общественно-политических организаций, входящих в Конгресс социал-демократических сил России». По мнению авторов письма, такой блок, возглавляемый Е. Примако-

вым, «сможет стать основой объединения политических сил, стремящихся возродить Россию и обеспечить достойную жизнь ее граждан».

По оценкам политологов, шансы на успех некоего сплочения левоцентристов были незначительны, поскольку ряд социалистических и социал-демократических партий уже ориентировался на более крупные блоки, а те, кто еще не примкнул к ним, имели собственные амбиции.

Еще 29 марта 1999 года было объявлено, что в «Движение Андрея Николаева» войдут его «Союз народовластия и труда», «Партия самоуправления трудящихся» С. Федорова, «Союз реалистов» Н. Жуковой, «Ассоциация женщин-предпринимателей России» Т. Малютиной, общероссийская общественная организация безработных граждан «Круг» А. Назейкина. Определенный интерес вызвало «Обращение к гражданам России» А. Николаева, опубликованное 16 июня, где россиянам предлагалось создать «Свод гражданских требований к власти».

29 июня в Подмосковье прошла организационная конференция коалиции левоцентристских социалистических сил России. По мнению лидера коалиции депутата Госдумы А. Николаева, новый блок собирался получить миллионы голосов и занять в новой Думе место между коммунистами и «Отечеством» Ю. Лужкова.

«Замусоленная колода политических карт должна уйти, — заявил А. Николаев на конференции. — Настало время других людей». Правда, среди «незамусоленных» союзников генерала также в основном оказались политики «не первой свежести» вроде лидера «Партии самоуправления трудящихся» С. Федорова и сопредседателя «Российского движения за новый социализм» Ю. Петрова. Тем не менее А. Николаев выразил уверенность, что его коалиция гораздо ближе к народу, чем нынешние парламентские партии, и обязательно будет представлена в новой Думе.

Правда, далеко не все было ясно с союзниками и противниками левоцентристов. По словам А. Николаева, «В. Анпилов и А. Макашов для нас так же неприемлемы, как и Е. Гайдар». К «Отечеству» Ю. Лужкова, КПРФ, губернаторским блокам и лично Е. Примакову отношение у генерала тоже было не

слишком теплое. Дружить же коалиция намеревалась с «Духовным наследием» А. Подберезкина и Аграрной партией М. Лапшина, причем привлечение в свой блок аграриев являлось главной целью А. Николаева.

По оценкам, «Движение Андрея Николаева» насчитывало в своих рядах более 400 тысяч индивидуальных и более 60 тысяч коллективных членов. Наиболее сильны были его организации в Московской, Владимирской, Липецкой, Нижегородской областях, Санкт-Петербурге, Алтайском, Хабаровском и Красноярском краях, Республиках Дагестан и Марий Эл.

Другим полюсом притяжения левоцентристов стал бывший «яблочник», зампред Счетной палаты Ю. Болдырев. Воодушевленный достигнутым ранее успехом своих сторонников на выборах в законодательное собрание Санкт-Петербурга, он также активно работал в июле — августе в центре и на местах. Так, в Омске в середине июля он участвовал в создании местного филиала своего движения — «Блок Юрия Болдырева». Сподвижниками Ю. Болдырева там стали экс-коммунисты, отколовшиеся от обкома КПРФ из-за несогласия с «авторитарными» методами правления секретаря ЦК компартии А. Кравца. Отделение своего движения Ю. Болдырев учредил и в Перми. Региональным отделениям было поручено подготовить поправки к программе движения с учетом региональной специфики. «Мы идем на выборы по округам и по партийным спискам. Уже вступили в коалицию с рядом организаций, имеющих право регистрировать партийные списки, и ведем переговоры с теми организациями, которые имеют возможность заручиться доверием избирателей», — заявил Ю. Болдырев. Пока, по его откровенному признанию, в коалицию вошли «малоизвестные организации». Кто войдет в первую тройку предвыборного списка, будет решено по окончании всех переговоров. Как подчеркнул Ю. Болдырев, цели коалиции сформулированы не по принципу «все, кто за что-то хорошее, пойдут с нами», а «предельно конкретно — наведение элементарного порядка взамен системного разрушения собственного государства».

Обратило на себя внимание заявление Ю. Болдырева в июле, что он поддержит на президентских выборах экс-премьера Е. Примакова. По его словам, Е. Примаков — единственный человек из потенциаль-

ных кандидатов в президенты, в мудрости и порядочности которого «не приходится сомневаться». Некоторые «ошибки» Е. Примакова — например, предложение о переходе к назначению губернаторов — его не пугали. Возможными союзниками блока на выборах Ю. Болдырев назвал С. Федорова, генерала А. Николаева, С. Сулакшина, уже вышедшего к тому времени из «Отечества», и С. Глазьева — еще не определившегося на тот момент относительно вступления в союз с КПРФ.

Параллельно Ю. Болдырев встречался с Н. Гончаром и Д. Рогозиным. Зампред Счетной палаты подчеркнул, что не имеет «ничего общего с правыми силами типа «Правого дела», всех Гайдаров и Чубайсов, вместе взятых, С. Кириенко с его «Новой силой», Б. Немцовым с его «Россией молодой». А заодно с В. Жириновским и Г. Явлинским».

В начале августа продолжались непрерывные консультации о создании нового предвыборного объединения. В новый блок собирались объединиться Ю. Болдырев, В. Илюхин и Д. Рогозин. Политологи исходили из того, что каждый из этих политиков достаточно известен, но поодиночке они не смогут перешагнуть пятипроцентный барьер.

Чем каждый из членов такой коалиции мог быть полезен остальным? Ю. Болдырев как бывший член «Яблока» имел устойчивую репутацию демократически ориентированного политика. Его популярность в Санкт-Петербурге была велика. Таким образом, в поддержке питерцев Ю. Болдырев мог быть уверен. Выборы в декабре 1998 года в Законодательное собрание города были свежи в памяти.

В. Илюхин также является известным политиком. Только на своем имени, по оценкам, он мог набрать не менее 2 процентов голосов избирателей. Однако слабым местом Ю. Болдырева и В. Илюхина являлась недостаточно мощная региональная сеть. Вставали вопросы финансирования.

Наиболее сильной региональной структурой располагал Конгресс русских общин Д. Рогозина. Однако здесь существовало одно «но» — люди Д. Рогозина не собирались работать бесплатно, а у лидеров задуманного блока не было мощных финансовых ресурсов. Поэтому предполагалось, что либо регионалы КРО

будут работать на других кандидатов, которые им заплатят за работу, либо, если таковых не найдется, вынуждены будут работать на новый блок. Сам Д. Рогозин без региональных отделений вряд ли будет нужен Ю. Болдыреву и В. Илюхину, так как его личная популярность невысока.

Новое объединение собиралось использовать в своей кампании идею воссоединения России с Белоруссией. С этой целью они вели переговоры с организацией «Родное Отечество», члены которой регистрировали инициативную группу для проведения референдума по воссоединению с Белоруссией.

Необходимо отметить один момент, который и осложнил, как показали последующие события, жизнь новому объединению. Дело в том. что у В. Илюхина и Ю. Болдырева разный электорат. Вполне могло случиться, что, объединившись с коммунистами-радикалами, Ю. Болдырев потерял бы поддержку Санкт-Петербурга. Особенно трудно ему было объяснить своим сторонникам союз с А. Макашовым, поэтому в качестве условия своего альянса с В. Илюхиным Ю. Болдырев требовал его разрыва с А. Макашовым. На это В. Илюхин пойти не мог, поскольку такой шаг существенно осложнил бы его положение в «Движении в поддержку армии».

Центристы. В центре политического ландшафта России мощно заявил о себе выстраданный в борьбе с противодействием президентской администрации предвыборный блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР), которому удалось добавить вес таким своим лидерам, как мэр Москвы Ю. Лужков, президент Татарстана М. Шаймиев, губернатор Санкт-Петербурга В. Яковлев, за счет привлечения в качестве председателя своего координационного совета пользовавшегося авторитетом среди населения бывшего премьер-министра Е. Примакова и откола от «Народно-патриотического союза России» большинства Аграрной партии России (АПР).

В рейтинге, составленном на основе опроса общественного мнения ВЦИОМ 20 — 24 августа — еще до съезда АПР, принявшего решение о вхождении в ОВР, этот блок прочно занял второе место после КПРФ. Прогнозировалось, что популярность ОВР будет расти и он может побороться за создание крупнейшей фракции своих депутатов в Госдуме.

«Отечество», которое было зарегистрировано как общероссийская общественно-политическая организация 19 декабря 1998 г., настойчиво вело линию на то, чтобы подчеркнуть свой общефедеральный характер и особый интерес к российской «глубинке». Устранить настрой общественного мнения о том, что «партия Ю. Лужкова» изначально имела характер не массового движения, а номенклатурной структуры, удавалось с трудом. Позиции «Отечества», получившего на периферии репутацию «столичного бомонда», в провинции оставались относительно слабыми.

С учетом того, что многие губернаторы, на которых делался расчет в становлении местных организаций «Отечества» и задействовании их возможностей для проведения эффективной предвыборной кампании, заняли выжидательную позицию, ориентируясь на президентскую администрацию и исполнительную федеральную власть, руководство «Отечества» поначалу возлагало большие надежды на мэров городов и другие органы местного самоуправления.

В ряде регионов отмечалось стремление чиновников, директорского корпуса и предпринимателей приобщиться к деятельности местных отделений «Отечества» для сохранения своего положения и продолжения карьеры. В то же время формирование команд, актива общественности и работа крепнувшего движения с населением велась еще слабо. Чувствовалась недооценка этой работы.

Продолжавшиеся контакты лидера «Отечества» с КПРФ и «Яблоком» основывались на том, что, согласно прогнозам, представители именно этих партий и движений будут стремиться составить думское большинство.

Коалиция здесь была невозможной, в частности, из-за непримиримых, взаимоисключающих подходов коммунистов и «яблочников». Речь о взаимоотношениях этих сил могла быть лишь о «джентльменских» договоренностях о совместной поддержке в мажоритарных округах умеренных и авторитетных, «проходных» кандидатов, противостоявших левому экстремизму и праволиберальному монетаристскому подходу.

По оценкам аналитиков, значительное укрепление позиций Б. Ельцина позволило его команде развернуть многоплановую кампанию по ограничению влияния

одного из наиболее перспективных кандидатов на пост главы государства — Ю. Лужкова, который рассматривался Кремлем как «конкурент номер один». В администрации президента был разработан четкий, хорошо структурированный план достижения поставленной цели.

В Москве стали циркулировать слухи, что днем выборов президент может объявить 12 декабря 1999 года. Это значило, что 22 избирательных объединения из 139, в том числе и «Отечество», не будут допущены к думским выборам, поскольку к тому времени не пройдет года со дня их регистрации.

2 июля состоялся президиум политсовета «Всей России», после которого было объявлено, что в середине августа в Уфе состоится съезд этого общественно-политического движения.

Одновременно президент Татарстана, лидер блока «Вся Россия» М. Шаймиев категорически опроверг слухи об объединении своего блока с другой «губернаторской» партией — «Голосом России» — и создании на их основе блока «Федерация». Аргументируя абсурдность таких заявлений, М. Шаймиев приоткрыл завесу тайны над содержанием межблоковых переговоров и подтвердил сомнения тех, кто скептически отнесся к «кремлевской» идее создания «блока блоков» под названием «Россия». «Мы предложили К. Титову войти с его «Голосом» в состав «Всей России». В ответ же прозвучало мнение о том, что в этом случае движение К. Титова потеряет свое лицо», — сказал президент Татарстана. На тот момент, судя по высказываниям президента Татарстана, не было никаких однозначных решений и насчет «Отечества».

Тем не менее 6 июля М. Шаймиев заявил, что входящие в блок губернаторы не видят другого союзника на парламентских выборах, кроме «Отечества» Ю. Лужкова. Сигнал в Кремле приняли и отреагировали незамедлительно.

8 июля Б. Ельцин полтора часа посвятил общению со «Всей Россией». По свидетельству участвовавших во встрече губернаторов — а это были президенты Татарии и Башкирии М. Шаймиев и М. Рахимов, губернаторы Астраханской области А. Гужвин, Иркутской — Б. Говорин, Омской — Л. Полежаев, Челябинской — П. Сумин и губернатор Санкт-Петербурга

В. Яковлев, Б. Ельцин был в курсе деятельности движения и инициатива губернаторов ему понятна. Тем более что большинство из тех, с кем встретился президент за «круглым столом», знакомы ему не один год. Губернаторы предприняли зондаж, заявив президенту, что пора создать крупную центристскую силу в противовес оппозиции на выборах. По мнению губернаторов, помимо «Всей России», «Голоса России» и НДР, ее должно пополнить «Отечество». Уговаривать губернаторов не дружить с Ю. Лужковым Б. Ельцин не стал. Он пошел по другому пути: выслушал региональных лидеров и дал понять, что без поддержки не оставит. Присутствие премьера С. Степашина должно было дать губернаторам уверенность, что одобрение президента будет подкреплено делом. Однако, как ни благосклонно внешне отнеслись губернаторы к такой «агитации» Кремля, их сближению с Ю. Лужковым уже вряд ли что-нибудь могло помешать. Один из губернаторов после встречи с Б. Ельциным заявил: «Мы надеемся, что объединение с «Отечеством» произойдет при поддержке президента».

10 июля соратники Ю. Лужкова провели удачную предвыборную акцию, дав в СМИ утечку о том, что «Отечество» приняло решение предложить Е. Примакову возглавить свой думский список. Правда, уже 12 июля последовало опровержение: «сведения о формировании списка не соответствуют действительности», «решение не принято».

Однако акция сработала, взбудоражив все политическое сообщество. Е. Примаков стал чуть ли не культовой фигурой: выяснилось, что заполучить его в свои ряды хотели все.

Бурная реакция, которую вызвали лишь намеки Ю. Лужкова на возможный союз с Е. Примаковым, вполне объяснима. Ю. Лужков на глазах набирал силу политика общефедерального уровня. Заручившись же поддержкой губернаторов, Ю. Лужков получил бы в преддверии выборов мощнейшие административные рычаги. Уже в первой половине июля шансы «Отечества» на парламентских выборах оценивались политологами в 10 — 15 процентов. Однако если список «Отечества» возглавил бы Е. Примаков, эти шансы, по мнению президента фонда «Политика» В. Никонова, могли возрасти до 25—30 процентов.

В то же время Е. Примаков Ю. Лужкову ничего на тот момент четко не обещал. Да и в окружении московского мэра было немало людей, предельно скептически оценивавших перспективы политического союза этих двух лидеров, каждый из которых обладал президентскими ресурсами и амбициями.

15 июля один из лидеров движения «Вся Россия» М. Шаймиев заявил, что «если экс-премьер Евгений Примаков примет решение возглавить предвыборный список какой-либо партии или избирательного блока, то он отдаст предпочтение мощному объединению». Наблюдатели сразу же предположили, что это «мощное объединение» — союз «Отечества» и «Всей России».

Правда, поначалу лидеры «Всей России» не спешили заявлять о своей готовности идти на выборы вместе с «Отечеством». Но косвенные факты говорили о том, что М. Шаймиев готов к сотрудничеству с «Отечеством». Лидером местного отделения движения Ю. Лужкова стала председатель «Татрессовпрофа» Ф. Гайнуллина, и, надо полагать, не без благословения республиканских властей. Ни для кого не секрет, что профсоюзы Татарии всегда были дружны с властью. Примечательно, что посланцы местного отделения «Отечества» без особых препятствий начали свою агитацию на преуспевающих предприятиях республики. Если бы их «хождение в народ» было не по нраву правительственной элите республики, она бы давно разослала на места соответствующие указания.

15 июля на специально созванной пресс-конференции общероссийская политическая общественная организация «Отечество» представила публике руководство своего предвыборного штаба во главе с экс-министром налогов и сборов РФ Г. Боосом. Помимо самого руководителя были представлены его заместители: по информационно-пропагандистской работе — С. Ястржембский и по работе с коллективными членами, профессиональными и социальными группами — А. Исаев. Как заявил С. Ястржембский, пора развеять слухи о том, что организация «Отечество» и ее лидер непопулярны в регионах. Не менее своевременной стала и констатация Г. Боосом того факта, что «на центристском поле нет никого, кроме «Отечества» и «Всей России», поэтому экс-премьер Е. Примаков, по его

мнению, будет вести переговоры о союзе именно с двумя этими движениями.

Руководитель предвыборного штаба «Отечества» заявил также, что будет вести переговоры со всеми партиями и движениями, кроме экстремистских, но основным союзником в предстоящей думской кампании прямо назвал движение «Вся Россия». Уклончивый же ответ Г. Бооса об участии в парламентском списке номинального и фактического лидера «Отечества» Ю. Лужкова и вовсе развеял сомнения: первая позиция в нем была оставлена вакантной.

Между тем развивалась кампания, рассчитанная на дискредитацию Ю. Лужкова, что довольно убедительно подтверждало действительное наличие у кремлевских стратегов плана на этот счет, о чем говорилось выше. Под надуманным предлогом по линии ФСБ была затеяна проверка — с выемкой документов — деятельности фирмы «Интеко», принадлежавшей жене мэра Е. Батуриной. Ю. Лужков в интервью 17 июля потребовал «сменить власть в России», поскольку она «позорит себя использованием силовых структур в политической борьбе вместо борьбы с преступностью». Ю. Лужков заявил, что спокойно относится к проверке «Интеко», однако прямо увязывает расследование с собственной политической деятельностью. Он объявил, что «ФСБ, прокуратура, Кремль и администрация президента» являются его недоброжелателями, которым «не нравится спокойствие в стране» и у которых «Лужков вызывает изжогу».

18 июля Ю. Лужков вновь оказался в центре политической сенсации. Московский мэр в интервью «Итогам» фактически признал, что есть достойный кандидат на пост президента. Это Е. Примаков. Следовательно, Ю. Лужков определился, кто в их связке с Е. Примаковым будет главным.

Уже к 20 июля стало очевидно, что создание предвыборного альянса, включавшего «Отечество» и блок «Вся Россия», по мнению их лидеров, дело решенное. Эта перспектива, разумеется, не устраивала администрацию президента. От внимания аналитиков не укрылись попытки Кремля не допустить объединения блока М. Шаймиева с «Отечеством». Сначала Минфин внес предложение о расторжении ряда межправительственных соглашений с Татарстаном. Затем Минтоп-

энерго пригрозило лишить ведущую татарстанскую компанию «Татнефть» возможности увеличить экспорт нефти за рубеж. Считалось, что перед такой угрозой М. Шаймиев задумается, надо ли ему сближаться с московским мэром. Но запугать президента Татарстана не удалось.

3 августа на политсовете «Всей России» было принято решение, что первым человеком в списке нового блока будет политик, не входивший ни в «Отечество», ни во «Всю Россию». Речь шла о Е. Примакове. 17 августа он вошел в блок «Отечество — Вся Россия» и стал его реальным лидером. 21 августа одновременно в Москве и в Уфе состоялись съезды движений «Отечество» и «Вся Россия». «Надпартийный» Е. Примаков в них не участвовал. Делегаты съездов подтвердили намерение идти на парламентские выборы вместе, выдвинули представителей на объединительную конференцию.

21 августа отчетливо обозначилось, что ко «Всей России» в Кремле относились гораздо лучше, чем к «Отечеству». На съезд в Москве со Старой площади не пришел никто, а в Уфу прибыл заместитель главы администрации президента В. Сурков, который приложил усилия, чтобы понравиться регионалам. «Мы стояли на пороге краха, но мы выстояли, потому что все эти годы работали такие люди, как вы, — к удивлению присутствовавших заявил в своем выступлении В. Сурков. — Спасибо за надежду, которую вы даете». В беседе с одним из корреспондентов В. Яковлев заметил после, что «не ожидал такого выступления, возможно, там поняли, что с силой надо считаться».

Ряд аналитиков пришел к выводу о том, что некоторые симпатии Кремля к одной из составляющих блока вряд ли смогут расколоть его накануне парламентских выборов, но вполне могут подорвать его на этапе формирования думских фракций. Тогда могут всплыть и несправедливости, допущенные при формировании избирательных списков, и другие обиды, которые пока участники «блока Е. Примакова» старались публично не обсуждать.

Единодушие, с каким 188 делегатов объединительной конференции блока «Отечество — Вся Россия» (ОВР) 28 августа утвердили свой парламентский список из 270 фамилий, должно было, похоже, стать фир-

менным знаком новой партии власти. «Справедливой и эффективной власти», — уточнил в своем программном выступлении председатель Координационного совета ОВР Е. Примаков. Впрочем, если бы не политическая фигура экс-премьера, то центристам-лужковцам, федералистам-шаймиевцам, примкнувшим к ним аграриям и осколкам титовского «Голоса России» было бы совсем не просто достичь единства — Е. Примаков сгладил все противоречия.

Выступление лидера на конференции расставило идеологические акценты: было дано шесть определений настоящего «государственника», а программным стержнем будущей партии власти был объявлен «здравый смысл». Экс-премьер обрисовал идеальную, в его понимании, структуру будущего устройства блока.

В ОВР «подправили положение» с засильем москвичей в общих списках, да и те, которые остались, «даже в мыслях не допускают, что Россия может быть представлена Московией» (уступка регионалам). Большинство губернаторов и мэров были переведены из федеральной части списка в местные, при этом гарантировалось, что из них лишь «единицы не будут членами фракции» (снималась проблема «котов в мешке»). Принятая на конференции предвыборная платформа «Сто законов для России» должна убедить избирателей в намерении примаковцев заняться именно повседневной парламентской работой в Думе, а не политической борьбой вне ее стен. Правда, принятие стратегических решений и после вероятной победы на выборах оставалось за координационным советом «Отечества — Всей России», а будущие депутаты скорее выглядели простыми исполнителями воли партии, чем ее творцами.

Что касалось приоритетов ОВР в вопросе о возможных союзниках, то они отчетливо проявились вскоре после учреждения блока.

Руководители блока «Отечество — Вся Россия» и движения «Яблоко» продолжили переговоры о согласованном выдвижении кандидатов по одномандатным округам на выборах в Госдуму. Об этом сообщил Ю. Лужков после встречи с С. Степашиным — вторым номером «Яблока». Мэр Москвы отметил, что на встрече конкретные вопросы «разведения» кандидатов

по округам не обсуждались, однако назвал ее «полезной».

Еще более определенно Ю. Лужков высказался на этот счет в интервью газете «Коммерсантъ» 9 сентября: «Я надеюсь, что «Отечеству» вместе с «Яблоком» удастся сформировать в Думе большинство».

Недовольство ряда участников блока «Отечество — Вся Россия» по поводу несправедливого с их точки зрения распределения мест в уже утвержденном избирательном списке привело к конфликтам. Движение «Женщины России», возглавляемое А. Федуловой, 1 сентября решило покинуть блок Е. Примакова. «Женщины России» обвинили бывших соратников в том, что при составлении списков кандидатов в депутаты они «продемонстрировали традиционный, консервативный подход к роли женщины в обществе». «Тот факт, что в 16 региональных списках не представлено ни одной женщины, а в других списках большая часть опытных квалифицированных женщин, имеющих поддержку в определенных кругах избирателей, оказалась на заведомо непроходных местах, подтверждает, что в женщинах не видят партнеров, не верят в их силы и возможности» — подчеркивалось в официальном письме координационного совета движения в «Отечество».

В то же время с уходом А. Федуловой и других «Женщин» блок Е. Примакова не превратился в сугубо мужскую компанию. Достаточно сказать, что четвертую строчку в федеральном списке заняла лидер другой женской организации — «Общественно-политического движения женщин России» — Е. Лахова. Именно это, по всей видимости, и стало причиной скандала. А. Федулова и Е. Лахова, которая два года назад покинула движение «Женщины России» и создала свою женскую организацию, судя по всему, относились друг к другу более чем сдержанно. Обе претендовали на исключительное право представлять женский электорат страны. Обнаружив, что ее фамилия в избирательном списке находится ниже Е. Лаховой, А. Федулова решила громко хлопнуть дверью.

2 сентября блок ОВР подал документы в Центризбирком и уже 4 сентября был зарегистрирован. Как и ожидалось, некоторые члены ЦИК не согласились с определением Минюста о том, что к 19 декабря

у «Отечества» будет необходимый годичный стаж существования, и трое из них при голосовании воздержались.

В верхушку федерального избирательного списка ОВР, помимо Е. Примакова, Ю. Лужкова, В. Яковлева, Е. Лаховой, вошли М. Лапшин, лидер АПР, принявшей решение о вхождении в блок за день до его учредительной конференции — 27 августа; С. Говорухин, кинорежиссер, депутат Госдумы; Б. Громов, генерал-полковник, депутат Госдумы; О. Морозов, секретарь координационного совета ОВР, депутат Госдумы и другие известные политики.

Безусловно, появление Е. Примакова во главе избирательного блока «Отечество — Вся Россия» резко изменило соотношение сил среди фаворитов предвыборной гонки: блок мог выйти вперед, оттеснив КПРФ, лишившуюся ряда своих традиционных союзников, на вторую позицию. Согласно опросу фонда «Общественное мнение», проведенному 21—22 августа, намерения электората на выборах претерпели существенные изменения. Так, за ОВР, согласно этим данным, в августе проголосовали бы 27 процентов (в июле — только 15 процентов), в то время как за КПРФ — 21 процент, что меньше по сравнению с июлем на 2 процента, за «Яблоко» — 8 процентов (в июле было 11 процентов), за ЛДПР — 5 процентов (было 6 процентов), остальные участники не перешагивали пятипроцентный барьер.

Правоцентристы. К ним следует в первую очередь отнести «Яблоко». Факт долговременных консультаций на предмет объединения «Нашего дома — Россия» с «Правым делом», «Новой силой», «Голосом России», несмотря на то, что они не завершились созданием единого предвыборного блока, позволил отнести НДР к правому флангу в российской политической жизни.

«Яблоко», занявшее на выборах 1995 года четвертое место по числу собранных голосов — 6,89 процента, провело тогда в Думу по общефедеральному списку 31 своего кандидата и еще 14 по одномандатным округам. Особенно удачно была проведена кампания в Санкт-Петербурге, где было избрано шесть «яблочников».

«Яблоко» имело довольно серьезную региональ-

ную сеть своих отделений. Они созданы в 72 субъектах Федерации. Объединение представляли два члена Совета Федерации РФ — это были председатели областных законодательных собраний С. Вахрукова из Ярославля и Б. Третьяка с Сахалина, несколько десятков депутатов уровня субъектов РФ.

К началу предвыборной кампании 1999 года «Яблоко», нашедшее ранее свою политическую нишу в обществе, в целом сохранило и даже несколько расширило свое влияние на электорат и устойчиво занимало третье место в различных рейтингах — 10 процентов по опросу ВЦИОМ, проведенному 20—24 августа 1999 года, 8 процентов по опросу фонда «Общественное мнение» на тот же период.

Вопрос о вхождении «Яблока» в какие-либо блоки ввиду последовательной позиции руководства объединения по этому вопросу не стоял. Достижением Г. Явлинского стала договоренность с С. Степашиным о занятии экс-премьером, которого безуспешно пытались вовлечь в «Союз правых сил», второй позиции в предвыборном списке «Яблока».

Перед стартом предвыборной кампании 1999 года построенное на рыхлых конфедеративных началах объединение «Яблоко» вело дело к преобразованию в централизованную партию. Целью внутренней реформы, как ее определил Г. Явлинский, являлось создание «самой крупной оппозиционной силы», призванной объединить тех, кто «уже не может голосовать за Б. Ельцина, но еще не готов голосовать за Г. Зюганова».

Еще в марте 1999 года сторонникам Г. Явлинского было запрещено одновременно числиться в «Яблоке» и в какой-нибудь иной политической организации. Этот шаг был, в частности, реакцией на создание членом руководства «Яблока» И. Грачевым «Движения развития предпринимательства» и его попытки договориться о плотном сотрудничестве сначала с «Отечеством», а затем с «Голосом России». Преобразуя «Яблоко» в партию с жесткими принципами внутреннего построения, Г. Явлинский потерял часть единомышленников. Так, из «Яблока» весной вышли трое из пяти членов Социал-демократической партии. С другой стороны, из парламентской группы «Российские регионы» в лагерь Г. Явлинского перешли депута-

ты Н. Медведев и А. Янковский. Последний, являвшийся сопредседателем «Партии экономической свободы» (ПЭС), рассчитывал сыграть роль своего рода «мостика» между блоком Е. Гайдара, куда входит ПЭС, и «Яблоком».

По оценкам экспертов, мнение о том, что Г. Явлинский является общепризнанным лидером «Яблока», несколько преувеличено. Его соратники не отрицали, что он является наиболее оптимальной публичной фигурой, хорошим полемистом, однако считали, что истоки переросшего в партию объединения основывались на антикоммунистической основе, о чем Г. Явлинский, стремившийся, наконец, в сугубо личных целях занять значимый государственный пост, иногда забывал.

Г. Явлинский был выдвинут более глубинными силами на передний край политики. «Мы впервые в российской политической жизни сконструировали партию и подобрали для нее руководителя», — заявлял не только в частном порядке, но и на внутрипартийных форумах руководитель избирательного штаба В. Игрунов.

В руководстве «Яблока» настороженно отнеслись к некоторому сближению Г. Явлинского с Ю. Лужковым. «Яблоко» обязательно найдет общий язык с «Отечеством» на декабрьских выборах в Госдуму, считал Г. Явлинский.

Категорически против выступал, в частности, С. Митрохин. По его мнению, суть вопроса состоит в том, что Москва всасывает в себя все ресурсы регионов. Руководитель избирательной кампании «яблочников» В. Игрунов, который встречался с Ю. Лужковым, также считал, что союз с Ю. Лужковым в случае столкновений с «Отечеством» в борьбе за электорат на местах станет маловероятным.

Местные структуры «Яблока» основывались преимущественно на ячейках интеллигенции и охватывали научных работников, специализировавшихся в вопросах политологии, социологии, культурологии, экономики, проведения предвыборных кампаний. Одним из источников финансирования были американские и другие западные гранты «на поддержку российской науки», что в материальном плане удовлетворяло участников «яблочных» мероприятий. Более того, их широ-

ко задействовали в более широких программах по изучению общественного мнения в регионах, независимо от политических пристрастий их руководителей.

В течение июля — августа положение в объединении «Яблоко» оставалось более стабильным, чем в большинстве других политических структур. В руководстве были четко распределены сферы влияния — Г. Явлинский являлся несомненным лидером «Яблока», В. Лукин, до того как его оттеснил в предвыборном списке (но не в самом объединении) на третью позицию С. Степашин, неофициально числился «человеком № 2» и курировал внешнеполитическую сферу, С. Иваненко являлся главным координатором думской фракции, а В. Игрунов ведал региональной политикой, на него же традиционно возлагались функции руководителя избирательного штаба.

Ключевая роль В. Игрунова в деятельности организации проявлялась еще и в том, что в течение длительного времени именно он выступал главным проводником идеи превращения движения в партию. По замыслу, «Яблоко» должно стать партией парламентского типа, которые создаются для участия в выборах.

Руководители «Яблока» во всех своих публичных выступлениях неизменно подчеркивали, что являются демократической оппозицией сегодняшней власти, считают своими стратегическими целями создание в стране свободного демократического устройства, выступают за права человека, за ценности и свободы частной собственности. По оценкам, «Яблоко» верно идеям либерализма и рыночной экономики западного типа и в политическом спектре занимало прочное место в правом центре, пожалуй, даже ближе к радикалам, чем к центристам. Различия между «Яблоком» и правыми партиями состояли не в базовых принципах, а в тактике и стиле, нежелании «яблочников» ассоциировать себя с провалами долго находившихся у власти монетаристов.

Однако имидж «Яблока» начал приобретать новые черты. Г. Явлинский начал уделять больше внимания проблемам реального сектора экономики, в частности, ВПК, что было вызвано борьбой за голоса части колеблющихся избирателей — правда, на этом поле «Яблоко» несколько сблизилось, но одновременно и столкнулось с «Отечеством». Серьезным отрицательным

фактором для имиджа партии стало то, что даже подчеркнутая оппозиционность по сравнению с коммунистами (например, отказ голосовать за бюджет) не прибавила «Яблоку» сторонников среди протестного электората. Над «Яблоком» все равно тяготело «подозрение» в возможном «сговоре» с режимом Б. Ельцина и правыми.

Ряд экспертов пришел к выводу, что и власть, и обеспечивающие ее интересы финансово-экономические круги достаточно четко определили место Г. Явлинского в структуре политической иерархии — быть «первым эшелоном системной оппозиции», критический потенциал которой можно легко задействовать в случае обострения социальной напряженности сравнительно безболезненно для самой власти. Именно поэтому и режим, и радикал-демократы вполне снисходительно относились к его критике и «особым позициям», а в некоторых случаях и оказывали ему прямое содействие. Для них главное — неприятие «Яблоком» коммунистов.

На последних президентских выборах позиции Г. Явлинского оказались вполне крепкими в следующих регионах: в Санкт-Петербурге (15,15 процентов голосов), Новосибирской (18,2 процента), Камчатской (17 процентов) областях, в Республике Ингушетия (12 процентов), Архангельской (11,3 процента), Томской (11 процентов) областях, Республиках Карелия (14,6 процента) и Коми (10 процентов), Красноярском (10,7 процента) и Хабаровском (10,8 процента) краях. Не исключалось, что на выборах-99 он сделает указанные регионы своими «плацдармами».

Движение Г. Явлинского, по всем оценкам, имело достаточно твердое «ядро» электората (превышающее 5 процентов), что обеспечивало ему достаточно надежную опору для дальнейшего расширения своего предвыборного потенциала. Большая часть электората «Яблока» проживала в городах — 89 процентов, причем сравнительно высок уровень жителей малых городов — 45 процентов. Высшее и среднее образование имели 77 процентов (в этом отношении электорат «Яблока» практически копировал электорат «Отечества»), что значительно превышало показатели, например, КПРФ и ЛДПР. «Яблоко» не очень популярно среди молодежи — только 20 процентов его потенци-

альных избирателей моложе 30 лет. Значительно больше среди «яблочников» лиц среднего возраста — 44 процента, а также старше 50 лет — 36 процентов. В целом большинство сторонников «Яблока» (56 процентов) относят себя к средним слоям населения.

Движение ориентируется на «чистый» бизнес и стремится не иметь дела с криминалом, который в большей степени ориентируется на другие политические силы.

Расширение электората «Яблока», по мнению стратегов его избирательной кампании, возможно за счет сужающихся возможностей праволиберальных политических сил. Кроме разочарования в практической политике правых, этот электорат не верил, что их избирательный блок перейдет пятипроцентный барьер.

В регионах сторонники Г. Явлинского продолжали группироваться вокруг местных информационно-аналитических и научных учреждений. Многие из таких центров получали финансовую поддержку от фондов Сороса (США) и Фридриха Кауманна (ФРГ), от Международного республиканского института (США).

Проблема финансирования «Яблока» из-за рубежа неоднократно поднималась левой оппозицией в Думе с целью компрометации Г. Явлинского и его союзников — первые такие факты относятся к 1994 году, но никаких практических результатов они не имели.

Финансовые возможности «Яблока» тем не менее расценивались летом 1999 года ее руководством как ограниченные. Одним из важнейших спонсоров «Яблока» была группа «Медиа-Мост». Относительная неудача «Яблока» на выборах в его главной вотчине — Санкт-Петербурге в декабре 1998 года, видимо, сделала движение менее привлекательным объектом для инвестиций. Поддержка «Медиа-Мостом» «Яблока» в июле — августе 1999 года ощущалась главным образом в информационной, а не в финансовой сфере, учитывая материальные проблемы компании.

Привлекло к себе внимание то, что 1 июля глава второй по величине российской нефтяной компании ЮКОС М. Ходорковский заявил о намерении поддержать на выборах в Государственную думу «Яблоко». «В меру своих возможностей я лично помогу «Яблоку», если моя помощь им будет необходима», — сообщил М. Ходорковский. Глава НК ЮКОС, в частности,

отметил, что «компания заинтересована, чтобы такие центристские партии, как партия Г. Явлинского, нашли хорошее представительство в Думе».

Информационные возможности «Яблока» в общероссийском масштабе сохранились примерно на том же уровне, что и в ходе предыдущей избирательной кампании. Г. Явлинский и его коллеги по-прежнему пользовались расположением центральных телеканалов (особенно НТВ) и большинства влиятельных СМИ. Количество положительных и нейтральных материалов о «Яблоке» намного превосходило критические. В абсолютном же большинстве регионов информационный ресурс «яблочников» в регионах значительно уступал возможностям как политических сил, связанных с местной исполнительной властью, так и КПРФ. Переломить такое положение «Яблоку», по оценкам экспертов, вряд ли удастся.

22 июля «Яблоко» понесло потерю. Депутат Госдумы И. Лукашев подал заявление о выходе из фракции. Он обвинил Г. Явлинского в авторитарных методах руководства. Парламентарий обосновал свое решение тем, что за последние годы с «Яблоком» произошли заметные изменения, которые представляются ему «крайне опасными». По словам И. Лукашева, Г. Явлинский, по сути, узурпировал власть в партии и фракции, единолично формирует партийные списки для участия в выборах в Госдуму, не прислушивается к мнению своих коллег по партии.

29 июля состоялось заседание бюро центрального совета «Яблока». После него было объявлено, что «Яблоко» приложит все усилия для того, чтобы сформировать в новой Государственной думе некоммунистическое большинство. Зампред «Яблока» С. Иваненко обратил внимание, что опросы общественного мнения показывали (на тот момент): объединение «Яблоко» является второй по влиянию федеральной политической силой. Поэтому объединение считало «своим долгом вести переговоры со всеми цивилизованными некоммунистическими силами», отметил он.

В первой половине августа стало ясно, что «Яблоко» по-прежнему гарантированно преодолевает пятипроцентный барьер, однако позиции постепенно теряет. Наличие в имидже Г. Явлинского таких привлекательных черт, как интеллигентность и принципи-

альность, в значительной степени обесценивались такими его качествами, как неспособность договариваться с возможными союзниками и попутчиками и нежелание брать на себя ответственность за практические дела.

Неудовлетворительно шла работа в регионах. На общефедеральном же политическом уровне для «Яблока» возникла опасность оказаться зажатым в клещи между ОВР и планировавшимся под эгидой Кремля блоком правых сил, куда активно пытались вовлечь отставленного премьер-министра С. Степашина.

На помощь «Яблоку» пришли некоторые обстоятельства. Г. Явлинский мгновенно отреагировал на сведения о том, что правый блок в задуманной президентскими стратегами конфигурации (все бывшие премьеры, за исключением Е. Примакова) не клеился.

«Яблоко» перехватило инициативу в борьбе за привлечение в свой список имени С. Степашина, обладавшего достаточно высоким рейтингом, поскольку за менее чем трехмесячное пребывание во главе исполнительной власти он не успел совершить в глазах избирателей не только ничего особенно позитивного, но и явно негативного.

Сразу после того, как 19 августа утром на даче у С. Степашина началась его встреча с Г. Явлинским, появились сообщения о том, что экс-премьер получит второе место в партийном списке «Яблока». Для самого С. Степашина такой поворот в предвыборной судьбе был очень кстати: в отличие от по-прежнему считавшихся «непроходными» НДР и «Правого дела», «Яблоко» уверенно могло рассчитывать на формирование крупной фракции в Госдуме, и опора на него могла принести бывшему премьеру желанную уверенность в завтрашнем дне.

Однако сенсация прожила недолго. Сначала сам экс-премьер сообщил, что в его взаимоотношениях со сторонниками Г. Явлинского «появились трудности». А затем информацию о якобы уже состоявшемся союзе С. Степашина с «Яблоком» опроверг и Г. Явлинский. Как он разъяснил, «С. Степашин — генерал, офицер, и в случае если на него будет оказано серьезное давление со стороны Б. Ельцина, то, по его словам, он не сможет этому противостоять». В переводе на предвыборный язык это означало, что под нажимом

Кремля С. Степашин мог накануне голосования снять свою кандидатуру из уже зарегистрированного партсписка. А отзыв одной из трех первых кандидатур списка, как мы уже говорили, в соответствии с новым законом о выборах, означал автоматическое отстранение от выборов и избирательного объединения в целом. Противостоять же давлению экс-премьер был не готов. «Я знаю, как в Кремле выкручивают руки», — признался он Г. Явлинскому.

Более точным объяснением позиции С. Степашина на тот момент, по мнению аналитиков, было то, что он еще рассчитывал стать первым номером в списке широкого союза правых сил с вовлечением в него НДР. Однако выбор у С. Степашина был небогатый. Поскольку первая тройка ОВР уже была сформирована, и сторонники привлечения на свою сторону под четвертым номером С. Степашина — например, В. Яковлев — оказались в явном меньшинстве, а «Наш дом — Россия», судя по всему, уже не готов был изменить своего отрицательного отношения к объединению с правыми, единственным относительно крупным блоком, готовым принять в свое лоно экс-премьера, оставалось «Правое дело».

В этой ситуации схватку за имя С. Степашина «Яблоко» все же выиграло. Экс-премьер дал «Яблоку» гарантии, что не выйдет до выборов 19 декабря из списка объединения, где ему предложили второе место. Этим шагом он вывел себя из политической изоляции, в которой фактически оказывался.

27 августа прошел съезд партии «Яблоко». На нем Г. Явлинский много говорил про «ельцинскую систему власти» и «послеельцинскую эру», к которой «Яблоко» будто бы уже основательно подготовилось. Признав упреки в адрес партии в том, что она «не хотела браться за реальное дело», он заявил: «Теперь мы готовы. Мы принимаем вызов. Пришло наше время. Перед нами стоит задача смены полуфеодального, полутоталитарного режима». Эти слова лидера у сотни делегатов региональных отделений партии не вызвали раздражения, впрочем, как и бурного восторга. Казалось, к такому повороту были готовы все. По разговорам в кулуарах чувствовалось, что тема смены партийного курса не была экспромтом Г. Явлинского.

Главным событием на съезде, безусловно, стало

появление С. Степашина, который поддержал идею «честной, принципиальной, интеллигентной и предсказуемой» власти. Не забыл экс-премьер и дать ставшее знаменитым в последние месяцы свое «слово офицера»: намекнув, что он пришел не с пустыми руками, а со своими потенциальными избирателями — «людьми чести и дела», пообещал ни при каких обстоятельствах не бросать союзников и идти с ними до самого конца.

По оценкам, С. Степашин в целом успешно выдержал экзамен и, похоже, справился со своей новой ролью — формального заместителя Г. Явлинского по избирательной кампании «Яблока». Никаких вопросов от новых соратников и упреков в неожиданной «смене политориентации» он не получил. А Г. Явлинский пользовался любой возможностью, чтобы подчеркнуть: «Этот человек никогда не кричал на каждом повороте: «Ельцин — наш президент!» И теперь ничего не кричит. Просто остается при своем мнении».

С приходом экс-премьера соратники Г. Явлинского рассчитывали на прием в свои ряды бывшего министра юстиции П. Крашенинникова, но он предпочел занять одну из верхних строчек в списке «Союза правых сил».

1 сентября «Яблоко» сдало в Центральную избирательную комиссию РФ свой избирательный список, содержавший 175 кандидатов в депутаты Госдумы. В первую тройку списка вошли Г. Явлинский, С. Степашин и В. Лукин.

Политологи предполагали, что «Яблоко», скорее всего, займет третье место на выборах — после КПРФ и ОВР.

Правые силы. Планировавшийся Кремлем широкий правый блок с включением в него «Правого дела», «Новой силы», «Голоса России» и «Нашего дома — России» не состоялся. Провал коалиционного проекта объяснялся не только цейтнотом, сверхамбициозностью лидеров, но и разнородностью двух отрядов прежней «партии власти» — «бюрократического» и «демократического», желанием переложить друг на друга ответственность за события 17 августа 1998 года.

В результате был создан в усеченном варианте «Союз правых сил» (С. Кириенко, Б. Немцов, И. Хакамада), движущими силами которого на деле небезосновательно рассматривались А. Чубайс и Е. Гайдар.

Самостоятельно шел на выборы «Наш дом — Россия», укрепившийся лишь выходцем из «Правого дела» Б. Федоровым.

Они скорее были конкурентами, чем союзниками, в борьбе за электорат при тесном взаимодействии в решении двух главных для них предвыборных вопросов — нападках на коммунистов и других представителей левого фланга политической жизни России, а также в противодействии укреплению позиций центристского блока «Отечество — Вся Россия».

2 июля 1999 года в Зальцбурге (Австрия) глава предвыборного штаба «Правого дела» А. Чубайс, лидер «Новой силы» С. Кириенко, координатор блока «Голос России» К. Титов и лидер думской фракции НДР В. Рыжков провели совместную пресс-конференцию, на которой выступили с претендующем на сенсацию сообщением о достижении принципиальной договоренности по созданию широкой предвыборной коалиции правых и правоцентристских сил.

На деле же шло продолжительное маневрирование вокруг этого вопроса, которое не привело к созданию коалиции. Между участниками правого «соглашения о намерениях», внутри самих движений существовали серьезные разногласия относительно круга союзников и распределения ролей на выборах, а главное, будущих руководящих позиций.

Достаточно, например, вспомнить оправдания С. Кириенко, что фактическим виновником событий 17 августа 1998 года было предшествующее правительство В. Черномырдина, заявление Б. Немцова о том, что «Голос России» — «это не более чем партия губернаторов и их жен», жесткую критику «Новой силы» за нежелание влиться составной частью в «Правое дело» со стороны Б. Федорова.

«Правое дело». Активная работа по созданию оргструктур правоцентристской коалиции началась в конце 1998 года, а свое завершение получила 29 мая 1999 года, когда состоялся съезд движения, который, в частности, определил тройку блока на предстоявших парламентских выборах по общефедеральному списку (Б. Немцов, Б. Федоров, И. Хакамада). Московский список движения возглавил Е. Гайдар. А. Чубайс отказался избираться в Госдуму и возглавил избирательный штаб «Правого дела».

В коалицию вошли почти все заметные либеральные объединения: ДВР (Е. Гайдар), движение и партия «Демократическая Россия» (Л. Пономарев, В. Гусляников и др.), Крестьянская партия России (Ю. Черниченко), Российская партия социальной демократии (А. Яковлев), Партия экономической свободы (К. Боровой), «Вперед, Россия» (Б. Федоров), «Россия молодая» (Б. Немцов), «Свободные демократы России» (М. Салье), «Общее дело» (И. Хакамада). Некоторое время колебалась Республиканская партия РФ, председатель которой В. Лысенко выступал за присоединение РПРФ к «Отечеству» и на учредительном его съезде был избран членом ЦС ОПОО. Но большинство, как руководства, так и региональных организаций республиканцев высказались за вступление в «Правое дело», и РПРФ стала коллективным членом коалиции.

В опросах рейтинги этого лагеря колебались в диапазоне 1—3 процента в зависимости от периода, формата и названия «правого блока», набора фигур, его представлявших. Хотя аналитиками «Правого дела» предпринимались многочисленные попытки социологически проверить разные варианты рейтингов «лидеров» и «троек», эти данные имели лишь ограниченную ценность ввиду малого размера электората правых.

«Новая сила». Отдельной «интригой» формирования «Правого дела» являлась позиция С. Кириенко. Созданная им партия держалась несколько особняком от «Правого дела». Войдя в декабре 1998 года на персональной основе в координационный совет объединения радикал-либералов, С. Кириенко с февраля 1999 года начал дистанцироваться от «Правого дела», а в мае 1999 года выступил за создание широкой коалиции в составе НДР, «Новой силы», «Правого дела», а также «губернаторских» блоков «Голос России» и «Вся Россия».

В целом аналитики отмечали политическую всеядность С. Кириенко. Однако интересно замечание Б. Федорова: «Кириенко, если уйдет, совершит ту же ошибку, что и я несколько лет назад. Участие в правительстве сначала сильно повышает самомнение и кружит голову, затем оборачивается одиночеством, депрессией и долями процента».

«Карта Кириенко» разыгрывалась несколькими политическими течениями. Так, основным куратором

«Новой силы» от администрации президента являлась Д. Поллыева. Генеральным подрядчиком по информационному обеспечению деятельности «Новой силы» стала рекламная группа «Видео интернэшнл», фактический хозяин которой, бывший первый заместитель председателя ВГТРК М. Лесин по поручению администрации президента занимался разработкой и реализацией политических доктрин, нацеленных на снижение рейтинга и предвыборных шансов как Ю. Лужкова, так и Е. Примакова. «Приводным ремнем» комбинации с «Новой силой» стал один из топ-менеджеров «Видео Интернэшнл» М. Маргелов, который являлся одновременно сотрудником исполкома «Новой силы», отвечавшим за политическую и региональную работу.

На первых порах кремлевские аналитики считали, что свою основную функцию бывший премьер-министр России уже выполнил, а дополнительные вливания в «Новую силу», если она будет стоять особняком, не смогут существенно повысить шансы этого движения преодолеть пятипроцентный барьер.

В этих условиях С. Кириенко начал активно искать других союзников, основным из которых стал «Голос России» К. Титова, который считал, что коалиция с «Новой силой» может помочь им стать серьезным противовесом «Отечеству». Отношения «Новой силы» с «Голосом России» предполагалось строить на уровне координации действий на выборах в Госдуму по одномандатным округам, а К. Титов отметил, что «серьезным препятствием для объединения является не различие в программах, а амбиции конкретных лидеров».

Сам С. Кириенко подчеркивал, что «нельзя сегодня останавливаться только на том, чтобы собирать те 5 или 6 процентов людей, которые придерживаются крайне правых либеральных взглядов. Сегодня правильней было бы построение коалиции, которая включала бы в себя и НДР, и «Новую силу», и «Правое дело» и «Всю Россию», и «Голос России», а возможно, и другие организации».

Тем не менее активные популистские действия С. Кириенко последних месяцев, такие как борьба с мэром Москвы, призыв к президенту Б. Ельцину возглавить процесс собственной отставки достигли поставленной цели: практически бесплатно предвыбор-

ный рейтинг «Новой силы» достиг 3 процентов, что было намного больше, чем у «Правого дела».

«Наш дом — Россия». Анализируя шансы НДР на предстоявших парламентских выборах, эксперты движения пришли к выводам, что на роль партнеров по коалиции заведомо не подходили «Отечество» и «Яблоко», поскольку оба эти движения имели стопроцентные шансы попадания в Думу, а потому могли лишь «впитывать» в себя партии, обреченные на неудачу в самостоятельных выступлениях. С этими партиями была возможна лишь разводка кандидатов в одномандатных округах. Не годился на роль партнера и так называемый «Блок Шаймиева — Морозова». Его первая задача — провести в Думу максимум региональных и отраслевых лоббистов по округам. С этими лидерами возможны переговоры по следующим вопросам: разводка одномандатников; невыставление ими федерального списка; присоединение ряда региональных лидеров к «инициативе К. Титова» в случае успешного воссоединения НДР с «Голосом России» и поддержка их совместного списка. Потенциальными союзниками по коалиции для НДР оставались «протопартия» К. Титова и компоненты, из которых состояло «Правое дело». На роль «младших партнеров» по коалиции, как и раньше, могли рассматриваться партии «второго эшелона», способные дать дополнительные доли процента, но не решить судьбу коалиции в принципе.

Произошло публичное «замирение» руководства НДР с К. Титовым и его группировкой, а на самом деле согласовывались условия союза. Именно новый союз с губернаторами должен был вернуть НДР в список проходных партий. Напротив, без этого примирения альянс с «правыми» был бы бесперспективен: электората могло и не хватить, а роль НДР в таком альянсе была бы не лидирующей.

«Голос России». Главный вывод, который сделали аналитики после образования блока «Голос России» — его явное противопоставление движению Ю. Лужкова «Отечество», хотя вплоть до ноября 1998 года К. Титов считался политическим союзником московского мэра. Однако его претензии на роль «человека № 2» в «Отечестве» были отвергнуты московским мэром, что привело к охлаждению их отношений. Неодно-

кратные критические высказывания К. Титова в отношении проводимых Ю. Лужковым «слишком левых» экономических реформ в Москве, а также опасения отдельных представителей блока, что в случае избрания президентом страны Ю. Лужков будет стремиться к уменьшению прав регионов, не вызывали сомнений в том, что «Голос России» стремился стать соперником «Отечества» и сократить региональные ресурсы Ю. Лужкова.

Совершенно очевидно, что инициатива К. Титова по созданию «Голоса России» получила в свое время «благословение» и поддержку со стороны Кремля, рассматривавшего этот блок в качестве противовеса «Отечеству» и лично Ю. Лужкову — главному нежелательному для «семьи» кандидату в президенты страны.

Многие главы субъектов Федерации сдержанно отнеслись к образованию «Голоса России», видя в нем не столько попытку региональных лидеров создать дееспособное политическое объединение, сколько средство удовлетворения политических амбиций К. Титова. Создание другого регионального блока — «Вся Россия», неформальными лидерами которого стали президенты Татарстана, Башкортостана и Ингушетии М. Шаймиев, М. Рахимов, Р. Аушев, а также губернатор Санкт-Петербурга В. Яковлев, в значительной степени уменьшило политический вес «Голоса России» и его претензии на ведущую роль в деле формирования сильной партии власти, которая могла бы эффективно противостоять на парламентских выборах коммунистам и «Отечеству».

Самостоятельное участие «Голоса России» в парламентских выборах, по оценкам аналитиков, было бы практически обречено на неудачу — у него не было ярких имен общероссийского масштаба, политической ниши, идеологического знамени и сути.

В этой связи перед К. Титовым остро стояла задача создания предвыборной коалиции. В качестве потенциальных союзников в борьбе за влияние на федеральную политику самарский губернатор до начала июля видел, прежде всего, «Всю Россию», НДР В. Черномырдина и «Новую силу» экс-премьера С. Кириенко. Отдельные эксперты добавляли к этому списку некото-

рое число мелких организаций, представлявших интересы среднего класса, в том числе движение В. Шумейко «Реформы — новый курс».

Вместе с тем поле, на котором К. Титов мог искать союзников, слева ограничивал Ю. Лужков, а справа — «Правое дело». Как и в случае с «Отечеством», многие сторонники самарского губернатора предпочитали говорить об идеологических разногласиях с А. Чубайсом, Б. Федоровым и Е. Гайдаром, которые выступали «за слишком либеральные» экономические реформы, хотя в последнее время К. Титову особенно «полюбился» лозунг «как можно меньше государства в экономике».

В НДР появление «Голоса России» было воспринято как попытка посягнуть на целостность движения В. Черномырдина, что было вполне понятно в силу личной неприязни между В. Черномырдиным и К. Титовым. Кроме того, прохладным отношениям между двумя организациями и их лидерами способствовало и появление в рядах «Голоса России» бывшего лидера фракции НДР в Госдуме А. Шохина, который попал туда скорее от безвыходности: он оказался за пределами привычной организации и вынужден был искать хоть какую-то политическую нишу.

С руководством блока «Вся Россия», помимо личных амбиций, у К. Титова имелись расхождения во взглядах по принципиальному для него вопросу: в отличие от М. Шаймиева и его сторонников, рассматривавших возможность объединения с «Отечеством», самарский губернатор ее исключал. Кроме этого «Вся Россия» требовала от «Голоса России» не поддерживать С. Кириенко на предстоявших выборах мэра Москвы.

28 августа состоялся VII съезд НДР, на котором присутствовало 407 делегатов. Среди первоочередных шагов, которые должен был предпринять НДР, были названы следующие: отказаться от ярлыка «партии власти», признать ответственность за груз осуществлявшихся реформ и при этом объяснить населению и суть допущенных ошибок, и масштабы достижений, отказаться от бюрократического стиля работы, поскольку НДР должен превратиться в народную, а не в номенклатурную партию.

Выступая на предвыборном съезде НДР, его лидер В. Черномырдин заявил: «Когда я был главой правительства, НДР волей-неволей создавалось сверху вниз. Однако теперь движение вылезает из потертой шкуры партии власти. Детской болезнью политической номенклатуры мы переболели, пусть ею теперь болеют наши соперники». Съезд показал, что за НДР по-прежнему сохранен довольно мощный ресурс поддержки, не только организационной в лице 22 губернаторов, не только финансовой в лице олигархов — руководителя «Газпрома» Р. Вяхирева, гендиректора Горьковского автозавода Н. Пугина, председателя Национального резервного банка А. Лебедева, но и интеллектуальной. Актерская «группа» поддержки была представлена на съезде впечатляющим звездным составом: Н. Михалков, Л. Зыкина, А. Кузнецов, А. Ромашин.

Вместе с В. Черномырдиным, возглавившим предвыборный список, бороться за голоса решили: его первый заместитель — лидер думской фракции НДР В. Рыжков и губернатор Саратовской области Д. Аяцков, занявшие соответственно второе и третье места в списке. Четвертый номер отдали лидеру движения «Вперед, Россия!» Б. Федорову, появление которого в списке НДР стало откровением.

29 августа на конференции «Союза правых сил» было утверждено соглашение между «Правым делом», «Новой силой» и остатками «Голоса России» о создании предвыборного блока и скреплено подписями Е. Гайдара, И. Хакамады, С. Кириенко, Б. Немцова и К. Титова.

В том, что правые пройдут в Думу, сомнений на конференции никто из ее участников, разумеется, не высказал. С каким процентом голосов пройдут, никто не прогнозировал. Первая тройка партийного списка правых была известна и до конференции: С. Кириенко, Б. Немцов, И. Хакамада. Четвертое место досталось экс-министру юстиции П. Крашенинникову, которого С. Степашину не удалось вовлечь вслед за собой в «Яблоко», пятое — юристу Б. Надеждину.

«Демвыбор России» не стал выдвигать в федеральную часть списка своих лидеров. Партия Е. Гайдара и А. Чубайса представлена в списке СПС правозащит-

ником С. Ковалевым и генералом Э. Воробьевым (соответственно 7-е и 8-е места). К. Титов заявивший, что избираться в депутаты не будет, стал председателем координационного совета СПС. Но от его «Голоса России» в федеральную часть списка вошли президент российской гильдии адвокатов Г. Мирзоев (6) и советник президента группы «Сибирский алюминий» К. Ремчуков (9). Избирательный штаб блока возглавил А. Чубайс.

По предварительным оценкам наблюдателей, в региональных списках СПС преобладали отнюдь не люди претендовавшего на создание губернаторского движения К. Титова, а соратники С. Кириенко.

Объединившись, правые заявили на своей конференции, что готовы признать ошибки, допущенные в ходе реформ и что готовы победить на предстоящих выборах. Ошибками лидер «Новой силы» считал и вторую модель приватизации, и поспешную приватизацию объектов инфраструктуры, и залоговые аукционы. Сумма компромиссов, на которые шли правые, пока были у власти, оказалась, по мнению С. Кириенко, «чрезмерной», и общество разочаровалось в идее быстрых рыночных реформ.

В то же время общество, как отмечали все лидеры правых, получило свободу выбора, свободу предпринимательства, свободу частной собственности, свободу совести, свободу печати и много других свобод. Однако обретенная свобода лишена «единственно надежного фундамента — порядка», как сказано в «Правом манифесте», одобренном конференцией. А «свобода без порядка превратилась в привилегии для избранных, в поборы для большинства населения». Такое положение в обществе устраивало «номенклатурных капиталистов», интересы которых на предстоящих выборах отстаивал, по мнению правых, блок «Отечество — Вся Россия». Поэтому в Думу «Союз правых сил» собрался за тем, чтобы законами защитить права и свободы.

2 сентября стало известно, что С. Кириенко все-таки будет баллотироваться в мэры Москвы. Он еще раз подтвердил, что не отступился от своей затеи, несмотря на призывы соратников по «Союзу правых сил». «Монополия власти, которая присутствует

в Москве, должна быть разрушена» — так пояснил он свои мотивы.

Российская народно-республиканская партия (РНРП) и движение «Честь и Родина». Созданное в октябре 1995 года, когда позиции А. Лебедя в Конгрессе русских общин (КРО) оказались ослабленными, движение «Честь и Родина», а затем учрежденная в декабре 1996 года на его основе Российская народно-республиканская партия (РНРП) поначалу заявили о себе как достаточно перспективные и имеющие сильное влияние на протестный электорат.

В то же время А. Лебедь, который являлся безусловным лидером РНРП и «Чести и Родины», после своего избрания в мае 1998 года губернатором Красноярского края поначалу «увяз» в местных проблемах и в интригах в своем окружении.

Еще до старта кампании по выборам в Госдуму 1999 года организационные структуры А. Лебедя понесли существенные потери: в декабре 1998 года из партии и движения вышел глава их Красноярского краевого отделения В. Зубарев, а вслед за ним их покинули почти все депутаты Законодательного собрания края, в феврале 1999 года из рядов РНРП были исключены члены ее руководства Ю. Шевцов, А. Кондрашов и К. Калинин.

Организационная работа, несмотря на формальное наличие у обоих структур около 80 местных отделений и свыше 10 тысяч индивидуальных членов, преимущественно бывших военных, велась слабо. Несмотря на это, фигура лидера привлекала и привлекает к себе внимание довольно внушительного сегмента протестного электората.

По оценкам фонда «Общественное мнение» на основе данных опроса 22 — 24 августа, за РНРП готовы были голосовать 4 процента избирателей (в июле 1999 года 5 процентов).

Между тем А. Лебедь объявил о неучастии РНРП и движения «Честь и Родина» в парламентских выборах, поскольку «не хочет участвовать в тараканьих бегах». Объяснение этому крылось в ставке губернатора Красноярского края на то, что он «может быть скоро востребован» на федеральном уровне.

Но в начале июля А. Лебедь заявил, что возглавля-

емая им Российская народно-республиканская партия (РНРП) примет участие в предстоящих выборах в Госдуму. «В выборах в Думу участвовать буду», — заявил он, но дал понять, что пока не принял решение о своем участии в президентских выборах. «Посмотрим, что получится летом, что получится с идеями относительно запрета некоторых партий и выноса некоторых тел. Посмотрим, как будет развиваться кампания по выборам в Госдуму. А потом можно и решение принимать», — сказал губернатор. А. Лебедь заметил, что его партия не нуждается в союзниках на предстоящих выборах в Думу. Он подчеркнул, что на политической сцене существуют правые и левые, «а я хочу остаться посередине».

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР). Она была одной из первых партий, зарегистрированных еще 13 декабря 1989 г. после отмены статьи Конституции СССР об однопартийности. ЛДПР относилась почти всеми социологами к числу тех, кому по силам преодолеть пятипроцентный рубеж на выборах в Госдуму в декабре 1999 года.

Так, согласно опросу ВЦИОМ за 20—24 августа 1999 года и опросам фонда «Общественное мнение» за 21—22 августа и 1—4 сентября, ЛДПР получила бы 5 процентов голосов, если выборы состоялись бы в ближайшее время В этой связи ЛДПР относилась к четверке фаворитов, хотя сенсационные показатели на выборах 1993 года (более 22 процентов) и 1995 года (более 11 процентов) повторить ей не удастся.

ЛДПР благодаря скандально-оппозиционному имиджу ее руководителя В. Жириновского, несмотря на последовательно пропрезидентские выступления партии в Госдуме в последние годы, нашла свою своеобразную нишу среди части протестного электората.

В избирательной кампании, пользуясь покровительством Кремля и финансовыми средствами ряда коммерческих структур, интересы которых она активно лоббировала, ЛДПР действовала броско, наступательно и разнообразно, широко задействовала возможности рекламы в электронных СМИ и митинговые мероприятия.

Вопроса о создании какого-либо блока с участием ЛДПР или установления союзнических отношений

с другими партиями и движениями не возникало, поскольку это, по определению, неприемлемо для единоличного и неоспоримого лидера ЛДПР — В. Жириновского.

Особенностями предвыборной кампании ЛДПР уже стали проявление практически полной лояльности кремлевской власти и переход от использования средств спонсоров к прямому допущению крупных финансовых магнатов, которые находились не в ладах с законом, в свои ряды.

Глава 4

ВСЕ НА БОРЬБУ С ЛУЖКОВЫМ!

Лучший мэр России. — Между олигархами и оппозицией. — Заговор элиты против вождя. — Кремль и кремленыши. — Миф о «новом» С. Кириенко. — Московские бунтари. — Дело Е. Батуриной. — Анти-«Отечественная коалиция»

Июньский 26-й номер газеты «Московские ведомости» за 1999 год шел нарасхват.

«Над головой московского мэра Юрия Лужкова сгущаются черные политические тучи, — говорилось в публикации этой газеты. — Война, которую объявил ему Кремль, вступает в свою решающую фазу. По некоторым сведениям в Кремле существует некоторый план полной ликвидации Лужкова как политика. Что вкратце он собой представляет?

Пункт 1. Администрация президента вступает в режим открытой конфронтации по отношению к Юрию Лужкову. Основная позиция — усиливающееся недоверие «семьи» к Лужкову, как к политику, который не сможет обеспечить политическую и экономическую преемственность нынешнего курса.

Пункт 2. Необходимо сделать все для того, чтобы уменьшить влияние Лужкова на политическую жизнь страны.

Пункт 3. Администрация президента предпринимает шаги для максимального отдаления Лужкова от президента в личном и политическом плане.

Пункт 4. Противодействие Лужкову со стороны Кремля усиливается по следующим направлениям:

4.1. Дискредитация деятельности Лужкова на посту мэра Москвы.

4.2. Публичные антилужковские выступления Сергея Кириенко как главного конкурента Лужкова на выборах мэра Москвы.

4.3. Ослабление позитивного политического имиджа Лужкова в регионах России через средства массовой информации, в том числе и те, которые находятся под контролем левой коммунистической оппозиции.

4.4. Продвижение тезиса о том, что Лужков хочет создать «корпоративную систему управления государством», то есть намерен расставить своих людей на всех ключевых постах.

4.5. В ближайшие два месяца в прессе появится несколько материалов о коррупции в московской власти, главным образом в сфере внешнеэкономической деятельности.

4.6. Ряд коммерческих структур, работающих в столице, получают «неофициальные рекомендации» от представителей администрации президента перевести свои счета из банков, так или иначе связанных с правительством Москвы, в другие финансовые учреждения.

4.7. Сбербанк России отныне не может без согласования с администрацией президента выделять дополнительные или экстренные кредиты московскому правительству.

4.8. Ограничивается влияние Лужкова в центральных печатных и электронных средствах массовой информации. Предпринимаются меры по недопущению превращения канала «ТВ-Центр» в общефедеральный канал и ослаблению связей мэра с каналом НТВ.

4.9. Резко сужается круг международных контактов Лужкова.

Пункт 5. Раскол общественно-политического движения «Отечество».

Пункт 6. Администрация президента предпринимает шаги, направленные на то, чтобы исключить самого Лужкова из федерального списка «Отечества».

Пункт 7. Администрации президента следует заранее принять меры, чтобы в случае досрочных парламентских выборов движение «Отечество» не смогло баллотироваться в Думу как самостоятельное движение.

Среди генераторов идей в интересах «семьи» и организаторов подготовки ряда конкретных документов, касающихся различных аспектов противостояния с московским мэром, своей активностью выделялись

глава президентской администрации А. Волошин и его заместитель Д. Поллыева».

В качестве наиболее эффективного средства поставить Москву и ее мэра на место «позади паровоза» рассматривался экономический рычаг. Экономика столицы испытывала серьезные трудности. Сложилась угроза невыполнения городского бюджета, сформированного в том числе с расчетом на иностранные инвестиции, поскольку после финансового кризиса в стране снизились капиталовложения из-за границы. В Москве была заморожена треть строительных проектов с участием иностранных инвесторов. Московское правительство испытывало трудности с погашением внешней задолженности в 1999—2000 годах, которая составляла свыше 1 млрд. долларов. Мэр вынужден был взять у Центробанка кредит в 1 млрд. руб. для санации Мосбизнесбанка. Банк Москвы также испытывал определенные затруднения. Тяжелой ношей для местного бюджета стали нерентабельные заводы АЗЛК и ЗИЛ. Осложнение экономического кризиса в столице привело к тому, что международное рейтинговое агентство «Мудис» объявило о снижении ее кредитного рейтинга, что касалось трех выпусков еврооблигаций Москвы, а также выпуска внутреннего займа на общую сумму около 1 млрд. долларов.

Появились также данные о намерении Кремля добиться перерегистрации центральных офисов естественных монополий из Москвы в другие города. Это стало бы серьезным ударом для Ю. Лужкова, ибо 30 процентов столичного бюджета составляли налоговые отчисления крупных корпораций, достигавшие 21 млрд. руб. Изучалась возможность скупки долговых обязательств города с тем, чтобы затем вызвать его дефолт. Не исключена была возможность попыток компрометации мэра с использованием негативных данных о деловой активности его жены Е. Батуриной, ее брата, сына Ю. Лужкова от первого брака.

Обнародование информации о расследовании ФСБ и Генеральной прокуратурой деятельности фирмы «Интеко», возглавляемой женой Ю. Лужкова Е. Батуриной, способствовало дальнейшему обострению отношений между президентскими структурами и столичным мэром. Если до недавних пор возможность

использования Кремлем правоохранительных органов для нейтрализации политических оппонентов рассматривалась исключительно гипотетически (равно как и предположения о том, что может предпринять Ю. Лужков в случае конфликта с федеральным центром), то по мере обострения отношений подобная перспектива становилась все более зримой.

17 июля Ю. Лужков выступил с резкой критикой правоохранительных органов Владимирской области, расследовавших деятельность коммерческих структур его жены Е. Батуриной. По словам Ю. Лужкова, происходившие события подтверждали его вывод о необходимости «смены власти». Мэр фактически подтвердил официально непризнаваемую информацию о том, что «Интеко» входило в число компаний, чья деятельность расследовалась правоохранительными органами.

Ранее председатель думского подкомитета по законодательству в сфере безопасности, внешней разведки и вопросам государственной границы А. Александров направил директору ФСБ В. Путину депутатский запрос «О неправомерности действий следственного отделения Управления ФСБ РФ по Владимирской области по уголовному делу № 83». По мнению А. Александрова, действия чекистов противоречили Уголовно-процессуальному кодексу РФ и нарушали российское законодательство.

Обращение Е. Батуриной с жалобой в Генпрокуратуру стало естественной реакцией на слабо прикрытый произвол властей, а сам Ю. Лужков назвал происходившее провокацией и вопиющим нарушением законности, обвинив Кремль в использовании спецслужб против политических оппонентов.

По мнению большинства наблюдателей, подобная реакция московского градоначальника и его супруги, помимо справедливого возмущения самим фактом использования компромата на члена семьи в политической борьбе, объяснялась уверенностью в том, что никаких противоправных действий в деятельности фирмы «Интеко» быть не могло, а дело носило исключительно заказной характер.

Как сообщалось в ряде московских СМИ, это фактически подтвердила предпринятая Генпрокуратурой

по обращению Е. Батуриной проверка, в ходе которой она выявила грубые нарушения Уголовно-процессуального кодекса в расследовании уголовного дела, в котором фигурировала фирма «Интеко». Об этом было заявлено 28 июля на специальном совещании у заместителя Генерального прокурора М. Катышева.

Еще более убеждали в заказном «наезде» на Ю. Лужкова через жену результаты проведенной по инициативе Е. Батуриной фирмой «Эрнст энд Янг» проверки деятельности «Интеко». В заключении аудиторов констатировалось, что «Интеко» никогда ни в каких отношениях с указанными фирмами не состояла, не имела собственного офиса во Владимире, не осуществляла в этот город ни одного платежа и импортных операций. То есть сей документ однозначно констатировал, что выдвинутые против нее обвинения просто несостоятельны.

Этому скандалу предшествовала длившаяся несколько месяцев война, которую называли «информационной», «битвой двух олигархов и медиа-магнатов» — Б. Березовского и В. Гусинского. Однако вскоре она перестала считаться таковой, потому, что на первых порах дистанцировавшиеся от «схватки двух гигантов» Кремль и Белый дом решили использовать ситуацию в своих целях. При этом игравшая «первую скрипку» администрация президента превратилась в защитника интересов Б. Березовского, чем, по мнению ряда политологов, дискредитировала само понятие государственной власти.

Стратегическая задача кремлевского клана, которую он ставил перед собой в ходе «войны», — это подчинение своему контролю всех основных финансовых потоков и информационных структур с тем, чтобы использовать этот потенциал для поддержки своего кандидата в президенты и «удушения» потенциальных конкурентов.

Вскоре стало очевидно, что главная цель для Кремля — нанести удар по Ю. Лужкову, которого президентское окружение накануне выборов в Госдуму и главы государства летом 2000 года рассматривало в качестве реального источника угрозы. В этих целях использовались различные приемы — попытки дискредитировать экономические и хозяйственные достиже-

ния столицы, противопоставление Москвы другим субъектам РФ, создание трудностей в деятельности завязанных на правительство Москвы банков. Однако заметных результатов эти атаки не приносили.

Поняв это, Кремль стал наносить удары по окружению Ю. Лужкова и поддерживавшим его структурам. Особым объектом стала финансовая группа «Медиа-Мост», руководителя которой — В. Гусинского любой ценой хотели заставить отступиться от Ю. Лужкова. Вначале было официальное предупреждение о недовольстве Б. Ельцина информационной политикой НТВ, потом, как говорилось выше, — налоговые проверки СМИ, входящих в холдинг В. Гусинского, распространение информации о финансовой несостоятельности холдинга, обсуждение в Кремле планов банкротства канала и его национализации и последовавшая затем отставка заместителя главы президентской администрации «человека из Моста» — С. Зверева.

Ни на один месяц не прекращалась интенсивная работа по минимизации влияния Ю. Лужкова в силовых структурах. Так, весной 1999 года был отправлен в «почетную ссылку» первый заместитель министра внутренних дел В. Васильев, предотвращено тактически выгодное мэру Москвы возвращение к работе в качестве Генерального прокурора Ю. Скуратова. Сам столичный мэр отчасти оказался заложником своего прежнего образа «крепкого хозяйственника», не претендовавшего на политическое влияние в федеральных структурах. За исключением вопроса о Генеральном прокуроре. Но даже в «деле Ю. Скуратова» Ю. Лужков воздерживался от резких выпадов в адрес Кремля: в частности, он воздержался от комментариев по поводу отстранения от работы следователя Главной военной прокуратуры Ю. Баграева, чья деятельность, казалось бы, подтверждала правоту столичного мэра относительно Ю. Скуратова.

В то же время говорить о полномасштабной кампании правоохранительных органов против Ю. Лужкова пока не приходилось: представители ФСБ отказывались подтверждать или опровергать сведения о расследовании деятельности «Интеко», сохраняя тем самым возможность для «отступления». Кроме того,

важнейшие элементы «империи Лужкова» (Банк Москвы, АФК «Система» и т. п.) были обделены вниманием силовиков. По сообщению газеты «Московский комсомолец», было прекращено уголовное дело в отношении одного из членов «команды» Ю. Лужкова — С. Лисовского. Таким образом, речь шла не столько о попытках правоохранительных органов атаковать «московскую грушу» с помощью уголовного преследования, сколько о пропагандистском давлении на сторонников московского мэра с целью запугать их и ограничить политическую активность Ю. Лужкова.

Расследование ФСБ и Генпрокуратурой деятельности компании «Интеко» было логическим продолжением прежних выпадов против Ю. Лужкова, предпринятых при покровительстве президентской администрации. Так, провокационный в отношении Ю. Лужкова характер носила майская инициатива о перезахоронении В. Ленина. Столичный мэр мог оказаться «между двумя стульями»: и поддержка, и осуждение Ю. Лужковым этой идеи неизбежно означали бы уход от него части избирателей (в первом случае — из числа умеренно-коммунистического электората, во втором — из числа «патриотов» и «державников», а также категорий населения, ориентирующихся на позицию Русской Православной церкви). Если в мае Лужкову удалось отвести угрозу и предотвратить свое вовлечение в «мавзолейную» дискуссию, то удар, нанесенный по столичному мэру в июне, оказался более болезненным. Хотя пропагандистская кампания, предпринятая против столичных властей С. Кириенко, имела лишь ограниченное влияние, она не только поставила под сомнение тезис о «московском экономическом чуде», но и спровоцировала Ю. Лужкова и его сторонников на неадекватную реакцию. К числу наименее удачных контратак следует отнести серию выступлений представителей столичного правительства с личными выпадами в адрес С. Кириенко, отказ от открытой дискуссии по поводу выдвинутых экс-премьером обвинений, а также принятое решение о демонтаже на крупнейших магистралях Москвы рекламных плакатов блока «Правое дело».

Экономическая подрывная кампания дополнялась пропагандистской. На роль главного критика Ю. Луж-

кова кремлевские стратеги избрали С. Кириенко. Он нашел поддержку в лице В. Жириновского, выступившего за ликвидацию поста мэра Москвы и введение должности министра по делам столицы в правительстве России, и Е. Гайдара, заявившего о намерении выдвинуть и свою кандидатуру на пост столичного градоначальника.

Кремль очень хотел бы если не поссорить Ю. Лужкова с региональными лидерами, то не допустить их дальнейшего сближения. В этом направлении предпринимались настойчивые усилия. Чтобы покончить с внутренними дискуссиями в рамках «Нашего дома — Россия» и «Голоса России» относительно взаимодействия с «Отечеством», проводилась «спасательная операция» по вовлечению движений В. Черномырдина и К. Титова в коалицию с участием «Правого дела» и «Новой силы». Разрозненные голоса после известного «зальцбургского меморандума» от 2 июля и неучастие руководителей НДР в закрытой встрече правых сил в Москве 12 июля свидетельствовали о том, что эти усилия шли с переменным успехом.

Еще больше тревожила окружение президента перспектива союза между «Отечеством» и «Всей Россией», который поломал бы всю линию кремлевских стратегов, построенную в данном случае по принципу «Разделяй и властвуй». Неготовность блока «Вся Россия» рассматривать на съезде в Петербурге вопрос об объединении с «Отечеством» явилась результатом давления. По некоторым данным, президент лично просил тогда одного из лидеров «Всей России» М. Шаймиева не поддерживать «Отечество». С использованием проповедуемого всеми центристами стремления сформировать в будущем составе Госдумы «ответственное» (т. е. некоммунистическое) большинство Б. Ельцин на встрече 8 июля с главами республик и губернаторами, входившими во «Всю Россию», стремился подтолкнуть их к участию в возможной коалиции с правыми силами. Президент прямо не упоминал «Отечество» в качестве силы, с которой сотрудничество нежелательно, однако он говорил о «происках мэров крупных городов». Определенного ответа президент не получил. Аналитики прогнозировали, что лидеры регионов, тяготевших ко «Всей России», не будут ссориться

с Кремлем, но и не намерены отходить от центристских позиций в угоду непопулярным среди населения радикал-либералам.

Неясность политической и экономической программы «Отечества», неразборчивость в кадровых вопросах привели к тому, что к нему в центре и на местах присоединились люди диаметрально противоположных взглядов, а также многочисленные беспринципные карьеристы. Идейной неразберихе способствовали неоднократные колебания лидера движения то влево, то вправо. Последнее происходило все чаще. Ю. Лужков сбавил тон социал-демократической риторики, которая особенно широко и небезуспешно использовалась им осенью 1998 года после поездки в Великобританию и встречи с Т. Блэром. Все это приводило к многочисленным противоречиям внутри движения и ослабляло его. Например, из ОПОО вышел Конгресс русских общин (КРО), мотивировав свой шаг неясностью политической линии организации. С. Сулакшин повел собственную игру в партию политического центризма. Не были наведены мосты с многочисленными российскими социал-демократическими партиями. Указанные обстоятельства приводили к тому, что «Отечество», по существу, оставалось движением одной личности, которая и являлась объединяющим всех фактором. Сплоченной команды общефедерального уровня у Ю. Лужкова пока не было.

По оценкам аналитиков, к теоретическим расхождениям добавлялось обострение борьбы за власть в руководстве организации. Этот фактор использовался политическими противниками Ю. Лужкова, которые вбрасывали в СМИ и информационные сети тезисы о разброде и шатаниях в штабе «Отечества». Муссировалась тема об известном охлаждении отношений между мэром и членом политсовета «Отечества», председателем совета директоров АФК «Система» В. Евтушенковым, ослаблении позиций А. Чилингарова. Несколько ушел в тень руководитель аппарата «Отечества» В. Мишин. На первый план в движении Ю. Лужкова вышли бывший депутат и министр Г. Боос, саратовский чиновник В. Володин и бывший заместитель руководителя президентской администрации С. Ястржембский.

Оппоненты Ю. Лужкова исходили из того, что бывшие «ельцинисты» (наряду с С. Ястржембским, к ним относились А. Кокошин и Е. Савостьянов), обладавшие опытом федеральной государственной службы, давали ему некоторые политические дивиденды в глазах истеблишмента, однако одновременно являлись и «раздражителями» для широкого электората, опасавшегося, что с возможным приходом «Отечества» к власти обещанных им перемен не произойдет.

Некоторое время назад лидер «Отечества» выдвинул идею достижения с КПРФ и «Яблоком», как ведущими политическими партиями, занимавшими первые строчки в рейтингах избирательских симпатий, согласия об ограничении предвыборной борьбы рамками конституционного поля. Однако обстановка фактически складывалась так, что «Отечество» сближалось с «Яблоком» на базе совместной борьбы против компартии. Ю. Лужков и Г. Явлинский договорились о согласовании выдвижения кандидатов в Госдуму по одномандатным округам, обсуждали различные варианты скоординированных действий двух движений во время будущей президентской кампании, регулярно проводили консультации по основным внешне- и внутриполитическим вопросам.

По мнению политологов, лидер «Отечества» создавал преимущественно лишь видимость готовности к сотрудничеству с КПРФ в определенных вопросах для привлечения на свою сторону части левонастроенных избирателей. Перед «Отечеством» в этой связи уже на раннем этапе была поставлена задача отобрать у коммунистов первое место в предвыборных рейтингах.

В пользу Ю. Лужкова действовал ряд факторов:

— столичный мэр мог продемонстрировать практические результаты своей работы в Москве;

— его будет поддерживать так называемый средний класс, который в любом случае будет голосовать против компартии;

— Ю. Лужкова поддержит достаточно большое количество губернаторов, опасающихся, что коммунисты могут лишить их самостоятельности;

— лидер «Отечества», наконец, сможет отобрать

у левой оппозиции часть протестного электората, используя лозунги, заимствованные у нее же.

В сложившихся условиях, по мнению ряда аналитиков КПРФ, основную опасность для компартии в предвыборных раскладах реально представляли не столько правые партии, которые даже в совокупности не перешагивали пока пятипроцентный барьер на выборах в Госдуму, а потенциальный центристский блок «Отечество» — «Вся Россия» и «Яблоко».

С такими оценками и прогнозами стартовал предвыборный марафон. «Отечество» и, прежде всего, его лидер пока демонстрировали упорство и целеустремленность.

Мэр Москвы и другие руководители «Отечества» активно работали в центре и на местах, а также на международной арене.

Так, уже 1 июля Ю. Лужков посетил в Иванове форум «За равные права и возможности для женщин и мужчин», где заявил, что представительницы «слабого пола» должны занять не менее трети депутатских кресел в новой Госдуме. Это вызвало положительный отклик среди женской части электората.

«Отечество» приняло 1 июля участие в заседании Социнтерна, который объединял основные социал-демократические, лейбористские и демократические партии Европы и являлся достаточно влиятельной международной организацией. Делегация «Отечества» была единственной, представлявшей Россию. «Отечество» привлекало в Социнтерне именно то, что эта организация не носила явный проамериканский характер, хотя в официально распространенном докладе «Отечества» колеблющаяся позиция Социнтерна по югославскому вопросу была подвергнута критике.

Несмотря на то что и в отношении Ю. Лужкова линия Б. Ельцина в конечном счете строилась, по всей видимости, в расчете на некоторое снижение уровня противостояния, однако именно здесь конфликтная компонента в линии президентской команды все же давала достаточно четко знать о себе и заставила президента держать курс на максимизацию своих ресурсов.

Позиция Б. Ельцина состояла в том, чтобы принудить Ю. Лужкова «к согласию», заставить его встро-

иться в планы Кремля и отказаться от попыток вести самостоятельную политическую игру.

Так, уже на торжественном приеме 12 июня Б. Ельцин, назвав Ю. Лужкова «лучшим мэром России», нарочито отвел тому далеко не самое близкое к себе место за банкетным столом, дав ясно понять, что не видит мэра в верхнем эшелоне властной иерархии. Это же он подчеркнул и потом, передав через главу своей администрации поздравление в связи с «некруглой» датой — 3-летней годовщиной избрания Ю. Лужкова мэром Москвы. Этот жест, который был воспринят всеми, в том числе, вероятно, и самим Ю. Лужковым, как намек на то, что тому следовало бы ограничить потолок притязаний, натолкнулся на сопротивление с его стороны.

Реакция Ю. Лужкова, последовавшая в ответ на самодержавно-патерналистские жесты Кремля, была для последнего, по-видимому, неожиданной. Мэр заявил, что будет баллотироваться в президенты, если среди кандидатов окажутся неприемлемые для него фигуры. Возможно, что эти слова были переданы Б. Ельцину его окружением как оскорбление, направленное против самого президента.

Именно после этого, и явно не без ведома Кремля, произошел эпизод с отказом МВО предоставить Ю. Лужкову вертолет для облета подмосковных полей в компании с губернатором Московской области А. Тяжловым.

Давление на Ю. Лужкова с целью ограничить его ресурсы проявилось, в частности, и в том, что новый председатель ГТК М. Ванин произвел перемены в руководстве московской таможни, убрал из нее прежних руководителей. Было объявлено о планах преобразования Московской городской налоговой инспекции в Управлении по налогам и сборам в г. Москве при Министерстве по налогам и сборам.

Идя на обострение отношений с Кремлем, столичная команда не могла не учитывать несоизмеримости собственных ресурсов с ресурсами Кремля и того, что в борьбе с президентом столичные политики рискуют осложнить свои отношения с влиятельными силами как внутри страны, так и за ее пределами.

Тем не менее Ю. Лужков явно не намерен был идти на принципиальные уступки Б. Ельцину.

Акцентировали критическое к президенту отношение и близкие к Ю. Лужкову СМИ. Да и сам столичный мэр не складывал оружия и не раз ставил в своих публичных выступлениях президента в достаточно трудное положение.

По всей вероятности, жесткий ответ Ю. Лужкова на усилия, предпринимаемые Кремлем, чтобы вынудить градоначальника принять «добром» диктуемые ему условия, отражал общую позицию большинства российских политических лидеров как федерального, так и регионального уровня: с Б. Ельциным образца 1999 года и его двором, пытавшимися монополизировать в своих руках все ресурсы, речь о согласии идти уже не могла.

Консервация и пролонгирование тогдашнего состояния становились опасными и разрушительными для большинства самой российской элиты. Для него поворот политического процесса в сторону принятия тех правил, которые стремился навязать Б. Ельцин, означал бы, прежде всего, сохранение неприемлемой ситуации отчуждения элиты от процесса принятия основных политических и экономических решений, с последующей потерей всех позиций.

Обострение ситуации в российских верхах в июле было во многом спровоцировано активными атаками ближайшего президентского окружения против концерна «Газпром» и информационного холдинга «Медиа-Мост», что хронологически совпало с усилением давления на Ю. Лужкова. Цель этого наступления заключалось в том, чтобы выбить у возможной антипрезидентской коалиции политические (Ю. Лужков), финансовые («Газпром») и информационные ресурсы («Медиа-Мост»).

Наступление на «Газпром» началось с письма группы акционеров этой компании, потребовавших срочного созыва собрания акционеров под предлогом того, что в условиях, когда концерн не смог выплатить дивиденды акционерам, значительные средства РАО расходовались на непрофильный бизнес — переводились в зарегистрированную в США кампанию «Итера» и на кредитование информационного холдинга «Медиа-Мост».

Подконтрольные Б. Березовскому СМИ пытались

представить дело таким образом, что государство должно быть заинтересовано в поддержке акционеров и усилении контроля над крупнейшим российским концерном, где ему принадлежал значительный пакет акций. Одновременно в этих же СМИ появились материалы, утверждавшие, что холдинг «Медиа-Мост» погряз в долгах и держится за счет помощи «Газпрома» и постоянной поддержки ЦБ, находящимся под сильным информационным прессингом со стороны СМИ, входивших в этот холдинг.

Поводом к этим обвинениям стало требование банка «Мост» — основного финансового спонсора информационного холдинга — к Внешэкономбанку погасить задолженности по внутренним обязательствам. «Мост» стали упрекать в том, что он хочет обанкротить государство в сложный для него момент, когда оно ведет трудные переговоры о реструктуризации внешней задолженности.

Неожиданная для непосвященных «государственническая» позиция подконтрольных Б. Березовскому СМИ, поддержанная А. Волошиным, ставила цель добиться отстранения руководства «Газпрома», прежде всего, председателя правления РАО Р. Вяхирева, и установления контроля над финансовыми потоками концерна. Предполагалось также провести изменения в составе совета директоров компании, введя в него главу Минтопэнерго В. Калюжного, и усилить через новое руководство компании нажим на «Медиа-Мост» с целью заставить его изменить политическую линию. Как выяснилось позднее, планировалось также отобрать у «Моста» одно из ключевых предприятий холдинга — издательский дом «Семь дней».

Действия ближайшего окружения Б. Ельцина вызвали ответную реакцию со стороны его оппонентов. Собрание акционеров «Газпрома» по поводу полномочий совета директоров компании было перенесено на август. Однако из предполагаемого списка директоров исчезло имя В. Калюжного, сократилось в нем и количество лиц, представлявших государство. «Медиа-Мост» и его СМИ вновь подняли тему участия Б. Березовского и А. Волошина в одной из крупнейших афер последнего десятилетия — сборе средств на концерн «АВВА».

Появились признаки того, что «Мост» начал подготовку широкой политической кампании, имеющей цель привлечь к ответственности создателей финансовых пирамид. В этой связи в срочном порядке была заново создана «Партия обманутых вкладчиков».

Поскольку А. Волошин в данном конфликте открыто занял позицию Б. Березовского, «Мост» активизировал кампанию по дискредитации этого высокопоставленного чиновника. На специальной пресс-конференции руководители СМИ, входивших в холдинг, обвинили руководителя кремлевской администрации в том, что он дезинформирует главу государства, и потребовали отставки А. Волошина.

Тактика сдерживания мэра Москвы не принесла Кремлю сколько-нибудь заметных результатов. Ю. Лужков сделал эффектный политический ход, заявив о возможности поддержать на президентских выборах экс-премьера Е. Примакова.

Основным направлением ответных действий со стороны противников президентского окружения стало использование фактов, связанных с расследованием швейцарской прокуратурой незаконных финансовых махинаций некоторых влиятельных российских политиков и высокопоставленных государственных чиновников.

Швейцарские органы прокуратуры провели очередную выемку документов в офисах фирм «Андава» и «Форус», куда, как утверждалось, Б. Березовский незаконно переводил средства «Аэрофлота». Одновременно женевская прокуратура возбудила уголовное дело против управляющего делами президента РФ П. Бородина по обвинению его в незаконных финансовых операциях. Соответствующие материалы были направлены в Генеральную прокуратуру России.

Б. Березовский, понимая, что пространство вокруг него сужается, а при определенных обстоятельствах и Кремль может отказать ему в поддержке, начал искать для себя иные точки опоры, заявив о намерении баллотироваться в Государственную думу. По различной информации, он уже зондировал возможность баллотироваться по одномандатному округу либо в Приморье (Арсеньевский округ), либо по Эвенкийскому округу, где, очевидно, рассчитывал на поддержку

А. Лебедя. Одновременно Б. Березовский попытался договориться с руководством избирательного объединения «Кедр» о включении себя в состав первой предвыборной тройки этой партии, но получил отказ.

Иными словами, позиционная борьба стала развиваться по нарастающей, несмотря на слабые попытки С. Степашина примирить участников информационных войн. Исход ее было трудно предсказать. На стороне противников президентской команды были определенные симпатии большинства российской элиты, недовольного тем, что постоянные конфронтационные импульсы, исходившие из кремлевских структур, противоречили главному устремлению новой российской номенклатуры — желанию обрести устойчивую стабильность. Особенность момента состояла в том, что ранее это недовольство никогда не выливалось в активные и консолидированные политические действия. На стороне же президентской команды было лишь понимание того, что отступать некуда, и большие конституционные полномочия Б. Ельцина, позволявшие действовать без оглядки на общественное мнение.

Против московского мэра активно выступала левая и даже левоцентристская оппозиция. Определенную роль сыграла в этом вся левая печать, свою существенную долю в это внесла и часть демократических средств массовой информации, которые также в силу тех или иных причин выступали против Ю. Лужкова. Даже патриотические высказывания Ю. Лужкова по некоторым проблемам, например, российско-украинскому договору, проблемам Крыма и Севастополя, порой расценивались в патриотических кругах как спекулятивные, продиктованные сугубо тактическими расчетами.

Помимо всего прочего тут сказывалась позиция московского мэра по так называемым антисемитским выступлениям и его резко негативное отношение к «Русскому национальному единству» — РНЕ. Оппозиция усмотрела в высказываниях Ю. Лужкова по этим вопросам русофобские моменты, связывая это с его якобы симпатиями к Тель-Авиву с далеко идущими целями.

Таким образом, Ю. Лужков активизировал рабо-

ту среди, условно говоря, правой части электората, но сделал это за счет своих еще недавно существенных позиций в левой части общества. Однако расклад сил в стране был таков, что пренебрежение позициями в левом электорате представляло определенную опасность и могло послужить во время предстоящих выборов причиной поражения. Учитывая, что это могло быть последним участием в борьбе за президентский пост, на карту, следовательно, ставилась, по сути дела, вся политическая карьера московского мэра.

Между тем вся ситуация в России подталкивала элитарные группы и влиятельных представителей Запада к тому, чтобы обратиться к фигуре Ю. Лужкова.

Что не устраивало, прежде всего, Запад в политической деятельности Ю. Лужкова и вокруг чего могли разгораться споры в правых кругах самой России при определении окончательного мнения по фигуре Ю. Лужкова? Прежде всего, их настораживали взгляды Ю. Лужкова как государственника и патриота. Это главный момент. Но ослабить, размыть свои взгляды как патриота-государственника означало бы для Ю. Лужкова потерю значительной части электората. Поддержка со стороны Запада в этом случае усилилась бы, но для лидера России этого могло оказаться совершенно недостаточно, более того, могло привести к фиаско.

Бельгийская газета «Стандаард» в номере от 5 августа 1999 года поместила аналитическую статью известного бельгийского журналиста Ф. Депо под заголовком: «Лужков создает «непобедимую коалицию».

В ней, в частности, подчеркивалось, что эта коалиция (предвыборный блок «Отечество — Вся Россия». — *В. Г.*) может к концу года превратиться в наиболее сильный блок на парламентских выборах и представить серьезную угрозу доминирующим позициям КПРФ и ее союзников. Вместе с тем этой коалиции предстояло выдержать экзамен на прочность, так как региональные лидеры в России всегда опасались «стремления Москвы к гегемонизму», а она пока действительно оставалась «островком относительного процветания в охваченной кризисом стране».

Новая коалиция, указывала далее газета, не скрывает амбиций занять политический центр, хотя понятия «левые», «правые» и «центристы» вряд ли много значат в России.

По мнению «Стандаард», на фоне развала НДР экс-премьера В. Черномырдина, утраты ЛДПР В. Жириновского многих своих сторонников из-за поддержки лидером этой партии политики Кремля, отсутствия единства в рядах «правых», новый блок Ю. Лужкова — М. Шаймиева, не считая единственной в России по-настоящему политической партии — КПРФ, имеет в России большое политическое пространство.

Но коалиция смотрит дальше, на президентские выборы 2000 года. Хотя, как заявил Ю. Лужков в интервью «Стандаард» от 31 июля 1999 года, он пока не заявлял о выставлении своей кандидатуры в президенты. Это объясняется тем, указывает газета, что, как известно, в России рискованно это делать преждевременно, так как Б. Ельцин воспринимает такие шаги как «покушение на его престиж».

Ссылаясь на российские СМИ, газета далее пишет, что коалиция намерена провести переговоры с Е. Примаковым либо для того, чтобы убедить его возглавить блок, либо с прицелом на выдвижение его кандидатом в президенты.

За этими маневрами внимательно следят Б. Ельцин и его окружение. За годы своего правления они сконцентрировали в своих руках власть и деньги. И в этой связи они явно не хотят такого кандидата в президенты, который выступал бы с предвыборными обещаниями «устроить в Кремле большую чистку».

Как подчеркнула в заключение «Стандаард», кандидаты, которые не будут способны обеспечить сохранение Б. Ельцину и его окружению их богатств и личной безопасности, должны четко понимать, что со стороны Кремля они встретят яростное сопротивление.

Возможные варианты отношений Кремля с Ю. Лужковым будоражили умы западных политологов. Им было очевидно: пребывание Б. Ельцина на посту президента вступило в завершающую фазу. Когда вопрос решится окончательно, сказать было трудно. Однако не исключалось и самоотречение Б. Ельцина, то есть

уход с политической арены президента с передачей власти в руки преемника, в лояльности которого у президента не было сомнения. И здесь все четче вырисовывалась фигура В. Путина. Пресса сообщала, что скорее всего при таком решении вопроса «семья» президента или, по крайней мере, часть ее изберет местом постоянного жительства Германию (Бавария) или Францию (побережье Средиземного моря).

В этой связи западные наблюдатели допускали контакты и переговоры от имени Б. Ельцина с московским мэром на предмет получения от него гарантий.

Такой вариант развития событий мог оказаться для «семьи» единственно реальным. Но для Ю. Лужкова он таил в себе опасность потери или заметного снижения имиджа в случае, если он согласился бы стать гарантом личной безопасности Б. Ельцина.

Все партии и движения в той или иной мере выступали критически по отношению к президенту. Более того, на критике Б. Ельцина некоторые общественные организации и их лидеры нажили себе политический капитал и намерены были еще более усилить противоборство с «семьей» и тем самым набирать очки в президентской кампании.

Перед Ю. Лужковым, как отмечали западные политологи, стояла непростая задача. Быть гарантом безопасности Б. Ельцина — значило потерять влияние и авторитет ради иллюзорной возможности более или менее спокойного перехода власти к следующему президенту. Этот вариант ничего хорошего Ю. Лужкову не сулил и, более того, заставил бы людей усомниться в его последовательности и принципиальности.

По некоторым сведениям, в окружении Б. Ельцина кулуарно обсуждался вопрос об изменении должностного положения Ю. Лужкова — предложении ему поста премьер-министра, и это могло произойти еще до выборов в Госдуму. В этой игре с В. Путиным будут поступать как с игрушкой, для которой премьерство выглядит шагом, весьма циничным и коротким по времени.

Еще в начале лета 1999 года лидер «Союза правых сил» (СПС) С. Кириенко заявил, что «не будет менять решение» и примет участие в кампании по выборам мэра Москвы. С. Кириенко сказал, что официальное

объявление он сделает тогда, когда будет объявлена кампания по выборам мэра. Давать прогноз о количестве голосов, которое он может получить на выборах мэра, С. Кириенко отказался.

Наблюдатели отмечали, что С. Кириенко сформировался как некий русский яппи, «белый воротничок», с детства готовивший себя к властной карьере и способный приспосабливаться к постоянно меняющимся обстоятельствам. С такими чертами он занял премьерское кресло, с ними же и покинул его без тени смущения за августовский кризис 1998 года, потрясший до основания не только финансово-экономическую, но и социально-политическую систему России.

Свою карьеру политика С. Кириенко начал после неудачных попыток сразу же после отставки получить значимый пост в экономических структурах федерального уровня (по аналогии с А. Чубайсом, возглавившим РАО «ЕЭС России»), чтобы использовать их как организационную и финансовую опору для политической деятельности. Как утверждали в администрации президента, он долго просился на хозяйственную работу, в частности, не прочь был возглавить Сбербанк. Но ему отказали, поскольку в планах Кремля ему была отведена иная роль — одного из лидеров праволиберальной ориентации, исполняющего функцию «забойщика» при воздействии на центристские силы, добиваясь их раскола и за счет этого пополнения рядов радикал-демократов. Именно под эту линию С. Кириенко получил все возможности на создание собственной партии.

Накануне предвыборных кампаний в России для С. Кириенко настало время громко заявить о себе. Он начал с консолидации финансовых источников, опираясь на которые можно было успешно вести избирательные «войны». Специалисты немало потрудились над определением точек финансовой опоры С. Кириенко. В далеко не окончательном варианте они имели следующий вид.

Банк «Гарантия» и созданный старым союзником Б. Бревновым НДБ-банк (Нижний Новгород), которые объединились в финансовую группу «Губерния». В деловых кругах известно, что «Губерния» «завязана» на обслуживание нефтяных потоков. В число ее учреди-

телей вошли опекаемые С. Кириенко НК «Норси» и «Норси Ойл», со временем к ним присоединился и ряд химических предприятий города Дзержинска. Таким образом, предполагалось, что «Губерния» будет контролировать практически всю нефтехимическую отрасль Нижегородской области.

Наблюдатели не исключали, что самые большие дивиденды от нового проекта получит С. Кириенко как негласный глава новой структуры. Хотя официально вопрос об участии экс-премьера в деятельности «Губернии» обходился стороной.

Государственное внешнеэкономическое объединение «Алмазювелирэкспорт» заявило о намерении поддержать созданную под С. Кириенко «Новую силу» в числе других праволиберальных сил на выборах в Госдуму. Первый шаг в этом сотрудничестве был в конце лета 1999 года: за счет средств ВЭО создана современная типография «Алмаз-пресс» для печатания рекламной и полиграфической продукции в интересах С. Кириенко. Фактическим руководителем типографии являлся заместитель председателя политсовета ДВР В. Татарчук. Менеджером проекта по созданию «Алмаз-пресс» на деньги «Алмазювелирэкспорта» выступил Г. Томчин, преемник Е. Гайдара на посту президента Ассоциации частных и приватизируемых предприятий России и одна из ключевых фигур «Демвыбора России».

Эксперты упоминали также группу «Сибирский алюминий» и АО «Северсталь», которые поддерживали «Правое дело» через так называемую Российскую межотраслевую ассоциацию содействия отечественным товаропроизводителям. Номинально она возглавлялась Б. Немцовым, за спиной которого, однако, стоял экс-глава президентской администрации С. Филатов.

Не обходила вниманием любопытная пресса и «Транснефть», которой руководил ставленник С. Кириенко Д. Савельев, вовремя откомандированный руководить «Транснефтью». Несколько откровенных атак на Д. Савельева со стороны Кремля и неприкрытое желание нового министра топлива В. Калюжного поменять его на своего человека убедили С. Кириенко, что или надо оставаться с Кремлем, или он

окажется вне игры. Другого выбора не было. Он выбрал. Хотя на самом же деле, по мнению ряда обозревателей, выбрали его. И вот тогда появились и люди, и настоящие деньги, а Д. Савельева пока оставили в «Транснефти».

Борьба за пост мэра Москвы началась в конце апреля 1999 года. Лидер движения «Новая сила» понял, что его предвыборная парламентская кампания может быть проиграна даже не начавшись. Объездив несколько регионов, С. Кириенко убедился, что его рассуждения о «самостоятельном сословии» и «принципах общественного договора» в провинции мало кому интересны. И тогда наступил период коренной ломки политических позиций экс-премьера. Единственная возможность заинтриговать избирателя — изобрести нетривиальный рекламный ход (как это было в бизнесе), который даст крупный пропагандистский эффект.

Необходимый ход нашелся довольно быстро. Мишенью агрессивных выпадов был избран мэр Москвы Ю. Лужков. Привлекательность ситуации состояла в том, что критика «административного капитализма» Ю. Лужкова позволяла развернуться с собственной экономической программой, эклектичность и принципиальная нереализуемость которой в общем-то не имели для С. Кириенко никакого практического значения. Главное — его «слушают» и тем самым рос его личный политический потенциал. К тому же к столице с традиционным недоверием относились в регионах, значит, здесь лежал потенциальный источник поддержки.

15 июня С. Кириенко заявил, что «Б. Ельцин сегодня — это Ю. Лужков завтра», поэтому он избрал мишенью для критики именно мэра Москвы, а не главу государства. По мнению С. Кириенко, обе системы власти — президента и столичного мэра — «авторитарны» и «построены под личность». Спор, полагал С. Кириенко, шел о будущем России: «или мы разрушим клановую систему, или эта система безгласности и монополия на власть после президентских выборов распространятся на всю Россию и страна превратится в государство страха».

В своих публичных выступлениях экс-премьер не

уставал повторять, что борется не лично с московским мэром, а с системой: «Мы знаем, что происходит, когда законы и вся система власти выстраиваются под одного человека». Этот тезис стал основой его кампании. Кроме того, он привлек независимых экспертов, чтобы они оценили реальную стоимость громких проектов московского мэра — Манежной площади или храма Христа Спасителя. Затем С. Кириенко заявил, что намерен сравнить полученные цифры с теми затратами, которые имели место, и показать, что Ю. Лужков вовсе не такой уж и хороший хозяйственник.

А чтобы это выглядело еще более убедительно, экс-премьер собирался объяснить всем пенсионерам, боготворящим Ю. Лужкова, что если бы он действительно грамотно распоряжался финансами, то пенсии в Москве были бы еще выше, а социальные льготы — еще больше. И наконец, С. Кириенко решил пойти еще дальше — дать слово всем, кто обижен политикой мэра, создав так называемую «горячую линию».

Поддержка такой агрессивности из регионов подошла достаточно быстро в лице губернатора Самарской области К. Титова. Движение «Новая сила» и блок «Голос России» приняли решение о создании совместной рабочей группы по формированию широкой предвыборной коалиции, открытой и для других политических организаций. В итоге правый блок (СПС) и был создан.

Ни эксперты-политологи, ни лидеры правых не питали иллюзий в реальных намерениях К. Титова. Его цель — сдержать стремительный рост популярности столичного мэра и его форсированное продвижение к президентскому креслу.

Как утверждали специалисты, избирательная кампания правых, включая «мэрскую» С. Кириенко, была разработана группой «Видео интернэшнл», сыгравшей одну из главных ролей в кампании Б. Ельцина в ходе президентских выборов-96. Фактический хозяин компании М. Лесин неофициально, по поручению администрации Б. Ельцина, занимался разработкой и реализацией политических доктрин, нацеленных на снижение рейтинга и предвыборных шансов Ю. Лужкова.

С. Кириенко, занимавший в здании РИА «Новости» все правое крыло пятого этажа (здание — сообщаю-

щийся четырехгранник), получил его временно в свое распоряжение. Занимаемое командой С. Кириенко крыло выгодно отличалось от остальной части интерьера здания РИА после сделанного там ремонта. По словам сотрудников агентства, его помещения были буквально «напичканы» специально завезенной новой оргтехникой. Бывший премьер сначала пользовался так называемым «председательским» входом. Это постоянно закрытый на ключ отдельный вход для председателя правления РИА с круглосуточным милицейским постом. Потом он собрался изолировать «свое крыло» от общего коридора и сделать «собственный» вход-выход.

Бывший глава Госкомимущества М. Бойко, погоревший на «деле писателей», признавался, что «Видео интернэшнл» подписала соглашение с движением СПС по повышению имиджа как самого движения, так и его лидеров. Сразу же после подписания соглашения М. Бойко поведал, что новые заказчики ему симпатичны «и как люди, и как клиенты». Возможно, именно этот «свежий глаз» и посоветовал старшему «клиенту» А. Чубайсу немедленно начать реализацию в рамках предвыборной борьбы блока принципов, нередко переходящих в политическое нахальство и агрессивность, которые глава РАО «ЕЭС России» нередко практиковал в своих действиях.

Когда в окружении Б. Ельцина стали задумываться о своей политике в отношении предстоящих выборов, на встречах ближайших советников президента Т. Дьяченко, А. Волошина, В. Юмашева, Р. Абрамовича появилась идея использовать С. Кириенко в качестве избирательной «страшилки» в борьбе «семьи» с ее политическими противниками. В результате детальной проработки этого вопроса возник «антилужковский» вариант политического «возрождения» экс-премьера.

«Мозговой центр» президентской администрации исходил из того, что С. Кириенко представлял собой «политическую пустышку». Надо было создать новый, привлекательный образ С. Кириенко как политика, способного возглавить электоральную базу правых и правоцентристских движений. Таким образом, облик «нового» С. Кириенко изначально создавался как блеф. Многие эксперты полагали, что ни по личным,

ни по деловым качествам бывший премьер не способен был возглавить союз действительно влиятельных сил для взятия власти, как не способен был выработать и реальную программу для смены политического режима.

Функция этого мифа носила, прежде всего, дезориентационный и дезорганизационный характер. Негативный заряд, вброшенный в общественное мнение, заключался в том, что экс-премьер способен сформировать новую «партию власти» и, опираясь на финансы естественных монополий, заставить поверить в существование и мощь этой партии хотя бы часть колеблющейся исполнительной номенклатуры на местах.

Миф о «новом С. Кириенко» был обращен в два адреса. Для масс — канализация общественного протеста против произвола российского чиновничества, прежде всего на примере московского мэра Ю. Лужкова. И для элиты — создание образа политика новой волны, способного эффективно провести реформы в стране в интересах всего общества. Создатели мифа считали, что только в этом случае возможен желаемый политический эффект. Подразумевалось, что экс-премьера можно будет держать «на коротком поводке» в силу разных причин.

Стержнем избирательной кампании С. Кириенко, по замыслам его «раскрутчиков», изначально должна была стать дискредитация Ю. Лужкова и его предвыборной программы как основного политического оппонента «семьи». Конечно же, в Кремле давали себе отчет, что шансов стать мэром Москвы у С. Кириенко было крайне мало, поскольку он не в состоянии получить поддержку москвичей. В любом регионе «чужак» мог стать губернатором только в том случае, если сумел бы заручиться поддержкой хотя бы части элиты — как это сделали А. Руцкой в Курске и А. Лебедь в Красноярске. У экс-премьера такого шанса не было.

С. Кириенко, судя по всему, и сам осознавал, что он проиграет мэру. Но шел на выборы по нескольким причинам.

Во-первых, чтобы «отработать свой кусок хлеба» в глазах «семьи» и отнять у лужковского блока хотя бы какую-то часть голосов москвичей на думских выборах. Поэтому была избрана тактика «отрыва по

лоскуткам» — несколько процентов голосов (к тому же московского, особенно важного для Ю. Лужкова электората) может оттянуть С. Кириенко, еще пару-тройку процентов «Яблоко», П. Бородин и т. д. В итоге возможно президентская кампания Ю. Лужкова получила бы первый удар еще не начавшись.

Во-вторых, и это главное, С. Кириенко надеялся «раскрутиться» на будущее — например, для участия в выборах президента 2004 г. О нем заговорили и в электронных, и в печатных СМИ. А любая реклама, даже негативная, все равно реклама.

В-третьих, вступив в борьбу с Ю. Лужковым, С. Кириенко, в силу того, что эта интрига интересна сама по себе, обеспечивал себе бесплатное «рекламное время» на всех каналах телевидения и в газетах.

Выступления экс-премьера показывали, что он четко придерживался политических установок Кремля. Война с Ю. Лужковым, начавшаяся с позиционных политических боев, перерастала в горячую фазу с трудно просчитываемыми для российского политического истеблишмента последствиями. С. Кириенко первым в России решил испробовать на своем идеологическом оппоненте — столичном градоначальнике — такое оружие политической борьбы, как круглосуточный «телефон доверия». С 17 июня любой москвич, как, впрочем, и иногородний житель, мог позвонить по «горячей линии» кириенковской «Московской альтернативы» и высказать все, что он думал о Ю. Лужкове и его подчиненных. Организаторы акции особо рассчитывали не столько на психотерапевтический эффект в отношении отдельно взятых граждан, сколько на сбор таким образом «фактов злоупотреблений, коррупции и произвола действующей московской власти», чтобы затем их уже в обобщенной форме использовать против мэра. По мнению ряда западных политологов, в данном случае С. Кириенко представлял собой весьма деструктивное орудие в руках президентского клана. Для давления извне он как бы не выполнял прямого заказа президентской администрации: у нее было против Ю. Лужкова более тяжелые орудия — прокуратура, МВД, ФСБ, специфические возможности которых и дальше использовались по мере приближения вы-

боров. В начальный же период борьба с С. Кириенко должна была внести разброд в ряды сторонников Ю. Лужкова.

С другой стороны, среди российской региональной элиты укреплялось мнение, что растиражированные прессой выпады С. Кириенко против Ю. Лужкова как кандидата дадут результат прямо противоположный ожиданиям Кремля. На местах понимали, что С. Кириенко — человек Б. Ельцина, которого он в свое время провел в премьеры, а сегодня получил от него же определенную команду на противодействие Ю. Лужкову. А раз Ю. Лужков Кремлю не угоден, то это именно тот человек, который нужен электорату.

Кремлевские аналитики также учитывали этот фактор. Позднее экс-премьеру был дан карт-бланш на публичный откат от президентской команды, который начался с обнародованного им экзотического плана «мирной передачи власти» президентом РФ. По этому плану «мирного перехода власти из рук президента в руки единственного преемника — гражданского общества», он предлагал Б. Ельцину возглавить процесс собственного ухода. То есть президент должен был провести аттестацию управленческих кадров в стране — 10—50 тыс. высших должностей. А потом уйти досрочно в отставку вместе с чиновниками, не прошедшими аттестацию.

17 июня с большой помпой открыли «горячую линию». Москвичам предложили звонить по телефону и докладывать записанному на автоответчик мужскому голосу обо всех неполадках в Москве. Вся команда приближенных журналистов отработала на совесть.

Но после довольно спокойных выходных 19 и 20 июня, которые потратили на телефонные переговоры с прессой, вдруг выяснилось, что «горячая линия» дает сбой. Даже самый примитивный анализ показывал, что атака на Ю. Лужкова скорее приносила популярность последнему. Что авторитет С. Кириенко не рос, а наоборот. Что в результате словесных выпадов против московского мэра к С. Кириенко прочно приклеивалась обидное прозвище — «кремленыш». Надо было что-то решать.

Тщательно подготовленная и спланированная акция на лобовое столкновение С. Кириенко с москов-

ском мэром перестала себя оправдывать. Судя даже по звонкам по «горячей линии», куда москвичи должны были сообщать о недостатках в работе мэра, а вместо этого говорили не самые приятные для С. Кириенко слова, становилось ясно, что допущена не просто тактическая ошибка.

21 июня в Москве открылся Всемирный конгресс русской прессы. На нем выступил С. Кириенко со своим известным заявлением об отставке президента в октябре.

В Интернете появился антилужковский компромат, в частности, на сайте Агентства политических новостей. Это был очередной выброс лживых сведений в стиле знаменитого «когтя-2», авторство которого когда-то было приписано прессой руководителю Фонда эффективной политики Г. Павловскому, перешедшему в президентские структуры. На этот раз по компьютерным сетям вбросили информацию «Военная мощь Ю. Лужкова», о том, что московский мэр может опереться на 100—200 тысяч штыков. На другом сайте разместили двухлетней давности статью из «Новой газеты» о пивзаводе «Князь Рюрик».

Но компромат — дело привычное, а вот громкие, хотя и безобидные пассажи С. Кириенко о необходимости отставки Б. Ельцина еще до выборов, кажется, возымели свое действие. Теперь С. Кириенко воспринимался как независимый политик, не имеющий отношения к администрации президента. Разработчики образа «нового» С. Кириенко вели сложную и азартную игру. Почти завалив дело, они с трудом вырулили, попутно добившись того, что их допустили к разработке конкретных политических акций.

Пока же С. Кириенко готовился к выборам мэра Москвы и занимался разработкой различных альтернативных программ. Вместе со своим новым движением «Московская альтернатива» он разрабатывал программы по самоуправлению, генеральной застройке столицы, а также проект городского бюджета, который собирался внести на рассмотрение в Мосгордуму. Он пообещал, что к выборам представит не только программы, но и команду единомышленников, которые смогли бы их реализовать, то есть, проще говоря, альтернативное московское правительство.

Команда С. Кириенко делилась на две части. Организационная часть, то есть аппарат, — это никому не известные и ничем себя не проявившие молодые люди из кооперативного комсомола конца 80-х из Нижнего Новгорода и Москвы. Информационно-пропагандистская часть вполне достойна. Это «Видео интернэшнл» М. Лесина, человека из «домашнего политбюро» Ельцина, и агентство РИА «Новости» под руководством А. Волина. Всего этого достаточно было не только для антилужковского подыгрыша в кремлевской команде, но и для самостоятельной партии.

По общему мнению, выдвижение С. Кириенко — это погоня за двумя зайцами, из которых ни одного не отнесешь к мэрской должности. Кресло мэра — условная цель, предлог, охотничья обманка. Первый из кириенковских «зайцев» на самом деле — кресло депутата Госдумы в составе Союза правых сил. Борьба с московским мэром автоматически повышала авторитет лидера СПС. Да и чисто арифметически лидера движения упоминали в два раза чаще — не только в связи с думскими выборами, но и с московскими — не шутка, конкурент Ю. Лужкова!

Второй «заяц» кампании по выдвижению С. Кириенко в Москве нужен был не самому претенденту, а тем, кто использовал его как подсадную дичь. В Кремле не хотели победы Ю. Лужкова на президентских выборах, от него после ухода из власти в лучшем случае, кроме пенсии, ничего не дождешься, а о худшем, если возьмется за деятельность прежнего режима, лучше и не думать. Поэтому целью Кремля было максимально ослабить мэра до президентских выборов. Отобрать у него побольше голосов на ближайших выборах в декабре — значило показать, что даже в своем городе у одного из самых реальных кандидатов проблемы. Для осуществления этой задачи и был выбран С. Кириенко, как надеялся Кремль, энергичный и грамотный соперник, который оттянет максимум избирателей.

Благодаря поддержке администрации президента С. Кириенко получил свободный выход практически на все телевизионные каналы и, значит, бесплатную рекламу. Правда, по мнению одного из специалистов по политической рекламе, в антилужковской кампании

чувствовался явный нижегородский акцент: педалировалась тайная или явная зависть регионов к Москве. Но это значило только одно: С. Кириенко хотел понравиться не москвичам, а региональному электорату. Что было вполне логично накануне выборов в Госдуму.

Реакция в мэрии на выпады С. Кириенко, на взгляд экспертов, была не всегда адекватна. Как выразился один из имиджмейкеров, «такое ощущение, что они ему просто подыгрывают: неловко отмахиваются, неумело оправдываются, грозятся подать в суд». Все это С. Кириенко было только на руку.

Учитывая рациональный характер экс-премьера, многие наблюдатели с уверенностью говорили, что его участие в кампании по выборам мэра — это не эмоциональный ход, а начало долгосрочной политической игры. Так, многоопытный Н. Гончар полагал, что С. Кириенко в будущем способен соскочить с кремлевского крючка и повести самостоятельную игру: «Пока феномен С. Кириенко — это совпадение его интересов с интересами администрации президента. Но как только их интересы разойдутся, С. Кириенко скажет администрации президента «до свидания». Идя, как камикадзе, на Ю. Лужкова, он в итоге может и не выполнить приказ тех, кто его выпустил. С. Кириенко был твердо уверен, что на московских выборах он не победит, но все дело в том, что он принимал участие в федеральной политической игре. Он был способен играть абсолютно свою игру».

Кроме того, С. Кириенко надеялся «раскрутиться» на будущее. Ведь о нем вновь заговорили, в том числе и в электронных, и в печатных СМИ. Ю. Лужков уже несколько раз упомянул его в своих интервью, вице-мэр В. Шанцев обвинял экс-премьера в экономической некомпетентности, а глава Мосгордумы Владимир Платонов требовал объяснений по поводу кириенковских заявлений о коррупции в Москве. А любая реклама, даже негативная, все равно реклама.

Осенью 1999 года только ленивый не просчитывал варианты с досрочной отставкой президента. Если исходить из того, что в декабре администрация проведет одновременно выборы в Госдуму и досрочные выборы президента, тогда срывались все планы

Ю. Лужкова на разведение по срокам президентских и московских выборов и на выдвижение собственной кандидатуры в президенты. С одной стороны, к декабрю он не был бы готов к президентским выборам. С другой стороны, в его команде не было ни одного раскрученного кандидата в мэры Москвы. А если сам Ю. Лужков не будет участвовать в мэрских выборах, С. Кириенко получал вполне реальные шансы в борьбе за столицу. При таком раскладе, если Ю. Лужкову пришлось бы выбирать между гарантированным постом мэра и призрачным президентством, понятно, что он снова пошел бы в мэры. Что и требовалось Кремлю.

Решительность С. Кириенко в немалой степени была продиктована тем, что, поучаствовав в выборах московского мэра, он ничего не терял. «Союз правых сил» уже украсил вершину своего предвыборного списка фамилией лидера «Новой силы». Если правые преодолеют пятипроцентный барьер, С. Кириенко автоматически переедет в Госдуму.

В целом политические маневры экс-премьера в первый после его отставки период показали, что в высшем политическом истеблишменте России его не воспринимали всерьез. Он долго оставался в полном одиночестве, что уязвляло самолюбие бывшего самого молодого премьера в истории России и в конце концов вылилось в крайнюю агрессивность по отношению к политическим оппонентам, а порой к политической некорректности и скандальности.

Террористическая война, объявленная Чечней России, была в сентябре центральным событием не только политики, но и быта большинства граждан России. Середина месяца началась со взрыва 13 сентября в Москве и продолжилась взрывом 16 сентября в Волгодонске.

Хроника борьбы с террористами стала основной темой всех без исключения СМИ. Эта видимая часть событий вряд ли нуждалась в подробных комментариях. Более того, зачастую создавалось впечатление, что иные СМИ намеренно перегружали читателя и зрителя «техническими подробностями» и деталями, чтобы не сказать о главных «глобальных» последствиях террористической войны для политики России.

Между тем эти последствия и их нелицеприятный анализ имели много неприятных аспектов для ряда российских элитных группировок.

В качестве примера таких негативных последствий можно назвать почти повсеместно распространившееся в Москве мнение о том, что «соавтором» взрывов был Кремль. Эту массовую убежденность, к сожалению, не исследовали социологи, но на чисто бытовом уровне об этом говорили «почти все».

Подобное мнение возникло спонтанно, практически в самом начале недели и только потом было озвучено 16 сентября в «Московском комсомольце», который, при всех своих недостатках, очень тонко реагирует на «потенциальный запрос» своего массового читателя.

В версии «МК» это предположение содержало массу противоречивых моментов и выглядело не вполне логично. Но в данном случае речь идет не об обоснованности версии, а о массовых настроениях и оценках, пусть даже и нелогичных.

Одновременно резко возрос рейтинг премьера В. Путина и симпатия к нему как у населения, так и у части элиты. Интересно отметить, что В. Путин собственно ничего особенного не предпринимал и не говорил. Многие наблюдатели отмечали достаточную тривиальность его речи в Думе во вторник 14 сентября. Однако эта, в сущности, правильная и далеко не блестящая речь вызвала взрыв энтузиазма у подавляющего большинства депутатов весьма различных политических взглядов. По основным позициям речи В. Путина был достигнут настоящий консенсус.

Несколько более смазанным был эффект от выступления премьера 17 сентября в Совете Федерации. Однако и там премьер в целом нашел поддержку. Вместе с тем сенаторы были более скептически настроены к плану премьера по разрешению ситуации вокруг Чечни. Это сказалось в основном не в официальных выступлениях и постановлениях, а в кулуарных комментариях региональных лидеров.

Наиболее скептически сенаторы отзывались о возможности установить санитарный кордон вокруг Чечни. Причины этого скепсиса двоякие. Во-первых, сена-

торы прекрасно знали положение на местах. Вернее, положение во властной верхушке на местах. А отношение региональных верхов к идее «санитарного кордона» было двоякое.

Разумеется, такие лидеры, как Р. Аушев, не были в восторге от полного перекрытия границы с ней. Однако даже такие непримиримые на первый взгляд сторонники жесткой границы, как губернатор Ставрополья В. Черногоров, не являлся сторонником полной блокады мятежной республики.

Второй причиной, по которой сенаторы скептически отнеслись к блокаде Чечни, была их уверенность в том, что мятежная республика имеет влиятельное лобби в центре. Поэтому до смены хозяина Кремля говорить об эффективной борьбе с Чечней не приходится.

Итак, следствиями взрывов в Москве и Волгодонске стало резкое усиление античеченских, и в более широком смысле антикавказских, антиельцинских, настроений в народе и резкий рост популярности В. Путина.

Менее заметным следствием стало падение популярности А. Лебедя, которого практически единодушно обвиняли в хасавюртовской капитуляции, явившейся фактической причиной террористической войны на территории России. Одним из тезисов выступлений В. Путина и в Думе, и в Совете Федерации был пересмотр хасавюртовских соглашений. И это, в свою очередь, вызвало поддержку большинства парламентариев.

На этом фоне явно заказными выглядяли материалы в СМИ на тему о том, что именно А. Лебедь мог быть востребован для решения конфликта. Народ ждал и требовал не очередной капитуляции. Настроения в массах были весьма радикальны. Дагестанские женщины требовали «залить Чечню напалмом», а москвичи — применить против Чечни максимально жесткие меры.

Впрочем, руководство и часть политиков не только не были готовы выполнить эти требования, но даже пойти на гораздо более разумные и умеренные действия.

Так, С. Степашин в своем интервью «Московскому

комсомольцу», опубликованному 18 сентября, назвал людей, требовавших радикальной борьбы с Чечней, «выродками». Это иллюстрировало степень понимания настроения масс данным «публичным политиком». Однако не только С. Степашин, но даже решительный В. Путин не во всем был последователен. Так, оставалось неясным, отключат ли Чечне электроэнергию и подачу газа из России, заблокируют ли поступление продовольствия и лекарств, закроют ли воздушное пространство, уничтожат ли Гудермесскую ГРЭС, дающую половину электроэнергии мятежной республике (другая половина поступала из России), уничтожат ли ракетно-бомбовыми ударами основные нефтеперерабатывающие мощности.

Ну а об интернировании всех чеченцев на территории России и о конфискации их фирм и банков (пусть и с соблюдением некоей ускоренной судебной процедуры) вообще речи не было. Хотя, по мнению некоторых экспертов, это вполне нормальная мера в отношении соотечественников противника, применявшаяся не только в СССР в отношении немцев, но и в демократичнейших США в период второй мировой войны в отношении японцев.

По мнению некоторых политологов, при реализации этих простых требований Чечня уже зимой превратилась бы в зону бедствия и агрессивный потенциал чеченцев реализовался бы во взаимном истреблении.

Повторяю, все вышесказанное выдавалось иными политиками как требования населения России, соответствовавшие логике войны. А в том, что Чечня вела с Россией войну, не сомневался никто.

Ранее действия верхов воспринимались массами безразлично. Когда же массы на себе почувствовали результаты внедрения «новых» ценностей, оставшись без жилья, потеряв родных и близких, то к подобным призывам и действиям отнеслись с нескрываемым возмущением. И попытки сбить это возмущение подконтрольными Б. Березовскому СМИ вызывали только падение рейтинга этих самых СМИ.

Таким образом, достижение любых конструктивных целей, отвечавших объективным интересам народа и государства, непременно вызывает эрозию режима, что россияне и могли наблюдать после террори-

стических актов в Москве и Волгодонске. В данной связи рост популярности В. Путина автоматически вел к снижению его рейтинга в Кремле. А его весьма умеренные и, по существу, половинчатые меры вызвали открытое и осознанное, но чаще скрытое и неосознанное раздражение у многих политиков, начиная от некоторых представителей «Яблока» и кончая саратовским губернатором Д. Аяцковым.

Помимо вышеперечисленных политических тенденций, инициированных террористическими актами, имели место и некоторые важные локальные пертурбации во властных структурах. Так, пользуясь случаем, В. Путин медленно, но верно повышал рейтинг ФСБ. Это сказалось как в открытых, так и в закрытых акциях.

К открытым акциям подобного рода стоит отнести попытки организовать тонкую кампанию в СМИ, где ФСБ практически не критиковалась и заслуги ее в предотвращении новых терактов признавались — пусть иногда и достаточно скромно. В то же время милицию как громко хвалили, так и не менее громко ругали, обвиняя, например, в неиспользовании возможности предотвратить взрыв 13 сентября, сигналы о возможности которого поступили в милицию накануне.

Еще одной особенностью ситуации, обусловленной террористической войной, была двойственность оценок ее влияния на интересы различных группировок. О негативных аспектах развития событий для Кремля мы уже говорили.

Однако тот же Кремль получил от ситуации и несомненные выгоды. Так, практически сошел на нет коррупционный скандал, спровоцированный западными СМИ. Определенные выгоды мог извлечь из данной ситуации и Ю. Лужков, получивший великолепный повод критиковать федеральные власти. Много выиграли и левые от откровенной свары, которая обострилась в рядах их противников в связи со взрывами.

Подводить баланс плюсов и минусов для различных политических сил в данной ситуации весьма не просто. Однако здесь важно другое. Подавляющее большинство игроков политической сцены безусловно

стремилось при известном умении извлечь немалые выгоды из обострения обстановки. Другой вопрос, извлекло ли.

Поэтому всегда можно обвинить любую властную или политическую группировку если не в причастности, то хотя бы в потворствовании взрывам, что, собственно, и делал ряд СМИ в отношении Кремля.

16 сентября прошло заседание политсовета «Отечества». На фоне взрывов в Москве и Волгодонске это мероприятие не вызвало адекватного интереса. Между тем оно было достаточно примечательно.

Было объявлено, что «Отечество» создает и укрепляет свои партийные структуры на местах. Блокирование со «Всей Россией» под руководством Е. Примакова открыто объявлено временной акцией, имевшей смысл только на период думских выборов. Сделанное программное заявление, пусть и не афишируемое вовне и имевшее чисто «внутрипартийный» характер, свидетельствовало о большой условности весьма скромных притязаний Ю. Лужкова. Московский мэр был настроен на марафон в борьбе за верховную власть в России, и думская кампания во главе с Е. Примаковым представлялась некоторым наблюдателям не более чем проходным эпизодом в этом марафоне.

На заседании прошел «разбор полетов» и окончательное подведение итогов регистрации списков «Отечества». Осведомленные наблюдатели ожидали резкой критики Г. Бооса со стороны Ю. Лужкова, ибо Г. Боос своим поведением несколько раз создавал весьма острые для ОВР ситуации. Так было при утверждении списков по Москве и области, когда ОВР в эти дни чуть было не покинул губернатор Московской области А. Тяжлов. Так было и в случаях со скандалами вокруг выхода из ОВР «Женщин России» и едва не случившегося выхода «Державы».

Все эти острые моменты, по оценкам аналитиков, были обусловлены как объективными маневрами команды Ю. Лужкова, так и субъективными моментами в поведении Г. Бооса и его команды.

Между тем скандал вокруг коррупции в окружении президента, инициируемый на Западе и поддержанный в России многими СМИ, угасал. Взрывы в Москве

и Волгодонске вымели его из сферы повышенного общественного внимания.

Судя по некоторым западным публикациям, не увенчались успехом и попытки эмиссаров Кремля, посланных в США вовлечь в скандал лично Ю. Лужкова. Борьба на этом направлении приняла позиционный характер.

В сентябре заговорили о том, что на пост московского мэра будет баллотироваться управделами президента П. Бородин. Журналисты писали: в средствах эта команда ограничена не будет. В методах тоже. Это типичный пример свободной творческой игры, когда победа не важна, но важно максимальное истощение противника. А это именно так, ибо администрация ставила П. Бородину задачу не выиграть, а максимально дискредитировать Ю. Лужкова пропагандистскими кампаниями на грани фола. Отдельной строкой в задании стояла цель втянуть Ю. Лужкова в максимально дорогостоящие контрпропагандистские кампании и измотать его в финансовом отношении.

Еще одним ударом по Ю. Лужкову явилась начатая центральным аппаратом МВД проверка московской милиции. Несомненно, что в процессе расследования взрывов в Москве и предотвращении новых московская милиция поработала, стараясь показать свою эффективность. Однако было очевидно, что имели место значительные просчеты. Здесь налицо типичная ситуация, когда большие усилия в последний период не могут скрыть существенных упущений, которые накапливались годами и стали поистине системой. И просчеты этой системы вскрылись именно сейчас. Поэтому с точки зрения противников Ю. Лужкова момент для проверки выбран удачно. И здесь московский мэр прав — выбор времени для проверки диктовался политическими соображениями.

Таким образом, видимая прочность позиций Ю. Лужкова в его противоборстве с Кремлем была существенно поколеблена.

В этой связи явным фальстартом выглядело ставшее 16 сентября достоянием российских СМИ высказывание Е. Строева о желательности добровольной досрочной отставки Б. Ельцина. Кстати, глава законода-

тельного собрания Орловской области, всегда корреспондирующий свои инициативы с Е. Строевым, стал одним из подписантов требования о досрочной отставке Б. Ельцина, которое должно было явиться основой соответствующего постановления Совета Федерации. Это постановление тем не менее не прошло. И не прошло оно в значительной степени благодаря В. Путину.

В сложившейся ситуации кабинет если не проявлял, то хотя бы демонстрировал свою дееспособность, а это не могло не укреплять позиции Кремля. Всегда тонко чувствующие конъюнктуру сенаторы буквально в последний момент изменили настрой и не стали рассматривать постановление о желательности добровольной досрочной отставки Б. Ельцина.

Таким образом, основное противостояние российской политики «Ю. Лужков против Б. Ельцина» осталось в сентябре в законсервированном состоянии. Дальнейшее отступление Б. Ельцина было остановлено. Аналитики предупреждали: если он не сделает откровенных грубых просчетов и не пойдет на авантюры, то может надеяться медленно, но верно отвоевать ранее утерянные позиции и в решающий момент жестко навязать свою волю, а значит, правила игры. Решающим фактором по-прежнему оставались думские выборы, а их итоги должны были стать фундаментом для принятия решений. Возможно, главного из них, который должен был сделать президент, — по-настоящему определиться с «наследником».

Глава 5

НОВЫЙ ПРЕЕМНИК

Путин на распутье. — Сказал то, что все ждали. — Почему не прошел А. Лебедь? — «Консенсусный» политик. — Дагестанская эпопея. — Вторая чеченская война. — В чем его отличие от Е. Примакова и С. Степашина. — У премьера нет своего Ю. Лужкова. — Под кого создавалось «Единство». — Прелестная Мадлен показывает зубки. — С. Шойгу — тоже ложная мишень?

16 сентября Б. Березовский провел пресс-конференцию. Она планировалась в рамках гораздо более грандиозного «плана Б. Березовского». Основной целью этого плана была смена премьера В. Путина на А. Лебедя с последующим провоцированием отмены выборов. Одновременно Чечня была бы умиротворена с помощью очередной капитуляции. Политическое напряжение в России было бы, таким образом, по замыслам инициаторов плана переведено с внешнего во внутреннее.

Однако А. Лебедь, по данным, просочившимся в прессу, отказался от предложений Б. Березовского. Случилось это днем раньше. В данной ситуации пресс-конференция 16 сентября была уже бессмысленной. Б. Березовский провел ее достаточно сумбурно. В частности, он хвалил прошлую деятельность А. Лебедя, но критически отзывался о его сегодняшней позиции. Казалось бы — за что? Б. Березовский явно не договаривал.

Конечно же, подобная сумбурность в значительной степени была обусловлена психологическими последствиями переносимой олигархом болезни. Однако помимо обусловленной гепатитом «адреналиновой тос-

ки» сумбурность выступлений Б. Березовского была вызвана тем тупиком, в который он попал.

Дело в том, в СМИ были опубликованы расшифровки телефонных разговоров Б. Березовского с М. Удуговым и М. Махашевым. В сложившейся ситуации это вполне могло быть интерпретируемо его противниками как пособничество бандитам.

Однако чеченцы, вместо того чтобы выручать своего «друга», сами «сдают» его. А. Масхадов публикует на Западе материал, из которого следует, что Б. Березовский причастен ко всем громким акциям по торговле заложниками. В этой связи поистине надрывные призывы Б. Березовского спасти Чечню (или некие «здоровые силы» в Чечне) не находили отклика в России. Более того, на Чечню можно было списать массу провалов правящего режима. В этом отношении для всей властной верхушки России Чечня в какой то мере была «конкурентоспособна» Б. Ельцину.

Действительно, можно списать все провалы на Б. Ельцина и «семью», а можно на Б. Березовского и Чечню. Для элит это равнозначно. Б. Березовский и Чечня даже предпочтительнее, ибо, как ни говори, Б. Ельцин все же являлся ярчайшим представителем и органичной частью всей тогдашней элиты. В то время как Чечня вообще внешний противник (о котором всегда мечтает терпящая крах элита в любых странах в любое время), Б. Березовский несомненный маргинал.

В этой ситуации примыкать к Б. Березовскому было смертельно опасно, да и просто невыгодно. Возможно, именно эти соображения подвигли А. Лебедя к отказу от предложения Б. Березовского. Однако даже если бы А. Лебедь согласился, далеко не факт, что «план Б. Березовского» принял бы потом Б. Ельцин. Известно, сколь негативно относилась к А. Лебедю Т. Дьяченко.

Поэтому возможность А. Лебедя вступить в должность при этом сценарии выглядела весьма проблематично. Отставка В. Путина с весьма большой долей вероятности вызвала бы крах режима вместе с А. Лебедем и Б. Ельциным.

Так это было или иначе, но А. Лебедь отказался от авантюры. Более того, он, судя по имеющимся сведениям, отказался от участия своей партии в выборах

1999 года, прекрасно понимая, как смотрелись его сторонники под аккомпанемент московских взрывов. А. Лебедь даже поостерегся приезжать на заседание Совета Федерации 17 сентября, где единодушно критиковалась его хасавюртовская капитуляция. Все это свидетельствовало о верном понимании красноярским губернатором своих возможностей. В противоположность некоей «легенде о А. Лебеде» реальный А. Лебедь не любит рисковать.

Ну, а Б. Березовский попал в еще больший тупик.

Логически связано с этим сценарием и провоцирование В. Путина на резкие действия. Согласно «плану Б. Березовского» перед сменой премьера надо было не только и даже не столько подготовить А. Лебедя, сколько спровоцировать отставку В. Путина.

Для этого была использована комбинация с заменой руководства «Транснефти». Проведенная незаконно, с нарушением закона и всех мыслимых правил отставка руководителя «Транснефти» Д. Савельева выглядела как вопиющее самоуправство, на которое премьер не мог не среагировать. В сущности, и Н. Аксененко и В. Калюжный не могли не понимать, как они выглядят в данной ситуации. И никакие материальные выгоды не могли компенсировать риск от этой затеи (опытные дельцы провели бы эту акцию менее болезненно и с гораздо большей вероятностью успеха). Она становится понятна только если рассматривать ее, прежде всего, как провоцирование премьера на проявление адекватного ответного самоуправства, которое поссорило бы его с Б. Ельциным и окружением президента.

Но премьер на провокацию не поддался, а перевел дело в более медленный режим развития. Теперь следовало ожидать, что ставленники Б. Березовского — Н. Аксененко и В. Калюжный — станут жертвами собственной провокации. Если можно так сказать, «диверсантами-неудачниками», подорвавшимися на собственной «мине». Во всяком случае позиций премьера они не поколебали.

Если отвлечься от деталей, то следует сформулировать причины успеха В. Путина одной фразой: «Он сказал то, что все ждали». В данном случае ждали решимости задавить Чечню, чеченский бандитизм и чеченское лобби в Москве.

В сущности, В. Путин сделал то же, что и Е. Примаков год назад. Тогда Евгений Максимович тоже сказал то, что от него все ждали. Он обещал стабилизацию (без обещаний улучшения, в которое все равно никто бы не поверил) и, если так можно выразиться, социальное возмездие без смены типа режима. Потом Е. Примаков обещал еще и восстановление достоинства российского государства.

Но и Е. Примаков, и В. Путин не сделали и трети из того, о чем сказали и что подразумевалось из их высказываний. Но это не беда. В нынешней России даже правильно сказанное слово — уже дело, несмотря на дружные заверения «деловых» завхозов, попавших во власть, в обратном.

В. Путин показал, что никакого особого «секрета Е. Примакова» нет. Есть три составляющие процесса становления «консенсусного» политика.

Первое. Быть назначенным премьером.

Второе. Не быть откровенным лакеем семьи Б. Ельцина.

Третье. Сказать то, что ждут все. При этом возможно сказать даже далеко не все то, что все ждут. И более того, выполнить далеко не большую часть сказанного.

Третьего не сделал С. Степашин. Да, собственно, и по второму пункту он был не на высоте, чего стоили его сентенции о «мальчишке, приведенном в политику Б. Ельциным». Заметим, не избирателями, волею которых он стал депутатом, и не коллегами, доверившими ему Комитет по обороне и безопасности Верховного Совета РСФСР, а Б. Ельциным, который щедро оплатил экс-премьеру его уход от товарищей по Верховному Совету.

Таким образом, с экс-премьером все ясно. И поэтому он не стал перспективным соискателем президентского поста, что бы ни говорили по этому поводу ангажированные СМИ. Ни второму, ни третьему требованию не соответствовали и В. Черномырдин с С. Кириенко. Почему, отдельный вопрос, но не он сейчас нам интересен.

Стоит заметить, что сочетать первое и второе требования весьма непросто. Однако коль скоро такое сочетание выпадает, уже от самого конкретного политика зависит выполнение третьего требования.

И Е. Примаков, и В. Путин этому требованию соответствовали. Однако характерным отличием ситуации и с Е. Примаковым, и с В. Путиным было отсутствие у них собственных общественно-политических структур, собственных СМИ, собственных финансов и собственных развернутых команд. Без этого потенциальный кандидат в президенты и «консенсусный» политик не может развить собственный успех. Или, развивая его, теряет свой прошлый политический капитал.

Как это ни странно, только в сфере финансов для подобного политика вопрос может быть решен проще всего. В России есть много дальновидных и адекватно понимающих ситуацию бизнесменов, которые готовы дать деньги перспективному с точки зрения президентских амбиций политику, стоящему вне сложившихся олигархических кланов.

Сложнее решается вопрос с командой. Но при наличии воли и понимания, команда все же формируется. А большая команда может быть со временем развернута в собственную общественно-политическую структуру.

При наличии всех этих составляющих можно иногда косвенно, а иногда прямо завоевывать часть СМИ. Впрочем, действующему премьеру поначалу можно, и не имея собственных СМИ, создавать информационные поводы для популяризации своей фигуры.

В. Путин как раз стоял в начале этого пути. И если он пройдет его без ошибок, то вполне может рассчитывать на успех. Прежде всего, ему необходимо было либо формировать, либо резко расширять свою собственную команду. Далее необходима более целенаправленная и плотная работа со СМИ. Все это, разумеется, в дополнение к той основной линии, которую он вел в начале осени 1999 года.

Все более очевидное укрепление политических позиций премьера В. Путина становилось проблемой для кремлевской группировки. В течение полутора-двух недель, прошедших со времени взрывов в столице и Волгодонске, наблюдался резкий рост рейтингов этого политика. По данным фонда «Общественное мнение» и других социологических служб, так называемый президентский рейтинг В. Путина вырос на 7— 8 процентов и достиг 10 процентов, обеспечив ему вхожде-

ние в лидировавшую тройку наиболее популярных политиков.

Этот рекордный рост рейтинга политологи склонны были объяснять тем, что премьер, действовавший в фарватере кремлевской политики, опираясь на волну ненависти и требований покончить с чеченским терроризмом, взял на себя роль подобия «железной руки», способной организовать отпор «коварному агрессору» и обеспечить национальную безопасность страны. По инициативе В. Путина в короткие сроки по всей стране развернулась широкомасштабная антитеррористическая операция «Вихрь». В конце сентября начались массированные бомбардировки территории Чечни, а вскоре эта тактика получила свое развитие в том, что развертывавшаяся полным ходом подготовка к сухопутной операции в этой республике вступила в решающую фазу — российские войска вступили на территорию Ичкерии и начали занимать господствующие высоты. Все это дало повод экспертам предположить, что именно северокавказская тематика, понимаемая через призму «жесткой линии», могла стать тем фактором, который выведет В. Путина в число реальных соискателей президентского кресла. Такому развитию событий благоприятствовало то обстоятельство, что в результате продолжавшегося роста цен на нефть на мировых рынках Россия получила возможность аккумулировать некоторые свободные финансовые средства. В данном контексте острота привычных для страны социальных проблем задолженности по заработной плате и другим социальным выплатам несколько снизилась. Поэтому даже отказ Государственной думы принять проект бюджета-2000, резкое недовольство региональных лидеров этим документом не переросли в угрозу возникновения нового политического кризиса с перспективой отставки правительства.

Между тем для Кремля рост популярности В. Путина не являлся самоцелью. Более того, рост популярности ценностей оборонного сознания, совпавший с резкой позитивной динамикой рейтинговых показателей В. Путина, вызвал определенные опасения в Кремле относительно того, что премьер начнет самостоятельную политическую игру, которая может поломать стратегические расчеты Кремля. В. Путин, по мнению царедворцев, стал слишком много власти за-

бирать себе, по при этом так и не начал активного наступления на противников президента. Премьер даже начал проявлять вполне обоснованное для политика, начавшего копить политический капитал, стремление к известной тактической гибкости. Так, при всей решительности своих заявлений В. Путин явно не горел желанием взвалить на себя ответственность по развертыванию крупномасштабной операции против Чечни, а тем более снискать себе славу человека, превратившего страну в военный лагерь. Показательно и то, что В. Путин, в то время как начали поступать сообщения о переходе российских войск через российско-чеченскую границу, решил посетить съезд строителей в Чувашии и попытался оттуда организовать встречу А. Масхадова и М. Магомедова, которая была сорвана.

Проявлял В. Путин достаточную гибкость и в своих отношениях с «Отечеством — Всей Россией» и лично Ю. Лужковым, что Кремль, как отмечали эксперты, пытался использовать в своих собственных целях. Со стороны могло показаться, что В. Путин выступил в роли посредника между президентской командой и руководством ОВР, попытавшись убедить Е. Примакова и Ю. Лужкова в том, что Кремль и Белый дом заинтересованы в снижении уровня противостояния. Отъезд Б. Березовского за границу на лечение гепатита в конце сентября не снизил уровень предвыборного компромата, поскольку в реальности СМИ Б. Березовского, задававшие тон в пропагандистской войне против столичного мэра, начали после его отъезда еще более разнузданную антилужковскую пропаганду, хотя сам премьер начал публично подчеркивать, что правительство настроено на конструктивный диалог со всеми блоками.

Аналитики высказывали предположение, что, несмотря на рост популярности В. Путина и громкие заявления, действия Кремля в отношении премьера не подкреплялись концентрацией вокруг него необходимых политических и финансовых ресурсов. Окружение Б. Ельцина по-прежнему блокировало превращение администрации президента в политический институт, обладающий ясными и четкими политическими функциями для принятия и реализации стратегических решений. Одновременно маргинализировалась близкая

к В. Путину группа А. Чубайса. В. Путину не дали сформировать собственное однородное правительство, состоящее из преданных и лояльных премьеру людей. Ему не разрешили и удалить из кабинета представителей группы Б. Березовского — Р. Абрамовича (в первую очередь первого вице-премьера Н. Аксененко и главу Минтопэнерго В. Калюжного, позиции которых в результате шедшего «черного передела» в ТЭКе усилились). К тому же доминировавшая в Кремле часть президентской команды стремилась поставить под свой собственный контроль финансовое, информационное и организационное обеспечение планировавшейся на 2000 год президентской кампании В. Путина, предполагая, вероятно, удерживать и его в поле своего влияния.

Неожиданно кремлевская команда создала в рекордные сроки практически без участия В. Путина новую пропрезидентскую политическую организацию — межрегиональное движение «Единство» («Медведь») во главе с министром по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу. При этом, что весьма характерно, пресса, контролируемая Б. Березовским — например, популярный еженедельный журнал «Огонек», комментируя создание «Медведя», немедленно объявила С. Шойгу наиболее вероятным и реальным претендентом на роль президента-2000. Хотя, по предварительным социологическим оценкам, включение в предвыборную гонку «медведей» вряд ли могло существенно изменить картину электорального процесса.

Не исключено, что он решил, будто кремлевская команда готова отправить его в отставку после того, как российская армия втянется в затяжную сухопутную операцию в Чечне. Однако наблюдатели считали, что и С. Шойгу являлся также «ложной» мишенью и вряд ли он смог бы составить серьезную конкуренцию основным фаворитам президентской кампании. Главными партнерами С. Шойгу стали, прежде всего, те губернаторы, у которых шансов на переизбрание было немного. Влиятельные и недавно избранные губернаторы Э. Россель из Свердловска, Е. Савченко из Белгорода, подписав инициативное заявление, затем поспешили дистанцироваться от нового кремлевского проекта. Сорвался и предполагавшийся альянс «медведей» с НДР.

Причина была вовсе не в глубоких идеологических и политических разногласиях, а в соображениях более практического характера. Так, по различным данным, В. Черномырдин, другие видные деятели НДР, которые уже зарегистрировали свой избирательный список в ЦИКе, в обмен на финансовую помощь спонсоров взяли на себя серьезные обязательства по продвижению по партийным спискам и одномандатным округам ряда кандидатур. В случае если объединение с «медведями» состоялось бы, шансы на активную поддержку у этих людей существенно сокращались.

Политическая ситуация в России в сентябре развивалась под влиянием стремления президентской команды консолидироваться и занять жесткие бескомпромиссные позиции в борьбе как с «внешними врагами» — международными террористами в Чечне, так и с внутренними оппонентами. Доминирующие позиции в Кремле заняли политики, входившие в так называемый «теневой центр власти» и нередко склонные к конфронтационным решениям. Более умеренная часть президентского окружения оказалась оттесненной на периферию и встала перед угрозой утраты не только своих политических, но и экономических бастионов. Несмотря на попытки «умеренных» несколько смягчить уровень противостояния и войны компроматов между президентом и оппонентами Кремля, информационная война между различными политическими силами продолжала обостряться и приобретала характер борьбы на уничтожение. Доминирующая кремлевская группировка пыталась адекватно ответить своим оппонентам, представив их в качестве не менее, а даже более коррумпированной и беспринципной, чем она сама, частью российского истеблишмента. Расчет делался, видимо, на то, чтобы показать Западу, что в России надо иметь дело не с «честными, принципиальными и неподкупными» политиками, поскольку таких в этой стране просто не было, а с теми, кто прочно держал в руках власть и инициативу. Президентская команда пыталась продемонстрировать, что именно она способна «железной рукой» прекратить хаос на Северном Кавказе, а также существенно потеснить на электоральном поле блок Ю. Лужкова и Е. Примакова с помощью

«партии власти», создаваемой С. Шойгу при прямом участии администрации и всей команды Кремля. В то же время не было уверенности, что эти задачи действительно удастся решить. Поэтому Кремль одновременно готовил и «запасные аэродромы» для сохранения власти в своих руках.

Несмотря на ряд серьезных преимуществ, которые принесла Кремлю его инициативная игра весной и летом 1999 года, нетривиальные и неожиданные решения, позволившие президенту спутать карты другим игрокам, поломать их расчеты, кремлевцам к сентябрю так и не удалось решить две взаимосвязанные задачи:

— замять мощный коррупционный скандал вокруг российских верхов, поднятый в западной прессе и угрожавший кризисом власти;

— изменить в собственную пользу расстановку сил на предвыборном партийно-политическом поле, в частности, ослабить «Отечество — Вся Россию» Ю. Лужкова и Е. Примакова и противопоставить их блоку дееспособное пропрезидентское избирательное объединение, на роль которого претендовал блок «Единство», созданный министром по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу.

Президентская команда ощущала потребность в обновлении своей стратегии и тактики, поскольку прежние были явно не способны качественно улучшить позиции Кремля, обеспечить прорыв политической блокады, в которой он находился. Отчетливые сигналы о готовности подвергнуть существенной ревизии свою внутри- и внешнеполитическую стратегию подавались Кремлем все настойчивее и определеннее.

Так, уже сама замена «приятного во всех отношениях» С. Степашина на более жесткого и лояльного президенту В. Путина могла быть при желании расшифрована как готовность Москвы изменить важнейшие координаты своих отношений как с внутренними оппонентами, так и с международным сообществом. Кроме того, Б. Ельцин по мере разрастания коррупционного скандала начал все чаще намекать на свою готовность повернуться спиной к Западу. Это было, в частности, подчеркнуто и августовской встречей «шанхайской пятерки» в Бишкеке, где глава России присоединился к китайскому толкованию прав чело-

века как внутреннему делу государства, и на церемонии вручения президенту верительных грамот от новых послов, состоявшейся в начале сентября, где Б. Ельцин объявил себя приверженцем концепции многополюсного мира.

Из досье «О политике США в отношении России» (сентябрь 1999 г.)

Выступление госсекретаря США М. Олбрайт в Фонде Карнеги в Вашингтоне 16 сентября с. г., интервью помощника президента США по национальной безопасности С. Бергера газете «Ю-Эс-Эй тудей» 17 сентября с.г., ряд недавних высказываний других высокопоставленных представителей администрации Б. Клинтона отражают ряд важных моментов, свидетельствующих об изменении внешнеполитического курса США по отношению к России и ожидаемых еще больших переменах в случае вполне вероятного прихода к власти в Соединенных Штатах республиканцев.

1. В США обостряется начавшаяся в 1998 году, после отставок скомпрометировавших себя «младореформаторов», которых в США без обиняков называли «командой мечты», дискуссия по вопросу о том, «кто и каким образом потерял Россию» с точки зрения интересов национальной безопасности США.

Тональность заявлений М. Олбрайт, С. Бергера и других американских представителей свидетельствует о том, что демократическая партия США, стоящая у власти, вынуждена занимать в этом вопросе явно оборонительную позицию, оправдываться, говорить о некоторых достижениях в трудных условиях, долгосрочных перспективах, подвергаясь со стороны республиканцев все более резким нападкам.

Так, госсекретарь США подчеркивает две главные задачи в отношениях с Россией: во-первых, «повысить уровень безопасности американского народа за счет сокращения арсеналов вооружений, накопленных за годы «холодной войны», прекращения распространения вооружений и создания стабильной и неделимой Европы», во-вторых, «поддержать усилия России на пути преобразования ее политических, экономических и социальных институтов». М. Олбрайт признает, что «ни та ни другая задача не были до конца решены» («курс, ко-

торым пойдет Россия, не ясен»), но утверждает, что «работа на этих направлениях не закончилась провалом».

В оправдание демократической администрацией США приводится множество объективных сложностей и препятствий на этом пути:

— Россия с ее долгой историей высокоцентрализованной и тоталитарной власти находится посередине очень трудного перехода;

— русские плохо подготовлены к капитализму, у людей не было опыта работы в условиях рыночной конъюнктуры;

— в обществе существовали глубокие расхождения;

— на свободу выпущено множество сил, причем многие из них находятся в оппозиции друг к другу;

— потоки свободного предпринимательства пересекаются с потоками коррупции и преступности;

— импульсы в сторону интеграции и открытости соперничают с тенденциями к изоляции и отчуждению;

— русские пока не увидели плоды демократии, но они еще не перестали их ждать;

— многие живут в бедности, люди получают маленькую зарплату, а пенсии часто не выплачиваются вовремя, здравоохранение находится на низком уровне, демократические институты неустойчивы, общество не верит вовсе банковской и правовой системе;

— в последние годы Россия двигалась от одной критической точки к другой: конфронтация с парламентом, война в Чечне, появление крайних националистов, возрождение ортодоксальных коммунистов, финансовый кризис, разногласия вокруг Косово, а теперь и расследования в связи с отмыванием денег и коррупцией;

— Соединенным Штатам «не следует поощрять хорошими деньгами плохую политику, но не следует и поворачиваться спиной к достойным людям, которые делают правильные вещи»;

— в этой связи администрация США не соглашается с предложением конгресса на 25—30% сократить в 2000 году ту сумму, которую президент Б. Клинтон запросил на программы, реализуемые в России.

Разумеется, в Вашингтоне, к более чем настойчивым рекомендациям которого в России все последние годы прислушивались (а точнее, практически полностью выполняли), далеки от мысли признать хотя бы

долю своей ответственности за бедственное положение российского народа, хронический системный кризис.

Администрация Б. Клинтона, кроме общих рассуждений о необходимости «побудить Россию стать на путь полного перехода к политической демократии, здоровой рыночной экономики и правовому государству», ставит себе в заслугу ряд конкретных достижений с точки зрения интересов национальной безопасности США:

— начиная с 1992 года на территории бывшего СССР было разряжено 5000 ядерных боеголовок;

— убрано ядерное оружие с территории трех бывших советских республик;

— приняты меры к усилению охраны ядерных вооружений и материалов, расположенных более чем на 100 объектах;

— у России приобретено свыше 60 тонн высокообогащенного урана, «который мог быть использован террористами или странами-изгоями в создании ядерного оружия»;

— в январе с. г. Б. Клинтон выступил с инициативой, предусматривающей, в частности, создание возможностей для участия 30 тысяч ученых, занимавшихся разработкой вооружений в бывшем Советском Союзе, в мирных исследовательских проектах, в том числе коммерческого характера;

— не преодолены («в каком-то смысле пессимисты были правы»), но смягчены разногласия по поводу Боснии, расширения НАТО и воздушных ударов по Косово (и Югославии);

— в целях «упрочения демократии снизу — там, где будет определяться будущая ориентация России», осуществлен ряд программ и обменов, благодаря которым «35 тысяч завтрашних российских лидеров смогли воочию увидеть, как работает свободная рыночная демократия в США», более 250 тысяч предпринимателей воспользовались учебными программами, консультациями или малыми кредитами, оказано содействие развитию более 300 региональных телекомпаний;

— Агентство международного развития (АМР) США будет продолжать работу с российскими общественными организациями «по созданию инфраструктуры честных и справедливых выборов».

Возможно, республиканцев в США эти «достижения» администрации Б. Клинтона не впечатляют, однако с точки зрения национальных интересов России необходимо признать череду поражений нашей страны, которые выливаются в расширение американского контроля за многими ключевыми сферами жизнедеятельности России: ядерная энергетика, научный потенциал, подготовка кадров, средства массовой информации, выборный процесс и другие вопросы нашей внутренней политики.

Независимо от того, кто будет находиться у власти в США после 2000 года — демократы или республиканцы, — очевидно, что с Россией американцы не будут особенно считаться в международных делах. Причины этого, главным образом, следующие:

— в США после отставок В. Черномырдина и «младореформаторов», формирования правительства Е. Примакова развернулась и не прекращается с назначением главой кабинета министров сначала С. Степашина, а затем и В. Путина острая дискуссия: «Кто потерял Россию?» (с точки зрения американских глобальных интересов). Истинный вопрос для Вашингтона состоит в том, почему Россия позволяет себе время от времени ослушиваться;

— в сценариях развития обстановки в нашей стране прогнозируются диктатура, дезинтеграция или хаос;

— констатируется, что американское влияние на Россию сегодня находится на самом низком уровне со времени распада СССР.

Так, например, на очередной российско-американской встрече Совета по внешней и оборонной политике, проходившей весной 1999 года в Москве, бывший заместитель госсекретаря по вопросам разведки Т. Гати утверждала, что «Россия катится в ад». Бывший офицер разведки по СССР и Восточной Европе, сотрудник корпорации «РЭНД корпорейшн» А. Горелик заявил, что «падение в 1998 году правительства С. Кириенко стало не только большим разочарованием для администрации США, но это рассматривается как свидетельство реального поражения политики США по отношению к России».

По оценкам американских политологов, администрация Б. Клинтона по инерции и безосновательно продолжает придерживаться «оптимистической» линии

в отношении России, «политики стратегического терпения», сопровождаемой предупреждениями Кремлю о том, что в случае непринятия радикальных мер по осуществлению американских рекомендаций ситуация в России может еще более усугубиться. Внутри самой демократической администрации намечается поворот к более пессимистической «линии вовлечения», которая предусматривает длинный список условий, которым должна отвечать Россия, прежде чем США смогут с ней совместно работать.

Третья «школа» характерна для республиканцев, представляемых ныне их кандидатом в президенты Дж. Бушем-младшим, и предусматривает возврат к хорошо известной доктрине «сдерживания». В ней российская внешняя политика рассматривается как противостоящая американским интересам.

Как видно из вышеизложенного, ни один подход, как бы его ни называли, не предусматривает конструктивное сотрудничество США с Россией. В целом в США, независимо от пристрастий политических элит, наблюдается «усталость от России», поскольку в ней происходит огромное количество кризисов.

Следовательно, по логике американцев, ранее преобладавшую идею поддержки либеральных реформ в России и достижения стратегического партнерства как лучшей гарантии безопасности США следует временно отложить. По мнению администрации Б. Клинтона, целесообразно жестче выдвигать перед Россией не только внешнеполитические, но и внутриполитические условия. В противном случае США угрожают проигнорировать Россию в перспективе, поскольку они сейчас имеют слишком большое влияние в мире и способны действовать самостоятельно. Об этом, разумеется не говорят открыто ни М. Олбрайт, ни С. Бергер, однако сигналы, поступающие на этот счет по другим каналам, носят недвусмысленный характер.

2. В условиях острого внутриполитического противостояния с республиканцами администрация Б. Клинтона уже вносит коррективы в свою внешнеполитическую линию по отношению к России в сторону ужесточения подхода к ключевым проблемам.

Среди важнейших элементов этого уточненного курса особо выделяются:

а) все более откровенное проталкивание плана одностороннего отхода США от Договора по противоракетной обороне.

М. Олбрайт в своем выступлении 16 сентября с. г. заявила: «Мы разрабатываем системы обороны против тактических ракет в попытке защитить нашу территорию, наши войска, а также наших друзей и союзников. Кроме того, мы разрабатываем и испытываем национальную систему противоракетной обороны, причем решение о развертывании ограниченного варианта этой системы будет принято уже следующим летом». Более того, «президент уже принял ряд решений, связанных с внесением изменений в Договор о противоракетной обороне, которые будут необходимы». Ссылка на то, что «эти изменения не будут противоречить основополагающим целям Договора», представляется совершенно неубедительной. Речь идет об изощренной формуле торпедирования Договора по ПРО без формального выхода из него в расчете на то, что у России нет возможности принять адекватные меры в военной области, а зависимость от США, напротив, слишком высока, чтобы пойти на политическую конфронтацию.

б) гипертрофированное выделение проблемы тотальной коррупции в России, которая действительно достигла угрожающих масштабов, но используется для развязывания широкомасштабной антироссийской кампании (примерно так же, как в свое время Дж. Картером эксплуатировалась тема «массовых нарушений прав человека в Советском Союзе», а Р. Рейганом на нашу страну было навешено клеймо «империи зла»).

М. Олбрайт считает, что «груз коррупции сдерживает дальнейшее движение России» и «правительству президента Б. Ельцина необходимо наконец поставить задачу борьбы с коррупцией в разряд приоритетов». Помощник президента по национальной безопасности С. Бергер подчеркивает, что «очень небольшое число российских бизнесменов благодаря сочетанию таких факторов, как политические связи, предприимчивость и использование системы, получили доступ к колоссальным суммам и колоссальному капиталу».

Госсекретарь отмечает: «Москва может сказать, что мы слишком много хотим, а некоторые из наших домашних критиков могут сказать, что мы требуем слишком мало».

Американцы действительно предупреждали в разное время, что «успешная борьба с коррупцией в России должна начинаться с самого верха» (например, заместитель министра финансов Л. Саммерс в 1997 году). Сейчас М. Олбрайт вновь указывает, что «проблема эта носит реальный характер», а С. Бергер говорит о том, что «мы не хотим видеть такую Россию, где экономические условия станут настолько тяжелыми, что россияне обратятся к националистическому лидеру того или иного толка». В то же время есть основания констатировать, что администрация Б. Клинтона долгое время смотрела на становившиеся известными ей факты коррупции в России сквозь пальцы по одной простой причине, что в ней были замешаны политические фигуры, на которые в США делали ставку. Лишь редкие утечки информации, осуществлявшиеся не без помощи республиканцев и «ястребов» среди демократов, компрометировали тех, кто находился у власти в России.

Так, в США широко распространено мнение о том, что вице-президент А. Гор лично давал указание ФБР и ЦРУ прекратить расследование о возможной причастности к коррупции премьер-министра В. Черномырдина.

В то же время еще в августе 1997 комментарии в наиболее влиятельных американских газетах «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс», английской «Файнэншл таймс» и других изданиях по поводу скандальных событий в России, связанных с именем А. Чубайса, однозначно свидетельствовали об изменении отношения западного истеблишмента к находившемуся на взлете первому вице-премьеру. Возобладало мнение о его политической бесперспективности.

Тональность перемен от безудержного восхваления «главного приватизатора, символа реформ, проводника идей строительства капитализма в России» к резкой, подчас уничижительной критике А. Чубайса задал известный советолог Питер Реддвей на страницах «Вашингтон пост». Он охарактеризовал А. Чубайса как «авторитарного и нечистоплотного политика, глубоко ненавистного для большинства своих сограждан». Дело в том, что получение вместе с ведущими членами своей «команды» крупного гонорара за ненаписанную книгу об истории российской приватизации, вызвавшее полити-

ческую бурю в России, являлось далеко не первым примером «грязной игры» А. Чубайса, стремления к личному обогащению, протекционизма в пользу узкого круга приближенных лиц в бизнесе.

По оценкам ряда экспертов, американцы пришли к выводу о том, что при всей заманчивости иметь влиятельного и послушного проводника своих идей в высших эшелонах российской власти они в долгосрочной перспективе больше теряют, чем выигрывают. В обществе растут антиамериканские настроения. А. Чубайс не выполнил своей главной задачи: сплотить крупный российский бизнес на общей платформе, обеспечить мощную поддержку действиям президента и правительства. Исходя из личных корыстных соображений, он прямо содействовал нарушению «давосских договоренностей» между ведущими банкирами России и развязыванию острой «информационной войны» в стране, которая дала козыри оппозиции и подрывала престиж нынешней власти, как таковой.

Заслуживает внимания то, что нынешняя кампания в отношении коррумпированности в России была подготовлена задолго до развернувшегося с августа с. г. скандала с отмыванием незаконно нажитых капиталов через «Бэнк оф Нью-Йорк». Генератором этой идеи в 1997 году выступил влиятельный Центр по стратегическим и международным исследованиям, созданный в 1962 году и расположенный в Вашингтоне, который подготовил доклад о «российской организованной преступности» из серии аналитических документов, которые призваны помогать «принимать правильные решения правительствам государств, а частному сектору учитывать все возможные в будущем столетии изменения международной обстановки».

В подготовке документа принимали, в частности, участие американский сенат, министерства обороны, энергетики, юстиции, госдепартамент, ФБР, ЦРУ и другие участники «разведывательного сообщества» США, таможенная служба.

Непосредственными авторами доклада являются бывший директор ЦРУ и ФБР У. Уэбстер (председатель специального комитета), старший советник вышеупомянутого центра А. Борчгрейв (директор проекта), сенаторы У. Коэн и У. Рот, бывшие директора ЦРУ Р. Гейтс и Дж. Вулси, бывший сенатор С. Нанн,

бывший директор ФБР У. Сейшонс, бывший директор секретной (охранной) службы США С. Найт, ряд генералов и адмиралов в отставке.

Реальность фактов широкой коррупции в России не вызывает сомнений. Вместе с тем анализ основных направлений документа показывает, что начатая тогда и раздуваемая теперь Соединенными Штатами очередная крупная кампания преследует следующие цели:

— Ввести в политический обиход термин о сращивании преступности с властями, зарождении в России «преступно-синдикалистского государства», что «ускорит развитие нестабильности в крупной ядерной державе, обусловив угрозу для остального мира».

— Подвести общественное мнение на Западе к выводу о том, что, наряду с обнищанием России и невыплатой налогов, отчаянием населения, предпосылками к социальному взрыву, вызов мафии российскому государству опасен и для США в двух аспектах. С точки зрения правоохранительных органов угрозу для Америки представляло растущее транснациональное влияние российской организованной преступности. Для интересов национальной безопасности США еще опаснее «эрозия российской демократии и незаконное приобретение ядерных материалов».

— Показать неэффективность усилий российских властей самостоятельно решать проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Отчетливо прослеживалось стремление США еще активнее вмешиваться через «взаимодействие» по данным вопросам во внутренние российские дела, влиять на происходящие в нашей стране экономические и политические процессы. Более того, открыто заявлялось, что «если перестать осуществлять контроль за Россией, то есть опасность превращения ее в «преступно-синдикалистское государство», с которым нормальные отношения будут невозможны».

— Дискредитировать российские спецслужбы и участие отставных сотрудников КГБ и МВД в решении вопросов экономической безопасности частного предпринимательства в стране. В докладе заявлялось, например, что «опыт, контакты и способности, связанные с разведдеятельностью, были в большом дефиците у преступных синдикатов, что обеспечило работой бывших сотрудников КГБ всех рангов и специализаций».

«Реальная власть находится в руках российских крестных отцов и их союзников — бывших сотрудников КГБ».

Западные разведслужбы, как говорилось в документе «Российская организованная преступность», сейчас имеют неоспоримые доказательства того, что синдикаты организованной преступности в России находятся под защитой правящей олигархии, появившейся в ранний постсоветский период.

Как представляется, вовлечение администрации Б. Клинтона в «антикоррупционную борьбу» с Россией, где тон задают республиканцы, свидетельствует о том, что на вооружение взята рекомендация вышеупомянутого Центра по стратегическим и международным исследованиям о том, что «США должны сместить акцент с поддержки тех или иных политических деятелей на поддержку тех сегментов в российском правительстве, которые работают, призывая соблюдать букву закона».

Новым моментом является то, что администрация США и американские спецслужбы не препятствуют опубликованию в респектабельных СМИ данных о причастности к фактам отмывания капиталов за рубежом членов семьи президента Б. Ельцина и его близкого окружения.

В высказываниях официальных американских представителей исчезли моменты личной поддержки Б. Ельцина. В США готовятся к «постельцинскому периоду». М. Олбрайт заявила 16 сентября с. г.: «И ничто так не укрепит позицию России в ряду других демократий мира, как успешное проведение предусмотренных Конституцией выборов и инаугурация преемника Бориса Ельцина».

В то же время по мере развертывания коррупционного скандала начала вырисовываться и еще одна грань стратегии Кремля, связанная с его попытками разыграть в интересах стабилизации своих внутриполитических позиций нестабильную ситуацию на Северном Кавказе. Демонстрация Б. Ельциным готовности повернуться к Западу спиной в ответ на усиление критики кремлевской коррупции в западных СМИ приобрела дополнительный смысл на фоне эскалации конфликта на Северном Кавказе. Обращало на себя вни-

мание то обстоятельство, что Москва сыграла активную, а не пассивную роль в эскалации этого конфликта: после того как в результате почти месячных боев с отрядами Хаттаба и Ш. Басаева, вторгшимися 2 августа в Цумадинский и Ботлихский районы Дагестана, боевиков удалось вытеснить в Чечню, армия неожиданно приступила к операции по изъятию оружия у ваххабитов — жителей сел Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района Дагестана.

Этот «автономный анклав» в Буйнакском районе существовал уже три года, и до тех пор, пока не было необходимости играть на нагнетании напряженности в стране, существование ваххабистского «гнезда» никого не волновало. В свою очередь, операция в Карамахи и Чабанмахи вновь активизировала чеченский фактор обострения обстановки. Из Чечни в Новолакский и ряд других районов Дагестана начали новое вторжение отряды исламских боевиков, которые захватили несколько сел, в том числе районный центр Новолакск. За успешным завершением новой операции и вытеснением боевиков на территорию Чечни последовала новая фаза конфликта, окончательно развязавшая Москве руки для начала новой чеченской кампании, — серия террористических актов в Москве и Волгодонске, приведших к взрывам трех жилых домов и жертвам, исчисляемым сотнями убитых и искалеченных.

Смена стратегий проглядывала в нескольких тенденциях, характеризовавших политическое поведение президентской команды.

Прежде всего, наблюдалось явное стремление Кремля внешне дистанцироваться от потерпевших поражение и утративших свое влияние на общество праволиберальных идеологов и их носителей.

Упорство, с которым президент стремился сформировать именно правоцентристскую коалицию в противовес блоку Ю. Лужкова — Е. Примакова, во многом было связано, скорее всего, с верой Б. Ельцина в то, что Запад по-прежнему является надежным партнером для российского президента, а А. Чубайс сохраняет в глазах Запада свою знаковость в качестве символа российских реформ и приверженности режима западным ценностям. Однако безуспешные попытки А. Чубайса приостановить грандиозный скандал вокруг кор-

рупции в высших эшелонах российской власти или хотя бы ослабить его негативное влияние на готовность Запада и далее оказывать финансовую помощь режиму Б. Ельцина, наглядно продемонстрировали Кремлю, что «молодой реформатор» утратил свой фавор у Запада и стал в глазах последнего таким же банальным «клептократом», как и все другие российские лидеры. Так или иначе, но в конечном счете президентская администрация, пытавшаяся играть на правом поле против преобладавших общественных настроений, осталась фактически вне игры, что стало особенно заметно к началу сентября, на старте электорального марафона, когда выяснилось, что Кремль оказался в изоляции. Лояльность ему сохранила лишь ЛДПР, а все остальные политические образования перешли в оппозицию к кремлевской команде.

Дистанцирование Кремля от носителей либерального проекта нашло выражение в судьбе такой естественной монополии, как «Транснефть».

После того как Минтопэнерго и ФСНП публично заявили о том, что «Транснефть» использовала свои доходы для финансирования «Союза правых сил» (СПС), созданного такими видными представителями праволиберального истеблишмента, как А. Чубайс, Е. Гайдар, С. Кириенко и иже с ними, стало ясно, что соперничавшая с А. Чубайсом пропрезидентская группировка Б. Березовского — Р. Абрамовича требовала фактически полной приостановки политических проектов А. Чубайса.

В то же время было ясно, что Кремль, отказываясь от праволиберального проекта, не был готов резко изменить идеологическую парадигму, приняв широко распространенные в обществе левоцентристские идеи. Поэтому новые идеологически на первый взгляд нейтральные политические проекты Кремля серьезно страдали скучным и бескрылым прагматизмом. Так, сформировавшееся «Единство» («Медведь») объявило себя принципиально неидеологическим объединением, которое намерено провести в Думу лишь лоббистов региональных интересов. Следуя той же тенденции, правительство сверстало и бюджет, отвергнутый Думой именно за полную бесперспективность заложенной в него «прагматической» стратегии выживания,

исключительную ориентацию на обслуживание внешнего долга. Эта особенность новой кремлевской стратегии прагматизма существенно ограничивала электоральную притягательность политических структур, создаваемых Кремлем.

Дистанцирование Кремля от А. Чубайса означало явный пересмотр тактики «сдержек и противовесов», в системе которых носители четко выраженных праволиберальных ориентиров (А. Чубайс и его группировка) уравновешивали менее идеологически ангажированную группу Б. Березовского, второго кремлевского «серого кардинала».

Характерно, что интриги с «Транснефтью» привели и к отказу Кремля от планов привлечь А. Чубайса на должность руководителя президентской администрации, в чем были заинтересованы известные силы, связывавшие с ним виды на свое политическое выживание. Таким образом, в Кремле возникла качественно новая ситуация: верх вновь взяла группа, включавшая в себя Т. Дьяченко, Р. Абрамовича, В. Юмашева и А. Мамута. По разной информации, именно эта группировка составляла так называемый «теневой центр власти», отвергший назначение А. Чубайса главой администрации, опасаясь, что это будет означать если не полную ликвидацию этого центра, то, во всяком случае, существенное ограничение сферы его влияния.

Ближайшие тактические цели этой группировки были связаны с ослаблением и маргинализацией А. Чубайса и его клана, укреплением позиций нефтяного лобби в президентской команде, осуществлением радикального передела собственности в нефтяной отрасли, который также направлен против интересов чубайсовского «питерского клана», а также с укреплением позиций Н. Аксененко в правительстве. Это направление экспансии «теневого центра власти» связано со стремлением создать определенный противовес в правительстве усиливавшемуся влиянию В. Путина, лишить последнего выходов на контроль над ключевыми финансовыми ресурсами, оставив их исключительной прерогативой «семьи» и особо преданных ей лиц.

В результате перехода «Транснефти» под контроль «ЛУКойла» В. Алекперов становился одним из нефтя-

ных монополистов на европейском Севере России, что без особого энтузиазма было воспринято питерскими финансово-промышленными группами, лоббированием интересов которых занималась чубайсовская команда. Но что еще важнее, «ЛУКойл», приобретя «КомиТЭК», получил блестящие возможности для подрыва «изнутри» проекта «Балтийской трубопроводной системы», создаваемой для экспорта российской нефти через порты Финского залива. Этот проект имел колоссальное значение для финансовых и политических планов чубайсовской группы.

Теперь, однако, после того как два важнейших российских участника консорциума по строительству БТС — «Транснефть» и «КомиТЭК» — оказались под контролем «ЛУКойла», являвшегося ярым противником этого проекта, судьба БТС повисла в воздухе. «ЛУКойл» сразу же начал хлопотать о ликвидации соответствующего консорциума. Одновременно и по болезненному вопросу о вывозных пошлинах на нефть премьер не смог добиться такого решения, которое заставило бы переориентировать нефтяные потоки с внешних рынков на внутренние, чего требовал А. Чубайс как ведущая фигура в сфере российского электроэнергетического бизнеса, обеспокоенного нехваткой мазута на электростанциях.

Некоторые аналитики указывали на заинтересованность возобладавшего в Кремле нефтяного лобби в эскалации военных действий в Чечне. Эта заинтересованность связывалась с двумя аспектами коммерческой деятельности российских нефтяных корпораций — внешним и внутренним.

С одной стороны, обострение ситуации на Кавказе являлось фактором роста цен на нефть и нефтепродукты на мировом рынке, что объясняло откровенно благожелательную реакцию многих стран, входящих в ОПЕК, на действия российских войск в Чечне. Например, по некоторым сведениям, ОАЭ обратились к В. Путину с предложением принять участие в финансировании его программы оживления российского ВПК, изложенной во время визита в Архангельск и Северодвинск, что аналитики истолковали как поощрительный жест в отношении действий правительства в Чечне. Однако в поддержании сложившихся тенденций на мировом рынке энергоносителей были заин-

тересованы и российские нефтяные компании, экспортирующие нефть и нефтепродукты, получая при этом дополнительные доходы, сверхприбыли за счет роста цен.

С другой стороны, существование Чечни в качестве анклава с неопределенным статусом позволяло ей получать серьезные преимущества на российском рынке нефтепродуктов. Это во многом сбивало игру отечественным нефтебаронам, особенно на Северном Кавказе и в Черноземье, где весной и летом 1999 года они предприняли попытку передела рынка и установления на нем монопольно высоких цен, вызвавшую так называемый бензиновый кризис в Воронежской, Ростовской и ряде других хлебопроизводящих областей, а также в Ставропольском и Краснодарском краях. Однако этой ситуацией воспользовались чеченские производители горюче-смазочных материалов, во многом сгладившие остроту ситуации и поломавшие планы нефтяных корпораций подчинить российскую житницу своему полному контролю. Не случайно одной из основных целей бомбардировок, которым российская авиация подвергала территорию Чечни, являлись доморощенные нефтеперерабатывающие заводы, склады ГСМ и нефтехранилища.

Наконец, принципиально важным моментом новой стратегии являлся переход от пассивного следования за ходом событий к активной линии на их опережение, к инициативной политике, формирующей структуру политического процесса и электорального поля.

Удобным инструментом для реализации такой линии явилась и продолжала оставаться эскалация конфликтов на Северном Кавказе, благодаря которой — особенно после терактов в Москве 9 и 13 сентября — внутриполитическая ситуация в корне изменилась, поскольку в массовом сознании сформировалась выгодная для Кремля установка на войну, утвердилась мысль, что никакими компромиссами и уступками чеченский терроризм не остановить. Эта установка позволила Кремлю использовать для решения своих стратегических целей открытость чеченской проблемы, оставленную хасавюртовскими соглашениями.

Фактически денонсировав их под весьма удобным предлогом, Кремль получил ряд важных преимуществ. Прежде всего, как говорилось в предыдущей главе, он

сохранил возможность отвлекать внимание российских СМИ от громкого коррупционного скандала, в котором запутались российские верхи. Создавалась удобная обстановка для активной контрпропаганды, рассчитанной на невнимательное и некритическое восприятие «вбросов» массовым сознанием, захваченным впечатлениями от военно-террористической драматургии. Кремль предпринял отмеченную многими наблюдателями спецоперацию, попытавшись разместить в популярных российских СМИ под видом компромата «обеляющую» информацию по так называемому делу о кредитных карточках семьи президента.

Кроме того, реализация линии на эскалацию конфликта в Чечне позволяла президентской команде прочно захватить инициативу в свои руки, сыграть на опережение. Так, в новых условиях, когда хрупкая стабильность, ставшая питательной средой для нарастания популярности Е. Примакова, оказалась взорвана, социологические опросы показывали некоторое снижение его рейтингов на фоне роста популярности премьера В Путина.

Более того, начало нового военного противостояния между Россией и Чечней поставило в сложное положение московское правительство и мэра Ю. Лужкова. Пользуясь преимуществами своей позиции в системе отечественных властных отношений, которая позволяла Кремлю фактически все контролировать, но ни за что не отвечать, президент Б. Ельцин еще 9 сентября — после теракта в Печатниках — поставил Ю. Лужкова в весьма сложную ситуацию, дав сутки на проведение конкретного поручения. В то же время городская администрация, не имевшая в своем распоряжении никаких иных средств для наведения порядка, кроме полицейско-административных, стала подвергаться в прокремлевских СМИ самой жесткой критике за принимаемые ею действия — в частности, за массовые проверки документов, перерегистрацию, обыски в местах проживания и другие вынужденные меры, действительно нарушавшие гражданские права и означавшие сегрегацию по национальному признаку

Ю. Лужков оказался между Сциллой и Харибдой: если бы он ослабил административный контроль, то был бы обвинен в халатности, что, кстати, и было сделано после взрыва на Каширском шоссе, а продол-

жая его, он превратился в удобную мишень для прессы, подвергавшей его различным малообоснованным на данный момент, но внешне правдоподобным обвинениям. По мере того как президентская сторона продолжала эскалацию конфликта с Чечней и превращала его в относительно устойчивый фактор текущей политической ситуации, обвинения в полицейском произволе, в нарушении прав и свобод, выдвигаемые против столичного мэра в СМИ и, прежде всего, в той их части, которая контролировалась группой Б. Березовского, например, в программе ОРТ «Время», где небезызвестный тележурналист А. Невзоров открыто обвинил Ю. Лужкова в «нацизме», также превращались в один из фронтов, открытых Кремлем против лидера ОВР. Наблюдатели не исключали, что дальнейшее затягивание военных действий в Чечне приведет к ухудшению и социально-экономической ситуации в столице, массового выезда из города выходцев с Кавказа, роста цен на продовольственных рынках города, вспышек недовольства населения. Сделав мэра Москвы громоотводом и возлагая на него ответственность за все промахи национальной и региональной политики на протяжении последнего десятилетия, Кремль пытался добиться заметного снижения рейтинговых показателей мэра.

Еще одно преимущество, которое получил Кремль в результате катаклизмов сентября и начала проведения наступательной линии на Кавказе, состояло в том, что у президентской команды появлялся шанс выйти из внутриполитической изоляции или, по крайней мере, существенно ослабить ее. Возникновение и последующая эскалация конфликта в Чечне, формирование образов «внешнего врага», персонифицированного в лице «чеченских террористов», и «власти-защитницы», которая полна решимости «раздавить гадину», позволило премьеру В. Путину объявить о необходимости консолидации политической элиты вокруг Кремля. Даже традиционные выступления оппозиции в связи с событиями 3—4 октября 1993 года прошли на этот раз без видимого подъема, хотя в условиях нараставшего летом кризиса власти ввиду масштабного коррупционного скандала многие аналитики предсказывали, что эти выступления дадут мощный толчок «осеннему политическому кризису». На деле же митин-

ги и демонстрации, прошедшие в столице 3 октября, были еще малочисленнее, чем в прошлые годы.

И главное, Кремль обретал необходимый предлог для глубокого переформатирования основ политической жизни страны на период предстоящих Б. Ельцину и его окружению испытаний в 1999—2000 годах. Во всяком случае, было очевидно, что важнейшие российские политические события, связанные с судьбой правящей группировки, с парламентскими и президентскими выборами, будут проходить под аккомпанемент очередной кавказской кампании, что, бесспорно, значительно расширяло Кремлю пространство для маневрирования.

Таким образом, кремлевская команда получала возможность вести свою собственную игру, условия которой она определяла независимо от воли и желания других субъектов отечественной политики и которая к тому же затрагивала наиболее фундаментальные стороны всего российского политического процесса, являющиеся первичными по отношению к любым событиям на электоральном поле и к самому этому полю. Ведь возможность выборов теперь находилась в зависимости от того, как идут дела у главнокомандующего и его армии, какие территории охвачены конфликтом, где проходит линия фронта и как действует противник. При этом следует отметить, что зона дестабилизации на Кавказе не ограничивалась Чечней и Дагестаном. Опасные тенденции сохраняли и процессы в Карачаево-Черкесии, где имелись все предпосылки для резкого обострения ситуации.

Указанные причины объясняли заинтересованность, проявляемую Кремлем, не в нормализации, а в обострении ситуации на Северном Кавказе. Эта заинтересованность отчетливо выразилась в отказе Москвы от каких бы то ни было переговоров с президентом Чечни А. Масхадовым, которых сразу после начала бомбардировок стал добиваться официальный глава Ичкерии. Кремль, видимо, вполне сознательно перешел на великодержавную риторику в обращении к Грозному: по словам В. Путина, Б. Ельцин встретится с А. Масхадовым тогда, когда это будет нужно российскому президенту. Были проигнорированы и попытки посредничества между Кремлем и Грозным, предпринятые другими кавказскими лидерами, в том

числе съездом народов Кавказа, прошедшим под эгидой правительства Кабардино-Балкарии, президентами Ингушетии и Северной Осетии.

При довольно загадочных обстоятельствах «разгневанным народом Дагестана» была сорвана встреча между А. Масхадовым и главой госсовета Дагестана М. Магомедовым. «Спонтанное» выступление жителей Хасавюрта сразу же стало частью пропагандистского арсенала Кремля и подкрепило «народным мандатом» установку на бескомпромиссность в отношении Грозного. По мнению некоторых аналитиков, премьер В. Путин, являвшийся инициатором несостоявшейся встречи, получил от президентской команды намек, что его попытки активизировать диалог с Грозным неуместны: уже на следующий день пресс-секретарь Б. Ельцина косвенно дал основания думать, что Кремль был заинтересован в срыве встречи. Д. Якушкин, в частности, отметил, что президент доволен решительностью В. Путина, но считает при этом, что переговоры с Грозным пока не нужны, так как они дают бандитам временную передышку, необходимую им для зализывания ран и добывания новой финансовой помощи.

Москва явно решила добиваться превращения конфликта в Чечне в настоящую затяжную войну, однако при этом возникали большие сомнения в том, что она действительно полна решимости довести грядущую войну «до победного конца». Прежде всего, в этой связи обращал на себя внимание тот факт, что президент Б. Ельцин, как это уже не раз бывало в аналогичных ситуациях в прошлом, когда надо было принимать на себя ответственность, заметно снизил свое присутствие в публичном информационном пространстве. Вновь заработала машина противоречивых «кремлевских слухов» о якобы резком ухудшении здоровья и физического состояния президента, о предстоящей ему новой операции на сердце или о необходимости отдыха и интенсивной терапии.

Симптомы «царской болезни», скорее всего, являлись не раз опробованным и прежде приемом, с помощью которого президент обычно перекладывал груз ответственности за принимаемые решения на чужие плечи, если не уверен в быстром и позитивном исходе дела. Обращал на себя внимание аналитиков и ряд

иных «подозрительных» обстоятельств. Так, уходя от переговоров, Москва одновременно делала все возможное, чтобы унизить и обозлить противника. Премьер объявил Чечню неотъемлемой частью РФ, где армия может дислоцироваться там, где это наиболее целесообразно, а парламент, избранный в 1996 году в условиях крайне низкой легитимности (в выборах завгаевского парламента в 1996 году участвовали около 10 процентов населения, а из 360 избирательных участков работало лишь 70), был провозглашен В. Путиным единственным законным органом власти в Чечне. Одновременно, по слухам, было якобы одобрено решение о физической ликвидации главарей чеченских бандформирований — Ш. Басаева и Хаттаба.

Вместе с тем, как ни странно, российское руководство смотрело фактически сквозь пальцы на то, что боевики продолжали вооружаться, а также продолжали действовать различные коридоры, открытые для поставок оружия и всего необходимого в Чечню.

Анализируя последствия курса, проводимого Кремлем, и те изменения, которые наблюдались в стратегии президентской команды, исследователи обращали внимание не только на преимущества, которые получили в свое распоряжение Б. Ельцин и его окружение, но и опасности, которые она несла для своих инициаторов.

В первую очередь наблюдатели указывали на то, что агрессивный «модус», наметившийся в поведении России в отношении Чечни и дававший о себе знать во всех остальных областях политики страны, все больше и больше раздражал Запад. Российские чиновники и журналисты, озвучивавшие настроения, господствовавшие в верхах, все чаще со сталью в голосе говорили о том, что если Запад будет упорствовать, то страна откажется платить по своим долгам и пусть Запад пеняет на себя.

Запад заметил этот поворот и немедленно отреагировал. Страны «большой семерки» заставили МВФ отложить на неопределенный срок — в связи с так называемым коррупционным скандалом — выделение очередного транша кредита и сформулировали перед Россией ряд достаточно жестких требований, без выполнения которых страна не будет получать кредиты МВФ даже на рефинансирование текущих долгов перед

фондом. К этим препятствиям добавилась и позиция Запада в отношении действий России на Северном Кавказе. Пять членов «большой семерки» — США, Великобритания, Германия, Франция и Италия — выступили с заявлениями о недопустимости военного решения чеченского вопроса. Имелись основания думать, что эти заявления не следовало толковать как просто дань дипломатическому этикету, поскольку в отличие от стран ОПЕК эти государства заинтересованы в снижении цен на сырье, а кроме того, абсолютно не имеют причин заботиться об укреплении позиций России на Кавказе. В случае если события в России начали бы выходить из-под контроля «большой семерки», в руках этих держав имелось немало рычагов для восстановления статус-кво и подавления любого «бунта на коленях». В качестве одного из наиболее вероятных рычагов воздействия на глобальную ситуацию называли провоцирование очередного витка мирового финансового кризиса, который больно ударил бы по всем экспортерам сырья и энергоносителей.

Говоря о внутриполитических ограничителях избранной Кремлем стратегии, политологи отмечали, что анализа заслуживало прежде всего явное ужесточение тона оппонентов Кремля — например, Ю. Лужкова, которым приходилось реально решать проблемы, случайно или злонамеренно обрушиваемые на них президентом и его окружением. К тому же новая стратегическая линия ельцинской команды вела к неприятному для нее итогу.

Наряду с временно действовавшей тенденцией к некоторой консолидации элиты вокруг президента и правительства давало знать о себе и прямо противоположное направление развития ситуации — увеличивалось число жестких оппонентов режима. А это означало, что процесс утраты им своей легитимности продолжался. Были преданы огласке факты, свидетельствовавшие об активизации маневрирования, наблюдавшегося на поле взаимоотношений между командами А. Чубайса и Ю. Лужкова. Особую роль в этих маневрах играла столичная медиа-империя В. Гусинского, находившаяся в дружественных отношениях с Ю. Лужковым, но пытавшаяся стать центром притяжения и для других антикремлевски настроенных

политических групп, и особенно для праволиберальных лидеров, отодвинутых от принятия важнейших общегосударственных решений. Так, в популярной программе НТВ «Итоги» от 3 октября определенные реверансы были сделаны в отношении «Союза правых сил». Этот акцент, видимо, объяснялся стремлением руководства НТВ усилить позиции сил и блоков, способных активно противостоять создаваемому Кремлем новому избирательному объединению «Единство».

НТВ активно вело и кампанию против толлинга в алюминиевой промышленности, направленную на подрыв позиций финансово-промышленной группы Л. Черного, с которой поддерживал отношения Б. Березовский. Эта кампания, заказанная, судя по экспертным оценкам, в интересах алюминиевого магната О. Дерипаски, союзника правых, имела явный политический подтекст. О некотором сближении между ОВР и правыми, по мнению ряда экспертов, свидетельствовал и сформированный 29 сентября Национальный антикоррупционный комитет (НАК), который, судя по составу членов, также явился одним из результатов сложных совместных движений «питерской» и «московской» команд, представители которых составили ядро этой общественной организации.

В известной мере как проявление определенной закономерности сплочения антикремлевских сил можно было рассматривать и резкую атаку на Кремль со стороны губернатора Красноярского края А. Лебедя. Он подхватил выдвинутый некоторыми столичными СМИ тезис о виновности Кремля в организации взрывов жилых домов в Москве и Волгодонске, сообщив о своих догадках в интервью французской газете «Фигаро».

Многие комментаторы склонны были объяснять это заявление тем, что у А. Лебедя начали сдавать нервы после целого ряда неудач и нападок, обрушившихся на генерала в последнее время. В частности, неожиданно для себя после начала обострения конфликта вокруг Чечни А. Лебедь оказался в фокусе мощной общественной критики за действия трехгодичной давности, приведшие к подписанию хасавюртовского соглашения. Кроме того, он не сумел сохранить в госсобственности Красноярскую угольную компанию, являющуюся ключевой для контроля над ресур-

сами края и для аккумуляции финансовых средств для борьбы за президентское кресло.

В связи с отсутствием средств в середине сентября А. Лебедь заявил о неучастии его Народно-республиканской партии в парламентских выборах. Всерьез повредила имиджу генерала и его попытка вместе с финансовой группой «Альфа» подчинить себе экономические ресурсы Ачинского глиноземного завода.

Таким образом, к обвинению окружения Б. Ельцина в наличии незаконных счетов в зарубежных банках, в других признаках коррупции добавлялись новые, еще более серьезные обвинения, за которыми стояла вполне реальная угроза при определенных обстоятельствах превратиться в повод для политического преследования Б. Ельцина и его клана «без срока давности». Хотя, видимо, правы те эксперты, которые считали, что критика А. Лебедем президентской команды не смогла сколько-нибудь существенно повлиять на общественное мнение, а только знаменовала разрыв между красноярским губернатором и президентской командой. Впрочем, для Кремля это было весьма слабое утешение.

Даже если эти высказывания А. Лебедя были лишь символическим жестом для обозначения окончательного «развода» между Красноярском и Кремлем, то и они показывали, как низко упал авторитет власти, если ее могли так поносить представители политической элиты. Не меняла сути дела и версия о том, что те, кто вложил в уста генерала «непозволительные» подозрения, рассчитывали, прежде всего, запугать самого Б. Ельцина и его команду.

Аналитики, придерживавшиеся этой точки зрения, были склонны видеть в заявлениях А. Лебедя отражение общей тенденции, характерной для кругов, близких к Б. Березовскому, к которым, несомненно, относился и А. Лебедь, а также для ряда СМИ, контролируемых этим медиа-магнатом. Речь шла о четкой линии на нагнетание алармистских настроений в связи с возможным будущим, ожидавшим президента и его семью в том случае, если они смирятся с неизбежностью потери власти после президентских выборов 2000 года.

Например, «Независимая газета» обстоятельно изложила версию журналистов «Московского комсомольца» о возможном участии Кремля в организации терактов. Показательно и то, что эти журналисты

в своей публикации сослались на некие источники в МВД, руководимом, как известно, людьми, близкими к Б. Березовскому. Та же «Независимая газета» опубликовала обширную статью, в которой развивалась тема ненависти, окружавшей Кремль, и неизбежной печальной судьбы его обитателей после окончания президентского срока Б. Ельцина, кто бы ни пришел ему на смену. Эти информационные выплески явно были рассчитаны на то, чтобы подтолкнуть правящую группировку еще крепче ухватиться за штурвал и стоять на капитанском мостике до конца. Они отражали, прежде всего, точку зрения кремлевского «теневого центра власти» и были связаны с его нежеланием расставаться с насиженными местами, с ролью, которую этот центр занимал де-факто в процессе принятия важнейших решений, а их непосредственным адресатом служила не столько широкая публика, сколько «капитулянтски» настроенная часть окружения Б. Ельцина, которая склонялась к мысли о необходимости уйти из власти в выгодной сложившейся ситуации или в конституционные сроки. Во всяком случае, были основания предполагать, что адресат внимательно прислушивался к этим суждениям, о чем можно было судить по дайджесту прессы «Мир за неделю», издаваемому, по некоторым оценкам, представителями, имеющими отношение к ельцинскому окружению. В одном из номеров этого издания без комментариев был опубликован перевод интервью А. Лебедя «Фигаро». Эту публикацию можно было расценить как иносказательное разъяснение перед публикой мотивов, которые вынуждали президента и его команду искать способы остаться у власти.

По мнению аналитиков, разделявших эту точку зрения, тот факт, что параллельно с вышеупомянутыми публикациями в политизированных кругах столицы распространялись слухи, будто группировка Б. Березовского — Р. Абрамовича — Т. Дьяченко пришла к убеждению, что «власть нельзя сдавать никому и ни при каких обстоятельствах». Это могло означать лишь одно: было выгодно показать, что в окружении Б. Ельцина развернулась острейшая борьба вокруг наиболее важных проблем, имевших стратегическое значение, в частности, вокруг судьбы премьера В. Путина и его роли в кремлевской политике.

Первое сообщение о раскрытии крупнейшей сети по отмыванию денег российскими криминальными структурами касалось «Бэнк оф Нью-Йорк». Пропрезидентская пресса упомянула об этом важнейшем событии буквально между строк, хотя оно вполне заслуживало сенсационного сообщения на первой полосе, так как приоткрывало завесу над тем, почему и как одна из богатейших стран мира — Россия все более погружалась в глубочайший экономический кризис, имела бюджет, сравнимый с бюджетом заурядного штата США, и за последние годы заслужила устойчивую репутацию международной «попрошайки», предельно коррумпированной страны.

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс», через этот банк менее чем за полгода (с октября 1998 по март 1999 г.) «отмыто» около 4,2 млрд. долларов, а практически — около 10 млрд. долларов. В связи с этим делом упоминались фамилии некоторых российских олигархов.

Второе сообщение было о блокировании ряда счетов на общую сумму около 70 млн. долларов в швейцарских банках по распоряжению прокуратуры Швейцарии. Эти деньги связывались, в частности, с именем Б. Березовского, который, правда, срочно заявил, что никаких счетов в швейцарских банках не имеет и попытался обвинить группу «Мост» в инициировании этого дела.

Не исключено, что оба дела связаны между собой, по крайней мере, участием в них некоторых фигурантов. Были основания полагать, что деньги на блокированные швейцарские счета поступали в том числе и через «Бэнк оф Нью-Йорк».

По мнению аналитиков, невозможно представить, что подобная крупномасштабная финансовая афера, пожалуй, не имеющая аналогов в истории мировых финансовых преступлений, могла быть осуществлена в обход правительственных структур России, без участия в ней некоторых высокопоставленных личностей в правительстве, администрации. Об этом косвенно свидетельствовала и безрезультативность так называемой «борьбы с коррупцией», которая все эти годы выдвигалась как одна из главных задач президента и правительства и о которой в последнее время, после того как открылось, что к разворовыванию государст-

венных средств причастны многие лица из ближайшего окружения президента, стали забывать.

Сильно подмоченной в результате этого скандала оказалась и репутация «правых». Значительная часть национального богатства разворована не без попустительства, если не сказать — с участием тех, кто все эти годы стоял у власти.

Данные скандалы с переводом средств в зарубежные банки — всего лишь вершина айсберга. Специалисты называют цифры от 60—80 млрд. долларов (самая скромная цифра) до 300 миллиардов. Поставленное на поток разворовывание государственных средств, пользующееся поддержкой высших властей России, говорит о том, что государственная власть в России за годы правления Б. Ельцина приобрела гипертрофированное развитие. Она строилась не для обеспечения интересов страны, общества и гражданина, а для защиты интересов узкой группы лиц. Даже один из замешанных в скандале российских олигархов, К. Кагаловский (вице-президент НК «Юкос», с 1992 по 1995 гг.— представитель России в МВФ) признал, что новая Россия «основана на воровстве и коррупции, которые стали системными элементами нашего государства».

Указанная финансовая афера — наглядный, но не единственный пример такого курса. По мнению зарубежных СМИ, ни президент, ни его «карманное» правительство, которое сформировано и действует, говоря словами иностранных журналистов, не как высший орган исполнительной власти страны, а как предвыборный штаб, защищающий интересы определенной группы людей и обеспечивающий победу их ставленников, никак не прореагировали на этот вопиющий случай. Все усилия правоохранительных органов и спецслужб страны направлены не на борьбу с разворовыванием государственных богатств (хотя это на сегодняшний день — проблема № 1), а на борьбу с политическими противниками, сбор компромата на них.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что оба эти (практически одновременные) «открытия» западных органов, надзирающих за финансовой дисциплиной, устанавливали непосредственную связь между переводом финансовых средств в запад-

ные банки и предоставляемой России финансовой помощью по линии международных финансовых организаций. Так, в 1999 году не было ясности с 4 млрд. долларов, полученных в 1998 году правительством С. Кириенко от МВФ накануне объявления дефолта. Более того, арест счетов в «Бэнк оф Нью-Йорк» позволял однозначно увязать некоторые причины дефолта 17 августа 1998 года с теми огромными суммами, которые поступили через пару месяцев в этот американский банк.

Американские СМИ писали, что во всей этой истории крайне неприглядно выглядела также та политика безоглядной поддержки Б. Ельцина и «младореформаторов», которую проводили США и другие западные страны в последние годы. Это признали не только независимые эксперты, но и официальные лица США. В частности, советник конгресса США по делам коррупции в России Ф. Эмарт (бывший сотрудник ЦРУ и АНБ США) сказал, что фактически министерство финансов США и МВФ финансировали «великую прихватизацию», называя ее реформой, тем более что в России многое можно было украсть.

По оценкам независимых экспертов, антикоррупционная кампания, развернутая в международном масштабе, могла стать и новым предупреждением Кремлю со стороны администрации США о том, что Вашингтон раздражен поведением России в отношении Югославии, марш-броском в Косово, дальнейшим сближением с Китаем и, главное, возможным намерением «семьи» пойти ради своего спасения на антиконституционные шаги. Мероприятия американских спецслужб серьезно связывали руки окружению Б. Ельцина. Косвенно это могло указывать на то обстоятельство, что Запад, прежде всего Вашингтон, изменил ставки в России и больше не связывает свои интересы с президентским окружением.

Эксперты ожидали, что следствием этой кампании будет развитие политических и финансовых контактов с Россией, минуя федеральный центр: Запад — Москва (Ю. Лужков), Запад — Петербург (В. Яковлев), Запад — Красноярск (А. Лебедь) и т. д., что приведет к дальнейшему усилению роли Совета Федерации.

В этих условиях многие региональные лидеры не спешили выполнять задачи, поставленные в предвы-

борной борьбе администрацией президента. Поэтому Б. Ельцин назвал «победу демократического крыла в каждом регионе» на выборах важнейшей задачей госструктур, которые остаются его «последним резервом». К предвыборной работе было привлечено свыше двадцати структур федеральной исполнительной власти, в том числе МВД, ФСНП, ФСБ, Минюст, Минфин и Министерство по налогам и сборам.

Проходивший с 12 по 18 сентября в Кембридже (Англия) Международный симпозиум по экономическим преступлениям привлек большое внимание специалистов, так как на нем обсуждались вопросы коррупции, отмывания денег и функционирования оффшорных зон.

В его работе принимали участие около 800 человек из 75 стран, в основном юристы, политики, банкиры и эксперты.

«Российская» проблематика не занимала значительного места в официальных выступлениях, однако в кулуарах была одной из главных тем.

Из контактов с участниками симпозиума можно было сделать следующие выводы:

1. В отношении исполнительной власти России всех уровней существовал огромный кризис доверия со стороны западных элит.

2. Усиливалась тенденция к изоляции России как «непонятного» и «чуждого» общества.

Особую настороженность вызывал тот факт, что изменение в негативную сторону образа России проходило на фоне тотального недоверия участников симпозиума к многочисленным публикациям прессы по обвинению России в коррупции, незаконном использовании кредитов МВФ, отмывании денег через «Бэнк оф Нью-Йорк».

Как заявил в частной беседе председатель симпозиума, бывший прокурор Багамских островов и известный британский юрист Саул Фрумкин, все «дело» «Бэнк оф Нью-Йорк» носит политический характер. В свою очередь помощник прокурора округа Нью-Йорк Джон Москоу, осуществлявший прокурорский надзор за «делом», заявил, что «ему это дело не нравится и пресса «неадекватно» освещает его».

Общее мнение сходилось к тому, что дело здесь

связано с целенаправленными действиями определенных кругов.

Среди них называли оппозиционные силы внутри России, которые являются главными поставщиками «черной» информации; наркотические синдикаты, которые вовлечены в крупнейшие финансовые операции в оффшорных зонах; правые круги в республиканской партии США, добивающиеся подрыва позиций демократов на президентских выборах и стремившиеся к принятию более жесткой линии по отношению к России.

Эти элементы были главными действующими силами затеянной кампании, самым негативным образом сказывавшейся на позициях российских политиков и бизнеса.

Между тем левая оппозиция находила и определенные позитивные моменты в этой компании:

1. Запад отказывается от безусловной поддержки нынешнего режима в Кремле и готов искать новых союзников;

2. Международная борьба с отмыванием денег полностью отвечает национальным интересам России.

Более того, ряд российских политиков получил уникальную возможность резко усилить свои внутренние и международные позиции, выступив инициаторами по выходу из данной сложной международной проблемы. В этих целях, по мнению ключевых участников семинара, они должны поставить задачу обеспечения законности в российском обществе, включая борьбу с коррупцией в качестве основного положения своей программы, а также предложить международному сообществу программу совместных действий для создания новой мировой системы по борьбе с отмыванием денег и экономическим преступлениям.

Ситуация тому благоприятствовала, так как именно через ОЭСР и Европейский союз шла подготовка основ законодательства по борьбе с коррупцией и незаконному использованию политиками своего положения для личного обогащения с выводом капиталов за рубеж. Участники симпозиума приветствовали бы подключение российских юристов и властей к рабочим группам, где сейчас обсуждаются рамки планируемого общеевропейского законодательства. Многие из них выразили готовность приехать в Москву или

Санкт-Петербург для возможного участия в дискуссиях по данному вопросу.

Одна из тем, подробно комментируемая СМИ в середине сентября, — возможная добровольная отставка Б. Ельцина. Зарубежные СМИ отмечали, что Б. Ельцина уже более или менее открыто призывают уйти в отставку. Одновременно росло и число тех, кто считал отказ президента РФ от должности единственной возможностью вывести страну из кризиса.

Резонанс в зарубежных и российских СМИ вызвало заявление мэра Москвы Ю. Лужкова, считавшего, что президент РФ «не может, в первую очередь по состоянию здоровья, эффективно выполнять свои обязанности» и, следовательно, должен добровольно уйти в отставку. В этой связи наблюдатели большое значение придавали комментарию политического обозревателя ОРТ С. Доренко, в котором он утверждал, «что порочащий президента РФ международный финансовый скандал чрезвычайно выгоден Ю. Лужкову, раскручивающему его внутри страны». Приведя слова председателя Совета Федерации, российские СМИ особо замечали, что Е. Строев с необычайной для него откровенностью фактически призвал президента уйти в отставку.

Зарубежные СМИ отмечали, что слухи о досрочной отставке президента получили конкретную аргументацию после опубликования статьи, в которой депутат Государственной думы А. Шохин заявил, что Б. Ельцин объявит о своем уходе с поста президента 19 октября, то есть за два месяца до парламентских выборов. Это решение, по мнению А. Шохина, запутает предвыборную ситуацию, вынудив главных претендентов на депутатские мандаты одновременно выдвигать свои кандидатуры на президентский пост. В итоге, считал А. Шохин, возникнет юридическая неразбериха, призванная расчистить путь к президентскому креслу «преемнику Кремля».

Однако подавляющее большинство политиков и экспертов придерживалось мнения, что досрочная отставка президента РФ была маловероятна. Зарубежные СМИ приводили слова председателя Центризбиркома А. Вешнякова, заявившего, что в случае досрочных президентских выборов любой кандидат в депутаты Госдумы может одновременно претендовать и на пост главы государства.

В то же время обозреватели указывали, что после оформления основных предвыборных блоков и персональных альянсов у президента РФ практически не оставалось пространства для политического маневра. Еще меньше шансов воздействовать на предвыборную ситуацию было у администрации президента, отмечали СМИ, предполагая, что усилия Кремля не смогут остановить Е. Примакова или Ю. Лужкова. СМИ отмечали также другую точку зрения, согласно которой Кремль мог ввести чрезвычайное положение. Однако без консенсуса всех силовых структур это не удастся сделать.

Предлагалась версия, согласно которой Б. Ельцин якобы продолжал считать Е. Примакова единственной кандидатурой на пост президента, отвечавшей двум главным требованиям: Е. Примаков имел наибольшие шансы быть избранным и способен обеспечить безопасность Б. Ельцину и его семье после отставки. Как считали российские СМИ, претендент на пост президента, предпочитаемый губернаторами, — Е. Примаков. По данным фонда «Общественное мнение», приводимым СМИ ближнего зарубежья, больше всего представлениям россиян об идеальном президенте соответствовал Е. Примаков, наиболее честный и добросовестный, хотя и не самый твердый и решительный. Но эта версия не имела под собой серьезного фундамента и основания, плохо корреспондировалась с конкретными шагами кремлевской администрации.

Повышенное внимание СМИ уделяли другому лидеру блока «Отечество — Вся Россия» Ю. Лужкову, который отметил, что основными целями блока является борьба с коррупцией, пересмотр итогов приватизации и принятие законов, которые обеспечивали бы безопасность граждан и бизнесменов. Ю. Лужков подтвердил, что не намерен баллотироваться в президенты РФ и будет выдвигаться только в том случае, если не будет кандидата на высший государственный пост, которому он доверяет. При этом он выразил уверенность, что ему удастся убедить Е. Примакова выставить свою кандидатуру на выборах президента РФ.

Однако ряд обозревателей считал, что по мере приближения президентских выборов взаимоотношения между лидерами ОВР будут осложняться, не исключались и варианты принятия решения вплоть до

полного разрыва. Отмечалось, что, несмотря на сближение, Е. Примаков и Ю. Лужков — принципиально разные политические фигуры.

Обострение предвыборной борьбы происходило в электронных СМИ. Так, 14 сентября Ю. Лужков открыл в Интернете сайт, содержавший информацию о его взглядах, работе, позиции по актуальным вопросам, биографии, семье. В тот же день был зарегистрирован, а 21 сентября открыт фальшивый «официальный сервер Юрия Лужкова» с очень близким по написанию адресом (использован другой вариант латинской транскрипции фамилии Ю. Лужкова). Этот сайт воспроизводил дизайн и структуру подлинного сервера, но содержал материалы, искажавшие как общественную позицию Ю. Лужкова, так и факты его работы и личной жизни. По общему мнению, открытие ложного сайта и место его регистрации — США — свидетельствовали, что выполненный накануне выборов заказ, скорее всего, инспирирован конкурирующей политической организацией, обеспокоенной растущими рейтингами ОВР и его первых лиц.

Внимание ряда российских и зарубежных СМИ привлек факт выдвижения кандидатуры Е. Батуриной в депутаты Госдумы от одномандатного округа в Калмыкии. Аналитики отмечали, что дебют супруги московского мэра на политическом поприще может осложниться двумя негативными последствиями. Во-первых, могут ухудшиться отношения Ю. Лужкова с президентом Калмыкии К. Илюмжиновым. Во-вторых, возможен раскол в ОВР, так как К. Илюмжинов уже пообещал свою поддержку другому кандидату в депутаты — аграрию Г. Кулику и, по некоторым оценкам, не станет отказываться от своих обещаний. Поскольку Аграрная партия России является важным коллективным членом ОВР, выдвижение Е. Батуриной может спровоцировать его раскол.

СМИ комментировали и второй этап VI съезда КПРФ. Замысел Г. Зюганова, по мнению российских СМИ, был демократичным: доказать избирателям, что коммунисты максимально пошли навстречу беспартийным членам НПСР в вопросе их будущего представительства в Думе. Специально было названо число: из 18 человек в федеральной части парламентского списка левых 11 не являются членами КПРФ. Лидер

Е. Примаков, как всегда, улыбчив и лучист

Глава Карачаево-Черкессии генерал армии, бывший главком Сухопутных войск России В. Семенов

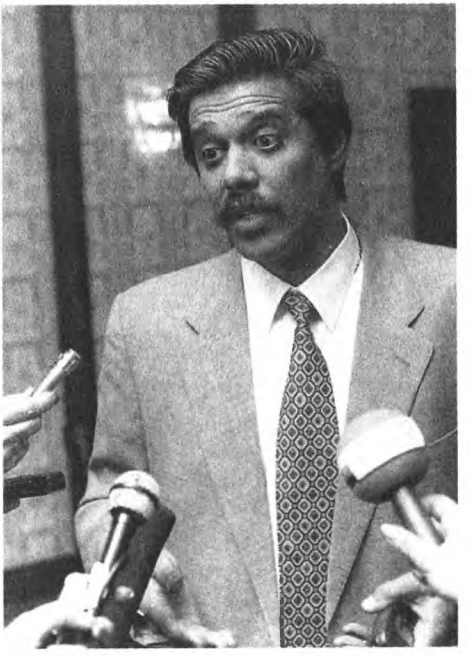
С. Кириенко после отставки встретился с журналистами

Министр обороны И. Сергеев и министр внутренних дел России В. Рушайло

Президент Белоруссии А. Лукашенко посетил соседнюю Смоленскую область

Заместитель главы администрации президента РФ И. Шабдурасулов

Вице-спикер Госдумы третьего созыва В. Лукин

С. Кириенко еще не сказал: «Иду на Москву»

Премьер С. Степашин и первый вице-премьер правительства России В. Христенко

Заместитель директора Института Европы РАН С. Караганов (слева) и заместитель руководителя администрации президента РФ С. Приходько открывают ассамблею Совета по внешней и оборонной политике

Перед заседанием правительства РФ. Вице-премьер С. Шойгу и министр финансов М. Касьянов

Председатель Госдумы Г. Селезнев и В. Черномырдин

Июль 1999 года. Премьер-министр С. Степашин представляет главу нового министерства по делам печати М. Лесина

Президент Татарстана М. Шаймиев даже зерно сам пробует на зуб

Министр путей сообщения Н. Аксененко едва не стал премьером правительства в 1999 г.

Генеральный директор телеканала НТВ И. Малашенко (в центре) и сценарист передачи «Куклы» В. Шендерович проводят пресс-конференцию

Руководитель президентской администрации А. Волошин

Директор ФСБ России генерал-полковник Н. Патрушев

Премьер-министр правительства России М. Касьянов и вице-премьер В. Христенко

Февраль 2000 года. Губернатор Самарской области К. Титов зарегистрирован в качестве кандидата в президенты РФ

Депутат Р. Абрамович во время первого пленарного заседания Госдумы третьего созыва. Январь 2000 г.

Экс-мэр г. Грозного Б. Гантамиров во время второй чеченской кампании действовал на стороне федеральной власти

Один из руководителей антитеррористической операции в Чечне В. Казанцев. В мае 2000 г. генерал армии В. Казанцев стал представителем президента в Северо-Кавказском административном округе

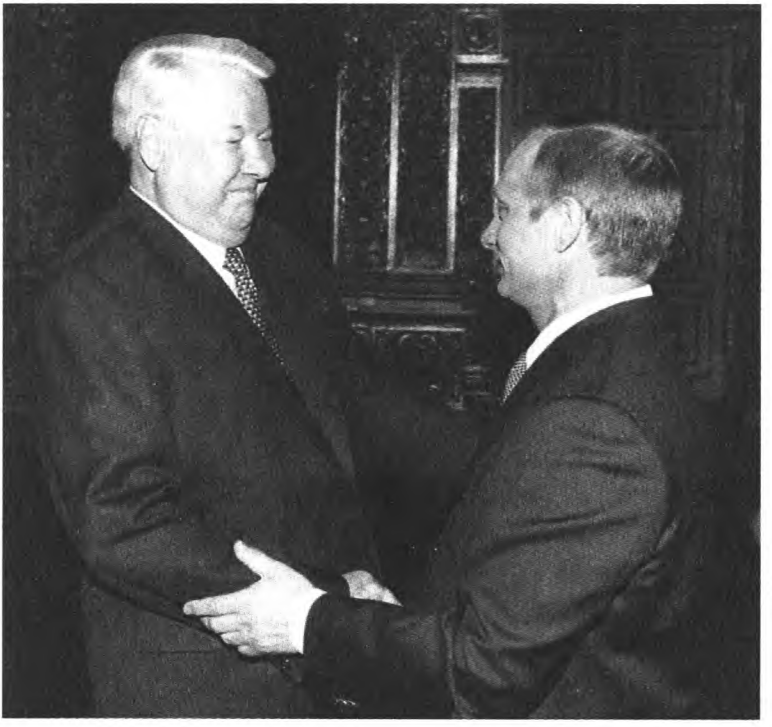
С. Радуев в следственном изоляторе «Лефортово»

А. Масхадов — президент Чеченской Республики

Один из руководителей федеральных войск в Чечне В. Пуликовский. В мае 2000 г. он был назначен представителем президента в Дальневосточном административном округе

7 мая 2000 года. Б. Ельцин поздравляет В. Путина после его инаугурации в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца

После инаугурации президента В. Путина.
Первый и второй президенты России на Соборной площади Кремля

Слеза прощания

КПРФ не считает, что в рядах НПСР наметился раскол. До съезда он заявил, что решение контрольно-ревизионной комиссии НПСР о созыве до конца текущего месяца координационного совета для рассмотрения вопроса об его исключении не является правомочным. Г. Зюганов отметил, что это решение инициировали отдельные члены «Духовного наследия» и Аграрной партии России, лидеры которых А. Подберезкин и М. Лапшин решили повести эти объединения на парламентские выборы своими списками.

На съезде Г. Зюганов подчеркнул, что вместе с КПРФ на выборы идут 36 аграриев, 5 членов «Духовного наследия» и члены других входящих в НПСР объединений. Надпись «Коммунисты, аграрии, патриоты за победу» на утвержденной делегатами эмблеме блока — ордене Победы — должна сбить с толку избирателей общероссийского политического движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА), хотя официально КПРФ и не хочет ничем вредить потенциальным союзникам, считали российские СМИ. Между тем, по их же сообщениям, именно против ОВР направлено решение съезда выставить своих кандидатов по всем 226 мажоритарным округам. На практике это означало скорее отказ от «развода» сильных кандидатов с левыми «родственными партиями», чем противостояние новой «партии власти» по всему электоральному полю.

Некоторым обозревателям представлялся бесспорным тот факт, что в новой Думе будут представлены КПРФ, «Яблоко» и ОВР. СМИ отмечали, что коммунисты традиционно сильны в небольших городах и сельской местности, а основной электорат «Яблока» и ОВР живет в крупных промышленных центрах. Поэтому им предстоит борьба за один и тот же электорат. Понимая это, «Яблоко» и ОВР попытались договориться по кандидатам в одномандатных округах, однако соглашения не получилось, так как ОВР не захотело отдать ни одного из 15 московских округов. Естественно, что Г. Явлинский не мог просто так смириться с этим решением руководства Москвы. На VII съезде движения «Яблоко» было принято решение выставить девять кандидатов по Москве. По сведениям СМИ, восемь из девяти кандидатов имели реальные шансы на победу.

«Яблоко» планировало побороться за голоса избирателей и с другим лидером ОВР — губернатором Санкт-Петербурга Владимиром Яковлевым, выдвинув кандидатов по всем шести округам города. Более того, партия Г. Явлинского заняла антигубернаторскую позицию по вопросу о переносе выборов в Санкт-Петербурге. В. Яковлев не без оснований считал, что у него будет больше шансов на переизбрание, если выборы мэра совместить с выборами в Думу. Однако фракция «Яблоко» отказалась поддерживать проект такого решения, выступив против переноса выборов.

«Яблоко» в тот момент не было готово к борьбе за пост мэра Санкт-Петербурга. Перенос выборов был выгоден только действующему губернатору, который не без оснований надеялся пройти на волне серьезной поддержки горожан и кампании ОВР. Обозреватели полагали, что во время избирательной кампании в борьбе за электорат крупных городов ОВР будет делать упор на административные ресурсы, «Яблоко» — на общественные структуры. Однако стороны еще могли договориться. По некоторым сведениям, «Яблоко» могло снять часть своих кандидатов, если руководители Москвы и Санкт-Петербурга пойдут на уступки.

Российские СМИ, стоявшие на центристских позициях, считали, что окончательное оформление ОВР, произошедшее в сентябре, реально означало почти полное вытеснение НДР из избирательной кампании. В перспективе НДР как «партия власти» распадется между ОВР, Союзом правых сил, может быть, «Яблоком», «Голосом России» и КПРФ. Было ясно, что движению не помогут ни региональные связи, ни «Газпром», ни эмоциональные привязанности. Тем не менее на состоявшемся 20 сентября съезде НДР В. Черномырдин объявил о начале «полномасштабной предвыборной работы».

Приступая к активной избирательной кампании, НДР провел кадровые перестановки в руководстве движения. С финансированием избирательной кампании у НДР проблем, видимо, не будет, считало большинство экспертов, имея в виду, что заместителем В. Черномырдина избран Ю. Петров, возглавляющий Государственную инвестиционную корпорацию и являющийся председателем совета директоров Сверд-

ловского губернского банка, а первым заместителем — банкир А. Лебедев. Однако это не гарантировало преодоления пятипроцентного барьера. Не случайно, видимо, практически все руководство НДР решило баллотироваться и в одномандатных округах. Всего в выборах по одномандатным округам собирались участвовать 34 депутата из фракции НДР. Причем некоторые из них предпочли баллотироваться как независимые кандидаты, не афишируя свою причастность к НДР. Одним из итогов закрытой части второго этапа съезда, распределявшего места по одномандатным округам, стало решение отдать 12 округов казачьим объединениям, в 6 округах будут баллотироваться союзники НДР из движения «Вперед, Россия!», что вызвало недовольство некоторых делегатов съезда.

Комментируя предоставление федеральных списков ЛДПР в Центризбирком, российские СМИ отмечали, что вопреки ожиданиям скандала не произошло. Центризбирком, утверждая федеральные списки кандидатов в Госдуму от ЛДПР, даже не акцентировал внимание на таких одиозных личностях, как А. Быков, в отношении которого было возбуждено уголовное дело, А. Егиазарян, проходивший по «делу Ю. Скуратова», а также С. Михайлов, известный больше как «Михась». Комментируя это сомнительное, по мнению большинства экспертов, решение, председатель ЦИК А. Вешняков заявил, что Центризбирком не имеет никаких прав отказать избирательному объединению в регистрации.

Союз В. Жириновского и А. Быкова был выгоден обоим. В. Жириновский получал одного из самых влиятельных в России региональных лидеров «теневой» экономики. Кроме того, включение А. Быкова в список ЛДПР объяснялось еще и тем, что таким образом ЛДПР привлекала на свою сторону немалую часть электората губернатора Красноярского края А. Лебедя, в способностях которого разумно управлять экономикой края уже усомнились многие красноярцы. С другой стороны, союз с ЛДПР также был выгоден А. Быкову, так как объявленный в федеральный розыск бизнесмен после регистрации предвыборного списка ЛДПР в Центризбиркоме РФ фактически получал неприкосновенность.

По-прежнему значительное внимание в российских

и зарубежных СМИ уделялось политической инициативе 39 губернаторов по созданию нового избирательного блока «Единство». Обращалось внимание, что участники создаваемого объединения выразили намерение дистанцироваться от Кремля, КПРФ и ОВР. Хотя все отчетливо понимали, что это обычная тактическая уловка.

Мнения о целях планируемого политического образования расходились. Так, ряд экспертов и политиков усматривал в консолидации губернаторов политический маневр, предпринятый Кремлем в первую очередь в противовес ОВР, другие полагали, что это — не результат каких-то усилий Кремля, а вполне естественная реакция губернаторов, желающих обеспечить прохождение в своих регионах тех людей, которые будут лоббировать их интересы. На мой взгляд, быстрота, с какой было организовано движение, «зеленый свет» в электронных СМИ говорили об управляемости этого процесса.

Прошедшие в это время выборы глав администраций шести областей Российской Федерации — Белгородской, Ленинградской, Новгородской, Омской, Свердловской и Томской, на которых достаточно убедительную победу одержали действующие губернаторы, выявили ряд общих закономерностей и подтвердили мнение о том, что преимущественные шансы в ходе этих кампаний имели те из претендентов, которые в полной мере смогли использовать имевшиеся у них административные ресурсы и рычаги воздействия на электорат.

Губернаторам всех названных областей удалось наладить «нормальные деловые взаимоотношения» с местными законодательными органами, значительную часть депутатов которых составляли хозяйственная элита, представители директорского корпуса и частично аграрии. Несмотря на некоторые разногласия, имевшие место в первое время между законодателями и главами администрации, в целом отношения между представительной и исполнительной ветвями власти развивались в этих регионах практически бесконфликтно.

Это обстоятельство позволило губернаторам добиться назначения выборов на «удобные» для них сроки.

Действительно, в большинстве названных регионов, за исключением Свердловской и Ленинградской областей, выборы проводились до истечения установленных сроков полномочий глав их администраций, что само по себе создавало преимущества заранее подготовленному к такому повороту событий кандидату, то есть действующему губернатору. К тому же они, прикрываясь исполнением служебных полномочий, имели возможность начинать, по существу, свои избирательные кампании — встречи с активом и населением, решение наиболее острых социальных проблем и т. д. — задолго до их официальных сроков.

В проведении своих предвыборных кампаний действующие губернаторы опирались на слаженные и сплоченные годами совместной работы команды в лице своих администраций (осуществлявшаяся ими кадровая политика, как правило, не приводила к разрушению прежних элитных структур как на областном, так и на районном уровнях), на поддержку сформировавшейся и объединенной общими интересами региональной элиты, не заинтересованной в изменении существующего порядка вещей. Это обстоятельство в значительной степени упрощало для действующих губернаторов и решение вопроса о финансировании их избирательных кампаний, не считая того, что на них практически за счет местных бюджетов трудилась большая армия чиновников. Недаром в одном из телеинтервью новгородский губернатор М. Прусак откровенно заявил: «О каких деньгах на выборы идет речь? Чиновники работают бесплатно!»

Все рассматриваемые области представляют собой индустриальные регионы, где процесс партийного строительства не привел к созданию сплоченных дееспособных организаций с популярными лидерами, которые могли бы противопоставить административным возможностям действующих губернаторов партийную дисциплину их членов.

Все без исключения победившие на выборах главы регионов открыто или негласно поддерживались федеральным центром, а точнее — администрацией президента РФ.

Хотя нарушений законодательства при формирова-

нии областных избирательных комиссий ни в одном из рассматриваемых регионов зафиксировано не было, губернаторам тем не менее удалось поставить их руководство под свой контроль и нейтрализовать в них представителей оппозиционных сил, пытавшихся обратить внимание на имевшие место обстоятельства, дающие односторонние преимущества действующим главам администраций.

К моменту проведения выборов действующим главам администраций в этих регионах удалось поставить под свой контроль большинство областных СМИ, которые работали на них, а также принять «законные меры воздействия» — претензии за неуплату налогов, лишение субсидий и т. п. — к оппозиционной прессе. Нельзя было не заметить и «раскрутку» этих губернаторов в федеральных СМИ: они не раз появлялись в передачах центральных каналов ТВ, им был посвящен ряд газетных статей.

В качестве действенных предвыборных шагов глав администраций указанных регионов можно рассматривать и создание ими различного рода губернаторских фондов, предназначенных для поддержки малообеспеченных слоев населения.

Немаловажную роль в обеспечении победы действующих губернаторов на выборах в указанных регионах сыграли, по мнению экспертов, и взятые ими на вооружение «избирательные технологии», отработанные в 1998 году на выборах в Законодательное собрание Петербурга. В частности, наиболее эффективная из них — досрочное голосование, которое проводилось, как правило, под пристальным присмотром и по подсказке представителей местных администраций, имеющих большое влияние, особенно в сельской местности.

Таким образом, можно утверждать, что победу действующим губернаторам на состоявшихся в шести регионах Российской Федерации выборах обеспечило правильное использование ресурсов и возможностей, предоставленных их статусом.

Анализируя ситуацию в Москве и других регионах страны, сложившуюся к концу сентября, ряд аналитиков и средств массовой информации приходили к выводу, что ее следует рассматривать в контексте целого ряда предшествовавших событий.

Так, уже через несколько дней после неожиданного выхода из отпуска Б. Ельцин вдруг сделал перед камерой интересное и неожиданное признание. Он заявил, что политическая ситуация весьма сложная, и «мы должны вести умную игру». Это могло означать только то, что ему был предложен некий сценарий действий. Не исключено, что автором его, скорее всего, был В. Путин, поскольку уже 9 августа именно он занял пост премьера и был объявлен официальным наследником.

Суть сценария заключалась, как полагали эти аналитики и журналисты, в следующем. Против Дагестана совершается агрессия сил «международного исламского терроризма». Эта атака успешно и победоносно Кремлем отражается. Одновременно формируется зримый образ врага, — и внешнего, и внутреннего. Этот враг является таковым и для Запада, который явно стал не просто охладевать в последние месяцы к Кремлю, но и заметно дистанцировался.

Одновременно кремлевские спецслужбы вскрывают широкомасштабный заговор «террористов», направленный на взрывы жилых домов в различных городах России. Проводятся широкие превентивные меры, в различных городах обнаруживаются тонны взрывчатки, вскрываются исполнители, подчеркивается фактическая недееспособность региональных властей, особенно в Москве и т. д.

При этом версию о том, что Москву взрывают чеченцы, старательнее всего отрабатывает «проберезовская» пресса. ОРТ также «переводит стрелки» на Ю. Лужкова, упирая на неспособность московских властей навести порядок даже в отдельно взятом городе. В. Путин на заседании Госдумы демонстрирует фильм о зверствах чеченских бандитов. В то же время напрочь забывается вторая версия: взрывы в Москве отзываются как на Чечне, так и на федеральном центре. Вот только последствия разные — Чечне бомбардировки, Москве — чрезвычайное положение.

Таким образом, кто бы ни стоял у истоков этой операции, все последние события увязываются в один узел: нагнетание напряженности в Карачаево-Черкесии (а именно оттуда тянется след непосредственных ис-

полнителей взрывов, в том же регионе был похищен гексоген), вторжение чеченцев в Дагестан и взрывы в Москве.

Выгодно это могло быть только тем, отмечали эксперты, кто стремился к максимальному использованию чрезвычайного положения в стране или его отдельных элементов. В результате управляемость внутренними политическими процессами со стороны Кремля могла возрасти со всеми вытекавшими отсюда нужными последствиями.

Что думали аналитики в сентябре о возможном развитии событий в ближайшие месяцы? В связи с приближением сроков, после которых совместить досрочные президентские выборы с парламентскими станет невозможно, рассматривали два взаимоисключающих варианта развития событий.

Согласно первому варианту, в Кремле пока царила полная неясность относительно планов на президентские выборы, В. Путин проходил «испытательный срок». А «слухи» о возможности досрочного сложения своих полномочий президентом сознательно распространялись его администрацией. Этот сценарий мог быть рассчитан как на внесение нервозности в политическую элиту и раскол оппозиционных сил, так и подготовки к его реализации.

С другой стороны, одним из косвенных факторов, указывавших на возможность осуществления сценария с отставкой, было изменение характера подачи новостей в СМИ и на ТВ. Основное внимание уделялось событиям в Дагестане, освещение политического противоборства и скандалов существенно снизилось, шла постепенная «раскрутка» В. Путина.

По имевшейся в аналитических кругах информации, на ТВ проводилась техническая подготовка к созданию особого режима вещания начиная с 14 сентября. В то же время в печати тема возможных событий освещалась очень вяло, причем с акцентом на то, что Б. Ельцин никогда добровольно власть не отдаст.

По заявлению некоторых независимых экспертов, с конца августа проводилась и скрытая мобилизация спецназовцев, находившихся в запасе. Предлогом для подобных действий называлась война в Дагестане, од-

нако это никак не вязалось со сложившимся режимом секретности вокруг этого события. Небезынтересна в этой связи была и встреча президента со своим представителем в Конституционном суде, специалистом по конституционным вопросам М. Митюковым.

Прорабатывался вопрос назначения в ближайшее время А. Чубайса главой администрации президента. Во время обсуждения этого назначения еще 7 августа он потребовал в качестве предварительного условия существенного увеличения своих полномочий и изменений в составе правительства. Тогда для Б. Ельцина и руководства его администрации это оказалось неожиданностью, и они взяли тайм-аут для оценки требований А. Чубайса.

Таким образом, независимые эксперты считали, что вероятность развития ситуации по варианту отставки возрастала.

К тому времени появились новые очевидные признаки серьезного разлада в ближайшем окружении Б. Ельцина, которые все отчетливее лихорадили работу не только администрации, но и других государственных структур. Этот разлад был вызван не только провалами Кремля в реализации предвыборных планов, скандалами в СМИ по вскрытым фактам коррупции, к которым причисляли членов «семьи», а также очевидным нежеланием многих западных партнеров Кремля связывать себя с погрязшим в коррупции политическим режимом.

Все чаще давали о себе знать и причины субъективного плана.

Другой серьезной причиной нездоровой обстановки вокруг Б. Ельцина знатоки кремлевской жизни считали линию поведения, избранную Т. Дьяченко. Она становится все более самостоятельной и, пользуясь свободным доступом к отцу, «подбирала под себя» полномочия по принятию и «проталкиванию» собственных решений, в том числе — по кадровым вопросам. Все чаще она напрямую выходила на тех или иных руководителей в правительстве и других госструктурах и, минуя первых лиц этих структур, предъявляла разного рода требования или претензии. Такие действия приводили не только к кадровой «чехарде» и вносили сумятицу в работу государственных органов, но и вызы-

вали откровенное неприятие среди фигур, интересы которых при этом ущемлялись.

Давление со стороны Т. Дьяченко начал остро испытывать и премьер. В его окружении говорили, что «шеф может слететь так же быстро, как и взлетел, особенно по вопросу о преемничестве». Да и сам В. Путин в разговоре с одним крупным бизнесменом подтвердил, что «им недовольны».

Понимая непредсказуемость поведения президента и неустойчивость своего положения, В. Путин пытался делать ставку на усиление собственных позиций, ища поддержку со стороны силовых ведомств и спецслужб, в первую очередь — ФСБ, МВД, СВР. В пользу этого свидетельствовали готовившиеся в правительстве решения о серьезном повышении размеров денежного содержания сотрудникам и военнослужащим, в том числе — об увеличении надбавок за особые условия, риск и пр.

В. Путин также пытался влиять на ключевые кадровые вопросы по силовым ведомствам, что являлось прерогативой президента и вызывало острое недовольство его ближайшего окружения.

Банковский скандал вызвал крайнюю обеспокоенность в президентском окружении. Заявление Ю. Лужкова по данному поводу с требованием объяснений вплоть до привлечения судебных инстанций свидетельствовало о начале качественно нового этапа политической борьбы оппонентов Кремля с ельцинским окружением. Кремль вынужден оправдываться — это было главным минусом в непростом положении президентского окружения, потому что «отмыться» перед лицом международного сообщества весьма трудно.

В Кремле не исключали, что у истоков скандала с «Бэнк оф Нью-Йорк» и публикациями в западной прессе стоят связи В. Гусинского и Ю. Лужкова с международными финансовыми организациями, под контролем которых находится ряд ведущих европейских и американских СМИ. В Кремле в спешном порядке разрабатывался комплекс мер по противодействию с привлечением спецслужб.

Возможности противодействия Кремля новому скандалу были серьезно ослаблены углублением противоречий внутри пропрезидентского лагеря. Наи-

более заметны здесь действия, предпринимаемые Б. Березовским: «олигарх» развернул наступление практически по всем фронтам. Так, он добился укрепления своего влияния на ОРТ, «выжав» И. Шабдурасулова в Кремль. Это дало Б. Березовскому «свободу рук», позволило усилить позиции близких ему менеджеров и журналистов — Т. Кошкаревой и вновь «реабилитированного» С. Доренко.

Именно ОРТ являлось основным политическим ресурсом Б. Березовского. В частности, через телеканал им предпринимались действия с целью «очернить» других представителей пропрезидентской коалиции — «молодых реформаторов» и В. Путина. Иллюстрацией недовольства Б. Березовского действиями «правых» стал скандальный сюжет в эфире ОРТ от 28 августа, посвященный акции «Ты прав» в Санкт-Петербурге. Как выпад против В. Путина были расценены материалы, посвященные событиям в Дагестане. Наконец, ОРТ не оставляло попыток добиться «черного передела» в ОАО «Газпром».

Поведение Б. Березовского было все менее ориентировано на «семейную» группу. Причины этого аналитикам пока не были до конца ясны: это могло быть и следствием недовольства «олигарха» своим недостаточным влиянием (в частности, после отставки С. Степашина он продвигал на пост премьера А. Лебедя), и дистанцированием Кремля от Б. Березовского (такой шаг мог бы смягчить негативный эффект от последнего «коррупционного» скандала). О готовности Б. Березовского к разрыву с проельцинской коалицией косвенно могла говорить антипрезидентская риторика со стороны главного его «рупора» — тележурналиста ОРТ С. Доренко.

Такая ситуация в России вызывала в правящих кругах основных западных стран серьезные опасения в отношении настоящего и будущего страны, если уход Б. Ельцина будет нелегитимным. Запад боялся, что многонациональный колосс, со слабой экономикой и достаточно сильной армией, может опрокинуться в гражданскую смуту. Пока там не достигнут консенсус в отношении того, кто способен выправить демократический курс. Рейтинговые оценки вызывали весьма относительное доверие. Были желаемые фигуры

(Г. Явлинский), но вряд ли можно трезво рассчитывать на его избрание. Неприемлем приход коммунистов. Две фигуры наиболее реальны, а завтра могут значительно усилиться — Е. Примаков и Ю. Лужков. Первый — умеренно-прагматичен и опытен, декларируя патриотизм, не скатится к левым «патриотам». Человек, по мнению западников, способный на разумную международную политику и авторитетный в своей стране. Второй сочетает в себе многое, что будет востребовано электоратом на президентских выборах: харизматическая личность, импонирует его простоватость, не наигранная откровенность в общении с людьми, умение ладить с прессой и, конечно, его имидж крепкого хозяйственника.

Из вышеизложенного западные эксперты делали вывод, что если Е. Примаков или Ю. Лужков и не будут приняты с распростертыми руками, то и ни тот ни другой не будет воспринят враждебно.

Интересна американская позиция в отношении Е. Примакова. Он виделся им ключевой фигурой. Отмечалось, что в случае его прихода к власти Вашингтону придется иметь дело с политиком, который попытается восстановить биполярность на международной арене, ужесточит политику России в отношении Запада через переориентацию на Восток и осуществит пересмотр российских подходов к вопросам сокращения стратегических вооружений и демонтажа ядерных арсеналов.

Исходя из возможности победы Е. Примакова, в спецслужбах США полагали, что необходимо максимально использовать немногие позитивные факторы такого развития и наметить «болевые» точки будущей российской власти.

В частности, считается, что Е. Примаков не будет изменять сложившуюся в стране систему «демократических ценностей», стабилизирует внутриполитическое положение в России, ужесточит антикоррупционную борьбу, не допустит распада страны и деления военно-стратегического потенциала, будет способствовать предсказуемости России на международной арене.

Угроза создания Россией «антизападных» альянсов с Китаем, Индией и другими странами, по мнению

экспертов спецслужб США, в ближайшей перспективе нежизнеспособна в силу экономической и военной слабости России. Реальное объединение в рамках СНГ возможно только с Белоруссией. Ряд государств бывшего СССР дрейфуют в сторону НАТО, и эта тенденция будет усиливаться.

В спецслужбах США были убеждены, что в лагере Е. Примакова осознают ограниченность маневров в отношении партнерства с Западом, у которого сохраняются инструменты эффективного воздействия на Россию. Финансовая зависимость сужает российскую самостоятельность и будет вынуждать к компромиссам.

Часть вторая

ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ

Глава 1

ОКТЯБРЬСКИЕ МАНЕВРЫ

Опять Чечня. — «Проспавшие распад России» и новые «собиратели земли Русской». — Кому подчинялись «силовики». — Такого премьера еще не было. — Пересмотрена концепция безопасности. — У семи нянек дитя без глазу. — Нестабильная стабильность. — В. Путин: поездка в Хельсинки. — Демарш Е. Примакова. — Ситуация «в низах»

Общеполитическая ситуация в октябре 1999 года складывалась, прежде всего, на фоне начала операции по восстановлению конституционной власти на территории Чеченской Республики, не утихавших политических скандалов по поводу российских активов в зарубежных банках и развертыванием процесса регистрации партий и объединений в предвыборном марафоне.

Безусловно, главной политической темой начала октября была ситуация вокруг Чеченской Республики.

Федеральная исполнительная власть получила реальную возможность существенно улучшить свой образ в массовом сознании и повысить свой авторитет в обществе. Ставка делалась исключительно на успех проводимых акций на Северном Кавказе — как военных, так и политических, полное использование имевшихся настроений в российском обществе и повышение за счет этого шансов в предвыборной борьбе претендентов на власть от правящей элиты.

При этом, безусловно, учитывалась возможность сменить векторы имиджа президента и его вероятных преемников — от «проворовавшихся» и «проспавших распад России» — к новым «собирателям земли Русской», а также неизбежное падение рейтинга лидеров

«партии будущей власти» Е. Примакова и Ю. Лужкова.

Важными задачами операции на Северном Кавказе являлись также замораживание центробежных тенденций в Российской Федерации и ограничение аппетитов региональных лидеров, игравших все большую роль в российской политике, укрепление внешнеполитических позиций России на постсоветском пространстве и в диалоге с Западом.

Конечным итогом операции виделось обеспечение мирной «передачи власти от Б. Ельцина к Б. Ельцину», то есть избрание в 2000 году на президентский пост явно пропрезидентского политика.

Действия власти были вполне оправданы, так как в случае военного поражения в Чечне и проведении в дальнейшем двойственной и невнятной политики по отношению к чеченским и иным сепаратистам провал пропрезидентских и проправительственных сил на парламентских выборах был бы неизбежен. А это автоматически означало и отставку действовавшего кабинета министров. Такой вариант еще более усложнил бы тактически сложное и стратегически проигрышное положение, в котором находился властный режим.

Напротив, в случае осуществления на практике сценария «маленькой победоносной войны» политические обстоятельства для режима могли весьма существенно измениться в лучшую сторону. Так, правительство получило бы вполне реальный шанс просуществовать как минимум до президентских выборов; его глава В. Путин — войти в тройку наиболее серьезных претендентов на кресло главы государства; формировавшаяся в лице движения «Единство» новая «партия власти» получала реальный шанс преодолеть пятипроцентный барьер .

Вместе с тем существовал ряд факторов, способных внести самые существенные коррективы в избранную Москвой тактику.

Прежде всего, это позиция США на этот период.

Реакция на ситуацию в Чечне Вашингтона была неоднозначна, но в целом больше негативной, чем позитивной. Эксперты отмечали нагнетание негатива и акцент на гуманитарную катастрофу, распространение различного рода спекуляций о перерастании дейст-

вий федеральных сил в большую кавказскую войну с затрагиванием интересов Баку и Тбилиси.

Значительные трудности создала проблема беженцев и временных переселенцев, которая широко использовалась в предвыборной борьбе как зарубежными, так и отечественными лидерами различных политических объединений и партий. По данным Федеральной миграционной России, на 6 октября было зарегистрировано 46,7 тыс. человек, покинувших Чеченскую Республику, в том числе в Республике Дагестан — 1,3 тыс., в Республике Северная Осетия — Алания — 1,1 тыс., в Ставропольском крае — 0,7 тыс., в Ингушской Республике — 43,6 тыс. человек. По данным правительств этих субъектов Российской Федерации, число покинувших ЧР составляло 110,4 тыс. человек, причем 105,3 тыс. находились на территории Ингушетии.

Развитие данной проблемы могло стать очень жестким механизмом воздействия на российское правительство, что, собственного говоря, и подтвердил М. Камдессю, объявив о том, что МВФ может отказать в кредитах России в случае значительных военных расходов на кампанию в Чечне.

Обращало на себя внимание, что администрация США настойчиво доводила до российской стороны свою озабоченность. У Москвы затребовали объяснения задач, целей и намерений операции, развернули жесткий «накат» через дипломатические круги — достаточно вспомнить выступление Д. Тэлботта в Гарварде. Активно муссировалась проблема беженцев, которой все больше придавалось политическое значение.

В целом США считали, что широкомасштабная операция не отвечала интересам самой России. По их мнению, надо добиваться стабильности только путем конструктивного диалога со всеми легитимными силами на Кавказе, а применение силы этот диалог затрудняло. Симптоматично также, что вопрос антитеррористической деятельности и сотрудничества по этой проблеме все меньше увязывался с событиями на Кавказе и выносился американской администрацией в отдельную и самостоятельную плоскость.

По ряду оценок российских спецслужб, позиция США по отношению к чеченской проблеме хотя

и жесткая, но пока оставалась сносной. Если операция в Чечне затянется, то можно ожидать и более решительных шагов США и «палок в колеса».

Несмотря на дипломатические (неоднократные обращения к Грузии) и военные меры (бомбово-штурмовые удары), полностью перекрыть коммуникацию Итум-Кале — Шали не удалось и по ней, по мнению военных, осуществлялось сообщение Чечни с внешним миром через Грузию.

Существенно изменился международный контекст российской политики. Коррупционные скандалы явились предлогом для перевода в практическую плоскость недовольства Запада российской политикой по широкому кругу вопросов, что и ознаменовалось отказом МВФ от предоставления России очередного транша кредита на рефинансирование российского долга фонду. Это угрожало очередной дестабилизацией российской экономики, ростом дефицита бюджета и инфляцией.

В октябре много говорили и писали о феномене В. Путина. В аналитических кругах сходились во мнении, что на российской политической сцене в ельцинские времена подобного политика еще не было.

И действительно, в массовом сознании с симпатией воспринимался избранный им стиль руководства — «твердость без крикливости», что позволило премьеру существенно нарастить свой рейтинг доверия избирателей и впервые подтвердить обоснованность ранее сделанной им заявки на президентский пост.

Принципиально новым шагом в политической деятельности премьера стала проведенная им 5 октября встреча с руководителями думских фракций и блока «Отечество — Вся Россия».

Эту встречу расценивали, с одной стороны, как попытку найти консолидированное решение по сложнейшим внутриполитическим проблемам, с другой, — как попытку консолидировать всю властную элиту государства, что, безусловно, говорило о возросшей политической самостоятельности В. Путина.

Действия премьера давали основание полагать, что он пытался найти собственную, в определенной мере отстраненную от президента политическую нишу, способную обеспечить ему выживание при любом рас-

кладе политических событий. Жертвами такого маневра стали бы политические радикалы с разных флангов, которых не устраивала мирная передача власти без изменения существа правящего режима. Среди них — как «семейная» группировка президента или, по крайней мере, ее часть в лице Б. Березовского и А. Волошина, так и «московская группа». Обе эти номенклатурно-политические и финансово-информационные группы являлись главными фигурантами очередного раунда предвыборной «информационной войны» и соответственно в наибольшей степени страдали от нее.

И наоборот, свои «белые одежды» сохраняли фактически не участвовавшие в «войне компроматов» представители умеренных течений, в том числе пропрезидентской (В. Путин).

В. Путин реально стал первым из премьеров, добившимся фактического переподчинения себе руководителей силовых структур. Как подтверждение этого могло рассматриваться совместное участие В. Путина, И. Сергеева, В. Рушайло, Н. Патрушева и других на церемонии открытия Российского информационного центра 7 октября. Одновременно молчаливое согласие Б. Ельцина с расширением полномочий премьера было воспринято политической элитой как свидетельство доверия к В. Путину и подтверждение заявленных президентом в августе намерений поддержать его кандидатуру на выборах 2000 года.

Рост влияния В. Путина во властной системе дополнился укреплением позиций российского премьера в глазах международных деловых кругов после ежегодного заседания Консультативного совета по иностранным инвестициям. На нем российский премьер пообещал в ближайшее время сделать ряд конкретных шагов, о которых иностранные инвесторы безуспешно просили его предшественников.

Благоприятное впечатление на Запад произвело и то, что В. Путин согласился со всеми требованиями МВФ и «семерки», предъявленными России в Вашингтоне в ходе сессии фонда и Всемирного банка — для получения второго транша кредита Москва должна была ежеквартально проводить аудит валютных резервов ЦБ и присоединиться к Кодексу образцовой прак-

тики в кредитной и фискальной политике. Кроме того, предполагалось, что, видимо, будут приняты и такие требования МВФ, как ликвидация системы российских зарубежных банков, через которые ЦБ мог манипулировать валютными резервами.

С точки зрения обеспечения политического веса В. Путин вполне мог рассчитывать на поддержку воссоздаваемой «партии власти» — движения «Единство». При благоприятном раскладе сил «Единство» стало бы его серьезнейшей партийно-политической опорой.

В состав координационного совета «Единства» вошли глава Чукотского автономного округа А. Назаров, губернаторы Тверской, Омской, Курской, Калининградской областей В. Платов, Л. Полежаев, А. Руцкой, Л. Горбенко, президенты Республик Калмыкия и Якутия К. Илюмжинов и М. Николаев.

В числе членов координационного совета числились также телеведущий Л. Якубович и главный тренер футбольного клуба «Спартак» О. Романцев — популярные среди населения фигуры, которых недавно пытались привлечь в свои ряды создатели блока ОВР. Еще один активист ОВР — бывший министр обороны И. Родионов — одновременно входил в список ОВР и являлся членом координационного совета «Единства». Кроме того, кандидатами в депутаты от нового блока стали известные телеведущие А. Буратаева и А. Шарапова.

Как развивалась в октябре внутриполитическая борьба, какие особенности имело партийное строительство? Избирательные блоки КПРФ, «Отечество — Вся Россия» (ОВР) и «Яблоко», согласно данным различных социологических институтов, продолжали оставаться фаворитами парламентской избирательной кампании. Минимальный процент, который мог набрать ОВР на выборах, составлял 15—16 процентов (данные ВЦИОМ), а максимальный — 29 процентов (данные фонда «Общественное мнение»). КПРФ на предстоящих выборах могла набрать от 15 до 20 процентов и «Яблоко» — от 6 до 10 процентов.

Последние события создавали предпосылки для изменения сложившейся в начале августа конфигурации политических сил, главным элементом которой стала борьба президентской администрации с центристским

блоком «Отечество — Вся Россия». Шансы Кремля продвинуть собственную кандидатуру на выборах-2000 по-прежнему представлялись весьма призрачными, а центристам не удавалось увеличить свою популярность и преодолеть внутренние противоречия. Бесплодность противостояния способна была побудить стороны к попыткам достижения соглашения между «умеренными» представителями обеих группировок при нейтрализации «радикалов».

В этой связи коррупционные скандалы создавали благоприятные условия для отсечения «радикалов»: с одной стороны, «семейной группы» — полностью или хотя бы Б. Березовского и А. Волошина, с другой — продолжавшего «игру на обострение» Ю. Лужкова. В выигрыше пока оставались, прежде всего, В. Путин и Е. Примаков. Такой сценарий был не слишком желателен, но все же потенциально приемлем для Кремля: показательно распространение утечки информации о психологической готовности Т. Дьяченко и В. Юмашева к сближению с Е. Примаковым и к конфронтации с ушедшими в тень Б. Березовским и А. Волошиным.

Своеобразным «пробным шаром» могла стать инициатива президента Калмыкии К. Илюмжинова об объединении ОВР и «Единства» — этот проект выглядел экзотическим и трудно реализуемым, но, по крайней мере, он мог бы стать началом подготовки общественного мнения к новому компромиссу.

Однако было бы преждевременно говорить о том, что тенденции к сближению между противостоящими лагерями закрепились достаточно твердо. Эти попытки во многом носили «виртуальный» характер — «умеренные» с обеих сторон обозначали готовность пойти навстречу друг другу, но избегали серьезных шагов по поиску консенсуса. Показательно, в частности, что встреча В. Путина один на один с Е. Примаковым в конце сентября не состоялась — по требованию экспремьера на нее был приглашен и Ю. Лужков.

Фактором нестабильности оставалась также угроза неожиданных ходов со стороны Б. Ельцина: он фактически самоустранился от «чеченской» проблемы и избегал публичных заявлений в поддержку силовой операции, основную ответственность за которую нес

В. Путин. Президент сохранял возможность либо присвоить себе «лавры победы», либо — в случае неудачи — откреститься от силовиков. Подобную тактику в начале первой чеченской войны демонстрировал В. Черномырдин. Впрочем, каких-либо резких движений от главы государства в ближайшие несколько недель ожидать не приходилось в связи с ухудшением здоровья и возможной операцией.

В. Путин не мог твердо рассчитывать и на поддержку со стороны президентской администрации. Примечательно, что А. Волошин отсутствовал на встрече премьера с лидерами парламентских фракций и бывшими руководителями правительства — впоследствии глава администрации вполне может дистанцироваться от предпринятых премьером шагов, как это уже было в случае С. Степашина.

Трудно предсказуемым оставалось поведение других представителей «семейной» группы. В частности, обращало на себя внимание сенсационное высказывание пресс-секретаря президента Д. Якушкина, который 8 октября отметил важную роль Т. Дьяченко в политической жизни страны.

Социологические исследования в целом достаточно однозначно свидетельствовали о том, что энергичные усилия, предпринимавшиеся Кремлем для того, чтобы раздробить и фрагментировать электорат, а также ослабить позиции возможных некремлевских претендентов на президентский пост, приносили свои плоды. Так, если в партийных рейтингах впереди, как и неделю назад, оставались коммунисты, сохранявшие свой электорат на уровне 20—21 процента, то блок ОВР, все еще удерживавший за собой почетное второе место, оказался в более сложной ситуации. Часть голосов избирателей, возможно, «перекочевала» из этого блока в новообразованный блок «Единство» С. Шойгу, выходивший, по некоторым социологическим опросам, на четвертое место.

Неожиданный рывок «Единства», оставившего позади себя старую «партию власти» в лице «Нашего дома — России» (1 процент), у которого «Единство» отобрало около 2 процентов избирателей, свидетельствовало, что предсказания аналитиков о том, что новый блок обречен быть аутсайдером, зиждились

лишь на личных предпочтениях авторов прогнозов, а не на реальной оценке состояния электората. Открыто выступив как «партия власти» и пользуясь в этом качестве почти неприкрытой поддержкой Кремля, «Единство» имело хорошие шансы пройти пятипроцентный барьер.

Вместе с тем «Единство» не дало пока особых дивидендов — в его состав вошли в основном относительно слабые губернаторы, а администрация не сумела использовать имевшиеся в ее руках рычаги давления на руководство НДР, дабы обеспечить его слияние с «Единством». Первые проведенные «Единством» акции остались практически не замеченными общественностью. Безрезультатно завершилась попытка привлечь в его ряды популярного кинорежиссера Никиты Михалкова.

В начале октября тема возможной отставки президента России и проведения досрочных выборов постепенно отошла на задний план, уступив место прогнозам о возможном «преемнике» Б. Ельцина.

По мнению ряда политологов, в сложившейся в стране политико-экономической ситуации на президентских выборах мог победить, скорее всего, выходец из силовых ведомств. Утверждалось, например, что, если в ближайшие недели будут продемонстрированы эффективные шаги по решению чеченской проблемы, то председатель правительства РФ В. Путин получит реальные шансы сравняться или даже опередить в рейтинговых опросах своих основных конкурентов. В этом случае, по мнению экспертов, можно ожидать досрочного проведения выборов. Если кампания в Чечне перейдет в затяжную фазу или завершится неудачно, тогда в Кремле будут вынуждены искать замену В. Путину.

По данным Независимого агентства региональных политических исследований, рейтинг правительства В. Путина за последнюю неделю вырос еще на 3 процента, и его деятельность положительно оценивал 51 процент опрошенных россиян, отрицательно — только 11 процентов. По сравнению с данными анкетирования от 20—22 августа число тех, кто положительно оценивал деятельность правительства В. Путина, увеличилось на 39 процентов. Доля тех, кто не определился

с оценкой его деятельности, уменьшилась на 37 процентов.

Сторонники В. Путина, как правило, рекрутировались из числа электората, традиционно поддерживавшего ЛДПР и НДР. Отрицательно оценивали деятельность правительства приверженцы КПРФ.

Избирательный блок «Отечество — Вся Россия», КПРФ и объединение «Яблоко», согласно данным различных социологических институтов, продолжали оставаться фаворитами парламентской избирательной кампании.

Что касалось перспектив других партий и объединений, то шансы преодолеть пятипроцентный барьер имели ЛДПР (в случае ее регистрации) и с некоторыми оговорками НДР и, возможно, движение «Единство». Рейтинги «Союза правых сил» и «Движения в поддержку армии» (ДПА) по всем социологическим опросам не превышали 3 процентов. По прогнозам, все остальные партии и объединения не наберут более 1,5 процента.

Для блока «Отечество — Вся Россия» важным фактором партийного строительства становилось осложнение внутренних отношений в блоке. Пресса активно муссировала ситуацию, сложившуюся в штабе ОВР. Он фактически разделился на несколько конкурировавших между собой неформальных команд, возглавлявшихся соответственно Г. Боосом, А. Чилингаровым, С. Ястржембским.

Свое недовольство действиями центрального избирательного штаба ОВР высказали также активисты более трети первичных организаций блока. Неорганизованность в действиях штаба ОВР привела к возникновению ряда конфликтных ситуаций. Так, блок со скандалом покинула председатель «Российского земского движения» Е. Панина, которая сразу же приступила к подготовке самостоятельной избирательной кампании.

В целях получения как можно большего числа депутатских мандатов руководители практически всех региональных избирательных штабов ОВР придерживались тактики одновременного выдвижения одних и тех же кандидатов по общефедеральным спискам и по одномандатным округам.

По оценкам экспертов, тесные отношения с руко-

водством ОВР поддерживали лишь 11 региональных лидеров, делавших все от них зависящее, чтобы обеспечить победу ОВР на выборах.

Серьезные опасения руководства ОВР вызывало создание избирательного блока «Единство».

Второй этап съезда движения «Единство» официально утвердил федеральный список кандидатов в депутаты Госдумы (225 человек) и список кандидатов по одномандатным округам (68 человек). «Единство» пыталось создать некую иллюзию сотрудничества с другими блоками, анонсируя возможность достижения договоренностей с центристскими силами. Эти попытки вызывали недоверие, так как лидеры предвыборной гонки уже полностью сформировали свои списки и регистрировали их в Центризбиркоме. Вероятно, именно чувством бессилия от невозможности изменить ситуацию объяснялись не слишком корректные высказывания в СМИ представителей «Единства» в адрес несостоявшихся союзников.

Тем не менее, несмотря ни на что, «Единство» было уверено в своем будущем и рассчитывало не только преодолеть пятипроцентный барьер, но и занять одно из ведущих мест в новой Думе. Причем лидеры объединения возлагали надежды, прежде всего, на крупные города — Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск. Должны были сделать свое дело и губернаторы, поддерживавшие новый блок. По подсчетам лидеров «Единства», на их стороне готов выступить 31 региональный лидер.

В середине октября начался процесс создания нового политического образования в Госдуме — «Народный депутат». О своем намерении возглавить группу заявили депутаты Е. Панина, А. Венгеровский и Г. Райков. Предполагалось, что в новую группу вольются также депутаты-одномандатники, ушедшие из НДР, КПРФ, групп «Народовластие» и «Российские регионы».

По оценкам наблюдателей, за попыткой создания новой группы опять стоял Кремль: вся затея по созданию нового движения принадлежала администрации президента.

Главной целью для нее теперь было не ослабление коммунистов, а подрыв позиций предвыборного блока

«Отечество — Вся Россия» в Думе. Основной базой ОВР в нижней палате оставалась группа «Российские регионы», и удар наносился прежде всего по ней. Если из «регионов» ушло бы больше 15 человек, группа автоматически прекращала свое существование, а ее лидеры лишались думской трибуны. Не менее важно и то, что создание нового движения должно было подстраховать блок «Единство».

В администрации старались не «светиться» при формировании нового движения, инициатива исходила как бы от самих депутатов.

Смысла в создании новой группы за два месяца до выборов, считали эксперты, особого не было. Единственная версия, которая представлялась вероятной, — это не более чем имиджиевая акция, преследовавшая исключительно пропагандистские, предвыборные цели: показать, что и из ОВР, и из КПРФ люди уходят. С одной стороны, утопающий, как говорится, хватается за соломинку, с другой — у ряда депутатов, не имевших шансов на переизбрание, появлялась призрачная надежда.

По мере приближения выборов усиливалась борьба за военный электорат.

Особое внимание работе с ним уделялось кремлевскими властями, у которых было значительно больше возможностей для этого.

Поступала информация, что в войсках (в частности, Минобороны) создана четкая система руководства работой по оргтехническому и информационному обеспечению подготовки к выборам, а также велась негласная работа в том направлении, чтобы военнослужащие и члены их семей отдали голоса за пропрезидентские и проправительственные блоки и кандидатуры. Имелся в виду, прежде всего, блок «Единство». В частности, бывшие войска Гражданской обороны, ныне подчиненные С. Шойгу, а также другие органы МЧС наверняка в своем большинстве проголосуют за блок и кандидатов своего «главкома».

Но главное направление «армейской» деятельности кремлевских ПР-щиков — отобрать максимальное количество голосов военного электората у блока ОВР, который находился у военных избирателей в числе фаворитов. Направления их деятельности: усиление

внимания к вопросам обороны страны в предвыборных программах «прокремлевских» или лояльных Кремлю блоков и политических партий; включение в списки кандидатов известных и пользующихся авторитетом военных, особенно из числа тех, кто не участвует в политических тусовках; негласная работа по дискредитации ОВР и его лидеров среди военных избирателей; и, конечно же, полное использование материальных каналов (ликвидация задолженностей по всем видам довольствия, включая денежное, повышение окладов, материальное стимулирование различного вида и т. п.). Важную роль в завоевании симпатий военного электората играла и личность премьера В. Путина, в том числе его жесткая позиция в чеченском кризисе.

Руководство КПРФ сталкивалось с противодействием в собственных рядах и резкой критикой в свой адрес со стороны низовых парторганизаций в вопросе подбора кандидатов в предвыборные списки. В процессе выдвижения кандидатов в ряде региональных структур КПРФ наметились серьезные разногласия. Так, на Владимирской городской партийной конференции представители горкома А. Козак и А. Леонов обвинили руководство обкома КПРФ в авторитарности при принятии решений в связи с заменой в Ковровском одномандатном избирательном округе кандидатуры Е. Бученкова на кандидатуру В. Паутова.

Некоторые негативные тенденции в рядах коммунистов демонстрировала обстановка в структурах КПРФ в Ярославской области, отдельные активисты которых пытались максимально дистанцироваться от центра. В частности, коммунисты г. Переславля практически перестали поддерживать Г. Зюганова. Они намеревались самостоятельно выставить своего кандидата в депутаты Госдумы по одному из одномандатных округов.

Наметилось углубление кризиса и в рядах других объединений левой оппозиции. Так, на съезде движения «Духовное наследие» представители ряда региональных организаций выступили с обращением, в котором выразили недоверие своему лидеру А. Подберезкину. Обвинив его в предательстве интересов НПСР, авторы призвали руководителей территориаль-

ных структур движения выдвинуть единых кандидатов на выборы в Госдуму от блока «За Победу».

Часть региональных организаций Аграрной партии России (АПР), главным образом из районов с большей долей сельскохозяйственного производства (Алтай, Кубань, а также Кировская, Оренбургская и Ростовская области), вопреки позиции лидера партии М. Лапшина, приняла решение пойти на выборы в блоке с коммунистами. В федеральный список КПРФ делегировались 3 кандидатуры аграриев, а в региональные избирательные списки коммунистов включено более 20 членов АПР.

Руководство ЛДПР поставило перед губернатором Псковской области Е. Михайловым, представляющим интересы Либерально-демократической партии, задачу любой ценой «сохранить за собой этот регион». Областная администрация значительно активизировала усилия по установлению полного контроля над местными СМИ.

Обращала на себя внимание тактика действий «Союза правых сил».

В ходе составления региональных избирательных списков кандидатов в депутаты Госдумы лидеры входивших в избирательный блок «Союз правых сил» (СПС) партий и движений договорились о пропорциональном разделе регионов между собой. Краснодарский и Ставропольский края, а также Ростовская область были отданы партии «Демократический выбор России».

СПС нашел электоральную нишу, способную обеспечить ему — в случае привлечения на свою сторону еще 2—2,5 процента голосов избирателей — преодоление пятипроцентного барьера. Это — футбольные болельщики. Эксперты сошлись во мнении, что политико-имиджевый потенциал самого популярного вида спорта — футбола в России достаточно велик. По данным социологов, в стране насчитывалось не менее 15 млн. активных футбольных болельщиков, в том числе свыше 5 млн. болельщиков «Спартака». Следовательно, в преддверии выборов многие политики хотели этим воспользоваться.

Близкая к СПС экономическая структура — ФПГ «Сибирский алюминий» предложила Российскому фут-

больному союзу (РФС) и сборной России значительную спонсорскую помощь. Были основания полагать, что за предложением «Сибирского алюминия» стояли ресурсы РАО «ЕЭС России» — основного потенциального спонсора предвыборной кампании правых сил.

Наблюдатели отмечали, что лидеры «Союза правых сил» основное внимание собирались уделить работе в одномандатных округах. По их оценкам, всего 28 избирательных округов из 225 целиком ориентированы на поддержку демократических кандидатов. Это все округа Москвы, Санкт-Петербурга и по два округа Пермской и Свердловской областей. Еще 43 округа, расположенные в Московской, Свердловской, Челябинской и Самарской областях, также могли поддержать кандидатов от СПС.

В самостоятельную политическую силу оформилась «Партия пенсионеров». В Государственном Кремлевском дворце прошел третий съезд «Общероссийской партии пенсионеров», в котором приняло участие около 5,5 тысячи делегатов из 62 регионов РФ. Среди участников форума было немало людей в возрасте 25—35 лет. В программных документах «Партии пенсионеров» говорилось, что эта организация будет сотрудничать на выборах в Госдуму «со всеми здоровыми политическими силами», которые станут отстаивать интересы пожилых людей. В первую тройку предвыборного списка партии вошли ее сопредседатель, бывший заместитель главы правительства СССР и бывший посол во Франции Я. Рябов, бывший разведчик и ветеран Афганистана А. Конташов и актриса Р. Маркова.

Центральная избирательная комиссия РФ заверила федеральные списки кандидатов в депутаты Госдумы и списки кандидатов по одномандатным округам, представленные «Русской партией» (председатель — В. Милосердов) и движением «За гражданское достоинство» (председатель депутат Госдумы Э. Памфилова).

В первую тройку федерального списка «Русской партии» вошли ее председатель — председатель Контрольной комиссии «Народно-патриотического союза России» В. Милосердов, глава Астраханского регионального отделения партии Г. Чубкова и профессор

Казанского государственного технического университета В. Лузгин. Всего в федеральный список «Русской партии» были включены 97 кандидатов в депутаты, в список одномандатников — 13, в том числе и В. Милосердов, который намеревался баллотироваться в Одинцовском округе № 110 Московской области.

Первую тройку федерального списка движения «За гражданское достоинство» составили член Комитета Госдумы по безопасности Э. Памфилова, председатель совета директоров — генеральный конструктор ОАО «ОКБ им. А. С. Яковлева» А. Дондуков и председатель центрального правления «Общероссийского союза инвалидов внутренних войск, вооруженных сил, пограничных войск, служб безопасности, спорта и правоохранительных органов» А. Шкирко — бывший командующий Внутренними войсками МВД РФ.

9 октября ЦИК России зарегистрировал также федеральный список блока «Отечество — Вся Россия», который первым среди участников кампании получил право начать предвыборную агитацию. В список ОВР были включены 240 кандидатов. В ходе проверки данных ЦИК исключил из списка 10 человек, которые предоставили «недостоверные сведения, носящие существенный характер», в частности, о своем годовом доходе, его источниках, а также о принадлежащей им недвижимости и транспортных средствах.

Одновременно в избирательном марафоне-99 появился и первый «штрафник». ЦИК отказал в регистрации движению, которое прежде называлось «Слово и дело», а в сентябре, уже после старта избирательной кампании, было переименовано в «Русский дом». По закону до выборов не допускались организации, поменявшие наименование после того, как президент своим указом назначил день голосования. Это обстоятельство не учли учредители «Русского дома» братья Стерлиговы.

Зарубежные аналитики, оценивая предвыборную политическую ситуацию в России, выделили следующие тенденции, которые определяли предстоящие парламентские выборы.

Время коммунистов в российской политике уже прошло, но время «акул капитала» еще не наступило, и потому лидерство на предстоящих парламентских

выборах многие наблюдатели пророчили фигурам из действовавшего государственного аппарата.

Из-за раскола в стане левых маловероятно, что они сохранят свое преимущество в Думе следующего созыва. Коммунисты как минимум получат свои твердые 20 процентов. Их соперниками будут новые партии и движения, такие, как «Отечество — Вся Россия», «Единство».

Опыт предвыборной борьбы в регионах показал, что не ослабевала угроза криминализации власти.

Из досье «Криминалитет на парламентских выборах-99» (по данным МВД РФ)

Внесший избирательный залог кандидат в депутаты Госдумы по Бурятскому избирательному округу (Республика Бурятия), исполнительный директор первого республиканского негосударственного пенсионного фонда «Бурятия» А. Громов (ЛДПР) находился в розыске в соответствии с решением суда от 7 июля 1999 года в связи с задолженностью перед частными лицами (иск подали спонсоры его предвыборной кампании на пост президента республики в июне 1998 г.).

Кандидат в депутаты Госдумы по Биробиджанскому избирательному округу (Еврейская автономная область), директор региональных программ межрегионального общественного фонда «Согласие» К. Ашуров (Социалистическая партия России) в начале 1999 года проходил в качестве обвиняемого по уголовному делу, возбужденному РОВД г. Ставрополя по ст. 210 (организация преступного сообщества) УК РФ. Существовали веские основания предполагать, что К. Ашурову удалось изъять из банка данных информационного центра УВД компрометирующую его информацию.

В Республике Удмуртия от избирательного объединения «Сталинский блок — за СССР» намеревался баллотироваться М. А. Кудрик — главный инженер ООО ПСУ «Спутник» (г. Ижевск), который 1 ноября 1999 года был осужден по ст. 159 ч. 1 УК РФ к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком на один год.

От Республики Хакасия в Госдуму намеревался баллотироваться А. А. Кузнецов, президент Красноярского

краевого союза общественных организаций по оказанию помощи социально незащищенным слоям населения. В отношении него возбуждено уголовное дело по ст. 159 ч. 3 УК РФ.

Согласно оценкам наблюдателей, преимущественные шансы на победу в парламентских выборах в Славгородском избирательном округе (Алтайский край) имел первый заместитель главы краевой администрации И. Апарин. Он неоднократно попадал в поле зрения правоохранительных органов по подозрению в причастности к мошенническим операциям с бюджетными средствами. В Барнаульском избирательном округе в качестве кандидата зарегистрирован бывший глава краевой администрации Л. Коршунов, в отношении которого прокуратурой возобновлено расследование в рамках уголовного дела по факту незаконного использования бюджетных средств в 1996 году.

В Брянской области от избирательного блока «Конгресс русских общин и движение Юрия Болдырева» намеревался баллотироваться Г. А. Шилин, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 201 ч. 1 УК РФ.

В отношении зарегистрированного кандидатом в депутаты Госдумы в Волгоградской области генерального директора ООО «Большая семья» В. Захарова в январе 1999 года возбуждено уголовное дело по ст. 117 УК РФ (истязание).

В Кемеровской области изъявлял желание баллотироваться директор шахты «Бунгурская» И. А. Гладун, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ст. 160 ч. 3 УК РФ.

Самое активное участие в выборах депутатов Госдумы в Свердловской области принимали участники «уралмашевской» организованной преступной группировки (ОПГ) А. Хабаров (Орджоникидзевский избирательный округ), а также М. Серебренников и А. Куковякин (оба — Верхне-Исетский избирательный округ). Последний также включен в федеральный список избирательного объединения «Блок генерала Андрея Николаева — академика Святослава Федорова».

А. Хабаров, один из лидеров «уралмашевской» ОПГ, возглавляемой известным криминальным авторитетом К. Цыгановым, в 1996 году арестовывался по обвинению

в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 148 (вымогательство) и ч. 2 ст. 218 (незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ) УК РФ. Был освобожден под залог, уголовное дело прекращено «за недоказанностью». «Уралмашевцы» не исключали также возможности оказать поддержку ряду других кандидатов, способных, по их мнению, влиять на принятие решений в интересах группировки. «Уралмашевцы» также намеревались поддержать финансово и организационно избирательную кампанию бывшего госсекретаря РФ Г. Бурбулиса.

О серьезности намерений ОПГ установить контроль за ходом избирательной кампании на территории Свердловской области, обеспечив победу «нужным» кандидатам, свидетельствовал и тот факт, что «уралмашевцы» предполагали задействовать возможности руководителей ряда муниципальных образований.

Кандидатом в депутаты Госдумы по 211-му одномандатному округу Санкт-Петербурга был зарегистрирован обвиняемый в организации ряда заказных убийств депутат Законодательного собрания города Ю. Шутов. Он находился в следственном изоляторе Выборга по обвинению в организации банды, руководстве ею, организации умышленных убийств. Среди жертв банды названы известный петербургский предприниматель Д. Филиппов, заместитель председателя комитета по потребительскому рынку администрации города Е. Агарев, заведующий юридической консультацией И. Дубовик, председатель совета директоров ОАО «НИАИ «Источник» Н. Болотовский. Ю. Шутов являлся также помощником вице-спикера Госдумы С. Бабурина. Он известен и как бывший советник экс-мэра Петербурга А. Собчака и автор скандальной книги «Собчачье сердце». По тому же округу, что и Шутов, в Думу баллотировался и сам А. Собчак.

Выборы губернатора и вице-губернатора Московской области планировалось провести 19 декабря, одновременно с выборами депутатов Государственной думы РФ. Соответствующий закон был принят областной думой и подписан губернатором Московской области А. Тяжловым. Более чем в 50 городах и районах

Подмосковья прошли собрания избирателей, на которых кандидатом в губернаторы был выдвинут прежний глава области.

Выборы губернатора северной столицы, в соответствии с решением депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга и принятием закона «О сокращении срока полномочий и проведении досрочных выборов главы исполнительной власти Санкт-Петербурга», также были намечены на 19 декабря 1999 года. В голосовании, проходившем в «закрытом режиме», не принимали участие 18 членов фракций «Яблока», «Блока Юрия Болдырева» и ряд независимых депутатов, сознательно бойкотировавших рассмотрение данного вопроса.

По мнению представителей «Яблока», результаты голосования по закону о досрочных выборах губернатора Петербурга свидетельствовали о том, что «во властные органы города прошли представители криминальных структур». Председатель петербургского отделения «Яблоко» И. Артемьев подчеркнул, что партия непременно будет оспаривать в судебном порядке неправомочность принятого депутатами решения о переносе даты выборов.

Губернатор Красноярского края А. Лебедь еще раз подтвердил, что он отказался участвовать в выборах в Госдуму в качестве лидера движения «Честь и Родина». Но одновременно его «команда» усилила работу по укреплению позиций в одномандатных округах. Так, на три из четырех предоставленных Красноярскому краю мест в Госдуму баллотировались люди, идейно близкие А. Лебедю. Только в четвертом — Канском избирательном округе — шансы «красного директора» члена КПРФ П. Романова были почти стопроцентные. Достаточно серьезную работу проводили противники А. Лебедя и в самом Красноярске. Экс-губернатор В. Зубов, возглавивший оппозицию губернатору после бегства за границу председателя совета директоров Красноярского алюминиевого завода А. Быкова, считался главным претендентом на депутатское кресло. Теперь уже команда А. Быкова готова была поддержать В. Зубова с тем же энтузиазмом, с которым раньше она поддерживала А. Лебедя.

Анализ соотношения политических сил в Краснояр-

ском крае свидетельствовал, что сторонники А. Лебедя могли реально претендовать лишь на одно депутатское кресло. Его мог занять депутат Госдумы, председатель Союза товаропроизводителей и предпринимателей края и союзник губернатора В. Сергиенко, считавшийся главным претендентом на победу в Ачинском одномандатном округе.

Вполне вероятный проигрыш по одномандатным округам рассматривался как серьезный удар по репутации А. Лебедя. Он потерял бы возможность лоббировать свои интересы в Госдуме. К тому же если три четверти избирателей проголосуют за кандидатов в депутаты Госдумы, чья предвыборная кампания строилась на критике действовавшей администрации, то позиции А. Лебедя в крае будут основательно подорваны.

Ну, а как вели себя российские масс-медиа в очередном раунде предвыборной информационной войны?

Медиа-группы продолжали занимать жесткую позицию, обслуживая, прежде всего, интересы кремлевских кандидатов. В начале октября наблюдатели считали, что преимущество оставалось за масс-медиа Б. Березовского. Он сумел укрепить свое влияние на ОРТ и ТВ-6.

Все более заметным выглядело вовлечение в конфликт «Медиа-Моста», выступавшего на стороне Ю. Лужкова и активно участвовавшего в «раскрутке» «рашнгейта», но все же воздерживавшегося пока от крайне жестких выпадов в адрес Кремля. Наблюдатели отмечали, что развернутая ОРТ и другими СМИ кампания по дискредитации столичного мэра странным образом застала врасплох команду мэра Москвы, хотя она располагала всеми деталями технологических разработок.

Не дали результата и попытки «московской» группы подключить к противостоянию с медиа-группой Б. Березовского Министерство печати и средств массовой коммуникации: его глава М. Лесин отказался выносить новое предупреждение в адрес ОРТ и, более того, принял личное участие в освобождении съемочной группы телекомпании, задержанной в ходе съемок в одном из банков столицы органами внутренних дел.

Новая чеченская кампания по логике должна была способствовать определенному сплочению политической элиты и внешнему отказу различных номенклатурных групп от конфронтационных шагов. Увы. В этой ситуации главные публичные столкновения перенеслись в сферу информационной политики. Основные бои велись руками крупнейших медиа-холдингов. Наиболее ожесточенной была борьба контролируемых Б. Березовским СМИ с медиа-группами, ориентированными на В. Гусинского и Ю. Лужкова. Острота противоборства нарастала: действия налоговых органов против издательства «Семь дней» побудили «Медиа-Мост» перейти в новое наступление на президентские структуры. «Медиа-Мост» активно эксплуатировал тезис о том, что налоговые органы лишь выполняли «политический заказ».

В свою очередь, Общественное российское телевидение активизировало кампанию по беспрецедентной дискредитации Ю. Лужкова.

Все более активно втягивалась в эту кампанию и Всероссийская государственная телерадиокомпания, ориентированная на «семейную» группу и «молодых реформаторов». Об этом свидетельствовала информационная политика телеканала, а также серия интервью, которые дал один из наиболее ангажированных журналистов Н. Сванидзе, положивших начало грязной, очернительной кампании на весь предвыборный период.

Вместе с тем «информационная война», инициаторы которой накануне выборов пытались показать публике грязную сторону политики, снижала степень доверия и рейтинги всех без исключения политиков. Анализ социологических данных показывал, что общая сумма потерь, которые понесли с начала войны все лидеры, вместе взятые, был значительно выше — не менее 7 — 10 процентов, чем рост рейтинга В. Путина. Следовательно, львиная доля голосов оказалась «выбитой» из политики вообще, ушла в «апатию».

Общеизвестно, что методы «информационной войны» в условиях электоральной кампании ведут в конечном счете к снижению общего числа избирателей, принимающих участие в голосовании, отпугивают людей от политики. Однако при этом, как известно, не-

редко больше всего проигрывает власть, так как «информационные войны» вызывают отвращение не только к объекту нападок, но и к политике и политикам вообще.

В октябре наметились некоторые изменения в военной политике и в положении дел в военно-промышленном комплексе. Вооруженные Силы и ВПК резко активизировали лоббирование своих интересов, пытаясь добиться существенного увеличения финансирования расходов как на армию, так и на оборонный заказ. Сложившаяся ситуация действительно благоприятствовала подобного рода деятельности.

Во-первых, события на Северном Кавказе.

Во-вторых, солдаты и офицеры, а также задействованные в процессе производства вооружений работники предприятий оборонного комплекса являлись существенной частью российского электората, и поэтому их голоса были крайне важны для всех политических сил, стремившихся успешно выступить как на думских, так и на президентских выборах.

Во время обсуждения бюджета в Государственной думе большинство фракций и депутатских групп высказывались за увеличение финансирования Вооруженных Сил и размера оборонного заказа в бюджете следующего года.

7 октября на Всероссийском совещании руководителей предприятий и профсоюзов оборонной промышленности один из лидеров избирательного блока «Отечество — Вся Россия» и претендент на пост президента РФ Е. Примаков заявил, что «военно-промышленная политика является важнейшей задачей любого правительства России». По его убеждению, «в ВПК сосредоточены лучшие умы, лучшие технологии, самый большой потенциал, который может быть использован для выхода государства из кризиса». Именно ВПК, считает Е. Примаков, является долгожданным «локомотивом, который позволил бы идти вперед».

Примечательно в этой связи, что 5 октября на заседании Совета безопасности Российской Федерации была рассмотрена новая редакция Концепции национальной безопасности России. По мнению экспертов, в угоду политическим мотивам, под влиянием событий на Кавказе и в целом — событий, связанных с разгулом

международного терроризма, из этого документа были исключены основные постулаты, дававшие возможность ориентировать экономику страны на развитие преимущественно гражданского сектора экономики.

В частности, был снят тезис о том, что главные угрозы Российской Федерации в настоящее время и в обозримый период лежат в экономической и внутриполитической сфере, а угроза развязывания крупномасштабной войны минимальна. Такая редакция (1997 г.) давала возможность перераспределять силы преимущественно на решение внутренних и экономических проблем, а теперь автоматически требовался определенный пересмотр бюджета.

События августа 1998 года и их макроэкономические, международно-финансовые и политические последствия наглядно показали главную угрозу и приоритет экономики над политикой. Вместе с тем югославский опыт, с подачи, прежде всего, военного истеблишмента России прямо перенесенный на отечественную почву, принес свои плоды, и система концептуальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, в том числе и военной силой, претерпела кардинальное изменение.

Представлялось, что под влиянием момента и новых, зачастую конъюнктурных и сиюминутных оценок мог быть пересмотрен в сторону определенного увеличения военный бюджет России, увеличено текущее финансирование силовой компоненты государства.

С политической точки зрения это вызвало бы крайне негативную реакцию Запада и отказ в кредитах. С военно-технической точки зрения решение увеличить военный бюджет кардинальным способом не решило бы проблему оптимизации военного строительства и строительства Вооруженных Сил, создания действительно эффективного механизма обеспечения военной безопасности страны. Причина в следующем.

К сожалению, за рамками проводимой военной реформы и реформы Вооруженных Сил оставался кардинальный и главный вопрос военного строительства в целом, а именно — вопрос увязки стратегических и военно-политических задач с бюджетными возможностями государства и ресурсным обеспечением военного строительства на основе программно-целевого

метода планирования военного строительства и соответственно такого же метода расходования финансовых и иных ресурсов.

Данный вопрос, несмотря на свою просто кричащую актуальность, не находил поддержки ни в военном ведомстве, ни в Государственной думе и соответствующих ее комитетах, ни в Совете Федерации, так как требовал совершенно иной ментальности общества, представлений о роли и месте военной силы в решении оборонных задач, а также иного мышления политиков, генералов и старших офицеров, призванных принимать решения по этой ключевой для обеспечения национальной безопасности России проблеме.

Далеко не все слои российского общества разделяли оптимистичность премьер-министра В. Путина во время обсуждения бюджета в нижней палате российского парламента и его точку зрения на необходимость увеличения расходов на оборону. Ряд социологических опросов, а также экспертных оценок общественно-политического климата страны давали основания полагать, что «избиратели могут и не понять правительство».

Вместе с тем первые результаты из начала военных действий в Чечне и предвыборной кампании Вооруженные Силы и ВПК извлекли — кабинет министров принял проект закона об увеличении расходов бюджета 1999 года на содержание армии, кроме того, решено резко увеличить оборонный заказ в 2000 году.

До конца 1999 года дополнительные расходы на Вооруженные Силы должны были составить 40 — 60 млрд. рублей, которые предполагалось направить на финансирование военных действий на Северном Кавказе. На эти цели должно быть выделено порядка 15 — 30 млрд. рублей. В сентябре Министерство обороны уже получило дополнительные 2,5 млрд. рублей для оплаты расходов на кавказскую операцию, а в октябре ожидалось поступление еще 4 млрд. рублей.

Руководство Министерства финансов заявило о намерении погасить существовавший долг по денежному довольствию военнослужащим, составлявший 8,7 млрд. рублей, а также увеличить размер выплат по довольствию на 3,6 млрд. рублей. Кроме того, пред-

полагалось повысить на 4,8 млрд. рублей расходы на зарплату гражданским сотрудникам Минобороны.

6 октября на заседании правительственной комиссии по военно-промышленной политике было заявлено об увеличении оборонного заказа на следующий год в полтора раза по сравнению с первоначальным вариантом бюджета.

Реалистичность выполнения правительством взятых на себя обязательств вызывало определенные сомнения. В последнее время прирост бюджетных доходов существенно сократился, о чем наиболее ярко свидетельствовал провал таможенного задания в сентябре. Кабинет министров рассчитывал, что даст эффект повышение экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты, однако собрать до конца года более 55 млрд. рублей, необходимых для финансирования войны в Чечне и повышения зарплаты военнослужащим, представлялось весьма проблематично.

Всего за год объем дополнительных бюджетных доходов оценивался Минфином в 70 млрд. рублей — а ведь кроме финансирования армии и ВПК исполнительной власти необходимо произвести и целый ряд других расходов, и в первую очередь на социальную сферу. Цифра в 70 млрд. рублей дополнительных доходов выглядела явно завышенной — ГТК и Мингосимущество не только не приносили в бюджет дополнительных средств, но отставали даже от бюджетных заданий. По этой причине на МНС выпадала двойная нагрузка, справиться с которой оно было не в состоянии.

Как результат, власть вынуждена была идти на различные ухищрения. Правительство заявило о повышении в 1,5 раза оборонного заказа на 2000 год и одновременно о том, что готово выделить на эти цели 26 млрд. рублей. Но в проект бюджета уже были заложены 110 млрд. рублей, а значит, его увеличению на 50 процентов соответствовала сумма в 55 млрд. рублей.

Правительство могло попытаться уменьшить расходы на денежные выплаты участникам операций в Чечне путем различных бюрократических процедур — например, через слишком ограничительное понимание термина «участие в боевых действиях». Эти меры поз-

волили бы несколько снизить выплаты на оборону в сравнении с уже данными обязательствами, однако избежать принципиального роста расходов на армию и ВПК все равно не удалось бы.

Единственный выход — очередные займы у Центрального банка, но последний оказывался в этом случае в весьма сложном положении. Он должен принимать экстренные меры для нормализации ситуации на валютном рынке, для чего необходимо отвлекать золотовалютные резервы. Кроме того, за счет резервов Банка России, по крайней мере, до ноября шло погашение долгов перед МВФ, а ведь только в октябре сумма выплат фонду составляла 250 млн. долларов, что эквивалентно примерно 6,5 млрд. рублей. В результате кредиты правительству выдавать неоткуда, кроме как за счет их эмиссионного покрытия, что, в свою очередь, приведет к резкому увеличению темпа роста цен, к бартеризации экономики, к усилению давления на национальную валюту.

К тому же военно-промышленный комплекс и Вооруженные Силы не представляли собой монолита: у них различные интересы, что существенно затрудняло распределение выделяемых средств. Не все претензии будут удовлетворены, и, значит, критика правительства со стороны оборонного комплекса не уменьшится. Так, Минобороны хотело бы, чтобы дополнительные бюджетные доходы пошли в первую очередь на увеличение денежного довольствия военнослужащим, в то время как «оборонка» рассчитывала на то, что «военные» пойдут на экстренные закупки вооружения. Кроме того, кабинет министров обещал погасить долги по зарплате офицерам, но ничего не сказал о долгах по оборонному заказу, что вызывало недовольство оборонных предприятий, ведь, по оценкам последних, эта сумма составляла 12 — 14 млрд. рублей.

Существовал и глубокий конфликт интересов непосредственно внутри военно-промышленного комплекса. Дело в том, что в последнее время основная часть оборонного заказа — порядка 70 — 80 процентов уходила на финансирование производства стратегических вооружений. Во многом это было следствием позиции министра обороны И. Сергеева, ранее возглавлявшего

РВСН. Эта стратегия во многом поддерживалась и Госдумой — достаточно вспомнить, что принятие правительственного варианта бюджета на 1999 год ставилось лидером ведущей думской фракции КПРФ Г. Зюгановым в прямую зависимость от готовности кабинета министров профинансировать программу создания стратегических ракет «Тополь-М».

Производители стратегических ракет мотивировали свои притязания несколькими обстоятельствами. Говорилось о том, что пока Россия сохраняет боеспособные силы ядерного сдерживания, она остается влиятельным игроком на международной арене. Довод о том, что функционирующие РВСН являются гарантией ненападения на Россию, был особенно важен для левопатриотического думского большинства, по-прежнему воспринимавшего в качестве основного вероятного противника страны — члены НАТО. Указывалось на истечение срока службы стратегических ракет типа «Тополь», что грозило оставить Россию вообще без «ядерного щита».

Эскалация конфликта на Северном Кавказе изменила ситуацию — это позволило производителям других видов оружия заявить о необходимости пересмотра распределения военного бюджета и ликвидации столь значительного крена в сторону стратегических вооружений. Война в Чечне стала существенным аргументом сторонников новой военной доктрины, предполагающей низкую вероятность глобальных вооруженных конфликтов с применением ядерного оружия и усматривающей основную угрозу национальной безопасности в локальных войнах. Именно на вооружение для локальных войн, по их мнению, и должен ориентироваться оборонный заказ.

Действительно, в условиях боевых действий в Чечне ядерное оружие неприменимо, в то время как новейшие средства авиации, новые модели танков, высокоточное оружие могли бы снизить количество потерь. Производители подобных вооружений всячески пытались убедить исполнительную власть, что именно на них необходимо потратить основную часть военного заказа. Ведь опытные образцы многих вооружений уже созданы и ждут средств для их серийного или мелкосерийного производства.

Еще одним достаточно важным мотивом для перераспределения средств в свою пользу производители вооружений для локальных конфликтов называли достаточно высокий экспортный потенциал производимой ими техники. Действительно, стратегические ракеты типа «Тополь» поставлять за рубеж пока невозможно, в то время как самолеты, вертолеты, новые танки и стрелковое оружие могли бы пользоваться успехом на внешнем рынке. Проблема экспорта вооружений в последнее время привлекала особое внимание исполнительной власти, видящей в нем источник дополнительных бюджетных доходов, которые можно было бы пустить на финансирование ряда предвыборных проектов. По этой причине президентское окружение пыталось поставить под свой контроль систему экспорта оружия — после назначения его ставленников во главе компаний «Росвооружение» и «Росэкспорт» новым шагом в данном направлении стало изменение статуса Управления президента по внешней политике.

Согласно указу президента Б. Ельцина, в обязанности управления входит рассмотрение проектов нормативных правовых актов и иных документов, поступающих на имя президента, по вопросам военно-технического сотрудничества с иностранными государствами, включая материалы о назначении на должность и освобождении от должности лиц, непосредственно занимающихся вопросами ВТС или курирующих их в федеральных органах исполнительной власти.

Управлению также поручено участие в разработке концепции ВТС, в подготовке решений главы государства по вопросам ВТС, предложений по совершенствованию порядка осуществления ВТС и контроля за его соблюдением, а также вопросы обеспечения координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в области ВТС.

В то же время кабинет министров явно не хотел выпускать из сферы своей компетенции экспорт вооружения. 6 сентября премьер утвердил положение об осуществлении федеральными органами исполнительной власти военно-технического сопровождения и контроля за разработкой, производством и поставкой

продукции военного назначения. Руководство этим процессом возложено непосредственно на Минобороны. Таким образом, Минобороны получило возможность активно участвовать в распределении прибыли от экспорта оружия.

Политическая ситуация в середине и в конце октября продолжала развиваться по схеме борьбы всех против всех. Действующая власть, выступавшая за сохранение статус-кво, «будущая партия власти» Ю. Лужкова — Е. Примакова, которая считала необходимой определенную ревизию и коррекцию итогов «ельцинского десятилетия», а также оппозиция, вполне сжившаяся с существовавшей системой, но прикрывавшая свой конформизм эклектическим набором псевдоантисистемных клише, продолжили сложное маневрирование в центре политической сцены. Эти три основных субъекта российской политики и антагонистическая структура их взаимоотношений обеспечивали политическому процессу динамизм, непредсказуемость и своеобразную «нестабильную стабильность».

В то же время хроническое отсутствие позитивного консенсуса между главными политическими силами продолжало снижать цивилизованный уровень политической жизни. Выяснение сложных внутриэлитных отношений приобрело особые формы в связи с развязыванием войны в Чечне, где правящие круги решали свои конфликты не самыми лучшими методами.

В отсутствие согласия внутри элиты и в условиях усиления неопределенности политического процесса в России функцию основного ограничителя и третейского судьи продолжал играть Запад. Его давление на Россию по мере развития ситуации на Северном Кавказе продолжало нарастать. Запад не раз демонстрировал, что именно он является тем хозяином положения, который лучше, чем власти страны, знает, в чем лежат ее «подлинные интересы» и во всяком случае ясно показывал, что не намерен ни выпускать ситуацию из-под своего контроля, ни доводить ее до взрыва.

В отличие от предшествующего этапа чеченской войны 1994—1996 годов, Запад занял гораздо более четкие и жесткие позиции в отношении этого конфликта. Это объяснялось рядом обстоятельств и, прежде всего, ослаблением потенциала России — военного,

экономического, гуманитарного. Это ослабление и нарастающая дезинтеграция как российского, так и постсоветского политического пространства шли к тому же на фоне укрепления интеграционных тенденций в Западном полушарии.

Налицо было возникновение такой силы, оказывающей заметное влияние на характер мирополитического процесса, как формирование объединенной Европы, «зоны евро». Произошли существенные изменения в военной доктрине НАТО, опробованной в Югославии. Как и военная доктрина США, стратегическая концепция блока включила в себя, наряду с традиционными прагматическими аспектами («угроза жизненно важным интересам» и защита таковых), новый критерий для применения вооруженных сил — ценностный. Он предусматривал, что блок может воспользоваться своими вооруженными силами для гуманитарных миссий.

Именно поэтому в конце октября в оценках событий в Чечне и положения беженцев так часто в западной прессе сквозило стремление констатировать «гуманитарную катастрофу, сравнимую с косовской и восточнотиморской». Кроме того, у США и их союзников появился и весьма действенный политический мотив для того, чтобы «посадить Б. Ельцина в чеченскую лужу». А именно — поведение России в Югославии, когда Москва на практике показала, как далеко она дистанцировалась от ценностей так называемого «романтического периода» «молодой российской демократии» и не хотела следовать в фарватере натовской геополитики. Запад имел возможность столь же практически продемонстрировать России, что он умеет платить за унижение той же монетой, только сторицей.

К тому же в США и в Западной Европе с большим подозрением относились к российской «партии статус-кво», опасаясь, что она готова пойти на многое, чтобы остаться у власти.

Принципиальное значение имели и недавние высказывания американского вице-президента А. Гора, который крайне скептически отозвался о способности Б. Ельцина управлять страной ввиду состояния здоровья. Этот ход, приведший в бешенство «семью», был,

разумеется, не оговоркой и не случайным ситуативным высказыванием, а провозглашением конца всей предшествовавшей «ельцинско-центристской» модели американской политики в отношении России.

Высказывания А. Гора не оставляли сомнений в том, какую из российских политических команд американские власти считали «референтной» и готовы были поддерживать. Заявление американского вице-президента являлось, по сути, переводом на английский язык известных пассажей из выступлений столичного мэра и, возможно, прямо указывало на то, что именно с новыми лидерами, в том числе блока «Отечество — Вся Россия» и связывал теперь свои планы официальный Вашингтон.

Кроме того, трудно было не заметить, что А. Гор своим замечанием поддержал Е. Примакова, отказавшегося встречаться с Б. Ельциным. Тем более что фактически в словах А. Гора нетрудно было вычитать и намек на то, что, по его мнению, Б. Ельцин уже не руководил Россией, следовательно, и все акты, подписываемые его именем, являются сомнительными. В то же время было очевидно, что начавшийся 27 октября отпуск Б. Ельцина как будто специально оттягивался до тех пор, пока не выскажется американец № 2, чтобы проиллюстрировать его правоту.

В целом же главным направлением реальной политики Запада стало стремление добиться от России максимума уступок — сначала по ряду частных вопросов, а затем и по всему комплексу проблем, в первую очередь в сфере российско-американских отношений.

В частности, выступая на слушаниях в американском конгрессе, заместитель госсекретаря С. Тэлботт дал понять, что Россия могла бы рассчитывать на то, что США закроют глаза на действия в Чечне лишь в том случае, если правительство РФ присоединится к давлению США на Ирак и Иран, заявив, что Грозный получает помощь из Багдада и Тегерана. США вели подготовку к очередной международной пропагандистской кампании против С. Хусейна, в ходе которой выдвигалось требование создания международного трибунала для суда над «багдадским режимом». Затем перечень вопросов, которые США хотели бы

решить за счет уступок со стороны России, расширился. В обмен на прекращение разговоров, идущих в ЕС о необходимости введения санкций против России, Вашингтон, видимо, потребует согласия Москвы с американским планом по урегулирования карабахской проблемы и уступок в отношении тех изменений, которые США хотят внести в договор по ПРО.

Со своей стороны, Вашингтон может и расширить свои требования, так как ему будет непросто добиться от ЕС, чтобы европейцы отказались от своих видов на Чечню. В частности, Европейский союз хотел бы заняться восстановлением экономики Чечни, укрепляя свои позиции на Кавказе. Свою роль в этом диалоге на стороне Запада мог сыграть и МВФ, который находился накануне смены руководства.

Таким образом, становилось очевидным, что России придется заплатить на этот раз за чеченскую кампанию «по мировым ценам», и Москве уже будет сложно в случае неудач отделаться вторым Хасавюртом. Отложить признание независимости Чечни было бы очень сложно. Поэтому уже в ближайшее время Москве нужна «чистая победа».

В целом же, однако, Кремль продолжил в октябре вести линию на усиление своего политического контроля над процессами в стране.

Демонстрируя свою мускулатуру, государство, по оценкам ряда аналитиков, откровенно прибегло к политическому давлению в вопросе «национал-патриотического» избирательного объединения «Спас», добиваясь запрета на его участие в выборах по формальным «зацепкам». Еще большую активность Кремль проявил в проведении административных, пропагандистских и иных мероприятий, направленных против оппонировавшей Кремлю части истеблишмента. Эти мероприятия достигли к концу месяца своего пика.

Межведомственный оперативный штаб по борьбе с терроризмом, который возглавил В. Рушайло, приступил к проверке всех структурных подразделений мэрии Москвы, по-видимому, с заранее определенной целью — показать, что никаких мер по пресечению терроризма в российской столице не принималось, а закон «О борьбе с терроризмом» и другие норма-

тивные акты не исполнялись. Министр внутренних дел заявил, что именно Москва, Московская область и Санкт-Петербург могут в ближайшее время стать ареной новых террористических акций чеченских боевиков, чем и объяснил пристальный интерес федеральной власти к ситуации, складывавшейся в этих регионах.

Не исключалось, что шел поиск оснований и для предъявления иных, более серьезных обвинений в адрес московских муниципальных властей.

Кремль добился первых успехов в борьбе за перелом ситуации вокруг коррупционного скандала, который начал не столько стихать, сколько разворачиваться своим фронтом в сторону оппонентов Кремля. «Рашнгейт» вошел в новую фазу, на которой у него могли поменяться «герои».

По некоторым намекам, появившимся в прессе, можно было предположить, что удобный повод для начала операции «Рашнгейт-2» дала прошедшая 19—20 октября в Москве встреча министров юстиции и внутренних дел «большой восьмерки». То, что в центре этой встречи находилась тема транснациональной преступности и «отмывания» незаконно нажитых капиталов, а также закрытый характер основных мероприятий, проведенных в ходе форума, сделали ее удобной для различных теневых акций.

Несмотря на то что встреча прошла после скандала, связанного с провалом новой попытки Кремля отправить в отставку Ю. Скуратова, который вылил на президентскую команду немало грязи, точка зрения Запада на «объем» скандала, на количество задействованных в нем субъектов начала заметно меняться.

В западной прессе начали появляться публикации, авторы которых заявляли о необходимости вовлечения в следственную орбиту большего числа лиц и организаций, чем было прежде. С аналогичными заявлениями начали выступать представители правоохранительных органов — например, руководители швейцарской прокуратуры. По мнению наблюдателей, эти органы после московского совещания явно располагали бóльшим количеством материалов по российской коррупции, чем до него.

Некоторые эксперты считали, что после совещания в Москве в западных правоохранительных органах и СМИ модифицировался вектор коррупционных разоблачений.

Появились намеки, что западные правоохранительные органы начали сотрудничество с российскими по расследованию дел, связанных с членами примаковского кабинета: Ю. Маслюковым и Г. Куликом. Их имена замелькали в прессе, которая делала при этом известный нажим на то обстоятельство, что они входили в избирательный список «Отечества — Всей России» и близки к руководству этого блока, как бы пунктиром обозначая направление следующих шагов в развитии «Рашнгейта-2».

Впрочем, продолжали циркулировать и слухи о том, что в ноябре Кремль, если он не примет американские условия по уступкам в ряде вопросов, в том числе связанных с чеченским «узлом», может вновь попасть под очередную волну обвинений в коррупции. В то же время манхэттенская прокуратура (Нью-Йорк) отказалась от намерения устроить допрос Л. Дьяченко, зятя Б. Ельцина.

Готовность консолидировавшихся вокруг Кремля сил бороться с блоком ОВР стала для президентской команды критерием лояльности. А это для некоторых околокремлевских группировок, занимавших маргинальные позиции в окружении президента и пытавшихся искать контакты в других политических сегментах, создавало определенное неудобство.

Так, группа А. Чубайса, которая в последнее время была отодвинута от Б. Ельцина и стала объектом различных санкций со стороны «приближенной к императору» группировки Б. Березовского — Р. Абрамовича, вынуждена была подыгрывать и своим противникам, хотя еще не так давно показывала более самостоятельную игру.

В этой связи обратило на себя внимание, что Минпечати, руководимое дружественно настроенным к А. Чубайсу М. Лесиным, под надуманными предлогами самоустранилось от оценки скандальной демонстрации на ОРТ известной «пленки Ю. Скуратова». Хотя сначала, по слухам, чуть не было принято решение лишить ОРТ лицензии на телевещание в связи

с тем, что в этой части передачи С. Доренко оказались затронуты интересы многих влиятельных фигур.

Между тем еще никогда прежде группа А. Чубайса не оказывалась под столь массированным давлением, как в конце октября, не смея при этом ответить. А. Чубайс оказался под острой атакой налоговых органов и Н. Аксененко, обвинившего главу РАО ЕЭС в недостаточно эффективном управлении компанией. С. Шойгу также сделал ряд неприятных А. Чубайсу намеков на то, что ни РАО ЕЭС, ни премьер ничего не делают для подготовки страны к зиме. Одновременно эти же аргументы ударяли и по В. Калюжному, принадлежавшему к выдвиженцам «ЛУКойла», с которым Б. Березовский начал резкое противостояние. Формальным поводом для этого послужил разрыв отношений ТВ-6 с новостной телекомпанией «Телевизионная служба новостей», которую контролировал «ЛУКойл». Хотя, скорее всего, причиной напряженности стало то, что «ЛУКойл» долго раздумывал над тем, порвать связи с блоком ОВР или нет.

Несмотря на откровенное преобладание в тактике Кремля агрессивного стиля, президент и околопрезидентские группировки начали, готовясь на всякий случай к неблагоприятному повороту событий, работать и над созданием оборонительных рубежей, запасных «аэродромов». Так, Р. Абрамович и Б. Березовский, пользуясь надвигающимися выборами, начали бороться за депутатские мандаты и, возможно, нацелились на формирование в будущей Думе нового депутатского объединения, или на руководство комитетами Думы.

Продолжала «семья» укреплять и свои экономические позиции. СМИ сообщили о предстоявшей реструктуризации «Аэрофлота», в ходе которой предполагалось продать часть госпакета акций. Исходя из прошлого опыта, можно было представить, кому эти акции достанутся. Как полагали эксперты, скорее всего, их намерен был приобрести президент «Аэрофлота» В. Окулов, зять президента.

Одновременно вновь актуальной стала тема «престолонаследия». Постановка этой темы объяснялась, очевидно, не субъективными и персональными мотивами, а вполне объективной логикой борьбы и будущими перспективами.

В частности, заметное в последнее время усиление позиций В. Путина не могло не вести к его столкновению с околопрезидентской олигархической группировкой. Поводом для этого столкновения стали коллизии, в центре которых оказались государственные нефтяные компании (например «Роснефть»), из их доходов в Кремле, якобы, намеревались финансировать информационные и организационные проекты в ходе выборов. Попытки В. Путина «притормозить» олигархическую «приватизацию доходов» привели к тому, что против него было пущено испытанное орудие — политическая интрига.

Важной чертой ситуации явилось то, что вступила в решающий этап предвыборная борьба, процедуры которой должны были формально зафиксировать расстановку политических сил в стране, и эта борьба становилась все более острой.

Последняя декада октября внесла существенные изменения в соотношение сил на электоральном поле. Наиболее важным параметром развития ситуации стало дальнейшее нарастание симпатий населения к В. Путину, представителю кремлевской команды.

Но парадокс ситуации состоял в том, что резкий взлет популярности премьера совпал с тем обстоятельством, что его позиции во власти начали колебаться. Угроза их утраты стала вырисовываться все реальнее, поскольку «семья», судя по всему, требовала от В. Путина, чтобы, имея такой весомый политический багаж, он переходил к более решительным действиям. Тем более что успех премьера в борьбе за симпатии электората породил в Кремле эйфорическую уверенность в том, что, обладая теми ресурсами, которые у него были, и владея политической инициативой, Кремль способен любого вывести на нужную орбиту и сделать наследником.

В. Путин же, по мнению Кремля, не проявил себя в полной мере решительным политиком во всем том, что не касалось Чечни, где президенту пришлось даже «притормозить» его, так как, пытаясь решительно взять под контроль ситуацию в Чечне, В. Путин в большей мере работал на себя, а не на Кремль.

Кремлевский клан, овладевший политической инициативой благодаря развязанной очередной «малень-

кой победоносной войны» на Кавказе, стремился найти в ней ключ к решению главной проблемы Кремля — укрепить свои расшатавшиеся властные позиции. В частности, это проблемы «престолонаследия» и очищения «семьи» от грязи коррупционного скандала, необходимость сохранить за собой политическую инициативу, первенство в общенациональном политическом ралли, дававшее реальное право на сохранение власти в руках кремлевской команды.

Как только Кремль выйдет из войны на Северном Кавказе победителем, он получит полное право рядиться в тогу спасителя страны, носителя общенациональных интересов и «героического» субъекта политики, получающего по праву победителя возможность определять на долгие годы политическую традицию, форматировать будущее так, как ему удобно и выгодно.

Хорошие политические результаты В. Путина нужны были Кремлю в подобном контексте не сами по себе. Кремль, как считали эксперты, хотел бы использовать выросший политический багаж В. Путина для решения целей «семьи» не завтра, а уже сегодня.

В частности, именно он должен взять на себя решение основных проблем президента, пользуясь своим авторитетом, решительно оградив его от нападок со стороны политических противников. Речь шла и о проблеме Ю. Скуратова, и об отношениях Кремля с другими политическими субъектами, и о других проблемах — вплоть до возможности продлить на более или менее длительный срок пребывание «семьи» у власти. Успехи же в Чечне служили лишь средством для решения этой задачи.

Гораздо больше, чем В. Путин, для решения основных проблем Кремля делали, считавшиеся фаворитами президента В. Рушайло и глава МИД И. Иванов. Оба они относились зарубежными специалистами по России к людям, близким к клану Б. Березовского — Р. Абрамовича, а не к группе А. Чубайса.

В. Рушайло, как считало его ближайшее окружение, много сделавший для изменения направленности коррупционного скандала, продолжил свои действия во время поездки в Америку, он как бы давал понять, что привезет весомый компромат на некоторых «россий-

ских коррупционеров». Было ясно, что министр имел в виду не тех, кто принадлежал к кремлевскому клану, так как глава МВД изначально озвучил установку, что Кремль «вне подозрений».

В то же время по вопросам, которые были связаны с ситуацией в Чечне и вокруг нее, В. Путину вообще не удалось добиться серьезных подвижек ни на московской «полицейской встрече», ни на хельсинкской встрече Европейского союза.

В Хельсинки, куда В. Путин отбыл после поездки на Северный Кавказ, результат был также неутешителен, несмотря на то, что российская сторона готовилась к этой встрече обстоятельно. Была проведена соответствующая информационная обработка аккредитованных журналистов и самих участников встречи от ЕС: в Российском центре науки и культуры в Хельсинки для них была показана пленка с записью зверств чеченских сепаратистов.

Российские власти сделали ряд заявлений о том, что им известны имена и места пребывания в Чечне исполнителей террористических актов в Москве и Волгодонске, передали «Интерполу» и руководителям правоохранительных органов стран «восьмерки» список из 1600 чеченцев, разыскиваемых в России в связи с различными преступлениями. Руководство ФСБ приблизилось вплотную к ряду «тонких» вопросов, заявив о том, что ему известны источники финансирования Хаттаба и Ш. Басаева. На руку российским спецслужбам играл и так называемый «астраханский рейд чеченских диверсантов», пришедшийся как раз на время поездки В. Путина в Хельсинки.

Тем не менее эффект этой пропагандистской попытки был безнадежно смазан благодаря факторам, сработавшим в пользу противника. Сразу же после отбытия В. Путина в Хельсинки в России на чеченском направлении начались события, которые, как считали аналитики, могли быть только следствием охлаждения Кремля к премьеру. В частности, взрыв на грозненском рынке, повлекший за собой многочисленные человеческие жертвы, из-за чего В. Путин попал в сложное положение.

В конечном счете итоги саммита оказались вовсе не такими, на которые рассчитывал В. Путин. Лидеры ЕС

не поддержали линию на военное разрешение чеченского конфликта и призвали российского премьера начать переговоры с Чечней, добиваясь политического, а не военного урегулирования кризиса.

Выступая на пресс-конференции, российский премьер был не слишком убедителен и не раз противоречил самому себе, объясняя происшедшее в Грозном. В тени остался и привезенный в Хельсинки премьером документ «Стратегия развития отношений РФ с ЕС на среднесрочную перспективу от 2000 по 2010 год», который не комментировался ни в совместном заявлении, ни на пресс-конференции.

В конечном счете инициатива в области отношений с Западом по поводу Чечни начала постепенно переходить от В. Путина к И. Иванову. Руководителю МИД, которому глава государства в последнее время оказывал подчеркнутое внимание, было поручено провести европейское турне, включавшее посещение Испании, Италии и Франции, в ходе которого наказано обсудить те же вопросы, над решением которых работал в последнее время В. Путин,— о положении на Северном Кавказе и так называемый банковский скандал.

Б. Ельцин отреагировал на фиаско В. Путина в Хельсинки и на неудачи правительства в бюджетном диалоге с Думой. 22 октября пресс-секретарь Б. Ельцина объявил о том, что президент снял вопрос о преемственности премьер-министра и этот вопрос «сейчас не стоит», а говорить о ситуации, которая будет весной будущего года, «пока рано».

Большинство наблюдателей сочли знаковым событием конца месяца и совещание «силовиков» у президента в загородной резиденции, на которое не был приглашен В. Путин, отправленный вместе с А. Квашниным в инспекционную поездку в Чечню. При этом Б. Ельцин продемонстрировал, что не вполне одобряет стремление немедленно «идти на Грозный». В середине октября генералитет предпринял такую попытку, ссылаясь на то, что это решение одобрено В. Путиным, но Кремль настоял на прекращении несанкционированных действий «до выяснения всех обстоятельств».

Таким образом, несмотря на уверения официаль-

ных лиц Кремля о том, что в отношениях главы правительства и президента все остается по-старому, в действительности ряд околокремлевских и кремлевских группировок продолжали проявлять заинтересованность в ослаблении позиций премьера и изрядно преуспели в этом.

Оказавшись неожиданно для себя в позиционно невыгодном положении, В. Путин в конце октября начал борьбу за выживание. Пытаясь смягчить реакцию своих противников на постигшие его относительные неудачи, премьер, с одной стороны, остро нуждался в том, чтобы остановить серию неудач и вновь стать политическим «удачником», а с другой стороны, ослабить атаки критиков.

Возможность достичь обеих целей В. Путину предоставило решение Верховного суда России, который признал В. Семенова главой Карачаево-Черкесии. Воспользовавшись быстро накаляющейся ситуацией в республике, В. Путин немедленно инициировал переговоры между В. Семеновым и его соперником С. Деревым. Был привлечен к этим переговорам Б. Березовский.

Ход В. Путина, приведший к компромиссу между лидерами враждующих этносов КЧР, наверняка усиливал позиции премьера. СМИ, контролируемые бывшим исполнительным секретарем СНГ, начали подчеркивать «дипломатический талант» премьера.

Однако тактический союз премьера с непопулярным Б. Березовским мог оказаться проигрышным в стратегическом отношении. Впрочем, по мнению аналитиков, у В. Путина после фиаско в Хельсинки иных способов удержаться на плаву, кроме тактического маневрирования, пока не просматривалось.

Вместе с тем попытка использовать Б. Березовского была, как считали специалисты, неудачным шагом В. Путина, который продемонстрировал в очередной раз недостаток у него необходимых ресурсов для роли, важной с точки зрения высших государственных интересов.

Вскоре начало выясняться и то, что сам компромисс, достигнутый В. Семеновым и С. Деревым, не привел к серьезному улучшению ситуации в КЧР, где сторонники С. Дерева «отказались» поддерживать своего лидера и продолжили дестабилизацию ситуации.

Именно в этот момент удар по позициям Б. Березовского решили нанести его противники. Некоторые наблюдатели усмотрели в демарше А. Коржакова, направившего в прокуратуру вещественные доказательства того, что Б. Березовский подстрекал его убить ряд высокопоставленных лиц из столичной политэлиты, ход, работающий на В. Путина.

Сделав основную ставку на решение чеченской проблемы и на наращивание своего рейтинга, В. Путин упустил из виду целый ряд других важных проблем, стоявших перед правительством, прежде всего, проблему бюджета-2000.

Оценивая работу правительства над бюджетом, большинство экспертов говорило, что в 1999 году правительство сработало как никогда плохо. Впрочем, мало кто сомневался в том, что дело здесь не в непрофессионализме, а в отсутствии у правительства В. Путина финансовых средств и поддержки кабинета со стороны Думы (в 1998 году депутаты проголосовали за «плохой», не нравившийся им бюджет, доверяя правительству Е. Примакова). Путинское же правительство, не имевшее надежной опоры думского большинства, а тем более в год выборов, и не могло рассчитывать на то, что Дума проголосует за предложенный правительством бюджет.

Все это привело в конечном счете к тому, что под натиском оппозиции правительству пришлось существенно изменить параметры бюджета, в результате чего его проект стал явно нереалистичен и опасен для самого правительства, ибо вновь под вопрос были поставлены отношения с МВФ, а оппозиция поставила правительство перед непростой задачей ссориться ли с олигархами, собирая с них повышенную дань, либо обращаться к ЦБР за кредитами и взвинчивать инфляцию, которая могла и без того перечеркнуть электоральные планы Кремля.

Слишком жесткий натиск на ОВР, предпринятый Кремлем, по-видимому, стал одним из главных мотивов, толкнувшим Е. Примакова ответить отказом на неожиданное приглашение из Кремля на встречу с президентом.

Аналитики по-разному трактовали неожиданный демарш Е. Примакова. Согласно одной точке зрения,

все дело в том, что экс-премьер продемонстрировал командный подход. Другие полагали: Е. Примаков опасался, что президент был намерен воспользоваться 70-летием Е. Примакова для того, чтобы публично поставить под сомнение его пригодность для политики.

Третьи высказывали мнение, что ход Е. Примакова — плод болезненных эмоций, вызванных неприятными воспоминаниями о прошлом сотрудничестве.

Казалось, что в целом отказ Е. Примакова выглядел удачным тактическим ходом. После того как он был сделан, лидеры ОВР предложили Б. Ельцину встретиться со всей группой, а не с одним Е. Примаковым. Вполне возможно, отъезд Б. Ельцина в отпуск означал, что он взял тайм-аут, чтобы посмотреть, как будет развиваться ситуация в Москве, и обдумать контрходы.

В ситуации острейших расколов, раздиравших российскую «партию власти», важнейший элемент российской политики — оппозиция, чьи отношения с истеблишментом в целом и с его отдельными флангами во многом «остыли», имела неплохую возможность выступить в качестве ведущей силы, взять на себя роль третейского судьи и посредника в разгоравшейся драке внутри правящего класса.

Однако, несмотря на то что, казалось бы, «карта сама идет» в руки оппозиции и исторический ветер дует в ее паруса, по-видимому, ей так же не суждено было подняться над ситуацией.

Самая значительная акция оппозиции в октябре — наступление на власть, предпринятое по ходу развертывавшегося бюджетного процесса. Этот ход, приведший к существенным уступкам со стороны правительства, а косвенным образом и к осложнению ситуации в недрах «партии власти», ее дальнейшим ротациям, по сути дела, означал лишь фиксацию очевидного факта — в течение следующего года оппозиция намерена продолжать играть по нынешним правилам, внося тем самым свой вклад в общее дело всей нынешней политической элиты, каковым является, увы, не созидание, а разрушение страны.

Вместе с тем явный успех оппозиции, навязавшей своим партнерам абсолютно нереалистичный бюджет,

означал также, что оппозиция ускоренно эволюционировала в направлении превращения в паразитарный придаток нынешнего строя, в своего рода балансир, необходимый лишь потому, что правящий класс шел по лезвию бритвы. Наконец, этот успех сделал для всех очевидной и слабость власти, которая приобрела в последний период «осени патриарха» саморазрушительный характер.

Российский политический процесс сохранил свой разрушительный характер, несмотря на попытки Кремля провести политическую мобилизацию общества под позитивными лозунгами, имеющими патриотическую направленность. Общая ситуация в стране продолжала развиваться по схеме борьбы всех против всех, а верховная власть оставалась наиболее деструктивным элементом, защищавшим в первую очередь интересы президента и узкого слоя олигархов, «семьи».

Быстро формировавшийся вокруг премьера (помимо его воли и желания) новый полюс силы, основанный на поддержке населением инициативной линии В. Путина, натолкнулся на ряд барьеров внутреннего и внешнего порядка. В результате и новый премьер начал восприниматься некоторыми обитателями Кремля как самостоятельная, а значит, опасная фигура.

В балансе у В. Путина были весьма скромные результаты в ликвидации последствий коррупционного скандала. Не принесли того, на что рассчитывал Кремль, и усилия В. Путина улучшить международную атмосферу вокруг чеченского конфликта. Не удавалось полностью разрешить обострившуюся ситуацию в Карачаево-Черкесии.

Ряд действий премьера по ограничению аппетитов группировки Б. Березовского — Р. Абрамовича воспринимался в Кремле как противодействие общей команды на концентрацию ресурсов и планы создания условий для полного информационного доминирования Кремля. В этих обстоятельствах линия В. Путина его недругами стала преподноситься как антипрезидентская и объясняться тем, что премьер, быстро приобретший в результате не вполне зависящих от него обстоятельств и благодаря поддержке «семьи» попу-

лярность и высокий политический рейтинг, начал забывать свои обязательства перед Б. Ельциным.

Была опасность, что факторы роста рейтинга В. Путина могли вот-вот исчерпаться.

Чеченский фактор, являющийся наиболее значимым и важным, может быстро сойти на нет под влиянием фактора первых возможных военных неудач. Наблюдатели отмечали, что дальнейшее затягивание решающей операции приведет к росту опасности диверсионного фактора, который начнет реализовываться сразу же с первыми осенними непогодами. Усиливалось и давление Запада на Москву.

Экономический фактор, бюджетное наступление оппозиции сильно ослабили крепость экономических бастионов правительства. Уже в ноябре ожидался резкий рост инфляции.

В случае неблагоприятного стечения обстоятельств Б. Ельцин будет просто вынужден заменить В. Путина на посту премьера, тем более что чеченское руководство уже дало понять, что с ним не желает иметь дела. Однако не обязательно, что Б. Ельцин станет ждать, когда фортуна отвернется от В. Путина. Он может сыграть на опережение и назначить премьером другого политика.

Особую остроту приобрел антагонизм во взаимоотношениях между ельцинской «партией статус-кво» и внутрисистемными реформаторами, сплотившимися вокруг блока «Отечество — Вся Россия». Их конфликт имел более «горячую» температуру, чем их общие «принципиальные разногласия» с оппозицией.

Это обстоятельство на первый взгляд, довольно странное имеет свои объяснения. Причина парадокса состоит в том, что обе фракции представляют собой одну и ту же социальную страту — «партию власти», ее первый и второй эшелоны. Они хорошо осведомлены друг о друге, а потому нуждаются в мощных разграничительных линиях.

Такие акции, как отказ Е. Примакова от контакта с Б. Ельциным и ответные шаги «партии статус-кво», которая немедленно начала фронтальную информационно-пропагандистскую атаку на «ослушников», знаменовали переход борьбы внутри российского истеблишмента в кульминационную стадию. Эта стадия

характеризуется тектоническими разломами внутри противоборствующих субъектов, в результате чего неизбежно деформируется структура каждой из сталкивающихся политических групп.

Из досье «Общественное мнение в зеркале социологии. Октябрь 1999 года»

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ. Россияне стали с несколько большим оптимизмом смотреть на жизнь. Опрошенным было предложено ответить, какое из приведенных высказываний более соответствует сложившейся ситуации. «Все не так плохо, и можно жить» — с этим суждением были согласны 7 процентов респондентов против 3 процентов, давших такой ответ в сентябре 1998 года. «Жить трудно, но можно терпеть» — так думали 42 процента (в 1998 г. — 30 процентов). «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно» — полагали 45 процентов респондентов (в 1998 г. — 61 процент).

Оценивали материальное положение своей семьи как хорошее 3 процента опрошенных (в 1998 г. — тоже 3 процента). Средним назвали его 40 процентов (в 1998 г. — 28 процентов). Плохим и очень плохим считали свое материальное положение 56 процентов респондентов (в 1998 г. — 67 процентов).

Негативное умонастроение наших сограждан до сих пор определяли события, связанные с 17 августа 1998 года. Терроризм вкупе с высоким уровнем преступности сильно беспокоил лишь немногим более трети наших сограждан. А для более половины населения страны повседневным адом продолжало оставаться снижение уровня жизни, ползучий рост цен, в том числе на самое необходимое.

Уже год три четверти россиян находились на положении людей малообеспеченных, в том числе свыше 20 процентов жили за чертой бедности. С осени 1998 года среднемесячный доход на одного члена семьи (по самооценкам) продолжал составлять лишь 30 долл. По меркам осени 1999 года — это 25 руб. в день, а у тех, кто бедствовал, — 10—15 руб. Можно ли жить (а если можно, то как) на эти деньги — вопрос риторический.

Опасения за свою жизнь, прежде всего, по экономическим, а потом уже по криминальным причинам — не единственное, что выделяли наши сограждане среди трех проблем, вызывавших у них наибольшую тревогу. 27 процентов россиян были сильно обеспокоены новой войной на Северном Кавказе, не менее пятой части населения — тяжелым экономическим положением страны, спадом производства.

Столько же людей постоянно переживали за неудовлетворительное состояние медицинского обслуживания.

И почти такую же часть населения (18 процентов) донимали коррупция и произвол чиновников, а также отсутствие работы или опасения ее потерять (17 процентов). 11 процентов жителей страны были весьма обеспокоены возможностью установления диктатуры, еще 9 процентов — ростом фашистской угрозы.

Но на вопрос об экстремистских организациях ответили всего 20 процентов опрошенных, остальные затруднились. При этом 10 процентов ответивших (то есть всего 2 процента от общего числа граждан) указали на РНЕ. Исламистов (ваххабитов, талибов и «Хез-болла») назвали 5 процентов респондентов. Фашистов (нацистов) — 4 процента опрошенных. Чеченских боевиков — 3 процента. По 1 проценту голосов получили ЛДПР, «Трудовая Россия», «Союз офицеров» и «Память».

НА КОГО НАДЕЯТЬСЯ? 32 процента россиян связывали возможность улучшения обстановки в стране с именем В. Путина, 28 процентов — с именем Е. Примакова.

Ни с кем из политиков не связывали возможность улучшения ситуации 25 процентов респондентов. 22 процента назвали в этой связи имя Ю. Лужкова.

На четвертом месте с 10 процентами голосов Г. Зюганов, на пятом — Г. Явлинский (у него 6 процентов голосов).

По 2 процента россиян назвали В. Черномырдина, В. Жириновского и С. Кириенко. 1 процент поклонников оказался у А. Баркашова.

32 процента россиян верили обвинениям в коррупции в адрес Ю. Лужкова, членов его семьи и ближайшего

окружения, о которых сообщали СМИ. Не верили этим обвинениям 17 процентов респондентов. 31 процент предпочли осторожный ответ: «Нет дыма без огня». 7 процентов респондентов, ответивших: «Да, верю» или «Нет дыма без огня», заявили, что связывают возможность улучшения реальной обстановки в стране с именем Ю. Лужкова.

Можно было ожидать, что кампания в зарубежных и отечественных СМИ, направленная на разоблачение коррупции в высших эшелонах российской власти, еще больше обострит психологическое напряжение в обществе. Тем более что 80 процентов населения верили в существование коррупции в высших сферах государственной власти.

Но ожидания эти не подтвердились. Груз психологической усталости настолько был велик, что уже не хватало сил реагировать даже на скандалы.

Лишь половина населения посчитала необходимым, чтобы президент публично опроверг обвинения о наличии у него и членов его семьи счетов в зарубежных банках. Другая же половина достаточно прохладно отнеслась к тому, чтобы Б. Ельцин кому-то объяснял и что-то опровергал.

Треть населения вообще проявила равнодушие к этому вопросу и почти столько же поверило в искренние намерения Запада раскрыть истинную картину коррупции в России.

Четверть наших сограждан усмотрела в этой кампании попытку дискредитировать Россию как государство. И лишь небольшие группы населения (по 5—7 процентов) связали кампанию с начавшейся в США предвыборной борьбой и с «поставкой компромата» из самой Москвы для западных газет, чтобы дискредитировать Б. Ельцина и его окружение.

Судя по данным опроса, какие бы цели организаторы подобной кампании ни ставили, ни одна из них в пропагандистском плане не была реализована.

ОБЩЕСТВЕННОЕ НАСТРОЕНИЕ. Каждый седьмой житель страны пребывал в октябре в состоянии страха и отчаяния, почти 20 процентов — в состоянии подавленности, а еще 17 процентов россиян испытывали озлобленность. Для четверти населения было характерно так называемое промежуточное психологиче-

ское состояние, нечто среднее между угнетенностью и уравновешенностью.

И только 13 процентов россиян находились в том психологическом состоянии, которое можно назвать душевным комфортом.

К осени 1999 года отрицательные умонастроения не только не рассеялись, но, наоборот,— углубились и трансформировались у большинства граждан в устойчивые негативные социально-психологические состояния. Еще несколько провалов общенационального масштаба — и будут все основания говорить об изменении общественной психики на уровне глубинной психологии. И тогда уже никакая власть долго не сможет привести его в состояние психологического равновесия.

Во всех возрастных группах доля лиц с негативными психологическими состояниями преобладала над долей лиц с позитивным настроем. Исключение составляла лишь группа молодежи до 21 года.

По мере снижения уровня материального благосостояния отмечался резкий рост негативных умонастроений (до 75 процентов в составе населения, жившего за чертой бедности). Даже среди той части граждан, которая была удовлетворена своим материальным положением, 50 процентов находились в озлобленном и подавленном состоянии, а еще 50 процентов жили с неопределенными, «размытыми» чувствами.

В наибольшем психологическом дискомфорте находились сторонники КПРФ, НДР, «Союза народовластия и труда», а более благоприятное психологическое состояние было характерно для сторонников ЛДПР, «Союза правых сил», а у сторонников «Отечества — Всей России» и «Яблока» — относительно равное представительство лиц, испытывавших и позитивные, и негативные умонастроения.

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЛНОВАЛИ ГРАЖДАН? Нехватка денег на предметы первой необходимости (продукты питания, лекарства, одежда, обувь) являлась главной проблемой для 53 процентов россиян. В августе 1997 года с этой проблемой сталкивались 63 процента россиян.

Задержка зарплаты и пенсии волновали 31 процент респондентов против 75 процентов два года назад.

По мнению россиян, положение с выплатами зарплат, пенсий, стипендий и пособий за год несколько улучшилось. Так, если в 1998 году лишь 2 процента опрошенных отметили, что положение с выплатами становится лучше, то в 1999-м такой ответ дали 38 процентов участников опроса. Ухудшение ситуации год назад отметили 68 процентов россиян, а в 1999-м — 23 процента. Никаких перемен не усмотрели соответственно 26 процентов и 33 процента респондентов.

Чаще других считали, что положение с невыплатами улучшилось, неработающие пенсионеры, а также служащие без специального образования и в целом лица, проживавшие на Севере, в Поволжье и на Урале и в сельских поселениях. Противоположного мнения придерживались также служащие, военные и сотрудники правоохранительных служб и в целом жители крупных городов.

Нехватку денег на предметы долговременного пользования (мебель, бытовая техника, ремонт) назвали 25 процентов респондентов (в 1997 г. — 31 процент).

Финансовый кризис в стране заботил 22 процента опрошенных (в 1997 г. замер не проводился).

Невозможность найти работу волновала 18 процентов россиян (в 1997 г. — 24 процента).

События в Чечне, войны в других горячих точках назвали 17 процентов респондентов (в 1997 г. — 9 процентов).

Террористические акты волновали 12 процентов участников опроса (в 1998 г. — 3 процента). Сталкивались с трудностями при получении медицинской помощи 12 процентов россиян (в 1998 г. — 9 процентов).

С лета 1997 года в два с половиной раза уменьшилась доля россиян, сталкивавшихся с задержкой различных выплат. Вместе с тем проблема своевременных выплат оставалась одной из самых острых.

Несколько снизился за два года и уровень материальных трудностей, испытываемых россиянами: респонденты заметно реже говорили о нехватке денег как на предметы первой необходимости, так и на товары длительного пользования.

Опрос жителей Оренбужья на тему «Какой путь обретения жилья вы считаете для себя наиболее перспективным?» выявил следующую шкалу предпочтений:

«приобретение квартиры в рассрочку» — 72 процента, «получение кредитов в банке (ипотека)» — 24 процента, «ожидание в очереди на муниципальное жилье» — 3 процента, «ваш вариант» (например, накопить денег) — 1 процент.

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ. 30 процентов россиян заявили о готовности принимать участие в акциях протеста. И если треть населения действительно выйдет на улицы, то никакая власть не удержится. Парадокс в том, что на самом деле лишь незначительный процент населения фактически принимал участие в акциях протеста. В России «от словесного протеста до реального — огромная дистанция».

Долготерпение российского населения социолог Ю. Левада объяснил тремя причинами. Во-первых, «люди не участвуют в акциях протеста, потому что считают это бессмысленным». Во-вторых, «ограниченность потребностей россиян удерживают их от участия в таких выступлениях. Цель борьбы, которую ведут люди на Западе, — улучшить свою жизнь. У нас цель массовых акций — вернуть старые долги. И только. Уметь требовать большего мы не умеем». В-третьих, непросто мобилизовать население на массовые выступления.

Сегодня маловероятен процесс политической мобилизации даже по национальным признакам. В то же время «некоторые признаки такой возможности существуют». В частности, «за последние десять лет уровень недоверия к чужим народам несколько вырос», особенно среди пожилых людей и некоторой части образованной молодежи. Национал-экстремистов типа А. Макашова поддерживали 15 процентов населения. Изучение массовых настроений во время войны в Чечне и расстрела Белого дома в октябре 1993 года показало, что «ни власть, ни народ, ни правые, ни левые воевать не хотят».

Общий вывод президент РЦИОМа сформулировал так: «Весь XX век мы двигаемся от ухаба к ухабу. Представление о том, что мы бежим за знаменами, — выдумки».

Результаты опроса позволили сделать и «прикладные» выводы о том, кого поддержит население на выборах. «Все цветы отцвели», имея в виду А. Лебедя,

Г. Явлинского, Е. Примакова, которые еще недавно казались кандидатами в национальные герои. «Выбирать на этот раз мы будем между скучными кандидатами, без особых перспектив и без особых идей. Победит не тот, кто посулит светлое будущее, а кто пообещает простую стабильность».

По данным опроса в Пермской области, 91 процент членов профсоюзов жили плохо и не могли обеспечить семью всем необходимым. 82 процента поддерживали проведение всеобщей забастовки. Но только 26 процентов опрошенных готовы были принять в ней участие.

НАСТРОЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ. Социологический опрос в Петербурге выделил три проблемы, в наибольшей степени волновавшие молодых петербуржцев: высокий уровень преступности и проблемы личной безопасности — 45 процентов; безработица — 42 процента; политическая обстановка в стране — 40 процентов.

Более половины опрошенных на вопрос «Можно ли сказать, что вы живете с уверенностью в завтрашнем дне?» выбрали ответы «пожалуй, нет» — 43 процента, либо «нет» — 13 процентов.

В Петербурге 45 процентов работающей молодежи получали зарплату, не превышавшую величину прожиточного минимума: среди девушек — 63 процента, среди юношей — 34 процента. Из числа молодежи до 15 лет сумма, получаемая за труд, была ниже прожиточного уровня у 100 процентов, среди 16—17-летних она составляла 64 процента, в группе 18—19-летних — 39 процентов, в группе 20—24-летних — 22 процента. В последней группе зарплата выше прожиточного минимума у 61 процента.

ОЦЕНКА ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ. Через шесть лет после того как противостояние сторонников президента и приверженцев Верховного Совета привело к кровавым столкновениям в Москве 3 — 4 октября 1993 года, основной причиной трагедии 17 процентов россиян назвали стремление Р. Хасбулатова и А. Руцкого любыми средствами сохранить власть. В 1993 году такого мнения придерживались 46 процентов граждан.

Видели причины событий в безответственной политике Б. Ельцина и его окружения 32 процента респондентов (в 1993 году — 28 процентов опрошенных). Не-

решительностью Б. Ельцина и правительства в подавлении волнений объяснили столкновения 7 процентов россиян (в 1993 г. — 10 процентов). По мнению 9 процентов респондентов, все дело было в готовности экстремистских организаций совершить госпереворот (в 1993 г. — 19 процентов). Колебания армии и внутренних войск назвали, как и шесть лет назад, 3 процента участников опроса. Общим развалом в стране, начатым М. Горбачевым, объясняли эту трагедию 24 процента (в 1993 г. — 32 процента). Затруднились ответить 29 процентов опрошенных против 14 процентов шесть лет назад.

Только 18 процентов считали, что применение военной силы в Москве для контроля над ситуацией было оправданно (в 1993 г. — 51 процент). По мнению 56 процентов россиян, использовать военную силу тогда не следовало (в 1993 г. — 30 процентов). Шесть лет назад 78 процентов москвичей — непосредственных свидетелей событий — считали использование войск в Москве оправданным, а 12 процентов придерживались противоположного мнения.

Россия — великая держава. Такого мнения придерживались почти две трети россиян — 64 процента. 28 процентов полагали, что Россию уже нельзя считать великой державой.

Мужчины чаще, чем женщины, склонны считать Россию великой державой. Респонденты в возрасте старше 60 лет и пенсионеры также чаще, чем в среднем, придерживались этого мнения. С понижением уровня образования и дохода среди респондентов увеличивалась доля тех, кто считал, что Россия великая. При этом лишь 56 процентов хотели бы, чтобы их дети жили в родной стране.

Глава 2

КАВКАЗСКАЯ ДУГА КРИЗИСОВ

Что происходило в Карачаево-Черкесии. — И там победил Б. Березовский. — Борьба между С. Деревым и В. Семеновым. — Москва снова «проспала». — Не много ли генералов-президентов на Кавказе? — «Дагестанский» фронт. — Страна «от моря и до моря». — Второй чеченский поход. — Создание «альтернативной» Чечни. — «Контролируемый» распад России. — Саммит в Стамбуле: а-ля Хрущев

Осенью 1999 года опять привлек к себе внимание Северный Кавказ. Здесь происходили настолько серьезные события, что многие опасались за целостность России — как бы она не повторила судьбу Советского Союза. К привычным уже неспокойным Чечне и Дагестану добавилась в прошлом тихая Карачаево-Черкесия.

Карачаево-Черкесская Республика. В ее составе — восемь районов и четыре города. Число жителей — 440 тысяч человек. КЧР — республика пяти титульных наций. Русские составляют 42,3 процента населения, карачаевцы — 31,2, черкесы — 9,6, абазины — 6,6, ногайцы — 3,1 процента. Всего в КЧР проживают представители 90 народов и национальностей.

До 1990 года существовала как Карачаево-Черкесская автономная область в составе Ставропольского края. 30 ноября 1990 года внеочередная сессия областного Совета народных депутатов приняла решение о преобразовании КЧАО в Карачаево-Черкесскую ССР с выделением ее из Ставропольского края. Закон РСФСР от 3 июля 1991 года утвердил это решение (с 22 октября 1992 года — Карачаево-Черкесская Республика). Главой республики — председателем Совета мини-

стров стал В. Хубиев, бывший в то время председателем облисполкома КЧАО.

К концу 1991 года на волне требований о территориальной реабилитации депортированных народов на территории КЧАО были провозглашены сразу пять республик — Карачай, Черкесия, Абаза и две казачьих, а также Ногайский национальный район. В марте 1992 года в республике был проведен референдум по вопросу сохранения единой республики. 76,7 процента населения высказались положительно. Главой КЧР указом президента РФ был назначен В. Хубиев.

Из досье «Хронология событий в Карачаево-Черкесии. Апрель — ноябрь 1999 г.

25 апреля. *Выборы главы КЧР (первый тур). Всего на этот пост претендовали 13 человек. Наиболее предпочтительные шансы имели: глава республики В. Хубиев, мэр Черкесска С. Дерев, советник министра обороны РФ генерал армии В. Семенов (бывший главком Сухопутных войск), полномочный представитель КЧР при правительстве РФ М. Каитов, лидер организации КПРФ в КЧР М. Якуш. В голосовании приняли участие 290 тысяч жителей — более 70 процентов избирателей.*

Результаты в порядке убывания: С. Дерев (40,1 процента), В. Семенов (17,9 процента), М. Якуш (16 процентов), М. Каитов, В. Хубиев. В ходе первого тура выявлены неоднократные нарушения закона (подкуп избирателей, голосование одного человека за нескольких и т. п.). Результаты социологических опросов недвусмысленно свидетельствовали о том, что был произведен массовый «сброс» бюллетеней в пользу С. Дерева. С учетом этого была скорректирована предвыборная кампания В. Семенова перед вторым туром.

Начало мая. *В республике начались акции протеста против результатов выборов, прокатилась волна поджогов и терактов (в основном против сторонников С. Дерева). Группа депутатов Народного собрания КЧР обратилась к Б. Ельцину, руководству Федерального собрания РФ и силовым министрам с заявлением о «беспрецедентном давлении на избирателей со стороны националистических сил», причем особому давлению*

якобы подвергается русскоязычное население. В ответ штаб В. Семенова выступил с обвинениями в адрес сил, «проигравших в первом туре выборов». Глава штаба Б. Батчаев обвинил в терактах и нагнетании напряженности в республике сторонников В. Хубиева и С. Дерева. В КЧР из Москвы была направлена специальная комиссия с задачей разобраться в сложившейся ситуации.

Р. Абдулатипов и Миннац России обратились к народам КЧР с заявлением. В нем говорилось: «Недопустимо, когда определенные политические и националистические силы, пренебрегая интересами всех народов, движимые маниакальным стремлением к власти, пытаются разыграть национальную карту».

***16 мая.** Второй тур выборов главы республики. Участвовали С. Дерев и В. Семенов. Выборы прошли с многочисленными нарушениями с обеих сторон. Партия В. Семенова организовала массовое досрочное голосование (свыше 60 тысяч человек). В ответ партия С. Дерева закрыла избирательные участки в Черкесске и в населенных пунктах, где проживают черкесы и абазины. В результате В. Семенов набрал 75,5 процента голосов от общего числа проголосовавших избирателей, С. Дерев — 18,6 процента.*

Председатель ЦИК КЧР М. Психомахов (черкес) заявил, что ЦИК не утвердит эти результаты из-за многочисленных нарушений избирательного закона. Из-за внутреннего раскола ЦИК республики не смогла вынести никакого решения. Дело передано в Верховный суд республики (председатель суда — карачаевец).

Начало митингов протеста в Черкесске сторонников С. Дерева, продолжавшихся с небольшими перерывами до октября 1999 года.

С. Дерев обратился к председателю правительства России С. Степашину с просьбой вмешаться в ситуацию. Тот посоветовал решать дело через суд.

***18 мая.** В Москве в присутствии С. Степашина между В. Семеновым и С. Деревым подписано соглашение о согласованных усилиях по поддержанию в республике межнационального согласия. Однако напряженность этим не снята.*

Временно и. о. главы КЧР назначен глава Народного собрания КЧР И. Иванов. Примерно через месяц он в заявлении на имя Б. Ельцина отказался от этой

должности, мотивируя состоянием здоровья и большими физическими и моральными нагрузками.

Врио представителя президента РФ в КЧР назначен зам. министра внутренних дел РФ И. Голубев.

19 мая. *Указ президента РФ «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом в СКР РФ» (подготовлен В. Путиным, бывшим в то время секретарем СБ РФ). Появление указа напрямую связано с обострением обстановки в КЧР, Дагестане, Осетии. Смысл указа — улучшить координацию всех сил и средств, имеющихся в распоряжении федеральных органов, и скоординировать их действия с властями субъектов РФ. Президент, по словам В. Путина, призвал противоборствующие стороны в КЧР «оставаться в рамках закона и здравого смысла».*

Черкесы и абазины выдвинули требование об отделении Черкесии и включении ее в состав Ставрополья. С. Дерев по возвращении из Москвы заявил, что есть только два варианта: «или мы уходим в Ставропольский край, или вводится прямое президентское правление», причем во главе республики должен быть поставлен русский.

24 мая. *Приезд в КЧР премьера С. Степашина и главы администрации президента А. Волошина.*

Глава КЧР В. Хубиев и председатель правительства А. Озов подали в отставку.

10 июня. *Верховный суд КЧР признал выборы 16 мая состоявшимися и победителем в них В. Семенова. Сторонники С. Дерева немедленно обжаловали это решение в Верховном суде России.*

Накануне заседания Верховного суда России состоялся съезд депутатов муниципальных образований КЧР (без черкесских и абазинских депутатов). Принято обращение к президенту России, в котором говорилось, что Международная черкесская организация, созданная якобы спецслужбами Запада для подрыва единства России и финансируемая из-за рубежа, сделала ставку на С. Дерева.

12 июня. *Неудачная попытка В. Семенова собрать «объединительный» съезд народов КЧР, закончившаяся рукопашной схваткой местного ОМОНа с черкесской и абазинской молодежью.*

5 июля. *В Черкесске состоялся «объединенный съезд депутатов всех уровней и национальных общественно-*

политических движений абазинского, русского (казачества), черкесского и других народов Карачаево-Черкесии» — сторонников С. Дерева. Принята резолюция с просьбой к президенту РФ Борису Ельцину для стабилизации ситуации «незамедлительно назначить главу КЧР из представителей русской национальности на предусмотренный Конституцией РФ срок». Большинство участников съезда считали, что совмещение двух должностей не позволит И. Иванову в полной мере осуществлять руководство республикой. Съезд выразил недоверие руководству МВД КЧР и Верховному суду КЧР.

23 июля. *Верховный суд России принял решение, которое, не отменяя решения республиканского суда о признании результатов выборов 16 мая, рекомендует ему еще раз рассмотреть вопрос с соблюдением всех необходимых формальностей, в том числе касающихся деятельности республиканского ЦИКа.*

Это паллиативное решение не удовлетворило обе стороны конфликта. В. Семенов, в частности, заявил: «После 23 июля обстановка резко изменилась. Эти стремительные назначения не случайны — они принимались еще до решения суда и готовились тайно». Он, по его словам, пытался убедить в опасности такой политики А. Волошина, но безрезультатно.

28 июля. *Зам. председателя ЦИК РФ В. Власов назначен временно и. о. главы КЧР. Министр по делам национальностей В. Михайлов вылетел в КЧР, чтобы подготовить приезд В. Власова. Накануне, 24 июля, КЧР посетил первый вице-премьер В. Христенко, обещавший изыскать в федеральном бюджете дополнительные финансовые средства для КЧР.*

Приказом министра внутренних дел РФ В. Рушайло руководителем МВД КЧР назначен А. Волкодав, начальник Астраханского УВД, освобожденный от должности руководителя ОВД КЧАО в 1991 году. Его назначению предшествовала работа в КЧР комиссии МВД, вскрывшей многочисленные злоупотребления, допущенные в прежние годы, и тем самым расчистившей путь для назначения А. Волкодава.

В КЧР начались митинги протеста против назначения А. Волкодава и предполагаемого назначения М. Батдыева. (Накануне появились слухи, что подготовлен указ Б. Ельцина о назначении полномочным представи-

телем президента РФ в КЧР управляющего ЦБ КЧР М. Батдыева.)

3 августа. *Совещание в Белом доме по КЧР под руководством премьера С. Степашина. Приняли участие глава Миннаца В. Михайлов, временный глава КЧР В. Власов, «непризнанный» глава КЧР В. Семенов. По сообщениям прессы, «Москва обещала не мешать В. Семенову в стабилизации обстановки», который заявил, что удерживать ситуацию от взрыва ему удается с большим трудом и что все предыдущие инициативы центра оборачивались лишь новыми вспышками массовых акций в республике. В. Семенов после совещания дал понять, что в отношении него в центре произошел «явный перелом». В частности, С. Степашин, как бывший глава ФСБ, якобы заверил В. Семенова, что при нем никакого компромата в ФСБ на генерала не было.*

11 августа. *Очередной съезд сторонников С. Дерева в Черкесске. Обсужден вопрос о стабилизации ситуации в республике. Отмечено, что усилиями С. Дерева и его сторонников ситуацию в республике удалось «удержать в рамках законности и порядка». Вместе с тем отмечено «резкое возрастание напряженности во взаимоотношениях между народами. Расколотыми по национальному признаку оказались Народное собрание и правительство, ЦИК и административные органы республики, госслужащие, студенты и учащаяся молодежь».*

Съезд заявил о своем твердом намерении, учитывая невозможность перспективы совместного проживания отдельных народов республики, в соответствии с волеизъявлением народов восстановить черкесскую автономию, ликвидированную в 1957 году. Принято решение обратиться к президенту и правительству России с просьбой оказать помощь в создании нормативно-правовой базы для восстановления черкесской автономии в соответствии с действующим федеральным законодательством и международными нормами о праве наций на самоопределение.

Заседание Верховного суда КЧР. Продолжено рассмотрение дела о результатах выборов 16 мая. Участвовали (по решению предыдущего заседания Верховного суда КЧР) два эксперта от ЦИК РФ (И. Голошко и В. Кораблин).

27 августа. *Верховный суд КЧР подтвердил свое*

решение о признании итогов выборов 16 мая. Суд не нашел достаточных правовых оснований для опротестования итогов выборов (посчитал, что основные нарушения были допущены сторонниками С. Дерева). К тому же в суде имелся перевес сторонников В. Семенова. В ответ на это решение начались массовые митинги протеста черкесского и абазинского населения. Имели место даже столкновения с применением оружия (один человек был ранен). С. Дерев вновь обратился в Верховный суд РФ с просьбой опротестовать решение республиканского суда.

Митинг противников В. Семенова в Черкесске обратился к Б. Ельцину с просьбой — создать Черкесскую автономную область в составе России. До принятия этого решения оставить во главе республики В. Власова. В принципе же, по словам С. Дерева, они не будут возражать против любого человека, назначенного Москвой.

Нарастание напряженности в КЧР. Стычки между сторонниками В. Семенова и С. Дерева, вплоть до применения оружия. В. Путин обратился к населению КЧР с просьбой прекратить митинги. Однако результатов это не дало.

30 августа. *ЦИК КЧР постановил выписать удостоверение главе КЧР В. Семенову и опубликовать в местной печати протокол и сводную ведомость итогов выборов 16 мая.*

Встреча В. Путина с В. Семеновым в Москве. Информация о ее итогах противоречивая. В штабе В. Семенова заявляют, что В. Путин поторопил В. Семенова со вступлением в должность; в штабе С. Дерева — что В. Путин потребовал от В. Семенова не торопить события до решения Верховного суда России.

Генпрокуратура КЧР опротестовала решение Верховного суда КЧР о признании В. Семенова главой республики.

Появились сообщения, что на имя Б. Ельцина направлено обращение с просьбой назначить Б. Березовского специальным представителем президента РФ на Северном Кавказе, так как именно он может предупредить «возникновение в регионе острых политических кризисов». По сообщению Б. Березовского, обращение подписано В. Семеновым и С. Деревым, а также депутатами Народного собрания КЧР Акбашевым, Хурано-

вым и Савельевым. Глава штаба В. Семенова М. Каракетов отверг причастность своего шефа к этому документу.

31 августа. *На митинге сторонников С. Дерева в Черкесске провозглашено создание Черкесской автономии. По этому поводу направлены заявления президенту РФ, главе правительства и председателям палат Федерального собрания.*

Начало сентября. *Обострение митинговой активности. Стычки между сторонниками В. Семенова и С. Дерева, в том числе с применением огнестрельного оружия, поджоги зданий.*

7—9 сентября. *Очередной раунд переговоров между В. Семеновым и С. Деревым в Москве при участии главы администрации президента А. Волошина и премьера В. Путина закончился безрезультатно. С. Дерев накануне заявил в интервью, что КЧР практически разделена («даже дети разной национальности в школах и детских садах друг с другом не здороваются») и В. Семенову будет невозможно управлять республикой, даже если его утвердят.*

14 сентября. *Инаугурация В. Семенова в г. Усть-Джегут. И. о. главы КЧР В. Власов назвал ее «неофициальным мероприятием, инициированным штабом В. Семенова вопреки Москве». В. Семенов подписал указ об отставке правительства и провел первое совещание с главами городов и районов (главы черкесских районов и населенных пунктов совещание игнорировали).*

20—21 сентября. *Съезд черкесского, абазинского и части русского народа провозгласил декларацию о Черкесской автономной области в составе Ставропольского края. Главой правительства провозглашен С. Дерев, которому поручено сформировать правительство автономии.*

20—26 сентября. *Блокирование сторонниками С. Дерева здания правительства КЧР. Митингующие не пропустили в здание В. Семенова, и. о. председателя правительства КЧР О. Боташева, других сотрудников аппарата. Пикеты разогнаны ОМОНом на шестой день.*

26 сентября. *В. Семенов въехал в здание правительства КЧР (до этого работал в здании Министерства сельского хозяйства республики).*

2 октября. *Съезд русского казачества в КЧР. Съезд*

высказался за сохранение единства и целостности республики. Принята резолюция, в которой подчеркивалось, что русскоязычное население относится к провозглашению Черкесии с выходом из состава КЧР своего рода политическим экстремизмом. Рекомендовано кадровые назначения в республике проводить в соответствии с процентным соотношением населения. На съезде присутствовал В. Семенов.

5—8 октября. *Работа в республике комиссии Госдумы во главе с зам. председателя Госдумы М. Юрьевым. Комиссия побывала в ряде районов компактного проживания русского казачества, карачаевцев, черкесов, абазин.*

9 октября. *Собрание русской интеллигенции. Присутствовал В. Семенов. Собрание высказалось за недели-мость КЧР.*

21 октября. *Б. Березовский объявил о своем намерении баллотироваться в Госдуму по 15-му одномандатному избирательному округу в КЧР. Он заявил, что у него «есть и опыт, и воля, чтобы не допустить начавшегося на Кавказе распада России». Напомнил, что во время противостояния между В. Семеновым и С. Деревым оба они обратились к президенту РФ с просьбой назначить Б. Березовского своим полномочным представителем в Чечне.*

22 октября. *Верховный суд РФ подтвердил решение Верховного суда КЧР о признании действительными выборы главы республики 16 мая 1999 года.*

23 октября. *При посредничестве В. Путина в Москве достигнут компромисс между В. Семеновым и С. Деревым. Суть компромисса: В. Семенов немедленно приступает к исполнению обязанностей главы КЧР, однако через год, 22 октября 2000 года в республике должен состояться референдум, на котором жители КЧР выскажут свое мнение о деятельности В. Семенова. По результатам референдума будет принято решение: останется В. Семенов главой КЧР или сложит свои полномочия и будут назначены новые выборы. В. Путин заявил, что пятимесячный конфликт в КЧР завершен. Он подчеркнул, что «непосредственное участие в этом принимал и Б. Березовский». В свою очередь В. Семенов признался, что эта встреча с В. Путиным организована Б. Березовским. В штабе С. Дерева также подтвердили, что встрече в Москве способствовал*

Б. Березовский, которому «надо набирать предвыборные очки».

25 октября. *В. Семенов провел совещание с членами пока не сформированного кабинета. Решено, что формирование правительства будет осуществляться в строгом соответствии с Конституцией КЧР, согласно которой каждый из народов республики должен быть представлен в правительстве в соответствии со своей численностью. Решено также создать совет старейшин, который будет работать в качестве консультативного общественного органа при главе КЧР.*

27 октября. *Митинг сторонников С. Дерева в Черкесске принял резолюцию, в которой говорится, что черкесы и абазины не намерены входить под юрисдикцию В. Семенова как главы КЧР и в его правительство. Компромисс между В. Семеновым и С. Деревым расценен как «личная точка зрения С. Дерева». Подтверждено намерение добиваться черкеской автономии с выходом ее из КЧР и продолжать пикетирование Дома правительства.*

3 ноября. *Б. Березовский зарегистрирован местным избиркомом кандидатом в депутаты Госдумы по 15-му одномандатному округу КЧР. (Помимо него, зарегистрировано еще 12 депутатов.)*

10 ноября. *В. Путин подписал постановление об образовании правительственной комиссии по стабилизации в КЧР во главе с первым вице-премьером Н. Аксененко.*

11 ноября. *Совет Федерации подтвердил полномочия В. Семенова как полноправного члена СФ. Состоялась пресс-конференция В. Семенова в СФ и его выступление по ТВ (РТР). В этом выступлении он расточал комплименты Б. Березовскому, как «опытному и умелому переговорщику», человеку, «внесшему значительный вклад в стабилизацию обстановки в КЧР».*

Фон, на котором развивалась предвыборная борьба за пост главы Карачаево-Черкесской Республики, в целом мало чем отличался от общекавказского, сложившегося к этому времени.

Нестабильность экономики страны, разраставшийся кризис резко снизили жизненный уровень населения КЧР. В последние годы росла задолженность по пенсиям и зарплате в бюджетной сфере (ранее республика не

имела таких задолженностей), и средства для их погашения находились со все большим трудом. Резко снизились темпы развития малого предпринимательства, особенно после августа 1998 года. Сокращалось количество рабочих мест и росла безработица. Из-за войны и вооруженных конфликтов в Северокавказском регионе резко упали доходы от одной из основных отраслей — туристической (туркомплексы Домбай, Теберда).

Но вместе с тем республика по уровню жизни — не самая последняя на Северном Кавказе. КЧР, конечно, уступала многим регионам России, однако на Кавказе, особенно если сравнивать с сопоставимыми по условиям хозяйствования и источникам доходов субъектами региона (отсутствие значимых сырьевых ресурсов, таможенных сборов), уровень жизни в ней не самый низкий. По доходу на душу населения республика занимала 76-е место в РФ, по средней зарплате за 1998 год — 68-е место. В Северокавказском регионе по этим показателям она занимала пятое место — среди десяти субъектов.

Религиозные проблемы пока серьезно не проявлялись в республике. Доминирующими здесь являются две религии — православное христианство и мусульманство. Однако в последние годы отмечалась активная деятельность ваххабитов, создававших в республике свои ячейки. Наблюдатели не исключали, что при попустительстве гражданских властей и руководителей официальных конфессий ваххабизм в республике может стать серьезной угрозой и подорвать стабильность.

Национальные проблемы до 1999 года в КЧР никогда не стояли особенно остро. Так, в середине января 1999 года в КЧР был проведен опрос жителей, согласно которому среди 25 наиболее волнующих жителей проблем на первом месте стояли инфляция и рост цен (66 процентов опрошенных), задержки с выплатой пенсий и зарплаты (65 процентов), рост безработицы и остановка заводов (59 процентов), рост преступности (56 процентов), коррупция и взяточничество (37 процентов). Межнациональные проблемы заняли одно из последних мест (5 процентов опрошенных).

Однако надо учитывать, что национальный воп-

рос — один из наиболее быстро раскручиваемых. И это наглядно показали последующие события в КЧР, где буквально за несколько месяцев противоборство между карачаевцами и черкесами достигло взрывоопасного уровня (вплоть до применения оружия), а республика превратилась в еще одну перманентную «горячую точку» Северного Кавказа.

Напрашивается вывод, что межнациональная вражда в КЧР была искусственно раздута с целями, далекими от истинных интересов народов республики.

Среди таких целей называли, в частности, раздувание националистических сепаратистских настроений в русле общей политики по вытеснению России с Северного Кавказа; реализацию замыслов радикальных исламистов по распространению своего влияния на территорию бывшего СССР, включая Россию; умышленное конструирование «запасного» конфликта регулируемой интенсивности который мог быть использован в случае необходимости для обострения общей ситуации в стране и отмены парламентских или президентских выборов; борьбу за передел приватизированной госсобственности и установление контроля над финансовыми потоками.

Аналитики делали вывод, что республика стала местом приложения многих сил, каждая из которых преследовала собственные цели. Именно эти силы совместными и даже частично скоординированными усилиями привели к межнациональной вражде, созданию таких условий, когда простой человек в республике главным врагом и виновником всех своих бед видит соседа другой национальности, а отнюдь не федеральных «вождей» с их провальной политикой, проводимой в течение последнего десятилетия на Северном Кавказе, не местных и федеральных политиков и олигархов, озабоченных лишь личными выгодами.

Предвыборная ситуация создавала для реализации таких планов наиболее выгодные условия. В ней изначально было предусмотрено противостояние двух наиболее многочисленных и влиятельных народностей КЧР — карачаевцев и черкесов.

Обращали на себя внимание ряд обстоятельств.

От русской общины (самой многочисленной в республике — свыше 42 процентов) не было выдвинуто ни одного кандидата, что объяснимо — так как проти-

воборство между русским и кавказцем во многом заранее предопределило бы направленность конфликта и не было выгодно никому.

Претендент от карачаевцев В. Семенов еще в марте значительно уступал по популярности своим соотечественникам — В. Хубиеву и М. Каитову, но уже в первом туре сумел занять второе место, вслед за С. Деревым. Это подтверждало, что на В. Семенова поставили весьма влиятельные силы.

(Справка-«объективка». Семенов Владимир Магомедович, генерал армии, родился 8 июня 1940 г. в горном ауле Хурзук Карачаевского района. Карачаевец по отцу, русский по матери. Окончил Бакинское общевойсковое командное училище, Военную академию им. М. В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба ВС СССР. В 1988—1991 гг. — командующий войсками Забайкальского военного округа. В 1991—1996 гг. — главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР, а с 1992 г. — Российской Федерации. В декабре 1996 г. приказом тогдашнего министра обороны И. Родионова отстранен от должности главкома Сухопутных войск, в 1997 г. уволен из рядов Вооруженных Сил РФ. Официальный повод — недостаточные усилия по реформированию Сухопутных войск, слабая подготовка частей и подразделений к ведению боевых действий в Чечне, приведшие к большим потерям личного состава и техники.

Однако истинная причина — обвинения в злоупотреблении служебным положением (результат шумного скандала, в котором была замешана жена В. Семенова, чеченка по отцу, русская по матери, причастная якобы к продаже вертолетов в Турцию). Скандал начался с того, что тогдашний председатель Комитета Госдумы по обороне и безопасности Л. Рохлин обвинил В. Семенова «в попытке продать Чечне партию ударных вертолетов».

Однако обвинения в адрес В. Семенова доказаны не были. В июне 1998 г. возвращен в кадры Министерства обороны РФ и назначен главным военным советником министра обороны РФ И. Сергеева.

В 1998 г. стал активно заниматься большой политикой. 28 ноября 1998 г. выступил на «круглом столе», организованном Конфедерацией народов Кавказа, с док-

ладом на тему о «большой кавказской политике». («Круглый стол» проведен во Владикавказе под патронажем президента Республики Северная Осетия — Алания А. Дзасохова.) Доклад В. Семенова на «круглом столе» КНК вызвал значительный резонанс и был положен в основу программы КНК. По поводу этого доклада появился ряд резко критических публикаций. В. Семенова обвиняли в намерении разработать некую нестандартную модель взаимоотношений между федеральным центром и Северным Кавказом, предусматривавшую введение надреспубликанских органов, в попытках создать специфический субъект с шовинистической идеологией путем силового давления на Москву и с использованием религиозного фактора, дальнейшее преобразование этого субъекта в самостоятельное государственное образование и его вывод из России. Его называли даже «новоявленным сепаратистом, разработавшим коварный план развала России».)

В. Семенов в политической части своей предвыборной кампании сделал ставку на «большую кавказскую политику», подчеркивая необходимость объединения кавказских и славянских народов Северного Кавказа перед лицом экспансии Запада, который стремился воспрепятствовать на Кавказе «системообразующей интеграции по линии Север — Юг» между Россией и мусульманскими странами, столкнуть Россию с исламским миром. Он считал, что Запад содействовал экспансии исламского фундаментализма.

По мнению ряда политологов, такая позиция была с большим сочувствием воспринята в Москве определенными политиками (в частности, С. Степашиным и другими), получила поддержку и сыграла едва ли не решающую роль в победе В. Семенова во втором туре выборов главы республики 16 мая.

В области внутренней политики он, помимо обычного набора популистских лозунгов о мерах по повышению уровня жизни, социальной защищенности населения, объявил о своем намерении пересмотреть результаты приватизации, что приводило бы к неминуемому переделу собственности (в результате этой приватизации в распоряжении республиканских властей осталось лишь 3 процента собственности), вскрытию крупных финансовых афер (в частности, свя-

занных с бесследной пропажей бюджетных поступлений по трансфертам, пенсиям, пособиям). Этого боялись не только местные власти, но и многие правительственные чиновники. Поэтому В. Семенову противостояли в первом туре не только лидеры черкесов, но и богатые карачаевцы, крайне обеспокоенные такими заявлениями. Однако в последующем это «семейное недоразумение» было утрясено, и во втором туре В. Семенов пользовался полной поддержкой карачаевской элиты, которая раньше ориентировалась на В. Хубиева.

В. Семенов обвинил С. Дерева и стоявших за ним людей в далеко идущих политических целях. В частности, в причастности к тайным планам объединения всех черкесов в «Великой Черкесии» (государственное образование черкесов и родственных им народов Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии — идея, которую проповедовала Международная черкесская ассоциация).

В. Семенов, отмечали аналитики, фактически не контролировал действия своих сторонников, открыто заявлявших, что не дадут ему уйти «без боя». Более того, на съезде русского казачества КЧР он прямо заявил, что «окружен с трех сторон» сторонниками С. Дерева, Москвой («которая нас не понимает») и собственными соратниками, которые «пытаются навязать свою линию». Его поддерживали карачаевские сторонники радикального ислама, в том числе настроенные антироссийски, открыто заявляя об этом на предвыборных митингах в присутствии В. Семенова и его встречах с избирателями — без какой-либо реакции со стороны генерала.

Отношение к русскоязычному населению сторонников В. Семенова также далеко не однозначно — что, конечно, не могло не учитываться их лидером. Это особенно проявилось перед вторым туром выборов. Все чаще звучали обвинения в адрес кремлевской верхушки. Все больше людей считали, что определенным силам в Москве выгодно обострение обстановки в Карачаево-Черкесии. Оно вписывалось в общее осложнение обстановки на Северном Кавказе (Чечня, Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия) и могло дать повод Кремлю ввести в стране чрезвычайное положение для устранения с политической сцены неугодных политических (или экономических) оппонентов.

Предвыборная программа С. Дерева была довольно простой и понятной населению. Национальный вопрос в ней вообще не затрагивался. С. Дерев демонстративно занимал позицию интернационалиста, постоянно подчеркивая, что для него важны профессиональные качества человека, а не его национальность. Это одновременно было и слабым пунктом его программы, так как в «двухсубъектной» и многонациональной республике (пять титульных наций, около 90 национальностей) национальный вопрос должен быть одним из главных.

Единственным политическим пунктом программы С. Дерева был пункт: «Начинать надо с наведения порядка во власти. Поэтому сразу после выборов предполагаю провести реорганизацию аппарата главы республики и правительства КЧР с целью упрощения их структуры». Именно этот пункт сильно напугал карачаевскую номенклатуру, долгие годы занимавшую ключевые посты в этих аппаратах и интерпретировавших его как намерение вытеснить их с ключевых позиций во власти. С. Дерев в ответ на это заявил, что большинство мест в его правительстве получат русские. Он очень активно работал с русским электоратом, оказывая материальную помощь малоимущим, помогая строить и ремонтировать церкви. В частности, С. Дерев заручился поддержкой митрополита Ставропольского и Владикавказского Гидеона, который благословил его на выборы «за вклад в восстановление храмов на территории республики».

В первом туре выборов С. Дерев одержал победу с убедительным отрывом от В. Семенова (39 процентов против 18 процентов при том, что доля черкесов вместе с абазинами в республике не более 16 процентов).

В этом сыграли роль два обстоятельства. Прежде всего, это активная работа с русским населением (свыше 40 процентов электората). С. Дерев всячески демонстрировал готовность к назначению русских на ответственные посты в республике. Он так сумел поставить себя, что русские видели в нем не национального лидера черкесов, а лишь борца с «проворовавшейся властью». Кроме того, С. Дерев на фоне «советских» кандидатур (В. Хубиев, М. Якуш да и В. Семенов) был

единственным носителем экономической альтернативы, «человеком дела».

С. Дерев и его сторонники обвиняли В. Семенова и карачаевцев в произвольном толковании истории черкесов, раздувании мифа о так называемой «Великой Черкесии», необоснованных обвинениях лидеров черкесов в связях с западными спецслужбами, в претензиях на пантюркистское единство, в связях с чеченцами, в намерениях возродить дискредитировавшую себя «Конфедерацию народов Кавказа».

Митинги обеих группировок проходили с сентября 1998 года, особенно интенсивно, практически бессменно — после выборов 16 мая 1999 года. Борьба между С. Деревым и В. Семеновым во втором туре и после него перешла в откровенно национальную плоскость: карачаевцы против черкесов. Дело дошло даже до вооруженных стычек с человеческими жертвами.

Опасность карачаево-черкесского противостояния заключалась и в том, что оно неизбежно распространялось за пределы республики. Адыгея встала на сторону С. Дерева, парламент этой республики принял обращение в его поддержку. В Кабардино-Балкарии кабардинцы стояли за черкесов, балкарцы — за карачаевцев. Пережившие депортацию ингуши и чеченцы в основном на стороне «братьев по несчастью» — карачаевцев, Р. Аушев высказался в поддержку В. Семенова. Чеченские боевики, прошедшие Абхазию, симпатизировали скорее черкесам, которые тоже принимали активное участие в этой войне на стороне абхазов.

Учитывая многочисленность русскоязычного электората, за него шла острая борьба между карачаевцами и черкесами, причем с широким использованием «грязных» методов: подкуп, обман, запугивание. Особенно этим грешила карачаевская сторона перед вторым туром.

Сами же русские в предвыборной борьбе вели себя вяло и безынициативно. От них, например, не было выдвинуто ни одного кандидата в президенты. Хотя в предвыборной кампании деятельность русских общественных организаций (той же «Русской общины») несколько активизировалась, однако она сводилась не к проведению самостоятельной политики, а скорее к выбору наиболее предпочтительного союзника среди других титульных национальностей.

Москва явно «проспала» выборы в КЧР. Вначале ставка была сделана на В. Хубиева, который оставался единственным в РФ главой республики, назначенным из центра, хотя многим было ясно, что В. Хубиеву победы на выборах не одержать. Кремль в это время был занят совсем другими проблемами: импичментом, борьбой с правительством Е. Примакова, с набиравшим авторитет движением «Отечество». Там надеялись, что В. Хубиев сумеет полноценно использовать все имевшиеся в его распоряжении ресурсы, административные и бюджетные рычаги.

Однако на выборах В. Хубиев, как и вся карачаевская политическая элита, потерпел сокрушительное поражение, набрав немногим более 5 процентов голосов (пятое место).

Москва активно включилась в процесс после второго тура, когда карачаевская и черкесская элиты, возглавляемые своими лидерами С. Деревом и В. Семеновым, объявили друг другу непримиримую информационную войну, избиратели и все властные структуры раскололись по национальному признаку, а сама республика оказалась на грани войны.

Естественно, Москва действовала в своей привычной манере. Первая ее реакция — угроза только что назначенного премьером С. Степашина «вызвать на ковер» обоих спорщиков, что только подлило масла в огонь. Затем последовал приезд в республику С. Степашина и А. Волошина с миротворческой миссией. Но кремлевские «пилигримы», по сути, официально оформили режим безвластия в республике: все, что они сделали, — вынудили В. Хубиева и А. Озова подать в отставку, оставив в ней только две противоборствующие силы — В. Семенова и С. Дерева с их сторонниками. С того времени республика в течение пяти месяцев только и делала, что митинговала, стояла в пикетах, сутяжничала, в ней стали массовым явлением теракты, столкновения между сторонниками обеих лидеров, война компроматов. А сам Кремль начал обычную подковерную игру с обоими претендентами. Активными ее участниками, помимо официальных лиц, стали теневые члены кремлевского клана — Б. Березовский, Р. Абрамович, В. Юмашев.

Отношения между Кремлем и В. Семеновым поначалу были прохладными. Кандидатура В. Семенова

якобы не устроила А. Волошина и В. Рушайло. При этом одним из главных антисеменовских лоббистов явился, по утверждению «семеновцев», управделами Генпрокуратуры РФ К. Г.-Х. Хапсироков (о тесных связях К. Хапсирокова с С. Деревом и черкесской элитой в республике какая только российская газета не писала. К. Хапсироков до 1993 г. проживал в КЧР). Глава территориального управления администрации президента С. Самойлов предостерег В. Семенова от попыток вступить в должность без «благословения» Кремля. По некоторой информации, в ФСБ даже была создана специальная группа, которой была поставлена задача разработать сценарий отмены выборов в КЧР и проведения новых выборов в декабре 1999 года, совместно с выборами в Госдуму.

В. Семенову не помогло даже благорасположение тогдашнего премьера С. Степашина, с которым он нашел общий язык. В частности, С. Степашину импонировала позиция генерала в отношении «большой кавказской политики», которая базировалась на безусловном признании Северного Кавказа как неотъемлемой части России и предусматривала меры противодействия кавказской политике Запада и НАТО.

В целом же позиция Кремля была непоследовательной и противоречивой. Причины: отсутствие единой политики в Северокавказском регионе, непонимание нюансов, а также подкуп правительственных чиновников, их общие с правящей элитой КЧР финансовые интересы, личные связи.

Тем не менее Кремль не решился открыто проигнорировать 75 процентов голосов, отданных за В. Семенова во втором туре, как и угрозы сторонников С. Дерева акциями неповиновения и выходом черкесских земель из состава КЧР. Дело было передано Верховному суду России, который после двухмесячного обсуждения так и не принял никакого принципиального решения и вернул дело в Верховный суд республики на дополнительное рассмотрение.

В Кремле тем временем были разработаны два сценария урегулирования в КЧР.

Первый (его идеология разработана Миннацем) — отмена Верховным судом России итогов выборов 16 мая ввиду огромного количества нарушений с обеих сторон. Центр назначает временно исполняющего обя-

занности главы республики, задача которого — погасить митинговые страсти, используя финансовую и моральную поддержку Москвы. Таким подходящим «кандидатом в пожарные» стал В. Власов, против кандидатуры которого не возражала ни одна из противоборствующих сторон.

Далее, по первому, «миннацевскому», плану в конце 1999 года на выборах в Народное собрание КЧР следовало обеспечить поддержку подходящих людей. После этого провести необходимые поправки к Конституции КЧР, предусматривающие введение «дагестанской» модели правления (высший орган типа Госсовета с пропорциональным национальным представительством). Госсовет избирает главу республики — представителя одного из двух самых многочисленных народов.

Надо сказать, что среди значительной части населения КЧР идея внесения изменений в Конституцию КЧР с целью превращения ее в «парламентскую» республику приобретала определенную популярность.

Второй план — введение режима ЧП в республике (естественно, с отменой выборов в Госдуму РФ). Но вариант ЧП отпал. Во-первых, из-за очевидного сопротивления Совета Федерации, который наверняка не поддержал бы введение режима ЧП в национальной республике только по результатам выборов. Но главное, в отношении выборов в Госдуму Кремль избрал другой путь — он бросил всю государственную машину, включая спецслужбы, госаппарат, СМИ, финансовые потоки на борьбу с наиболее опасными своими противниками — блоком ОВР и его лидерами.

Но и первый сценарий было затруднено реализовать. Даже поверхностный анализ показывал — как отмена итогов выборов 16 мая, так и их признание окончательно взорвет ситуацию в республике. Поэтому была избрана тактика поиска приемлемых компромиссов между В. Семеновым и С. Деревым. К процессу негласно, но активно подключился Б. Березовский, который преследовал личную цель — поиск надежной тропы в депутаты Госдумы нового созыва.

В результате между В. Семеновым и С. Деревым был заключен компромисс, согласно которому В. Семенову давалась возможность руководить республикой в течение года, а затем должен быть проведен

референдум о его дальнейшей судьбе как главы республики (отставка и назначение новых выборов или продолжение правления). Однако такое решение сразу же стало крайне непопулярным среди сторонников С. Дерева, которого стали обвинять в предательстве. Черкесы и абазины отказались войти в состав правительства В. Семенова и настаивали на своем требовании о выходе четырех черкесских и абазинских районов из республики.

В целом итоги политической деятельности Кремля в разрешении конфликта в КЧР выглядели неутешительно.

Было сделано все, чтобы за короткое время спокойная на Кавказе в области национальных отношений республика превратилась в еще одну перманентную горячую точку на Северном Кавказе.

Заключением компромисса между В. Семеновым и С. Деревым конфликт не был погашен, он только загнан вглубь. В любой момент он мог либо самовоспламениться, либо быть реанимированным теми или иными заинтересованными в этом силами.

Политика Кремля привела к тому, что общекавказский конфликт распространялся все шире, захватывая уже западные районы Северокавказского региона и вовлекая все больше народностей. Как говорилось выше, за обеими сторонами конфликта в КЧР стояли многие народности Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Дагестана, Чечни, Абхазии, которые в любой момент могли быть вовлечены в конфликт.

Еще более было ослаблено влияние русского населения, которое долгие десятилетия выполняло консолидирующую роль. Соответственно усилились позиции националистов и сепаратистов.

Слабость и непродуманность политики Москвы в карачаево-черкесском конфликте видны, в частности, на примере двух личностей, принимавших активное участие в последних событиях в Карачаево-Черкесии.

Назначенный временно исполняющим обязанности главы КЧР заместитель председателя ЦИК В. Власов (с оставлением на этой должности), как стало ясно почти сразу же после его назначения, никак не годился на роль «пожарного». Это подтверждали и отзывы из республики. На совещании в Белом доме 4 августа он

обещал не вмешиваться в политику и заниматься исключительно социально-экономическими проблемами. Однако и здесь не достиг никаких заметных успехов и не снискал авторитета ни у одной из противоборствующих сторон. Да и времени ему было отведено крайне недостаточно.

В частности, сторонниками В. Семенова назначение В. Власова было однозначно расценено как пренебрежение к избирателям.

Назначение В. Власова временным главой КЧР было неожиданным только для непосвященных. Он занимал должности заместителя представителя правительства в Чечне, затем — представителя президента. В этот период он активно сотрудничал с Б. Березовским, бывшим в ту пору заместителем секретаря безопасности РФ, занимавшимся Чечней. Б. Березовский после того как И. Рыбкин попросил Б. Ельцина освободить его от обязанностей полномочного представителя президента РФ в Чеченской Республике, предложил выдвинуть на эту должность В. Власова. В мае 1997 года В. Власов был захвачен чеченскими боевиками. По поступившей позднее информации, он был выкуплен за приличную сумму, причем к этому приложил руку (и, по-видимому, кошелек) Б. Березовский.

Так, «странное» обращение обеих противоборствующих в КЧР сторон к президенту России в конце августа 1999 года с просьбой о назначении Б. Березовского полномочным представителем президента на Северном Кавказе было организовано не без помощи и. о. главы КЧР В. Власова. Он принимал участие и в подготовительной работе по регистрации БАБа кандидатом в депутаты Госдумы от Карачаево-Черкесии.

По некоторым данным, именно Б. Березовский проталкивал В. Власова на должность заместителя председателя ЦИК (мощная поддержка в этом органе накануне выборов 1999—2000 годов БАБу была крайне нужна, в том числе в расчете на выдвижение собственной кандидатуры, причем именно в КЧР). К тому же «свой человек» на посту зампреда ЦИК — это дополнительная возможность влиять на принимаемые ЦИКом решения, это оперативная и полная информация о всех нюансах предвыборной ситуации, о ходе

и результатах выборов. Значение такой информации трудно переоценить.

Самовыдвижение Б. Березовского кандидатом в депутаты Госдумы по Карачаево-Черкесскому одномандатному округу вряд ли можно считать политическим сюрпризом. Борис Абрамович, судя по всему, давно задумал войти в ряды «народных избранников». Не случаен и выбор Северокавказского региона.

Именно Северный Кавказа уже не первый год являлся для Б. Березовского тем районом, где можно было сорвать максимальные политические дивиденды: «миротворчество» в Чечне, «освобождение» захваченных заложников. Можно было, например, влиять на ситуацию в нужном направлении. Да и экономические интересы.

КЧР в этом смысле занимала одно из первых мест. У БАБа давно установлены тесные отношения с С. Деревым и другими предпринимателями республики. А сложившаяся после выборов 15 мая тупиковая ситуация в республике давала возможность использовать в своих целях и В. Семенова.

Избирательную кампанию БАБ начал в излюбленной им «подковерной» манере. Последовал настоящий фейерверк эффектных подготовительных мероприятий и приемов «черного» РР.

Вначале появилось странное обращение из КЧР — якобы от представителей черкесского, абазинского и части русского народа назначить Б. Березовского специальным представителем президента РФ на Северном Кавказе. Именно БАБ, говорилось в обращении, способен предупредить «возникновение в регионе острых политических кризисов». Он тут же сообщил Интерфаксу, что это обращение подписано и В. Семеновым, и С. Деревым, а также депутатами Народного собрания КЧР (Акбашевым, Хурановым и Савельевым) и что он к этому обращению, конечно же, не причастен, но «народ требует». «Ни указ президента, ни мнение уважаемых мной лидеров Карачаево-Черкесии не позволяют мне принять такое решение, — заявил олигарх. — Только простые люди на Северном Кавказе могут решить, должен ли я заниматься урегулированием ситуации в регионе».

Почти сразу же после этого появились слухи о его намерении выдвинуть свою кандидатуру по Карача-

ево-Черкесскому одномандатному округу. Новость, к которой постепенно приучили общественное мнение. Затем последовало официальное заявление Б. Березовского о своих депутатских планах.

В принципе же, надо признать, он подготовил операцию по внедрению в Думу весьма основательно.

Во-первых, выбрал округ, где, грубо говоря, «деньги могут все» и где, балансируя на противоположных интересах двух непримиримых сторон, можно добиться поддержки их обоих (что, в общем-то, и происходило).

Во-вторых, округ, где отсутствовали печатные СМИ, излагавшие информацию о нем — например, «Московский комсомолец», а из телеканалов принимался только ОРТ — канал, на котором Б. Березовского показывают намного чаще, чем нынешнего президента, причем в ореоле чуть ли не святого, и РТР.

В-третьих, помимо упомянутого обращения, был продуман и реализован ряд мер, на первый взгляд не связанных между собой, но однозначно игравших на руку Б. Березовскому и расчищавших ему дорогу в Думу.

Среди них аналитики отмечали назначение В. Власова и. о. главы республики (именно В. Власов, человек, немного знавший Кавказ, познакомившись с его обычаями и традициями, готовил почву для выдвижения Б. Березовского кандидатом в депутаты от Карачаево-Черкесии); назначение А. Волкодава на должность главы МВД республики (поначалу вызвавшее бурю негодования в республике, особенно среди сторонников В. Семенова, которое затем постепенно сошло на нет). Именно А. Волкодав, хорошо знавший местную обстановку, тайные пружины, действовавшие в этой республике, «слабые места» (точнее, злоупотребления) многих представителей республиканских властных структур и бизнеса, мог наиболее эффективно способствовать планам Березовского; достижение компромисса между непримиримыми соперниками В. Семеновым и С. Деревым. Компромисса довольно странного: В. Семенов, по сути, согласился на статус временного президента, сроком на один год, а С. Дерев неожиданно изменил свою принципиальную непоколебимую позицию.

При этом обращал на себя внимание тот факт,

что и В. Семенов, и С. Дерев довольно лояльно отнеслись как к инициативе о назначении Б. Березовского полномочным представителем президента РФ на Северном Кавказе, так и к его выдвижению кандидатом в депутаты Госдумы от КЧР. Уже после регистрации олигарха, которая, как и следовало ожидать, прошла гладко, последовала «операция отбеливания» — Генпрокуратура сняла с Б. Березовского обвинение в финансовых махинациях в связи с делом «Аэрофлота». Подписан этот документ следователем по особо важным делам Генпрокуратуры Н. Волковым, пользовавшимся репутацией принципиального следователя, который еще недавно давал понять, что главные обвинения по этому делу еще впереди (что придало особую весомость «отбеливанию»). Тут же последовала «победная» пресс-конференция, на которой Б. Березовский в своей обычной манере попытался убить сразу нескольких зайцев: назвал «своим» претендента на президентское кресло — В. Путина, попытался вбить клин между Ю. Лужковым и Е. Примаковым, обвинить Е. Примакова как главного «фабрикатора» дела «Аэрофлота» и тем самым принизить его авторитет, достаточно высокий на Кавказе. Б. Березовский заявил также: «Формулировка постановления о прекращении дела позволяет полагать, что следствие косвенно признает недостаточность доказательств также и в отношении других лиц, проходящих по данному уголовному делу». То есть, по его мнению, дело еще не до конца закрыто. Для него принципиально важно «отмыть» также своих соучастников по «Аэрофлоту» и тем самым показать общественному мнению «преднамеренно инспирированный», «личностный» характер этого дела.

Характерный и очень выразительный штрих — 10 ноября В. Путин подписал распоряжение правительства РФ об образовании Комиссии по вопросам стабилизации общественно-политической ситуации в КЧР. Председателем был назначен первый вице-премьер, он же министр путей сообщения Н. Аксененко. В этом решении, если исходить только из здравого смысла, много странного: сам факт ее образования (почему КЧР, а не Дагестан, не Чечня?), ее цели и задачи (стороны достигли компромисса, пусть временного, о какой няньке идет речь?), руководитель (неужели

у первого вице-премьера нет более важных задач, чем наблюдать за поведением соперников в КЧР?). Странного — если не учитывать, что, наверное, одна из основных задач этой комиссии — обеспечить победу Б. Березовского на выборах в Госдуму.

В созданных условиях вопрос о том, будет ли «карачаево-черкес» Б. Березовский избран в Госдуму, приобретал чисто риторический характер.

Дагестан. Агрессия, развязанная против Дагестана со стороны Чечни, была прямым и неизбежным следствием нерешительности и фактического бездействия федерального центра по решению чеченского кризиса. Сохранив в угоду своим временным конъюнктурным политическим потребностям президентской избирательной кампании 1996 года тогдашний режим в Грозном, российское руководство тем самым оставило на Северном Кавказе, суверенной части своей территории, опаснейший очаг и рассадник терроризма и экстремизма, грозившего взорвать не только весь Кавказ, но и некоторые другие регионы России.

Неизбежность агрессии чеченских и взаимодействовавших с ними международных террористических группировок и центров против Дагестана была очевидной хотя бы по той предварительной подготовке, которая практически в открытую проводилась ими, особенно с начала 1998 года. Российские спецслужбы, особенно военная разведка, еще более года назад предупреждали о готовившемся под руководством Ш. Басаева и Э. Хаттаба вторжении в Дагестан с указанием его направлений, масштабов и предполагаемых сроков. Почему эти предупреждения и доклады оказались невостребованными, непонятно.

Весь опыт чеченского кризиса, равно как и других военно-политических кризисов на юге, свидетельствовал о том, что экстремистско-террористические силы действуют тем наглее и агрессивнее, чем слабее оказываемое им законными властями противодействие. Это аксиома. Известные события периода чеченской войны в г. Буденновске и в Кизлярском районе Дагестана (с. Первомайское), когда были бездарно упущены находившиеся в окружении главари чеченских террористических рейдовых групп Ш. Басаев и С. Радуев, только добавили всем террористам смелости и наглости.

И в дальнейшем федеральные и региональные власти, сталкиваясь с фактами террора со стороны окопавшихся в Чечне и в приграничных с ней территориях преступных группировок, только тем и занимались, что стояли в глухой обороне, выменивали и выкупали у чеченцев заложников, обманывали себя надеждами, что чеченские власти, наконец, образумятся и станут вести себя цивилизованно. Террор и экономические диверсии с чеченской территории в условиях слабого реагирования на них со стороны российских властей превратились в главные источники доходов для Чечни, привычную форму отношений части жителей этой криминальной зоны с окружающим миром, в том числе и с Дагестаном, развили у них ощущение безнаказанности и вседозволенности.

Дагестан был под особым прицелом у лидеров чеченских экстремистов типа Ш. Басаева, М. Удугова и Э. Хаттаба, а также зарубежных и доморощенных идеологов ваххабизма. Все они одержимы идеей возрождения имамата Дагестана и Чечни периода имама Шамиля с последующим расширением (завоеванием) его влияния на весь Кавказ. В начале 1998 года под руководством Ш. Басаева и во главе с ним был образован так называемый конгресс народов Чечни и Дагестана, на котором и была сформулирована программа возрождения нового имамата.

Фактически с тех пор и была начата подготовка к новой кавказской войне, первым этапом которой должен был стать захват Дагестана. В течение всего 1998 года в находившихся на территории Чечни учебных лагерях Э. Хаттаба на деньги зарубежных террористических центров для этой войны готовились боевики, которые летом 1999 года вели боевые действия в Дагестане. Не исключалось, что имевшая место летом 1998 года в Махачкале попытка захвата власти известными своими широкими связями с чеченцами братьями Хачилаевыми могла быть частью этого общего замысла. Что бы там ни заявлял бывший депутат Госдумы России Н. Хачилаев, находившийся, кстати, в ваххабитском анклаве Карамахи — Чабанмахи в стане чеченских боевиков, о непричастности к агрессии против своего народа, реальные факты говорили о другом. Уже после вторжения на дагестанскую территорию Ш. Басаев объявил о создании так называ-

емого исламского государства Дагестан и назначил его председателем С. Рамазанова.

К источникам разразившегося в Дагестане военно-политического кризиса аналитики, безусловно, отнесли сохранявшуюся в течение длительного периода экономическую и социальную напряженность и политическую нестабильность в самом сообществе дагестанских народов. Об этом в российской прессе и в специальных докладах было сказано немало. Уровень дотационности республики составлял около 90 процентов. Наблюдался продолжавшийся спад производства. Реальные доходы населения республики были в четыре раза меньше среднероссийских, при этом две трети работающих дагестанцев получали зарплату на уровне ниже прожиточного минимума. Существовала проблема занятости: 19 процентов активного населения не имело работы, в том числе уровень безработицы среди молодежи оценивался в 85—90 процентов. Процветала теневая экономика, клановость, коррупция. Республика удерживала первенство в Российской Федерации по количеству преступлений, квалифицируемых как террор, в том числе политический.

К чести дагестанцев эти трудности не повлияли на их решимость защищать свою республику от нашествия чеченских банд. По-видимому, главари вторгшихся на территорию Дагестана банд ошиблись, рассчитывая на поддержку со стороны дагестанцев, последние были неудовлетворены состоянием социально-экономической ситуации и уровнем заботы о них со стороны республиканских и федеральных властей.

Дагестанский военно-политический кризис — это очевидное следствие отсутствия у федерального центра правильной и понятной для местного населения кавказской политики, а главное — желания обзавестись такой политикой и настойчиво проводить ее на местах. В том, что такая политика должна быть, не могло быть никаких сомнений. Если взглянуть на деятельность федеральных структур в этой сфере — Миннац, Совет безопасности, Федеральное собрание, то можно было обнаружить только отдельные всплески какой-то активности в этом плане, но никак не продуманную и последовательную работу, рассчитанную на конечный позитивный результат.

Разработанные концепции национальной политики и обеспечения безопасности России на Северном Кавказе носили исключительно декларативный и рекомендательный характер до того момента, пока ведомства утрясали и согласовывали их тексты. Реакция на уже состоявшиеся события — вот основной метод работы российских властей, который, конечно же, не мог дать того результата, который был бы необходим. Москва была беспечна, если не равнодушна к тому, что происходило в регионах. Эта беспечность часто порождала безответственность у местных властей, сковывала их инициативу и активность.

Побывал министр внутренних дел Российской Федерации С. Степашин на территории ваххабитского анклава в Дагестане (Карамахи — Чабанмахи) и убедил всех в том, что там проживают «очень симпатичные бандиты». А спустя некоторое время федеральные войска, используя полевую артиллерию, авиацию, современные боеприпасы, с трудом очищали эту территорию от боевиков-ваххабитов, неся при этом потери в живой силе и технике. И это не осталось незамеченным ни в Чечне, ни в других северокавказских субъектах Российской Федерации.

Требовали серьезного изучения и отношения к себе такие возможные мотивы организации военно-политического кризиса в Дагестане, как место и роль, отводимые республике теми международными центрами и силами влияния, которые всерьез и надолго заинтересованы в установлении полного контроля над нефтяными ресурсами зоны Каспийского моря. В этом была заинтересована и Чечня, уже в какой-то степени «присосавшаяся» к нефтяному потоку и получавшая от него свою долю доходов. Территория Дагестана, являвшаяся альтернативным чеченскому маршрутом вывоза каспийской нефти на внешние рынки, безусловно, интересовала чеченских лидеров. Не говоря уже о том, что контроль даже над частью Дагестана давал Грозному свободный выход во внешний мир через Каспийское море.

Какие угрозы создавал военно-политический кризис в Дагестане? Утрата Дагестана была равнозначна утрате Россией всего Северного Кавказа. Если пять — шесть лет назад это утверждение многих аналитиков

воспринималось как красивая фраза и образная аллегория, то летом 1999 года в это приходилось верить. За падением Дагестана последовали бы аналогичные события в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. И тогда уже действительно было поздно что-либо спасать.

Главная угроза была в возможности затягивания вооруженного конфликта, созданного вторжением на территорию Дагестана бандформирований, прошедших основательную подготовку в Чечне. Продолжение этого конфликта могло создать у дагестанцев, возлагавших надежды на то, что Российская армия защитит их от бандитов, недоверие к федеральному центру. Длительное и безнаказанное нахождение на дагестанской территории формирований и банд экстремистов спровоцировало бы обострение обстановки в других районах Северного Кавказа. Этому способствовали бы и сами чеченцы, организуя через свою агентуру и пособников террористические акты и провокации против тыловых объектов, военнослужащих, работников правоохранительных органов и мирного населения не только в зоне вооруженного конфликта, но и на остальной территории России.

Военные аналитики предполагали возможность притока в Чечню, в вооруженные банды Ш. Басаева и Э. Хаттаба новых контингентов потенциальных экстремистов, в том числе и профессиональных наемников из-за рубежа. Из этого необходимо было сделать вывод об ужесточении условий и правил перемещения любых лиц через границы Чечни и Дагестана. Учитывая настойчивые попытки чеченской стороны наладить политические контакты и взаимопонимание с официальными лицами и неофициальными структурами Грузии и Азербайджана, российским властям приходилось постоянно держать в поле своего зрения эту сторону проблемы.

Давно прогнозировавшееся и все же неожиданное для федеральных и республиканских властей обострение обстановки в Дагестане вскрыло очень опасную и неприятную тенденцию: с одной стороны, Кремль боялся и не умел объективно оценивать политическую обстановку на территории своей страны, вскрывать ее движущие силы и откровенно говорить со своим наро-

дом об опасностях и угрозах для государства и общества, каждого гражданина, с другой стороны, как в Москве, так и в регионах сформировался целый отряд записных ораторов и комментаторов, которые только тем и занимались, что критиковали власти, но ничего конкретного предложить и сделать для улучшения ситуации не могли и не хотели.

Народы Дагестана, подвергшиеся агрессии, проявили удивительную непримиримость по отношению к боевикам Ш. Басаева и Э. Хаттаба. Они без раздумий встали на защиту своих жилищ, своих семей, своей родины, отбросив при этом свои внутренние разногласия. Это должно стать самым что ни есть поучительным и большим уроком для властей. Народы Дагестана оказались на высоте положения, напомнили и своим местным, и федеральным властям, что у них имеются еще значительные резервы для защиты независимости России. Надо только правильно распорядиться ими, верить в свой народ, не бояться при необходимости дать ему в руки оружие для защиты от агрессоров и экстремистов. Тогда народ и армия действительно будут едины. Федеральный центр просто должен быть благодарен аварцам и другим народам Дагестана за проявленные ими мужество и непримиримость к агрессорам, самопожертвование и верность России. Эта благодарность должна проявиться как в продолжении центром и федеральными силами непримиримой и решительной борьбы с чеченским сепаратизмом и бандитизмом, так и в практических шагах России по оказанию помощи пострадавшим от войны гражданам Дагестана.

Война, развязанная против России на территории Дагестана, и прямая причастность к агрессии чеченской стороны полностью разрушили и дезавуировали все прежние договоренности между федеральными властями России и чеченским руководством. Все это давало моральное и формальное право федеральным властям России использовать все имевшиеся у них силовые возможности против любых вооруженных формирований и групп террористов не только на территории Дагестана, но и в самой Чечне, особенно в местах дислокации сил террористов и в районах их концентрации в приграничной зоне.

Между тем ситуация в республике продолжала оставаться крайне сложной. Учитывая данные разведки, наиболее опасными с точки зрения проведения новых вооруженных провокаций со стороны боевиков оставались Кизлярский, Хасавюртовский и Бабаюртовский районы.

По состоянию на 30 сентября крупная группировка бандформирований (более 1000 человек) была сосредоточена в станице Шелковская (Чеченская Республика). По оперативным данным, ее действия были возможны на направлениях Нижний Герзель, Нурадилово, через лесной массив на Хасавюрт, а также между заставами на Бабаюрт или на Кизляр.

Руководством объединенной чечено-дагестанской оппозиции в лице Ш. Басаева, Э. Хаттаба и Н. Хачилаева было принято решение о создании в рамках меджлиса мусульман Ичкерии и Дагестана так называемого Высшего шариатского трибунала (ВШТ), в компетенцию которого входило право на вынесение приговоров представителям командования федеральных войск, руководству РФ и соседних северокавказских республик за противодействие распространению «истинной веры».

В случае неудачи в проведении военных или диверсионно-террористических акций в Кизлярском районе Республики Дагестан в штабе Ш. Басаева был разработан план захвата Чиркейской ГЭС, что в 36 км юго-восточнее Хасавюрта.

В Хасавюртовском районе среди чеченцев-аккинцев была организована активная пропагандистская работа по содействию в захвате Хасавюрта.

На юге Дагестана в качестве создания нового оборонительного рубежа боевиками рассматривались Ахтынский и Табасаранский районы. В указанных районах находились эмиссары Усама бен Ладена, которые проводили изучение местности, а также систему охраны населенных пунктов. Основным объектом отвлекающих ударов мог быть г. Дербент. Там планировалось проведение терактов. Лицам, изъявившим желание выступить на стороне ваххабитов, обещана плата до 1000 долларов США.

Если Кизляр рассматривался ими как объект для нападения (диверсионно-террористической деятельнос-

ти), то в Хасавюртовском районе боевики рассчитывали на поддержку местных жителей, в основном из числа чеченцев-аккинцев. Эмиссары бандитов призывали оказать им содействие в захвате города.

Отмечалась активизация разведывательной и пропагандистской деятельности исламистов на цумадинском направлении. Пристальное внимание исламистов к Цумадинскому району было вызвано его важным стратегическим положением, так как, по имевшимся сведениям, исламисты не оставляли планов создать здесь контролируемый ими коридор, выходивший к границе с Азербайджаном для беспрепятственной переброски боевиков, оружия, боеприпасов, материально-технических средств из Саудовской Аравии, Пакистана, Турции, Таджикистана.

Особую тревогу вызывало то, что под предлогом формирования отрядов самообороны в Дагестане практически легализовались собственные незаконные военные формирования наиболее многочисленных и влиятельных национальных движений — лакцев, аварцев, даргинцев.

Этот процесс мог породить вооруженный передел сфер влияния в Дагестане, только уже на межэтнической почве. Существовала реальная опасность использования этой силы в борьбе за власть в республике и за спорные территории между представителями этнических групп.

Вторжение многочисленных и хорошо вооруженных банд Ш. Басаева и Э. Хаттаба на территорию Дагестана заставляло задуматься о причинах и истинной подоплеке этих трагических событий.

Спектр выдвигавшихся аналитиками версий и предположений по данному вопросу был весьма широк. Одни видели в акции чеченских боевиков «руку Кремля», якобы планировавшего использовать басаевский рейд в качестве повода для введения чрезвычайного положения, отмены или переноса парламентских выборов. Другие считали нападение бандитов следствием внутричеченской борьбы за власть — в случае даже относительного успеха дагестанской операции рейтинг антимасхадовской оппозиции возрос бы в Чечне весьма значительно. Высказывались даже мнения, что новую войну развязали чеченские полевые командиры,

недовольные снижением своих доходов вследствие ужесточения Москвой контроля за «левыми» поставками российской нефти в Чечню. В этих и других выкладках была определенная логика, и они могли являться предметом для анализа и обсуждения, однако первопричина событий на Северном Кавказе, на наш взгляд, лежала в области геополитики, в исключительной роли всего Каспийско-Черноморского региона в формировании современных мировых финансово-экономических процессов.

Экономическая война за «наследство СССР» началась сразу же после его распада. Соединенные Штаты — единственная на сегодня сверхдержава и лидер западной цивилизации — вскоре на официальном уровне заявили, что Каспийско-Черноморский регион является зоной их жизненных интересов. Основная цель американских стратегов заключалась в создании подконтрольного США и альтернативного Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) (контролирует 25 процентов мировой нефтяной торговли) источника энергоносителей. Ближний Восток оставался потенциально уязвимой зоной: во-первых, сохранялась опасность того, что страны ОПЕК сумеют выработать единую политику и потребовать от «цивилизованного» Запада реальную цену за свои невосполнимые ресурсы. Во-вторых, по ряду экспертных оценок, ближневосточных углеводородов хватит при сегодняшнем уровне потребления всего лишь на 40—45 лет. В подобной ситуации Запад стремился «застолбить» на XXI век перспективные нефтяные поля Каспийского моря, а также обеспечить наиболее приемлемые для себя пути их будущего выхода на мировой рынок. Сохранение влияния России в постсоветском южном пространстве ни в коей мере не входило в его планы.

Наиболее эффективно и надежно задача вытеснения России с Кавказа и Центральной Азии решалась путем жесткой экономической привязки новых независимых государств региона, располагающих значительными нефтегазовыми ресурсами (Азербайджан, Казахстан, Туркмения), к западным партнерам (основным форпостом США в Евразии выбрана Турция). Именно поэтому сразу же после распада СССР развернулась такая острая борьба за определение основного маршрута транспортировки каспийской нефти. В качестве

наиболее реальных рассматривались три маршрута: Баку — Джейхан (через территорию Турции), Баку — Супса (Грузия) и Баку — Новороссийск (проходит через Дагестан и Чечню). Реализация «турецкого» варианта транспортировки углеводородного сырья Каспия к Джейхану представляла наибольшую угрозу интересам России. Если основной экспортный трубопровод пойдет по турецкой территории, влияние Москвы на Кавказе и в Центральной Азии автоматически пойдет на убыль. Однако, несмотря на откровенно прозападную ориентацию азербайджанского и грузинского руководства, выбор был далеко не очевиден — российский маршрут наиболее экономичный.

В этой ситуации задача дискредитации маршрута Баку — Новороссийск встала для Запада в разряд основных приоритетов. Однако долго ломать голову западным аналитикам над ее решением не пришлось. Непоследовательная политика Кремля в отношении Грозного создала для противников «северного» маршрута поистине тепличные условия. Полупогасшая война, по сути, сделала чеченский участок нефтяной «трубы» неподконтрольным не только Москве, но и официальным чеченским властям. От Запада требовалось лишь поддерживать (финансово и организационно) «пламя священного огня», что он успешно и делал при помощи спецслужб ряда государств и различных экстремистских организаций.

Проследить связь активизации чеченских боевиков и других деструктивных сил и направленности их действий с нефтяными проблемами весьма несложно. Так, весной 1999 года Россией был подписан контракт с инофирмами на общую сумму в 400 млн. долларов на строительство крупнейшего на Черном море нефтяного терминала в районе Новороссийска. Терминал предназначался для поставок на мировые рынки нефти Каспия — из Азербайджана и Казахстана. Одновременно велись успешные переговоры с инофирмами о реконструкции участков нефтепровода Баку — Новороссийск. Именно в этот момент резко обострилась обстановка на территориях, где проходит нефтепровод (Карачаево — Черкесия, затем Дагестан). В свое время Ш. Басаев и С. Радуев для проведения целенаправленных террористических ударов также выбрали «трубопроводные» Буденовск и Кизляр.

Недавнее разрушительное землетрясение в Турции, экономический ущерб от которого, по некоторым оценкам, превысил 5 млрд. долларов, добавило скепсиса в отношении способности Турции изыскать необходимые финансовые средства на строительство нефтепровода по своей территории. Тут же боевики Ш. Басаева и Э. Хаттаба появляются в Дагестане и опять же в районах, примыкающих к транзитному маршруту.

Таким образом, можно констатировать, что одним из основных внешних факторов, дестабилизировавших ситуацию в Северокавказском регионе, продолжал оставаться нефтяной и, прежде всего, связанный с транспортировкой минерального сырья Каспия на Запад. Дальнейшая эскалация напряженности и нерешенность чеченской проблемы резко понизит шансы российского маршрута транспортировки каспийской нефти и может поставить под сомнение целесообразность развития структуры нефтяных терминалов на российском побережье Черного моря, что в конечном итоге приведет к значительному экономическому ущербу как для северокавказских субъектов Федерации, так и для России в целом.

Чеченская Республика. В начале осени 1999 года полный политический и военный контроль на территории республики осуществляли лидеры незаконных вооруженных формирований, и прежде всего Ш. Басаев.

Попытки А. Масхадова спасти свое положение путем публичного дистанцирования от вооруженной оппозиции и дискредитации своего основного оппонента — Ш. Басаева вместе с оказанием негласной помощи государственными материальными и финансовыми ресурсами провалились.

В целом президент ЧР А. Масхадов полностью утратил контроль над ситуацией и власть в Чечне практически принадлежала вооруженной оппозиции. Решения президента Чечни о введении на всей территории республики военного положения для организации отпора федеральным силам говорили о том, что вооруженная оппозиция превратила А. Масхадова, по сути дела, в «карманного» президента, призванного придавать ее действиям более или менее легитимную форму.

Подтверждением полного подчинения А. Масхадова лидерам незаконных военных формирований мог

служить и тот факт, что совместными усилиями официального Грозного и влиятельных полевых командиров был выработан план обороны республики. Принято решение «для отражения агрессии российских войск» образовать три направления — восточное (возглавил Ш. Басаев), западное (Р. Гелаев) и центральное (М. Хамбиев). Общее руководство обороной возложено на А. Масхадова.

Аналитики прогнозировали, что федеральные власти наверняка обратятся к членам «Народного фронта республики», состоявшего из парламентариев ЧР созыва 1996 года. Так и произошло. Учитывая образовавшийся в республике вакуум легитимной власти, а также используя настроения чеченского общества и, в частности, полное недоверие народа как к официальному Грозному, так и к вооруженной оппозиции, правительство РФ поддержало эту общественно-политическую силу, которая могла бы при определенной ситуации проводить в жизнь идею «процесса возрождения Чеченской Республики в составе Российской Федерации».

Во второй половине сентября по инициативе Ш. Басаева состоялось совещание ряда бывших полевых командиров и активных участников чеченского «сопротивления», на котором было принято решение о создании независимого от Грозного так называемого «Народного комитета обороны» (НКО). Собравшиеся решили предложить возглавить НКО В. Арсанову.

В общественное сознание населения республики настойчиво внедрялась мысль, что действия в Ботлихском, Цумадинском и Новолакском районах Республики Дагестан были лишь проверкой сил отрядов Ш. Басаева и Э. Хаттаба.

Их сторонники стремились представить итоги акции в РД как временную и даже «запланированную» тактическую неудачу. Большое внимание уделялось тому, чтобы сохранить веру экстремистов, а также зарубежных спонсоров в реальную возможность Чечни распространить влияние на «территорию от Каспийского до Черного морей». Для подтверждения «заслуг» боевиков в Саудовскую Аравию систематически отправлялись видеоматериалы о «героических действиях в Дагестане». Повсеместно подчеркивалось, что число сторонников идеи освобождения Северного Кавказа от

России увеличивалось, а возможности Москвы снижались.

Одновременно полевые командиры активно занимались разработкой планов новых «военных ударов». Помимо «дагестанского фронта» рассматривались варианты операции в Карачаево-Черкесии, а также в Северной Осетии.

Отмечалось наличие хорошо отлаженной координации деятельности между официальными силовыми структурами ЧР и отрядами полевых командиров. Руководители ЧР завершили распределение сил и средств по направлениям и зонам для сопротивления федеральных силам. Были определены границы фронтов, назначены должностные лица для управления сводными формированиями, в состав которых входили как регулярные подразделения силовых структур, так и отряды сил самообороны и народного ополчения.

К началу октября основные усилия по подготовке к отражению наступления федеральных сил были перенесены в правобережные районы ЧР, где с использованием строительной техники и масштабным привлечением мирного населения осуществлялось инженерное оборудование позиций, в том числе для тяжелого вооружения и зенитных средств.

Резко активизировалась пропагандистская работа. Распространялись листовки с призывами действовать на стороне боевиков. В Грозном, Гудермесе, Серженюрте, Ведено активистами отрядов Ш. Басаева и Э. Хаттаба проводился набор добровольцев. Администрации ряда районов республики, используя националистические лозунги, призывали чеченскую молодежь вступать в ряды ополченцев и принять участие в охране границы.

Для отвлечения части сил от Чечни и дестабилизации обстановки в регионе командование боевиков планировало также обострить ситуацию в зоне осетино-ингушского конфликта.

Главное внимание незаконных вооруженных формирований по-прежнему было приковано к Дагестану. В связи с эскалацией напряженности и разрастанием вооруженного конфликта в приграничных с Чечней горных районах Дагестана руководством ЧР сформирован «Веденский фронт». В его состав вошли подразделения национальной гвардии, президентской гвар-

дии и Государственной погранично-таможенной службы ЧР. Для скорейшего решения всех организационных вопросов весь командный состав указанных силовых структур был направлен в Веденский район Чечни, личный состав переведен в повышенную степень боевой готовности.

Вместе с тем население большинства районов Чечни относилось настороженно к военным приготовлениям, понимая, что в случае начала боевых действий они первыми попадут под удар. Фактически большая часть мужского населения, особенно равнинной части Чечни, заняла безучастную позицию, не оказывая никакой реальной помощи ни боевикам, ни официальным властям.

Руководство чеченских военных формирований с целью восполнения потерь в людских ресурсах проводило активную работу по вербовке нового состава. Отряды боевиков пополнялись иностранными наемниками. Одновременно в ЧР осуществлен призыв 10 тысяч резервистов и планировалось призвать еще 5 тысяч человек. Вблизи административной границы для дальнейших действий на территории РД создавались новые базовые лагеря. Осуществлялся интенсивный переток кадров из официальных силовых структур ЧР в незаконные военные формирования.

Применяемая по отношению к ним тактика федеральных сил — нанесение бомбово-штурмовых ударов по базам и объектам инфраструктуры, лагерям, занятие господствующих высот на чеченской территории, постепенное продвижение в глубь республики, «выдавливание» боевиков из северных районов Чечни и создание зоны безопасности по левобережью р. Терек — пока себя оправдывала.

Аналитики предполагали, что равнинные районы Чечни — Надтеречный, Шелковской, Наурский — федеральные силы способны взять под полный контроль в течение 2—3 месяцев. Боевики будут стремиться, по возможности, уходить от широкомасштабных вооруженных столкновений с федеральными силами, закрепляясь в «коренной» Чечне за р. Терек. Опыт ввода передовых частей группировки в Наурский и Шелковской районы подтверждал это предположение.

Сдача боевиками практически без боев равнинной территории Чечни отнюдь не снижала опасности про-

ведения ими террористических актов в тылу группировки федеральных сил. Главными объектами внимания боевиков могли стать тыловые объекты группировки федеральных войск, линии железнодорожных магистралей, важнейшие объекты промышленной инфраструктуры, прежде всего, опасные с точки зрения техногенных последствий их разрушения.

Что же касается установления контроля над правобережьем, то, как представлялось, его обеспечение могло вылиться в затяжную военную кампанию с существенными потерями, в том числе и политическими.

Военная операция федеральных сил на территории Чеченской Республики развивалась по благоприятному для центра сценарию. Несмотря на определенные издержки — значительный поток беженцев, потери со стороны российских войск, гибель мирных жителей в результате бомбардировок, — вооруженным силам РФ удалось достаточно легко закрепиться в северных районах Чечни. Пропагандистской удачей стал и арест Н. Хачилаева. В отличие от событий 1994—1996 годов, силовая акция осуществлялась при поддержке общественного мнения страны и большинства политической элиты.

Однако, добившись успешного выполнения первой из поставленных перед войсками задач, центр столкнулся с новыми проблемами, вызванными переходом под контроль Москвы левобережья Терека. Каким должен быть режим административного управления в этих районах? Первоначальный план предполагал формирование временных органов власти на основе лояльных Москве представителей чеченской элиты, с помощью которых осуществлялось бы распределение федеральных средств и гуманитарной помощи. Но опыт кампании 1994—1996 годов показал, что проследить за целевым распределением средств, направляемых промосковским властям, невозможно.

Попытки федеральных властей реанимировать чеченский парламент образца 1996 года и сформировать на его основе правительство также столкнулись с трудностями. Лидеры «старых чеченцев» были малоавторитетны в республике и способны осуществлять властные полномочия лишь на штыках российских войск. Поэтому Москва склонялась к схеме военно-административного управления территорий с передачей значи-

тельных полномочий местным комендантам. Однако у такого сценария были немалые издержки: военные руководители не имели необходимого опыта хозяйственной работы, не вполне представляли специфику межтейповых отношений в ЧР. Попытки делать ставку на поддержку старейшин могли возыметь эффект отнюдь не во всех населенных пунктах: военные действия 90-х годов выдвинули на первый план полевых командиров, что заметно ослабило влияние старейшин. Корпус глав администраций и населенных пунктов за 90-е годы также претерпел радикальные кадровые изменения.

Федеральные власти во многом игнорировали эти проблемы, предпочитая не входить в села в завоеванных районах и, по возможности, воздерживаясь от «зачисток». Однако такая тактика, оправданная с точки зрения минимизации потерь, создавала угрозу открытия чеченскими боевиками «второго фронта» на занятых российскими войсками территориях. Подобная ситуация уже имела место в 1995—1996 годах, когда федералы, по сути, контролировали лишь важнейшие коммуникации, но не населенные пункты.

Еще один вопрос, ответ на который долго не давали высшие федеральные чиновники, касался целей силовой акции в Чечне. Официальные заявления были крайне расплывчаты — они могли интерпретироваться и как закрепление на левом берегу Терека с проведением точечных спецопераций по захвату лидеров боевиков, и как подготовка к полномасштабному наступлению на правобережную часть Чечни. Уклончивость в декларировании целей операции объяснялась вполне обоснованной осторожностью (Москва рассчитывала таким образом представить любой исход силовой акции как победу), а также внутриполитической конъюнктурой.

Хотя значительная часть российской элиты демонстрировала готовность поддержать В. Путина, взявшего на себя основную ответственность за направление войск в Чечню, в федеральном центре не было единого мнения на этот счет. Иллюстрацией служило поведение президента Б. Ельцина, который ни разу всерьез не прокомментировал ситуацию на Северном Кавказе и свое отношения к операции федеральных сил. Неясно, чем было вызвано молчание президента: его

болезнью или же политическим расчетом. Передав рычаги управления ситуацией главе правительства, Б. Ельцин сохранял широкое поле для маневра и мог в зависимости от развития событий либо записать «плоды победы» в свой актив, либо — в случае неудачи силовой акции — дистанцироваться от действий В. Путина и дезавуировать «второй чеченский поход» в целом.

К началу октября федеральные власти сумели взять под свой контроль большую часть Шелковского и Наурского районов, отделенных от остальной территории Чечни рекой Терек. Первые дни силовой акции развивались по вполне благоприятному для Москвы сценарию — военные успехи были налицо. Федеральным силам удалось опровергнуть предположения скептиков о неспособности Москвы реализовать политическое решение о проведении силовой акции на территории Чечни, добившись при этом определенных военных успехов. В то же время тактика операции — «малой кровью» с разделением территории ЧР на «промосковскую» и «террористическую» — требовала времени и терпения, которых в арсенале федеральных властей было заведомо недостаточно.

Однако говорить об однозначно позитивном для центра развитии всех факторов — военного, внутриполитического, геополитического, информационного — не приходилось. Ожидалось, что серьезным препятствием для продвижения войск уже через месяц станут климатические условия — горные перевалы будут закрыты, авианалеты и артобстрелы утратят эффективность, потребуется налаживать инфраструктуры для снабжения войск, что будет крайне трудно в случае, если не удастся обеспечить относительную стабильность в собственном тылу.

Дамокловым мечом, занесенным над федеральными властями, по-прежнему оставалась угроза значительных потерь: пока этот вопрос не стал значимым для общественного мнения, однако, как показывали события в Дагестане и активность комитетов солдатских матерей, значительные жертвы способны спровоцировать рост социально-политической напряженности в отдельных регионах, что особенно было важно в контексте предстоявших в декабре выборов в Госдуму. Постепенно обозначили готовность «раскручи-

вать» в политических целях тему жертв среди федеральных войск и мирного населения целый ряд ведущих политиков, а также телеканал ОРТ. Трудновосполнимыми могли оказаться и потери в технике — их компенсация потребовала бы времени и средств. Между тем заявленная Минобороны тактика «неспешного» создания «санитарной зоны» могла дать чеченской стороне передышку, за время которой та сумела бы собраться с силами и привлечь новых боевиков из-за рубежа.

Значительное влияние на развитие событий оказывали и политические факторы. Хотя западные страны пока демонстрировали прохладную, но все же близкую к нейтральной реакцию на операцию в Чечне, было очевидно, что события на Северном Кавказе затрудняли для премьера В. Путина установление благожелательных отношений с лидерами зарубежных государств. Это могло оказаться выгодным с пропагандистской точки зрения, но весьма рискованно для создания образа перспективного политика, способного обеспечить преемственность власти в России. К тому же внутри страны у В. Путина не было «прочных тылов»: военная неудача могла привести к очередному правительственному кризису, причем и президент, и потенциальный преемник В. Путина не считали бы себя связанными какими-либо обязательствами по продолжению силовой операции в ЧР.

К началу октября, по данным официальных представителей российского руководства, федеральные подразделения заняли около трети территории Чечни — значительную часть равнинного левобережья Терека и контролировали 30 населенных пунктов. Потом продвижение войск было приостановлено, но авиация осуществляла бомбардировку всей территории Чечни, мотивируя ее необходимостью уничтожения лагерей боевиков.

Эти действия укладывались в логику плана разделения ЧР с установлением контроля в северной части Чечни до Терека, в том числе дороги Моздок — Кизляр. После этого федеральные силы получали возможность закрепиться на левом берегу Терека, в то время как подразделения МВД занялись бы «освоением» территории Шелковского, Наурского и Надтеречного районов, что предполагало «зачистку» местности

и нейтрализацию отрядов боевиков, которые могли бы проникнуть в тыл российских войск. Заметным успехом стал захват станицы Червленая — железнодорожного узла, расположенного в 35 км от Грозного. После закрепления на естественных рубежах Терека (а там, где это невозможно, — Тернокумского канала) можно было бы думать о создании «альтернативной» Чечни. Направление значительных финансовых средств и гуманитарной помощи на «освобожденные» территории призвано было стимулировать направление сюда крупных потоков беженцев.

Наблюдатели отмечали, что сугубо военные цели военной операции не вполне сочетались с административными задачами получения контроля над освобожденными территориями. Отказ от проведения «зачисток» и решение не вводить войска в «освобожденные» населенные пункты были логичны с точки зрения пресечения конфликтов с местным населением и тактики минимизации людских потерь. В то же время это решение иллюстрировало очевидные страхи федеральных властей, не уверенных в лояльности со стороны жителей сел, перешедших под контроль Москвы.

Велик был риск повторить ошибки кампании 1994—1996 годов, когда установленные на ключевых магистралях блокпосты занимались преимущественно самообороной, а промосковские власти находились в политической изоляции и не имели серьезного влияния в республике. Отказ от «зачисток» при всей их низкой эффективности повышал вероятность появления в тылу федеральных сил мобильных групп чеченских боевиков, способных нанести ощутимые удары по российским войскам. Постоянные бомбардировки территории ЧР, а также уничтожение части мостов через Терек затрудняли миграцию беженцев в северные районы Чечни. Создававшиеся в Наурском и Шелковском районах органы местного самоуправления носили временный характер, они были достаточно слабы и зависимы от военных властей.

Тем временем в Москве долго определялись с дальнейшей стратегией проведения войсковой операции. По официальным данным, речь шла о расширении «санитарной зоны», но содержание намеченных мер не раскрывалось, что давало повод к самым различным трактовкам: это могла быть и программа-минимум

(контроль административной границы ЧР с проникновением вглубь на относительно лояльных Москве территориях), и установление границы по Тереку, и переход в правобережные районы ЧР, и продвижение в сторону Грозного. Однако в последнем случае у центра практически не оставалось времени для подготовки наступления — с середины ноября препятствием для наземной операции становились климатические условия, а вызванная «головокружением от успехов» неподготовленная акция была бы сопряжена с угрозой значительных людских потерь.

Что же касалось южных районов Чечни, то они, очевидно, не рассматривались в качестве объекта экспансии федеральных сил и как минимум до весны могли существовать в относительной безопасности, если, разумеется, не считать угрозы артобстрелов и бомбардировок, эффективность которых, впрочем, не слишком высока в зимних условиях. К тому же, судя по всему, не было достоверных данных о численности оставшегося в Чечне населения: расчет на то, что большая часть жителей покинет республику, оправдался не в полной мере.

Одной из трудностей, связанных со стремлением провести операцию «малой кровью», была невозможность использовать в полном объеме военно-воздушные силы. 3—4 октября чеченцами были сбиты штурмовик Су-25 и фронтовой бомбардировщик Су-24. Между тем в ходе боевых действий 1994—1996 годов чеченцы сбили только один самолет Су-25. Ранее федеральные силы потеряли штурмовик во время акции в Дагестане.

Потери, которая понесла российская авиация, могли внести коррективы в тактику кампании. Необходимость обеспечить безопасность для авиации диктовала логику отказа от бомбардировок с низких высот. Оборотной стороной такого решения становилась неспособность самолетов наносить точечные авиаудары и, как следствие разрушение невоенных объектов и гибель мирных жителей.

Внутри страны информационный фон для проведения силовой акции оставался относительно благоприятным. Российские журналисты в целом воздерживались от жесткой критики центра. В то же время определенные угрозы на этом фронте, безусловно, были: в частности, многие СМИ достаточно скептически оце-

нили попытку реанимации парламента Чечни 1996 года и арест Н. Хачилаева. Все более негативным становилось отношение к действиям федеральных сил со стороны Общественного российского телевидения: 8 октября оно проявило особый интерес к событиям, связанным с гибелью нескольких десятков беженцев. (По чеченской версии, они стали жертвой российских бомбардировок, в то время как центр категорически опроверг эти обвинения.)

Серьезной задачей для центра было обеспечение перелома в оценках событий в ЧР со стороны западных СМИ, в которых говорилось, что пропагандистские шаги России (объяснение силовой акции необходимостью борьбы с международным терроризмом, в том числе с бен Ладеном, а также сопоставление действий федеральных войск с операцией НАТО на Балканах) не дали сколько-нибудь заметного эффекта. Не исключалось, что чеченская сторона, не сумев наладить «информационную войну» в российских СМИ, сумеет взять реванш за это, добившись благосклонного отношения со стороны западных журналистов.

Судя по заявлениям В. Путина, не без некоторого скептицизма оценившего перспективы реанимации парламента Чечни 1996 года, в федеральном центре не принималось окончательное решение о реанимации чеченского парламента, избранного в 1995 году для восстановления контроля Москвы над ситуацией в ЧР. Препятствием была не только недостаточная легитимность этого органа, но и низкий уровень влияния людей, входивших в него, а также слабость руководителей парламента и возможного временного правительства. Столкнувшись с мобилизацией чеченской элиты перед лицом вторжения российских войск, центр вынужден был опереться на заведомо третьестепенные фигуры, к каковым прессой был отнесен «глава правительства Чечни в изгнании» М. Сайдуллаев — президент концерна «Милан» и создатель лотереи «Русское лото».

Видя недостатки этого сценария, в Москве не исключали возможности ориентации на других чеченских лидеров, способных противостоять Ш. Басаеву и Э. Хаттабу. Несмотря на росший скептицизм в отношении А. Масхадова, подобный вариант не мог быть исключен — президент ЧР вполне осознавал не-

прочность своих позиций и угрозу собственной власти вне зависимости от исхода военной кампании.

Другим потенциальным партнером Москвы по переговорам рассматривался муфтий Чечни, чье влияние в республике за последние месяцы резко возросло. Муфтий, известный как активный противник ваххабизма, в ходе боев в Дагестане продемонстрировал готовность к диалогу с Москвой.

Главной фигурой в федеральном руководстве, взявшей на себя ответственность за проведение силовой операции в Чечне, стал премьер В. Путин. Было очевидно, что принятие важнейших политических решений будет оставаться за премьером. Именно он координировал работу силовых структур и прикрывал вакуум власти, вызванный болезнью президента и незаполненностью вакансии секретаря Совета безопасности.

Реакция политической элиты в целом была благоприятна для В. Путина. Правда, обозначились некоторые расхождения между партийными лидерами — часть из них начала дрейф в сторону более осторожных взглядов, рассчитывая привлечь поддержку «пораженчески» настроенных избирателей.

Лидер «Яблока» Г. Явлинский заявил о недопустимости создания в Чечне марионеточных органов власти. По его мнению, члены парламента 1996 года нелегитимны даже с формальной точки зрения, поскольку срок их работы в «виртуальном» парламенте давно истек. Лидер «Яблока» выступал за подготовку встречи с А. Масхадовым, а также поиск любыми путями общего языка с населением Чечни.

С совместным заявлением выступили Г. Зюганов и главные редакторы газет «Советская Россия» и «Завтра» В. Чикин и А. Проханов. Поддержав идею установления «санитарного кордона» вдоль Терека, авиаудары по боевикам и попытки создать «альтернативную Чечню», они, однако, заявили, что «не впадают в милитаристский угар и не намерены слепо одобрять запоздалые и двойственные меры Кремля. На фоне горящих чеченских и дагестанских сел, взорванных домов и полевых лазаретов отчетливо виден крах «чеченской политики» Ельцина, состоящей из грубых силовых приемов, Хасавюртовских соглашений, чехарды марионеточных политиков и криминальных авторите-

тов, которых Москва пытается использовать в своих шатких и непоследовательных планах. Мы отчетливо видим, как кремлевская администрация под грохот артиллерии и гексогенные взрывы не оставляет намерений ввести в России ЧП, отменить выборы, повысить политический авторитет «победителя» Путина. Консолидировав измученное террористами российское общество, отвлечь его от крупнейших криминальных скандалов, продлить господство узкой группы временщиков, повинных в русской катастрофе».

В числе других потенциальных кандидатов в «пораженческий лагерь» называли лидеров «Союза правых сил» (в частности, осторожную позицию занял лишь председатель «Демократического выбора России» Е. Гайдар), а также «Движение в поддержку армии», возглавляемое В. Илюхиным.

В то же время однозначно негативных оценок действий силовиков не прозвучало, а прошедшая 5 октября встреча В. Путина с руководителями парламентских фракций и экс-премьерами позволила главе правительства частично переложить ответственность за проведение операции в Чечне на ведущих российских политиков, в том числе Г. Зюганова и Е. Примакова.

На этом фоне особняком по-прежнему стояло крайне осторожное поведение президента Б. Ельцина, который ни разу не прокомментировал публично действия федеральных сил. Такая тактика в определенной степени была связана с состоянием здоровья главы государства, который избегал публичных церемоний, а 9 октября был госпитализирован в ЦКБ. К тому же Б. Ельцину крайне нежелательно было обозначать свое отношение ни к Хасавюртовским соглашениям (по существу подтвержденным президентом в Договоре о мире, подписанном в мае 1997 года), ни лично к А. Масхадову, ранее официально признанному Москвой в качестве президента Чечни. Однако вне зависимости от причин, побудивших Б. Ельцина к подобной позиции, очевидно: вернувшись на рабочее место, он сохранит значительную свободу маневра и в случае военных неудач может дистанцироваться от действий силовиков и внести значительные коррективы в операцию на территории Чечни.

Война в Чечне активно использовалась внутрен-

ними политическими силами и группировками в собственных конъюнктурных узко политических целях. В частности, кремлевская администрация и подвластные ей СМИ использовали любые поводы для того, чтобы бросить тень на ОПОО «Отечество», блок ОВР и его лидеров.

Такую возможность зачастую давали высказывания и деятельность некоторых лидеров ОВР. В частности, президент Ингушетии Р. Аушев, который выступал с не всегда продуманной резкой критикой центральных властей и обвинениями в адрес федеральных войск.

Он обвинил федеральные власти в бездействии, в преднамеренном и длительном попустительстве разрастанию терроризма, в искусственном характере операции, явно приуроченной к предвыборной кампании. Методы проведения операции, ее масштабы, привлеченные силы и средства никак не соответствовали объявленной цели — уничтожению террористов.

Ингушский президент заявил также, что федеральные войска вели борьбу «не с теми террористами», что удары по базам боевиков — это «сказки», что «авиацией и артиллерией с террористами не борются». Войска наносили авиационные и артиллерийские удары по населенным пунктам, в результате чего страдало в основном мирное население Чечни. В Ингушетию, по его словам, поступило много раненых женщин и детей. Он не видел разницы в действиях федеральных войск осенью 1999 года и в войне 1994—1996 годов.

Особую и действительно серьезную проблему для Ингушетии составляли беженцы из Чечни. Их количество с начала операции в Дагестане достигло в республике 195 тысяч человек (с начала антитеррористической операции в Чечне — 178 166 чел. по состоянию на 2 ноября 1999 г.). Эти данные республиканских властей в целом соответствовали и федеральным данным. Р. Аушев заявил, что проблема беженцев — это не проблема Ингушетии, а проблема федеральных властей. Между тем они фактически бездействуют. Помощь поступает нерегулярно, да и в значительно меньших масштабах, чем требуется. Р. Аушев назвал ситуацию с беженцами «гуманитарной катастрофой» и призвал федеральные

власти «не стесняться» этого термина и называть вещи своими именами.

В связи с проблемой беженцев Р. Аушев также обвинил военных в чрезмерной бюрократии при организации пропускного режима на границе, в нерасторопности, безжалостности даже по отношению к женщинам, детям, старикам.

Но президент Ингушетии не ограничился только словами. Как сообщалось в прессе, не без его участия была спровоцирована напряженность между федеральными войсками и органами МВД России, с одной стороны, и республиканскими силовыми структурами — с другой. Им было дано указание Министерству юстиции республики провести правовую оценку действиям «вооруженных формирований» (имея в виду федеральные войска и силы) на территории Ингушетии, «где нет никаких террористов». В обход федеральных властей Р. Аушев обратился к международным организациям с просьбой оказать гуманитарную помощь беженцам.

Эти действия и высказывания президента Ингушетии были незамедлительно использованы антилужковскими и анти-«Отечественными» силами. Началась пропагандистская кампания по обвинению ОПОО «Отечество» и блока ОВР в антипатриотизме, их дискредитации.

Обращал на себя явно скоординированный характер этой кампании в печатных и электронных прокремлевских СМИ, властных структурах. М. Леонтьев в своей программе на ОРТ резко обвинил Р. Аушева, «одну из ключевых фигур патриотического вроде как блока «Отечество — Вся Россия», в целом ряде антироссийских и даже преступных деяний: в сотрудничестве с руководителями криминальной зоны — Чечни, «добровольном и конструктивном разделении труда» с нею (Чечня грабит, Ингушетия реализует награбленное), в разворовывании из федерального бюджета миллиардов долларов, в том, что Р. Аушев — посредник, душеприказчик А. Масхадова, что беженцы интересуют его постольку, поскольку эту проблему можно «конвертировать» и т. п. Сразу же появились развивавшие эту тему публикации в газетах, которые контролировал Б. Березовский. Практически одновременно

В. Путин выступил с инициативой об «общенациональной идее», в качестве которой он предлагал патриотизм, чего «не надо стесняться».

В развернутой Кремлем кампании использовался и тот факт, что в ОВР, помимо Р. Аушева, входили и другие лидеры республик с преобладанием или значительной прослойкой мусульманского населения, где проблема Чечни — особенно чувствительна, к тому же подогревалась известными внешними силами.

В целом же кремлевской администрацией создавался фон, на котором любая, в том числе справедливая, критика действий федеральных властей в Чечне и в целом на Северном Кавказе со стороны приверженцев ОВР, тем более его лидеров, преднамеренно подавалась как антипатриотическая, противоречащая интересам России. Формировалось и нелицеприятное для ОВР общественное мнение, особенно в регионах. Вносился раскол и в ряды блока, так как многие его члены поддерживали твердую позицию правительства в борьбе с терроризмом.

Реакция международного сообщества на операцию в Чечне была не слишком благоприятна для Москвы. Хотя лидеры ведущих западных государств пока избегали открытых выпадов в адрес российских руководителей, налицо был растущий скептицизм в их оценках.

«Я должен категорически отвергнуть аналогию с натовскими бомбардировками Белграда, которую проводят некоторые российские представители», — заявил официальный представитель госдепартамента Джеймс Рубин, назвавший это сравнение «почти смехотворным». Д. Рубин заметил, что самолеты НАТО бомбили Югославию, пытаясь принудить Слободана Милошевича прекратить репрессии в Косово: «В Чечне нет лидера, который контролировал бы мятежников и которого можно было бы принудить». Заместитель госсекретаря США Строуб Тэлботт призвал Россию не повторять «катастрофическую» войну 1994—1996 годов и прекратить высылку лиц кавказской национальности из Москвы.

3 октября А. Масхадов обратился к Западу с просьбой «не финансировать войну России с Чечней». Кроме того, президент Чечни объявил, что готов принять

представителей международных организаций, западных государств и России с инспекционными функциями. Чеченский президент также заявил, что «для того чтобы побороть преступность в республике, потребуется всего месяц, но, когда над Чечней висит топор, я не могу разоружать народ».

По сведениям из зарубежных источников, администрация США намеревалась максимально использовать события на Северном Кавказе и чечено-исламский фактор для решения стратегических задач на российском направлении.

Стал достоянием общественности разработанный план «Хасавюрт-2», направленный на стимулирование территориального распада Российской Федерации после завершения полномочий Б. Ельцина и неизбежного, как считали американцы, передела власти.

Ближайшей целью данного плана являлось создание политико-пропагандистского фона для интернационализации кавказского конфликта и последующего введения «миротворческих сил» НАТО в ряд регионов России под предлогом неспособности руководства страны обеспечить безопасность в стратегически важном для мирового сообщества регионе.

Пропагандистское обеспечение поставленной задачи предусматривало преувеличение масштабов и демонстрацию «ситуационной необоснованности» действий российской авиации в Чечне; раздувание «гуманитарной катастрофы»; провоцирование массового исхода населения в Ингушетию и другие соседние территории под давлением боевиков и властей Чечни; обеспечение присутствия представителей международных гуманитарных организаций в районах скопления беженцев; инспирацию кампаний по обвинению России в «этнических чистках» и «геноциде мирного чеченского народа».

Ставка делалась на затягивание конфликта, военную и экономическую ослабленность России, что должно в конечном итоге привести к ее поражению.

При этом сценарии не исключалась отставка В. Путина. Очередной премьер ценой признания независимого статуса Чечни подпишет мирный договор и выведет войска из Северокавказского региона. Грозный выступит с призывом к НАТО создать буферную

зону вдоль чечено-российской границы. Российские военные были недовольны в этой связи заявлением Р. Аушева о том, что руководители субъектов Северного Кавказа «могут выступить совместно с ОБСЕ посредниками между Россией и Чечней в урегулировании конфликта». Он не исключал введение в республику международных миротворческих сил по согласованию с А. Масхадовым.

Одновременно США намеревались поощрять создание представительств Чечни за рубежом, прежде всего, в арабских государствах, и проталкивать идею ее признания субъектом международного права.

Политическое давление предполагалось дополнить угрозами экономических санкций. В более отдаленной перспективе просматривался замысел установления внешнего контроля над стратегическим арсеналом России под предлогом ее неспособности обеспечить безопасность ядерного оружия в условиях локальных конфликтов и нарушения территориальной целостности.

Используя Чечню как мощный рычаг давления на Москву, США получат оперативный простор для дестабилизационных мероприятий в рамках концепции «контролируемого территориального распада Российской Федерации».

О позиции Германии. По сведениям из дипломатических источников, в Германии считали, что попытки оказать консолидированное давление на Москву с целью прекращения военных действий в Чечне не дают желаемого результата и входят в противоречие с собственными интересами Запада.

НАТО особо беспокоило, что кампания осуждения политики российского руководства на Кавказе, сопровождаемая угрозами приостановки или отсрочки выделения кредитов, объективно способствовала усилению позиций коммунистов и националистов, консолидации общества на антизападной основе и ослабляла лояльные Западу политические силы.

Одновременно в российском руководстве отмечался рост числа сторонников «жесткого подхода» к решению национальных конфликтов и восстановлению военной мощи страны. По немецким оценкам, беседа В. Путина с Б. Клинтоном в Осло показала, что премьер-министр настроен на «победоносное завершение

чеченской кампании», и возможные уступки Западу будут символическими.

Такое развитие событий могло сделать внешнеполитический курс России непредсказуемым и как следствие — привести к ее самоизоляции. С учетом предстоящей смены власти Россия, как считали немцы, «неминуемо выйдет из-под контроля Запада». Ее руководство начнет действовать, следуя «рефлексу великодержавности» и создавая тем самым предпосылки для возобновления противостояния с НАТО.

Американцы, по оценкам Берлина, осознавали возможность трансформации курса Кремля, полагая, что проводить «тщательно продуманную чеченскую политику» будет в состоянии только новое российское руководство после президентских выборов. Однако они не намерены отказываться от попыток повлиять на позицию Москвы по следующим направлениям:

— усиление публичной критики военных действий в Чечне и «истребления мирного чеченского населения» с подключением к этой кампании широкого спектра политических, общественных, правозащитных организаций на Западе;

— создание по итогам инспекционной поездки представителей ОБСЕ в Чечню прецедента для выдвижения требования о необходимости постоянного присутствия иностранных наблюдателей на Кавказе и в других «горячих точках» на территории России в будущем;

— максимальное использование в пропагандистском плане предстоящей 18—19 ноября в Стамбуле очередной встречи руководителей стран-участниц ОБСЕ и разрабатываемый проект «Хартии безопасности». (Документ определит принципы регулирования проблемы прав человека и механизмы применения мер воздействия на государства, нарушающие хартию.);

— наращивание давления на Россию с задействованием «кредитно-финансовых рычагов», без афиширования увязки выделения очередных траншей с нормализацией ситуации вокруг Чечни.

Правительство Германии готово было поддержать США в пропагандистских кампаниях, однако от конкретных акций против Москвы намерено воздерживаться.

Какова была позиция официальных властей США

в отношении конфликта в Чечне по итогам встречи Б. Клинтона и В. Путина в Осло?

Позиция Вашингтона сводилась к следующему.

1. США признают территориальную целостность России.

(В принципе США признавали на словах и территориальную целостность Югославии, однако фактически шел процесс вытеснения из Косово сербского населения и отторжения этой территории.)

2. США обеспокоены большими жертвами среди мирного населения, а также тем, что последующие действия Москвы в Чечне могут привести к еще большим жертвам.

(В. Путина, по сути, открыто предупредили, что увеличение числа жертв — читай: продолжение военных действий — не только обострит гуманитарный кризис, но и «неизбежно отразится на международной репутации России». Фактически США пригрозили при таком развитии событий предпринять против России те или иные санкции, включая экономические. В первую очередь намекали на кредиты МВФ и ВБ.)

3. Россия должна выработать четкую политическую стратегию, имеющую целью положить конец конфликту.

(Иными словами, США не принимали позицию России о проведении в этом районе антитеррористической операции, а считали происходящие там события вооруженным конфликтом, сторонами которого являются Россия и Чечня.)

4. Россия должна в срочном порядке разрешить возникшие в связи с конфликтом гуманитарные проблемы и дать возможность перемещенным лицам расположиться в безопасных районах. В частности, важно «открыть границу» с Чечней, чтобы обеспечить беженцам доступ к гуманитарной помощи Запада.

5. Желательно (или, по крайней мере, США не исключают) посредничество «третьей стороны» в разрешении конфликта.

(США, судя по некоторым данным, не против и сами выступить в роли посредника между Россией и Чечней. Однако они признавали за Россией свободу выбора в этом вопросе. В частности, не возражали, чтобы в роли «третьей стороны» в конфликте выступила

ОБСЕ, хорошо зарекомендовавшая себя в конфликте 1994—1996 годов как проводник линии Запада.)

6. Необходимо допустить представителей международных организаций в район конфликта для их ознакомления с обстановкой и выработки мер гуманитарной помощи.

(Речь шла о таких организациях, как ООН и ее структуры, ОБСЕ, ВОЗ и др. Представители этих организаций уже прибыли в район конфликта.)

7. Россия должна как можно скорее установить политический диалог с представителями чеченского народа.

(Официальный представитель Белого дома заявил: «Мы не предлагаем российскому правительству вступать в диалог с Басаевым». Однако американцы явно намекали, а некоторые из них, как и их европейские союзники — например, министр иностранных дел Дании Н. Х. Петерсен — прямо называли А. Масхадова как лидера «умеренных политических сил в Чечне», с которым России необходимо как можно скорее сесть за стол переговоров. Утверждения российских представителей, что Ш. Басаев и А. Масхадов — это, в сущности, одно и то же, во внимание не принимались. Не воспринимались всерьез и воссозданные Кремлем чеченские властные структуры — парламент 1996 года, Госсовет Чечни, вице-премьер по Чечне Н. Кошман.)

8. США и их союзники по НАТО считают крайне важным, чтобы Россия как можно скорее вернулась к прежним лимитам фланговых ограничений, установленных Договором об ОБСЕ, нарушенным Россией в результате военных действий в Чечне. В этом же контексте Б. Клинтон в ходе встречи с В. Путиным указал на необходимость достижения соглашений с Молдавией и Грузией о выводе с их территории российских войск.

Было ясно, что чеченская тема станет одной из центральных на предстоявшем саммите ОБСЕ в Стамбуле 18—19 ноября 1999 года.

Поведение Б. Ельцина на стамбульском саммите ОБСЕ западноевропейский дипломат в Москве назвал «рассчитанным на публику демонстративным жестом». По его мнению, для российского президента и его протеже В. Путина главная ставка в политиче-

ской игре за победу на выборах связана с Чечней. Поэтому любые попытки заставить Кремль пойти на примирение или другие компромиссы с Грозным воспринимаются окружением президента весьма болезненно, если не панически.

Участниками саммита в Стамбуле было отмечено, что поведение Б. Ельцина вплоть до показных жестов недовольства а-ля Хрущев, было заранее отрежиссировано в Москве. Споры в дипкорпусе вызывал лишь вопрос о том, насколько синхронизирован по времени был отъезд российского президента в Москву. Здесь мнения разделились. Одни дипломаты заявляли, что Б. Ельцин бежал от своих интимных друзей — Билла и Жака, опасаясь, что в беседах тет-а-тет ему не удастся сохранить официальный пафос и придется отвечать на многие неудобные вопросы.

Значительная часть дипломатов считала, что президент перед поездкой в Стамбул был «набальзамирован» врачами ровно настолько, чтобы «изрыгнуть с трибуны пламя» и ретироваться для очередного отдыха.

На Западе полагали, что до завершения президентских выборов оказывать серьезное давление на Россию опасно. Поэтому информационно-пропагандистские органы создавали представление, что стамбульский саммит прошел в целом нормально, но Москве со временем придется ощутить, что за неправильное поведение придется рассчитываться потерей некоторых преференций, в частности в получении финансовой поддержки со стороны стран Запада.

Несмотря на продолжавшиеся твердые заверения политического и военного руководства страны в неизменности позиции по Чечне, к середине ноября в развитии чеченского кризиса наметились определенные изменения.

Режим А. Масхадова — Ш. Басаева сумел, умело используя антироссийские настроения и недоработки Кремля в информационном противоборстве, заручиться в определенной мере поддержкой Запада в вопросе обязательного посредничества ОБСЕ при разрешении ситуации, а также его руководства, расценивавшего положение на Северном Кавказе исключительно как «гуманитарную катастрофу». На стороне руководства

Чечни оказался и генсек НАТО Робертсон, рассматривавший действия России в этом регионе как «оккупацию».

Прозвучали заявления военного руководства (министра обороны, начальника Генштаба), что операция может быть завершена до Нового года. По всей видимости, усиливавшееся давление Запада на политическое руководство страны, требовавшего остановить военные действия в Чечне, вынуждало последнее торопить военных с завершением операции.

Явно зрели изменения и в общественном мнении России. Однако решительные действия федеральных властей все еще поддерживались большинством населения. Но сама операция затянулась, причем пока без особых успехов в достижении главной цели — уничтожении террористов. Росли тревожные настроения в ожидании очередных терактов среди населения, особенно в Москве и других крупных городах.

Замедлялись и темпы наступления войск. Дело заключалось не только в «дистанционной» тактике и стремлении минимизировать потери личного состава. Операция требовала все больше финансовых средств, материальных и людских ресурсов, недостаток которых ощущался все острее. На укомплектование группировки войск привлекались подразделения и части практически со всех военных округов и флотов России. До полугода, вместо определенного законом одного года, был снижен порог выслуги солдата срочной службы при его направлении в район вооруженного конфликта.

Все чаще задавался вопрос: когда и чем должна закончиться антитеррористическая операция, что будет с Чечней. Недаром тонко чувствовавший изменение конъюнктуры Б. Березовский попытался ответить на эти вопросы, выдвинув так называемый план урегулирования в Чечне, представлявший, по оценкам экспертов, набор банальных истин либо нереализуемые меры.

Значительные трудности проявились и в освобожденных районах, с которыми военному командованию и военным комендантам было справляться трудно — восстановление социальной инфраструктуры, проблемы беженцев. Возникали определенные трения между

Минобороны и другими силовыми ведомствами, особенно с МВД. В частности, военные обвиняли руководство МВД в чрезмерно медленной «зачистке» Гудермеса, что стопорило дальнейшее продвижение войск.

Наконец, Запад резко усилил скоординированное давление на руководство России. В его аргументах, помимо муссировавшегося ранее тезиса о «гуманитарной катастрофе», все громче звучали заявления о том, что чеченский кризис уже нельзя рассматривать как внутреннее дело России. Запад требовал соблюдения правовых норм, в частности Женевской конвенции, и других, регулирующих решение гуманитарных вопросов.

Основная атака на позицию России по Чечне, как говорилось выше, была предпринята на саммите ОБСЕ в Стамбуле. К сожалению, он не стал прорывным для российской дипломатии в плане изменения акцентов мирового сообщества по отношению к чеченской проблеме. Он лишь подтвердил жесткую линию Запада, объявленную в Хельсинки и Осло, и поставил Кремль перед крайне сложным выбором между сохранением избранной внутриполитической линии на доведение до логического конца антитеррористической операции, пользовавшейся поддержкой российского общества, и выполнением, хотя бы формальным, ряда требований Запада. По мнению ряда аналитиков, Б. Ельцину вряд ли удалось серьезно противостоять совместному давлению всех других членов ОБСЕ по Чечне. Проблема решалась в двусторонних конфиденциальных встречах с главами США и других стран НАТО (Клинтон, Шредер, Ширак), где речь пошла бы о том, как официальным властям России выйти из кризиса, не потеряв лицо перед собственным народом и армией.

Если Западу все же удастся заставить Россию прекратить операцию в Чечне и усадить Москву за стол переговоров именно с А. Масхадовым, то это означало бы резкое ослабление позиций России на Северном Кавказе.

А теперь о ситуации в армии. Многие комментаторы считали, что заявления министра обороны И. Сергеева и начальника Генштаба А. Квашнина об отсутствии раздоров в военном руководстве вызваны

двумя побудительными причинами: продемонстрировать свое единство с набиравшим вес В. Путиным и показать отсутствие разногласий внутри Минобороны по чеченскому конфликту, решимость идти «до победного конца» и тем самым подчеркнуть в глазах властей внутреннее единство армии — весомый аргумент в предвыборной ситуации.

Вместе с тем просочилась информация, что Б. Ельцин распорядился провести еще до Нового года ряд мероприятий по реорганизации системы управления вооруженными силами. Помимо всего прочего, это распоряжение имело целью дать понять военному руководству, что оно находится в «подвешенном» состоянии и тем самым сделать их более сговорчивыми при решении любых вопросов, включая решение о сворачивании боевых действий в Чечне.

В этой связи аналитики обратили внимание на заявление маршала И. Сергеева в отношении резких высказываний генерала В. Шаманова. Министр обороны заявил, что армия пришла в Чечню не для того, чтобы уходить из нее, публично раскритиковал суждения В. Шаманова и обещал «призвать генерала к порядку». И. Сергеев, по-видимому, первым отреагировал на обозначившуюся опасность.

На отношения между Кремлем и военным ведомством активно влиял и Запад. Он опасался усиления Российской армии, которая якобы «выходит из-под гражданского контроля» и превращается в самодовлеющую политическую, к тому же вооруженную силу.

Глава 3

КРЕДИТНАЯ КАРТОЧКА ЦАРЯ БОРИСА

«Ельцингейт»: действующие лица и исполнители. — Миллион долларов на мелкие расходы. — Под подозрением дочь Б. Ельцина. — «Западная» группа версий. — Русский вариант подоплеки. — А был ли мальчик? — Счета президентского зятя на Каймановых островах. — Четырнадцать костюмов Генерального прокурора. — Коррупция — понятие собирательное. — Неправовой термин. — Ниже только Камерун. — Борются сами с собой

Коррупцией в России никого не удивишь. Но то, что случилось в конце лета — начале осени 1999 года, смутило даже тех, кто привык к громким разоблачениям, перманентно вспыхивающим среди власть предержащих. Шум разразился грандиозный.

Из досье «Дело «Бэнк оф Нью-Йорк». Хроника скандала»

19 августа, газета «Нью-Йорк таймс»: «Банк подозревается в связях с русской мафией». Статья на первой полосе сообщала о подозрениях властей по поводу одного из счетов в «Bank of New York», через который с октября 1998 по март 1999 года прошли 4,2 млрд. долларов. Упоминались имена двух сотрудниц банка — Наташи Гурфинкель-Кагаловской и Люси Эдвардс, «казначея русской мафии» Семена Могилевича, названа была также компания Вепех, несколько раз безуспешно хлопотавшая о предоставлении ему въездной визы. Источник информации: «сотрудники правоохранительных органов».

20 августа, «Индепендент»: «Русская мафия отмыла 10 млрд. долларов в Нью-Йорке». Никакой допол-

нительной информации по сравнению с «Нью-Йорк таймс» за исключением необъясненного изменения суммы «отмытых средств» на 10 млрд. долларов. Источник информации: не назван.

21 августа, «Индепендент»: «Как самый жестокий мафиози обвел вокруг пальца Уолл-стрит». Рассказан жизненный путь Семена Могилевича. Источники информации: «статья американского журналиста Роберта Фридмана, опубликованная в 1998 году в еженедельнике «Виллидж Войс», и документы Национальной службы криминальной разведки Великобритании и контрразведки Ми-6».

21 августа, «Файненшл таймс»: «Разграбление наций: миллиарды долларов ежегодно текут из бывшего Советского Союза». Впервые объединены скандалы с американскими и швейцарскими счетами. Список участников дополнен именами Павла Бородина, Бориса Березовского и бывшего украинского премьера Павла Лазаренко. Сумма 10 млрд. долларов употребляется как якобы доказанная. Источник информации: «федеральные власти».

22 августа, «Обсервер»: «Мировой гангстер, проводивший миллиарды через Сити». Большая часть статьи посвящена не С. Могилевичу, а мужу Наташи Гурфинкель-Кагаловской Константину Кагаловскому. Он «был представителем России в МВФ», он «близкий друг Виктора Черномырдина», «близкий соратник Семена Могилевича», «ученик Анатолия Чубайса». Источник информации: «проверенная информация».

23 августа, «Уолл-стрит джорнэл»: «Расследуется связь между потерями МВФ и русской мафией». «Русская организованная преступность украла миллиарды долларов из займов МВФ и прочих программ иностранной помощи России». В скандале возникает новое действующее лицо — «Инкомбанк». Источники информации: «федеральные власти и власти штата Нью-Йорк».

25 августа, «Коррьере делла сера»: «Компания «Мабетекс» передала семье Бориса Ельцина 1 млн. долларов «на мелкие расходы». Источник информации: «швейцарские следователи».

25 августа, «Ю-Эс-Эй тудей»: «Расследуется связь Кремля с банковским скандалом». «Члены правительства Бориса Ельцина помогали лидеру российской мафии отмыть 10 млрд. долларов в американ-

ском банке». Источники информации: «следователи, высокопоставленные чиновники Генпрокуратуры России, должностные лица российского МИДа, а также документы ФБР, которые видели корреспонденты «Ю-Эс-Эй тудей».

26 августа, «Ю-Эс-Эй тудей»: «Дело о русских деньгах достигает 15 млрд. долларов. Под подозрением дочь Ельцина». Текст статьи в тот же день полностью или частично перепечатан несколькими десятками газет во всех штатах. Источник информации: «источники в правоохранительных органах».

27 августа, «Индепендент»: «Ельцин связан со скандалом МВФ». Источник информации: не назван.

28 августа, «Нью-Йорк таймс»: «Что делает нацию коррумпированной?» О России в целом. В качестве иллюстраций использованы фотографии из Индонезии. Источник информации: «сведения о режиме Сухарто».

29 августа, «Индепендент»: «Банковский скандал охватывает Европу». Сообщается, что расследование захватило пять европейских банков. Банки отказываются от комментариев. Источники: «собственная информация».

30 августа, «Гардиан»: «Новый кошмар на Уолл-стрит: русская мафия обвиняется в отмывании 10 млрд. долларов. Это семечки по сравнению с тем, сколько денег мафия хочет украсть». Содержание статьи исчерпывается заголовком.

31 августа, «Ньюсуик»: «Бандитское государство». «Администрация Клинтона надеялась, что Ельцин и его реформы приведут Россию к демократии. На деле Россия получила клептократию». Сумма в 15 млрд. долларов уже никем не ставится под сомнение. Общим местом стали и обвинения в адрес Б. Ельцина и Т. Дьяченко. Источник информации: «публикации в западной прессе».

1 сентября, «Таймс»: «Скандал с грязными деньгами может достигнуть 100 млрд. долларов». Джим Лич, председатель банковского комитета палаты представителей, утверждает, что «после множества разговоров с множеством людей» пришел к выводу: точная сумма отмытых денег за последние пять лет — 100 млрд. долларов. Источник информации: «множество разговоров с множеством людей».

17 сентября, «Джорнэл оф коммэрс энд коммершл»:

«Не теряйте Россию». «Возникает искушение смотреть на Россию как на крысиную нору, в которую было бы просто глупо продолжать вливать средства».

Обращала на себя внимание политизированность развернувшегося скандала. Среди российских аналитиков не ощущалось недостатка в выдвижении версий, объяснявших причины возникновения скандала. В определенном смысле за кадром остался главный вопрос: была ли реальная основа под обвинениями российских предпринимателей и коррупционеров высокого уровня в крупномасштабном отмывании денег за рубежом?

Основные версии возникновения скандала с отмыванием российских денег в «Бэнк оф Нью-Йорк» подразделялись на две большие группы, которые условно — по предполагаемым инициаторам начала скандала — можно было обозначить как «западная» и «российская».

«Западная» группа версий включала среди основных следующие:

— причина скандала — президентская кампания в США (атака республиканцев на кандидата в президенты от Демократической партии, тогдашнего вице-президента А. Гора, или, наоборот, упреждающий удар демократов);

— конкуренты в американской финансовой сфере решили подставить «Бэнк оф Нью-Йорк» — данная версия в какой-то степени занимала аналитиков лишь первые несколько дней после появившихся публикаций в прессе; в дальнейшем, по мере стремительного разрастания масштабов скандала версия фактически сошла на нет даже в качестве «составляющей» в рамках какой-либо более масштабной;

— скандал вызван реакцией недовольных действиями российского бизнеса после 17 августа 1998 года западных компаний и банков;

— наконец, возможная версия обобщающего характера: стратегические интересы Запада (США). Скандал как средство давления на тогдашний режим и ресурс в политико-стратегическом торге (например, прекращение скандала в обмен на уступки по стратегическим вопросам), наряду со стремлением деловых кругов дискредитировать российский бизнес вообще, дабы со-

хранить уже завоеванные позиции на российских рынках;

— сигнал российской правящей элите о «правилах поведения».

Скандал объясняли и предвыборной президентской кампанией в США. По мнению представителей ряда ведущих американских СМИ, в Вашингтоне его подогревали очень многие республиканцы, которые хотели навредить А. Гору.

Некоторые, правда, писали, что А. Гор, конечно, подставился сам. Пропагандисты демократов непрестанно рекламировали его вклад в формирование политики Белого дома по отношению к России, деятельность комиссии, которую А. Гор совместно возглавлял с пятью российскими премьер-министрами, в первую очередь с В. Черномырдиным.

И вот все главные газеты Америки украшены заголовками типа «Кто ограбил Россию?! И знал ли А. Гор об этом широкомасштабном грабеже?!». Так назвал свою статью в «Вашингтон пост» симпатизирующей скорее, республиканцам, известный журналист Д. Игнатиус. Вот как она начиналась: «А. Гора настигает вопрос: что он знал о разграблении России организованной преступностью и почему так мало сделал, чтобы этому помешать?»

Короче говоря, «российская карта» сразу становилась козырной в американской предвыборной игре «Буш-младший — Гор». Тот, кто более внятно и жестко смог выстроить концепцию отношений с Россией, предполагавшую более активное давление со стороны США на российскую политику и экономику, тот и становился фаворитом в США. Тому окажут поддержку деловые круги и простые американцы.

«Его политика была совершенно катастрофической! — заявил кандидат в президенты, медиа-магнат С. Форбс. — Администрация послала миллиарды долларов в руки клептоманов!»

Еще до того как «Нью-Йорк таймс» предала гласности заведенное по поводу отмывания денег следствие, бывший московский корреспондент «Вашингтон пост» Р. Кайзер обвинил Белый дом в том, что он давно не хочет слышать о коррупции в России. Несколько расследований, подобных нынешнему, были якобы задушены в зародыше. Широко известен эпизод

двухлетней давности, когда ЦРУ представило в аппарат А. Гора справку с компроматом на В. Черномырдина. Справка вернулась с резолюцией «Wullshit» («мягкий» вариант перевода: «чушь собачья»).

В подтверждение версии об инициировании скандала республиканцами приводили и факт начала в 20-х числах сентября слушаний в конгрессе по поводу «русских денег». Слушания проходили именно с подачи республиканцев (они, кстати, обладали большинством в конгрессе). Однако по состоянию на конец октября сведения о каких-либо конкретных результатах этого расследования, которые могли бы быть использованы для серьезной компрометации А. Гора (а заодно — и ненавистного республиканцам «французского социалиста» М. Камдессю с его МВФ, «отправляющим деньги псу под хвост»), не поступали. Говорилось лишь, что расследование находилось только в самом начале.

Целый ряд других западных, в первую очередь американских, наблюдателей полагал, напротив, что компромат на «Бэнк оф Нью-Йорк» специально «вбросил» в прессу Белый дом, чтобы сорвать следствие. Лондонские газеты тоже писали, что англичане (именно со ссылкой на данные Службы криминальной разведки Великобритании публиковались самые первые материалы про «отмывание денег русской мафии в «Бэнк оф Нью-Йорк») были злы на своих американских коллег за то, что те раньше времени разболтали о начатом расследовании и скомкали его.

Ряд аналитиков склонялся к мнению, что первопричина нападок на Россию заключалась в сильнейшем раздражении западных банкиров, связанном с «нечестной игрой» после дефолта со стороны российских бизнесменов. «Западники» — резюмировал, к примеру, российский журнал «Эксперт» — посчитали себя ограбленными и теперь жаждали сатисфакции».

Сторонники этой точки зрения не отрицали политической составляющей развернувшейся в западных СМИ фактически «антироссийской кампании». Но полагали, что первоначально за скандалом стояли интересы бизнеса, а не политики.

«В течение года, — писал «Эксперт», — миновавшего после российского дефолта, в Россию не раз доходила информация о том, что иностранные частные

кредиторы, и прежде всего банки, в переговорах с представителями российских властей настаивали на том, что они прекратят все дела с нашей страной, если власти не предпримут жестких действий в отношении ряда российских бизнесменов».

Аналитики полагали, что разозлились «западники» на то, что российские частные компании и лично олигархи обошлись с ними, выражаясь по-новорусски, как с лохами, при полном попустительстве российских властей.

Выяснилось, что, пока действовал постдефолтный мораторий на официальный перевод денег за рубеж, даже в оплату долгов, российские заемщики вывозили деньги неофициально и, естественно, тайком от кредиторов. Пока кредиторы вели переговоры о реструктуризации долгов, банковско-финансовые круги России уводили активы из старых групп, обремененных безнадежными пассивами, на новые чистые «площадки», не стесняясь даже их лично возглавлять.

Так или иначе, но никто из российских олигархов-заемщиков не объявил свою группу банкротом, а лишь отбросил от нее безнадежные куски. Этого западные банкиры понять не смогли.

Устав ждать адекватных действий со стороны российских властей, западные банкиры в последний раз предупредили С. Степашина о переходе к жестким действиям, когда он встречался с А. Гором.

Реакции не последовало, и в годовщину дефолта клуб кредиторов нанес ответный удар.

Более того, резюмировали сторонники «финансовой» версии скандала, весь компромат, задействованный со стороны Запада, если приглядеться, носил чисто банковский характер.

Более конкретен был в идентификации финансово-экономических инициаторов скандала депутат Государственной думы А. Шохин. В своем интервью «Коммерсантъ — Деньги» он указал на практически полное совпадение называвшейся в западных СМИ суммы «отмытых» денег — 15 млрд. долларов — с суммой обязательств России по форвардным контрактам после 17 августа 1998 года, по текущим обязательствам Лондонскому клубу, по вэбовкам (облигациям Внешэкономбанка, в которые была переоформлена большая часть долга бывшего СССР) — третьему траншу и так

далее. То есть, по мнению А. Шохина, обманутые западные вкладчики предъявляли объем своих претензий.

Конечно, не факт, что скандал был инициирован этими американскими финансовыми структурами, тем более что начинали расследование англичане. Но расследование велось почти год, а всплыло почти в годовщину дефолта — еще один аргумент А. Шохина в пользу своей версии.

Была также утечка информации год назад о том, что банки-кредиторы наняли несколько сыскных агентств с целью разыскать российские деньги за рубежом и проконтролировать отток капитала перед дефолтом и после него. Все это в совокупности давало картину, которая могла быть интерпретирована как заинтересованность частных кредиторов в том, чтобы отыскать деньги, заморозить и потом поделить, условно говоря, в виде компенсации. Возможно, конфисковать в пользу российского бюджета, с тем чтобы бюджет выплатил долги.

Помимо прочего, одним из главных оселков для проверки правильности своей точки зрения А. Шохин назвал характер поведения кредиторов на переговорах российских представителей с Лондонским клубом кредиторов [1].

Скандал — часть общего «стратегического и геополитического наступления» Запада на Россию. Это версия обобщающего характера, в которую органично вписываются и внутриполитические коллизии в США (кто «потерял Россию» и предложит лучшую стратегию дальнейших взаимоотношений с ней в русле американских интересов?), и стремление западного бизнеса вернуть свои деньги, а значит, заставить российских предпринимателей играть по западным правилам.

Уже в первые дни скандала с «Бэнк оф Нью-Йорк» рядом российских СМИ было высказано мнение о том, что многим в США и Европе не хочется прощать России долги, мириться с сокращением товарного экспорта в Россию, довольно заметным ростом российских импортозамещающих производств, которые становились все более привлекательными для прямых

[1] Известия. — 1999. — 21 сент.

и портфельных инвесторов. В связи с этим в западном общественном мнении и начала подниматься очередная волна по нагнетанию скептических настроений по поводу экономического настоящего и будущего РФ.

Дальнейшая «раскрутка» скандала с «Бэнк оф Нью-Йорк» — да еще в совокупности с обвинениями в коррупции людей из ближайшего окружения, включая родственников президента Б. Ельцина — дала российским наблюдателям основания для констатации фактического начала беспрецедентной со времен ввода советских войск в Афганистан и уничтожения южнокорейского «Боинга» антироссийской кампании мирового масштаба.

Одним из самых поразительных моментов была невероятная скорость эскалации скандала вокруг «русской мафии». Эта скорость поражала даже больше, чем уровень втянутых в дело лиц и структур. Ведь под подозрение в отмывании денег, помимо «Бэнк оф Нью-Йорк», попал десяток крупнейших банков мира. В считанные дни под ударом оказалось высшее политическое руководство США, России и МВФ.

Российские наблюдатели выражали вполне справедливое недоумение по поводу вала статей, ссылавшихся одна на другую и распространявших информацию, добытую из «конфиденциальных источников», но не содержавших практически никаких доказательных обвинений и документов. СМИ раз за разом напоминали, что в первой публикации в «Нью-Йорк таймс» сумма отмытых денег оценивалась в 4 млрд. долларов, в последующих были названы 15 млрд., а к середине сентября появились сведения, что размер кражи достигает уже 100 млрд. долларов, и это не предел.

Западная пресса дала немало поводов для опасений в стремлении изолировать Россию. В посвященном восточноевропейской тематике сентябрьском приложении к «Уолл-стрит джорнэл» была помещена статья «Мир без России». Там не только предлагалось лишить РФ места в Совете безопасности, но и выдвигалась идея о мире без России.

Сторонники версии о стратегических и геополитических причинах инициирования скандала небезосновательно ссылались на многочисленные доклады, выходившие в последние годы из стен целого ряда ведущих

западных аналитических центров, а также государственных учреждений. Речь шла о материалах, посвященных непосредственно анализу и прогнозу ситуации в России и вокруг нее. Российские эксперты отмечали значительное сходство многих ключевых идей и выводов этих документов со статьями, появившимися в ходе раскрутки скандала, ставшего известным как «Рашенгейт», в западных СМИ.

Необходимо упомянуть доклад вашингтонского Центра стратегических и международных исследований 1997 года, в составлении которого принимали участие высокопоставленные представители американских спецслужб, на тему «Российская организованная преступность». Один из выводов этого доклада: «Россия превращается в преступно-синдикалистское государство под контролем коррумпированных правительственных бюрократов, политиков, бизнесменов и преступников. С таким государством нормальные отношения будут невозможны».

Этот доклад, а также другие подобные ему материалы, вполне вероятно, являлись концептуальным основанием для одного из направлений политики США по отношению к России.

В последние дни сентября 1999 года пришла весть о задержке России выделения очередного транша кредита МВФ. Этот факт логично укладывался в рамки версии о геополитических замыслах Вашингтона: если Запад заинтересован в «вытеснении» России из кавказского региона (а это действительно так, что можно доказать в рамках отдельного исследования), то действия правительства В. Путина по решению чеченской проблемы не могут устраивать его, а задержка с выплатой очередного транша ложится дополнительным бременем на российский бюджет, и как раз в то время, когда намечались дополнительные ощутимые расходы на цели борьбы с терроризмом и военную кампанию в Чечне.

2000 год и без того обещал стать самым трудным годом в российской финансовой истории. Мало того, что правительство России предложило на новый год самый «амбициозный» бюджет за посткоммунистические времена, так еще, по-видимому, придется обойтись вообще без внешних заимствований. Между тем до начала скандала правительство рассчитывало на 4,5 млрд. долларов западных денег в 2000 году.

Официальные российские власти ухватились за мысль о том, что все три вышеизложенные версии имеют под собой основание. В то же время контрпропагандистская кампания сводилась к тому, чтобы отмахнуться от обвинений в коррумпированности высших эшелонов власти в России и списать продолжавшееся бездействие в раскрытии механизмов происхождения «грязных» денег на то, что вся эта история — подброшенная недоброжелателями газетная утка и более ничего.

Запад решил заручиться максимально возможным числом рычагов влияния не только на будущего российского президента, но и на значительную часть будущего российского истеблишмента. Мысль о том, что в России «дело идет к смене правящей элиты», рассматривался в качестве очевидной посылки абсолютным большинством наблюдателей и в РФ, и на Западе.

В респектабельных американских СМИ большинство статей имели конкретных адресатов, а именно реформаторов, Кремль и тех, кто жаждал поскорее сменить их у кормила верховной власти.

Первым администрация США посылала сигнал в том духе, чтобы они перестали обострять политическую борьбу, разжигать войну, запрещать компартию, менять каждые пять минут в угоду себе правительство, обсуждать чрезвычайщину и возможную отмену выборов. Запад недвусмысленно намекал: договаривайтесь.

Другим — дескать, старый, больной, неуправляемый президент тоже нам поднадоел, и стоит учесть, что могут быть названы номера и размеры счетов и банки, и от этого администрации президента отмахнуться не удастся. Этим, кстати, некоторые объясняли, почему последние статьи в американской печати не изобиловали фактами. Не потому, что их не было, а потому, что их придерживали в ожидании реакции вполне ошельмованной России. А она молчала, потому что боялась, что на каждое резкое официальное слово получит через газету номер счета одного из официальных лиц в одном из иностранных банков. Ряд западных и отечественных аналитиков сочли заслуживающей внимания версию итальянской газеты «Республика»: «До сих пор слепоглухонемые западные прокуроры вдруг начинают открывать могучие потоки рос-

сийских капиталов непонятного происхождения. В западную прессу поступают секретные документы. Нельзя не сделать из волны скандалов очевидный политический вывод: кто-то весьма могущественный решил, что надо покончить с финансовым царством Бориса и его многочисленных распутиных, то есть решил, что Ельцин должен уйти».

Комментарии российской прессы по данному поводу отражали заголовки ряда изданий: «Сорок бочек «грязных денег» [1], «Западные друзья бросили Ельцина в беде» [2], «Запад отворачивается от Ельцина» [3].

Ветеран журналистики М. Стуруа в статье «Ельцин в панике!» писал из США: «Вопрос ставится так: что знала администрация президента США о коррупции в России и что предпринимала для борьбы против нее? Ответ на этот становящийся все более гамлетовским вопрос гласит: знала почти все, не предпринимала почти ничего. На вполне законно возникающий в связи с этим новый вопрос: «А почему?» — в кругах администрации, разводя руками, говорят: такова была плата за поддержку президентом Ельциным американских национальных интересов и за «взнуздание» российского ядерного арсенала. То есть попустительство коррупции было платой за ослабление военной мощи России! Во властных кругах Вашингтона сейчас не скрывают, что они умышленно преуменьшали масштабы воровства в России и столь же умышленно «трубили» о ее успехах в создании свободного рынка» [4].

Наконец, наиболее вероятным кандидатам во властители России на всех уровнях Запад давал понять, что способен весьма тщательно и подробно контролировать ситуацию и с их зарубежными активами. Запад заранее демонстрировал будущей Думе и президенту России, о чем он может «вспомнить», если в 2000 году новая власть тоже окажется, с его точки зрения, «неадекватной».

Рассмотрим теперь «российскую» версию.

По сути, она единственная: предвыборная борьба в России — конкурирующие группировки используют

---

[1] Итоги. — 1999. — 7 сент.
[2] Независимая газета. — 1999. — 7 сент.
[3] Вечерняя Москва. — 1999. — 6 сент.
[4] Московский комсомолец. — 1999. — 4 сент.

западные СМИ в качестве мощного RR-средства в своем политико-экономическом противоборстве.

Сторонники этой версии исходили из того, что коррупционные скандалы связаны с «войной компроматов».

Что касалось скандалов последнего времени, то еще до первой публикации в «Нью-Йорк таймс», «давшей старт» истории с «Бэнк оф Нью-Йорк», во французской газете «Монд» появилось интервью Б. Березовского, где он обрушился на Ю. Лужкова и Р. Вяхирева. Буквально тут же в Швейцарии были преданы гласности факты из уголовного дела связанной с «Аэрофлотом» фирмы «Андава» и объявлено, что в швейцарских банках арестованы два десятка счетов Б. Березовского на сумму около 100 млн. швейцарских франков.

Вслед за этим пошли «разоблачения» деятельности близкой к верхушке «Газпрома» американской компании «Итера», торгующей российским газом. И только после этого — именно такую цепочку событий выстраивали сторонники данной версии — американская пресса поведала о скандале со счетами из России в «Бэнк оф Нью-Йорк», к движению средств по которым имела отношение супруга одного из руководителей «Юкоса» К. Кагаловского. По сведениям журнала «Эксперт», вплоть до последнего времени руководство «Юкоса» вместе с высшим руководством «Газпрома» были главными оппонентами В. Калюжного и Н. Аксененко, считавшихся выдвиженцами Б. Березовского и ставленниками ближайшего окружения президента Б. Ельцина, курировавших в правительстве вопросы ТЭКа.

Такая вот сложная рисуется взаимосвязь «войны компроматов». Наиболее, пожалуй, недвусмысленны в своих оценках комментаторы близких Б. Березовскому и «семье» телеканалов ОРТ и ТВ-6. По их мнению, схема «раскрутки» скандала с отмыванием российских денег в «Бэнк оф Нью-Йорк» «сильно напоминает» методологию так называемых «активных мероприятий» Службы внешней разведки.

Некоторые политологи посчитали скандал выгодным и для лидера «Отечества» мэра Москвы Ю. Лужкова. Тем более что он активно включился в его обсуждение: скандалы, включая «дело «Мабетекс», стали

использоваться в предвыборных выступлениях московского мэра.

Отсюда появились высосанные из пальца спекуляции в некоторых СМИ о том, что если Е. Примакову и Ю. Лужкову разоблачение фактов коррупции якобы выгодно, то, следуя известной логике, они за скандалом, мол, и стоят. Если проследить развитие внутриполитического ответвления кампании, то не случайным выглядело, что тон этих «отвлекающих маневров» и нападок на лидеров раздражавшего Кремль блока «Отечество — Вся Россия» задали вышеупомянутое интервью Б. Березовского газете «Монд» 18 августа и публикация в контролируемой им же газете «Новые Известия» 21 августа.

Более того, в тех же «Новых Известиях» появилась фальшивка — список из 162 известных людей, «на которых в правоохранительных органах... накоплены компрометирующие материалы уголовно-процессуального характера о нарушениях в области административно-хозяйственной деятельности и финансовой сфере» [1]. Список якобы был представлен Генпрокуратурой тогдашнему премьер-министру Е. Примакову 15 февраля 1999 года «в соответствии с его поручением».

Без вышеприведенных политических оценок развернувшегося скандала с отмыванием на Западе российских «грязных» денег не обойтись. Однако важнее ответ на сакраментальный вопрос: «А был ли мальчик?» То есть, укрывались ли за рубежом спрятанные от российского налогообложения, а следовательно от пополнения более чем скудного бюджета, деньги, что само по себе являлось тяжким экономическим преступлением, и, во-вторых, были ли в отмываемых через западные банки капиталах коррупционные доходы высокопоставленных чиновников?

Среди того, что писалось и говорилось о скандале вокруг «Бэнк оф Нью-Йорк» на Западе и в России, разумеется, много домыслов и чистых выдумок, эмоций и желания посчитаться с экономическими и политическими конкурентами. Поэтому из большого объема материалов, публикаций, аналитических выкладок остановимся лишь на тех, которые содержат конкретику и при наличии политической воли и целеустремлен-

[1] Новые Известия. — 1999. — 9 окт.

ности правоохранительных органов поддаются проверке. Это — не факты, но с учетом общественного резонанса и внимания к проблеме настораживающие моменты, которые должны быть подтверждены или опровергнуты.

«Нью-Йорк таймс» 19 августа 1999 года сообщила: «Правоохранительные органы США ведут расследование операций одного из старейших американских банков «Бэнк оф Нью-Йорк» по подозрению в том, что он использовался российской организованной преступностью в «отмывании» огромных средств. Только с октября прошлого по март нынешнего года, по их данным, через один банковский счет в результате 10 тыс. трансакций прошли примерно 4,2 млрд. долларов. Этот счет был взят под контроль федеральными органами, которые наблюдали за ним в течение продолжительного времени.

Они предполагают, что через него и связанные с ним счета с начала нынешнего года были проведены до 10 млрд. долларов... предупреждают, что находятся на начальном этапе расследования и пока не известны действительные объемы операции, а также конечный адрес, где «осели» деньги».

Активы «Бэнк оф Нью-Йорк» составляли около 70 млрд. долларов. Он являлся одним из старейших банков, который занимает 17-е место среди ведущих банковских учреждений Америки.

Следствие считало, что счета, которые попали под подозрение, имели отношение к С. Могилевичу — одной из основных фигур в российской организованной преступности. По данным американских и европейских правоохранительных и разведывательных органов, в сферу его бизнеса входило многое, включая торговлю оружием, вымогательство и проституцию. Федеральное бюро расследований было впервые уведомлено о возможной операции по «отмыванию» денег в «Бэнк оф Нью-Йорк» более года назад британскими властями. Началось расследование с того, что были затребованы 3,5 тыс. страниц банковских трансакций, сделанных от имени компании под названием «Бенекс».

Представители следствия не сообщали сведений о том, где эта фирма располагалась, чем занималась. Известно было лишь, что несколько лет назад «Бе-

некс» пыталась оказать содействие в получении въездных виз в США нескольким бизнесменам, связанным с С. Могилевичем. Визы им так и не были выданы. Счетами, находившимися под подозрением, управляла Наташа Гурфинкель, старший вице-президент «Бэнк оф Нью-Йорк». «Нью-Йорк таймс» писала, что она родилась в России и эмигрировала в США в 1979 году. После падения коммунизма Наташе было поручено привлекать в банк новые компании из Восточной Европы и бывшего СССР. Несколько лет назад она вышла замуж за Константина Кагаловского, который был сначала экономическим советником правительства России, а с 1992 по 1995 год представлял Россию в МВФ. Следователи также изучали роль в этом деле Люси Эдвардс, вице-президента «Бэнк оф Нью-Йорк» в лондонском отделении. По данным американских официальных представителей, Эдвардс родилась в России и получила гражданство США по замужеству. После развода она вновь вышла замуж за российского гражданина Петра Берлина, который благодаря этому стал американским гражданином.

По словам следователей, они предполагали, что П. Берлин имел доступ к счету фирмы «Бенекс» в «Бэнк оф Нью-Йорк».

Как сообщила 23 августа «Уолл-стрит джорнэл», расследование дела о счетах в «Бэнк оф Нью-Йорк», через которые, как подозревали правоохранительные органы США, российская организованная преступность «отмывала» миллиарды долларов, началось с сигнала одного из ведущих конкурентов этого банка — «Рипаблик нэшнл бэнк оф Нью-Йорк». Летом 1998 года этот банк зафиксировал необычно крупные переводы средств российскими предприятиями и корпорациями через банки РФ и непосредственно «Рипаблик» на разные счета в «Бэнк оф Нью-Йорк».

В связи с этим он начал даже проверку одного из конечных получателей средств — компании «Бенекс». Когда же инспектора банка не смогли установить эту компанию по указанному ею адресу в нью-йоркском районе Куинс, они в соответствии с принятой в США процедурой подготовили так называемое «уведомление о подозрительных операциях», которое было направлено в управление по борьбе с финансовыми преступлениями министерства финансов США. В это под-

разделение стекаются все сигналы из американских банков о вызывающей подозрение деятельности их клиентов. Министерство финансов по инстанции передало сигнал о «Бенексе» в ФБР, которое поставило об этом в известность «Бэнк оф Нью-Йорк», поскольку именно там находились счета этой компании. Только после того как ФБР вошло в контакт с «Бэнк оф Нью-Йорк», руководство банка подготовило свое «уведомление о подозрительных операциях». Тогда ФБР взялось за дело и распорядилось, чтобы банки, имеющие связи с «Бенексом», продолжали вести с ним бизнес, пока агенты будут отслеживать контакты компании.

По данным источников, переводы продолжались вплоть до июля 1999 года. Высокопоставленный представитель правительства США сообщил «Уолл-стрит джорнэл», что есть «существенные связи» между «Бенексом», местонахождение которого на территории США так и не было определено, и компанией «Уай-Би-Эм магнекс интернэшнл» из города Ньютаун, штат Пенсильвания, которая производит промышленные магниты. Одним из акционеров-основателей фирмы, впоследствии превратившейся в «Уай-Би-Эм магнекс», был С. Могилевич, считавшийся американскими властями влиятельной фигурой в российской организованной преступности.

Аудиторская фирма «Миллер, Коффи, Тейт», специализирующаяся на расследовании операций по счетам при ведении уголовных дел, установила, что «Уай-Би-Эм» «имела фиктивные списки клиентов, а также обнаружила свидетельства операций по отмыванию денег, которые проходили через эту компанию со счетов и в результате сделок в Восточной Европе и Карибском бассейне».

Тем не менее, сообщала газета «Нью-Йорк таймс», «Бэнк оф Нью-Йорк» настолько агрессивно развивал отношения с ведущими банками России, что ему пришлось отвечать на неприятные вопросы федеральных следователей относительно отмывания денег. «Он специализировался на открытии счетов для российских банков в США и доминировал на этом рынке, отличавшемся острой конкурентной борьбой, — писала газета, ссылаясь на источники в американских финансовых и банковских кругах. — Эти счета, которыми управля-

ла ответственная сотрудница «Бэнк оф Нью-Йорк» Наташа Гурфинкель-Кагаловская, временно отстраненная от должности, позволяли российским организациям без труда осуществлять перевод средств из России за рубеж».

Поначалу, отмечала газета, работа с российскими банками казалась прибыльным новым бизнесом. Однако на данный момент некоторые из этих банков рухнули, и следователи подозревают, что миллиарды долларов, которые прошли через «Бэнк оф Нью-Йорк», могли быть отмыты в результате незаконных операций. Одним из важнейших его клиентов был «Инкомбанк», который осуществлял более 250 платежей в день через «Бэнк оф Нью-Йорк». «Нью-Йорк таймс» сообщала, что «Инкомбанк» начал делать бизнес с этим банком в 1992 году, уйдя из банковской корпорации «Рипаблик Нью-Йорк корпорейшн», которой принадлежит «Рипаблик нэшнл бэнк оф Нью-Йорк».

Другим банком, который держал свои счета в «Бэнк оф Нью-Йорк», был «Менатеп», входивший в промышленную империю М. Ходорковского. «Федеральные агенты сейчас пытаются установить, принадлежала ли часть денег, которые прошли через «Бэнк оф Нью-Йорк», «Менатепу», — писала газета. — Через госпожу Кагаловскую «Бэнк оф Нью-Йорк» имел личные контакты с «Менатепом», поскольку ее муж Константин Кагаловский был высокопоставленным сотрудником в «Менатепе», а сейчас является заместителем председателя правления нефтяной компании «Юкос», главного достояния переживающей трудности империи Ходорковского».

«Нью-Йорк таймс» 23 августа отметила, что «в точке, где пересекаются таинственные российские деньги и «Бэнк оф Нью-Йорк», находится Брюс Раппопорт, швейцарский банкир, который помогал американскому банку находить важные деловые контакты в России. По словам лица, близкого к расследованию, миллионы долларов, которые проходили через швейцарский банк, известный под названием «Нью-Йорк интер мэритайм», имеют отношение к тому, что ведущие расследование федеральные следователи характеризуют как одну из, возможно, крупнейших схем отмывания денег в США». «Интерес следователей, по словам одного официального лица, усилился потому, что 76-

летний Раппопорт, живущий в Швейцарии, был недавно назначен послом Антигуа в России, — писали авторы публикации. — Как отметил этот представитель, Антигуа является главным центром отмывания российских денег в течение многих лет».

Родившийся в Хайфе, ныне находящейся в Израиле, Б. Раппопорт использовал свою базу в Женеве для того, чтобы осуществлять инвестиции и вести дела во многих местах, включая Оман, Либерию, Нигерию, Гаити, Таиланд, Индонезию, Бельгию и США. Б. Раппопорт открыл в Женеве «Интер мэритайм» в 1966 году. К 80-м годам он был одним из крупнейших частных акционеров «Бэнк оф Нью-Йорк», контролируя миллионы долларов в акциях, составлявших почти 8 процентов пакета компании.

23 августа «Уолл-стрит джорнэл» сообщила о новом развитии в следствии по делу о возможном использовании каналов «Бэнк оф Нью-Йорк» для отмывания денег российской организованной преступностью. Правоохранительные органы США пытались определить, входил ли этот банк в число тех финансовых учреждений, через которые часть средств Международного валютного фонда, предназначенных для России, «ушла» на оффшорный счет. Речь шла о 200 млн. долларов из кредитов в размере 20 млрд. долларов, предоставленных России фондом с 1992 года. Предполагалось, что эти средства прошли по меньшей мере через три американских и европейских коммерческих банка, прежде чем «осели» на оффшорном счету банка на острове Джерси, входящем в состав Нормандских островов. Источники газеты утверждали: деньги были предоставлены Центробанком РФ одному из коммерческих российских банков, что давало ему возможность оплатить долги.

30 августа в журнале «Ю-Эс ньюс энд Уорлд рипорт» со ссылкой на «специалистов по российской оргпреступности» было указано, что «это дело свидетельствует о том, как трудно идентифицировать мошенников». «Любая российская компания должна быть под подозрением, — говорит В. Бровкин, старший научный сотрудник Центра по изучению международной организованной преступности и коррупции при Американском университете, отслеживающий российскую организованную преступность. — В нынешних

условиях они — криминальны, если не доказано обратное».

«В общей сложности с момента распада Советского Союза около 350 млрд. долларов было вывезено из страны, и почти треть этой суммы осела в Соединенных Штатах, — сообщили корреспонденту журнала сотрудники разведки. — По мнению следователей, такой отток средств ускорился после обвала рубля в августе прошлого года. Причина состоит в том, что, поскольку российским компаниям грозит банкротство, побудительные мотивы для сохранения авуаров исчезают. Затронут весь экспортный сектор российской экономики: нефть и газ, металлы, алмазы, лес, рыба, судоходство, военная техника. В это вовлечена столь значительная часть элиты страны, что внимание привлекают к себе только случаи, поражающие масштабами и дерзостью».

1 сентября в интервью французской газете «Либерасьон» директор-распорядитель МВФ М. Камдессю опроверг поспешные выводы о хищениях денег фонда в России. Три проверки были проведены фирмой «Прайс уотерхаус куперс». «Первые две позволили установить две вещи. То, что утверждения о хищениях части помощи МВФ в 1998 году основывались на домыслах. И — более тревожный факт — то, что российский Центробанк солгал нам относительно состояния своих резервов в 1996 году и своих операций, законных, но тайных с «Фимако» (одним из ее филиалов в оффшорной зоне на о. Джерси, Нормандские острова. — *В. Г.*).

Какова же была реакция в России на развернувшийся на Западе скандал, в котором в тугой узел завязаны факты отмывания российских денег, в частности, в американских и швейцарских банках?

Откликнулись лишь А. Чубайс («ложь от начала до конца»), первый заместитель министра финансов А. Кудрин («абсолютное вранье») и П. Бородин («не имею каких-либо счетов в каком-либо швейцарском банке»). Никакой реакции от других официальных лиц до начала сентября не последовало [1].

В то же время неожиданно и без всякого объяснения был отстранен от дела по расследованию коррупции через швейцарскую фирму «Мабетекс» ведущий

[1] Телепрограмма «Время». — 1999. — 28 авг.

следователь Генпрокуратуры Г. Чуглазов. Была отменена его плановая поездка в Швейцарию для сбора дополнительных данных, необходимых для установления истины. В интервью «Московскому комсомольцу» он заявил: «Да, мы располагаем материалами о наличии счетов высокопоставленных должностных лиц и их родных в иностранных банках. И не только в иностранных. Другое дело, надо доказать, что происхождение этих счетов незаконно» [1].

Это был далеко не первый случай отстранения от следствия прокурорских работников, пользовавшихся у своих коллег высокой профессиональной репутацией. Весной 1999 года кураторство следственным управлением было изъято из ведения заместителя Генпрокурора М. Катышева, который, по отзывам прессы, до этого подвергался систематическим и безосновательным нападкам Б. Березовского и подконтрольных ему СМИ за якобы прокоммунистические симпатии. Объяснение лежало на поверхности — среди фигурантов заведенных в Генпрокуратуре дел подавляющее большинство представляли «новые русские» из предпринимательской элиты и государственного аппарата.

3 сентября директор ФСБ Н. Патрушев доложил президенту Б. Ельцину, что скандал вокруг «Бэнк оф Нью-Йорк» — дело «чисто политическое», никаких документов от ФБР или других ведомств по данному делу в Москву не поступало.

6 сентября пресс-секретарь президента Д. Якушкин заявил, что Б. Ельцин не намерен публично отвечать на ни чем не подтвержденные обвинения, исходя из «такого фундаментального принципа права, как презумпция невиновности».

21 сентября 1999 года в конгрессе США начались слушания по поводу отмывания незаконных российских денег. Председатель комитета по банкам республиканец Дж. Лич подчеркнул: «Коррупцию нужно не подкармливать, а наказывать... Мы хотим, чтобы деньги, украденные у России ее новым классом коррумпированных политиков и бизнесменов, были возвращены в Россию и использованы на благо ее народов» [2].

---

[1] Московский комсомолец. — 1999. — 1 сент.
[2] Время. — 1999. — 23 сент.

На слушания были приглашены вышеупомянутые Н. Гурфинкель-Кагаловская, Л. Эдвардс, Б. Раппопорт, М. Ходорковский, однако они отказались от участия. Ю. Скуратов выехать не смог (через три дня после получения приглашения он подвергся обыску). Карла дель Понте прислала текст своего заявления, но приехать не смогла, так как вступала в новую должность в Гааге.

Незадолго до слушаний в США побывала группа высокопоставленных сотрудников российских правоохранительных органов. Один из них — заместитель директора ФСБ В. Иванов — заявил, выступая по российскому телевидению 20 сентября, что никаких фактов коррупции и отмывания денег американская сторона им не предоставила. Правда, вскоре после этого агентство «Ассошиэйтед пресс» привело совсем иного рода признания того же В. Иванова о том, что «правоохранительные органы США располагают материалом, свидетельствующим, что российские бизнесмены и банки действительно отмывали деньги в США».

В то же время комментариев по другим двум банкам не последовало. Многие аналитики увязали это молчание с тем, что, как полагали, за «Собинбанком» стояла кремлевская администрация. Член совета директоров этого банка А. Мамут — советник главы администрации А. Волошина и, по слухам, влиятельный член «семьи». Кстати, депутат Госдумы А. Коржаков в интервью «Парламентской газете» заявил: «Пока в Кремле была настоящая Служба безопасности президента, мы этого Мамута контролировали и, как говорится, не пускали на порог».

6 октября прокуратура Южного округа Нью-Йорка предъявила официальные обвинения основателям компаний «Бенекс интернэшнл», «Бекс интернэшнл» и «Торфинкель корпорейшн» Люси Эдвардс, Питеру Берлину и Алексею Волкову, которые в то время находились за рубежом, причем последний предположительно в России. Представители ФБР уточнили, что в случае их неявки в прокуратуру США будут добиваться их экстрадиции. 13 октября подала в отставку с поста вице-президента «Бэнк оф Нью-Йорк» Н. Гурфинкель-Кагаловская.

Некоторые комментарии российских политиков в отношении скандала говорили сами за себя. Лидер НДР, бывший премьер В. Черномырдин, вернувшись из поездки в США, заявил: «Я сказал американцам: как же вас понимать? У вас воруют больше. Причем уже сто лет. Чего вы привязались к России?... У нас же как? То дефолт, то банкротство. А ведь рынок, частный собственник! Куда ему податься? Вот он и утекает. Вместе с капиталами»[1].

В интервью специальной программе французско-германского телевизионного канала АРТЕ директор-распорядитель МВФ М. Камдессю в более широком плане заявил, что «хищения (кредитов МВФ. — *В. Г.*) не доказаны»[2]. Он высказал весьма спорную с точки зрения российского Уголовного кодекса мысль о том, что «когда предприятия в плохо управляемой стране вывозят свои деньги за границу, это не называется хищением, это называется бегством капитала»[3]. В то же время М. Камдессю признал: «Ежегодная утечка капитала составляет от 10 до 20 млрд. долларов. Можно подсчитать, сколько это будет за несколько лет. Между тем Россия на сегодняшний день должна МВФ лишь 16 млрд. долларов, это значительно меньше, в несколько раз меньше. Дело в том, что Россия много экспортирует — газ, нефтепродукты...»[4]. Трудно не согласиться с выводом М. Камдессю о том, что «Россия — это страна, которая при условии хорошего управления на основе современной рыночной экономики могла бы стать процветающей страной; ей не были бы необходимы кредиты Международного валютного фонда»[5].

В свете того, что Б. Ельцин продолжал хранить в отношении международного скандала, в котором неоднократно упоминались лично он и члены его семьи, полное молчание, на Западе усилились проявления недоумения. Французский журнал «Экспресс» в статье под заголовком «Царь развращенный и коррумпированный» писал: «Дискредитированный на

---

[1] Комсомольская правда. — 1999. — 6 окт.
[2] Французско-германский телеканал АРТЕ. — 1999. — 15 окт.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

международной сцене, облитый грязью беспрецедентного скандала, подозреваемый в сокрытии интриг грабящей олигархии и в том, что он сам причастен к коррупции, глава государства подходит к концу своего патетического правления... При напряженной ситуации Борис Ельцин притворяется мертвым. Любой другой глава государства обратился бы по телевидению к своему народу» [1].

19 октября 1999 года в рамках встречи руководителей правоохранительных органов стран «большой восьмерки» в Москве премьер-министр В. Путин встретился с министром юстиции США Дж. Рино и пообещал, что в ближайшие две-три недели согласительная комиссия Думы и президента все-таки доработает многострадальный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем». Почему многострадальный? Потому что он неоднократно, последний раз летом 1999 года, отклонялся президентом как якобы не соответствующий заложенным в Конституции правам и свободам граждан. Рупор предпринимательских кругов и конкретно Б. Березовского газета «Коммерсантъ» дала более четкое толкование причин нежелания Кремля принимать этот закон: в свое время он был инициирован известным левым деятелем, бывшим прокурорским работником, председателем Комитета Госдумы по безопасности В. Илюхиным, который «хочет установить в стране полицейский режим», поставить под контроль проверяющих органов любую операцию стоимостью более 2 тысяч минимальных зарплат с перспективой «утечки информации в криминальные структуры». «В общем, надежнее и, главное, безопаснее перевести деньги все в тот же «Бэнк оф Нью-Йорк», — делает вывод «Коммерсантъ» [2].

Лишь месяц спустя после известного заявления президента «Бэнк оф Нью-Йорк» Т. Рени в стенах конгресса США о наличии у Л. Дьяченко счета на Каймановых островах группа компаний «Белка» выступила с опровержением «недавних публикаций в прессе» (а почему не заявления Т. Рени, спрашивали обозреватели).

---

[1] Новая газета. — 1999. — № 38.
[2] Коммерсантъ. — 1999. — 20 окт.

О счетах в опровержении и пояснениях к нему адвоката «Белки» А. Дреля ни слова. Указывалось лишь, что «нашим сотрудником действительно является зять президента России Л. Дьяченко», что он «никогда не возглавлял входящую в состав группы фирму «Фазт соаст петголеум», что общий оборот «Белки» составляет более 100 миллионов долларов в год, что «Белка» «не имела дела ни с какими государственными учреждениями» [1].

По состоянию на декабрь 1999 года скандал с «Бэнк оф Нью-Йорк» продолжал развиваться и еще не достиг своего пика. Следственные действия проводились преимущественно на Западе. Появились первые обвиняемые. Сотрудничество российской стороны с зарубежными правоохранительными органами, судя по всему, носило пока декларативный характер в духе «протокола о намерениях». Характер заявлений некоторых государственных служащих, которые высказывались по поводу утверждений о наличии у них за рубежом денег (а подавляющее большинство предпочло попросту отмолчаться), не давало четкого ответа на вопрос, есть ли у них личные счета. Между тем, по мнению специалистов, конкретики в вышеприведенных заявлениях американских официальных лиц и публикациях прессы достаточно для их проверки и правовой оценки. Именно этого, а не признания вины конкретных лиц до разбирательства и решения суда требовало общественное мнение России.

В свете обрушившихся на головы бедных обывателей сногсшибательных сведений о коррупции в верхних эшелонах власти, по-новому воспринимался и затяжной конфликт с отстранением от должности Генерального прокурора Ю. Скуратова. Все чаще задавался вопрос: его «дело» — элемент политической борьбы или столкновение беззакония с законностью?

Правы, наверное, те, кто говорил о наличии в данном случае и того, и другого факторов. Аргументов в пользу того, что Ю. Скуратов был отстранен от должности, чтобы затормозить расследования фактов коррупции в высших эшелонах российской власти, несомненно, было больше, чем доводов о стремлении

[1] Ведомости. — 1999. — 21 окт.

Кремля иметь на посту Генпрокурора кристально честного человека. Если не исходить из нигилизма, отчетливо выраженные позиции судов (Хамовнического окружного суда и Мосгорсуда), Совета Федерации, трижды (!) в 1999 году отклонявшего требования президента о снятии Ю. Скуратова с должности, мнение общественности свидетельствовало о том, что любым обоснованным подозрениям о противозаконной деятельности высокопоставленных должностных лиц необходимо давать правовую оценку.

Если суммировать реакцию на Западе на скандал вокруг неутверждения Советом Федерации отставки Ю. Скуратова, то следует в первую очередь выделить следующие суждения и оценки.

Смакование обстоятельств появления компрометирующих Генерального прокурора России материалов характерно, прежде всего, для зарубежной бульварной прессы, которая подхватывала попытки перевода проблемы именно в эту плоскость в ряде отечественных СМИ.

Серьезные же западные наблюдатели отмечали в первую очередь бурное развитие в этой связи поистине глубоких процессов в политической жизни России с далеко идущими последствиями. Прежде всего, отмечалось изменение баланса сил не в пользу президента, растущая нестабильность обстановки и малая практическая значимость разрабатываемого соглашения о политическом согласии.

Корни углублявшегося кризиса власти, в котором «дело Ю. Скуратова» стало лишь одним из наиболее звучных и скандальных эпизодов, по общему мнению, были гораздо глубже. Речь шла о раздиравших политический истеблишмент противоречиях, невозможности принятия и реализации взаимоустраивающих элитные круги решений, неуправляемости страны, параличе государственности.

Характерно, что, несмотря на констатацию выгодности такого положения для левой оппозиции, комментариев в поддержку позиции Б. Ельцина как гаранта Конституции на Западе практически не было. Настроения общественного мнения на Западе, которое ради «недопущения коммунистического реванша» готово были прощать Кремлю все, даже незаконность действий с мудреными оправданиями их незаконности,

но «легитимности», изменились. Политиков и население за рубежом больше тревожила непредсказуемость дальнейшего развития обстановки в России и вероятность экономического коллапса и социальных потрясений.

Несогласие Совета Федерации с решением Б. Ельцина об отставке Генерального прокурора рассматривалось как серьезное поражение президента не по данному факту, а в целом. Происходила консолидация антиельцинских сил, строго говоря, не имевшая идеологической или партийно-политической подоплеки. По сути, признавалось наступление завершающей фазы президентского правления с безграничными полномочиями. Б. Ельцин за последние полтора года, после затеянной правительственной чехарды и ставшей для всех очевидной потерей трудоспособности превратился в номинального главу государства, для которого было затруднительно осуществлять даже церемониальные функции.

Кремлевские чиновники судорожно искали выход из положения, чтобы как-то поправить пошатнувшееся реноме президента, рассматривая тяжбу с Советом Федерации не просто как его неудачу (они бывали и ранее, как, например, с многократным неутверждением кандидатуры А. Ильюшенко на пост Генерального прокурора), а как оскорбительный вызов.

Несомненно, что Б. Ельцин хотел бы более жестких и самостоятельных заявлений Е. Примакова, С. Степашина, В. Путина в пользу своей позиции, однако премьеры на такие шаги не пошли. Причины виделись аналитикам в том, что в отличие от импульсивного Б. Ельцина, любящего эффектные громкие шаги, Е. Примаков являлся мастером тонкой игры и умел терпеть в ожидании своего часа. Кое-чему следующие премьер-министры у него в этом отношении научились. К тому же у всех их был личный счет к Б. Березовскому, замешанному в скандальной интриге вокруг Генерального прокурора.

Часто цитируемые в западных изданиях представители американских исследовательских организаций «Фонд наследия», «Фонд Карнеги» и других отмечали, что на фоне кризисных явлений в высших эшелонах в российской власти набирали очки потенциальные кандидаты в президенты Ю. Лужков, выступавший

в поддержку Ю. Скуратова на заседаниях Совета Федерации и в ряде интервью, и Г. Явлинский, сделавший тему борьбы с коррупцией одной из важнейших составляющих своей предвыборной кампании.

Необходимо напомнить, что на фоне неутешительного развития событий осени 1998 года у правительства Е. Примакова оставался последний козырь в борьбе с оппонентами: демонстрация общественному мнению борьбы с коррупцией.

В этом плане кабинет министров потребовал от Генпрокуратуры активизировать следственные действия в отношении ряда лиц, занимавших высокие должности до утверждения премьер-министром Е. Примакова [1].

Заявление Ю. Скуратова от 10 ноября 1998 года подтвердило информацию о том, что деньги последнего транша МВФ (4,8 млрд. долл.) были большей частью разворованы. Уже тогда стали известны иностранные банки и счета, на которые были «сброшены» деньги. Не исключалось, что уже к концу 1998 года будет сформирована доказательная база в отношении С. Дубинина и других представителей бывшего руководства Центробанка и Минфина.

Пресса писала, что неуютно чувствовали себя в этой ситуации С. Кириенко и А. Чубайс.

В неофициальном порядке представители МВФ говорили, что если Россия сама не назовет финансовых махинаторов и их лоббистов, то Запад вынужден будет предать огласке имена и конкретные факты расхищения не только указанного, но и предыдущих траншей.

Затем в январе 1999 года последовало письмо Ю. Скуратова на имя президента Б. Ельцина «О мерах по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации». Вот некоторые выдержки из него.

«Финансовый крах созданного рынка государственных ценных бумаг (далее — ГКО — ОФЗ) был заложен изначально. Эмиссия и продажа ГКО — ОФЗ осуществлялись по следующей схеме: Минфин России эмитировал государственные ценные бумаги, а Банк России по его поручению продавал их на аукционе. Прибыль от продажи шла частично в бюджет, а также на погашение доходов держателям ГКО.

---

[1] Версия. — 1999. — № 32.

Все операции Банка России на открытом рынке государственных ценных бумаг осуществлялись за счет необъявленной эмиссии денежных средств, что увеличивало инфляционные процессы, снижало покупательную способность национальной валюты. Они не имели своей целью в 1998 г. поддержание стабильности рынка ГКО — ОФЗ. Так, за период с 03.08.98 по 14.08.98 портфель государственных ценных бумаг Банка России уменьшился с 68,2 до 59,7 млрд. руб., т. е. на 8,5 млрд. руб., а его аффилированных банков: Сбербанка — с 69,1 до 55,9 млрд. руб., т. е. на 13,2 млрд. руб.; Внешторгбанка — с 2 до 1,6 млрд. руб., т. е. на 0,4 млрд. руб. Всего рыночный портфель Банка России и его аффилированных банков уменьшился на 22,1 млрд. руб. Такое резкое уменьшение портфеля ГКО — ОФЗ в течение 10 дней не способствовало стабильности рынка государственных ценных бумаг.

Правовая оценка действий должностных лиц Минфина и Банка России на рынке ГКО—ОФЗ будет дана в рамках возбужденного прокуратурой уголовного дела.

Анализ расходования Банком России валютных средств со счета, на который поступили выделенные МВФ средства стабилизационного кредита, показал, что с этого счета с 23.07.98 по 17.08.98 продано 4,4 млрд. долларов США, в том числе 3,9 млрд. руб. — российским и иностранным банкам, минуя торги на межбанковской валютной бирже, 471 млн. долларов направлены на валютные интервенции на ММВБ, а 100 млн. долларов — на другие биржи. Всего Банк России продал в этот период на межбанковском рынке 4,576 млрд. долларов США. Самые активные приобретатели валюты у Банка России оказались в наиболее выигрышном положении после падения курса рубля.

Следует отметить, что большая часть средств транша в страну не поступила. Так, 3,9 млрд. долларов США были перечислены Банком России с своего счета в американском банке на корреспондентские счета отечественных банков в иностранных банках, а часть этих средств продана иностранным банкам. Курс рубля по отношению к доллару формируется на межбанковской бирже, куда была направлена лишь незначительная часть средств на валютные интервенции.

На фоне затянувшегося финансового кризиса реше-

ние Правительства России и Банка России от 17.08.98 является вынужденной мерой, что, однако, противоречит гражданскому законодательству в части выполнения своих обязательств по долгам. Более того, постановление Правительства России о дефолте не обсуждалось на заседании Правительства. В аппаратах Правительства России и Минфина России отсутствуют какие-либо документы, свидетельствующие о их проработке, согласовании. Не обсуждались эти решения и в Банке России. Документы подготовлены узкой группой лиц (Дубинин С. К., Кириенко С. В., Чубайс А. Б., Задорнов М. М., Гайдар Е. Т.).

Доходит до того, что валютными резервами страны управляют коммерческие фирмы. Банком России 15.07.93 заключено соглашение с иностранной компанией «Фимако» (Джерси, Нормандские острова). По этому соглашению, действующему до сих пор, Банк России передает в доверительное управление средства валютного резерва. Всего за период с 1993 по 1998 г. на счетах компании побывало 37 млрд. долларов США, 9,9 млрд. немецких марок, 11,9 млрд. французских франков, 86 млн. английских фунтов стерлингов. В нарушение действующего законодательства в эти годы активно осуществлялись операции по передаче в доверительное управление компании «Фимако» средств валютного резерва Российской Федерации, резервной кредитной линии МВФ и векселей Министерства финансов Российской Федерации. Генеральной прокуратурой России предложено Банку России расторгнуть с названной компанией соглашение об управлении инвестициями, вывести из ее управления средства валютного резерва. В настоящее время рассматривается вопрос о принятии по данному факту правового решения в порядке ст. 109 УПК РФ.

В ходе проверки установлено, что в нарушение Закона Российской Федерации «О валютном регулировании и валютном контроле» Банк России ненадлежаще выполнял возложенные на него функции органа валютного контроля, выдавал разрешения на совершение валютных операций, которые были осуществлены задолго до обращения за получением таких разрешений. Банк России лишь в 1998 г. незаконно легализовал валютные операции по вывозу из страны около 30 млн. долларов США. В отношении должностных лиц, вы-

давших такие разрешения, Генеральной прокуратурой России 18.11.98 г. возбуждено уголовное дело».

Были возможны два варианта действий администрации Кремля: возглавить поход против коррупционеров, тем самым «оседлав» проблему и взяв ее под контроль, или «приструнить строптивого прокурора». Увы, был выбран худший вариант.

Таким образом, непосредственной причиной действий против Ю. Скуратова стали действия Генпрокуратуры по возвращению незаконно вывезенных из страны средств.

Сигналом для власть имущих, судя по всему, стали начавшиеся 20 января 1999 г. обыски в работавшей на Б. Березовского охранной фирме «Атолл» и проведенный 22 января обыск швейцарской прокуратуры в фирме «Мабетекс».

Хронология дальнейших событий, связанных с «делом Ю. Скуратова», как помнят читатели, была изложена в предыдущих книгах «От Ельцина к ... ?». Ближе к осени 1999 года это дело получило новое развитие.

В конце августа 1999 года в итальянской газете «Коррьере делла сера» появилась нашумевшая статья «Швейцария: кредитные карточки обвиняют Ельцина». Было сообщено, что в ближайшее время перед швейцарским судом предстанет бывший высокопоставленный сотрудник «Банка дель Готтардо» (в 1991—1995 гг. заведующий сектором российских клиентов) и фирмы «Мабетекс» (с 1995 г. ее вице-президент) Франко Фенини, взятый под стражу после обвинений со стороны его бывшего партнера Ф. Туровера в мошенничестве, но затем выпущенный из тюрьмы в ожидании суда. Утверждалось, что магазин одежды «Ла Феи ди Массаньи», принадлежащий жене Ф. Фенини, якобы выдал кредитные карточки на имя президента Б. Ельцина и членов его семьи. Втянутыми в расследование оказались управделами администрации президента П. Бородин и предприниматель Б. Березовский. Женевский следователь Даниэль Дево, по сообщениям швейцарской прессы, возбудил уголовное дело по отмыванию этими людьми незаконно нажитых денег.

В офисе Ф. Фенини, в фирме «Мабетекс» и по месту жительства были произведены обыски. Найденные документы свидетельствовали о переводах валюты на кредитные карточки президента Б. Ельцина и членов

его семьи. Авторитетный немецкий еженедельник «Шпигель» писал, что «в ходе обыска помещений упомянутой выше строительной фирмы «Мабетекс» 22 января 1999 года в Лугано прокурор Швейцарии Карла дель Понте обнаружила счета от кредитных карточек на имена W. N. Eltsip, E. W. Okulova, T. W. Djasepko» [1].

Около 30 других счетов были открыты на имена 23 крупных российских чиновников, имена которых известны не только Ф. Фенини и Ф. Туроверу, но и Ю. Скуратову и Карле дель Понте.

В интервью корреспонденту «Литературной газеты» А. Наджарову испано-израильский бизнесмен российского происхождения Ф. Туровер заявил: «Швейцарские правоохранительные органы располагают исчерпывающими сведениями о коррупции крупных российских чиновников. Косвенным доказательством этого служит уголовное дело, возбужденное прокурором швейцарского кантона Тичино Жаком Дюкри по факту утечки служебной информации. Эта информация стала основой известной статьи в итальянской газете «Коррьере делла сера». Ознакомившись с ней, заместитель генерального прокурора Швейцарии Бенцигенр в телеинтервью заявил, что это очень хорошая статья... А ваш прокурор Чуглазов, который ведет дело фирмы «Мабетекс», в интервью заявил, что то, о чем мы говорили, «на 98 процентов чистая правда» [2].

П. Бородин в том же интервью «Литературной газете» заявил: «У меня таких счетов не существует и никогда не существовало... Вот можно сейчас завести, скажем, карточку на Скуратова, он и знать об этом не будет. И что, обвинять его потом за существование карточки на его имя?» [3]

Наблюдатели обратили внимание на то, что, согласно публикациям западной прессы, Ф. Туровер обратился к Карле дель Понте летом 1998 года, осенью того же года в Москве пять раз подвергался допросам со стороны российской Генпрокуратуры. По словам следователя Г. Чуглазова, он «дал весьма ценные показания, которые нашли подтверждение в ходе следствия» [4].

---

[1] Независимая газета. — 1999. — 1 сент.
[2] Литературная газета. — 1999. — 1—7 сент.
[3] Там же.
[4] Сегодня. — 1999. — 31 авг.

А 22 января 1999 года состоялся обыск в «Мабетексе». Эта хронология важна с точки зрения понимания того, почему в октябре 1998 года прекратились встречи Ю. Скуратова с Б. Ельциным и почему именно 1 февраля 1999 года состоялась известная встреча Н. Бордюжи с Генпрокурором, на которой ему продемонстрировали компрометирующую его видеопленку и было предложено «добровольно» подать в отставку.

Действительно, осенью 1999 года мало кто вспомнил, что задолго до появления публикаций в «Коррьере делла сера» главный редактор влиятельной швейцарской газеты «Тан» Э. Хейли сообщил московскому «Деловому вторнику», что обладает конфиденциальным документом, свидетельствующим о том, что известная фирма «Мабетекс» переводила деньги на счета некоторых кремлевских чиновников. И номера этих счетов, судя по всему, генпрокурор Швейцарской конфедерации Карла дель Понте не намерена скрывать от московских коллег.

В интервью Э. Хейли уточнил ряд важных моментов: «Сначала нужно напомнить, что дела возбуждены все же в Москве. Именно дела по коррупции послужили основанием для проведения некоторых следственных действий в Швейцарии. Таким образом, все, что делает наша Генпрокуратура, ответ на просьбу Москвы... Что касается интереса самой Швейцарии, то он неизменен, идет ли речь о России или другом государстве. Международное юридическое сотрудничество — главный элемент в борьбе с такими явлениями, как отмывание денег, коррупция или оргпреступность. Боюсь, для России эти проблемы еще долго не потеряют актуальности. Швейцарские правоохранительные органы часто обращались за содействием Москвы, но далеко не всегда получали его...

Последнее дело, ведущееся в Москве по поводу коррупции среди высокопоставленных госчиновников, очень серьезное. По-моему, в Швейцарии недооценивают его значения, в том числе политического. А может, просто привыкли к вашему особому стилю борьбы с коррупцией: как только шум стихает, на этом все заканчивается. Ведь Берну не впервой вольно или невольно фигурировать в российских скандалах. Вспомните В. Степанкова и поиски «золота партии» или историю с бывшим вице-президентом А. Руцким и его

чемоданами. И только потом последовала серия просьб, связанных с делом Михайлова (Михася), состоялся прямой контакт Ю. Скуратова с Карлой дель Понте, началось действительно расследование...

Действительно, наше право не считает активную коррупцию (дачу взятки) уголовно наказуемым деянием. Но дискуссии по этому поводу идут. Например, как передать документы другому государству, если закон требует, чтобы совершенное за рубежом деяние было также наказуемым и в Швейцарии. Но в случае с запросами из России по фирме «Мабетекс» и счетам чиновников речь идет не только о коррупции. Насколько следует из документов, которые мне довелось читать, российская Генпрокуратура не ограничивается обвинениями в коррупции, здесь упоминается «букет» деяний (хищение государственных средств, отмывание денег, злоупотребление служебным положением). Чтобы получить документы из Швейцарии, Москва должна была представить достаточно веские доказательства совершенных правонарушений. И вот в начале мая швейцарская прокуратура объявила, что изъятые в банках документы, свидетельствующие о денежных переводах фирмы «Мабетекс» на счета кремлевских чиновников, могут быть переданы российским правоохранительным органам. Осталось лишь подождать решения суда, если кому-либо взбредет в голову опротестовать передачу материалов...

Карла дель Понте сама не ведет расследований, а лишь отвечает на просьбы Генпрокуратуры РФ. Если российская Генпрокуратура возбуждает дело против действующего высокопоставленного чиновника или важного госдеятеля, или членов их семей, дель Понте не имеет права ответить отказом даже под предлогом каких-то политических соображений.

Но вообще-то такое сотрудничество могло бы быть гораздо эффективнее, если бы... Если бы Россия действительно и всерьез решила искоренить коррупцию и если бы не это полное непонимание в Швейцарии нынешней социальной, экономической и политической ситуации в России. Россию воспринимают здесь как любую другую страну, Англию или Германию, хотя условия совершенно разные. Берн, например, так и не понял, что Генпрокурор в России назначается президентом.

Сейчас, например, многое зависит от того, будут ли

власти в России продолжать расследование начатых дел по фактам коррупции среди высокопоставленных госчиновников и руководителей. Заставляет задуматься то обстоятельство, что заместитель Генпрокурора М. Катышев лишен своего поста, дела изымаются у людей, которые их вели. Очевидно, что такие действия не помогают, а вредят следствию. Однако документы существуют и находятся не только в Москве, но и здесь, в Швейцарии. Поиски доказательств коррупции проведены. Зная госпожу дель Понте много лет, смею заявить, что эти поиски велись со всей серьезностью. В ближайшие недели эти документы могут быть переданы в Москву. Думаю, что в Швейцарии хранятся очень важные материалы, весьма серьезные...

С падением правительства Е. Примакова, Ю. Скуратов и М. Катышев — а это ключевые фигуры в расследованиях — окончательно будут отстранены, дело застопорится. Во всяком случае некоторые весьма хотят этого. Не мне судить, конечно, но ключ ко всем этим делам политика» [1].

Напомним, что это писалось в мае 1999 года, и последующие события подтвердили правильность фактов, оценок и прогнозов швейцарского журналиста.

В Швейцарии в течение сентября — октября 1999 года по заявлениям прокурорских работников этой страны проводились активные следственные действия.

«Самым, пожалуй, заметным заявлением на этом фоне, — писала «Независимая газета», — оказалось официальное подтверждение «Банко дель Готтардо» в швейцарском Лугано того, что он выступал гарантом для открытия кредитных карточек на имя президента Бориса Ельцина и его дочерей, Татьяны Дьяченко и Елены Окуловой» [2].

Ю. Скуратов был прав в том, что имевшиеся в правоохранительных органах материалы о фактах коррупции не так-то просто было «положить под сукно». Начальник Главного следственного управления Генпрокуратуры России В. Минаев заявил 21 октября 1999 года, что «в Швейцарию направлен новый запрос о передаче в Москву дополнительных материалов по

---

[1] Деловой вторник. — 1999. — 18 мая.
[2] Независимая газета. — 1999. — 21 окт.

делу «Мабетекс». Представитель швейцарской прокуратуры Д. Раймон сообщил в этой связи, что существует «сложная процедура передачи подобных документов» и она может занять «несколько недель или несколько месяцев» [1].

Корреспонденты «Сегодня» в Женеве и Москве пришли к выводу, что «до выборов — как парламентских, так и президентских — доводить до конца это политически взрывоопасное расследование, видимо, никто не собирается». Ведь помимо чиновников управления делами в деле «Мабетекса» фигурировали члены семьи президента России. Источники газеты продолжали утверждать, что «в распоряжении следствия имеются документальные подтверждения открытия в Швейцарии кредитных карт на имя Бориса Ельцина и двух его дочерей» [2].

Согласно швейцарскому законодательству, адвокаты «Мабетекса» подали три иска, протестуя против передачи документов Генпрокуратуре РФ. Два из них было отклонено федеральным судом Швейцарии, третий находился в стадии рассмотрения.

Новый глава швейцарской прокуратуры Бернар Бертосса фактически подтвердил слова и Ю. Скуратова и В. Минаева в своем интервью итальянской газете «Репубблика»: «Для нас дело «Мабетекса» превратилось в «дело Бородина». Следствие еще не закончено, и поэтому я не могу назвать других имен. Но когда осуществляются денежные переводы на счета лиц, близких к власти, и когда эти переводы не имеют экономического обоснования, тогда рождается подозрение, что имела место коррупция» [3].

Знаменательно было и другое заявление Б. Бертоссы в том же интервью: «Мы не можем относиться к правоохранительным органам России с полным доверием. Например, из-за того, что знаем: там достаточно только проявить излишнюю активность, чтобы исчезнуть навсегда. Мы прекрасно понимаем, что российская прокуратура не защищена от внутриполитических конфликтов в стране» [4].

13 октября 1999 года указанные доводы Генпроку-

[1] Сегодня. — 1999. — 22 окт.
[2] Там же.
[3] Коммерсант. — 1999. — 27 окт.
[4] Там же.

ратуры, которые были призваны подкрепить третье прошение президента Б. Ельцина об отставке Ю. Скуратова, были сочтены Советом Федерации неубедительными. Он 98 голосами (!) против 52 и на этот раз отклонил обращение президента.

Ю. Скуратов в своем выступлении подчеркнул, что «сейчас уже ясно всем — попытка привлечь меня к уголовной ответственности провалилась». Генпрокурор заявил, что «доказательства его безнравственности получены преступным путем».

Особого внимания заслуживал, как отмечала пресса, призыв Ю. Скуратова к Совету Федерации «думать о другом: как спасать остатки правового порядка, как вести борьбу с коррупцией». Он привел ряд фактов, свидетельствовавших о том, что в последние месяцы «работа правоохранительных органов сознательно парализуется». «Судите сами: в МВД от должности освобожден начальник следственного комитета Кожевников, переведен на другую работу начальник следственной части Титаров. В ФСБ не у дел оказались замначальника управления экономической контрразведки Пушкаренко, еще один начальник управления по контрразведке и обеспечению стратегических объектов Дедюхин, проводится чистка аппарата ФСБ, а именно по материалам этих подразделений мы возбуждали одни из самых громких уголовных дел. В Генеральной прокуратуре замгенерального Катышев сначала был отстранен от руководства следствием и переведен на другой участок, не связанный со следствием. Весь главк был выведен за штаты, началась массированная чистка. В Главной военной прокуратуре, по сути, расправились с генералом Баграевым... Незаконно прекращено дело в отношении банкира Смоленского и прокуратура проглотила это. Вернулся в Россию Собчак... Отстранен от следствия Георгий Чуглазов, главный следователь по делу «Мабетекса», почти полностью изменен состав российско-швейцарской комиссии по сотрудничеству... Все изложенное выше говорит о том, что наряду с взятием под контроль финансовых ресурсов идет целенаправленный процесс превращения Генеральной прокуратуры, следственных и оперативных подразделений МВД и ФСБ в послушное, управляемое не законом, а волей администрации президента

учреждение, которое выполнит любой, подчеркиваю, любой политический заказ, если это понадобится».

Если мнение на этот счет Ю. Скуратова с учетом неоднозначного отношения к его личности может показаться предвзятым, то высказывания в этом же духе авторитетного среди сотрудников спецслужб бывшего директора ФСБ Н. Ковалева, отставленного в июле 1998 года не без нажима «семьи» и Б. Березовского, заслуживают того, чтобы к ним внимательно прислушаться. В интервью «Московскому комсомольцу» он обстоятельно рассказал о политической возне вокруг ФСБ, бесчисленных реорганизациях, каждая из которых оборачивалась потерей 30 процентов высококвалифицированных сотрудников и 50 процентов оперативных возможностей, резюмируя кратко: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о реформах в комитете» [1].

Н. Ковалев заявил также, что сейчас российским государством управляют крупные финансовые группировки, которые принимают решения исключительно в своих целях, и что в свое время он предлагал провести мощную операцию по борьбе с коррупцией, но не получил на нее санкцию высшего руководства страны [2].

Наибольший общественный резонанс вызвало следующее заявление Ю. Скуратова в Совете Федерации: «Сейчас, когда информация о возможной причастности президента и его семьи к коррупции, когда информация о наличии зарубежных счетов, об использовании в личных целях средств сомнительных коммерсантов, получающих подряды на реконструкцию Кремля, и многое-многое другое стало достоянием не только российской, но и мировой общественности, вам ясно, что в вопросе о моей отставке основным является личный интерес президента и его семьи. Иначе говоря, маски сброшены».

15 октября Мосгорсуд утвердил решение Хамовнического райсуда от 23 августа 1999 года, признавшего незаконным дальнейшее продление следствия по уголовному делу в отношении Ю. Скуратова. Судебная коллегия решила, что если следственная группа из

---

[1] Московский комсомолец. — 1999. — 2 окт.

[2] Независимая газета. — 1999. — 15 окт.

четырех человек за четыре месяца не сумела найти доказательств для предъявления обвинения Ю. Скуратову, то дальнейшее затягивание расследования «ущемляет его права как гражданина РФ». Однако суд дела не прекратил — это было в компетенции Генпрокуратуры, а она при и. о. Генпрокурора В. Устинове этого делать не собиралась. В свою очередь администрация президента пообещала, что указ Б. Ельцина об отстранении Ю. Скуратова ни при каких условиях отменен не будет.

Уместно в этой связи напомнить, что летом 1999 года, как явствовало из приведенной «Московским комсомольцем» записи разговора Б. Березовского с В. Юмашевым, бывшего и. о. Генпрокурора Ю. Чайку поменяли на В. Устинова потому, что первый осмелился продлить следствие по делу зарегистрированной в Швейцарии компании «Андава». «Ю. Их собрали два часа назад. И Чайка подписал продление... Б. Полный финиш, Валя! Ну как так можно!.. Я думаю, что единственный способ — это чтобы ты связался с Сашей (А. Волошиным). Он должен сказать, что будет подписан указ сегодня (скорее всего, указ о назначении Устинова и. о. Генпрокурора. — *Ред.*), и тогда все. Это единственный вариант» [1].

Действительно, уже 28 октября 1999 года Ю. Скуратов был вызван в Генпрокуратуру для дачи объяснений в обвинениях, которые он выдвинул против президента и членов его семьи на заседании Совета Федерации 13 октября. Как сообщил сам Ю. Скуратов, это было обусловлено поступлением в Генпрокуратуру обращения из администрации президента. Как сообщило РИА «Новости», Ю. Скуратов подтвердил, что у него есть «достаточная информация», которая дает основания утверждать, что «окружение президента было заинтересовано в его отставке», и не видит «никаких оснований» для возбуждения против него нового уголовного дела.

А есть ли вообще в России коррупция? Если есть, то что это такое?

В отечественном «Большом юридическом словаре» приводится такая формулировка: «Коррупция (от лат. soggurtio — подкуп) — преступная деятельность в сфе-

[1] Московский комсомолец. — 1999. — 28 июля.

ре политики или государственного управления, заключающаяся в использовании должностными лицами доверенных им прав и властных возможностей для личного обогащения. К. является не самостоятельным составом преступления в уголовном законодательстве РФ, а собирательным понятием, охватывающим ряд должностных преступлений (таких, как взяточничество, злоупотребление служебным положением» [1].

Организация «Международная гласность» называет свою задачу гуманитарной — «так как коррупция подрывает и искажает общественное развитие»; нравственной — «так как коррупция подрывает моральные нормы» и практической — «так как коррупция извращает рыночные отношения и лишает простых людей преимуществ этих отношений».

69 процентов российских респондентов заявляют, что верят сообщениям СМИ «о коррупции в нынешнем правительстве», 10 процентов — что не верят этому. 62 процента опрошенных согласились с тем, что «для преодоления кризиса в России главное — избавиться от коррупции в органах управления страной», и лишь 26 процентов заявили, что «коррупция — совсем не главная проблема, есть другие, более важные» [2].

В октябре 1999 года в Берлине был обнародован очередной рейтинг коррупции по странам, составленный авторитетной и часто цитируемой организацией Tgapsragepsu Iptegpatiopal. В рейтинг, составленный на основе опросов бизнесменов из разных стран, которые вели свои дела за рубежом, вошло 99 государств. Чем выше балл, тем больше оценочный уровень коррупции. Россия находилась в списке с 2,4 балла (по десятибалльной шкале) на 83-м месте. Ниже ее только были Камерун (99-е место), Нигерия, Индонезия, Азербайджан, Гондурас, Танзания, Югославия, Парагвай, Кения, Уганда, Пакистан, Киргизия, Казахстан, Грузия и Албания.

Другая международная организация World Esopomis Fogum, базирующаяся в Швейцарии, по итогам 1998 года поставила Россию по уровню коррупции на 47-е место из 53 стран.

---

[1] Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М.— 1999.
[2] Время «МН». — 1999. — 27 апр.

Из многочисленных зарубежных комментариев особое внимание автора привлекла редакционная статья в газете «Вашингтон пост». В ней, в частности, говорилось: «Наиболее огорчительным моментом в связи с последними разоблачениями и обвинениями в коррупции официальных лиц в России является реакция российских властей. Они действовали быстро, когда им нужно было уволить прокуроров, проявлявших слишком большую активность, и отвергали любые обвинения, выдавая их за результат какого-то большого антироссийского заговора на Западе. Но их легкомысленное отношение к этой проблеме создает ложное представление — как о самом явлении, так и о тактике.

Руководители в гораздо большей степени послужили бы своей стране, если бы они признали серьезность этой проблемы и взяли обязательство сотрудничать с западными правоохранительными органами с целью ее решения...

Нельзя преуменьшать проблему коррупции. Она разъедает центральные институты. Она угрожает жизнеспособности нарождающейся рыночной экономики, способствует росту цинизма среди населения, все еще нуждающегося в иностранных инвестициях.

Ее нельзя легко или быстро выкорчевать. Но Россия могла бы, по крайней мере, начать минимизировать ущерб, который она сейчас несет, если бы ее руководители своими действиями дали понять, что они осознают всю серьезность этой проблемы» [1].

А теперь рассмотрим, как к этой проблеме относятся в России ее президент, правительство и парламент. Сразу скажем: предложения по обузданию коррупции самые неожиданные, вплоть до... легализации теневой экономики.

16 мая 1997 президент России Б. Ельцин, объявивший в своем радиообращении к россиянам о начале бескомпромиссной борьбы с коррупцией, подписал указ, обязывавший лиц, занимавших государственные должности, декларировать свои доходы и имущество. Документ объемом в шесть страниц определил перечень руководителей, обязанных декларировать доходы, порядок декларирования и проверки сообщенных сведений.

---

[1] ИТАР-ТАСС. — 1999. — 10 сент.

В соответствии с указом должны ежегодно представлять сведения о доходах и принадлежащем им имуществе президент РФ, члены обеих палат парламента, члены правительства. Это относилось также к лицам, которые занимают федеральные государственные должности, государственные должности в субъектах Федерации и должности в органах местного самоуправления.

Декларацию необходимо также представлять при поступлении на федеральную государственную службу или при назначении на государственные должности РФ.

Указом устанавливалось, что сообщенные сведения относятся к конфиденциальной информации, но могут быть опубликованы в общероссийских СМИ в порядке, определяемом главой государства.

26 сентября 1997 года Б. Ельцин заявил, что считает преступность «особенно серьезной» проблемой, и видит ее «истинные корни» в «плохой работе исполнительной власти, в издержках становления новой экономики, в нашей бедности, порой толкающей людей на преступления». В радиообращении к россиянам, посвященном проблемам борьбы с коррупцией и преступностью, президент заявил, что видит основной путь искоренения этого зла не в «предельном ужесточении наказаний». «Никакими показательными казнями не искоренить преступность. Они только ожесточают сердца», — сказал он. «Наш путь — судебная реформа», совершенствование законодательства, которое должно препятствовать проникновению преступности во властные структуры. Место преступников — «за тюремной решеткой».

Правительству, сказал президент, «пора всерьез заняться экономическими проблемами, порождающими преступность». Среди них Б. Ельцин назвал неконкурсное проведение госзакупок, подпольное производство алкоголя, нелегальный ввоз товаров.

Перечислив ряд высокопоставленных чиновников, дела которых расследовались или приговор уже вынесен, в частности, бывших глав администраций Вологодской и Тульской областей, заместителя прокурора Новоуральска, Б. Ельцин подчеркнул: «Эти случаи — симптомы тяжелой болезни, которую легче предупредить, чем лечить».

Он подчеркнул, что хотя общественное мнение в стране не приемлет коррупции и организованной преступности, но когда дело переходит в конкретную плоскость, как это произошло в Ленинск-Кузнецком, «люди говорят совсем другое», признавая, что, даже если руководитель нарушает закон, они все же позитивно оценивают, если он «что-то делает, чего-то добивается» для населения.

Президент в этой связи гарантировал, что «никто не будет наказан понапрасну» — «нам не нужны показательные кампании по борьбе с преступностью». «Сила закона, справедливость должны стоять на страже интересов личности», — подчеркнул он.

«Преступники бросают нам вызов. Они думают, что наступило их время. Они считают, что Россия принадлежит им. Не выйдет! Я, президент, никогда с этим не смирюсь. Со мной согласно и подавляющее большинство вас, россиян», — заявил Б. Ельцин.

Выступая в сентябре 1997 года перед членами Совета Федерации, глава государства заявил о необходимости «закрыть зияющие дыры в законодательстве», чтобы воспрепятствовать тем «сомнительным личностям», которые «рвутся к власти».

Поручение, которое президент дал силовым структурам по ситуации в Ленинск-Кузнецком, не ограничивалось, по словам Б. Ельцина, этим единичным случаем. Надо «не просто разобраться с этим конкретным случаем, а подготовить предложения по всем необходимым мерам», от изменения в законах до кадровых перестановок в правоохранительных органах и структурах исполнительной власти.

В то же время 20 декабря 1997 года президент России Б. Ельцин отклонил федеральный закон «О борьбе с коррупцией», единогласно (!) принятый Государственной думой РФ 14 ноября 1997 года и одобренный Советом Федерации 3 декабря того же года.

Как подчеркнул в посланиях руководителям двух палат российского парламента РФ Г. Селезневу и Е. Строеву глава государства, этот закон противоречил Конституции и Гражданскому кодексу РФ, иным федеральным законам, вносил существенный дисбаланс в систему российского законодательства.

Основной недостаток закона «О борьбе с коррупцией», отметил Б. Ельцин, состоял в том, что он не имел

собственного предмета правового регулирования. В связи с этим закон вторгался в сферу правового регулирования Гражданского кодекса РФ, федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации», Уголовного кодекса РФ, Кодекса РСФСР «Об административных правонарушениях» и ряда других федеральных законов, причем регулировал эти отношения по-иному.

Формулировки федерального закона зачастую носили декларативный, неконкретный характер, юридически неточны, содержали многочисленные внутренние противоречия.

30 марта 1999 года президент представил Федеральному собранию свое ежегодное послание. «Нам не все удалось, — признал Б. Ельцин, — мы застряли на полпути от плановой, командной экономики к нормальной, рыночной. И сейчас у нас уродливая модель, гибрид двух систем».

Позиция президента в обуздании коррупции ясна. Ну, а правительство?

Наиболее реальные очертания активизация борьбы с коррупцией не на словах, а на деле начала приобретать во время пребывания на посту премьер-министра Е. Примакова в сентябре 1998 — мае 1999 годов. Ряд аналитиков даже высказывали предположение, что именно этот фактор взбудоражил «семью», которая стала подталкивать президента к отставке этого кабинета министров, на который было навешено клеймо «розового».

В октябре 1998 года проблемы экономических основ организованной преступности и меры противодействия легализации доходов, полученных незаконным путем, были рассмотрены на заседании Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по защите прав граждан, общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией. Заседание прошло под председательством Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова с участием секретаря Совета Безопасности Н. Бордюжи, руководителей органов исполнительной власти и спецслужб.

По оценке участников этого заседания, кризисные явления в экономике, снижение роли государства в регулировании экономических процессов и ошибки в ходе приватизации создали благоприятную почву для

развития организованной преступности и противозаконного бизнеса. Отмечалось усиление влияния криминальных группировок на финансово-кредитную систему и фондовый рынок, инвестиционную и внешнеэкономическую деятельность, добывающие отрасли хозяйства.

За последние пять лет количество выявленных преступлений экономической направленности выросло в два раза. Преступный бизнес активно вторгался в легальный сектор экономики, в ряде случаев вытеснял органы государственного управления с рынков производства, сбыта и оказания услуг, отметили участники заседания. По их оценке, легализации нажитых преступным путем доходов способствовали недостатки таможенного, пограничного, банковского, валютного контроля, коррумпированность государственных и муниципальных служащих.

Межведомственная комиссия выработала ряд первоочередных мер, направленных на подрыв экономических устоев организованной преступности. В частности, правительству РФ было предложено рассмотреть вопрос об образовании аналитического центра финансовых расследований. Намечалось также разработать программу возвращения незаконно вывезенного в 1992—1998 годах из России капитала, более эффективно использовать возможности международного сотрудничества в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, связанными с легализацией доходов, полученных незаконным путем.

5 ноября 1998 года в Страсбурге открылось первое совещание министров внутренних дел стран—членов Совета Европы, посвященное борьбе с организованной преступностью, коррупцией и незаконным оборотом капиталов. Оно проводилось по инициативе этой европейской организации и правительства Российской Федерации. Одним из его сопредседателей являлся министр внутренних дел России С. Степашин, который выступил с докладом.

Накануне совещания, 4 ноября, комитет министров Совета Европы одобрил Конвенцию по борьбе с коррупцией, которая, по их мнению, должна стать еще одним инструментом в борьбе против преступности на Европейском континенте.

Несколько раньше главы государств и прави-

тельств стран — членов Совета Европы на саммите 10—11 октября 1997 года в Страсбурге высказали озабоченность размахом организованной преступности, которая в первую очередь охватила государства Центральной и Восточной Европы, Россию и республики бывшего СССР. Указав на опасность этого явления, они высказались за принятие конкретных мер в данной области.

5 ноября 1998 директор ФСБ В. Путин заявил в Госдуме, что «ФСБ действительно располагает оперативными данными о фактах коррупции в разных органах власти», однако отметил, что эти оперативные данные не могут быть положены в основу обвинения. «Мы твердо придерживаемся презумпции невиновности, зафиксированной в статье 49 Конституции РФ, — подчеркнул в этой связи В. Путин. — ФСБ делала и будет делать все, чтобы трагедия 30-х годов в нашей стране не повторилась никогда».

Вместе с тем он сообщил, что ФСБ постоянно принимает необходимые для борьбы с коррупцией меры. В частности, было возбуждено «дело Госкомстата»: государству нанесен ущерб в несколько миллиардов рублей, 8 человекам предъявлены обвинения, по делу проходило свыше 25 человек. Выявлены нарушения финансово-хозяйственной деятельности Государственной инвестиционной корпорации — материалы переданы в Генеральную прокуратуру РФ. Расследовалось дело о хищениях и взяточничестве отдельных руководителей ВПК и Московского инвестиционного банка, замешанных с аферой продажи самолетов МиГ-29 на сумму 231 млн. долларов. Возбуждено и расследовалось уголовное дело в отношении Московского национального банка.

В. Путин подчеркнул далее, что «без помощи Госдумы ФСБ не может обойтись в борьбе с коррупцией и экономической преступностью». Он призвал законодателей ускорить принятие федеральных законов о борьбе с организованной преступностью, с коррупцией, о противодействии легализации и отмыванию доходов, полученных преступным путем. По его словам, особо тщательной проработки требуют законопроекты о порядке проверки сведений о лицах, поступающих на госслужбу, а также при решении вопросов о назначении госслужащих на высшие государственные должности.

10 ноября 1998 года Е. Примаков, выступая в МВД, однозначно объявил борьбу с коррупцией одной из наиболее приоритетных задач своего правительства.

8 декабря 1998 уже находившийся в определенной изоляции от окружения президента, но еще не от взаимодействующих силовых структур Генпрокурор Ю. Скуратов заявил: «В высших эшелонах российской власти существует коррупция». Он подчеркнул, что «надо наводить порядок наверху, тогда будет толк, когда сама система, тот же Минфин, будет контролировать действия своих работников».

Итак, дело в парламенте, который, по мнению представителей исполнительной власти, не торопился принимать законы для того, чтобы побороть коррупцию. Так ли это?

10 октября 1997 года Госдума заявила о недопустимости вмешательства в расследование дела о коррупции должностных лиц органов государственной власти Санкт-Петербурга. В принятом заявлении было сказано, что в ходе следствия Генеральной прокуратурой установлены многочисленные факты хищений, взяточничества и злоупотреблений служебным положением. Однако из-за «высоких покровителей лиц, привлекаемых к уголовной ответственности», расследование приняло затяжной характер.

«В последнее время на следственно-оперативную группу предпринято давление», поводом которому «послужил рядовой вызов на допрос Анатолия Собчака», — отмечали депутаты. В заявлении также говорилось, что «из гражданина Собчака искусственно создан образ «жертвы произвола», а из честных профессионалов правоохранительных органов — «нарушителей правопорядка».

14 ноября 1997 года Госдума на пленарном заседании единогласно (редкий случай) приняла в третьем чтении проект закона «О борьбе с коррупцией».

Под коррупцией понималось не предусмотренное законом принятие имущественных и неимущественных благ и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или лицами, приравненными к ним, а также подкуп этих лиц путем противоправного предоставления им физическими или юридическими лицами указанных благ и преимуществ.

В соответствии с законопроектом, банковские учреждения обязаны проинформировать соответствующие налоговые инспекции об открытии счетов хозяйствующих субъектов, независимо от форм собственности, или о финансовых операциях физических лиц на сумму, превысившую в течение 30 дней в 200 раз минимальный размер оплаты труда. При этом налоговые инспекции должны получить соответствующую информацию от банковских учреждений не позднее 5 дней со дня открытия счетов или выявления соответствующих финансовых операций.

Закон был направлен на одобрение в верхнюю палату парламента, вскоре одобрен Советом Федерации, но, как отмечалось выше, президент 20 декабря наложил на него вето.

Госдума в целом достаточно регулярно возвращалась к вопросам борьбы с коррупцией. Так, 20 марта 1998 года она заслушала министра внутренних дел А. Куликова. Министр сообщил, что за последние два года около 22 тысяч сотрудников органов внутренних дел РФ было привлечено к различным мерам ответственности, в том числе 7 тысяч — к уголовной.

Докладчик сообщил, что по результатам операции «Чистые руки» и проведенной аттестации руководящих работников системы было заменено около четверти всех руководителей гор- и райотделов внутренних дел (550 начальников и 2226 их заместителей), а также 105 руководителей ГУВД, УВД, исправительных учреждений и транспортной милиции.

Согласно представленным депутатам материалам, такое тяжкое правонарушение, как взяточничество, среди сотрудников органов внутренних дел имело четкую тенденцию к неуклонному росту. Если в 1992 году было выявлено 210 таких фактов, то в 1996 году их количество достигло 439, а в 1997 году — 450.

Взяточничество в структуре должностных преступлений, совершенных сотрудниками системы МВД в 1997 году, составило 25,6 процента от общего количества правонарушений.

Вместе с тем А. Куликов подчеркнул, что приведенные им факты «не являются свидетельством глобального поражения органов внутренних дел коррупцией». По его утверждению, «удалось сохранить систему

МВД в рамках, которые позволяют ей быть работоспособной».

А. Куликов заявил, что МВД «остро нуждается» в более быстром принятии Думой ряда законов, в том числе «О борьбе с коррупцией», «О государственном контроле за соответствием крупных расходов на потребление фактически получаемыми физическими лицами доходам», «О декларировании источников доходов, направляемых на потребление», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем» и др.

В июне 1998 года Комиссия Государственной думы по борьбе с коррупцией рассмотрела заявление депутата Н. Хачилаева о фактах коррупции в органах власти Дагестана. Н. Хачилаев выступил с утверждениями о серьезных злоупотреблениях среди высшего руководства этой республики после известных событий 20 — 21 мая в Махачкале, когда братья Хачилаевы и их сторонники захватили и в течение целого дня удерживали здание госсовета этой северокавказской республики.

По мнению председателя комиссии Госдумы А. Куликова материалы, предоставленные думской комиссии по борьбе с коррупцией Н. Хачилаевым, «носили общий характер и явно недостаточны для начала парламентского расследования».

9 сентября 1998 Госдума РФ отклонила в первом чтении проект федерального закона «О борьбе с коррупцией», внесенный президентом РФ Б. Ельциным. За принятие данного документа проголосовало лишь 58 парламентариев при необходимом кворуме в 226 голосов. 166 высказались против.

Председатель комитета по безопасности В. Илюхин выступил с резкой критикой данного законопроекта. Он подчеркнул, что его принимать нельзя, так как невозможно согласиться с концепцией, предлагаемой президентом. Глава комитета обратил внимание на то, что в законопроекте даже не определено понятие «коррупция». В. Илюхин также отметил, что правовое управление Думы отрицательно высказалось о данном документе. Он предложил создать согласительную комиссию из представителей различных депутатских фракций и групп и президентской стороны для подготовки нового варианта проекта.

В результате Госдума проголосовала за создание такой согласительной комиссии.

«Комиссия по проверке фактов участия должностных лиц органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в коррупционной деятельности» — такое вот ее полное название — была создана в марте 1997 года. В нее вошли представители всех фракций и групп. Время показало, что ни партийная принадлежность, ни различие политических взглядов на работу комиссии не влияли.

У комиссии были две основные функции: проверка фактов коррупции в органах госвласти России и совершенствование правовой базы борьбы с этим злом. Если факты подтверждались, материалы передавались в правоохранительные органы, которые и вели расследование.

Из ряда интервью руководителей этой парламентской комиссии в 1999 году явствовало, что по результатам ее работы в 1998 году Генеральной прокуратурой, МВД, ФСБ и региональными правоохранительными органами по 45 фактам возбуждены уголовные дела, а по 51 факту проводилась доследственная проверка о причастности к коррупции ряда высокопоставленных должностных лиц, в том числе в отношении бывших председателей правительства В. Черномырдина и С. Кириенко, вице-премьеров Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Федорова, Б. Немцова, министров внешних экономических связей РФ П. Авена, О. Давыдова, бывшего министра финансов А. Лившица, бывшего заместителя министра финансов А. Вавилова, бывшего исполнительного секретаря СНГ Б. Березовского, многих других членов кабинета министров, федеральных министров, ведомств и правоохранительных органов, органов субъектов госвласти... [1]

Председатель думской комиссии А. Куликов заявлял: «Бывшим руководителем правительства Черномырдиным, например, из федерального бюджета были незаконно выделены и переведены на счет общественной организации — Центра российско-американского партнерства 4,9 миллиона долларов. Среди руководи-

[1] Новости разведки и контрразведки. — 1999. — № 17-18.

телей центра значились И. Рыбкин, помощник Черномырдина, сотрудники посольств России и США. И даже когда Счетная палата РФ предписала незамедлительно возвратить эти деньги в бюджет, министр финансов Лившиц все равно перевел на счет центра последнюю часть вышеуказанной суммы в размере 1,5 миллиона долларов.

В 1994 году, при Черномырдине, распоряжением правительства РФ из государственных фондов была выделена квота на 2,5 миллиона тонн нефти для АО «МЦ Проминформбизнес», в результате чего государству был причинен ущерб в размере более чем 100 миллионов долларов. После реализации нефти выручка на счета Минфина не поступала, и использование валюты ни одним из федеральных органов власти не контролировалось. Е. Гайдар заключил с американской фирмой «Кролл ассошиитс Лтд» контракт на 1,5 миллиона долларов (естественно, из федерального бюджета) якобы для выявления за рубежом денежных фондов и других активов, принадлежащих российским и бывшим советским предприятиям и физическим лицам, контролируемым бывшей КПСС. Но ничего найдено не было, а денежки уплыли, их не возвратили в госказну.

Большие претензии к Чубайсу, причинившему государству ущерб на 37,7 триллиона рублей. С его подачи была осуществлена незаконная компенсация потерь Национальному фонду спорта, хотя к тому времени таможенные льготы были отменены.

Физиономия в пушку у С. Кириенко и Б. Немцова, нанесших государству ущерб в 189,6 миллиарда рублей. Это подтвердила и проверка Счетной палатой РФ взаиморасчетов по страховым платежам между предприятиями нефтегазового комплекса Ханты-Мансийского округа и отделения Пенсионного фонда Нижегородской области. Предприятия Ханты-Мансийска транспортировали нефть на завод «Норси ойл». Там нефть должны были переработать, продукты ее — продать, а вырученные деньги — перечислить в Пенсионный фонд РФ по Нижегородской области. Гарантом сделки выступал банк «Гарантия», который возглавлял Кириенко. Однако Пенсионный фонд положенные 189 миллиардов рублей не получил.

В 1992 году Черномырдиным и Гором было подписано соглашение, по которому Россия обязалась продать США уран из демонтированных ядерных боеголовок в количестве 500 тонн в течение 20 лет. Общая стоимость контракта определена в 11,9 миллиарда долларов. А какова же настоящая, так сказать, рыночная цена этого урана? Обратимся к фактам. Начиная с 1945 года США произведено 550 тонн оружейного урана, и затраты составили 3,9 триллиона долларов. Теперь по соглашению Черномырдина — Гора Америка, сохраняя свой военный ядерный потенциал, приобретает у России дополнительно столько же этого ценного продукта, сколько его было произведено у нас за эти годы. Но уже не за триллионы долларов, а в сотни и сотни раз дешевле, что в данном случае вообще выглядит как подарок».

В конце мая 1999 года Госдума выступила с обращением к Б. Ельцину следующего содержания: «Беспрецедентный разгул преступности и особенно коррупции в Российской Федерации, всевластие и полная безнаказанность чиновничества негативно сказываются на экономическом и политическом положении в государстве, подрывают авторитет органов государственной власти, ведут к росту социальной напряженности в обществе.

Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации одобряет и поддерживает действия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и правоохранительных органов, направленные на пресечение участия в коррупционной деятельности должностных лиц органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Одновременно депутаты Государственной думы выражают обеспокоенность в связи с многочисленными сообщениями в средствах массовой информации о фактах коррупции среди государственных служащих самого высокого уровня. Особую тревогу вызывает ситуация, сложившаяся в процессе осуществления сотрудничества представителей администрации президента Российской Федерации со швейцарской компанией «Мабетекс».

В связи с вышеизложенным Государственная дума

Федерального собрания Российской Федерации обращается к президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину с предложением об образовании межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации по проверке деятельности в России швейцарской компании «Мабетекс» [1].

Газетчики обращают внимание на следующую закономерность. Коррупционеров в России разоблачают по мере необходимости. Характерной чертой практически всех российских коррупционных скандалов является то, что возникают они в период политических, финансовых катаклизмов либо на фоне разворачивающейся борьбы за госсобственность между различными финансово-промышленными группировками.

Как правило, высокопоставленные чиновники, попавшие под милицейский пресс, сами подогревают страсти. Одни говорят, что оказались жертвами кремлевских интриг, другие — заговора спецслужб, олигархов или даже зарубежных транснациональных корпораций.

«Например, — писала газета «Коммерсантъ» в1998 году, — Анатолий Чубайс, оказавшийся замешанным в «книжном деле» (за еще не написанную книгу ему заплатили около 90 тыс. долларов), утверждает, что его проблемы напрямую связаны с ситуацией вокруг приватизации «Связьинвеста». Бывший председатель Роскомдрагмета Евгений Бычков, который был уволен за лоббирование интересов мошеннической компании Голден АДА, уверен, что скандал инициирован алмазным монополистом Де Бирс. «С моей помощью ФСБ пыталась скомпрометировать руководителей ФАПСИ и подмять под себя спецслужбу!» — кричит на каждом углу бывший замдиректора ФАПСИ генерал Валерий Монастырецкий. Сергей Станкевич, которому инкриминируется взятка, мыслит несколько иными категориями: с помощью его дела хотят опорочить всю «молодую российскую демократию».

В политической подоплеке своих дел о коррупции уверены экс-генпрокурор Алексей Ильюшенко, бывшие замминистра обороны Константин Кобец, замначальника ФСДН Петр Карпов, руководитель Госком-

[1] Парламентская газета. — 1999. — 1 июня.

стата Юрий Юрков и замминистра финансов Владимир Петров... И еще. Общеизвестно, что взятки в России берут чиновники всех уровней. На многих в ФСБ ведется досье, но оперативные материалы «выстреливают» по мере необходимости» .

Куда же исчезают огромные материальные ресурсы России? Почему в мирное время страна ставит рекорды падения производства? Директор Института экономического анализа А. Илларионов приводит такие сравнения: «За четыре года первой мировой войны 1914—1917 гг. внутренний валовой продукт в России упал на 25 процентов, за годы гражданской войны 1918—1922 гг. — на 23 процента, и за период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. снижение составило 21 процент. А примерно за такой же временной промежуток — четыре года пребывания В. Черномырдина на посту председателя правительства ВВП России снизился на 28 процентов. Если в первые годы правления Б. Ельцина падение ВВП еще можно было оправдать перестройкой экономики, то в последующий период продолжение экономического кризиса есть результат проводимой политики. На федеральном уровне не заработала ни одна кардинальная схема структурной перестройки экономики, по-прежнему отсутствует механизм государственной поддержки инвестиций и научно-технического прогресса. Никогда в последние десятилетия Россия не шагала столь уверенно по пути деградации интеллектуального и промышленного потенциала, финансовой вакханалии, торжества криминализованных элит и хозяйственно-политического обособления регионов. А что же президент? У нас он большей частью как бы стоит надо всем, царствует, не опускаясь до каждодневных забот правительства, и в то же время, по существу, сформировал нечто вроде теневого кабинета. Потеря управляемости, хаос во властных структурах, видимо, устраивают окружение президента, равно как и соседних правителей» [1].

Значительное внимание политиков, общественности и СМИ привлек к себе в 1998 году доклад «Россия и коррупция: кто кого?», подготовленный региональным общественным фондом «Информатика для демо-

[1] Коммерсантъ. — 1998. — 23 сент.

кратии» (Фонд ИНДЕМ), возглавляемым бывшим помощником президента РФ Г. Сатаровым.

Главным направлением борьбы с коррупцией, считают авторы доклада, должна быть борьба против «условий, порождающих ее». Подчеркивается, что «конкретное разоблачение какого-то коррупционера весит гораздо меньше, чем разоблачение, например, очередного закона, учреждающего еще один внебюджетный фонд». Поэтому, по словам Г. Сатарова, необходима «организация общественных экспертиз законопроектов на предмет их антикоррупционности».

Политолог напомнил, что «коррупция всегда становится лозунгом, под которым к власти приходили диктаторы». Победить ее можно, по мнению Г. Сатарова, «только в рамках условий, которые дает демократия».

Доклад в целом вызвал положительный общественный резонанс. Правда, некоторые наблюдательные журналисты не преминули вспомнить, что ИНДЕМ, который сейчас занимается политическими консультациями, возник на базе одноименного общественного центра, организованного Г. Сатаровым еще в 1990 году. По сведениям газеты «Коммерсантъ», тогда ИНДЕМ получил один из первых в России международных грантов. Кстати, вторым организатором ИНДЕМа был другой бывший советник президента С. Станкевич. Однако сегодня ему с Г. Сатаровым явно не по пути. Г. Сатаров борется с коррупцией, а С. Станкевич опасается возвращаться в Россию из-за обвинений в ней.

29 сентября 1999 года в Москве состоялось учредительное заседание Национального антикоррупционного комитета, председателем которого избран экс-премьер-министр России С. Степашин. Комитет учредили 46 известных российских деятелей и политиков различной ориентации и партийной принадлежности. В дальнейшем этот список может быть расширен. Не исключено, что это расширение может приобрести масштабный характер.

Своей главной задачей новая, скажем так, общественная организация ставит консолидацию сил общества на устранение причин, порождающих коррупцию. Не располагая как общественная организация, административными и конкретными правовыми полномочи-

ями, комитет намерен действовать через экспертизу законов и нормативных актов на предмет наличия в них лазеек для взяточников и конкретно заниматься правовой защитой населения.

Учреждение Национального антикоррупционного комитета (НАК) вообще, да еще в период острой предвыборной борьбы в стране, представлялось довольно интересным общественно-политическим шагом и даже явлением.

В то же время высказывались и некоторые сомнения в благополучном для общества завершении истории только-только вышедшего на общественно-политическую авансцену нового демократического института. Эти сомнения были связаны в первую очередь со списком учредителей, в котором встречались фамилии лиц, на совести которых лежал немалый груз ответственности за то, что стало с Россией. Высказывались пожелания, чтобы в устав Национального антикоррупционного комитета, если таковой, вообще говоря, будет предусмотрен, были вписаны требования к члену комитета на предмет соответствия его деловой репутации, политических и моральных качеств тем благородным целям, которые ставит перед собой НАК. Кроме того, для успешной, продуктивной и непрерывной работы НАК требовалось соответствующее финансирование. Кто будет осуществлять его? Те же коррупционеры? Они бы с удовольствием. Здесь, как можно почувствовать, была определенная угроза для еще не сложившейся репутации комитета. Вся его работа и источники финансирования должны быть абсолютно чистыми и прозрачными.

Общество, по существу, смирилось со всем этим, так как давно уже убедилось в том, что у государства нет воли для того, чтобы осознать чрезвычайную ядовитость червя коррупции и повести решительную борьбу с ним. И отсутствие такой воли не случайно. На высшем «коррупционном уровне» зачастую возникают такие связки из представителей политической элиты и «денежных мешков», что даже теоретические рассуждения о пользе и необходимости борьбы с коррупцией становятся пустым делом. Здесь трудно что-либо быстро и предметно доказать, так как на защиту высокопоставленных коррупционеров или кандидатов в таковые зачастую бросаются правоохранительные и сило-

вые структуры. Тех же, кто не проявляет должной активности, просто увольняют или компрометируют, используя для этого любые провокации. Что касается средств массовой информации, то многие из них уже давно приобретены олигархическими коммерческими структурами и служат своим хозяевам за деньги, которые опять же отнимают у рядовых российских граждан уже хорошо освоенными и известными способами.

На деле получается, что главными борцами с общероссийской коррупцией становятся иностранные средства массовой информации и спецслужбы. Именно от них российская общественность получает сигналы и конкретные факты о неблагополучии в своей стране.

Глава 4

ВЕТРЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Кто потерял Москву. — Из союзника в стратегического соперника. — Самый большой провал Америки. — В России надо поддерживать регионы! — Против гегемонии США. — Диалог глухих. — НАТО и Россия. — США диктуют однополярный порядок. — Саммит в Стамбуле: за Россию только одна Белоруссия. — «Балканизация» Кавказа. — Эволюция взглядов Запада на ситуацию в Чечне. — Перспективы западных социал-демократий в России

Доминирующими событиями и темами международной жизни в октябре — ноябре 1999 года с точки зрения внешнеполитических интересов России были российско-американские отношения.

Знаковым событием, с которого они стали претерпевать заметные изменения — и не в лучшую сторону, — следовало бы назвать даже не Косово. Косово — лишь иллюстрация тех принципиальных изменений, которые происходили внутри западного блока, безусловным лидером которого являются Соединенные Штаты. В Югославии фактически были апробированы новые подходы США и НАТО к обеспечению общеевропейской и международной безопасности. Разумеется, безопасности в понимании США и их союзников по НАТО. Инициатором этих новых подходов были США.

Поэтому своеобразной точкой перегиба в российско-американских отношениях надо считать юбилейный саммит НАТО в апреле 1999 года, на котором были приняты новая концепция блока и ряд других важных документов.

Решения Совета НАТО и война в Югославии определили ряд принципиальных положений, реализация

которых могла принципиально изменить сложившуюся за последние десятилетия систему международных отношений, включая и двусторонние отношения. Естественно, они не могли не сказаться и на отношениях между Россией и США.

В последние десятилетия система обеспечения глобальной стабильности и разрешения конфликтов, в том числе вооруженных, была значительно укреплена. Ведущим государствам мира, прежде всего США и СССР и его преемнице России, хватило здравого смысла понять, что дальнейшее нагнетание межблоковой напряженности и гонка вооружений — это даже не тупиковый, а крайне опасный путь развития человечества, ведущий к пропасти. Взаимные усилия стран привели к принятию Хельсинкского заключительного акта по безопасности в Европе. Стало постоянно действующим и эффективным институтом Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (впоследствии трансформированное в ОБСЕ).

Но главное — Соединенными Штатами и Российской Федерацией были предприняты кардинальные шаги в области контроля над вооружениями — как ядерными, так и обычными (договоры РСМД, СНВ-1 и СНВ-2, по ПРО, конвенция по химоружию, договор об обычных вооруженных силах в Европе и др.).

Это была большая заслуга стран, которые внесли наибольший вклад не просто в потепление международной обстановки, а в разрушение бастионов «холодной войны», ее полное завершение. И именно та благоприятная атмосфера, созданная во многом усилиями наших стран, определяла и отношения между Россией и США. Казалось, именно в таком направлении и следовало двигаться.

Но война в Югославии и принятые на вашингтонском саммите концептуальные документы альянса показали, что США и их союзники выбрали, к сожалению, иной, далеко не конструктивный путь.

В частности, принципиальной исторической ошибкой, которая будет иметь долговременные негативные последствия, и в первую очередь для российско-американских отношений, надо считать курс на дальнейшее расширение НАТО в восточном направлении. Этот курс был подтвержден на юбилейном саммите

НАТО, где были названы новые претенденты, включая уже не только страны Восточной Европы, но и бывшие республики СССР. А это прямая угроза безопасности России.

Ведь в условиях резкого нарушения геополитического баланса вследствие роспуска Варшавского Договора и распада СССР Россия и так оказалась в весьма уязвимом положении. Если события будут и дальше развиваться по неблагоприятному для нее пути (а новые концептуальные документы НАТО не оставляли в этом сомнения), то произошло бы дальнейшее оттеснение России от выходов в Европу, от акваторий Балтики и Черного моря. В частности, в результате балканского кризиса Россия фактически была вытеснена из зоны Средиземноморья и Балкан. В корне изменилась и стратегическая обстановка в Европе в целом. Речь шла даже не о многократном военном превосходстве НАТО в обычных вооружениях. Но уже существовали планы создания некоего черноморско-балтийского альянса, своего рода «санитарного кордона», отрезавшего Россию от Запада.

Естественно, что в России развернулась работа по пересмотру Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом президента РФ в 1997 году. Одним из основных побудительных мотивов ее уточнения явились как раз события в Югославии и упомянутые решения саммита НАТО.

В частности, в соответствии с этим документом, основные внешние угрозы национальной безопасности России обусловливались следующими факторами: снижением эффективности существовавших механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН, ОБСЕ; укреплением военно-политических блоков и союзов и, прежде всего, расширением НАТО на Восток; опасностью ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире; продолжавшимся распространением ОМП и средств его доставки; усилением центробежных явлений в СНГ; возникновением и эскалацией конфликтов вблизи госграницы РФ и внешних границ СНГ; территориальными притязаниями к России.

Многие из этих факторов были либо инициированы, либо поддержаны деятельностью США на между-

народной арене, в том числе на российском направлении. Конечно, это не способствовало улучшению двусторонних отношений и не могло не настораживать российских политиков и военных.

Возведенный в ранг стратегической доктрины переход НАТО к практике силовых военных действий без санкции СБ ООН был чреват угрозой дестабилизации всей стратегической обстановки в мире. Многие российские, да и американские политики и политологи считали, что основной вектор силовых усилий США и НАТО в ближайшей перспективе будет направлен именно в восточном направлении, имея в виду территорию бывшего СССР.

Пресловутая концепция «нового мирового порядка» (или так называемый «империалистический глобализм»), которой придерживались США, означал фактический отказ от основополагающих и оправдавших себя принципов обеспечения международной стабильности и разрешения конфликтов. Отход от них грозил непредсказуемыми последствиями. То же Косово в результате проведенной США и НАТО «гуманитарной» операции с массированным применением авиационных и ракетных ударов по территории Югославии фактически отторгнуто от Югославии, несмотря на резолюцию ООН, в которой подтверждена территориальная целостность страны. А ведь не секрет, что очень многие примеривали косовский сценарий к России, причем главным сценаристом не без основания считали Соединенные Штаты.

Россию не могли не настораживать также настойчивые попытки американской администрации подорвать Договор по ПРО 1972 года, отказ сената США ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Такая позиция американской стороны отнюдь не способствовала укреплению режима распространения оружия массового поражения, подрывала основы стратегической стабильности, грозила вхождением в новый виток гонки вооружений. Россия в этом не только не была заинтересована, но и считала это одной из основных угроз своей национальной безопасности.

Действия США в бывших советских республиках, как правило, не учитывали жизненно важных интере-

сов России в этих регионах. А порой и намеренно противостояли этим интересам, под прикрытием обвинений России в имперских амбициях, колонизаторских устремлениях и т. п.

Года два назад Вашингтон провозгласил Кавказ зоной своих стратегических интересов. Как известно, подобного рода заявления всегда подкрепляются реальными действиями: финансовыми вливаниями, идеологической обработкой, массированной информационной политикой.

В США президентом был утвержден «План объединенных командований», устанавливавший зоны ответственности американских военных над всеми странами мира. Украина, Молдавия, Белоруссия и Закавказье вошли в зону ответственности войск, размещенных в Западной Европе. Центральная Азия передавалась в ведение группировки сил специального назначения, подчинявшихся Центральному командованию.

Трудно возражать против установления двусторонних политических, экономических, культурных связей между США и другими государствами СНГ. Можно лишь приветствовать этот процесс, если он ведет к экономическому возрождению, повышению жизненного уровня народа, большей открытости. Но пока этого не наблюдалось. Зато территории этих республик фактически включались в боевые планы американских войск.

Как должна относиться к этому Россия? Ведь это не просто пограничные с ней государства, со многими из которых, кстати, она связана Договором о коллективной безопасности. Россия связана с этими территориями многовековыми и прочными экономическими, политическими, социальными, культурными и другими связями. Искусственная изоляция от них грозила серьезными издержками.

Более того, на страницах американской печати уже открыто обсуждался вопрос о расчленении самой России, прилагались даже конкретные схемы ее раздела.

В период с 18 по 29 октября состоялась поездка представителей российских СМИ в США. В поездке приняли участие руководители и политические обозреватели РИА «Новости», «Комсомольской правды», «Труда», «Российской газеты», «Новых Известий»,

«Независимой газеты», «Вечерней Москвы», «Сегодня», «Эксперта».

В рамках поездки, организованной госдепартаментом США, состоялись встречи в редакциях крупнейших СМИ США: газетах «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Ю Эс тудэй», а также в ряде американских университетов, ЮСИА и штаб-квартире республиканской партии.

Важнейшим пунктом программы стали встречи с конгрессменом Куртом Уэлдоном и сенатором Ричардом Лугаром. Оба были тесно связаны с Россией и активно вели в конгрессе США российскую проблематику.

Продолжительные встречи делегация российских журналистов имела с первым заместителем государственного секретаря Строубом Тэлботтом и специальным советником помощника президента Б. Клинтона по вопросам национальной безопасности Карлосом Паскуале. Эти беседы по просьбе американской стороны протекали в закрытом режиме без права ссылки на позиции сторон.

В целом можно было констатировать ужесточение позиций американской стороны к России.

Это было связано с изменением отношения лично к Б. Ельцину и его окружению.

Конгрессмен К. Уэлдон, заместитель главного редактора «Вашингтон пост» Р. Кайзер, редактор международного отдела «Нью-Йорк таймс» А. Кингсли, по существу, выступили с единых позиций. Она состояла в том, что президент Б. Клинтон и администрация США допустили грубый просчет в отношениях в Россией, сделав ставку не на «развитие демократических институтов, а на конкретных личностей».

Указывалось, что помощь России зачастую была конкретной: в поддержку Б. Ельцина и молодых реформаторов. Американские собеседники особенно резко говорили о том, что деньги МВФ, кредиты и гуманитарная помощь разворовывались и возвращались на Запад в виде частных банковских счетов.

Конгрессмен К. Уэлдон заявил, что ему тоже «хотелось бы видеть в Думе меньшее количество коммунистов». В то же время он считал, что все законно избранные депутаты, в том числе коммунисты, должны поль-

зоваться уважением президента. По мнению конгрессмена, высказанному в резкой форме, Б. Ельцин не считается с мнением российского парламента, давит на него. К. Уэлдон сказал, что США необходимо работать непосредственно с регионами России, минуя федеральный центр.

Судя по всему, американцы озвучивали новую концепцию отношений с Россией, которая готовилась республиканской партией США в преддверии президентских выборов. Об этом же говорили партийные функционеры в штаб-квартире республиканской партии. Новая концепция предполагала поддерживать с Россией нормальные отношения, но проявлять сдержанность в решении ее проблем.

По существу, мнения всех собеседников российских журналистов сводились к тому, что если бы выборы президента США состоялись сегодня, несомненную победу одержал бы республиканец Дж. Буш.

Буш как наиболее вероятный кандидат в президенты собрал 160 млн. долларов в виде частных пожертвований, что давало ему возможность отказаться от государственной поддержки, а значит, избежать отчета за потраченные суммы.

С. Тэлботт и К. Паскуале в резкой форме однозначно высказались против союза России с Белоруссией, осудили президента А. Лукашенко как политика «антидемократического, тоталитарного толка».

С. Тэлботт, попросив его не цитировать, прямо заявил, что следствие по делам о покушениях на Э. Шеварднадзе находит нити, ведущие к иностранному государству. Намек на Москву прослеживался достаточно ясно.

Интересную точку зрения высказал Р. Кайзер, отвечая в ходе дискуссии на упрек, что США очень активно действуют в районе Каспийского моря, нарушая тем самым сложившийся баланс сил между двумя странами, вторгаясь в пространство жизненных интересов России.

По мнению Р. Кайзера, подобная постановка вопроса не совсем корректна. Он считает, что крупнейшие транснациональные корпорации, минуя государственные и правительственные институты, сами выходят на государства Прикаспия. При этом,

в частности, в Грузии лоббизм корпораций осуществляют такие бывшие крупные государственные деятели, как Бейкер, Иглбергер, использующие свои личные отношения с Э. Шеварднадзе.

Указывая на возможные угрозы национальной безопасности США со стороны России в XXI веке К. Паскуале указал, что «обострение национализма» может «сделать Россию опасной».

Американские политические деятели, оценивая возможных кандидатов в президенты России, особое внимание уделили Ю. М. Лужкову.

Конгрессмен К. Уэлдон назвал его имя первым, подчеркнув, что чувствует себя в Москве в безопасности. Он также подробно остановился на проекте ипотеки жилья, заявив, что это важнейший проект московского мэра и США его поддержат. К. Уэлдон назвал Ю. Лужкова «прекрасным менеджером».

Одобрительно отозвался о Ю. Лужкове сенатор Р. Лугар — один из самых авторитетных представителей американского истеблишмента. Он особо отметил большую силу блока «Отечество — Вся Россия».

В то же время заместитель главного редактора «Вашингтон пост» Р. Кайзер указал, что несколько раз визит Ю. Лужкова в США срывался, поскольку Б. Клинтон «не готов его принять, так как некоторые в США не считают московского мэра демократом».

Собеседники российских журналистов, раскрывая содержание тезиса о «недемократичности» Ю. Лужкова, в основном говорили о дискриминации кавказцев после известных терактов в Москве.

На внешнюю политику двух стран накладывала заметный отпечаток острая внутриполитическая борьба в преддверии президентских выборов 2000 года в США и России.

В США резко обострилась дискуссия на тему «Кто потерял Россию?». Она рассматривалась исключительно через призму американских национальных интересов. Подтекст обсуждений сводился к тому, что при президенте Дж. Буше и в первые годы президентства Б. Клинтона Россия послушно следовала американским «рекомендациям» в сфере экономических преобразований и трансформации своего внешнеполитиче-

ского курса, однако затем якобы произошел заметный сбой.

Анализ содержания этой дискуссии показывал, что республиканцы обвиняли администрацию Б. Клинтона и, прежде всего, вице-президента А. Гора в том, что они уделяли чрезмерное внимание внутренней политике России. Стараясь любой ценой поддержать президента Б. Ельцина, по мнению ведущего советника кандидата в президенты Дж. Буша-младшего К. Райс, США стали крайне непопулярны среди населения России. «Америке следует найти возможность взаимодействия с русскими по проблемам, которые нам действительно необходимо решить: дальнейшего уничтожения ядерных боеголовок, надежности управления контроля в ядерной области и распространения оружия массового поражения как умышленного, так и в результате «утечек», — говорила К. Райс, весьма пессимистически оценивая ближайшее будущее России. По ее мнению, «русские действительно будут готовы к подлинным экономическим реформам не раньше, чем произойдет смена поколений».

Сейчас же, считали республиканцы, необходимо сделать паузу в двусторонних отношениях на год-полтора, отказаться на это время от широких программ оказания помощи реформам в России, присмотреться к развитию событий и лишь затем определить будущий стратегический курс Соединенных Штатов.

О «стратегическом партнерстве» с Россией, недавней теме, столь близкой сердцу провалившихся «младореформаторов» и активно разыгрывавшейся ими как подтверждение возвращения страны в лоно «мирового цивилизованного сообщества», в Вашингтоне серьезно не говорил никто. В последнем опубликованном докладе ЦРУ по итогам работы американских разведслужб в 1998 году Россия наряду с Китаем называлась «стратегическим соперником».

Тональность заявлений представителей администрации Б. Клинтона свидетельствовала о том, что демократическая партия США вынуждена в вопросах оказания помощи России занимать явно оборонительную позицию, оправдываться, говорить о некоторых достижениях в трудных условиях, долгосрочных перспективах, подвергаясь со стороны республиканцев все более резким нападкам.

Это проявилось, в частности, при обсуждении в палате представителей американского конгресса новой законодательной инициативы («Об экономическом восстановлении и справедливости в России»), направленной на изменение подхода США к отношениям с Россией. Выступившие авторитетные законодатели — как республиканцы, так и демократы — были едины во мнении о том, что политика администрации Б. Клинтона на российском направлении потерпела неудачу и ее необходимо подвергнуть кардинальному пересмотру. Лидер республиканского большинства в палате представителей Р. Арми назвал ее «самым большим внешнеполитическим провалом Соединенных Штатов со времен войны во Вьетнаме».

Он указал на незавершенность российских реформ, преступность и коррупцию в РФ, неэффективное использование Москвой зарубежных кредитных ресурсов, обогащение небольшой группы лиц на фоне чрезвычайно низкого общего уровня благосостояния населения страны. Отсюда — и название нового документа. Как заявил автор законопроекта конгрессмен-республиканец К. Уэлдон, его главная цель заключалась в том, чтобы «ускорить развитие демократии и создание свободной рыночной экономики в России». По его мнению, добиться этого можно, лишь переориентировав помощь РФ со стороны международных финансовых организаций и усилив контроль за ее распределением. В связи с этим документ предусматривал создание совместной комиссии в составе американских и российских законодателей, которым предстояло следить за использованием «западных ресурсов в РФ».

Наибольшую опасность для федеративных отношений в России представляло положение законопроекта о том, что ресурсы должны направляться в первую очередь не центральному правительству, а «реформаторски настроенным» региональным властям.

К. Уэлдон, являвшийся сопредседателем межпарламентской группы «Дума — конгресс», сообщил, что неоднократно обсуждал эти инициативы с российскими коллегами и встретил с их стороны полную поддержку. По его словам, уверенность в скорое принятие закона вселял тот факт, что законопроект уже поддер-

жали 50 законодателей — 25 республиканцев и 25 демократов. В их числе лидеры республиканского большинства и влиятельные председатели ключевых комитетов палаты — банковского, экономического, по международным отношениям.

В Вашингтоне, где развернулась настоящая «гонка с препятствиями», соревнование двух партий на конкурсе, кто намерен жестче подходить к России, не учитывали, что большинство россиян, независимо от их идеологических воззрений, ощущали себя по-прежнему представителями великой державы, хотя бы по размерам территории и численности народонаселения, ядерной мощи, геостратегическому положению, запасам ископаемых ресурсов, недооцениваемому на Западе интеллектуальному потенциалу. Заявления некоторых американских политиков и политологов в духе известных тезисов З. Бжезинского о том, что Россия должна смириться со своим бедственным положением и однозначно признать гегемонию США в однополярном мире, были неприемлемы для российского общества. Не только для коммунистов. Речь шла не о «ностальгии» Москвы по временам стратегического паритета в период «холодной войны», а о желании проявления к России элементарного уважения как к суверенному государству с богатыми традициями и, несомненно, большим будущем.

При любых обстоятельствах приоритетное значение, которое придавалось двусторонним отношениям России и США, должно было сохраниться. Оно для России, с учетом кризисной ситуации в стране, будет проистекать не из стремления какого-либо военно-стратегического противостояния, а из реалий экономического потенциала и веса США в международных делах.

Безусловно, прогнозировалось и некоторое охлаждение в российско-американских отношениях. Предвыборные заверения об обратном — не в счет.

В официальной позиции Москвы и еще больше в предвыборных программах кандидатов в президенты России делался больший, чем ранее, акцент на необходимости обеспечения глобальной безопасности и широкого международного сотрудничества на основе многополярности мироустройства.

Бесперспективной представлялась тема о необходимости осознания Россией своего реального места и «трезвого» признания однополюсного мира при гегемонии США как некоего условия добрососедских и конструктивных отношений с Россией в XXI веке. Политологи понимали, что отношения с США будут в возрастающей степени отражать не только сиюминутные задачи по обеспечению «выживания», но и главную цель — возрождение России как подлинно великой державы, с которой считаются не только из-за наличия потенциала гарантированного уничтожения потенциального противника.

Вопрос о стратегии двусторонних отношений, разумеется, являлся исключительной прерогативой каждой из сторон. Будет ли это по отношению к России доктрина «ограниченного вовлечения», к которой склонялись демократы, или возврат к концепции «сдерживания», о которой говорили республиканцы, решать американским избирателям. Ясно, что о «стратегическом партнерстве», о котором с таким энтузиазмом говорилось еще несколько лет назад, речь в обозримом будущем реально не пойдет. Россия также не строила более на этот счет несбыточных иллюзий. В то же время было бы неправильно строить политику в отношении России на основе временного «отдаления» — паузы на год-полтора, о чем говорил, в частности, известный «советолог» П. Реддевей на слушаниях в комитете по международным отношениям сената США.

В США нередко сетовали на рост антиамериканских настроений в России и видели угрозу «коммунистического» или «имперского» реванша, забывая о том, что сам Вашингтон — и администрация, и оппозиция — во многом повинны в этом. Взлеты и падения в нынешнем турбулентном мире, видимо, неизбежны, однако отдаление и пауза в двусторонних отношениях стали бы худшим из мыслимых вариантов как для России, так и для США.

В условиях острого внутриполитического противостояния с республиканцами администрация Б. Клинтона вносила коррективы в свою внешнеполитическую линию по отношению к России в сторону ужесточения подхода к ключевым проблемам, активно озвучивала контуры будущей стратегии. Об этом свидетельствова-

ли практически ежедневные заявления госсекретаря М. Олбрайт, ее заместителя С. Тэлботта, помощника президента по вопросам национальной безопасности С. Бергера, министра обороны У. Коэна, других высокопоставленных американских официальных лиц.

Среди важнейших элементов этого уточненного курса особо выделялось все более откровенное проталкивание плана одностороннего отхода США от Договора по противоракетной обороне 1972 года. Так, М. Олбрайт заявила: «Мы разрабатываем системы обороны против тактических ракет в попытке защитить нашу территорию, наши войска, а также наших друзей и союзников. Кроме того, мы разрабатываем и испытываем национальную систему противоракетной обороны, причем решение о развертывании ограниченного варианта этой системы будет принято уже следующим летом». Речь шла о формуле торпедирования Договора по ПРО без формального выхода из него, в расчете на то, что у России нет возможности принять адекватные меры в военной области, а зависимость от США, напротив, слишком высока, чтобы пойти на политическую конфронтацию.

После успешных испытаний национальной системы противоракетной обороны, проведенных Пентагоном в начале октября 1999 года, министр обороны США У. Коэн заявил, что «препятствием для ее развертывания остаются Россия и некоторые страны — союзники США». Российская сторона занимала неуступчивую позицию в этом вопросе. Тем не менее, по мнению главы военного ведомства США, Москва все же пойдет на то, чтобы внести изменения в договор. В противном же случае, сказал У. Коэн, президент Б. Клинтон может принять решение об одностороннем выходе из договора.

С. Тэлботт провел серию встреч с российскими представителями на высоком уровне. Излагая свои планы, американцы стремились заверить, что предлагаемая система ПРО якобы не нацелена против России. Первая фаза создания американской системы ПРО должна быть завершена к 2005 году. Она включала строительство на Аляске новой мощной РЛС для управления боевыми действиями и развертывание до 100 противоракетных перехватчиков. Американские РЛС

раннего предупреждения в Гренландии и Великобритании, на Восточном и Западном побережьях Соединенных Штатов также будут модифицированы. Американские официальные лица утверждали, что эта система сможет пресечь ограниченное нападение с применением относительно несовершенных ракет.

Вторая фаза должна быть завершена к 2010 году и может включать строительство аналогичной РЛС в Гранд-Форксе, Северная Дакота, и развертывание там же 100 перехватчиков. Такой уровень обороны, утверждали американские официальные лица, поможет Соединенным Штатам защитить себя от ограниченного ракетного нападения, в котором могут быть задействованы несколько десятков ракет. Но такая оборона, как подчеркивали американцы, может легко быть разрушена обширным российским арсеналом, таким образом сохраняя стратегический баланс между Вашингтоном и Москвой.

В октябре 1999 года США предприняли «отвлекающий маневр», запустив в СМИ информацию о том, что Вашингтон готов помочь России в завершении строительства большой РЛС для слежения за ракетами близ Иркутска («против возможного удара из Северной Кореи»), а также усовершенствовать контролируемую российскими вооруженными силами РЛС в Гябала, в Азербайджане («покрывает территорию Ирана и Ирака») и, возможно, управлять ею совместно, если в обмен на это Москва даст согласие пересмотреть Договор по ПРО. В США редко вспоминали о том, что когда Советский Союз построил РЛС в 1980-е годы близ Красноярска, именно Соединенные Штаты настояли, что это является нарушением Договора по ПРО, и вынудили демонтировать РЛС.

В рассуждениях на эту тему, а также по вопросу о нераспространении ядерных технологий республиканцы занимали еще более жесткую линию на «продавливание» своих, по существу, ультимативных предложений. Они постоянно ссылались на третьи страны, проводят мысль о том, что «у Ирана, Ирака и России вряд ли есть общие долгосрочные интересы», а «сдерживание развития северокорейского ракетного потенциала — в наших общих интересах». «Никто в Америке не собирается строить систему ПРО для того, чтобы

ограничить возможность России использовать ее ядерный потенциал», — утверждала К. Райс.

Происходили перемены и в подходах США к другим военно-стратегическим и разоруженческим вопросам.

13 октября сенат США проголосовал против ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Лейтмотивом выступлений конгрессменов-республиканцев было то, что «российский парламент блокировал прогресс по дальнейшему сокращению вооружений, не ратифицировав Договор СНВ-2».

Правда, Б. Клинтон подверг резкой критике решение сената: «Я призываю Россию, Китай, Великобританию, Францию и все другие ядерные державы продолжать воздерживаться от проведения испытаний. Я призываю все страны, которые еще не сделали этого, подписать и ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Я буду продолжать делать все возможное, чтобы решить этот вопрос в сенате».

США намеревались воздерживаться от проведения испытаний. «Мы провели тысячи испытаний, и они нам больше не нужны, — сказала М. Олбрайт. — Нам нужен инструмент, который предотвратил бы проведение испытаний другими странами». Что же касается ядерного арсенала США, то, отметила она, его безопасность и надежность должны проверяться лабораторными методами. На эти цели в течение предстоящего десятилетия Вашингтон планировал выделить 45 млрд. долларов. Кроме того, напомнила М. Олбрайт, Соединенные Штаты в качестве еще одной «гарантии» оставляли за собой возможность выйти из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Как бы то ни было, администрация США признавала опасность того, что договор откажутся принять также Индия и Пакистан, осуществлявшие собственные ядерные программы, а Китай получит возможность оснастить свои ракеты разделяющимися головными частями.

Москва объявила уже через два дня после этого, что она будет сотрудничать с Китаем, чтобы заручить-

ся поддержкой в ООН против попыток США изменить это соглашение. Голосование в сенате по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний вызвало критику во всем мире.

Еще один удар двустороннему взаимодействию в вопросах сохранения стратегической стабильности нанесло решение конгресса США существенно ограничить выделение средств на «Расширенную инициативу по содействию в ослаблении угрозы», в которой принимали участие госдепартамент, Пентагон и министерство энергетики. Учитывая важность этой межведомственной инициативы для американских национальных интересов, президент Б. Клинтон предложил ассигновать на нее в период следующих пяти лет 4,52 млрд. долларов. В 2000 финансовом году, начавшемся 1 октября, администрация планировала израсходовать на эти цели один миллиард, однако конгресс урезал запрошенные средства примерно на четверть. В основном были сокращены программы по линии госдепартамента в размере 241 млн. долларов, предусмотренные законопроектом об иностранной помощи.

Назвав данный шаг законодателей «недальновидным и опасным», помощник президента по национальной безопасности С. Бергер подчеркнул, что это стало одной из главных причин, которые вынудили президента наложить вето на упомянутый документ. По его словам, решение конгресса существенно ограничит, например, финансирование международного Центра науки и технологий в Москве, который обеспечивал временной работой специалистов, трудившихся раньше на предприятиях ВПК. Как заявил С. Бергер, отказал конгресс и в выделении средств на выполнение давнего обещания помочь Москве в строительстве объекта для уничтожения запасов химического оружия. Администрация надеялась, что ей все же удастся убедить конгресс в необходимости увеличения расходов на реализацию «Расширенной инициативы по содействию в ослаблении угрозы».

Помимо этого Вашингтон вместе со своими союзниками по НАТО все более акцентировал внимание на том, что у Москвы в связи с военной операцией в Чечне гораздо больше бронетехники на Северном Кавказе,

чем это разрешено договором от 1990 года, ограничивавшим «фланговую» численность сухопутных войск и обычных вооружений в Европе.

Наращивание этой кампании происходило, несмотря на то что еще в начале октября Россия официально уведомила Соединенные Штаты Америки и страны — члены ОБСЕ о превышении норм Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) на юге РФ. Тогда официальный представитель Совета национальной безопасности США Д. Ливи назвал уведомление «позитивным шагом». «Тот факт, что Россия выступила с объяснением своего превышения норм договора, подтверждает, что этот договор является важным инструментом международного контроля».

Несмотря на раздававшиеся в России голоса в пользу того, чтобы «воздерживаться от чрезмерной реакции» на попытки США выйти из Договора по ПРО, именно эта проблема наиболее остро стояла в ближайшие месяцы, поскольку она не вписывалась в контекст обеспечения интересов национальной безопасности России. Реальные кандидаты на пост будущего главы Российского государства жестко выступали против односторонних шагов, подрывавших остатки стратегической стабильности. С учетом прогнозируемого состава Государственной думы можно было — в случае отхода Вашингтона от Договора по ПРО — ожидать серьезных негативных последствий для перспектив ратификации Договора СНВ-2 и последующих переговоров о более глубоких сокращениях стратегических вооружений.

Россию, прежде всего, заботили возможные долгосрочные последствия американского плана для ее ядерного арсенала. На первом этапе национальная американская система ПРО действительно имела ограниченный характер. Вместе с тем дорогостоящие новые РЛС и система командования и управления, которую США намеревались создать в следующем веке, стали бы основой для более всеобъемлющей системы ПРО.

Поскольку Россия не обладала финансовыми ресурсами, чтобы участвовать в такого рода гонке вооружений, ей оставалось либо смириться с ролью аутсайдера, либо пойти на единственный вынужденный шаг,

с помощью которого она могла бы поддержать стратегический баланс с США, а именно отложить в сторону договоры, которые она подписала с Вашингтоном в прошлом, и наращивать свой арсенал за счет развертывания ракет наземного базирования с кассетными боеголовками, что ликвидировало бы одно из основных достижений в области контроля над вооружениями. России следовало бы активизировать консультации с Китаем о возможном политическом и военном сотрудничестве на случай, если США вышли бы из Договора по ПРО.

На уступки в этом вопросе ни в коем случае идти было нельзя.

Гипертрофированно выделялась проблема тотальной коррупции в России, которая действительно достигла угрожающих масштабов, но использовалась для развязывания широкомасштабной антироссийской кампании. В то же время были основания констатировать, что администрация Б. Клинтона долгое время смотрела на становившиеся известными ей факты коррупции в России сквозь пальцы по той причине, что в ней были замешаны политические фигуры, на которые в США делали ставку.

М. Олбрайт верно отмечала, что «груз коррупции сдерживает дальнейшее движение России» и «необходимо наконец поставить задачу борьбы с коррупцией в разряд приоритетов». С. Бергер подчеркивал, что «очень небольшое число российских бизнесменов благодаря сочетанию таких факторов, как политические связи, предприимчивость и использование системы, получили доступ к колоссальным суммам и колоссальному капиталу».

Американцы действительно предупреждали в разное время, что «успешная борьба с коррупцией в России должна начинаться с самого верха» (например, заместитель министра финансов Л. Саммерс в 1997 году). В 1999 году М. Олбрайт вновь указывала, что «проблема эта носит реальный характер», а С. Бергер говорил о том, что «мы не хотим видеть такую Россию, где экономические условия станут настолько тяжелыми, что россияне обратятся к националистическому лидеру того или иного толка».

Об этом же, по существу, говорят и республиканцы,

та же К. Райс: «Я не думаю, что кто-нибудь считает всю Россию вовлеченной в уголовную деятельность... международная экономика требует, чтобы вовлеченное в скандал государство, так сказать, пролило свет на проблему, разобралось во всем и наказало тех, кто мог быть замешан в преступлениях. Часто задают вопрос, чьей победы на выборах в России в июне 2000 года вы бы хотели? Мой ответ таков: мне хотелось бы, чтобы русские нашли некоррумпированного, честного человека».

России следовало бы пойти по пути более тесного взаимодействия с США и другими западными странами в области борьбы с коррупцией и отмыванием незаконно нажитых капиталов, решительно опровергая тем самым вброшенный в политический обиход тезис о превращении России в «преступно-синдикалистское государство».

В США тем временем развернулась дискуссия о необходимости принятия «ограниченной доктрины гуманитарной интервенции», и проталкивание этой идеи в ходе работы 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. О целесообразности ее разработки с учетом опыта действия США и НАТО в отношении Югославии говорили как демократы, так и республиканцы, о чем свидетельствовали, в частности, статьи бывшего специального помощника президента США Дж. Буша Р. Хааса и бывшего советника Б. Клинтона М. Манделбаума в журнале «Форин афферс» (сентябрь — октябрь 1999 г.).

В то же время российским политикам следовало учитывать, что в предвыборном штабе республиканцев считали: США не следует идти на военное вмешательство в гуманитарные катастрофы за рубежом, какими бы тяжелыми они ни были. Поэтому, например, по признанию К. Райс, в случае избрания Дж. Буша-младшего она будет призывать его не продолжать политику администрации Б. Клинтона, основанную на стремлении к выработке «международных гуманитарных норм», и вернуться к курсу, основанному на трезвом анализе интересов США. «Гуманитарная катастрофа — недостаточный повод для отправки американских военнослужащих в район ее возникновения», — считала она.

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители стран НАТО старались одеть в доктринальную форму перемещение процесса разработки и согласования решений о международных силовых акциях из Совета Безопасности ООН, где, как известно, Россия и Китай обладали правом вето, в штаб-квартиру Североатлантического альянса. Так, министр иностранных дел Италии Л. Дини заявил, что «ни одно государство не может отсидеться за суверенитетом границ», если ущемляются права его гражданского населения. Его германский коллега Й. Фишер предупредил, что «конфликт в Косово знаменует смену вектора в развитии международных отношений». Из ненатовских стран демонстративную приветливость агрессии в Косово и доктрине «гуманитарной интервенции» высказал, пожалуй, лишь президент Грузии Э. Шеварднадзе, заявивший, что такого рода акции имеют «моральное оправдание».

Доктрина «гуманитарной интервенции» неприемлема не только для России, но и для международного сообщества в целом, поскольку она низводила до роли статиста в мировых делах Организацию Объединенных Наций и давала США возможность единолично вершить суд в отношении суверенных государств и определять формы наказания.

С учетом существовавшей, по мнению ряда аналитиков, угрозы такой «гуманитарной интервенции» в будущем на Северном Кавказе, России было бы целесообразно активизировать взаимодействие по данному вопросу, прежде всего, с Китаем и Индией, основываясь на близости наших принципиальных позиций. Так, Пекин считал, что «региональная военная организация во имя гуманизма и прав человека, обойдя Объединенные Нации и совершив военную операцию против суверенного государства, создала опасный прецедент в международных делах» (министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань). Созвучно и отношение Дели к этой проблеме: «Будет огромной ошибкой, если поступиться национальным суверенитетом во имя «гуманитарной интервенции», сущность и параметры которой еще недостаточно определены».

Шедшая по нарастающей критика американскими

официальными лицами антитеррористической акции России в Чечне, раздувание темы о «непропорционально больших жертвах среди мирного населения» и «бедственном положении беженцев» свидетельствовали о том, что администрация США намеревалась максимально использовать события на Северном Кавказе и чеченский фактор для решения стратегических задач на российском направлении.

Не отставала от США и Европа.

Она, как и в случае подготовки и осуществления «миротворческой международной акции» в Югославии, в целом шла в фарватере стратегической линии США. Об этом свидетельствовала, в частности, позиция европейских стран, выраженная на заседании Совета ЕС на уровне министров иностранных дел в Люксембурге 11 октября, саммите Евросоза 15 октября и встрече «ЕС — Россия» с участием премьер-министра России В. Путина.

«Для нас неприемлемо военное решение чеченского конфликта, мы потребовали у российского премьер-министра начать диалог», — заявил глава финского правительства П. Липпонен. Он назвал российский ответ на чеченскую угрозу терроризма «диспропорциональным» и выдвинул предложение воспользоваться услугами ОБСЕ, которые Москва уже назвала вмешательством во внутренние дела.

Представители ЕС выразили В. Путину во время его визита в Финляндию глубокую озабоченность постоянно ухудшавшейся ситуацией на Северном Кавказе и призвали российское правительство немедленно начать переговоры о политическом урегулировании кризиса. С другой стороны, ЕС согласился с Россией в том, что Чечня — это часть России, и осудил терроризм во всех его проявлениях.

Многие западные обозреватели назвали «диалогом глухих» обмен мнениями по проблеме Чечни на саммите «ЕС—Россия». Правые силы в США и Европе выражали сожаление, что ЕС даже не выдвинул возможности, например, применить к России экономические санкции, если будут продолжаться удары по гражданскому населению. Наоборот, ЕС намерен продолжать и развивать экономическое сотрудничество с Россией.

В то же время, по некоторым сведениям, в ряде стран Европы считали, что попытки оказать консолидированное давление на Москву с целью прекращения военных действий в Чечне не давали желаемого результата и входили в противоречие с собственными интересами Запада.

НАТО и ЕС в определенной степени беспокоило, что кампания осуждения политики российского руководства на Кавказе, сопровождаемая угрозами приостановки или отсрочки выделения кредитов, объективно способствовала усилению позиций коммунистов и националистов, консолидации общества на антизападной основе и ослабляла лояльные Западу политические силы.

Одновременно в российском руководстве отмечался рост числа сторонников «жесткого подхода» к решению национальных конфликтов и восстановлению военной мощи страны. По западноевропейским оценкам, беседа В. Путина с Б. Клинтоном в Осло показала, что премьер-министр настроен на «победоносное завершение чеченской кампании» и возможные уступки Западу будут символическими.

Такое развитие событий могло сделать внешнеполитический курс России непредсказуемым и как следствие — привести к ее самоизоляции. С учетом предстоявшей смены власти Россия, как считали, например, в Берлине, «может выйти из-под контроля Запада». Ее руководство начнет действовать, следуя «рефлексу великодержавности» и создавая тем самым предпосылки для возобновления противостояния с НАТО.

Европейцы не исключали возможность трансформации курса Кремля, полагая однако, что проводить «тщательно продуманную чеченскую политику», скорее всего, будет в состоянии только новое российское руководство после президентских выборов.

Однако они не намеревались отказываться от попыток повлиять на позицию Москвы по следующим направлениям:

— усиление публичной критики военных действий в Чечне и «истребления мирного чеченского населения» с подключением к этой кампании широкого спектра политических, общественных, правозащитных организаций в Европе;

— создание по итогам инспекционной поездки представителей ОБСЕ в Чечню прецедента для выдвижения требования о необходимости постоянного присутствия иностранных наблюдателей на Кавказе и в других «горячих точках» на территории России в будущем.

В конце октября стало ясно, что Азербайджан, Турция и США рассматривали сооружение нефтепровода Баку—Джейхан и транскаспийского газопровода в качестве приоритетных проектов транспортировки энергоресурсов Каспия на мировые рынки. Однако они по-прежнему выступали за диверсификацию экспортных маршрутов из этого региона, придавали большое значение проекту Каспийского трубопроводного консорциума с участием России и не сбрасывали со счетов «северный путь» до Новороссийска. Об этом свидетельствовали выступления официальных представителей Азербайджана и США, а также руководителей ряда американских энергетических корпораций на международной конференции, состоявшейся в Вашингтоне.

Поставки топлива, добываемого Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (НКАР), были прерваны в результате событий в Чечне. Азербайджанская нефть доходила только до Махачкалы, а оттуда перевозилась в цистернах по железной дороге в порт на Черном море. Сложившаяся ситуация не могла удовлетворить ни одну из сторон, однако Россия сделала все необходимое, чтобы выполнять свои обязательства перед Азербайджаном, и оставила на прежнем уровне тарифы за транспортировку нефти до Новороссийска. «Россия пытается сохранить этот путь и продолжить по нему поставки топлива», — сказал президент ГНКАР. В этих целях правительство РФ приняло решение о строительстве обводной ветки нефтепровода вокруг Чечни. Как сообщил президент российской компании «Транснефть» С. Вайншток, оно завершится к 20 мая 2000 года. Стоимость проекта составит около 180 млн. долларов.

Правительства США, Азербайджана и Турции намеревались официально подписать во время предстоявшего во второй декаде ноября в Стамбуле саммита Организации по безопасности и сотрудничеству в Ев-

ропе документы, касавшиеся строительства нового трубопровода по маршруту Баку—Джейхан, по которому нефть, добываемая на шельфе Каспийского моря, поставлялась бы на европейские рынки.

Японские эксперты признавали, что администрация США с целью добиться уменьшения влияния в районе Каспийского моря России и Ирана проводила стратегию, в которой роль рычага отводилась Турции, являющейся членом НАТО, и оказывала активное воздействие на заинтересованные страны, а также Азербайджанскую международную операционную компанию (АМОК) с участием «Бритиш петролеум — Амоко» и других фирм, добиваясь, чтобы трубопровод пошел по «турецкому маршруту».

В случае успеха сценария, описанного бывшим советником президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским в его книге «Большая шахматная доска», Россия будет окончательно сведена до положения второстепенного государства. За ней должны последовать Индия и Китай. Не случайно, что З. Бжезинский получил пост консультанта «Амоко».

АМОК была не расположена к осуществлению этого проекта с учетом того, что длина трубопровода должна составить 1700 км, а стоимость его строительства — 2,4 млрд. долларов. Однако, по словам министра энергетики США Б. Ричардсона, в конце концов «Бритиш петролеум—Амоко», доля которой в АМОК составляла 34 процента, изменила курс и признала, что «турецкий маршрут» является наилучшим выбором. Завершить строительство намечено в 2004 году.

Международная интрига вокруг «неисчерпаемых» запасов нефти в Каспийском регионе практически уже привела к серьезному столкновению интересов США и России. Между тем, как считали многие эксперты, миф о «каспийском нефтяном Эльдорадо» США использовали как козырь в большой игре, цель которой — вытеснение России из Закавказья и Средней Азии.

Как не без основания отмечала в своем аналитическом материале болгарская газета «Строго секретно» 13 октября, для президентов Азербайджана и Гру-

зии «главная цель — это вассальная зависимость от США».

Аналитики ожидали, что следующим шагом Вашингтона и Анкары станет наращивание неофициальной поддержки блоку ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия), который также является частью американского геополитического сценария.

Отношения России с НАТО в рассматриваемый период с учетом событий, происшедших в Косово, оставались, по сути дела, замороженными.

О дальнейшем расширении НАТО на восток западные руководители речь пока не вели, хотя внутренние дискуссии о целесообразности держать в поле зрения более отдаленную перспективу включения в альянс Украины продолжались. Более того, республиканцы в США выступали за то, чтобы в дальнейшем с большей осмотрительностью подходить к вопросу расширения НАТО. «Хотя следует держать открытой дверь для дальнейшего расширения НАТО, нам стоит помедлить с этим сейчас», — отмечала, например, К. Райс. Военный альянс — не отряд по «окультуриванию».

В Европе между тем продолжались процессы интеграции. Проявлением их стала, в частности, разработка на чрезвычайной сессии ЕС 15—16 октября в Хельсинки общего правового поля стран Европейского совета.

Президент Финляндии М. Ахтисаари, председательствовавший в ЕС, подчеркнул, что цель состоит в том, чтобы проторить путь к выработке общего правового поля и общей политики в области иммиграции, к совместной борьбе с организованной преступностью.

Была введена должность генерального секретаря Совета ЕС — верховного представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС. Этот пост занял Х. Солана, бывший генеральный секретарь НАТО. Одновременно новым генеральным секретарем НАТО стал бывший министр обороны Великобритании Дж. Робертсон.

Одним из первых его заявлений на новом посту стало высказывание о том, что главным приоритетом в задачах НАТО является установление новых, длительных и стабильных отношений с Россией. Самой

сложной задачей, стоявшей перед главой политического руководства блока, было убедить Москву, что цели и задачи НАТО не несут угрозы интересам России, подчеркнул Дж. Робертсон. Генсек альянса также дал «высокую оценку дипломатической помощи, которую оказала Россия в деле завершения конфликта вокруг Косово». В искренность подобных заявлений англичанина мало кто в Европе поверил: именно он занимал наряду с американцами наиболее жесткую линию в осуществлении агрессии НАТО в Югославии. США проявили настороженное отношение к стремлению ЕС проводить единую внешнюю политику и политику безопасности.

Вашингтон в целом удовлетворило разъяснение Германии о том, что странам — членам Европейского союза необходимо не только координировать, но в ближайшем будущем проводить единую внешнюю политику и политику безопасности, однако «стратегический курс в сфере внешней политики по-прежнему будет определяться главами государств и правительств стран ЕС». «Хавьер Солана должен проявить в этом смысле инициативу, — подчеркнул министр обороны ФРГ Р. Шарпинг. — В частности, ему следует навести мосты между НАТО и европейцами. Североатлантический блок отличает не столько излишняя активность американцев, сколько бездействие европейцев».

В то же время Вашингтон был обеспокоен заявлением президента Франции Ж. Ширака на Генеральной Ассамблее Ассоциации Североатлантического договора в Страсбурге о том, что для Европейского союза пришло время создать соответствующие институты и военные силы, которые позволили бы ему действовать в случае необходимости как вместе с НАТО, так и самостоятельно. По его словам, «Европейский союз должен иметь оборонный механизм, чтобы выполнить свои обязательства и действовать в пользу сбалансированного, многополярного мира при уважении прав человека».

Так, «Нью-Йорк таймс» 12 октября писала в статье из Брюсселя под заголовком «США возражают против новой военной структуры в Европе» о разногласиях между США и их союзниками в Европе по поводу

будущей роли европейских армий в урегулировании каких-либо конфликтов на Европейском континенте. «План по созданию оборонительной структуры в Европейском союзе, в который входят 15 государств, вызывает опасения у американских гражданских и военных официальных лиц в НАТО, утверждающих, что нет необходимости в создании дублирующих структур».

Далеко не все в Европе готовы были признать американскую концепцию установления однополярного порядка в мире и беспрекословно выполнять установки Вашингтона. О позиции Франции сказано выше. Из других заявлений наибольшее внимание привлекало к себе, пожалуй, мнение бывшего президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера, принявшего участие во встрече «Бергедорфского кружка». Автору книги запомнился самый существенный вывод из его выступления: «Подчас мы недооцениваем внутреннюю силу русских... Западные страны переоценивают себя — в особенности Америка. Наращивание ресурсов Европейского союза и России, приведение их во взаимодействие — вот в чем будет состоять интерес Германии и России в ближайшие два-три десятилетия». Впервые западный представитель такого ранга, как экс-президент ФРГ, заявил, что принятие стран Балтии в НАТО не будет служить делу мира.

Противоречивые комментарии давались итогам Стамбульского совещания ОБСЕ. По одним оценкам, Запад вызывал Россию «на ковер», по другим — она показала, что для роли третьеразрядной страны не подходит. Что там произошло в действительности?

Сам факт поездки Б. Ельцина, как бы к президенту ни относились различные политические силы в России, на саммит ОБСЕ в Стамбуле и его выдержанное в принципиальных тонах выступление там стало важным для России. Невозможность участия Б. Ельцина во встрече по состоянию здоровья, к чему шло дело до самого последнего момента, имела бы долгосрочные негативные последствия. На Западе после агрессии в Косово и особенно с началом антитеррористической операции в Чечне вновь подули ветры «холодной войны», развертывался новый виток гонки вооружений (утверждение беспрецедентно больших военных бюд-

жетов, подготовка США к созданию «ограниченной» национальной системы ПРО в США, отказ сената ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний), раздавались голоса в пользу «паузы» в отношениях, изоляции России, применения экономических санкций.

В этих условиях проявление хотя бы ограниченной дееспособности российского президента (именно ею объяснялся в первую очередь его отъезд из Стамбула после первого дня работы саммита) играло существенную роль. Б. Ельцин по сравнению с другими главами 54 государств — участников ОБСЕ являлся политическим «долгожителем», с эмоциональным настроем которого нельзя было не считаться. О нем в США и Европе подчас говорили с неприкрытой издевкой, но его же там и побаивались.

Утверждения российских официальных лиц и ряда отечественных СМИ о том, что Б. Клинтон в Стамбуле «фактически поддержал» Б. Ельцина, были явно преувеличенными. Президент США лишь несколько смягчил риторику обвинений в адрес России по поводу чеченских событий, призвал своих западных коллег «войти в положение» Б. Ельцина, обещал содействие в поисках политического урегулирования.

Здесь крылся глубокий смысл.

В США пришли к выводу, что многие на Западе, да и в самом Вашингтоне, недооценивали политическое чутье президента и, главное, широкую общественную поддержку в России акции в Чечне. «Перегнуть палку» в нажиме на Россию в этих условиях означало бы резкое усиление антизападных настроений у населения страны и возрождение «имперских амбиций», которых на Западе так боятся.

Вашингтон счел тактически выгодным отдать непосредственно на стамбульском форуме первую скрипку в оркестре упреков в адрес России по поводу «непропорционального» реагирования на вылазки террористов, чрезмерных жертв среди мирного населения и страданиях беженцев своим европейским союзникам, в частности Германии, Франции, Великобритании, Норвегии. Так, Г. Шредер заявил, что Россия подрывает доверие к принципам ОБСЕ. Ж. Ширак назвал чеченскую операцию трагической ошибкой. Министр

иностранных дел Великобритании Р. Кук подчеркнул, что война лишь усиливает терроризм. Председательствовавший в ОБСЕ норвежец К. Воллебек напирал на необходимость посредничества этой организации в поисках политического решения.

Предложенное Б. Клинтоном содействие в урегулировании, как бы благопристойно это ни звучало, было неприемлемо для России как великой державы, а напротив, перекликалось с позицией режима А. Масхадова о «готовности Чечни к переговорам с Россией в любое время, если они будут проходить под наблюдением ОБСЕ или другой международной организации».

Нереально было ждать отказа Запада от включения в том или ином виде формулировки о Чечне в текст заключительного документа. Альтернативой был бы провал саммита с возложением ответственности исключительно на Россию. Пункт 23 по Северному Кавказу, появившийся в результате долгих споров, выглядел в целом приемлемо. С учетом того, что согласованная формулировка в течение продолжительного времени была предметом различных толкований и дальнейших шагов, она заслуживает того, чтобы воспроизвести ее полностью:

«В связи с последними событиями на Северном Кавказе мы подтверждаем, что мы полностью признаем территориальную целостность Российской Федерации и осуждаем терроризм во всех его формах. Мы подчеркиваем необходимость уважения норм ОБСЕ. Мы согласны, что в свете гуманитарной ситуации важно облегчить трудности гражданского населения, включая создание подходящих условий международным организациям для оказания гуманитарной помощи. Мы согласны, что политическое урегулирование необходимо и что содействие ОБСЕ могло бы внести вклад в достижение этой цели. Мы приветствуем желание ОБСЕ содействовать в восстановлении политического диалога. Мы приветствуем согласие Российской Федерации на визит действующего председателя. Мы поддерживаем существующий мандат группы содействия ОБСЕ в Чечне (которая в 1997 году выехала из Грозного и находилась в Москве. — *В. Г.*). В этой связи мы также приветствуем желание Российской

Федерации усилить те мероприятия, которые внесут вклад в создание условий для стабильности, безопасности и экономического процветания региона».

Уже по «горячим следам», сразу после завершения саммита в Стамбуле указанный пункт заключительного документа получил самые различные трактовки. Российские официальные лица подчеркивали безоговорочное признание ОБСЕ территориальной целостности РФ и необходимости борьбы с терроризмом, гуманитарный аспект возможного международного содействия. Западные политики в свою очередь выделяли необходимость политического урегулирования, желание ОБСЕ содействовать восстановлению политического диалога.

Работа по подготовке и в ходе самого совещания выявила разногласия в подходах российских дипломатов, подчеркивавших опасность международной изоляции России, и военных, которые указывали на недопустимость интернационализации конфликта на Северном Кавказе, настаивали на резкой реакции против любой критики действий федеральных сил в Чечне и даже неподписании итогового документа в случае включения в него пункта о ситуации на Северном Кавказе. Несмотря на опровержения, межведомственные перепалки относительно путей решения вышеуказанной дилеммы продолжались вплоть до завершающей фазы совещания в Стамбуле. Возобладала линия МИД РФ, который исходил из того, что заключительный документ не ущемляет суверенные права России, не содержит каких-либо нападок на нашу страну или осуждения действий федеральной группировки сил, не выражает озабоченности положением на Северном Кавказе, не говорит об опасности «гуманитарной катастрофы». Не прошли предложения К. Воллебека об открытии стационарной миссии ОБСЕ в Ингушетии и немедленной отправке делегации организации в Чечню для политического участия, посредничества в решении чеченского конфликта.

На тот момент это было действительно так, однако аналитики не исключали возможную эскалацию международных призывов к переговорам с «законно избранными властями Чечни».

Подписанные в Стамбуле документы — Хартия

европейской безопасности и адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) — содержали ряд принципиальных для России моментов, за которые последние два года приходилось бороться.

Так, в хартии по настоянию Москвы указывалось, что ОБСЕ является основной организацией по мирному урегулированию споров в регионе и главным инструментом в области раннего предупреждения, предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов и постконфликтного восстановления. США и ряд других западных стран с использованием своего «косовского опыта» настаивали на том, чтобы наряду с ОБСЕ был бы упомянут и Североатлантический альянс. Подтверждение основополагающей роли Устава ООН, который страны Запада все чаще стали «забывать» или игнорировать, крайне важно для России с учетом имеющегося у нее в Совете Безопасности ООН права вето. Сохранившийся консенсусный порядок принятия решений в ОБСЕ также ставил хоть какой-то международно-правовой заслон односторонним действиям Запада по вмешательству во внутренние дела суверенных государств под предлогом «защиты прав человека» и необходимости осуществления «гуманитарных интервенций».

Адаптированный Договор об ограничении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе устанавливал новые «фланговые» лимиты, что ставило Россию и Белоруссию в невыгодное положение по отношению к расширившемуся за счет Польши, Венгрии и Чехии блоку НАТО.

Временное превышение лимита российской группировкой в связи с антитеррористической операцией в Чечне, о чем было официальное уведомление со стороны Москвы еще в начале октября, стало поводом для обвинений России в потенциальной региональной угрозе. Заявление Б. Клинтона о том, что он не будет направлять ДОВСЕ на ратификацию в конгресс до сокращения уровня вооруженных сил России на Северном Кавказе, совершенно необоснованно расценивалось некоторыми отечественными обозревателями как «зеленый свет» для окончательного разгрома бандформирований. Напротив, на За-

паде это однозначно воспринималось как неприкрытое давление с целью скорейшего свертывания операции, подразумевавшее применение по меньшей мере финансовых санкций.

Более того, Россия подверглась сильнейшему нажиму в плане ускорения вывода своих войск из Молдовы и Грузии. Западные дипломаты полагали, что Москва пошла навстречу в этом вопросе, прежде всего, в стремлении ослабить натиск Запада на жизненно важную проблему — Чечню.

Россия вынуждена была согласиться на полный вывод своих войск и вооружений (2600 человек, 170 танков, 130 бронетранспортеров, огромные склады стрелкового оружия) из Молдовы до конца 2002 года, а не 2005 года, на чем ранее настаивала.

По Грузии решено, что подпадающие под ограничения ДОВСЕ вооружения (танки, бронетранспортеры и БМП, артиллерийские установки, боевые самолеты и штурмовые вертолеты) должны быть выведены с двух российских баз — в Вазиане и Гудауте — уже до 31 декабря 2000 года, а сами эти базы полностью ликвидированы к 1 июля 2001 года. Переговоры о судьбе двух других баз — в Батуми и Ахалкале — будут продолжены в 2000 году (на них к концу года должно остаться не более 153 танков, 241 БТР и БМП и 141 артиллерийская установка). Если И. Иванов «не исключал, что эти базы останутся в Грузии», то западные эксперты с учетом жесткой пронатовской позиции Э. Шеварднадзе не видели каких-либо оснований для подобного оптимизма.

Дополнительные фланговые ограничения, которых России не удалось избежать, становились новым неблагоприятным фактором в складывавшейся геополитической обстановке на Кавказе.

В этой связи следует особо отметить, что США, Азербайджан и Турция официально подписали в Стамбуле документы, касавшиеся строительства нового трубопровода по маршруту Баку — Джейхан, по которому нефть, добываемая на шельфе Каспийского моря, будет поставляться на европейские рынки.

Место и время подписания было выбрано не случайно. Хотя проблема нефтепровода никак не связана с повесткой дня саммита ОБСЕ, сам факт ее решения

по «западному варианту» в Стамбуле был призван продемонстрировать косвенное «освящение» поражения усилий России в пользу «новороссийского маршрута».

Администрация США с целью добиться уменьшения влияния в районе Каспийского моря России и Ирана проводила стратегию, в которой роль рычага отводилась Турции, являвшейся членом НАТО, и все более откровенно ориентировавшимся на Запад Азербайджану и Грузии.

И все же полностью поставленных целей Западу добиться на саммите ОБСЕ не удалось. Заявления о некоей крупной победе российской дипломатии в Стамбуле тоже оснований под собой не имели. Достижением можно считать то, что были предотвращены публичное унижение России и провал переговоров. Участие в форуме Б. Ельцина сыграло свою роль, однако его международная пассивность и уступчивость все последние годы никак не отвечала остроте переживаемого момента. Помимо массированного нажима на Россию со стороны западных стран, особенно в связи с чеченскими событиями, Вашингтон и его союзники рассчитывали пробить брешь в достаточно монолитном общественном мнении российских граждан, поддерживавших жесткие действия против террористов, посеять сомнения в необходимости довести до логического конца уничтожение боевиков.

Самое худшее, что может произойти в отношениях между США и Россией, — это возвращение к временам вражды. Убеждение в этом выразила 24 ноября на брифинге для журналистов в Вашингтоне государственный секретарь США Мадлен Олбрайт. Она глубоко сожалела, что целых полвека было «потрачено впустую» на противостояние в период «холодной войны». Отвечая на вопрос корр. ИТАР-ТАСС о том, какие пути она видит для улучшения американо-российских отношений в последний год пребывания у власти нынешней администрации США, глава вашингтонского внешнеполитического ведомства подчеркнула, что для Соединенных Штатов «чрезвычайно важно поддерживать функциональные отношения с Россией».

«Враждовать с Россией — это неверный подход, —

указала она. — ...Нам следует делать все возможное для развития таких взаимоотношений, которые были бы рациональными, отвечали бы национальным интересам обеих наших стран и не воссоздавали бы врага там, где его нет». Мадлен Олбрайт отметила, что в последнее время почти ежедневно говорит по телефону со своим российским коллегой Игорем Ивановым. Она и впредь рассчитывает поддерживать тесные рабочие контакты с ним, а также, по мере необходимости, с президентом России Борисом Ельциным и главой правительства Владимиром Путиным. Предполагаю, сказала она, что мы «будем работать так же, как и до сих пор, т. е. будем проявлять полную откровенность друг с другом, излагать проблемы и пытаться понять позиции друг друга, продолжать сотрудничать там, где это возможно, и очень ясно обозначать наши разногласия».

Во всем этом Олбрайт видит признаки «надлежащих, зрелых отношений». С точки зрения госсекретаря США, «нет никаких сомнений в том, что кампания в Чечне осложнила» двусторонние отношения. «Люди понимают сложность ситуации, с которой сталкивается Москва, — сказала она. — Но идея неразборчивого использования силы против гражданского населения неправильна». По мнению Олбрайт, сейчас «есть возможность создать механизм, с помощью которого ОБСЕ могла бы способствовать поиску политического урегулирования». В этом контексте ей представляется «очень важным», чтобы председательствующий сейчас в ОБСЕ министр иностранных дел Норвегии Кнут Воллебек совершил поездку в Чечню.

США не увязывают действия федеральных российских сил в Чечне с вопросом о продолжении финансовой поддержки России, в том числе и по линии международных организаций, отметила Мадлен Олбрайт. «Мне представляется очень важным разграничивать эти вещи», — заявила она, отвечая на вопрос о том, «могут ли быть предприняты какие-то шаги, чтобы замедлить предоставление займов МВФ Москве». В подобном ключе ранее высказывались и другие высокопоставленные представители администрации США, включая помощника президента по национальной безопасности Сэнди Бергера.

Однако в свете подобных заявлений не вполне понятной представляется, например, позиция правительственного Экспортно-импортного банка США, который никак не может открыть две ранее одобренные в предварительном порядке гарантийные кредитные линии для предприятий Тюменской нефтяной компании на общую сумму около полумиллиарда долларов. Сама Мадлен Олбрайт не смогла прояснить эту ситуацию для корр. ИТАР-ТАСС, сославшись на то, что «в последнее время не занималась займами Эксимбанка». Один из ее помощников позже выразил мнение, что речь в данном случае может идти просто о бюрократической волоките, а также об «общем дополнительном пересмотре» всех вопросов, связанных с выделением финансовых ресурсов России, в связи с подозрениями в отношении «Бэнк оф Нью-Йорк».

И все же подобное объяснение задержки с кредитом для ТНК, видимо, не открывает всей правды. Во всяком случае, президент Эксимбанка Джеймс Хармон не ссылался на административные затруднения, когда отвечал на вопрос корр. ИТАР-ТАСС о судьбе этих проектов. Он также подчеркивал, что Эксимбанк «более чем удовлетворен» обслуживанием своих кредитов в России, и тем самым давал понять, что отсрочка новых кредитных гарантий вызвана не экономическими причинами.

Такого же мнения придерживается и авторитетная американская газета «Нью-Йорк таймс», напечатавшая недавно большую статью о торможении кредитного сотрудничества Запада с Россией. По ее сведениям, правительство США оказывает сейчас нажим на Эксимбанк, добиваясь «административной задержки» финансирования для ТНК — возможно, на год или больше. В целом политика США в отношении России с точки зрения газеты диктуется сейчас в основном предвыборными соображениями. Мадлен Олбрайт, говоря об отсутствии увязок, в то же время осуждала на брифинге «избыточное применение силы» Россией в Чечне, предупреждала Москву о том, что та «идет неверным путем», и призывала к урегулированию конфликта «политическими методами», в том числе при посредничестве ОБСЕ.

Из досье «Об эволюции позиции Запада в отношении чеченского конфликта. Декабрь 1999 г.»

Политика Запада в отношении чеченского конфликта с 1994 года претерпела существенные изменения, особенно заметные в последние месяцы 1999 года.

«Чеченская» политика Запада конца 1999 года — органическая часть общей его политики на Кавказе, в том числе и на Северном Кавказе, с одной стороны, и общей политики на российском направлении — с другой. Являясь составной частью далеко идущих геополитических и геостратегических планов Вашингтона и его союзников, она имеет целью дальнейшее ослабление позиций России на региональном и глобальном уровнях, а в ближайшей перспективе — создание дополнительного рычага давления на Россию, чтобы добиться уступок в некоторых важных для них вопросах (контроль над вооружениями, экономическая политика, союз с Белоруссией и др.).

Нынешняя западная позиция в отношении антитеррористической операции, проводимой Россией в Чечне, формируется в «послекосовский» период (после кардинального пересмотра стратегической концепции НАТО и агрессии блока против Югославии, создавшей прецедент политического и военного вмешательства во внутренние дела суверенного государства), что накладывает на нее ряд особенностей.

В эволюционном развитии политики Запада в отношении чеченского кризиса можно условно выделить три этапа.

Первый (1994—1996 гг.). Характерным для этого периода было сдержанное отношение официальных властей США и ведущих стран Западной Европы к вводу войск в Чечню и последующим широкомасштабным военным действиям России. Более того, западные лидеры открыто поддерживали Б. Ельцина, несмотря на бездарно проводимую политику на чеченском направлении и «ломовую» военную операцию, огромные потери с обеих сторон, разрушение многих городов и сел, гражданских объектов, промышленной инфраструктуры. Лидеры западных стран даже сочли возможным приехать на празднование 50-летия победы в Великой Отечественной войне, продемонстрировав тем самым безусловную поддержку Б. Ельцину и проводимому им курсу.

В этой политике Запада сыграли роль два фактора.

Прежде всего, поддержка Б. Ельцина и его команды в преддверии предстоящих выборов. В тот период Запад опасался прихода к власти в России коммунистов и угрозы коммунистического реванша. Эти страхи во многом умышленно раздувались кремлевской верхушкой и олигархами. Тем не менее свою роль в формировании политики Запада по отношению к чеченским событиям они сыграли.

Второй главный фактор заключался в том, что военно-политическое руководство западных стран хорошо понимало: война в Чечне сильно ослабляет Россию и ее позиции на Кавказе, в том числе и на Северном Кавказе (да и в других регионах России, особенно в национальных республиках), что она будет иметь для страны долговременные негативные последствия, играющие на руку Запада и укрепляющие его позиции в этом важнейшем районе, геополитический вес которого стремительно нарастает.

Вместе с тем в этот период Запад поддерживал и критический потенциал в отношении действий России в Чечне. Эта роль была отведена странам Центральной и Восточной Европы (особенно выделялась Польша) и Балтии (Эстония, Литва), которые на официальном уровне подвергали резкой критике действия России в Чечне, принимали представителей чеченских сепаратистов, способствовали открытию и функционированию представительств «независимой Ичкерии».

В середине 1996 года, после того как выборы президента России завершились с нужным для Запада результатом, активизировалась миротворческая миссия ОБСЕ по Чечне во главе с Т. Гульдиманном, установившим к тому времени прочные связи с лидерами чеченских сепаратистов. Таким образом, Запад, получив для себя максимум выгод из чеченской кампании России, сумел к тому же завоевать дивиденды как миротворец и борец за гражданские права. Как известно, этот период закончился заключением мирных соглашений в Хасавюрте под «патронажем» ОБСЕ.

Второй период (1997 г. — август 1999 г.) — до агрессии чеченских боевиков в Дагестане — период «тихой» политики Запада в отношении чеченского кризиса

и в целом Северного Кавказа. В этот период Запад негласно налаживал связи с националистическими и религиозными организациями Северного Кавказа и его республик, укреплял здесь свои позиции в различных сферах, налаживал информационную сеть, в том числе с использованием возможностей своих спецслужб и своих союзников.

По некоторым данным, представители официальных властей западных стран и их спецслужб поддерживали контакты и с представителями чеченских сепаратистов. США и их западные союзники действовали в основном за спиной спецслужб Турции, Саудовской Аравии, Пакистана. Использовались для установления таких контактов некоторые националистические организации, придерживающиеся антироссийской ориентации, через территории ряда стран СНГ шло снабжение чеченских боевиков оружием, современными средствами связи, управления, радиоэлектронной войны, материальными средствами. По этим же каналам шло пополнение чеченских террористических и бандформирований наемниками из арабских и других стран.

Наиболее характерными чертами этого периода явились: укрепление позиций сторонников ваххабизма в Чечне и широкое распространение этого радикального течения в других республиках Северного Кавказа; расширение границ чеченского конфликта, причем основные усилия чеченских сепаратистов и направляющих их внешних сил были сосредоточены на Дагестане. Помимо постоянных вооруженных стычек, диверсий и терактов различного масштаба, в этой республике даже появились районы, фактически вышедшие из-под юрисдикции Республики Дагестан и России.

Это не афишируемые, но хорошо известные российским спецслужбам процессы, несущие серьезную угрозу интересам и безопасности России.

Характерно также, что все эти годы в Чечню шли деньги из российского бюджета (не считая неофициальных поступлений): в 1997 году — 963 млн. рублей (в расчете на деноминированные), в 1998 году — 200 млн. рублей, в первой половине 1999 года — 122,5 млн. рублей. По данным правоохранительных органов России, все эти средства были частично расхищены чеченским руководством, частично переданы полевым командирам.

Ни одного рубля не пошло на выплату пенсий, детских пособий и поддержание социальной сферы. По данным ФСНП, 120 тысяч тонн нефти, проходившие транзитом через Чечню по трубопроводу Баку — Новороссийск, были полностью похищены, переработаны на мини-заводах в Чечне и Ингушетии и вернулись полевым командирам в твердой валюте. Но этим дело не ограничилось.

Российские спецслужбы и руководство России знали о тех событиях, которые происходили в Дагестане, в том числе о готовящемся нападении боевиков на Дагестан.

Третий период (с августа 1999 г. и до настоящего времени). В начале агрессии чеченских боевиков в Дагестане реакция официальных кругов Запада была сдержанной и сводилась к тому, что этот конфликт — внутреннее дело России. Однако истинного отношения США и их западных союзников она не раскрывала. Частично завеса была приоткрыта в заявлении ЕС в августе 1999 года, в котором Россию призвали не применять «чрезмерной военной силы» в Дагестане, также в ряде заявлений официальных лиц второго плана (США — М. Олбрайт, Великобритания — Дж. Кук и др.).

Однако официальные круги западных стран недолго демонстрировали показной нейтралитет. С началом антитеррористической операции федеральных войск в Чечне, поддержанной практически всеми политическими силами и населением страны, Запад стал совершенно открыто проводить жесткую политику в отношении чеченского конфликта. Последовал ряд резких заявлений на самом высоком официальном уровне, обвиняющих Россию в эскалации военных действий и массовом нарушении прав человека (заявления и послания США, Германии с призывом к России к «политическому диалогу, а не наращиванию насилия»; жесткое заявление Европарламента по Чечне от 7 октября 1999 года, в котором о террористических актах в России — ни слова, но зато выдвинуто требование «прекратить российскую военную интервенцию» в Чечне и «уважать международные принципы в области прав человека», звучат обвинения в гибели мирного населения и разрушении гражданских объектов; приостановка кредитов

и заявления руководителей МВФ и ВБ по этому поводу, сделанные, конечно же, не по собственной инициативе).

Массированная атака на Россию в отношении проводимой ею чеченской кампании со стороны западных стран была предпринята на Стамбульском саммите ОБСЕ (17—19 ноября 1999 г.).

На результатах этого саммита (в частности, в отношении чеченского вопроса) стоит остановиться особо.

Российская пропрезидентская пресса и ТВ подавали эти результаты как значительную победу российской политики и лично президента. Однако немногочисленные трезвые оценки итогов «понесенной» Россией победы на Стамбульском саммите в России говорят о другом.

Саммит еще раз показал, что нынешняя европейская политика во многом формируется и направляется США, под непосредственным руководством которых была скоординирована и позиция абсолютного большинства членов ОБСЕ по чеченскому кризису. Из 54 членов ОБСЕ позицию России по Чечне поддержала только Белоруссия. Остальные резко осудили военные действия России в Чечне.

Саммит показал также возросшую роль НАТО. Ведущие страны этого блока задают тон в работе ОБСЕ и способны протолкнуть в этой организации практически любое решение, принятое военно-политическим руководством блока. Более того, можно говорить о том, что ОБСЕ превращается в своего рода политический придаток военной организации НАТО. Это было наглядно продемонстрировано еще в Косово. Стамбульский саммит, кроме всего прочего, был использован странами НАТО для того, чтобы еще раз оправдать агрессию против Югославии, провести недвусмысленную аналогию между «гуманитарными катастрофами» в Косово и Чечне, приглушить негативные для НАТО последствия войны на Балканах и критику ее балканской политики.

В целом на саммите явно обозначились тенденции если не изоляции, то противопоставления России европейскому сообществу (по крайней мере, по чеченскому вопросу). Но надо признать, что для этого многое сделано и российскими политиками. Проблема Чеч-

ни — это своеобразная квинтэссенция всей внутренней политики, которую проводила в течение последних восьми лет российская власть. И в этой политике действительно много такого, что неприемлемо для цивилизованного мира, особенно в области защиты прав человека. Тем самым задача США и других ведущих стран Запада по консолидации европейского и мирового сообщества на антироссийских позициях с использованием гуманитарной риторики была намного облегчена.

И хотя в заключительной декларации Стамбульского саммита ОБСЕ первоначальные резкие формулировки в отношении чеченской проблемы и методов ее решения российским руководством были несколько смягчены, сути дела это не меняет. Россия фактически была вынуждена согласиться на все те требования, которые были выдвинуты Западом: допуск представителей международных организаций в район конфликта (в том числе согласилась на визит действующего председателя ОБСЕ в регион), участие международных организаций в урегулировании конфликта. А главное — она была вынуждена согласиться на вывод своих войск из Грузии (в том числе Абхазии) и Приднестровья, а также на вывод части своих тяжелых вооружений из Северокавказского региона и приведение их количества в соответствие с модернизированным Договором об ОБСЕ, подписанным в Стамбуле. Это, конечно, ослабит позиции России в странах СНГ, как и в республиках Северного Кавказа.

Таким образом, сложившаяся к настоящему времени политика Запада в отношении чеченского конфликта сводится к следующему.

1. Запад фактически признает территориальную целостность России. В декларации Стамбульского саммита ОБСЕ все члены этой организации подписались под словами о поддержке территориальной целостности и суверенитета России. (Однако чего стоят подобного рода заявления, можно видеть на примере Косово, фактически отторгнутого странами НАТО от Югославии.)

2. Одна из главных особенностей нынешней политики Запада в отношении Чечни заключается в том, что конфликт в Чечне уже не рассматривается Западом

как внутреннее дело России. Об этом открыто и настойчиво твердят как руководство международных организаций (ОБСЕ в первую очередь), так и руководители западных стран, их парламенты. Сенат США принял уже третью за последнее время резолюцию по Чечне, осуждающую Россию.

3. В качестве основного рычага давления на Россию Запад использует тезис о «гуманитарной катастрофе», вызванной боевыми действиями федеральных войск в Чечне. Он требует, чтобы Россия в срочном порядке разрешила возникшие в связи с конфликтом гуманитарные проблемы. В противном случае России грозят принятием санкций, включая экономические. Так, М. Камдессю заявил 27 ноября 1999 года, что МВФ может отказать России в получении кредитов, если она не прекратит военные действия в Чечне и не сядет за стол переговоров с нынешним чеченским руководством.

4. Весьма показательным для нынешней политики Запада в отношении Чечни является то, что из гуманитарной сферы она все больше перемещается в политическую.

Действующий (до 31 декабря 1999 года) председатель ОБСЕ, министр иностранных дел Норвегии Кнут Воллебек уже неоднократно в своих заявлениях говорил о том, что роль ОБСЕ в Чечне должна быть политической. В своем официальном письме А. Масхадову в обход российского МИДа (что само по себе является вмешательством во внутренние дела России и нарушением ее суверенитета) он заявил о готовности встретиться с А. Масхадовым (которого Россия рассматривает как соратника террористов), «чтобы обсудить вопросы сотрудничества по проблеме поддержания безопасности и стабильности в регионе».

Поэтому главной своей задачей на нынешнем этапе Запад видит отнюдь не содействие в оказании гуманитарной помощи лицам, покинувшим район боевых действий в Чечне. Главная его цель — «обеспечить политическое решение конфликта».

Запад рассматривает Россию и Чечню как равноправные стороны конфликта и старается усадить Россию за стол переговоров с «законным президентом» Чечни А. Масхадовым (а это значит — и с его

«вице-премьером» Ш. Басаевым). Американцы намекают, а некоторые из их европейских союзников (например, министр иностранных дел Дании Н. Х. Петерсен) прямо называют А. Масхадова лидером «умеренных политических сил в Чечне», с которым России необходимо как можно скорее сесть за стол переговоров. Более того, Запад установил и поддерживает на официальном уровне прямые контакты с нынешним чеченским режимом — в частности, с А. Масхадовым и его представителями, «министром иностранных дел» ЧРИ И. Ахмадовым и др. Такие контакты осуществляются как через руководство ОБСЕ, так и на двусторонней основе. Утверждения российских представителей, что Ш. Басаев и А. Масхадов — это, в сущности, одно и то же, во внимание не принимаются. Игнорируются Западом и воссозданные Кремлем чеченские властные структуры, оппозиционные нынешним властям Чечни, — республиканский парламент 1996 года, госсовет Чечни, вице-премьер по Чечне Н. Кошман.

Вместе с тем, понимая всю натянутость своей позиции в отношении А. Масхадова, Запад готов воспринять и другого переговорщика с чеченской стороны — важно только, чтобы он придерживался антироссийской и сепаратистской позиции, ориентировался на Запад или их союзников на Ближнем Востоке.

5. Политическое урегулирование конфликта между Россией и Чечней должно происходить при обязательном посредничестве третьей стороны. В качестве основного исполнителя политики Запада в отношении Чечни используется ОБСЕ.

В частности, наибольшую активность проявляет в этом вопросе нынешний действующий председатель ОБСЕ К. Воллебек, руководитель группы содействия ОБСЕ в Чечне посол Одд Гуннар Скагестад, представитель действующего председателя Ким Тровак (глава «гуманитарной делегации» ОБСЕ, посетившей Ингушетию в начале ноября 1999 года).

От России требуют также обеспечить беспрепятственный доступ в районы конфликта и размещения беженцев представителей международных организаций для их ознакомления с обстановкой и выработки мер гуманитарной помощи. Речь идет о таких орга-

низациях, как ООН, ЕС и их структуры, ОБСЕ, ВОЗ и др.

6. Нынешняя «чеченская» политика Запада не ограничивается только гуманитарным и политическим аспектами. Она затрагивает и военную сферу. Важный ее нюанс — обвинения России в связи с чеченским конфликтом в нарушении основных положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе (в частности, в отношении фланговых ограничений) и требования обеспечить лимиты фланговых ограничений, установленные этим Договором и нарушенные Россией в связи с военными действиями в Чечне.

В этом же контексте надо рассматривать и подписанные в Стамбуле соглашения с Молдавией и Грузией о выводе с их территории российских войск.

7. Запад отвергает позицию России о проведении в этом районе антитеррористической операции и (в лучшем случае) считает происходящие там события вооруженным конфликтом между Россией и Чечней. В ходу другие оценки: «интервенция России против Чечни», «освободительная борьба чеченского народа за независимость» и т. п. И это не только газетные штампы.

Так, канцлер Германии Г. Шредер, выступая на приеме дипкорпуса в Берлине в конце ноября 1999 года, в резком тоне раскритиковал Россию за войну в Чечне, обвинил ее в подрыве принципов ОБСЕ, потребовал прекратить военные действия и «найти подходы для надежного политического решения». Он говорил о «войне против целого народа» и «ударах без разбора по гражданскому населению». «Нельзя злоупотреблять принципом государственного суверенитета для прикрытия порабощения и бесчеловечности», — заявил он. Обращает на себя внимание двойной стандарт в его политических оценках (как и других западных политиков). Он всячески оправдывал агрессию НАТО против Югославии с участием Германии.

8. Характерным для нынешней политики Запада в этом регионе является расширение масштабов и территориальных рамок их негласного вмешательства (непосредственно либо через своих союзников) в процессы, происходящие на Северном Кавказе. В сущности, есть все основания говорить об общекавказском процессе,

направляемом Западом и имеющем целью максимально ослабить позиции России в регионе.

9. Все более заметным фактором политики Запада в отношении Чечни (в контексте общекавказской политики Запада) становится усиливающееся влияние в этом регионе НАТО.

Показательно, например, что в заключительном коммюнике очередного заседания Совета НАТО на уровне министров обороны, завершившемся 2 декабря 1999 года, включен отдельный пункт о ситуации на Северном Кавказе. Москву прямо предупредили об опасности для нее дальнейшей эскалации вооруженного конфликта, особенно в случае, если она допустит распространение военных действий на другие государства региона. НАТО, таким образом, открыто заявило о своей готовности обеспечить стабильность и региональную безопасность. Такой же аргумент, кстати, использовался НАТО и при развязывании агрессии в Югославии.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что НАТО как главная военно-политическая сила Запада концептуально и организационно вполне готово к проведению «миротворческой операции» на Кавказе. Обновленный блок прошел практическую «обкатку» в войне на Балканах. С другой стороны, в СМИ и высказываниях политиков и аналитиков, в том числе западных, все чаще употребляется такой термин, как «балканизация» Кавказа, а лидеры и представители официальных властей некоторых закавказских республик (в частности, Грузии, Азербайджана) открыто высказываются за создание баз НАТО в своих странах или даже прямое военное вмешательство НАТО в некоторых «горячих точках» региона.

10. Наконец, надо сказать об одном из основных факторов, определяющих политику Запада в отношении чеченского кризиса. Это — нефтяной фактор. В Стамбуле было подписано соглашение о строительстве нефтепровода Баку — Джейхан. По мнению аналитиков, этот акт носит не столько экономический (слишком много трудностей на пути реализации этого самого дорогостоящего проекта из всех существующих), сколько политический характер. Основная его политическая цель — исключить Россию как основную транспортную державу, обеспечивающую перекачку нефти

и газа из Каспийского региона на Запад и тем самым существенно ослабить ее влияние в этом регионе.

О возможных перспективах развития политики Запада в отношении Чечни можно судить по ряду последних публикаций в западной прессе видных западных политологов (З. Бжезинский, У. Одом — бывший директор АНБ США и др.)

Так, по мнению З. Бжезинского, призывы Запада к переговорам, «политическому решению», «прекращению огня» — нереализуемы. Единственное справедливое и осуществимое (!) решение — самоопределение Чечни. Независимая Чечня, считает З. Бжезинский, «не была бы аномалией». Но этому мешают «имперская ностальгия» российской правящей элиты и жажда мести российских генералов за поражение, понесенное Россией в 1996 году.

З. Бжезинский предрекает также, что «российский шовинизм», рост которого неизбежен, если Россия будет продолжать войну в Чечне, вызовет «стойкую и воинственную враждебность» у 200 миллионов мусульман, живущих к югу от России, не говоря уже о 20 миллионах, живущих в самой России. Поэтому Западу надо занять однозначную и жесткую позицию в поддержку права чеченцев на самоопределение.

Необходим также, по мнению этого политолога, жесткий нажим международного сообщества на Россию по всем направлениям (политическим, дипломатическим, экономическим, финансовым) с тем, чтобы заставить ее согласиться на независимость Чечни (по типу политики, которой придерживались США и страны Запада в отношении Индонезии в связи с событиями в Восточном Тиморе).

З. Бжезинским и другими политологами предлагаются также и другие кардинальные меры в отношении России: принять в НАТО страны Балтии; полностью прекратить любое кредитование России и направить эти деньги Грузии и Азербайджану (причем основное внимание в сотрудничестве с этими государствами уделить их военному строительству, оснащению, модернизации и реорганизации по натовским стандартам их вооруженных сил); добиться от России сокращения военного присутствия в Кавказском регионе (включая количество тяжелых вооружений на Северном Кавка-

зе), в том числе полностью вывести российские войска из Грузии и Азербайджана; исключить Россию из «восьмерки» ведущих стран мира и вернуться к «группе семи».

Пора также перестать считать Россию великой державой. Нынешняя Россия не является даже крупной европейской державой. Притязания России на роль первостепенной державы не обосновывает даже тот факт, что она обладает ядерным оружием. Поощрять эти притязания — значит, «подталкивать Россию к безответственности», считает У. Одом.

Итак, если исходить из мнения этих и других весьма осведомленных и авторитетных специалистов, позиция Запада в отношении Чечни будет развиваться в следующих направлениях:

— поддержка усилий, направленных на выход Чечни из состава России;

— координация усилий стран мирового сообщества (прежде всего членов ОБСЕ) по оказанию давления на Россию с использованием всех возможных рычагов: политических, дипломатических, гуманитарных, финансовых, экономическких и военных;

— лишение России статуса великой не только мировой, но и европейской державы;

— усиление влияния НАТО в регионе, причем не только политического, но и главным образом военного;

— стравливание России с исламским миром;

— поддержка и укрепление антироссийских тенденций в странах СНГ, причем особое внимание будет уделено Азербайджану и Грузии; первостепенной задачей при этом будет модернизация и укрепление военной составляющей национальной безопасности этих стран, а также созданию здесь системы коллективной региональной безопасности.

Как будут развиваться российско-американские отношения в будущем, особенно если учесть грядущие президентские выборы в США? Любопытно мнение Кондолизы Райс — одной из ведущих американских специалистов по Советскому Союзу и России, советника по внешней политике кандидата в президенты от республиканской партии Джорджа Буша-младшего. Ей 45 лет, она рассматривается как вероятный будущий

госсекретарь США или помощник президента по вопросам национальной безопасности. Вызывает интерес ряд ее суждений, которые она высказала в ноябре 1999 года на встрече с ведущими политологами В. Никоновым, Л. Шевцовой, А. Пушковым, А. Миграняном, Ю. Кувалдиным и другими. Автор не ручается за абсолютную точность, но суть и оценки переданы верно.

Высокий профессионализм и деловые качества К. Райс, несмотря на ее сравнительно молодой возраст, раскрылись уже достаточно давно. До 1982 года она являлась членом Совета национальной безопасности США при президенте Дж. Буше, возглавляя в СНБ отдел по СССР и странам Восточной Европы, считается одним из лучших американских советологов (интересно, что эту науку она познавала на лекциях Джозефа Корбела, отца нынешнего госсекретаря Мадлен Олбрайт). Представляя ее М. Горбачеву перед встречей на Мальте в декабре 1989 года, президент Дж. Буш сказал: «Это Кондолиза Райс. Она рассказывает мне все, что я знаю о Советском Союзе».

Впоследствии К. Райс продолжала научно-исследовательскую работу, стала ректором Стэнфордского университета, а с марта 1999 года консультирует по внешнеполитическим делам губернатора Техаса Дж. Буша-младшего — наряду с такими сильными советниками, как бывший госсекретарь (при Р. Рейгане) Джордж Шульц и бывший министр обороны (при Дж. Буше) Ричард Чейни.

Будучи сначала бизнесменом, а потом губернатором Техаса, претендент на пост президента от республиканцев никогда особенно не интересовался внешней политикой, из-за чего нередко попадал впросак: например, упорно называя косоваров «косовианцами», а Словакию путая со Словенией. Поэтому начиная с марта К. Райс и Дж. Шульц проводили постоянные брифинги для своего кандидата «по текущим вопросам внешней политики» с целью помочь Дж. Бушу найти «болевые точки» А. Гора и выгодные для избирательной кампании моменты. В качестве советника Дж. Буша-младшего К. Райс в октябре 1999 г. была в Москве.

Джордж Уокер Буш, губернатор штата Техас, в ию-

не 1999 года с большим отрывом от всех соперников начал кампанию за выдвижение кандидатом в президенты от республиканской партии. По результатам опроса, проведенного в то время телекомпанией Си-эн-эн совместно с журналом «Тайм», за него были готовы проголосовать 55 процентов избирателей, а за главного «выдвиженца» демократов, вице-президента Ала Гора; — только 42 процента. 53-летний Дж. Буш-младший (он — сын Джорджа Герберта Уокера Буша, 41-го президента США в 1989—1993 годах) со значительным отрывом опережал другого потенциального кандидата от республиканской партии — Элизабет Доул, бывшего министра и главу американского Красного Креста, муж которой, отставной сенатор Боб Доул, в 1996 году безуспешно пытался отвоевать у Билла Клинтона Белый дом.

Хотя Дж. Буш-младший постоянно подчеркивал, что не является бледной копией своего отца, в их биографиях много общего. Оба — выпускники Йельского университета (сын учился потом еще и в Гарварде), работали некоторое время в нефтяной промышленности. Отец в годы Второй мировой войны был морским летчиком-истребителем, сын тоже служил летчиком с 1968 по 1973 год в национальной гвардии Техаса.

Различия проявлялись скорее в характере и привычках отца и сына. Старший Джордж занимался большую часть своей карьеры внешней политикой, был далек от жизни американской глубинки. Он был постоянным представителем США при ООН, послом в Китае, председателем Национального комитета республиканской партии, директором ЦРУ, вице-президентом США (два срока при Рональде Рейгане — с 1981 по 1989 год). Младший Джордж имеет в своем послужном списке руководство бейсбольной командой «Техас рейнджерс» в качестве генерального управляющего (в США команда высшей лиги — это крупный бизнес). Дома он держит коллекцию бейсбольных мячей с автографами знаменитых американских игроков — весьма близкое простому народу хобби.

В отличие от отца Дж. Буш-младший, как говорят в США, не испытывает к вашингтонскому истеблишменту ни симпатии, ни уважения. Когда в 1988 году

отец призвал его в столицу в качестве старшего советника своей избирательной кампании, Дж. Буш-сын обращался с большими столичными начальниками без какого-либо пиетета — по-простому, по-техасски. Так, именно он сказал проштрафившемуся на использовании служебного самолета по личным делам руководителю администрации президента Джону Сунуну, что ему надо уходить в отставку самому, пока «его не ушли».

Если старший Дж. Буш славился уравновешенностью характера и способностью всегда сохранять спокойствие, то новый кандидат в президенты только к сорока годам научился управлять своим бурным темпераментом. Его друг, бизнесмен-нефтяник, рассказывал, что Джордж-младший долго страдал синдромом сына-первенца знаменитых родителей и всегда принципиально отказывался от отцовской помощи. Дружественная молодому кандидату пресса активно использовала этот факт, выдавая Джорджа за настоящего американца, который «сам себя сделал». Впрочем, губернатор и сам признавал свои недостатки. Например, он не отрицал, что в молодости сильно выпивал. Правда, по его словам, с этим было покончено, как только он двадцать лет назад женился на своей Лауре. Дж. Буш-младший — примерный семьянин, он очень любит жену и дочерей-двойняшек — Барбару и Дженну. Любимый семейный проект — частная школа для детей.

Даже если он и проиграет, для клана Бушей не все будет потеряно: 46-летний младший брат Джорджа Джеб в ноябре 1998 года избран губернатором штата Флорида.

Все это придавало весомость суммарно изложенным взглядам и суждениям К. Райс, которые важны для оценок и прогнозов перспектив российско-американских отношений.

О результатах реформ в России. Администрация Б. Клинтона стала уделять чрезмерное внимание внутренней политике России, стараясь поддержать президента Б. Ельцина, отмечала К. Райс. В результате США крайне непопулярны среди населения России. «Америке следует найти возможность взаимодействия с русскими по проблемам, которые нам действительно

необходимо решить: дальнейшего уничтожения ядерных боеголовок, надежности управления контроля в ядерной области и распространения оружия массового поражения как умышленного, так и в результате «утечек», — говорила К. Райс, весьма пессимистически оценивая ближайшее будущее России. По ее мнению, «русские действительно будут готовы к подлинным экономическим реформам не раньше, чем произойдет смена поколений». «Мне хотелось бы со всей определенностью разъяснить русским, — заявила она, — что когда они будут готовы к подлинным экономическим реформам, США и весь западный мир не преминут оказать им помощь в этом процессе». Но, по ее прогнозам, «это произойдет не раньше, чем одно поколение россиян сменится другим». К. Райс считала, что «ситуация сейчас настолько ухудшилась и они так заняты восстановлением стабильности, что едва ли имеют возможность принимать в экономике меры, ориентированные на долгосрочную перспективу.

О связанном с Россией коррупционном скандале.

«Я не думаю, что кто-нибудь считает всю Россию вовлеченной в уголовную деятельность... международная экономика требует, чтобы (вовлеченное в скандал государство), так сказать, пролило свет на проблему, разобралось во всем и наказало тех, кто мог быть замешан в преступлениях».

По поводу предстоявших президентских выборов в России К. Райс не высказывала, даже в частном порядке, каких-либо предпочтений и симпатий, заявляла, что ей очень хотелось бы надеяться на появление нового лидера, не связанного с организованной преступностью. «Государство настолько ослаблено, что фактически его функции сейчас выполняет организованная преступность. Например, функцию государства по поддержанию порядка, функцию защиты. Мне часто задают вопрос, чьей победы на выборах в России в июне 2000 года вы бы хотели? Мой ответ таков: мне хотелось бы, чтобы русские нашли некоррумпированного, честного человека.

Относительно возможности чрезвычайного положения в России.

«Я не могу даже вообразить, что Соединенные Штаты — какая-либо администрация или какой-либо

кандидат в президенты — поддержит сверхконституционную (чрезвычайную) меру, предпринятую с целью переноса выборов».

Какой будет политика Соединенных Штатов по отношению к России при следующем американском президенте, продолжится ли курс на расширение военного вмешательства в различных регионах мира, где Вашингтон усматривает «гуманитарную катастрофу», как это было в Югославии? Понятно, что ответить на эти вопросы, пока не ясно, кто будет новым хозяином Белого дома, невозможно. Но некоторые внешнеполитические штрихи просматриваются.

Первое. Сторонникам Б. Клинтона, и А. Гору в первую очередь, придется за многое отвечать — в том числе и за провалы своей российской политики. Сделать из России идеализированную Америку не получилось. Теперь появилась тенденция к другой крайности: вообще «уйти» из России и не помогать ей.

Второе. К. Райс не предлагала альтернативную политику и приходила к выводу, что США должны ждать, пока в России появится поколение реальных реформаторов. Вот как в ее устах формулируется вывод: «Я думаю, что сейчас необходимо отстраниться от российской внутренней политики. Коррупция достигла действительно высших сфер, людей, с которыми мы имели или имеем дело. Я знаю, что в международной политике приходится сталкиваться с проблемами вроде коррупции. Мы должны были сказать, что нам известно об этом, но я сомневаюсь, что это было сделано. Администрация приравнивала Бориса Ельцина к демократии, но сейчас этого делать нельзя».

Третье. Вопреки классической консервативной идеологии, К. Райс не склонна к изоляционизму. Так, она заявляет: «...Я не экономист. Но я могу сказать вам: делать что-то с рушащимися экономиками важных для нас государств — это политический императив, кто бы этим ни занимался, МВФ или кто-то другой. Например, в случае с Россией политический императив означает, что ни американский президент, ни германский канцлер, ни французский президент не хотят узнать, как глубоко может упасть российская экономика и как это выглядит, когда нажимают на ядерную кнопку...

Когда вы слышите разговоры, что Россию надо оставить решать свои проблемы в одиночку, никогда не забывайте про контекст. Россия не Аргентина. Россия не Филиппины. Россия это Россия. Она сидит верхом на Евразии, у нее 20 тысяч боеголовок, и никто не готов сбросить это со счетов, потому что никто не хочет заплатить за то, что, возможно, вы ошибаетесь и нижняя точка ее падения намного ниже, чем кому-то кажется».

Кстати, активно раздувавшийся республиканцами скандал отражал, что К. Райс скорректировала свои прежние взгляды на Россию. Раньше она говорила о том, что необходимо и дальше делать все возможное для интеграции стран бывших республик СССР в мировое сообщество, в том числе оказывать им экономическую помощь. Она предлагала ни в коем случае не отказываться от военных операций за рубежом. Из этого вытекал вывод: нельзя снижать бюджет Пентагона, Америка должна по-прежнему оставаться самой сильной в военном отношении страной и иметь возможность регулировать любые конфликты в мире.

В то же время К. Райс считала, что США не следует идти на военное вмешательство в гуманитарные катастрофы за рубежом, какими бы тяжелыми они ни были. Поэтому, по ее собственному признанию, в случае избрания Дж. Буша-младшего она будет призывать его не продолжать политику администрации Б. Клинтона, основанную, по ее мнению, на стремлении к выработке «международных гуманитарных норм», и вернуться к курсу, основанному на трезвом анализе интересов США. «Гуманитарная катастрофа — недостаточный повод для отправки американских военнослужащих в район ее возникновения», — считала она.

О договоре по ПРО. Советник Буша является горячей сторонницей создания в США ограниченной системы национальной противоракетной обороны, считая, что это возможно осуществить без формального выхода из Договора по ПРО 1972 года. В рассуждениях на эту тему, а также по вопросу о нераспространении ядерных технологий она постоянно ссылалась на третьи страны, проводила мысль о том, что «у Ирана, Ирака и России вряд ли есть общие долгосрочные

интересы», а «сдерживание развития северокорейского ракетного потенциала — в наших общих интересах». «Никто в Америке не собирается строить систему ПРО для того, чтобы ограничить возможность России использовать ее ядерный потенциал»,— утверждала К. Райс.

О дальнейшем расширении НАТО. С большей осмотрительностью предлагала она подходить к вопросу расширения НАТО. «Хотя следует держать открытой дверь для дальнейшего расширения НАТО, нам стоит помедлить с этим сейчас»,— отмечала К. Райс. Военный альянс — не отряд по «окультуриванию».

О механизме принятия внешнеполитических решений в США. США должны изменить весь механизм принятия решений по международным проблемам: «Мы построили несовершенную систему; слишком велик разрыв между подходами исполнительной и законодательной власти к тому, как должна проводиться внешняя политика. Проблема в том, что в конгрессе сегодня сидят люди, взгляды которых на то, какой должна быть политика Америки, формировались под воздействием второй мировой и «холодной» войн...»

Главный внешнеполитический советник кандидата в президенты США от республиканцев предлагала «сделать паузу» в российско-американских отношениях, однако не до появления в России нового поколения, а «до завершения политического сезона в России и США» — проведения президентских выборов.

Перенесемся в Европу. 8 — 10 ноября в Париже проходил XXI съезд Социалистического интернационала. Некоторые принципиальные подходы современной социал-демократии стали объектом пристального внимания руководителей партий, придерживавшихся социал-демократической и социалистической ориентации.

Позиции ряда лидеров западноевропейских стран по Югославии и особенно чеченской проблеме вызывали отторжение у большинства российского населения, однако это не означало, что у них нечему поучиться в решении социально-экономических проблем.

В Социнтерн в качестве полноправных членов вхо-

дило 79 партий (до съезда их число составляло 65). В качестве новых полноправных членов на съезде были утверждены 11 партий, которые перешли на этот уровень из консультативных членов. Кроме того, 3 партии были приняты в полноправные члены непосредственно, без «кандидатства» на более низком статусе. Это Африканский национальный конгресс, Социалистическая партия Уругвая и Социал-демократическая партия Хорватии. Статус консультативных членов имели теперь 10 партий, включая Социал-демократическую партию Армении, которая стала единственной партией такого статуса из стран СНГ. Правда, с постсоветского пространства в полноправных членах находилась еще и Рабочая социал-демократическая партия Литвы. 9 партий входили в Социнтерн на правах членов-наблюдателей. Среди них и Белорусская социал-демократическая партия, известная еще под названием Народная громада, а также Союз граждан Грузии. Остальные три десятка партий, представители которых участвовали в работе съезда, имели статус «приглашенных». От России в парижском съезде участвовала Социалистическая партия России (председатель И. Рыбкин) и Российский социал-демократический союз с сопредседателем В. Липицким.

Вместо занимавшего 7 лет председательское кресло бывшего французского премьера Пьера Моруа новым председателем Социнтерна был избран португальский премьер-министр Антониу Гуттериш. Новыми вице-президентами стали Франсуа Олланд (генеральный секретарь Французской соцпартии, заменивший Лионеля Жоспена) и израильский премьер-министр Эхуд Барак (заменивший Шимона Переса).

В принятых на съезде «Парижской декларации» и «Генеральной резолюции» раскрывались теоретические и практические постулаты современной социал-демократии, ее оценки важнейших процессов в мировой экономике и политике, а также конкретных событий в тех или иных странах.

Парижский съезд высветил существенные противоречия, проявившиеся в последнее время среди крупнейших левых партий западноевропейских стран. Эти противоречия между британскими лейбористами и германскими социал-демократами, с одной стороны,

и французскими социалистами — с другой, и наложили отпечаток на содержание документов XXI съезда Социнтерна.

Еще осенью 1998 года эмиссары Т. Блэра и Г. Шредера оповестили руководство ФСП о намерении реформировать теоретические установки социал-демократии, что вызвало сдержанное отношение Л. Жоспена и других руководителей ФСП. Французская соцпартия, представители которой доминировали в левом правительстве Франции, всю свою довольно удачную социально-экономическую стратегию и тактику строила на плотном государственном регулировании, подвергаясь сильной критике со стороны правых партий за непомерное бремя налогов и расходование бюджетных средств на дотации важным для государства, но неэффективным предприятиям и целым секторам экономики. Однако выбранный социалистами курс приносил весьма успешные результаты, позволяя обеспечивать заметный экономический рост, снижать уровень безработицы и сохранять социальное спокойствие в обществе. Французские социалисты остерегались на данном этапе что-то кардинально менять в своей политике в отличие от недавно пришедших к власти британских и германских левых. Поэтому опубликованный 9 июня манифест Т. Блэра — Г. Шредера, являвшийся, по существу, призывом к внесению элементов либерализма в традиционные социал-демократические и их собственные партийно-правительственные доктрины, был для них совершенно неуместен и несвоевременен.

Вслед за опубликованием манифеста и германские социал-демократы, и британские лейбористы крайне неудачно выступили на выборах в Европарламент. Тогда как французские социалисты в целом сохранили свои позиции, причем их 22 процента голосов выглядели даже как победа над их главным политическим противником — неоголлистской партией ОПР, получившей менее 13 процентов голосов. Более того, неудачный эксперимент с «Манифестом» заставил Т. Блэра отказаться от попыток размежеваться с Социнтерном и создавать какой-то новый интернационал «третьего пути» с участием Демократической партии США.

Т. Блэр и в своем выступлении на XXI съезде Социнтерна утверждал, что социал-демократия не должна бояться брать на вооружение элементы либерализма, если они ведут к прогрессу и общественному благу.

Анализ содержания ключевых положений итоговых документов съезда показывал, что на съезде возобладала, условно говоря, линия французского премьера и лидера французских социалистов Лионеля Жоспена, весьма критически относившегося к последствиям глобализации мировой экономики и стихии свободного рынка.

Французов особенно активно поддержали португальский премьер Антониу Гуттериш и возглавлявший комиссию по подготовке «Парижской декларации» бывший испанский премьер Фелипе Гонсалес. Комиссия по выработке «Парижской декларации» несколько раз почти слово в слово воспроизвела основные тезисы выступления Л. Жоспена на съезде, подчеркнув «критическое отношение социал-демократии к капитализму» и «необходимость государственного регулирования рынка».

«Быть социалистом, — подчеркнул французский премьер, — значит отвергать стихию рынка. Рынок — всего лишь инструмент. Он ничего не производит и не создает. Мы отвергаем подчинение общества рынку, считая, что его нужно регулировать, ставить на службу общества. И если мы предоставим развитие мира на откуп слепым механизмам капитализма, холодным силам частных интересов, то получим холодный, жестокий мир». А после одной из ключевых фраз в его докладе: «Только демократический социализм способен оспорить, обуздать и реформировать капитализм. Социалисты всего мира должны быть верны этим задачам», — весь зал разразился бурными аплодисментами.

Такой реакции не дождались ни Т. Блэр, ни Г. Шредер, выступления которых носили в целом примиренческий характер. В то же время и они подчеркивали необходимость регулирования рынка. Говоря об основных принципах социал-демократической общности, Т. Блэр заявил, что это «финансовая дисциплина и твердое руководство с целью сохранения стабильнос-

ти экономики», «массивные капиталовложения в образование», «готовность и практическое осуществление процессов обновления», исходя, прежде всего, из возникновения общества информатизации, «реформа пенсионной системы», «обновление общественных секторов экономики», «международное сотрудничество в борьбе против преступности и наркомании». Если при этом Т. Блэр избегал употреблять подразумеваемый под всем этим термин «государство», то Г. Шредер пошел гораздо дальше и прямо обозначил важную роль государства в «поддержании финансовой стабильности как первейшей задачи социал-демократических партий, стоящих у власти». «Только дееспособное государство, — продолжал он, — может бороться против безработицы, только дееспособное государство может модернизировать экономику, только дееспособное государство может гарантировать будущее системы социального обеспечения, только дееспособное государство может успешно выполнять задачи в области внешней политики».

В «Парижской декларации» обозначено явно негативное отношение социал-демократов к последствиям глобализации, подчеркивалась пагубность присущих им финансовых кризисов, растущего неравенства между социальными слоями, мужчинами и женщинами, угрозы самобытности национальных культур. Причем ответственность за негативные последствия глобализации приписывалась «деструктивному неолиберальному догматизму». В документе содержался заслуживавший внимания вывод, что «ликвидация коммунистической модели усилила наступление неоконсерватизма, неолиберализма, что привело к вызывающему, фундаменталистскому упрощению проблем и оценок, к подмене понятия рыночной экономики понятием рыночного общества, к провозглашению единообразности мышления и завершения хода истории». Подчеркивалось «критическое отношение к современному капитализму» и «необходимость государственного регулирования рынка».

В декларации отстаивались и другие социал-демократические постулаты, такие, как принципы социальной справедливости, общественной солидарности, расширения демократического участия общества в поли-

тике и экономике при сохранении государственного регулирования последней. «Полностью принимая созидательную функцию рыночных механизмов и выступая за подъем духа предпринимательства, нельзя уповать на то, что рынок даст, на что он неспособен. Образование, здравоохранение, культура способствуют созданию общественных ценностей и помогают лучшему функционированию открытой экономики, но они не могут быть сведены к рыночным правилам и принципам извлечения прибыли» — говорилось в «Парижской декларации».

Социнтерн указал на необходимость адаптации к современным экономическим финансовым условиям созданных полвека назад институтов — МВФ и Всемирного банка, равно как и ВТО. «Все эти институты уже не отвечают новым реалиям и требуют придания им новых инструментов и функций».

Другим ключевым документом съезда стала «Генеральная резолюция» — пространный итоговый документ, содержащий схожие с «Парижской декларацией» теоретические выкладки и конкретные оценки положения в ключевых регионах мира. В нем также делался упор на общность позиций и маскировались различия, в ней также превалировали традиционные, «более левые» оценки мировых проблем. А теоретическая часть «Генеральной резолюции» еще более созвучна с высказываниями лидера французских социалистов Л. Жоспена с критикой стихии неконтролируемого рынка и призывами «противопоставить процессам глобализации мировой экономики интернациональную солидарность стран и граждан».

В итоговом документе содержались призывы к восстановлению мира и демократии в Афганистане, в Восточном Тиморе, выражена обеспокоенность внутриполитическим положением в Бирме, Пакистане, Малайзии. В то же время в нем фактически реабилитирована агрессия НАТО против Югославии. Правда, были робкие признаки озабоченности положением в Косово, где отмечалась «необходимость гарантирования прав всех проживающих в крае народов: албанцев, сербов, цыган и других».

В «Генеральной резолюции» весьма подробно описаны социально-экономические трудности, пережива-

емые Россией, с констатацией «появления ностальгии по прошлому у наиболее затронутых кризисом слоев российского общества». В этой связи в документе подчеркнута необходимость оказания помощи России в деле преодоления ее трудностей, «что должно стать приоритетом для международного сообщества». «Никогда нельзя забывать, — подчеркнуто в резолюции, — что всякий раз, когда Россия чувствует себя неуверенной и изолированной, ее нестабильность распространяется на всю Европу».

Примечательно, что в документах съезда не была затронута чеченская проблема.

Глава 5

ЭЛИТА ОТДЕЛЬНО, НАРОД ОТДЕЛЬНО

Потеря продовольственной независимости. — Шанс августа 1998 года упущен. — За чертой бедности каждый третий. — К вопросу о политических предпочтениях. — Шумит верхушка леса. — Кто будет заниматься рутинными делами. — Что ни политик, то нарцисс, по уши влюбленный в себя. — Основная форма работы — пресс-конференция. — «Единство», кажется, крепчает

Общественно-политическая обстановка в стране накануне думских выборов оставалась достаточно напряженной. Основными факторами нестабильности оставались развитие ситуации вокруг Чечни, усиление конфронтации между ведущими политическими силами и федеральной властью, сепаратистские проявления со стороны отдельных региональных лидеров, а также информационная война между участниками предвыборной гонки.

В целом реакция российской общественности на чеченские события по-прежнему оставалась благоприятной для федерального центра. Очевидно, что население продолжает поддерживать действия российских военных: более половины опрошенных признали их достаточно успешными. А около трети (29 процентов) находили, что эти действия «недостаточно жесткие и решительные». И лишь немногие (7 процентов) квалифицировали действия военных как «слишком жесткие и поспешные».

Инициатива лидера движения «Яблоко» Г. Явлинского противопоставить действиям силовых министров свой план урегулирования чеченской проблемы путем мирных переговоров с боевиками не была поддержана подавляющим большинством политически

активной части населения. Военная операция пока проходила успешно, следовательно, причин для вступления в переговоры с боевиками не было. В условиях повышенного давления Запада на Россию происходила ответная консолидация общества вокруг власти. А на фоне жесткой предвыборной борьбы поддержка предложений Г. Явлинского была бы равносильна оказанию помощи в укреплении позиции его объединения.

Существенных изменений в социально-экономической обстановке в России в октябре не произошло. Отмечалось некоторое замедление темпов роста промышленного производства. Объем производства промышленной продукции по сравнению с октябрем 1998 года составил 110,3 процента (в сентябре — 120,2 процента к сентябрю предыдущего года), а за десять месяцев соответственно — 107,5 процента.

Подъем в экономике, который отмечала статистика, в октябре, скорее всего, прошел свой пик и пошел на убыль. Хотя рост еще сохранялся, но, по мнению многих экономистов, с каждым месяцем он будет замедляться. Тем более что в 1999 году существенного роста инвестиций в основной капитал не произошло, и главными источником оживления промышленного производства пока являлся спрос, который из-за крайне медленного восстановления положительной динамики реальных денежных доходов населения и заработной платы сохранялся на низком уровне.

Кроме того, выборная компания оказывала негативное влияние на экономику, прежде всего с точки зрения привлечения инвестиций. В октябре 1999 года инвестиции уже сократились на 12,1 процента по отношению к сентябрю, и эксперты предупреждали, что если инвесторы будут столь нервно реагировать на перспективы перемен в стране, то вероятен новый период «затишья». В этом случае экономика становилась фактором, отрицательно влияющим на рейтинг кандидатов от «партии власти» и давала дополнительные козыри в руки оппозиции.

Согласно оценке консалтинговой компании Megshapt Iptegpatiopal Group, Россия вновь возглавила список наиболее рискованных стран для ведения бизнеса, опередив Пакистан, Алжир, Малайзию и Иран.

В октябре удалось преодолеть наблюдаемое в предшествовавший месяц падение производства сельскохо-

зяйственной продукции. Общий объем продукции сельского хозяйства, выработанный всеми российскими товаропроизводителями, на 5,2 процента превысил показатель октября 1998 года. К середине ноября было намолочено 58,4 млн. тонн зерна, что на 12,5 процента больше уровня предыдущего года.

Однако коренного перелома в развитии АПК не произошло. В 1999 году посевные площади под зерновыми культурами по сравнению с 1998 годом сократились еще почти на 4 млн. га, на 7,6 млн. га посевы погибли из-за засухи. Не наблюдалось заметного улучшения в животноводстве. В октябре 1999 года мяса произведено на 9,2 процента меньше, чем в октябре предыдущего года. За десять месяцев производство мяса снизилось на 8,7 и молока на 4,2 процента по сравнению с тем же периодом 1998 года.

В октябре импорт продовольственных товаров и сырья для их производства по сравнению с сентябрем увеличился на 7 процентов, а по сравнению с октябрем 1998 года в 2,4 раза. Таким образом, АПК не удалось в полной мере использовать шанс, предоставленный экономическим кризисом 1998 года и девальвацией рубля, в результате которых с рынка ушло более 40 процентов импортного продовольствия. Россия фактически потеряла свою продовольственную независимость, и этот факт становился одним из главных аргументов в критике официального курса реформ.

В течение всего 1999 года под воздействием умеренной денежно-кредитной политики, достаточно активного регулирования цен на продукцию естественных монополий и существенных ограничений спроса населения сохранялись сравнительно низкие темпы инфляции. Индекс потребительских цен в октябре составил 101,4 процента. В том числе на продовольственные товары — 100,9 процента, непродовольственные товары — 102,2 процента, платные услуги населению — 102,0 процента. В октябре 1999 года замедлился темп роста цен на бензин. Индекс потребительских цен на автомобильный бензин составил 107,7 процента (в сентябре — 114,3 процента).

Индекс цен производителей промышленной продукции опережал рост потребительских цен и в октябре составил 105,5 процента, а к декабрю 1998 года — 157,6 процента. Существенное увеличение цен произ-

водителей в промышленности в октябре отмечено в топливной промышленности — 15,2 процента (к декабрю 1998 года — 217,9 процента). Но особую тревогу вызывал рост цен на основной продукт питания — хлеб и хлебобулочные изделия (за 10 месяцев почти в 1,7 раза).

Сохранялась устойчивая динамика по сокращению задолженности по заработной плате. Суммарная задолженность по заработной плате по состоянию на 1 ноября 1999 года составила 53 119 млн. рублей и снизилась по сравнению с 1 октября 1999 года на 2,8 процента. Снижение суммарной задолженности по заработной плате произошло в 62 субъектах России. В общей сумме долгов по зарплате более 73 процентов приходилось на производственные отрасли. Среди долгов, вызванных недофинансированием из бюджетов всех уровней (13 369 млн. рублей — снижение за октябрь на 2,4 процента), преобладали долги территориальных бюджетов — 81,7 процента. В общей сумме бюджетных долгов наибольшая — перед предприятиями жилищно-коммунального хозяйства, образования и здравоохранения. Но несмотря на сохранявшуюся в течение года тенденцию уменьшения задолженности по заработной плате и фактически полное погашение долгов перед пенсионерами, показатели уровня жизни населения не улучшались.

Размер реальной средней заработной платы в октябре 1999 года снизился по сравнению с уровнем октября 1998 года еще на 1,7 процента. В целом за десять месяцев уровень зарплаты был на 29,3 процента ниже прошлогоднего показателя. Величина прожиточного минимума в расчете на душу населения в октябре 1999 года составила 927 рублей и возросла по сравнению с октябрем прошлого года в 1,6 раза, с сентябрем 1999 года — на 0,8 процента. Около 35 процентов населения проживало за чертой прожиточного минимума.

Средний размер пенсий увеличился за десять месяцев до 455,6 рублей (на 13,1 процента). В то же время по отношению к прожиточному минимуму пенсионера он составил только 70,4 процента против 80 процентов в конце 1998 года. С учетом индексаций пенсий с 1 ноября (в 1,15 раза) средний размер пенсии к концу года превысил 500 рублей, но составил только 72—73 процента по отношению к прожиточному минимуму.

В конце октября 1999 года наметилась тенденция к сокращению безработицы. На этот период не имели работы 8,7 млн. человек, или 11,7 процента экономически активного населения, что по сравнению с октябрем 1998 года было меньше на 2,5 процента.

Таким образом, оценивая в целом социально-экономическую ситуацию в стране накануне выборов, аналитики отмечали: пессимистические прогнозы развития экономики России после августовского кризиса 1998 года не оправдались и дальнейшего катастрофического падения экономики не произошло. Тем не менее, по мнению многих экономистов, уже практически были исчерпаны действия благоприятных факторов, связанных, прежде всего, с девальвацией рубля и ростом производства импортозаменяющей продукции. Ситуация с финансированием государственных капитальных вложений оставалась критической, инвестиционная привлекательность российской экономики продолжала оставаться на крайне низком уровне, а покупательная способность населения — низкой.

В этой связи именно отсутствием заметного улучшения уровня жизни рядового избирателя можно объяснить тот факт, что наибольший рейтинг имели те избирательные объединения, которые наиболее активно критиковали экономическую политику исполнительной власти.

Политические предпочтения россиян сохранялись достаточно стабильными, поэтому реальными претендентами на завоевание большинства мандатов на предстоявших выборах в Госдуму оставались «Отечество — Вся Россия» (ОВР), КПРФ, «Яблоко», «Единство».

Перед выборами 1999 года значительно отчетливее, чем в 1995 году в обществе обрисовались четыре крупных политических сектора. В каждом из них было место не более чем для 1—2 объединений, и общее число перешагнувших пятипроцентный барьер, по прогнозам политологов, могло составить от 3 до 7. Консолидация голосов избирателей вокруг ведущих партий в каждом секторе предполагалась большей, чем на предыдущих выборах, а «потерянных» голосов, поданных за партии, не преодолевшие барьер (в 1995 г. их было 44,8 процента), — меньше. Число претендовав-

ших на мандаты маргинальных образований сократилось более чем вдвое, а их состав почти полностью обновился, участники предыдущих выборов исчезли с политической сцены.

В массовом сознании россиян довольно заметно преобладали четыре притягательных типа идеальных моделей: советский период, характеризовавшийся стабильной и по минимуму обеспеченной жизнью; дореволюционная эпоха; улучшенный и освобожденный от очевидных дефектов и несуразностей современный образ жизни и демократический «западный» идеал. Этим моделям соответствовали четыре идеолого-политические позиции, которые занимали соответственно: коммунисты, некоммунистические националисты, «центр» (партии современной номенклатуры) и правые демократы. В политике, как и в электоральной массовой психологии, эти разграничения были довольно условны. Границы между секторами размыты, между ними существовали промежуточные зоны, в которых пребывали едва ли не большинство избирателей, многие из которых делали свой выбор в последний момент.

В коммунистическом секторе самое обширное поле занимала КПРФ. Несмотря на свое название, по мнению ряда политологов, это была националистическая, державническая, идейно аморфная, консервативная партия, вобравшая в себя кадры и традиции поздней КПСС. Эксплуатируя ностальгические чувства обездоленной части старшего поколения, она по праву являлась наследницей сверхдержавы с ее ярко выраженной антизападной ориентацией в идеологии и политике. Костяк партийных кадров составляли руководители второго и третьего эшелонов КПСС, те, кто не сумел и не захотел приспособиться к новым «правилам игры».

Стремление оставаться крупнейшей партией оппозиции, удерживать влияние на разнородный протестный электорат не позволяло партии отсекать радикальные течения. Демократической эволюции этой партии препятствовали и объективные условия: в России не было места для влиятельной социал-демократии, так как не было ни организованного рабочего класса, ни среднего класса, ни ресурсов для масштабного социального перераспределения.

Не обладая способностью к трансформации в направлении социал-демократии, как это произошло с некоторыми компартиями Восточной Европы, КПРФ могла бы продлить свое существование и в том виде, но с условием, если бы ей удалось каким-то образом установить свой контроль над главными рычагами власти. Хотя было ясно, что на парламентских выборах КПРФ, скорее всего, получит достаточно большое количество голосов, но победить на президентских выборах она была не в состоянии.

«Слева» от КПРФ выступали три радикальных образования: «Сталинский блок — за СССР», «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз» и «Движение в поддержку армии», опиравшиеся на силы протестного электората. Было ясно, что более 15 процентов голосов избирателей для всех трех радикальных образований в коммунистическом секторе электората не найдется. Но не исключалось, что необходимое количество голосов соберет одно из них, и тогда КПРФ получит в Думе критиков ее «соглашательского курса».

В ходе предвыборной кампании усилилась тенденция к распаду некогда монолитных рядов КПРФ. Кроме аграриев и «ультралевых», от нее откололись «патриоты-державники» («Духовное наследие»). Продолжали дистанцироваться сочувствовавшие партии «красные» губернаторы (их насчитывалось около 30). Наблюдаемые процессы в коммунистическом секторе как бы зеркально повторяли то, что перед парламентскими выборами 1995 года происходило у демократов. КПРФ, опору которой составляла убывающая часть общества, перестала играть прежнюю роль «системной оппозиции». Более того, именно в силу того, что власть имела мощный противовес в лице КПРФ, ей удавалось консолидировать силы в свою поддержку.

В отличие от КПРФ, за которой стояли интересы старшего поколения, ЛДПР, а точнее ее лидер мастерски использовал и эксплуатировал настроения, бессознательные эмоции, а подчас и просто тягу к политической клоунаде в обществе, потерявшем идеологические ориентиры. Прогнозировалось, что в декабре ЛДПР еще сумеет удержаться на плаву, ибо В. Жириновский — мастер зарабатывать очки на финише, но в среднесрочном плане его партия обречена на распад.

В последнее время освобождавшуюся нишу «потерянного электората» все более активно занимали движения, выступавшие за права «лиц коренной национальности, угнетаемых национальными меньшинствами». Согласно опросам с их позицией были солидарны 18 процентов россиян, в том числе 17 процентов среди лиц с высшим образованием. Иными словами, потенциальные носители национал-державной идеологии могли бы при определенных условиях занять заметное место в политической жизни страны и сформировать крупную фракцию в Думе. Однако, по прогнозам политологов, в ходе предстоявшего голосования ни одному из избирательных объединений, открыто заявлявших о приверженности национал-державной идеологии, не удастся пробиться в Думу. Скорее всего, причина в том, что те же лозунги эксплуатировали большинство партий и объединений, особенно так называемые «центристы».

Именно в этом секторе происходили наиболее заметные изменения по сравнению с 1995 годом. По мере приближения выборов центристами спешили объявить себя большинство современных политиков. Однако это — «самозванные» центристы, ибо в России, где в реальности не было ни левых ни правых в европейском понимании, как не было и центра, место которого стремилась занять номенклатура, боровшаяся за звание «партии власти». На эту роль претендовали по меньшей мере три организации: ОВР, «Единство» и НДР.

Фаворитами оставались ОВР и «Единство». Руководящее ядро составляли люди, располагавшие властью в регионах, либо уже побывавшие на ключевых постах в федеральных органах власти и управления. «Единство» и ОВР были главными партиями бюрократии, ее союзников и клиентов, опиравшимися на достаточно сильные властные, финансовые и информационные ресурсы, собравшими когорту влиятельных лидеров. В том, что они соберут немало голосов и сформируют крупнейшие фракции в Думе, почти никто не сомневался.

Слабость «Единства» и ОВР — в их разнородности: ни одна коалиция не демонстрировала такой степени легкости блокирования кого угодно с кем угодно (объединение державников и сепаратистов; сторонников

частной собственности с апологетами колхозно-совхозного строя; яростных антикоммунистов с людьми, прошедшими все ступени советской партийной карьеры; людей, лояльных действовавшей власти, с грозившими главе государства и его семье «румынским вариантом»). Это делало объединения, состоявшиеся исключительно в предвыборных целях, более чем непрочными. Само заполнение списка кандидатов, в том числе двух из трех первых мест, региональными лидерами, которые заведомо не собирались работать в Думе, предвещало непростое будущее фракции, в которой фактически не останется ни одной достаточно мощной консолидирующей фигуры на фоне амбициозных претендентов на лидерство.

Образованный на центристском электоральном поле блок «Единство» претендовал на часть бывшего электората НДР, потенциального электората ОВР и других псевдоцентристских партий. Феномен «Единства» демонстрировал, сколь велико влияние личностного фактора на формирование партийно-политической системы в России.

Существенные сдвиги происходили также и в правом демократическом секторе. Выборы 1995 года нанесли демократам существенный урон. Ушло примерно 10 процентов избирателей, голосовавших в 1993 году за «Выбор России». Число кандидатов в этом секторе в 1995 году было наибольшим, что предопределило рассеивание голосов электората и в конечном итоге провал избирательной кампании. Перспективы демократов на предстоявших выборах тоже сулили мало оптимизма.

Вступившая в ноябре в завершающую стадию предвыборная кампания сопровождалась усилением конкуренции между участниками выборов, обострением политической дискуссии и «информационной войны». По-прежнему оппозиционные политические силы использовали любые поводы, порой никак не связанные с выборами, для критики федеральной власти.

Сохранение политической инициативы за президентом и правительством создали некоторые предпосылки к серьезному изменению в канун выборов сложившейся конфигурации политических сил. В самом сложном положении оказался блок «Отечество — Вся Россия». Проект его лидеров — одновременно при-

влечь на свою сторону представителей политической элиты за счет эксплуатации образа «без пяти минут партии власти» и протестного электората с помощью использования оппозиционной риторики — становился все более далеким от реализации. Действия исполнительной власти по наведению конституционного порядка в Чечне, критика которых оказалась невозможной для многих «центристов», стали серьезной помехой для проведения предвыборной агитации ОВР. Дальнейшее осуждение исполнительной власти было бы воспринято потенциальными избирателями блока как «удар в спину воюющей армии». В то же время солидаризация с действиями федеральной власти была неизбежно сопряжена с утратой поддержки в рядах протестного электората.

Ослабление позиций ОВР отмечалось и в отдельных регионах. Так, пленум Иркутского областного совета профсоюзов не принял официального решения о поддержке ОВР, несмотря на то, что российские профсоюзы выступили в свое время соучредителями движения «Отечества». Профсоюзные организации Иркутской области неоднозначно относились к блоку, некоторые кандидаты которого не вызывали доверия. Предполагалось, что многие местные профсоюзные активисты, вероятнее всего, будут голосовать не за ОВР, а за КПРФ или «Яблоко».

Лидеры ОВР вынуждены были считаться с преобладающими настроениями электората, одобрявшего действия исполнительной власти. Экс-премьер Е. Примаков, ранее выступавший против тактики действий военных в Чечне, заявил об их поддержке. Ю. Лужков выражал свои симпатии В. Путину и одобрял «ту решительность, с которой правительство проводит операцию по искоренению бандитизма в Чеченской Республике». Но среди лидеров ОВР наметились определенные разногласия по большинству других вопросов ведения предвыборной борьбы.

Руководство ОВР не могло прийти к единому мнению по вопросу о том, какие государства из стран ближнего и дальнего зарубежья следовало бы привлечь к поддержке своего политического объединения.

Не было единой позиции у лидеров ОВР и в вопросе отношения к власти в России. В частности, Е. Примаков высказывался за тесный контакт с дейст-

вовавшим премьером и полагал, что преждевременно начинать «войну компроматов» против ближайшего президентского окружения.

По поводу консолидации с другими политическими силами в России Е. Примаков высказывался за сближение с неприсоединившимися к ОВР руководителями регионов. Более того, по мнению Е. Примакова, в целях расширения потенциального электората ОВР необходимо уделять больше внимания работе не с центром, а с регионами и искать поддержку у средних слоев населения.

С учетом снижения рейтинга Е. Примакова обозначилась перспектива его отказа от участия в президентских выборах. Все это обрекало «центристов» на маневрирование, включая прямые переговоры с В. Путиным об условиях взаимного учета интересов сторон на президентских выборах. Намеком на возможность широкого компромисса в треугольнике В. Путин — Е. Примаков — Ю. Лужков, который предполагал бы отказ от взаимной конкуренции на президентских выборах, стали благожелательные отзывы о премьер-министре, прозвучавшие из уст Е. Примакова, Ю. Лужкова и еще одного представителя ОВР ярославского губернатора А. Лисицына. Однако заявление последнего вызвало в окружении Ю. Лужкова и серьезное беспокойство, поскольку А. Лисицын не просто похвалил В. Путина, а заявил о том, что ОВР и «Единство» выдвинут его единым кандидатом в президенты России. Эти слова были негативно восприняты и Е. Примаковым, поскольку А. Лисицына «не устраивала относительная пассивность, с которой вел борьбу Е. Примаков».

В своих оценках А. Лисицын был не одинок. Выжидательную позицию по отношению к ОВР занял и ряд других губернаторов, и это вполне объяснимо. Для них важно сохранить себя и поддержку верховной власти после президентских выборов. Собственно, именно с этой целью многие из них приняли участие в создании блока ОВР, лидеры которого еще недавно располагали наибольшими шансами победить на выборах 2000 года. Губернаторы из ОВР начали задумываться, имеет ли смысл бросать материальные и пропагандистские ресурсы на поддержку неявных победителей.

Если бы эта тенденция сохранилась, Ю. Лужков и Е. Примаков рисковали потерять до парламентских выборов своих сильных сторонников — региональных лидеров. Переток губернаторов со всеми их организационными и информационными возможностями в лагерь В. Путина мог привести к резкому ослаблению позиций ОВР, что в дальнейшем и произошло.

Другие избирательные объединения на финише избирательной кампании также столкнулись с серьезными трудностями. Достаточно удачно стартовавший блок «Единство» в конце ноября несколько утратил темп. Его рейтинг замер на недостаточно высокой отметке. Во многом это обстоятельство объяснялось неумением его лидеров выступать перед большой аудиторией. Заявление В. Путина о его «гражданской» поддержке «Единства», безусловно, изменило ситуацию.

Определенные проблемы наметились и в КПРФ. Достаточно серьезным препятствием для компартии явилось участие в избирательной гонке большого количества малоизвестных и маргинальных объединений, которые были способны привлечь на свою сторону часть коммунистического электората. Двойственным оставалось отношение аппарата КПРФ к кампании Г. Селезнева, участвовавшего в выборах губернатора Московской области. Его победа способна была принести значительные пропагандистские дивиденды, однако рост авторитета Г. Селезнева в рядах коммунистов мог ослабить позиции Г. Зюганова.

Налицо была неоднородность ориентации губернаторского корпуса по отношению к выборам в Госдуму. Можно выделить несколько типов губернаторов: лояльные к действующей федеральной власти; сторонники новой «партии власти» в лице ОВР; поддерживающие КПРФ; аполитичные. Аполитичные губернаторы, как правило, занимали прочные позиции в своем регионе и из-за осторожности дистанцировались от политики общефедерального масштаба. Они возглавляли экономически сильные регионы и пользовались значительной поддержкой местного населения. Именно за них, прежде всего, шла борьба между блоками ОВР и «Единство». Перехватив в последние недели перед выборами инициативу у ОВР, «Единство» несколько упрочило свои позиции.

Авторитет Е. Примакова пока удерживал ряд губернаторов в орбите ОВР, однако постепенно это влияние ослабевало.

Лояльные губернаторы полностью ориентировались на исполнительную власть и были заинтересованы в ее поддержке накануне как парламентских, так и губернаторских выборов. Это в основном главы дотационных и проблемных в экономическом и социальном отношении субъектов РФ. Для сохранения власти им необходимо было обеспечить хорошие отношения с будущим победителем, и потому они до конца просчитывали шансы и тянули с решением — на кого поставить.

«Красные» губернаторы представляли собой достаточно аморфную структуру. Как правило, слабые в экономическом отношении субъекты РФ. Не все из этой категории региональных лидеров были готовы к однозначной солидаризации с руководством компартии, некоторые из них, формально не порывая с КПРФ, демонстрировали значительный уровень самостоятельности: А. Черногоров (Ставропольский край), Н. Кондратенко (Краснодарский край). Набирал темпы процесс разрыва связей с КПРФ и переориентации этих губернаторов на другие политические силы. Пример показал губернатор Кемеровской области А. Тулеев, который публично потребовал от руководителей КПРФ ответить на обвинения в финансовом сотрудничестве с группой «Миком» — основой внутрикузбасской оппозиции А. Тулееву.

Одновременно с выборами депутатов Госдумы 19 декабря в стране намечались выборы глав исполнительной власти в 10 регионах. Это была самая крупная волна местных выборов за последние годы. Одна из особенностей ситуации в том, что региональные лидеры в большинстве случаев сами инициировали совмещение выборов. Резкое уменьшение сроков для организации кампании лишало потенциальных конкурентов возможности сконцентрировать организационные и финансовые ресурсы. Поэтому часть конкурентов просто не выходила на выборы, предпочитая более реальную возможность получения кресла в Госдуме сомнительным шансам на губернаторство. Наиболее показательна в данном случае ситуация в Санкт-Петербурге.

В предвыборной практике использовались и другие методы. Так, практически решил проблему своего переизбрания губернатор Приморского края Е. Наздратенко. Один из основных его конкурентов — председатель краевой Думы С. Дудник — отказался баллотироваться на пост губернатора и решил выдвигаться только в Госдуму по списку ОВР. Свой отказ он объяснил тем, что приняв закон «О выборах губернатора», согласно которому выборы будут проходить в один тур и победитель должен набрать не менее 35 процентов голосов от числа участников, местные законодатели практически обеспечили победу Е. Наздратенко. Кроме того, со слов С. Дудника, «в Приморье идет наступление на демократию и душится свобода слова», а власти Приморья пытались поставить на колени независимые СМИ. 11 депутатов Думы Приморского края обратились с открытым письмом к президенту России и председателю Центризбиркома РФ с просьбой навести конституционный порядок в регионе.

В письме говорилось, в частности, что действующие администрации Приморья и Владивостока открыто защищают интересы губернатора Е. Наздратенко, ведут массированное наступление на возможных кандидатов на пост главы региона и их сторонников, а также на СМИ. По словам депутатов, к обеспечению переизбрания Е. Наздратенко на новый срок подключаются правоохранительные органы, создаются структуры, ориентированные на запугивание, шантаж и моральное подавление других кандидатов на пост губернатора. За последнее время во Владивостоке были разгромлены штаб казаков Уссурийского войска, независимая радиостанция «Лемма», до конца выборов арестована оппозиционная газета «Арсеньевские вести».

Анализ кампаний по избранию глав 10 субъектов Федерации позволил выделить некоторые тенденции. Так, по сравнению с прошлыми аналогичными «волнами» губернаторских выборов решительно сократилось влияние на них коммунистов. Практически ни в одном регионе (за исключением Московской области) КПРФ не имела шансов усилить свое влияние, а в большинстве не способна даже оказать серьезного воздействия на итоги голосования. Ситуация предыду-

щих лет, когда типовой коллизией губернаторских выборов было противостояние кандидата, поддерживаемого центром, и местного коммуниста, не просматривалась.

На региональном уровне блок ОВР выступал в качестве «партии власти». Однако ключевой во всех кампаниях являлась не политическая подоплека, а борьба местных хозяйственных и промышленных элит. Напор «новых (еще более крепких) хозяйственников», ощутимый во многих регионах, — это реакция на сформировавшиеся хозяйственно-финансовые кланы. Вместе с тем, прогнозировали эксперты, в большинстве регионов (в семи из десяти) губернаторы, скорее всего, сохранят свое положение. Иными словами — на региональном уровне условия для смены генерации или политического типа элит еще не созрели.

Протестные настроения уже традиционно направлены против федеральной власти. По данным еженедельного мониторинга АРПИ, уровень доверия к местной власти колебался в районе 40—45 процентов, между тем как на федеральном уровне такого рейтинга достигать удавалось лишь В. Путину и Е. Примакову.

Реальной выглядела возможность смены власти в трех регионах — Московской, Новосибирской и Тамбовской областях. Эксперты допускали, что в двух последних пришедшие на волне коммунистического ренессанса губернаторы, возможно, проиграют представителям более молодой генерации управленцев. В Московской области — наоборот: слабеющий местный хозяйственник, возможно, уступит спикеру-коммунисту, который в силу своей федеральной известности намеревался получить власть над одним из наиболее значимых регионов. В этой связи весьма показательно мнение экспертов, что нигде принадлежность к движению ОВР не может оказать решающего влияния на региональные выборы. Более того, и в Новосибирской, и в Московской областях рисковали понести поражение именно губернаторы, официально поддерживаемые «Отечеством».

Ведущие отечественные финансово-промышленные структуры продолжали активно вкладывать средства в кандидатов на выборах в Госдуму с целью формирования своих лоббистских групп в будущем парламенте. По сообщениям прессы, первый заместитель

председателя правительства Н. Аксененко оказывал финансовую поддержку в проведении предвыборной кампании десяткам кандидатам в депутаты Госдумы, баллотировавшимся в различных регионах России. По мнению ряда независимых экспертов, таким образом Н. Аксененко планировал создать в Госдуме преданное ему политическое объединение.

В Ставропольском крае РАО «Газпром» оказывал поддержку в проведении предвыборной кампании главному консультанту МВД России В. Очирову, а также начальнику отдела Ставропольской государственной телерадиовещательной компании О. Петровскому, баллотировавшемуся по спискам НДР.

Губернатор Пермской области Г. Игумнов настоятельно рекомендовал руководителям ряда областных организаций и учреждений обеспечить поддержку на выборах в Госдуму кандидатуры С. Чикулаева, начальника финансово-экономического управления АО «ЛУКойл-Пермнефть», баллотировавшегося по Кунгурскому избирательному округу. Заинтересованность в такой поддержке руководство областной администрации связывало с возможностью С. Чикулаева решать финансовые вопросы в интересах региона на федеральном уровне. Подразделения НК «ЛУКойл» активно заключали с главами районных администраций, входивших в избирательный округ, договора, предусматривавшие оказание помощи в газификации сел, предоставление нефтепродуктов в кредит и по льготным ценам, участие в совместном строительстве, что позволило значительно повысить шансы их выдвиженцам на депутатский мандат.

Основная борьба за депутатский мандат в Ижевском избирательном округе (Удмуртия) развернулась между бывшим первым заместителем председателя правительства Ю. Маслюковым, поддерживаемым ОВР, и депутатом Госдумы А. Солуяновым. А. Солуянову было отказано в обещанной ранее поддержке со стороны местного отделения ОВР. Поэтому он заручился поддержкой настроенных оппозиционно руководству республики глав ряда муниципальных образований, а также А. Чубайса. ОВР же предложило А. Солуянову отказаться от борьбы и снять свою кандидатуру.

Отмена регистрации избирательного блока «Спас» во главе с лидером движения «Русское национальное

единство» (РНЕ) А. Баркашовым сократила число участвовавших в выборах политэкстремистов, однако не устранила угрозы негативных проявлений с их стороны в ходе выборов и появления в стенах парламента леворадикалов и таких ультранационалистов, как лидеры «Сталинского блока — за СССР» (В. Анпилов), публичные выступления которых отличаются повышенной агрессивностью и оппозиционностью, а программные установки — крайним радикализмом.

РНЕ по-прежнему имел возможности провести своих сторонников в Госдуму через одномандатные округа, для чего ее функционерами проводилась работа по налаживанию сотрудничества с другими политическим силами. В ходе подготовки к парламентским выборам активисты Ярославской региональной организации РНЕ тесно сотрудничали с представителями КПРФ. Местным членам РНЕ и их сторонникам было дано указание поддержать кандидатов от блока патриотических сил, а на выборах губернатора Ярославской области кандидата от КПРФ В. Корнилова.

Активисты Ставропольского отделения РНЕ планировали провести акции по бесплатной раздаче продуктов питания малоимущим слоям населения в нескольких городах края. Целью акций было привлечение внимания избирателей к РНЕ в период предвыборной кампании.

Один из идеологов группировки «Славянское язычество» А. Добровольский и лидеры леворадикального движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) В. Илюхин и А. Макашов достигли договоренности о поддержке «язычниками» на выборах в Госдуму кандидатов от ДПА.

Применение положений закона о выборах депутатов Госдумы позволило исключить участие в выборах лиц с судимостями и уголовным прошлым. По данным проводившейся правоохранительными органами проверки кандидатов в депутаты Госдумы, из 4948 кандидатов у 25 имелась неснятая или непогашенная судимость, четверо находились в розыске, 89 человек привлекались к уголовной ответственности. Наибольшее количество неудавшихся кандидатов с криминальным прошлым и настоящим (14 человек) было выявлено в Москве.

Однако новое законодательство не стало эффективным средством противодействия усилиям теневых и криминальных структур по продвижению своих ставленников в Госдуму и оказанию влияния на ход предвыборной кампании. Особенную активность проявляла «тамбовская» преступная группировка в Санкт-Петербурге и «уралмашевская» в Екатеринбурге. Своих кандидатов выдвинули многие криминальные группировки и в других регионах.

Лишенный возможности личного участия в выборах и задержанный в Венгрии директор Красноярского алюминиевого завода А. Быков продолжал активно влиять на общественно-политическую ситуацию в регионе. Его сторонники создали «Общественное движение граждан в защиту депутата Законодательного собрания Красноярского края А. Быкова». На его учредительном собрании присутствовало около 170 человек, представлявших населенные пункты, входящие в состав Ачинского избирательного округа, по которому А. Быков намеревался баллотироваться в Госдуму. В местных СМИ постоянно публиковались открытые коллективные письма представителей общественных движений, объединений и трудовых коллективов в защиту А. Быкова.

Лица, контролировавшие или поддерживавшие личные контакты с преступными группировками, оказались в составе партийных списков объединений и блоков, претендовавших на победу в выборах и формирование исполнительной власти.

Представители большинства участвовавших в выборах политических сил стремились использовать в своих предвыборных целях организационный потенциал воинских учреждений и организаций, различными способами пытались склонить военнослужащих к поддержке своих кандидатов на выборах.

Координационный центр «Честные выборы», который возглавлял бывший помощник президента РФ Г. Сатаров, обвинил руководство Минобороны в «противозаконных» действиях и принуждении военнослужащих голосовать на выборах в Госдуму за блок «Единство». Координационный центр «Честные выборы» направил в ЦИК запрос с просьбой проверить информацию о том, что начальник Главного управления воспитательной работы Министерства обороны

России В. Кожемякин призвал весь состав армии и флота голосовать на выборах в Госдуму за объединение «Единство». Утверждалось, что во время совещания руководящего состава Минобороны его участники получили письменные указания обеспечить голосование за блок «Единство», который занимал «наиболее патриотичную позицию».

Приближение даты голосования по выборам в Госдуму сопровождалось обострением отношений между соперничавшими политическими силами, которые использовали различные «теневые» способы повышения своей популярности, компрометации и нейтрализации конкурентов.

Наметилось обострение отношений между лидерами движения НДР и избирательного объединения «Союз правых сил». Е. Гайдар и А. Чубайс предпринимали попытки ослабить позиции лидера фракции НДР в Госдуме В. Рыжкова как главного претендента на роль лидера «демократического фланга» в российском парламенте. В частности, окружение лидеров СПС якобы подтолкнуло на выдвижение в одномандатном избирательном округе, в котором баллотировался В. Рыжков, альтернативного кандидата от демократических сил А. Сарычева. Практически не имея шансов на победу, А. Сарычев способствовал «растаскиванию» голосов потенциального электората демократов и, таким образом, создавал определенные трудности для проведения избирательной кампании В. Рыжкова.

Избирательный штаб НДР принимал меры по сбору компрометирующих материалов на кандидатов, претендовавших на голоса избирателей, поддерживавших В. Рыжкова. Ряд экспертов обращал внимание на то, что в отношении одного из наиболее серьезных соперников В. Рыжкова бывшего губернатора Л. Коршунова практически одновременно с его выдвижением в качестве кандидата в депутаты Госдумы краевой прокуратурой возобновлено уголовное дело, возбужденное в 1996 году по факту незаконного использования бюджетных средств.

Руководителями всех районных администраций Курской области было получено негласное указание губернатора А. Руцкого оказывать всяческую поддержку в проведении предвыборной кампании кандидатам от избирательного блока «Единство». Баллоти-

ровавшимся по спискам «Единства» заместителем главы администрации области А. Федуловым с санкции А. Руцкого зарегистрирована так называемая «альтернативная КПРФ» — Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС). В резолюции ее учредительного съезда указывалось на необходимость «размежевания рядовых коммунистов с элитой КПРФ». Активисты КПСС распространяли среди жителей области газету под названием «Голос народа России», которая полностью дублировала по формату и верстке печатный орган областного комитета КПРФ — газету «Голос народа». Опубликованные в газете материалы были направлены на компрометацию руководителей обкома КПРФ А. Михайлова, А. Потапенко, Н. Иванова, баллотировавшихся в Государственную думу.

В Адмиралтейском и Кировском районах Санкт-Петербурга распространялись листовки, направленные на дискредитацию движения «Яблоко». Листовки шли от имени «чеченской общины» с призывами к россиянам поддержать позицию лидера «Яблока» Г. Явлинского по Чечне. В них, в частности, высоко оценивалось предложение, с которым, как утверждали авторы листовок, выступил лидер «Яблока», «занять под гарантии России 50 млрд. долларов и отдать эти деньги Чечне под гарантии прекращения войны». «Мы обязуемся, — говорилось в тексте, — не взрывать ваши дома и не захватывать солдат с целью получения выкупа», поскольку этих денег «точно хватит для победоносного «джихада» на территории всей Европы». Текст подписан некоей «городской чеченской общиной». К нему приложен телефон. Однако по указанному телефону расположен один из математических научно-исследовательских институтов Петербурга. Кроме того, подлинность листовки оспаривали представители чеченской диаспоры в Петербурге. По их данным, никаких прокламаций чеченцами в северной столице не распространялось.

В течение ноября и первой половины декабря заметно крепла тенденция, выражавшаяся в стремлении российской элиты консолидироваться вокруг премьера В. Путина для выдвижения его фигуры на лидирующую общенациональную роль.

Наблюдатели отмечали, что премьер продолжал

аккумулировать поддержку со стороны таких известных и достаточно авторитетных политиков, как Е. Примаков, В. Рыжков, С. Степашин, А. Тулеев, и ряда других, список которых постепенно рос. Губернатор Ярославской области, член политсовета ОВР А. Лисицын провел пресс-конференцию, на которой сделал знаковое заявление, отражавшее позиции губернаторов, ориентировавшихся на действующую власть. По словам А. Лисицына, накануне президентских выборов блоки «Отечество — Вся Россия» и «Единство» объединятся «ради здравого смысла» и выдвинут премьер-министра В. Путина единым кандидатом на пост главы государства.

Другие лидеры ОВР прямо не отвергли такой возможности, хотя и высказывались очень осторожно. Так, Е. Примаков признал, что «далеко не решил», участвовать ли ему в президентских выборах, и назвал В. Путина «достойным кандидатом» на президентский пост, хотя представитель ОВР В. Никонов, а затем и сам Е. Примаков заявили, что А. Лисицын обнародовал лишь личную точку зрения. Председатель Совета по внешней и оборонной политике С. Караганов также не исключал появления консолидированного кандидата на пост президента России. Полностью поддержал антитеррористическую кампанию В. Путина в Чечне президент Татарстана М. Шаймиев.

Неудивительно, что лояльный властям лидер ЛДПР В. Жириновский заранее обещал поддержку В. Путину во втором туре президентских выборов, но и оппозиция не осталась в стороне от консолидирующей тенденции, как видно по принятому 17 ноября Госдумой постановлению о поддержке политики правительства и действий армии в Чечне. Этот документ, подготовленный фракцией ЛДПР, предусматривал отказ от каких-либо переговоров с чеченским руководством. Лишь «Яблоко», стоявшее на менее воинственных позициях в отношении политики в Чечне, осталось вне думского консенсуса. Правда, оппозиция настояла на том, чтобы В. Путин представил Государственной думе отчет правительства о состоянии российской экономики и итогах экономического развития страны за первые девять месяцев 1999 года, однако, по мнению аналитиков, это обстоятельство явно на руку премьеру, так как экономическая ситуация благоприятствова-

ла демонстрации премьером социальных и хозяйственных успехов, а также широкомасштабных планов, которые не могли не понравиться Думе.

Хотя в сфере промышленного производства депрессивные тенденции были достаточно очевидны (отмеченный в первой половине года рост объемов отечественного производства прекратился), однако продолжавшийся на мировом рынке рост цен на нефть и приток нефтедолларов давали правительству возможность не только поддерживать нормальное финансирование военной кампании в Чечне, рассчитаться по социальным выплатам, платить по внешним долгам, отводя от страны угрозу дефолта, но и делать внешне эффектные шаги. В. Путин объявил о том, что правительство РФ подготовило проект указа президента о восстановлении персональных пенсий Героям Советского Союза, кавалерам ордена Славы трех степеней и Героям России. Несмотря на то что круг лиц, которые смогут воспользоваться новой льготой, крайне ограничен (не превышает 2000 человек), однако пропагандистский эффект от этого решения, в известной мере нацеленного на восстановление исторической преемственности эпох, прерванной «демократической революцией» Б. Ельцина, трудно переоценить. Одновременно принято решение (широко не рекламировавшееся) установить надбавки к пенсиям бывшим работникам системы госуправления, затрагивавшее более широкий круг пенсионеров, а также об увеличении минимального размера пенсий.

Политически верный шаг сделал В. Путин и во время своего визита в Таджикистан, где договорился о предоставлении России в аренду за долги мелиорированных плантаций для выращивания хлопка. Если эта договоренность начнет реализовываться, то серьезный импульс получат ивановские текстильные фабрики, что также сработает на позитивный имидж премьера в глазах населения страны.

Одновременно несмотря на то что в основание обнародованной в некоторых публичных выступлениях премьера экономической идеологии закладывались, как правило, идеи реанимации отечественного ВПК как локомотива промышленности, В. Путин отдал определенную дань и реформаторской традиции, поставив на обсуждение кабинета проблемы среднего и ма-

лого бизнеса. Это свидетельствовало, что В. Путин хотел бы поймать в свои политические сети электорат, относившийся ко всем основным стратам совокупного российского товаропроизводителя.

С этой точки зрения для него совсем нелишне признание со стороны других лидеров, которое позволило бы премьеру значительно расширить диапазон своих контактов и начать демонстрировать свою большую самостоятельность в их выборе. Так, в одном из своих публичных высказываний В. Путин сделал принципиально важное заявление о том, что в политике единственным критерием для него является то, в какой мере политик выражает общегосударственные интересы.

Яркой демонстрацией этой линии стали отношения премьера с Ю. Лужковым, которые, судя по всему, в какой-то мере санкционированы Кремлем, так как призваны показать В. Путина не как кремлевскую марионетку, а в качестве лидера, приемлемого для всего электората. Эти отношения продолжали меняться к лучшему: В. Путин счел возможным появиться на теннисных соревнованиях «Кубок Кремля» и даже позировать вместе с Ю. Лужковым перед фоторепортерами.

Рост рейтинга В. Путина, а также то, что его достаточно определенно поддержали военные, чьи интересы при новом премьере стали одним из основных приоритетов государственной политики, объясняло стремление политической элиты к консолидации вокруг В. Путина. Премьер стал центром притяжения для самых различных сил и слоев российского политического класса.

Президент также вновь дал понять, что видит именно в нем своего преемника, который действовал, не допуская ошибок, «последовательно и умно». Крайне важно, что слова президента не разошлись с делами — он пошел на важные кадровые уступки премьеру.

В. Путину удалось пролоббировать назначение на пост секретаря Совета безопасности члена своей питерской команды, бывшего заместителя директора ФСБ, главу департамента анализа, прогнозирования и стратегического планирования С. Иванова. Это назначение явилось отступлением от обычного для Б. Ельцина варианта выстраивания в Кремле сдержек и противовесов правительству. Некоторые аналитики предска-

зывали, что на пост секретаря СБ президент и «семья» обязательно назначат своего человека и отдадут в его руки курирование силовых ведомств, а когда этого не произошло и этот пост занял С. Иванов, то многими такой шаг был воспринят как признак особого доверия Кремля к премьеру, показывающий, что разговоры о том, что Б. Ельцин действительно видел в В. Путине своего преемника, имели под собой реальное основание.

Рост влияния премьера на силовые структуры, традиционно курируемые президентом, манифестировался в прекращении Генпрокуратурой дела в отношении близкого к премьеру бывшего мэра Санкт-Петербурга А. Собчака и его супруги, депутата Госдумы Л. Нарусовой, а возможно, и в попытках снять с дистанции соперника А. Собчака по 211-му одномандатному округу на выборах в Думу Ю. Шутова. Многие наблюдатели именно так объяснили инцидент со взятием последнего под стражу в зале суда после освобождения под залог.

В руки к назначенцам В. Путина перешел и такой важный орган, как Федеральная комиссия по ценным бумагам (ФКЦБ), регулирующая фондовый рынок и являющаяся мощным рычагом воздействия на крупнейшие российские компании и кредитные организации, что было очень важно накануне выборов.

Как карт-бланш, выданный В. Путину президентом, аналитики истолковывали и недавнюю реорганизацию в аппарате правительства, в ходе которой этот аппарат был адаптирован к целям и задачам главы кабинета.

Характерно и то, что был отправлен в отставку руководитель Гохрана РФ и заместитель министра финансов РФ Г. Кузнецов, принимавший, говоря словами А. Коржакова, «активное участие в разворовывании госсредств» во время предвыборной кампании 1996 года (именно из его сейфа в Белом доме и выносили доллары в коробке из-под ксерокса). Очевидно, В. Путин считал первостепенной задачу переподчинения финансовых потоков.

По некоторым данным, правительство хотело бы также сменить председателя Центробанка В. Геращенко (в последнее время интенсифицировалась критика ЦБР в российской и зарубежной печати, например

в шведской «Хандельсблат»), однако ограничителем для решительных действий на этом направлении было то обстоятельство, что В. Геращенко пользовался симпатиями тогдашней Думы. Однако и здесь, судя по всему, велась достаточно последовательная работа — в частности, едва ли дискуссия о необходимости усиления контроля над ЦБР по чистой случайности вспыхнула в Думе именно тогда. Возможно, что вслед за реорганизацией аппарата правительства могла начаться и чистка кабинета министров, и особенно от вице-премьеров, слишком тесно связанных с некоторыми олигархическими группами, мешавшими В. Путину претендовать на роль общенационального лидера и умиротворителя внутри элиты.

Таким образом, В. Путин не только не вступил во враждебные отношения с породившим его «материнским» политическим организмом — действующим институтом президента, Кремлем, «семьей», но и начал выстраивать внутри этой системы свою собственную нишу, органически встраиваясь в сложившуюся систему властных отношений, беря на себя функции ее отдельных рычагов и механизмов. Прежде всего, это касалось более или менее институциональных аспектов во взаимоотношениях президента и главы правительства (передача под контроль людям В. Путина Совета безопасности, ФКЦБ, аппарата правительств). Институциональные приобретения В. Путина, прикоснувшегося к тем пружинам власти, к которым других кандидатов в преемники не подпускали на столь близкое расстояние, скорее всего, показывали, что президент наконец и в самом деле нашел себе наследника, на которого мог положиться как на гаранта преемственности.

Слаженность отличала в ноябре — первой половине декабря и основные конкретные шаги главы государства и главы правительства. Так, с одной стороны, В. Путин накануне саммита в Стамбуле совершил вояж в Таджикистан и своими высказываниями в Душанбе о необходимости корректировки договора о коллективной безопасности между странами СНГ, чтобы сделать этот договор более эффективным «для борьбы с международным терроризмом», явно облегчил задачу Б. Ельцину в Стамбуле и позволил сконцентрировать внимание на опасности терроризма, жертвой ко-

торого стал, как известно, Таджикистан. С другой стороны, многими аналитиками поездка Б. Ельцина на саммит ОБСЕ в Стамбул оценивалась как попытка прикрыть В. Путина от давления со стороны Запада, развеять миф о том, что В. Путин вместе с военными захватил власть, заблокировал Б. Ельцина, присвоил себе функции президента, и представить В. Путина внутри страны как единственного реального кандидата на президентский пост.

Происходившие изменения во внутриэлитных отношениях в свою очередь привели к тому, что появился шанс на то, что российскому политическому классу удастся преодолеть далеко зашедший внутриэлитный раскол, обрести единство и удержаться от борьбы на уничтожение.

Вместе с тем аналитики отмечали, что тенденция консолидации элиты вокруг В. Путина устраивала далеко не всех. Симптомом этого стал тот факт, что эта линия развития российского политического процесса реализовывалась на фоне продолжавшегося обострения информационной войны в ведущих российских СМИ.

Прежде всего, отсутствие сильных трений В. Путина с «умеренными» — лидерами ОВР, С. Степашиным явилось малоприятным событием для группировки Б. Березовского, которую в значительно большей мере устроило бы, чтобы между премьером и ОВР не установилось перемирие, а продолжался бы и углублялся конфликт, в ходе которого можно было бы учинить очередной передел собственности, отобранной у поверженного противника. Кроме того, сплочение элиты вокруг В. Путина делало ненужной всю стратегическую линию, выработанную в лагере Б. Березовского к президентским выборам — усиливать позиции своего стародавнего коммунистического противника, обеспечить выход коммунистического кандидата во второй тур президентских выборов, чтобы затем объединить всех остальных на платформе противодействия коммунистической реставрации, что гарантировало бы избрание В. Путина президентом в 2000 году и сохранение группировкой Б. Березовского своих властных позиций в Кремле или около Кремля как «творцов победы».

Поэтому, с одной стороны, СМИ, контролируемые

олигархом, заметно остыли к В. Путину. Так, газета «Коммерсантъ» в ряде публикаций, вопреки радужным сводкам правительства, акцентировала внимание на том, что в российской экономике в целом имела место стагнация, потеря темпов роста, наблюдавшегося в первом полугодии.

С другой стороны, группировка Б. Березовского еще более усилила свои удары по таким политикам, связанным с блоком «Отечество — Вся Россия», как Ю. Лужков, Е. Примаков, В. Гусинский, И. Малашенко и особенно башкирский президент М. Рахимов, который, будучи возмущен содержанием программ С. Доренко (ОРТ) и Н. Сванидзе (НТВ) распорядился о прекращении их трансляции на территорию Башкортостана.

Одновременно в СМИ была вброшена информация о том, что в Кремле готовился указ о переводе телекомпании НТВ на дециметровую частоту вещания, что резко сузило бы аудиторию этого канала. В связи с этим «Медиа-Мост» принял решение продать часть своих акций зарубежным инвестиционным фондам, что рассматривалось как страховочная мера — предполагалось, что Кремль в этом случае не решится пойти на международный скандал, чреватый исками в международном суде.

Подогревался внутриэлитный конфликт и очередной атакой на спикера Совета Федерации Е. Строева и опального генпрокурора Ю. Скуратова. Как ни удивительно, но, желая как можно больнее ударить своих противников, телеканал ОРТ сделал одним из постоянных своих мотивов разоблачение «пятой колонны» Запада, обвиняемых среди прочего в стремлении к поражению России на Кавказе. В этой связи обратила на себя внимание чрезвычайно резкая реакция на данный выпад со стороны ряда международных еврейских организаций, что еще раз подчеркнуло деструктивный характер позиций, занимаемых в российской политике группировкой Б. Березовского, требующих адекватной оценки всей ее деятельности со стороны властей.

Между тем власти, по оценкам наблюдателей, явно смотрели на происходившее сквозь пальцы и попустительствовали Б. Березовскому и его группировке. Чувствуя поддержку, последние попытались разжечь поли-

тический скандал вокруг позиций информационной империи В. Гусинского, перенеся поле битвы в информпространство Израиля, где В. Гусинский владел блокирующим пакетом медиа-группы «Маарив» и где «Медиа-Мост» в ходе минувшей кампании по выборам главы государства помог выиграть их нынешнему премьеру.

Наконец, в качестве тяжелой артиллерии выступил первый вице-премьер Н. Аксененко, который до того старался держаться в тени. На последнем заседании Комиссии по оперативным вопросам он обрушился с критикой на промышленную политику губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева и московского мэра Ю. Лужкова, а также дал понять, что все губернаторы, нелояльные Кремлю, рискуют лишиться части трансфертов.

По-видимому, не последнюю роль в дальнейшем ужесточении информационной войны и расширении ее фронта могли сыграть планы самого Б. Березовского, который, судя по всему, намеревался не только вынудить премьера притормозить сближение с центристами, но и пролоббировать через В. Путина некоторые из своих собственных коммерческих проектов.

Речь шла, в частности, о проектах, связанных с депутатскими амбициями Б. Березовского.

Зарегистрировавшись кандидатом в депутаты Думы от Карачаево-Черкесии, Б. Березовский объявил о своем намерении жить и работать непосредственно в Карачаево-Черкесии. Одновременно он резко активизировался, демонстрируя свои стратегические таланты. Широкое паблисити получил его план урегулирования конфликта в Чечне, предусматривавший начало переговорного процесса. Этот план стал формальным предлогом для встречи бизнесмена с премьером, явившейся одной из сенсаций конца ноября. В действительности, как сообщила пресса, главной темой встречи Березовского с В. Путиным была идея создания в Карачаево-Черкесии свободной экономической зоны по образцу той, которая существовала в 1994—1998 гг. в Ингушетии. Под этот проект владельцы «Сибнефти» начали выкупать небольшими пакетами акции ГК «Роснефть». Эта операция была замаскирована «медийным шумом», поднятым вокруг решения Б. Березовского разместить акции «Сибнефти» в депозитарии

Росбанка, вызванного якобы желанием финансиста незаметно избавиться от них. Не исключалось, впрочем, что идея создания в Карачаево-Черкесии свободной экономической зоны могла быть нацелена и на реализацию более крупномасштабных афер, чем беспошлинная торговля энергоносителями. В частности, некоторые аналитики полагали, что через оффшорную зону, находившуюся вне контроля международных финансовых организаций, предполагалось реализовать схему подпольного выкупа российских долгов Лондонскому клубу, значительная часть которых находилась в собственности российских структур, близких к «семье».

Судя по информации в СМИ, В. Путин не поддержал идею создания очередного оффшора, что могло усилить давление на него со стороны медиа-империи Б. Березовского.

Во всяком случае, в ряде выпусков информационно-аналитических программ ОРТ П. Шеремета и С. Доренко акценты в отношении к премьеру несколько смещались. В программе П. Шеремета, в комментарии А. Невзорова прозвучал призыв к В. Путину «проявить властолюбие» и «взять Россию в постель еще до свадьбы» якобы по примеру Б. Ельцина. Этот призыв трудно было истолковать иначе, как проявление желания столкнуть премьера с президентом. В программе С. Доренко фигура В. Путина, напротив, в значительной мере выпала за кадр, а главное внимание было уделено Б. Ельцину как «герою стамбульского саммита» и И. Иванову, в отношении которого СМИ, контролируемые Б. Березовским, заговорили после саммита как о вероятном следующем председателе правительства.

Таким образом, возможно, были правы те аналитики, которые полагали, что В. Путин мог стать мишенью для новой информационной атаки со стороны бывшего исполнительного секретаря. Поводом для такой атаки мог послужить, например, план Б. Березовского по мирному урегулированию в Чечне. В интервью французской газете «Монд» Б. Березовский сообщил, что он твердо намерен добиваться реализации этого плана и уже ознакомил с ним Ш. Басаева и М. Удугова. Как известно, добиваясь своих целей, этот политик обычно пользуется информационной дубиной.

Параллельно с Б. Березовским начал вновь подавать сигналы близкий к нему А. Лебедь, принявший участие в съезде шахтеров. Активизировавшийся губернатор надеялся принять участие в реализации планов Б. Березовского с последующим выходом на старт президентской кампании. Вполне возможно, однако, что активизация А. Лебедя объяснялась более прозаическими причинами: прежде всего, желанием найти средства для преодоления серьезных финансовых трудностей, испытываемых администрацией края, а во-вторых, ситуацией вокруг приватизации Красноярской угольной компании. А. Лебедь добился, чтобы потенциальный покупатель пакета акций компании — консорциум российских и иностранных банков — позволил сохранить в руках администрации контроль над принятием наиболее важных решений.

Помимо СМИ, контролируемых Б. Березовским и Кремлем, в конце ноября — начале декабря была отмечена активизация ряда политических структур, созданных под эгидой президентской администрации и близких к этой группировке политиков. Отмечался рост рейтинга движения «Женщины России» А. Федуловой. С рядом инициатив, рассчитанных на привлечение внимания, выступили лидеры «Медведя», предложившие среди прочего реформу структур городской власти Москвы, направленную на ограничение власти мэрии и формирование параллельной мэру структуры городской администрации, которая «будет заниматься федеральными вопросами». Кроме того, блок «Медведь» заявил о том, что считает незаконным совмещение выборов в Госдуму с выборами мэра Москвы и намерен обратиться в Центризбирком за соответствующими разъяснениями. Параллельно развертывал свою мэрскую кампанию с помощью СМИ Б. Березовского и П. Бородин, огласивший через программу П. Шеремета популистский план раздачи построенных правительством Москвы пустующих элитных квартир очередникам из муниципальной очереди.

Заметную предвыборную мобилизацию провел и «Союз правых сил» (СПС), пытавшийся расширить свой электорат за счет «Яблока», которому, по различным данным, повредило обнародование Г. Явлинским плана политического урегулирования в Чечне. В ряде избирательных округов, в которых «Яблоко» занима-

ло сильные позиции, после заявления Г. Явлинского произошел обвал, в частности на юге России — в Астрахани, Ростове-на-Дону, в Ставрополе — рейтинги «яблочных» кандидатов резко пошли вниз. А. Чубайс, объявивший Г. Явлинского предателем и выступивший с проармейских позиций («В Чечне происходит возрождение российской армии, утверждается вера в армию»), усилил позиции курируемого им «Союза правых сил». Одновременно на другом фланге СПС пытался отобрать голоса у «номенклатурных капиталистов», под которыми в их пропаганде подразумевались любые центристские партии, прежде всего ОВР.

Некоторые политологи считали, что с идеологической и технологической точек зрения правые во многом пытались копировать ЛДПР. Например, СПС провел активную кампанию среди той части предпринимателей, которые обычно поддерживали ЛДПР, под лозунгом защиты «русского бизнеса» от конкурентов «кавказской национальности», используя для этого такие нетрадиционные агитплощадки, как различные ночные клубы и тому подобные тусовки. Так или иначе, но на конференции «Союза правых сил» А. Чубайс объявил, что СПС удалось полностью преодолеть «кризис ресурсов», обеспечить поддержку «серьезных компаний» и «подготовить команду сильнейших менеджеров», которая поможет правым преодолеть проходные 5 процентов. По данным А. Чубайса, в течение последних трех недель рейтинг правых резко пошел вверх и теперь, по всем опросам, они преодолевают пятипроцентный барьер. Впрочем, далеко не все рейтинги, обнародованные в воскресных информационно-аналитических программах, однозначно подтверждали этот вывод. К тому же некоторые наблюдатели считали, что информация о том, что агитаторы СПС достигли успехов в перевербовке финансовых цитаделей ЛДПР, преувеличена. В действительности финансовые средства, поступавшие в кассу СПС, имели якобы иное происхождение. В частности, А. Чубайс, который намеревался после парламентских выборов стать организатором президентской кампании В. Путина, пролоббировал-де через последнего решение о создании ОАО «Энергометаллургическое объединение» (путем слияния Саяно-Шушенской ГЭС и Объединенной компании «Сибирский алюминий». Это и позволило будто бы

привлечь в кампанию правых значительные средства алюминиевого магната и часть финансов самого РАО ЕЭС, которые иначе было трудно вывести из-под контроля госорганов.

Нельзя, наконец, не отметить, что против внутриэлитной консолидации выступила и определенная часть политиков, находившихся в орбите притяжения ОВР. К ним относили, прежде всего, ряд «политтехнологов», не заинтересованных в том, чтобы лидеры ОВР однозначно отказались от участия в самостоятельной президентской кампании. Видимо, именно с их подачи в некоторых СМИ, близких к ОВР, появились достаточно резкие публикации, нацеленные против первых лиц российской политики.

В то же время блок ОВР занимал скорее оборонительные позиции. Так, мэр Москвы Ю. Лужков обратился к большому жюри Союза журналистов России по поводу содержания выпусков авторской программы С. Доренко на ОРТ и нашел там поддержку. Коллегия большого жюри в соответствии с международной Декларацией принципов поведения журналистов лишила С. Доренко права называться журналистом. В свою очередь президент холдинга «Медиа-Мост» В. Гусинский извинился перед свердловским губернатором Э. Росселем за программу «Совершенно секретно», в одном из выпусков которой утверждалось, что Свердловская область является «самой криминальной в России», а ее губернатор связан с преступным миром.

Тенденция к формированию внутриэлитного консенсуса оставалась ведущей, наиболее перспективной линией политического процесса, несмотря на продолжавшиеся всплески информационной войны. По общему мнению политологов, этих всплесков едва ли удастся в полной мере избежать до думских выборов, так как каждый блок вынужден был вести жесткую борьбу за свой электорат с другими политическими субъектами. Однако вслед за этим российский политический процесс оказался бы на распутье, поскольку элита оказалась перед выбором модели своей консолидации накануне президентских выборов.

Теоретически здесь были возможны два основных варианта — консолидация вокруг слабого, непопулярного лидера, обязанного своим выдвижением и избранием узкому слою элиты, прежде всего олигархам

(модель 1996 г.), и консолидация вокруг сильного политика, пользующегося широкой поддержкой населения (условно говоря, модель 1991 г.), менее зависящего от олигархической прослойки. Модель 1996 года была выгодна в первую очередь именно олигархии — прикладывая свои ресурсы к избирательной кампании, она брала на себя решение основной задачи, консолидируя электорат по модели голосования за наименьшее зло, чтобы затем, прикрываясь президентом, вершить судьбы страны в своих узкогрупповых интересах.

Именно этот вариант и рассматривался еще недавно большинством политологов в качестве наиболее вероятной траектории предстоящей президентской кампании.

Главными особенностями выборов, организованных по такой модели, неизбежно стали бы борьба с мифической угрозой реставрации, нагнетание истерии, как это было на последних выборах на Украине, широкое использование подтасовок и провокаций, а общество в очередной раз было бы вынуждено испытать глубокую психологическую травму, от которой в течение длительного времени трудно прийти в себя.

Принципиально иная возможность обозначилась лишь тогда, когда на горизонте появился сильный лидер, способный заручиться консолидированной поддержкой одновременно и большинства групп населения, и влиятельных элитных слоев. Было ясно: если В. Путин сохранит до президентских выборов возможность консолидации вокруг себя широкого спектра политических сил, то политическое развитие страны могло принять иной характер.

В итоге такой лидер оказался бы в сравнительно меньшей зависимости от олигархии и ее интересов. Он получил бы большее пространство для маневрирования, решения кадровых проблем, выбора курса, отталкиваясь при этом не от частных, групповых, а от общенациональных интересов.

Место оппозиции в политических процессах, согласно вышесказанному, во многом зависело от того, какой вариант — 1991 или 1996 года, сильного или слабого лидерства — будет избран в 2000 году элитой при выходе электорального процесса на президентский цикл.

Преимущественная линия развития в отношениях

между Кремлем и оппозицией исходила из того, что Кремль предполагал: на данном этапе, до выхода на президентские выборы, его главным врагом является блок ОВР, который не хочет следовать в фарватере Кремля и стремится выйти на выборы самостоятельно. Отсюда и основная задача, состоящая, прежде всего, в том, чтобы разгромить ослушников, которые «бегут впереди паровоза», лишить их ресурсов и насильно заставить присоединиться к выбору Кремля, чтобы затем вновь отбросить этот блок или, точнее, то, что от него останется, прочь от власти, остающейся в руках олигархического меньшинства, контролирующего президента, силовые структуры и страну.

Соответственно на этом же этапе, предваряющем президентские выборы, решалась и задача «подкармливания» оппозиции, которая в рамках борьбы за Думу рассматривалась не как противник, а как партнер, способный нанести удар по блоку ОВР, чтобы ослабить и обескровить его. Именно поэтому КПРФ оказалась наиболее состоятельной из всех партий, вышедших на финишную прямую парламентских выборов.

Однако после возникновения отмеченной выше тенденции к консолидации элиты вокруг «сильной» фигуры такой замысловатый план явно терял свой рациональный смысл. Напротив, с точки зрения кандидата в президенты В. Путина было бы рационально, договорившись с ОВР, действовать не в интересах поражения в Думе основных центристских группировок, а в интересах их успеха, так как лишь в этом случае у будущего президента появился бы реальный шанс, утерянный Б. Ельциным, действовать, опираясь на Думу, проводить реформы как в экономике, так и в политической сфере, не опасаясь сильной оппозиции, способной воспользоваться отсутствием у правительства массовой поддержки и перехватить власть. При таком раскладе сил, кстати, появлялась возможность и для еще большей интеграции оппозиции. Это оказалось очевидным, когда стало выясняться, что оппозиция также обнаружила готовность к согласию с властью по некоторым базовым проблемам российской политики, что выразилось как в ее поддержке действий правительства в Чечне, так и в участии определенных групп истеблишмента воспрепятствовать разрушительным акциям олигархических СМИ, по-прежнему видевших

своей основной целью уничтожение центристского блока ОВР.

У Б. Ельцина в запасе опять-таки в этом случае оставалось бы несколько вариантов, среди которых и вариант выдвижения «слабого» и несамостоятельного премьера, за которым будут стоять лишь армия в лице генералитета и финансовая олигархия. Тогда вновь можно разыграть вариант 1996 года (только уже с преемником Б. Ельцина), крайне выгодный для группировки Б. Березовского. Если же этот сценарий Б. Ельцина не устроил, то он мог бы поставить и на более политически «тяжелую» фигуру. Во всяком случае, президент нашел такой ход, который позволял ему вновь почувствовать себя полным хозяином положения и ставил в зависимость от него все основные фигуры на российской политической сцене, что, в частности, давало Б. Ельцину уверенность в том, что после Стамбула для В. Путина исключались любые сепаратные соглашения с лидерами ОВР за спиной «семьи».

В ноябре — декабре отчетливо проявилась достаточно знакомая для России в историческом плане тенденция консолидации военной элиты.

Начало этому процессу было положено весной 1999 года в связи с событиями в Югославии, что вылилось во внесение существенных поправок в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации и привело к практически полной переориентации оборонной составляющей страны на отражение внешней военной угрозы.

В последующем именно в таком ключе был доработан проект военной доктрины России, внесен ряд изменений в другие планирующие и организационные документы. По сути дела, впервые за годы новейшей российской истории США были названы не только как вероятный источник угроз, но и как потенциальный противник. Отказ в концептуальном плане от верховенства внутренних, экономических угроз в системе угроз национальной безопасности страны выдвинул на повестку дня старый тезис о необходимости готовности к ведению крупномасштабной войны силами всей военной организации России. Именно для этой идеи Генштабом был выдвинут проект реформирования всей военной организации страны под единым руководством Минобороны. В частности, по одному из

известных вариантов под Минобороны должны опять уйти (как 15 лет назад) ВВ МВД России, ФПС России, ЖДВ, МЧС.

Одновременно и весь оборонно-промышленный комплекс страны рассматривался в этом варианте как структурная часть военной организации России, подчиненная министру обороны. При таком раскладе оборонный заказ превращается в государственный, экономика иной, нежели чем мобилизационной, быть не может и о периоде даже псевдодемократического развития государства можно забыть надолго.

Проведение операции по разгрому боевиков в Дагестане, антитеррористической операции в Чеченской Республике в еще большей степени подняло роль и значение армии в политической жизни страны.

Весьма показательно в этой связи было и заявление министра обороны России маршала И. Сергеева, сделанное им на сборах руководящего состава Вооруженных Сил о прямой заинтересованности США и Запада в сохранении конфликта на Северном Кавказе и утверждении там своих геополитических интересов. Особенно характерно то, что маршал дал ясно понять — Москва готова к развитию нестабильности и усилению военной напряженности. Этот же тезис подтверждался и демонстративным отказом начальника Генштаба А. Квашнина от визита на заседание начальников штабов в Брюсселе.

Подобного рода заявления отражали настроения большей части офицерского корпуса, особенно в войсковом звене, и представляли реальную опасность для власти в предвыборный период, так как ситуация, особенно через внешнеполитическое и экономическое давление на Россию, могла вынудить Москву пойти на определенный компромисс в разрешении чеченского кризиса, что натолкнулось бы на жесткое противодействие со стороны армии. Такие заявления, даже сделанные с санкции высшего политического руководства, однозначно говорили о существенном возрастании роли Вооруженных Сил в политической жизни страны.

Армия, генералитет начинали заявлять о своих позициях во все более ультимативной форме. СМИ растиражировали резкие высказывания командующего восточной группировкой федеральных сил в Чечне генерала В. Шаманова, сделанные им в программе «Зер-

кало», о том, что в случае начала переговоров с сепаратистами он лично не будет служить в такой армии, что он лично и вся армия поддерживают жесткий курс председателя правительства по проведению чеченской кампании и что армия не потерпит предательства, а также о том что «если армию в Чечне остановят, то страна будет поставлена на грань гражданской войны».

Министр обороны И. Сергеев также заявил, что армия пришла в Чечню не для того, чтобы уходить из нее. Начальник Генштаба А. Квашнин дал интервью о действиях федеральных сил в Чечне оппозиционной газете «Завтра», стоящей по чеченскому вопросу на позициях «ястребов». В ряде СМИ появились сообщения об угрозах уйти в отставку, которые якобы адресовали президенту Ельцину А. Квашнин и другие «чеченские» армейские генералы после того, как до них дошла информация о намерениях Кремля попытаться вступить в переговоры с А. Масхадовым, свернуть боевые действия и допустить в Чечню и Ингушетию представителей международных организаций.

По сути дела, этими заявлениями открывался новый рубеж в общественно-политической жизни страны, когда армия на гребне общественного сознания, исповедовавшего политику с позиции силы, все более явственно превращалась в инструмент политической борьбы.

Глава 6

КТО ВЛАДЕЕТ ИНФОРМАЦИЕЙ, ТОТ ВЛАДЕЕТ МИРОМ

Особенности современных информационных войн. — Прообраз битв XXI века. — Балканский полигон. — Управление мировым общественным мнением. — «Второй фронт» в Чечне. — От ядерного оружия — к информационному. — «Гражданская информационная война». — Империя СМИ и думские выборы 1999 года. — Кому принадлежит российская пресса. — Передел информационной собственности продолжается. — Телекиллера вызывали?

О месте и роли современных информационных войн в общем арсенале средств вооруженной борьбы, которые отводятся западными стратегами, можно судить по итогам балканских войн последних лет, особенно агрессии НАТО против Югославии 1999 года.

Негативные последствия этой войны в таких сферах, как военная, экономическая, экологическая, социальная, общеизвестны, хотя их долговременное воздействие на мировое сообщество далеко не до конца просчитано. Информационная же составляющая этой войны оценена в меньшей степени. Между тем есть все основания считать, что в войне на Балканах проявились характерные черты войн наступающего века, который, по обоснованному мнению многих политиков и ученых, станет веком информационных технологий.

Теоретические посылы, изложенные в новой стратегической концепции НАТО, как и разработанные штабами НАТО планы ведения информационных войн, были апробированы в ходе Балканской войны, развязанной НАТО против суверенной Югославии весной 1999 года. Альянс использовал Югославию как полигон по отработке применения новых средств вооруженной борьбы — средств информационного противобор-

ства. Война в Югославии, по мнению целого ряда военных специалистов, явилась войной нового типа, в которой самые беспощадные боевые действия велись в информационном пространстве. А информационное поражение противника, управление мировым общественным мнением, контроль над основными информационными сетями и СМИ по значимости ставились стратегами НАТО как одно из основных условий захвата стратегической инициативы и достижения победы.

Примененный союзниками по НАТО в Югославии спектр информационного воздействия был достаточно широким — от обработки общественного мнения (в том числе мирового) до электронного и огневого воздействия (уничтожения) по основным составляющим информационного пространства и объектам инфраструктуры Югославии.

В этом процессе выделяются две составляющие: информационная поддержка действий НАТО в Югославии и разрушение информационной структуры Югославии (активное огневое и электронное воздействие, подавление и уничтожение ее элементов).

Информационной поддержке (или, по терминологии, примененной в новой стратегии блока, — «информационному обеспечению») военной операции в Югославии командование США и НАТО придавали особое значение. По сути дела, наряду с воздушной операцией была проведена информационная операция, состоявшая из трех этапов: подготовительный (до начала ракетно-бомбовых ударов); этап информационного сопровождения боевых действий НАТО; этап «информационной зачистки», в ходе которого, наряду с продолжавшейся обработкой общественного мнения в отношении режима Милошевича, осуществлялось «обеление» агрессии НАТО и ее негативных последствий.

Информационную войну против Югославии США и их союзники по НАТО начали задолго до налетов своей авиации. Собственно, антиюгославская информационная кампания стартовала еще в начале 90-х годов и привела на первом ее этапе к расчленению СФРЮ на пять государств. Завершился этот этап заключением Дейтоновских соглашений. С 1997 года НАТО взялось за расчленение уже СРЮ и свержение режима Милошевича.

На всех этих этапах НАТО стремилось к информационному расчленению страны и проводило массированную психологическую обработку населения Югославии и ее вооруженных сил. В войне 1999 года была почти полностью разрушена информационная структура страны — как ее военная, так и гражданская составляющие. Разрушение объектов инфраструктуры осуществлялось путем нанесения авиаударов высокоточным оружием по пунктам государственного и военного управления, разведцентрам, элементам систем управления войсками, связи и передачи данных, теле- и радиоцентрам. Широко использовались радиоэлектронные средства подавления для нейтрализации работы центров сбора информации, связи, радиолокационных станций. Осуществлялось введение в заблуждение югославских органов сбора и обработки информации посредством имитации подготовки и проведения тех или иных действий или преднамеренной утечки ложной информации военного (в частности, о начале сухопутного вторжения) и политического характера.

Наряду с этим альянсом было организовано собственное массированное вещание на Югославию с использованием наземных, авиационных и космических средств. В результате население Югославии напитывалось в основном только информацией НАТО, подаваемой в выгодном для блока виде и содержании. Изрядную ее долю составляла преднамеренная массированная дезинформация, касающаяся как событий в Косово, так и в целом политики Милошевича и его самого. Как фарисейство высшей пробы оценили некоторые наблюдатели выступление М. Олбрайт (на сербском языке) и Б. Клинтона по сербскому телевидению.

Параллельно велась массированная обработка общественного мнения стран НАТО, принесшая свои результаты. Показателен, например, процент населения, якобы поддерживающего агрессию: в Англии он достиг 54 процентов, у французов — 46 процентов, но уже через день подскочил до 72 процентов. О поддержке агрессии постоянно трубили печатные и электронные СМИ всех стран НАТО. Однако объективные исследования показали, что процент этот искусственно завышался. Большинство населения Франции, Англии

и других натовских стран в своем большинстве даже не знали, где расположено Косово (в Англии на этот вопрос правильно ответили только 4 процента). Аналогично обстояло дело и с цифрами якобы уничтоженных сербами косовских албанцев, которые, по последним данным, были многократно завышены натовской пропагандой. Умышленно формировался обобщенный образ сербов как жестоких, «диких» людей, нетерпимых к людям другой национальности или вероисповедания.

Союзная Республика Югославия со своей стороны в рамках информационной войны также предприняла целый ряд достаточно эффективных мер, которые заметно ослабили пропагандистскую машину США и НАТО. В частности, были закрыты все проамериканские и пронатовские издания, арестована и предана гласности их финансовая документация, которая показала, кому и на что шли огромные финансовые средства, закачиваемые США и НАТО в так называемые свободные демократические издания, закрыты корпункты западных информагентств и изданий, высланы из страны их журналисты. Активно использовалась сеть Интернет. Все эти меры существенно подорвали монополию НАТО на информацию, связанную с агрессией. А стихийные атаки многочисленных хакеров, главным образом из славянских стран бывшего СССР, на натовские и американские гражданские и военные сети вынудили НАТО и Пентагон впервые за время существования сети Интернет ввести резкое ограничение доступа на свои серверы для абонентов Сербии, России, Белоруссии, Украины. Однако предпринятые Югославией меры информационной защиты носили в основном оборонительный характер. Говорить о сколько-нибудь активных наступательных мерах информационного характера не приходится.

Вот несколько выводов, касающихся информационной составляющей военной агрессии НАТО в Югославии:

1. Война НАТО против Югославии — это прообраз войн XXI века, века информационных технологий. Многие ее элементы, и в первую очередь касающиеся информационного противоборства, получат дальнейшее развитие и будут все более широко применяться

в политической и вооруженной борьбе будущего, а их значение для достижения победы будет увеличиваться.

2. Война в Югославии наглядно показала, что в НАТО создана и прошла обкатку в боевых условиях мощная информационная и пропагандистская машина, способная не только одержать победу в информационной войне против отдельного государства, но и успешно манипулировать общественным мнением Запада.

3. Речь уже не идет об экспансии США и НАТО в общеевропейском информационном пространстве — война в Югославии показала, что это свершившийся факт. НАТО XXI века — это уже не только огромная, довлеющая не только в Европе, но и в глобальном масштабе военная сила, равной которой нет в мире. После этой войны даже некоторые западные политические деятели признают, что сегодня и политическая власть в Европе принадлежит НАТО, а общеевропейское информационное пространство фактически управляется Вашингтоном.

4. В ходе балканской войны 1999 года вооруженные действия развернулись не только на земле и в воздухе, но и в виртуальном пространстве, с активным использованием глобальной информационной сети Интернет. Эта созданная США сеть, пожалуй, впервые прошла испытания в условиях военных действий. Причем война показала уязвимость и многие слабые места этого американского детища. Поэтому сейчас стратеги и технологи информационных войн США развернули работы по совершенствованию этой глобальной сети — естественно, под углом зрения обеспечения собственной информационной безопасности и глобальных интересов США. Вносятся также коррективы в идеологию и технологию глобальной информационной супермагистрали, прообразом которой является сеть Интернет.

5. Война показала, что США и НАТО сегодня если и не обладают абсолютной монополией на владение новым средством ведения вооруженной борьбы — информационным оружием, особенно его атакующей разновидностью, то, во всяком случае, обладают в этом виде оружия подавляющим превосходством над любым потенциальным противником или неугодным им государством (режимом). Во многих случаях такое

превосходство позволяет им обеспечить победу даже без применения вооруженных средств. В сущности, такая возможность была у США и НАТО и по проблеме Косово. Однако в этом конфликте, как считают многие аналитики, политикой НАТО двигало стремление реализовать свою новую стратегическую концепцию, показать мировому сообществу свою лидирующую роль, испытать в боевых условиях новые средства вооруженной и информационной борьбы.

6. Наконец, балканская война 1999 года подтвердила, что нарастает процесс перераспределения приоритетов в средствах ведения вооруженной борьбы между ядерным и информационным оружием — в пользу последнего. Обладание мощным ядерным потенциалом уже не является абсолютной гарантией стабильности и безопасности страны.

Пример — Советский Союз, который был разрушен, несмотря на наличие огромного ядерного потенциала. Причем едва ли не главную роль в его распаде сыграло именно оружие информационной войны.

Другой близкий пример — последние конфликты в Дагестане и Чечне, в которых информационная составляющая также играет важную роль, а информационные технологии становятся все более действенным оружием.

Активная политика, которую с августа 1999 года пытается проводить Россия в Северокавказском регионе (СКР), поставила под угрозу геополитические и геоэкономические интересы целого ряда государств и финансово-промышленных групп, длительное время использовавших пассивность России и дестабилизацию ситуации на Северном Кавказе в своих интересах и, надо сказать, значительно укрепивших здесь в последнее десятилетие свои позиции. Сегодня эти силы всячески препятствуют попыткам России возвратить Чеченскую Республику под юрисдикцию Российской Федерации, затормозить обозначившиеся здесь процессы распада страны, восстановить свое влияние на Северном Кавказе.

Одним из главных инструментов реализации антироссийских планов в СКР является массированное информационное воздействие на российское руководство и общественное мнение России, а также на мировое сообщество. Против России в связи с событиями

в СКР второй половины 1999 года начата необъявленная информационная война. Это признал и министр иностранных дел России И. Иванов, заявивший, что по мере успешного развития в Чечне антитеррористической операции, против России, по существу, открыт информационный фронт, который он назвал дезинформационным.

Характерно, что развитие этого процесса во многом повторяет то, что происходило на Балканах, где с начала 90-х годов велась информационная война против СФРЮ, а затем СРЮ. Избрана страна воздействия, народ, район кризиса (Чечня), главный повод («гуманитарная катастрофа»). Много схожего и в других нюансах: попытки использовать конфессиональные (православные — мусульмане) и национальные различия (там «агрессоры» и «националисты» сербы, притесняющие другие балканские народы; здесь русские с их «имперскими амбициями» и противопоставляемые им национальности Северного Кавказа), создание благоприятной для Запада политической ауры в окружающих район конфликта национальных республиках, финансовая и материальная поддержка в них антироссийских и антирусских (на Балканах антисербских) сил и «независимых» СМИ, ориентирующихся на Запад и т. п. Термин «балканизация Кавказа» во многом правомерен именно из-за схожести моделей «балканской» и «кавказской» информационных кампаний в этих регионах.

Вначале «в бой» вступили западные СМИ. С началом нападения боевиков на Дагестан освещение ими событий было довольно сдержанным. Но как только российская армия предприняла активные и довольно успешные действия по освобождению захваченных дагестанских районов, тон западных СМИ изменился как по команде. Появились похожие друг на друга публикации, сочувствующие террористам Ш. Басаеву и Э. Хаттабу, предрекавшие им победу над «немощной» Россией и ее распад. В большинстве публикаций подчеркивалось, что нападение боевиков на Дагестан прямо отвечает интересам Запада, которому следует действовать на Кавказе более активно.

С началом антитеррористической операции в Чечне к информационному наступлению подключились официальные круги стран НАТО, их сателлиты из числа

стран Восточной Европы, Прибалтики, а также международные организации (в первую очередь — ОБСЕ, а также ЕС, СЕ и др.). Последовали согласованные заявления с выражением озабоченности складывающейся в районе конфликта ситуацией, доклады представителей международных организаций, составленные по принципу двойных стандартов в отношении сторон конфликта.

Одновременно с организацией и наращиванием информационной кампании на Россию стало оказываться нарастающее давление по политической, дипломатической, экономической линиям. Вырабатывался и начал проталкиваться на всех уровнях выгодный Западу план урегулирования. Основная его цель — вынудить Россию прекратить операцию и усадить ее за стол переговоров с нынешними чеченскими сепаратистами, причем руководить переговорами будет Запад (ОБСЕ).

В общественном мнении Запада активно формируется образ России как «империи зла», страны-агрессора, пытающейся «подавить освободительное движение свободолюбивого чеченского народа», и параллельно с этим — позитивный образ чеченцев как борцов за свободу и независимость своей страны. С одной стороны, это усиливает давление мирового общественного мнения на Россию, а с другой — западный обыватель готовится на тот случай, если военно-политическое руководство НАТО решит прибегнуть в СКР к военной силе. Осуществляются акции, направленные на разрушение патриотических настроений в российском обществе, подрыв морально-психологического духа войск.

Новейшими информационными методами проводится жесткая и целенаправленная работа по углублению отрыва Грузии и Азербайджана от России и СНГ.

А в последнее время, с подачи З. Бжезинского, который, как известно, ничего не говорит зря, а высказываемые им идеи, как правило, отражают глубинные замыслы американских политиков и стратегов, в общественное сознание не только западных стран, но и стран СНГ, включая Россию, вдалбливается мысль, что лучшим решением для России было бы предоставление Чечне независимости.

В самом ближайшем будущем нечто похожее на предложенный З. Бжезинским вариант чеченского уре-

гулирования начнет проталкиваться и на официальном уровне. При успехе Запада будет еще раз подтверждена на практике эффективность использования информационных средств борьбы, позволяющих США и НАТО одерживать победу и достигать конечных политических и геополитических целей без применения вооруженных сил.

И, надо сказать, российские власти сами дают повод как для подобного рода «советов», так и для их реализации. У России действительно отсутствует долгосрочная стратегия не только в отношении Чечни, но и всего Северокавказского региона. Нет даже ясного представления о том, что же делать с республикой после ее «освобождения». Республика с разрушенной экономической и социальной инфраструктурой, массой вооруженных людей, не имеющих ни образования, ни профессии, ни работы, умеющих только стрелять, на многие годы становится «черной дырой», в которой будут бесследно исчезать скудные бюджетные деньги.

В целом на Северном Кавказе методами информационной войны проводится масштабная работа по созданию предпосылок для политического (а в случае необходимости — и военного) вмешательства во внутренние дела России, интернационализации конфликта, втягиванию в него многих международных террористических организаций.

Как ведется информационное противоборство с сепаратистами? Ситуация в этой области пока характеризуется сформировавшимся в российском обществе определенным политическим консенсусом в поддержку боевых действий в Чечне. По данным опросов, до 70 процентов россиян считают силовые действия на территории Чечни вполне оправданными, до 50 процентов опрошенных настроены вести войну до полного уничтожения бандитов. Кредит доверия правительству В. Путина по вопросу Чечни пока достаточно велик, что особенно было важно для политической элиты в аспекте обеспечения предвыборной ситуации и после того унижения, которое она испытала в связи с финансовым крахом 1998 года, правительственной чехарды 1998—1999 годов, неспособностью оказать влияние на стратегию НАТО в Косово.

Организация информационного противодействия террористам и сепаратистам в военной кампании 1999

года организована федеральными властями несравненно лучше, чем в войне 1994—1996 годов. Тогда информационное противодействие чеченским сепаратистам не выдерживало никакой критики. Да и значительная часть российских СМИ выступала на стороне сепаратистов.

В кампании 1999 года ситуация была иная. В преддверии выборов за редким исключением политики и ориентированные на них СМИ не решились выступать против военных действий федеральных властей. Сыграла свою роль в этом и серия терактов в Москве и других городах России с массовой гибелью мирных жителей. Да и сама кампания была подготовлена и проводилась более грамотно, что позволило избежать значительных потерь в войсках и среди мирных жителей. Значительно более открытыми для общения стали пресс-службы силовых ведомств, их информцентры, сами военачальники.

Тем не менее надо признать, что и в нынешней кампании пропагандистские службы А. Масхадова, Ш. Басаева, Э. Хаттаба, особенно на первой стадии, работали эффективнее, чем, в частности, специально созданный для ведения информационной борьбы с чеченскими боевиками Росинформцентр. Слабости федеральных информационных структур во многом те же, что и раньше. Заявления об успехах российских войск носят голословный характер, их, как правило, неубедительно озвучивают официальные представители Минобороны, МВД, ФСБ, не приводя никаких убедительных фактов или иллюстративных материалов. Да и приводимые порою цифры сопоставимых потерь боевиков и российских войск — чуть ли не в 20 раз больше! — внушают недоверие. По одному и тому же факту следуют запоздалые, несогласованные или даже противоречивые разъяснения официальных лиц и их пресс-служб.

Примеров достаточно — взрывы на рынке в Грозном, случаи обстрела мирных жителей и гражданских объектов и др. Одна из причин этого — несогласованность в информационной сфере соответствующих служб силовых ведомств. Так и не создан объединенный информационный центр всех силовых структур, действующих в Чечне. Отсутствует централизованное управление всеми информационными потоками и ре-

сурсами государства в интересах антитеррористической операции. Да и поддержка со стороны государственных органов практически никакая, если не считать премьера В. Путина, который, надо признать, и сам вносит значительный личный вклад в информационное противоборство с сепаратистами и с Западом, не уклоняясь от острой полемики с западными политиками и не уходя от ответственности за принимаемые решения по Чечне.

Что касается информационной деятельности чеченских сепаратистов, то она носит, как правило, агрессивный, наступательный и скоординированный характер, хотя и основанный, как правило, на дезинформации, сфабрикованных фактах, откровенной лжи. В Чечне создан так называемый «Центр стратегических исследований», которым умело руководит М. Удугов. Центр разрабатывает и проводит целые информационные операции в российских и западных СМИ. Активно используется им и сеть Интернет, где создано несколько сайтов, в том числе с системой обратной связи.

Налажено и поставлено на поток производство видеоматериалов, демонстрирующих «зверства» российских войск, доказывающих «причастность» российских спецслужб к терактам против мирных жителей, показывающих допросы и признания плененных «российских террористов» и засланных в Чечню сотрудников спецслужб и т. п. Затем эти «доказательства» переправляются на Запад и в страны мусульманского мира, где развернута сеть информационных и культурных центров Ичкерии, и зачастую транслируются там по ТВ.

Чеченские сепаратисты успешно используют западные каналы информации для ведения информационной войны против России — в том числе официальные. Во многих странах действуют эмиссары Ичкерии, причем поставляемая ими «из первых рук» «информация» используется и официальными структурами западных стран, а сами эмиссары принимаются представителями государственных властей.

Характерным для информационного противоборства в связи с новой чеченской кампанией является порой совпадение интересов Запада и чеченских сепаратистов. Информационную войну, которую ведут против России А. Масхадов, М. Удугов и другие руко-

водители чеченских сепаратистов, нельзя рассматривать иначе, как составную часть общей информационной войны, которую ведет Запад против России в связи с событиями на Северном Кавказе.

С недавних пор понятие «информационная война» прочно вошло в повседневный обиход россиян наряду с «дилером», «киллером», «дефолтом» и другой рыночной терминологией нового русского времени. Так называемые «информационные войны» стали едва ли не основной особенностью внутренних отношений в стране, характерной для последнего десятилетия, которое с полным основанием можно назвать десятилетием разгула российской квазидемократии. Информационные «боевые действия», поддерживаемые обычно в тлеющем режиме, накануне знаковых событий в стране — выборов парламента или президента, общероссийских референдумов — разворачиваются с особой остротой. То же самое происходит на региональном и местном уровне.

Но самой главной особенностью является то, что в последние годы внутренние информационные войны стали перманентной частью внутренней политики, проводимой кремлевскими властями и правительством.

Политический климат избирательных кампаний 1999—2000 годов практически полностью формировался под воздействием «информационной войны», развязанной между крупнейшими субъектами предвыборной борьбы. Результатами этой войны стало, прежде всего, дальнейшее снижение доверия населения к власти, нарастание определенной социальной апатии среди населения.

Разумеется, термин «информационная война» не совсем точно отражает то, что происходит на внутрироссийском информационном рынке. Трудно сказать, чего больше в наших информационных войнах — политики или уголовщины. Ведь недаром в словесном арсенале этих так называемых войн прекрасно прижились словечки из чисто блатного жаргона, такие как «замочить», «опустить», «разборка», которые применяют как нынешние делатели российской политики самого высокого уровня, так и новорожденная россий-

ская олигархия. Сращивание политики и криминалитета — одна из характерных черт процесса государственного строительства новой России. Естественно, оно не обошло стороной и сферу информации.

Принятие Государственной думой законов «О внесении изменений и дополнений в федеральные законы РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации» ставило целью поставить препятствия для прохождения криминальных элементов в представительные органы власти. Однако это не остановило попыток представителей криминальной среды от попыток закрепиться в этих органах.

Но самое главное — принятие этих законов не остановило применения грязных избирательных технологий, которые на выборах 1999—2000 годов стали основным оружием информационной войны.

Анализ информационного противоборства применительно к избирательным кампаниям и другим знаковым событиям новейшей российской истории позволяет выделить в их развитии ряд периодов.

Первый — с 1989 по 1991 год. Тогда основной доминантой избирательных технологий в предвыборной кампании была пропаганда положительных качеств претендентов. Однако такой подход себя не оправдал, особенно при большом количестве кандидатов, которые до выборов все были «хорошими», а после выборов, как правило, не оправдывали надежд избирателей. Этот период завершился выборами президента России в 1991 году.

Второй — с 1992 по 1994 год. Именно этот период можно считать периодом зарождения в России «грязных» избирательных технологий, основанных главным образом на войне компроматов. Зарождавшиеся в этот период имиджмейкеры и PP-фирмы, как и политические деятели, быстро сообразили, что намного проще и дешевле добиться успеха не путем доказательств избирателям своих высоких деловых качеств и своей полезности, а путем снижения авторитета своих политических противников и оппонентов путем озвучивания компрометирующих материалов или даже лживой информации на них.

Главным событием этого периода явилось противостояние между Верховным Советом РСФСР и президентом РФ Б. Ельциным. Наибольшей амплитуды информационная война между президентом и Верховным Советом достигла в период проведения референдума. Закончилось это противоборство, как известно, расстрелом первого демократически избранного российского парламента, принятием президентского варианта Конституции страны и досрочными выборами нового состава парламента — Госдумы.

Третий период — 1994—1996 годы. Наиболее характерным для этого периода явилось «массированное» применение в качестве боевых средств массовой информации. Особенно остро это проявилось осенью 1994 года, после известной акции, проведенной Федеральной службой охраны, которой руководил А. Коржаков, против зарождающейся масс-медиа империи В. Гусинского. Именно тогда «будущие информационные киллеры» начали осваивать весьма популярные в их среде и в настоящее время лозунги о «праве общественности знать факты, независимо от того, кому они выгодны» — хотя фактически подбор таких фактов осуществлялся и осуществляется ими весьма тщательно и явно тенденциозно.

Другими важными событиями периода явились очередные выборы в Госдуму и президентские выборы. Эти выборы характеризовались острым информационным противоборством между демократическими силами, которые возглавлялись тогдашней «партией власти» — НДР и «младореформаторской» верхушкой и левыми силами во главе с коммунистами. Это противоборство характеризовалось принципиальными идеологическими разногласиями. Вместе с тем правящая элита в этой борьбе имела неоспоримые преимущества, предоставляемые ей властными полномочиями, которыми она и пользовалась, в том числе для победы на выборах, не очень считаясь с чистотой применяемых средств и способов информационной борьбы. Достаточно вспомнить пресловутую «коробку из-под ксерокса».

В конце концов результаты информационных противоборств этого периода привели к отставке О. Сосковца и А. Коржакова и значительному укреплению команды «младореформаторов».

Четвертый период — 1996—1998 годы. Этот период явился периодом становления, развития, закрепления и укоренения в социально-психологической реальности новой России феномена «информационных войн» как постоянно действующего и нарастающего по силе воздействия фактора. Знаковыми событиями, которые вызвали особенно интенсивный рост информационного противоборства, явилась борьба вокруг продажи акций «Связьинвеста» и борьба олигархов, которые стремились взять реванш по результатам аукциона по ОАО «Связьинвест», против «младореформаторов».

Пятый, наиболее острый и бескомпромиссный период внутрироссийских информационных войн начался в конце 1998 года, после дефолта 17 августа. Закончится он не ранее президентских выборов 2000 года.

Начало этого периода было достаточно вялотекущим, но после образования движения «Отечество» интенсивность информационной войны шла по нарастающей. С особой остротой и интенсивностью информационное противоборство развернулось в преддверии выборов конца 1999—2000 года, охватывая все без исключения стороны профессиональной деятельности и личной жизни вовлеченных в него лидеров политических и поддерживающих их предпринимателей. По сути, в стране в этот период развернулась «гражданская информационная война».

Для этого периода характерны следующие особенности.

Одной из противоборствующей сторон, более того, инициатором необычайного резкого обострения информационной войны и ее организатором, включая массированное применение «грязных» избирательных технологий против политически неугодного движения явилась администрация президента Б. Ельцина, то есть как раз та властная структура, которая и должна была обеспечить провозглашенные президентом в его послании Федеральному собранию в феврале 1999 года «чистые и честные выборы» в избирательных кампаниях 1999—2000 годов.

Впервые за последнее десятилетие основным противником кремлевской команды явилась не левая коммунистическая оппозиция, а демократическое движение (ОПОО «Отечество» и блок ОВР), стоявшее на

рыночной платформе и выступавшее за продолжение демократических и рыночных преобразований. Глубинной причиной необычайно острой борьбы явилась боязнь кремлевской верхушки, близких к ней олигархов и примкнувших к ним скомпрометировавших себя «младореформаторов» потерять власть.

Характерной чертой информационной войны, которую Кремль вел против ОВР и его лидеров, явилось отсутствие каких-либо моральных или этических ограничений. Кампания по выборам в Госдуму 1999 года явилась наиболее «грязной» из всех избирательных кампаний последнего времени, причем ставка на «грязные» технологии была сделана совершенно умышленно, с учетом того, что одержать победу в соревновании идей, экономических и социальных программ в «чистой и честной борьбе» Б. Ельцин, окончательно скомпрометировавший себя за последние годы в глазах населения, не мог.

Главной фигурой — вдохновителем информационной борьбы был, безусловно, Б. Ельцин. В этом отношении нельзя заблуждаться ни его показной отстраненностью от предвыборной борьбы — достаточно вспомнить его поздравление Ю. Лужкову с очередной годовщиной работы мэром Москвы, которое, по сути, являлось, скорее, зловещим предупреждением, ни заявлениями членов команды Б. Ельцина о стремлении обеспечить народу России свободное волеизъявление на парламентских выборах.

Особенностью думской избирательной кампании было также то, что в ней для борьбы с главными противниками — блоком ОВР и его лидерами была открыто использована вся мощь государственной машины — авторитет и властные полномочия президента и председателя правительства, силовые и правоохранительные структуры, государственные финансы, государственные средства массовой информации, региональные «князья», зависящие от федеральных трансфертов.

Информационная предвыборная операция 1999—2000 годов, проводимая кремлевской командой, состояла из двух этапов и была нацелена на достижение нужных результатов на президентских выборах 2000 года. В связи с этим не следовало ожидать прекращения или даже затухания информационной войны после парламентских выборов. И действительно, основное

ее острие было по-прежнему направлено против лидеров ОВР Е. Примакова и Ю. Лужкова и на раскол блока.

Что касается способов и форм информационного воздействия на общество, наиболее широко применяемых в российской «гражданской информационной войне», то они в кампании 1999—2000 годов отличались исключительным разнообразием.

В принципе их можно разделить на три группы:

1. Административные. К ним можно, в частности, отнести: подбор «нужному» кандидату наиболее «проходного» избирательного округа, как правило, периферийного, с немногочисленным социально индифферентным населением и низким уровнем жизни или электоратом, жестко управляемым главой местной администрации; формирование «управляемых» избирательных комиссий, негласный контроль за их деятельностью и управление ею со стороны официальных властей различного уровня; соответствующий инструктаж и оказание давления на нижестоящих руководителей с тем, чтобы они обеспечили нужные результаты в подчиненных структурах; подбор и выдвижение «собственных» кандидатов, их административная поддержка с использованием властных полномочий, подчиненных СМИ, государственных средств; оказание давления на неугодных кандидатов со стороны властей с целью вынудить их снять свои кандидатуры или «притормозить» активность агитационной деятельности; голосование «строем», что особенно характерно для воинских частей, а также национальных районов с сильными родовыми и клановыми связями; возможная подтасовка при подведении итогов голосования, а также использование так называемых «мертвых душ» и не пришедших на голосование и др.

2. Пиаровские, арсенал которых постоянно расширяется. Используются, в частности: публикация компромата («ломовой», но для российских условий эффективный прием); публикация контролируемых рейтингов по принципу: «Выбери врага»; провоцирование преждевременного пика популярности оппонента (собственно, это произошло с блоком ОВР, который без особого противодействия со стороны кремлевских оппонентов достиг пика своей популярности в августе — сентябре, после чего Кремлем была предпринята мас-

сированная информационная атака на блок, захвативший его руководителей врасплох); умышленное усиление других оппонентов. В качестве таких оппонентов в кампании 1999 года были использованы КПРФ, на которую была сделана главная ставка, блок В. Жириновского и СПС; формирование «команды» кандидатов, противостоящих наиболее опасному претенденту (такой прием был использован, в частности, на выборах мэра Москвы); выдвижение кандидатов — ложных сторонников основного конкурента, которые в своих выступлениях дискредитируют программу и идеи основного противника, и т. д.

В рамках таких пиаровских компаний особая роль отводится СМИ и формам подачи ими материалов, компрометирующих атакуемого кандидата или партию. Однако компромат, как правило, далеко выходил за рамки истинных фактов, уличающих кандидата в нечестности, коррупции, взяточничестве и других неблаговидных или уголовно наказуемых поступках и основывался на откровенной лжи. Особенно этим грешили прокремлевские СМИ, включая государственные, тем более что Кремль и близкие ему «информационные короли» владеют абсолютно большей частью российских электронных средств (ТВ, радио) — наиболее эффективных по масштабам охвата российского электората и воздействию на него.

Среди этого вида «компромата» использовались, в частности, «чистый» вымысел (типа «Лужков купил в Германии лошадь»); гипертрофированное представление некоего истинного события (типа «скрытых» от налоговой полиции Е. Примаковым и Ю. Лужковым давно сгнивших автомобилей «Жигули», «берцовой кости» Е. Примакова и т. п.); «чистая» правда, когда о каком-либо событии или поступке объекта информационного воздействия сообщается только выгодная его противнику (оппоненту) часть (пример — известный анекдот о соревнованиях по бегу американского (прибежал первым) и русского спортсменов. Американский комментатор сообщает: «Спортсмен США прибежал первым. Русский занял последнее место»; российский комментатор: «Наш спортсмен завоевал серебряную медаль; американец прибежал предпоследним»); слухи («по информации, полученной от осведомленного источника», «из источника, близкого к имя-

рек» или даже просто — «по слухам» и т. д.). Так, незадолго до выборов в Госдуму прокремлевские СМИ распространили слухи о якобы имеющемся у блока ОВР и КПРФ совместном плане «17 января» по легитимному свержению правительства В. Путина и анализом негативных последствий подобного шага для страны; намеки (подавался набор тенденциозно подобранных фактов, однозначный вывод по которым напрашивается сам собой) и другие способы.

3. Бытовые. Это набор примитивных, но довольно эффективных для российских условий средств и способов, которые широко использовались и в парламентской избирательной кампании. К ним относятся: ночные звонки в поддержку оппонента, выдвижение кандидатов-однофамильцев, наклейка плакатов на автомобили избирателей, раздача недоброкачественных продуктов от имени неугодного кандидата, обращение представителей сексуальных меньшинств или бандитских группировок в поддержку кандидата, голосование за водку или деньги, подкуп или запугивание оппонента с принуждением снять кандидатуру и т. п.

Надо признать, что в целом проведенная кремлевской командой информационная операция в преддверии парламентских выборов принесла свои результаты. Сформированный Кремлем на скорую руку блок «Единство», не имевший ни своей программы, ни ярких политиков или экономистов, ни известных блокообразующих партий или движений, никакого опыта предвыборной борьбы и не проявлявший особой активности (особенно на фоне других партий и блоков) в предвыборной кампании, всего за два месяца был «раскручен» до политической силы, сразу же занявшей лидирующее положение в политическом спектре России.

Но вместе с тем объяснять сенсационный успех блока «Единство» только удачно проведенной кремлевской администрацией информационной кампанией было бы в корне неверно. Надо учесть то обстоятельство, что избирательные технологии, независимо от их чистоты и интенсивности, исходя из теории и мировой практики, могут дать не более 10—15 процентов голосов избирателей. За блок же проголосовали почти четверть избирателей, принявших участие в выборах.

Объяснений этому феномену несколько. Помимо

беспрецедентной и даже беспардонной властной и материальной поддержки со стороны президента и председателя правительства сыграла, конечно, свою роль чеченская кампания, начатая в удачный момент и шедшая пока без особых провалов на тот момент.

Но, пожалуй, самое главное — это низкая политическая культура российского электората, низкий уровень его политического самосознания. Это — достаточно опасный симптом, несущий в себе потенциальную опасность прихода к власти в России практически любых, в том числе крайне радикальных политических сил и лидеров.

Одной из главных особенностей избирательной кампании 1999—2000 годов является все более широкое использование сети Интернет, в том числе для «грязных» избирательных технологий. Популярность этой сети, особенно в больших городах — Москве, Петербурге, Екатеринбурге и других, а также среди более молодой части избирательного спектра, быстро растет. В настоящее время в России из 4 млн. персональных компьютеров около 25 процентов имеют выход в Интернет. Из них около 55 процентов пользователей приходится на Москву, Петербург, Московскую и Ленинградскую области.

Можно утверждать, что избирательная кампания 1999—2000 годов открыла новый мощный и перспективный инструмент избирательных технологий — сеть Интернет. Его влияние, масштабы применения и разнообразие форм воздействия на электорат наверняка будут расти ускоряющимися темпами. И тот, кто окажется в хвосте этого процесса, может сильно проиграть.

Каковы возможности сети Интернет с точки зрения ее использования для информационного противоборства в период избирательных кампаний? Речь идет о российских условиях, так как на Западе эта сеть используется для предвыборных целей давно и широко.

Большинство представителей политической и экономической элиты страны, политических и общественных партий и движений имеют выход в Интернет и свои сайты в этой сети. Политическая элита России все в большей мере осознает, какое действенное оружие информационного влияния она получает, используя Интернет. Первыми эту сеть начали использовать

в целях предвыборной борьбы правые. Еще в феврале 1999 года С. Кириенко открыл свой дискуссионный клуб — так называемый Интернет-парламент, который впоследствии активно использовался в парламентской избирательной кампании. Значительное количество пользователей проживает в регионах. Поэтому можно уверенно прогнозировать рост влияния Интернета на исход будущих избирательных кампаний и на предпочтения населения России.

Известно, что рекламная кампания в ходе предвыборной борьбы становится все более и более дорогой, требует больших расходов. Ужесточается и финансовый контроль за расходованием средств на избирательную кампанию, что затрудняет использование «теневых» денег. В этом смысле Интернет предоставляет заметные преимущества.

Интернет обладает исключительной оперативностью. По мере расширения в России количества пользователей сети, имеющих адреса электронной почты, политики получают возможность оперативно передавать «индивидуальное» сообщение избирателю, вести с ним диалог, учитывать мнение избирателей о тех или иных проблемах непосредственно «из первых рук», проводить массовые или индивидуальные опросы. Новые возможности получают и доверенные лица кандидата, агитаторы политических партий.

Интернет — это средство воздействия, прежде всего, на молодую часть электората, которая в настоящее время не отличается социальной активностью, однако ее интеллектуальное и духовное влияние на другие группы российского электората бесспорно.

Использование Интернета позволяет значительно расширить границы социологических опросов, количество опрашиваемых респондентов, перечень изучаемых социологами проблем. Да и достоверность социологических замеров намного повысится, так как опрашиваемые будут давать более продуманные, «письменные» ответы. Конечно, речь о достоверных рейтингах кандидатов или партий пока не идет, так как пользователи сети — нерепрезентативная выборка электорального массива. В этой связи, например, опросы, которые публиковались некоторыми российскими СМИ в преддверии выборов 1999 года, нельзя рассматривать иначе, как применение «грязных» технологий. Например,

опросы, проводимые С. Кириенко в преддверии выборов мэра Москвы, которые регулярно публиковались в «Независимой газете». Однако в будущем, при значительном расширении пользователей сети в России и, главное, создании соответствующей нормативно-правовой базы, и такие социологические опросы будут правомерными.

Вместе с тем Интернет создает определенную опасность для распространения «грязных» избирательных технологий. Теневыми сторонами использования Интернета является возможность практически безнаказанной публикации и распространения непроверенных фактов, порочащие кандидатов, слухов, дезинформации. Причем обнаружить источник клеветы и привлечь его к судебной ответственности будет крайне сложно.

Факты использования Интернета как инструмента «грязных» технологий имели место в избирательной кампании по выборам Госдумы-99. Находили они применение и в президентской кампании 2000 года. Это — неизбежные издержки использования такого мощного инструмента, как сеть Интернет. Минимизировать негативные последствия использования сети в избирательных кампаниях возможно как технологическими и программными методами, так и созданием соответствующей законодательной и нормативно-правой базы.

Отсутствием правовой базы в отношении использования сети Интернет и ее статуса в системе средств массовой информации воспользовался, в частности, известный специалист по «грязным» технологиям, игравший в парламентской кампании 1999 года на стороне кремлевской команды, президент Фонда эффективной политики Г. Павловский, который публиковал в день выборов на своем сайте промежуточные результаты голосования, что запрещено законом РФ «О выборах депутатов Государственной думы». Он мотивировал это нарушение тем, что Интернет по российским законам не относится к средствам массовой информации.

Кто были хозяевами ведущих российских СМИ накануне парламентских выборов 1999 года?

7 июля 1999 года Б. Ельцин подписал указ о создании Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. В числе главных

задач новой федеральной структуры были определены «консолидация всех возможностей государства по идеологической работе», «создание благоприятных, в первую очередь экономических и правовых, условий для работы со средствами массовой информации и массовых коммуникаций, установление прозрачных и справедливых отношений государства как такового и средств массовой информации и других предприятий данной отрасли».

Таким образом, власть создала учреждение под специфическую задачу — парламентские и президентские выборы.

Создание нового министерства печати в значительной степени ускорило завершение процесса передела собственности в сфере СМИ и одновременно спровоцировало начало информационной войны, которую в преддверии выборов развязали различные группировки, а также некоторые государственные структуры против своих политических оппонентов через подконтрольные средства массовой информации.

К концу 1999 года в России насчитывалось примерно 23 тысячи периодических изданий самой различной ориентации и направленности и около 500 телекомпаний. Однако несмотря на многообразие российских СМИ, по-настоящему независимых из них совсем немного. Многие газеты, особенно в отдаленных районах, подконтрольны местным властям, практикующим зачастую настоящую цензуру. Если федеральные органы исполнительной и законодательной власти контролировали лишь 5 процентов общего тиража центральных печатных СМИ (4 издания), на региональном уровне под контролем местных властей находилось примерно 30 процентов тиража (около 830 изданий) региональных СМИ. В некоторых субъектах Федерации чуть ли не половина местных изданий частично принадлежит местной администрации. Так, в Адыгее 45 процента газет учреждены с участием госорганов, в Дагестане — 52 процента, в Калмыкии — 53 процента, в Карелии — 33 процента.

Большинство же крупнейших российских газет, журналов, радио- и телевещательных компаний контролируются представителями финансово-промышленных и политических кругов, сформировавшими на их основе медиа-холдинги. Вот наиболее влиятельные из них.

Холдинг **«Медиа-Мост»** (президент **В. Гусинский**) включает в себя структуры печатных (газета «Сегодня», журналы «Итоги», «Семь дней», «Караван историй», «Искусство кино», издательство «7 дней») и электронных СМИ. Последние объединены в «НТВ-холдинг», в который входят телеканал НТВ, спутниковый «НТВ Плюс», канал «НТВ интернэшнл», ориентированный на русскоязычную аудиторию за рубежом, региональная телесеть ТНТ, кинокомпании «Мосфильм» и «НТВ-профит», радиостанция «Эхо Москвы» и ряд других компаний. Все они самостоятельны, но контрольный пакет каждой из них принадлежит «Медиа-Мосту», в собственности которого имеется также спутник связи, который позволяет одновременно транслировать до 50 телеканалов. 70 процентов акций холдинга находятся в личном владении В. Гусинского.

Среди СМИ, находящихся под контролем **Б. Березовского** — телеканалы ОРТ, ТВ-6; «Независимая газета» вместе с многочисленными приложениями, «Новые Известия», «Российские вести», «Общая газета», радиостанция «Наше радио», сетевое информационное агентство «Национальная служба новостей» и УКВ-радио «НСН», журналы «Огонек», «Крокодил», «Аэрофлот» и «Весь мир».

В августе 1999 года Б. Березовскому удалось также получить контроль над ИД «Коммерсант» (ежедневная газета «Коммерсантъ», журналы: «Коммерсантъ-власть», «Домовой», «Автопилот»).

ЗАО «Газпром-медиа» (РАО «Газпром» — Р. Вяхирев): телерадиокомпания «Прометей», газеты «Трибуна», «Деловой мир», «Сельская жизнь». Через банк «Империал» «Газпром» финансирует еженедельный журнал «Профиль». РАО владеет 30 процентами акций телекомпании НТВ.

Холдинг издает журналы: «Газовая промышленность», «Фактор», «Нефтегазовая вертикаль», а также спонсирует издание около ста региональных газет, которые во многом определяют политическую погоду в российской глубинке.

Телевидение «Газпрома» вещает на спутниковом канале и транслируется на десятки регионов России.

По оценкам экспертов, подобная информационная политика свидетельствует об ориентации этого медиахолдинга, прежде всего, на регионы. «Газпрому-ме-

диа» вряд ли грозит финансовый коллапс: естественные монополии располагают достаточными средствами для того, чтобы патронируемые ими СМИ остались на плаву.

ЗАО «Проф-Медиа» (ФПГ «Интеррос» — В. Потанин) контролирует: информационное агентство «Прайм-ТАСС», газеты «Известия» (на паях с «ЛУКойлом»), «Неделя», «Комсомольская правда» и ее региональные приложения, «Экспресс-газета», журналы «Закон», «Эксперт» и др.

Этот медиа-холдинг больше других пострадал в результате августовского 1998 года финансового кризиса. В частности, как самостоятельное издание прекратила существовать довольно интересная и содержательная газета «Русский телеграф», слившаяся с «Известиями». Подобная участь постигла и «Финансовые известия», которые превратились в экономический блок тех же «Известий». Существенно «похудела» (кадрово, финансово и полосно) «Комсомольская правда».

В. Потанину принадлежит также ИД «Сегодня-пресс», который в свою очередь владеет пакетами акций газет «Антенна» и «Экспресс-газета». Он же имеет определенное влияние на радиостанцию «Европа плюс».

Концерн **«Индепендент Медиа» (Дерк Сауэр — Нидерланды)**. Это газеты «Капитал», «Настоящее время», «Москоу таймс» (на англ. языке), журналы «Домашний очаг», «Плейбой», «Космополитен». С сентября 1999 года начала выходить ежедневная газета для деловых кругов «Ведомости». 12,5 процента акций концерна принадлежат «Роспрому» (М. Ходорковский).

Холдинг **«Альфа-ТВ»** (генеральный директор — **А. Дышлюк**, председатель совета директоров — **П. Авен**, президент — **С. Лисовский**). Холдингу принадлежат:

— 33 процента акций СТС (сеть телевизионных станций с центром в Москве), вещает в режиме реального времени на 8 часовых поясах России, объединяет 143 региональные телекомпании в 200 городах;

— 33 процента акций телекомпании СТС-8, вещает в Москве на 27-м канале дециметрового диапазона;

— 33 процента акций компании «Санкт-Петербург. 6-й канал»;

— 33 процента акций канала «Ника-ТВ» (Нижний Новгород), вещает на город и область на 31-м дециметровом канале;

— 70 процентов акций телеканала «Муз-ТВ», вещает 20 часов ежедневно в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Перми.

Эксперты считают, что «Альфа-ТВ» будет превращаться в многопрофильный медиа-холдинг. В частности, предполагается, что в него войдут издаваемые компанией С. Лисовского журналы «ТВ-Парк», «Кинопарк», «Я сама» и «Медведь».

В отличие от других структур медиа-бизнеса этот холдинг имеет сильную рекламную базу — «Премьер СВ» (владелец С. Лисовский). Кроме того, в нем участвует иностранный капитал американской инвестиционной корпорации.

Комплекс масс-медиа «московской группы» включает в себя, помимо канала «ТВ-Центр», кабельный канал «ТВ-Центр — Столица», Городское кабельное телевидение (ГКТ), радиостанции «Говорит Москва», «М-Радио», «Спорт-канал», а также газеты «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Тверская, 13», «Деловая Москва», «Куранты», ИД «Центр плюс», ИД «Пушкинская площадь» (газета «Версты» и др.).

К так называемым **независимым** СМИ, проводящим относительно самостоятельную информационную политику по отношению к крупнейшим медиа-холдингам и не определившим пока свои политические пристрастия, аналитики относят:

ИД «Аргументы и факты» (В. Старков): газеты «АиФ», «Интерфакс — АиФ», «АиФ — Я — молодой» и другие, региональные приложения;

ИД «Экономическая газета» (журналы «Журналист», «Чудеса и приключения» и другие 39 изданий); Газета **«Век»**.

Формально независимой является и весьма влиятельная медиа-группа **»Московский комсомолец»** , которая практически полностью принадлежит П. Гусеву. В нее, кроме собственно газеты «Московский комсомолец» и ее региональных приложений, входят «МК-Бульвар», «МК-Воскресенье», журналы «Бизнес в России», «Деловые люди», «Охотничья газета», журнал «Магнум».

Особую группу составляют **ведомственные СМИ**,

из которых к наиболее влиятельным в соответствующих отраслях народного хозяйства эксперты относят газету «Гудок», «Строительную газету», «Учительскую газету».

Федеральная исполнительная власть полностью контролирует второй по мощности и зоне охвата телеканал РТР, канал «Культура», всероссийские радиостанции «Радио России», «Маяк», «Радио «Орфей», информационные агентства ИТАР-ТАСС и РИА «Вести» («Новости»). Из печатных СМИ — «Российскую газету», журналы «Российская Федерация» и «Россия» (временно не выходит). Государству принадлежит также контрольный пакет акций (51 процент) ОРТ.

Телевидение. Особая роль в парламентской кампании 1999 года принадлежала телевидению, которое стало основным средством воздействия на избирателей и давления на конкурентов, и за контроль над которым ведут ожесточенную борьбу различные олигархические и политические группировки. Ситуация на основных центральных телеканалах складывается следующим образом.

ОРТ. Государство владеет 51 процентом акций. Три частных акционера контролируют остальные 49 процентов акций. Основной из них — консорциум банков «ОРТ — КБ» (Объединенный банк, «Менатеп», «СБС — Агро», «Альфа-банк») — в совокупности распоряжается 38 процентами акций. Два других частных акционера: АО «ЛогоВАЗ» — 8 процентов акций, РАО «Газпром» — 3 процента акций. (Объединенный банк близок «ЛогоВАЗу», обе структуры контролируются Б. Березовским). Эксклюзивное право на продажу рекламного времени принадлежит рекламному агентству «Премьер СВ».

Начиная с осени 1998 года, когда несколько предприятий связи подали иски на ОРТ за накопившуюся задолженность, компания находится в сложном финансовом положении. Лишь благодаря вмешательству правительства РФ начавшийся процесс банкротства ОРТ был временно приостановлен, и компании был предоставлен кредит на 100 млн. долларов под залог части акций, выделенных поровну государственными и частными акционерами ОРТ. Кредит предназначен для погашения долгов, перекрывающих эту сумму. Руководство ОРТ рассчитывает вернуть деньги за счет

рекламных поступлений, однако, по оценкам специалистов, общий объем телевизионной рекламы в 1999 году на все каналы не превышал 500 млн. долларов. С учетом этого шансы у ОРТ вернуть 100 млн. долларов незначительны.

По мнению некоторых экспертов, подобное положение вещей вполне устраивает Б. Березовского. В случае получения ОРТ дополнительных кредитов для расплаты с долгами он получит возможность еще какое-то время использовать в своих целях рекламные доходы ОРТ, а это весьма значительные суммы. Но гораздо предпочтительней для него другой вариант: кредит не продлевают, пакет акций выставляется на торги и покупается подконтрольной ему структурой. При таком раскладе главным акционером ОРТ становится он сам.

Правда, в Белом доме подстраховались. Контроль над ОРТ во время выборов был сохранен за государством, так как все заложенные акции оставались в управлении у акционеров. Более того, договор предусматривает право акционеров — представителей государства по договоренности с кредитором заменять залог. Если дело дойдет до продажи заложенного пакета, то вместо акций ОРТ государство разрешит продать ВЭБу, например, акции «Роснефти» и из вырученной суммы вернуть кредит. В таком случае ОРТ будет должно непосредственно правительству, а 51 процент его акций по-прежнему останется в госсобственности.

Вместе с тем Б. Березовский, используя свое влияние, предпринял ряд мер по укреплению своих позиций на ОРТ и ослаблению зависимости от государства. В частности, воспользовавшись очередной сменой правительства, ему удалось обновить в свою пользу состав коллегии госпредставителей ОРТ, которую возглавил тогдашний глава администрации президента РФ А. Волошин. Благодаря этому Б. Березовский на собрании акционеров ОРТ провел решение, согласно которому кандидатуру, представленную президентом на пост генерального директора телекомпании, будут утверждать (соответственно, и снимать) квалифицированным большинством акционеров, что означало усиление влияния частных акционеров, то есть самого Б. Березовского.

Следующим шагом олигарха стала замена на посту

генерального директора ОРТ И. Шабдурасулова («по собственному желанию»), не поддержавшего наиболее резкие формы информационной войны против НТВ, на К. Эрнста.

В преддверии предвыборных баталий Б. Березовский сформировал соответствующую команду. Руководить информационным блоком были назначены известные по работе в «Независимой газете» Т. Кошкарева и Р. Нарзикулов, под чьим руководством в бой были брошены «главные силы» — «телекиллер» С. Доренко, П. Шеремет и М. Леонтьев. Именно эта команда развязала информационную войну сначала против «Газпрома» и НТВ, а затем против блока «Отечество — Вся Россия», московского правительства и лично против Ю. Лужкова и его семьи, а также и против лидера ОВР Е. Примакова.

Для этих целей была несколько изменена сетка вещания. В частности, для усиления воздействия на аудиторию и отвлечения внимания зрителей от главного конкурента — аналитической программы НТВ «Итоги», программа С. Доренко была поставлена на воскресенье в 21.00. По данным группы «Гэллап медиа», в течение первых трех недель после выхода этой программы ее рейтинг на 2—3 пункта перекрывал рейтинг «Итогов», не говоря уже об аналитических программах на других каналах. Вместе с тем эксперты полагали, что такие результаты стали возможными потому, что, во-первых, вещание ОРТ охватывает 100 процентов населения России (в отличие от НТВ), а во-вторых, в результате эпатирующей манеры поведения ведущего, откровенно «сливавшего» компромат на ОВР, Ю. Лужкова и Е. Примакова, которых Кремль рассматривал в качестве своих главных политических противников. Последующие передачи вызывали уже меньший интерес. В аналогичной манере построена и ежедневная программа Леонтьева «Однако».

РТР, «Культура». Телеканалы государственной компании **ВГТРК.** Потенциальными зрителями РТР являются 92,2 процента населения России. Эксклюзивное право на продажу рекламного времени на РТР принадлежит агентству «Видео интернэшнл», на канале «Культура» коммерческая реклама не размещается.

В преддверии выборов руководству ВГТРК удалось завершить формирование Единого производственно-

технологического комплекса (ЕПТК) государственных электронных средств массовой информации (медиахолдинг). Более 80 региональных телерадиокомпаний вошло в холдинг как дочерние предприятия ВГТРК и 92 радиотелевизионных передающих центра — как филиалы. Подписано около 30 соглашений о сотрудничестве с администрациями субъектов РФ.

Руководство ВГТРК стремится к унификации штатного расписания во всех компаниях и достижению стилевого единства региональных ГТРК, входящих в холдинг, продолжается процесс создания межрегиональной телесети и формирования корпоративной ленты с помощью РИА «Новости».

Намечена централизация в области рекламы. В Москве создается АО «Центральное рекламное агентство» (ЦРА), учредителями которого станут ВГТРК и «Видео Интернэшнл». В регионах также появятся АО с участием ЦРА, региональных телекомпаний и той же «Видео Интернэшнл». В блоке федеральной рекламы дается возможность местным рекламодателям размещать свои ролики.

Канал РТР получил коммерческий кредит (по одним данным, 100 млн. долларов, по другим — 50 млн. долларов). Основной кредитор — «Внешэкономбанк». Средства потребовались для реорганизации структуры вещания с акцентом на решение политических задач, в первую очередь для предвыборной поддержки политических объединений, устраивающих Кремль (блок «Единство») и для дискредитации неугодных политиков и объединений. Не случайно именно по РТР по прямому указанию президентской администрации была показана скандальная пленка с сюжетом о человеке, «похожем на Ю. Скуратова». По политическим соображениям на канале была закрыта программа «Совершенно секретно» А. Боровика, который не скрывал своих симпатий к Ю. Лужкову и блоку ОВР.

В сентябре 1999 года на РТР была введена новая сетка вещания, в которой по соображениям экономии не оказалось места ряду общественных и культурных программ. Некоторые авторы ушли сами, отвергнув условия руководства о предварительном просмотре авторских программ.

Введено круглосуточное информационное вещание на регионы, начало основного выпуска программы

«Вести» перенесено с 20.00 на 21.00, а каждая местная телекомпания может давать собственный 10-минутный выпуск новостей в связке с вечерними «Вестями». Подобные меры, по мнению руководства ВГТРК, должны поднять весьма низкий рейтинг информационного вещания канала.

Одним из главных «проводников» позиции Кремля по-прежнему является аналитическая программа «Зеркало» (Н. Сванидзе), информационно-аналитическое обеспечение которой осуществляется через возможности РИА «Новости», а также аналитиков администрации президента РФ, в том числе группы главного специалиста по информационным технологиям Г. Павловского.

«ТВ-Центр» (ТВЦ). Аудитория — Москва и область плюс еще 50 пунктов по всей территории России. Канал имеют возможность смотреть 44,2 млн. человек. Контрольный пакет акций — у московского правительства.

По оценкам экспертов, августовский кризис 1998 года, серьезные ошибки руководства «ТВ-Центр» в управленческой сфере привели к тому, что к середине 1999 года на одном из наиболее благополучных ранее телеканалов сложилось тяжелая экономическая ситуация. Общая задолженность, по официальным данным, составила около 20 млн. долларов.

После выделения каналу Ю. Лужковым дополнительных средств сверх утвержденных Мосгордумой бюджетных расходов и проведения радикальных кадровых изменений ситуация на канале стала постепенно меняться к лучшему.

В начале сентября 1999 года на ТВЦ была введена новая сетка вещания. Прежде всего, радикальным образом реформирована вся структура информационного вещания. Новости (программа «События») выходит с 8 утра с жестким 3-часовым шагом. Ежедневно по будням в 20.00 — часовая программа, включающая в себя блоки новостей, прямой эфир с гостем студии в формате «Героя дня» и комментарий на тему дня. По субботам — итоговая аналитическая программа «Неделя».

Для реализации этого проекта приглашена следующая команда — В. Кикнадзе, Л. Млечин, Д. Киселев, В. Фляркоский. Некоторые из них, помимо ведения

новостных и аналитических программ, делают свои авторские программы (например, Д. Киселев — «Национальный интерес»).

Постепенно происходило осуществление других проектов, в том числе в прямом эфире (дневной 3-часовой телеканал «Дата», общеполитический журнал «Просто Россия», ночной молодежный канал «Да!»).

Приоритетным направлением становится также приобретение и показ лучших советских, российских и зарубежных фильмов.

Проведенный анализ информационно-аналитических программ ТВЦ (пожалуй, кроме «Постскриптум» А. Пушкова) свидетельствует о том, что, несмотря на достаточно профессиональную команду ведущих, эти программы еще заметно уступают конкурентам. По мнению экспертов, одна из основных причин этого — отсутствие аналитической структуры, которая бы осуществляла соответствующее информационно-аналитическое обеспечение передач, в том числе документального характера. Без такой структуры невозможно разработать внятную стратегию информационно-аналитического вещания, избрать нужную стратегию и тактику и последовательно придерживаться выбранной линии.

НТВ. Зрительская аудитория — 104 млн. человек. Охват — территория России, но в основном население больших городов.

Компания инкорпорирована в «НТВ-холдинг», контрольный пакет акций которого принадлежит группе «Медиа-Мост» (В. Гусинский). РАО «Газпром» владеет 30 процентами акций, которые отданы в управление группе «Медиа-Мост». Эксклюзивное право на продажу рекламного времени имеет рекламное агентство «Видео интернэшнл».

НТВ долгое время была наиболее благополучной из всех ведущих российских телекомпаний. Она оснащена первоклассной техникой и оборудованием, использует пять спутниковых каналов. Все это позволяет ее журналистам оперативно передавать, в том числе прямо в эфир, самую свежую информацию. В области новостных программ (им отводится от 4,5 до 6 часов эфирного времени ежедневно) НТВ в России уверенно занимает ведущие позиции, а еженедельная аналитическая программа «Итоги» (Е. Киселев) на протяжении

ряда лет стабильно сохраняет высокий рейтинг среди аналогичных программ, превратившись, по существу, в знаковую. В ней постоянно принимают участие (чаще всего в прямом эфире) ведущие российские политические и общественные деятели, представители исполнительной и законодательной власти, деловых кругов.

Информационно-аналитическое обеспечение (весьма качественное) «Итогов» и всего блока информационного вещания НТВ обеспечивают, помимо собственной группы аналитиков, также соответствующие структуры группы «Мост».

НТВ отличается также продуманной кадровой политикой, в основе которой лежит профессионализм. В частности, компания берет на работу многих известных тележурналистов, продюссеров, ведущих программ, которые по тем или иным причинам были вынуждены уйти с других каналов. Среди них — С. Сорокина («Герой дня»), Б. Берман и Э. Жандарев («Абзац») и др.

Тем не менее глубокий финансовый кризис затронул и НТВ. По оценкам ее руководства, «жизнь в условиях если не нищеты, то благородной бедности предопределена на несколько лет вперед». Канал вынужденно сокращает все, что можно, — покупные программы, сотрудников, часы вещания (начинает работу уже не в 6, а в 7 — 8 часов утра; по будням заканчивает ее на час раньше), отказался от многих амбициозных, но дорогих программ.

Финансовые трудности НТВ и всей группы «Медиа-Мост», помноженные на невыгодные для Кремля политические предпочтения ее владельцев стали поводом для нападок на В. Гусинского и «Медиа-Мост». Эта летняя стычка между медиа-магнатами за контроль над информационным пространством (и голосами потенциальных избирателей) превратилась в настоящую информационную войну, ставшую атрибутом «новых предвыборных технологий», широко применявшихся в ходе думской избирательной кампании, и практически продолжалась до последнего времени.

«ТВ-6 Москва». Аудитория — более 10 млн. человек в России, странах СНГ и Балтии. На дальнее зарубежье вещание ведется через спутник.

После покупки летом 1999 года у Э. Сагалаева его пакета акций (37,5%) ТВ-6 Б. Березовский практически

полностью контролирует канал. В общей сложности он владеет 75 процентами акций (АО «ЛогоВАЗ» принадлежит 37 процентов акций). Из оставшихся акций 15 процентов принадлежат компании «ЛУКойл», 10 процентов московскому правительству.

Эксклюзивное право на размещение рекламы имеет агентство «Премьер СВ».

Установление Б. Березовским полного контроля над ТВ-6 было связано с его стремлением включить канал в предвыборный «телевизионный пул» ОРТ, РТР, НТВ. Именно поэтому впервые за время существования канала приоритет был отдан информационному и общественно-политическому вещанию. Заместителем генерального директора по политическому анализу и прогнозированию был назначен Э. Гиндилев (бывший зампред РТР, с чьим именем связывают взлет «Вестей» в 1997 году).

С сентября 1999 года введена новая сетка вещания. В частности, вечерние новости выходят ежедневно в 20.00 и 23.00 (когда на других центральных каналах нет информационных программ). После двадцатичасового выпуска — информационно-публицистическая программа «Избирком» — комментарии к главной новости дня (нечто среднее между «Подробностями» и «Героем дня»).

Перед ТВ-6 в качестве основной задачи владельцем была поставлена задача на парламентских выборах «нарастить политический капитал» с тем, чтобы к президентским выборам можно было бы в полной мере использовать канал в своих интересах.

Однако решению этой задачи мешало отсутствие у канала собственного производителя новостей. Для ТВ-6 их готовила «Телевизионная служба новостей» — независимая от Б. Березовского структура во главе с А. Гурновым (акции ТСН принадлежат «ЛУКойлу»), которой канал задолжал свыше 2 млн. долларов. Подобное положение не устраивало Б. Березовского, которому независимые новости были не нужны. Для него информация — это проверенное оружие в борьбе со своими политическими и коммерческими конкурентами. После неоднократных неудачных попыток подмять ТСН под себя Б. Березовский на собрании акционеров ТВ-6 пробил решение отказаться от ее услуг и начать собственное производство новостей. С 25

октября 1999 года выпуски ТСН на канале прекращены.

Ситуация с региональными СМИ характеризуется их значительной зависимостью от властей и местных финансов. Активно происходит процесс их сращивания с властями, причем политически-принудительно: только сверхлояльность к режиму главы территории обеспечивает сохранность издания в информационном пространстве, ярким примером чему служат Калмыкия, Башкирия, Татарстан и ряд других субъектов РФ. Коммерческими и потому сколько-нибудь независимыми там позволено быть сугубо рекламным изданиям.

Поэтому кандидатам в парламентарии, равно как и кандидатам в президенты, агитационно-пропагандистские услуги региональных СМИ продавались втридорога: цена, помимо денежного выражения, во многом определялась «угодностью» претендента главе администрации, а сама эта «угодность» списком уступок, послаблений и привилегий для последнего.

В связи с этим роль региональных информационных инструментов была даже выше, чем в столице, поскольку проведенные социологические исследования показывают, что население отдает предпочтение местным СМИ.

Собственные цели и подобные тенденции побуждали федеральных политиков и медиа-магнатов к активному выходу на информационное пространство страны для создания соответствующих позиций в региональных СМИ.

В частности, компания «ТВ-6 Москва» устремилась в Западную Сибирь и Поволжье с целью создания сетевой системы в партнерстве с местными ТРК.

НТВ разрабатывает региональный проект создания единой системы ТНТ, который за счет автономных вещательных возможностей «тарелок» «НТВ-Плюс» создает для этой компании весомые преимущества перед конкурентами.

Холдинг «Альфа-ТВ» (финансовая группа «Альфа» вкупе с С. Лисовским) подчинил своему влиянию примерно 145 станций в 200 городах с потенциальной аудиторией от 70 до 100 млн. человек.

«Газпром» через принадлежащую ему ТРК «Прометей» опекает многие местные (особенно — город-

ские) теле- и радиокомпании во всех регионах отраслевого присутствия этой гигантской, в том числе и по своей географии, монополии.

Уяснив, в чьих руках находятся влиятельные СМИ, становится понятно, кто и почему победил на думских выборах в декабре 1999 и на президентских выборах в марте 2000 года.

Глава 7

ПОДВЕЛИ АДАМА К ЕВЕ И СКАЗАЛИ: «ВЫБИРАЙ СЕБЕ ЖЕНУ»

Что показали думские выборы. — Сила и слабость КПРФ. — Почему «Яблоко» набрало меньше голосов. — В. Жириновский «раскручивал» себя, а не свою партию. — Феномен «Единства». — Кит, выброшенный на берег. — На кого опирался В. Путин. — Надо ли отдавать победу олигархам? — Президентские выборы как зеркало кризиса российского либерализма. — Будет ли «государственнический» блок?— Власть поворачивается лицом к общенациональным интересам

По мнению экспертов, результаты парламентских выборов свидетельствовали об общем снижении рейтинга «старых» политических партий и движений, господствовавших в прежней Думе. Это было связано с разочарованием в их противоречивой и непоследовательной политике, лживости и коррумпированности части депутатского корпуса.

19 декабря 1999 года проголосовало меньше избирателей, чем в 1995 году (60% против 64,7). Заметным был процент голосовавших «против всех» (3,32%). Снижение явки и отказ в доверии всем кандидатам сразу — свидетельство недоверия к власти, основным партиям и кандидатам. Причина — дезориентация избирателей, оглушительный обратный эффект информационных войн и «грязных» технологий. Для власти и для общества в целом это симптом начала «распада структур» массового сознания.

Одной из главных сенсаций выборов стал результат «Союза правых сил» (СПС) — более 8,5 процента. Есть два объяснения феномену правых: жесткая позиция СПС по Чечне и рейтинговая подпитка блока премьером В. Путиным. Это ответ на вопрос «почему?», но не

ответ на вопрос «как?». На какие ресурсы опирался СПС, что позволило ему победить?

СПС — это пример умелого использования политтехнологий. Успех союза стал возможен благодаря тому, что А. Чубайс объединил в себе главного финансиста-администратора, главного идеолога и главного технолога блока. Это крайне редкое сочетание. При этом СПС не опирался на серьезные административные ресурсы — А. Чубайс просто «подключил» рейтинг В. Путина к «раскрутке» блока. Он решил чисто технологическую задачу — уловил доминирующую идею «война до победного конца» и дополнил ее либеральной риторикой.

Основной ресурс КПРФ — идеологический. Но на одной идеологии коммунисты получили бы около 18—20 процентов. Такова устойчивая доля коммунистического электората. Что касается оставшихся 5 процентов, то это избиратели, которые, попросту сбежали от «войны компроматов». Тактика коммунистов, состоявшая в том, чтобы избежать прямых столкновений и тихо «окучивать» свой электорат на низовом уровне, полностью себя оправдала.

КПРФ опиралась и на административный ресурс в «красных» регионах. И хотя он был значительно меньше, чем у «Единства» и ОВР, тем не менее это дало несколько процентов. Вообще административные и идеологические ресурсы коммунистов переплетены настолько тесно, что трудно провести между ними четкий водораздел. В этом их сила и слабость.

Итак, три источника и три составные части успеха КПРФ — это идеологический ресурс вкупе с административным плюс технологический (уход коммунистов в тень на фоне «войны компроматов»). Логичный итог — первое место.

«Яблоко» использовало также в основном идеологический ресурс своей партии. Рекламная кампания была вполне приличной по исполнению, но не содержала в себе технологических находок, каковой явилась, скажем, формула А. Чубайса: война до победного конца плюс либеральные ценности. Таким образом, технологический ресурс «Яблоко» не использовало. Оно споткнулось именно о свою идеологизированность. Г. Явлинский, лишенный цинизма А. Чубайса, не смог поступиться принципами по вопросу о Чечне. Блок не

сумел предложить и достаточно убедительной альтернативы военной операции. Поэтому «Яблоко» набрало меньше голосов, чем могло бы по всем предварительным раскладам. Идеология минус технология — это результат Г. Явлинского.

Что касается В. Жириновского, то он действовал по образу и подобию А. Чубайса. Правда, В. Жириновский сделал ставку на «раскрутку» самого себя, а не партии. В рекламных целях он поддержал действия В. Путина в Чечне. Он на все сто использовал всю эту неразбериху с регистрацией ЛДПР. Отказ в регистрации дал ему основания утверждать, что Кремль хочет от него избавиться. «Раздвоение» В. Жириновского накануне выборов после внезапной регистрации ЦИКом ЛДПР только подлило масла в огонь. В. Жириновский сумел мобилизовать своих избирателей, набить цену своему блоку. Если учитывать, что с социологической точки зрения эпоха либерал-демократов движется к закату, проходной балл «Блока Жириновского» — это несомненный успех его политического технолога В. Жириновского.

Что касается «Единства», то оно своим успехом было обязано главным образом тому, что в сознании избирателей оно были прочно связано с фигурой самого популярного на тот период политика России — и. о. президента В. Путина. Одним из главных лозунгов этого объединения стал патриотизм, причем такой, каким его понимает В. Путин. То есть в его новой разновидности — либеральный патриотизм.

Про этот блок все уже сказано — про его фантомную природу, созданную группой московских пиарщиков и политтехнологов, про «эффект Путина», про бессодержательную позитивность «спасателя» и борца, про невразумительные ожидания люмпенизированной части электората, возглавляемой люмпенизированной частью губернаторов, неспособных наладить достойную жизнь в возглавляемых регионах.

Между тем в победе «Единства» реально содержательным является не сам успех, а качество этого успеха. Так, эксперты обращали внимание на то, что наибольшего успеха «Единство» добивалось в тех регионах Дальнего Востока, где ранее «царствовал» В. Жириновский. «Единство», в сущности, подменило тех, кто ранее оспаривал у коммунистов право пред-

ставлять и обездоленных и не очень умных и самостоятельных. В этом смысле «Единство» как бы стало субститутом ЛДПР на политической выборной карте.

Поэтому тезис о том, что «Единство» — это кремлевский фантом, умело «раскрученный» при помощи властного ресурса Кремля и правительства, может быть принят только с этими поправками. В 1993 году электоральное болото, не желавшее присоединяться к политически выраженным движениям и желавшее «передоверить» свой голос, было в значительной мере канализировано в ошеломительном успехе В. Жириновского. В 1995-м оно было распылено двумя десятками однодневок (тот же А. Гуров в соавторстве с Э. Памфиловой имел свои полтора процента). И все эти однодневки — Рыбкины, бойкие Федоровы (оба) и другие были ничуть не меньшими фантомами и собрали ничуть не меньше голосов, чем нынешние — борец со спасателем и милиционер. Просто на сей раз вся эта энергия электорального болота была сознательно и продуманно направлена в контролируемое русло.

Кроме того, тот факт, что «партия власти» была создана, что называется, к шапочному разбору, сыграл парадоксальным образом положительную роль в ее «раскрутке». Итак, результат «Медведя» представляет собой сумму двух слагаемых — административных ресурсов власти и политических технологий.

Таким образом, если успех КПРФ в значительной степени был достигнут за счет идеологического фактора, а результат «Медведя» представлял собой сумму двух слагаемых — административных ресурсов власти и политических технологий, то пример СПС показывает, что голые технологии позволяют получить до 8 процентов голосов. Другими словами, можно за счет рекламы раскрутить до этого уровня практически любой блок. Остальное дает административный ресурс.

ОВР наблюдатели образно сравнивали с китом, выброшенным на берег, который задохнулся под собственной тяжестью. Благоприятная обстановка, которая складывалась вокруг ОВР на первом этапе борьбы, привела к тому, что была создана неповоротливая структура, к тому же раздиравшаяся внутренними противоречиями: команда Е. Примакова трудно сходи-

лась с командой Ю. Лужкова, лидеры национальных республик по ряду вопросов занимали разные позиции.

Политтехнологии натыкались на сопротивление многочисленных «бывших», образовавших вокруг Ю. Лужкова тесное кольцо и лишавших динамизма и без того перегруженную структуру ОВР. В результате рекламная и пропагандистская кампания «Отечества» фактически была сорвана. Наблюдались шараханья то вправо, то влево. Например, под занавес Кремль активно раскручивал идею о возможном блоке КПРФ и ОВР, которые попытаются смести в новой Думе правительство В. Путина. Адекватного, взвешенного ответа по этому поводу найдено не было.

Вместе с тем нельзя все неудачи списывать только на массированное задействование против ОВР «грязных» технологий. В результате собственных стратегических и тактических просчетов блок не приобрел новых сторонников среди центристов, а «красный» электорат так и не пошел голосовать за ОВР. А вот те избиратели, у которых наблюдалась аллергия и на коммунистов, и на правых, отшатнулись от ОВР и предпочли ему более внятного с этой точки зрения «Медведя». Таким образом, результат ОВР — это административный ресурс минус технологический ресурс.

По оценкам иностранных наблюдателей, спектакль по добровольной передаче власти в удручающей обстановке всеобщего кризиса был осуществлен с поразительным для правящего режима успехом. Давно задуманная и в течение многих месяцев осторожно готовившаяся «смена декораций» стала реальностью, несмотря на сильное сопротивление Б. Ельцина. В качестве главной уступки для него было согласие на то, что он сам выберет и назовет публично своего преемника. Разумеется, Б. Ельцину были даны твердые гарантии неприкосновенности его самого и всей его семьи.

Популярность преемника — В. Путина превзошла все ожидания, хотя были опасения, что его выбор Б. Ельциным может оказаться для преемника «черной меткой». Уникальность сложившейся ситуации состоит и в том, что В. Путин, еще будучи премьером, внешне стал вести себя довольно самостоятельно. При этом он не только не вступил во враждебные отноше-

ния с различными «сегментами» «семьи» президента, но и поставил их себе на службу. Более того, начал создавать внутри этой системы свою нишу, органически встраивая нарождающуюся будущую власть в прошлую, обеспечивая так называемую преемственность власти.

К числу благоприятных для В. Путина факторов следует также отнести результаты выборов в Государственную думу, что говорило о солидной базе поддержки в обществе и о реальной возможности создания в нижней палате парламента пропрезидентской фракции, способной проводить нужную линию.

Следующим и, пожалуй, определяющим фактором для нового главы государства является фактор времени. Досрочные выборы нового президента поставили в крайне невыгодное положение всех его основных конкурентов. У оппонентов, прежде всего у коммунистов и национал-патриотов, не имеющих сколько-нибудь заметного доступа к СМИ и не располагавших серьезными материальными ресурсами, шансы на «развенчание» образа В. Путина были крайне малы, и были основания полагать, что и. о. президента мог сохранить свою популярность на достаточно высоком уровне до мартовских выборов.

Неизбежные для нового руководства страны непопулярные меры в социально-экономической сфере планировалось в основном начать после выборов. До того времени В. Путин, как полагали, проведет ряд популистских мер, направленных на поддержание своего рейтинга. На случай неблагоприятного развития ситуации планировалось активно задействовать все силовые структуры, на которые В. Путин (сам выходец из этих структур) серьезно рассчитывал, хорошо зная их возможности и лично владея большим объемом информации в отношении своих основных оппонентов.

Несмотря на бравурные настроения многих представителей из окружения и. о. главы государства, сам он и ряд реалистически мыслящих политиков из числа его соратников обращали внимание на целый комплекс проблем, которые могут оказать существенное влияние на развитие обстановки. Это, прежде всего, развитие ситуации в Чечне — фактор, который в конце 1999 года сыграл решающую роль в росте популярности В. Путина. Прогнозировалось, что Москва надолго

«увязнет» в этом регионе и для В. Путина будет большой проблемой «сохранить лицо» и перед своей общественностью, и перед Западом. Это тем более важно, что от цивилизованного решения проблем Чечни зависел уровень политических и, главное, экономических отношений Запада с Россией.

Последний фактор играл огромную роль для реального положения в российском обществе, поскольку получение крупных западных кредитов заложено в российский бюджет на 2000 год, а уже в первом квартале Россия должна выплатить по предыдущим долгам около 3 млрд. долларов, которых в казне нет. Особенно чувствительная для России проблема борьбы с преступностью и с коррупцией, которая прямо связывается с режимом Б. Ельцина. Такая «преемственность» для В. Путина смертельно опасна, тем более что главные политические противники непременно воспользуются проблемой коррупции для дискредитации и. о. главы государства, если он не продемонстрирует свою готовность бороться с этим злом. Позиция В. Путина и его ближайшего окружения в этом вопросе крайне противоречива. В случае начала реализации накопленных заранее компроматов на политических оппонентов можно спровоцировать встречную волну компроматов. Конечно выиграет сильнейший, но как это скажется на рейтинге В. Путина? В окружении В. Путина полагали, что инициировать эту проблему не следует и целесообразно отодвинуть возможную войну компроматов как можно дальше. Вместе с тем подчеркивалось, что готовность к этой борьбе должна быть постоянной, а реакция — самой «решительной и беспощадной».

По результатам парламентских выборов в России, давшим аналитикам обильную пищу для размышлений, в январе 2000 года делалось несколько основных выводов.

Средства массовой информации в России способны «творить чудеса». Достаточно всего лишь за два месяца до выборов направить усилия основных электронных и печатных СМИ в одном направлении, и результат не заставит себя ждать. Огромная страна проголосовала за политическое движение, которое состояло из никому по большому счету не известных людей с абсолютно аморфными политическими убеждениями (ес-

ли таковые вообще были). Теперь предвыборные кампании в России будут носить «виртуальный» характер.

Выборы показали: власть способна почти безраздельно контролировать предвыборное пространство. По крайней мере, навязывать свои правила игры и свою программу для агитации. Б. Ельцин сделал для себя еще один вывод: В. Путин может контролировать и предвыборное пространство, и власть, и агитацию. Б. Ельцин имел отличную возможность утвердиться в правильности сделанного в начале кампании выбора в пользу мало кому из широкой публики известного тогда В. Путина.

В народе сформировалось мнение, что только сильный и решительный лидер способен вывести страну из продолжающегося уже десятилетие экономического кризиса. В. Путин олицетворяет для многих образ такого политика. Народ не жаждет смены режима, а надеется на обновление власти. Президентские имиджмейкеры правильно оценили ситуацию и эффективно использовали ее в своих интересах.

К сожалению, на выборах подтвердились неизменные качества российской политической культуры. Одна из самых важных постоянных величин — отношение к власти. В России отношение к власти зачастую сведено к давно известному принципу: вся власть от Бога. И это было вновь продемонстрировано в ходе думских выборов. Люди принимали как должное действия власти на первом и втором каналах телевидения, когда нарушались все мыслимые правила профессиональной этики. Со всем этим общество смирилось.

Относительно невысокий результат ОВР показывает, что расчет власти был верен. Следует признать, что тогда она одержала победу. Более того, убедительную победу. Но — на пустом месте. С самого начала был нарушен конституционный ход подготовки к выборам. Исполнительная власть полностью подчинила себе этот процесс — от начала и до финального заявления премьера, призвавшего голосовать за блок «Единство».

Итоги выборов адекватны состоянию страны. Победа власти означала, что в огромной мере постельцинская Россия вполне может стать продолжением ельцинского периода.

Политически мы вскоре можем оказаться в откро-

венно выраженной авторитарной системе. Впрочем, и режим Ельцина был авторитарным, но плохо выстроенным, рыхлым, неряшливым.

Авторитарный режим отличается от тоталитарного тем, что отнюдь не все сферы жизни человека и общества регламентируются. Это попытка установить весьма жесткий контроль в политике, отчасти в идеологии. Граждан при этом оставят жить своей частной жизнью — в отличие от тоталитарного режима, где все стороны быта регламентируются.

Идет кристаллизация режима. В экономике страна переходит к системе, которую можно назвать государственным капитализмом. Понятно, что это гибрид из постсоветской экономики и некоего российского варианта капитализма, который сложился в последние годы.

Любой экономической структуре будет позволено существовать в тех рамках, в которых она не противоречит политическим целям власти. Пока такого противоречия нет, в стране будут существовать частные корпорации. Но как только какая-нибудь из них войдет в столкновение с интересами режима, ее тут же беспощадно поставят на место.

Еще один вывод из того факта, что нынешнее состояние умов, духовное состояние общества можно назвать непреодолимым стремлением к самоутверждению. Общество самоутверждается. Никакой национальной идеи при этом в данный момент нет. Обществу это безразлично. Оно осознает себя по простому принципу: мы чувствуем себя плохо, нас обижают, унижают, оскорбляют и так далее. Нам надоело жить с этим чувством, мы хотим самоутвердиться. И человеком, который помог обществу это сделать, стал В. Путин, а полигон, на котором общество самоутверждается, Чечня. Поэтому война в Чечне невероятно важна для режима.

В международном плане Россия, по-видимому, движется к самоизоляции. В силу того, что есть большое разочарование в отношении, прежде всего, Запада. Люди чувствуют себя обманутыми: после того как Россия отказалась от коммунизма, не полились молочные реки в кисельных берегах. Реформы, которые шли при поддержке Запада, на этом этапе привели к достаточно тяжелым для многих результатам.

Такая самоизоляция дает любому новому режиму свободу действий внутри страны. Позволено гораздо больше в смысле нарушения прав человека, политических свобод и т. д. Но в условиях самоизоляции страна будет сильнее тормозиться в своем развитии.

Оценивая ход и исход досрочных президентских выборов в марте 2000 года, ряд политологов и обозревателей считали, что причины победы В. Путина не только и не столько в эксплуатировании властью настроений общества по поводу чеченской войны. Во многом суть успеха В. Путина заключалась в том, что он (его предвыборный штаб) безошибочно, учитывая настроения большинства россиян, сделал ставку на прагматичную защиту национальных интересов, отказался от публичной предвыборной кампании, сосредоточившись на практических вопросах управления государством. Тем самым обществу был представлен совершенно новый имидж политика «нордического» характера, что после эпохи правления Б. Ельцина произвело просто гальванизирующее воздействие на российское общество.

Реализованный в манере поведения В. Путина и его имидже фактор защиты единства страны (идеи, соответствующей настроению большинства россиян, а точнее — «великороссов», что и подтвердил региональный анализ выборов) как нельзя более успешно наложился на ожидания сильной личности, которая бы стабилизировала ситуацию в стране, развивала бы Россию, дала бы России процветание. Именно исходя из этих причин, общество обрело веру в возможные перемены, и граждане проголосовали за В. Путина.

Итоги выборов показали также, что на практике реализован самый выгодный для власти сценарий — наследственный переход полномочий президента к представителю тех слоев властной элиты, которая вследствие своего воспитания, мировоззрения, положения в обществе, понимания ценностей и обязанностей являлась на тот момент наиболее надежной (с точки зрения поставивших на нее людей) прослойкой общества, способной реально гарантировать прежнему поколению политиков неприкосновенность и сохранение влияния.

Другим важнейшим итогом выборов можно считать подтверждение факта практически полного отсут-

ствия в Российской Федерации гражданского общества (в цивилизованном понимании этого термина), крайне низкую в целом политическую культуру народа и нежелание (с точки зрения макрооценки) населения переориентироваться на западные ценности.

Безусловно важным итогом является тот факт, что на президентских выборах практически не сработал «черный пиар» (ни по отношению к В. Путину, ни по отношению к другим кандидатам). В этой связи представляется, что ориентация на крупные мегаполисы и интеллигенцию страны в целях достижения политической победы будет еще лет 10—15 достаточно бесперспективным занятием, так как главным содержанием предвыборных приоритетов российской глубинки по-прежнему выступает вера граждан в судьбу, справедливого царя, чудесные преобразования.

Итоги голосования показали также, что социально-политическая база В. Путина находилась, вопреки широко распространенным представлениям, не на периферии (Дальний Восток, Сибирь), а на европейской части России, в индустриально развитой зоне и, прежде всего, была тесно связана с теми регионами, где имелись развитый ВПК, мощная бюрократия, а также широкие слои связанного с индустрией населения, оказавшегося в течение предшествовавших лет ельцинских реформ в депрессивном поясе и явно уставшего от хронического кризиса. Это — Север, Северо-Запад России, Калининградская область, большая часть областей Поволжья и Центральной России, а также национальных республик. В их голосовании за В. Путина сыграло роль ощущение необходимости сильной власти для обеспечения безопасности, а также надежды европейской части России на возрождение индустриального потенциала.

В поддержку В. Путина выступили в первую очередь регионы, относящиеся к историческому «великорусскому ядру», а также мощные промышленные регионы страны, например, Свердловская область. Несколько ниже оказалась поддержка В. Путина в преимущественно аграрных областях и на периферии. Так, более низкие результаты, чем ожидалось, показали при голосовании Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область (в них действующий глава государства с трудом получил, вопреки

многочисленным прогнозам, чуть выше 50% голосов). За исключением Москвы и Московской области, где имеется своя специфика, связанная, видимо, со сложностями в отношениях между различными политическими элитами в центре, регионы европейской части России проголосовали за В. Путина таким образом, что обеспечили ему победу уже в первом туре.

Важным итогом выборов можно считать также тот факт, что В. Путин не стал президентом всех россиян. 52,9 процента голосов, с учетом явки на выборы и распределения по электоральным спискам, свидетельствовали, что за Путина реально проголосовало чуть больше трети избирателей.

Вместе с тем тот факт, что за представителей либеральных реформ (К. Титов, Г. Явлинский) проголосовало не более 1/9 части голосовавшего электората, показал, что существенной опорой власти правые силы не будут, по крайней мере, на первом этапе президентства В. Путина.

Как следует из анализа ряда материалов Центризбиркома, основным электоратом В. Путина были военнослужащие, индустриальный пролетариат, чиновничество, работники и руководители ВПК, представители национального промышленного капитала. С точки зрения распределения предпочтения среди возрастных групп наибольшую поддержку В. Путин получил у лиц среднего возраста. По месту проживания самую высокую активность голосования за В. Путина показала российская глубинка — до 63 процентов — 67 процентов в ряде мест.

Вместе с тем факторный анализ электоральных предпочтений интеллигенции, сельских жителей, жителей отдаленных регионов не предполагал широкой и безоглядной поддержки и. о. президента. Около 28 процентов (в среднем по стране) голосов, отданных за Г. Зюганова, явный сбой и перспектива второго тура в Москве показали, что В. Путину придется считаться как с левой оппозицией (номинально), так и с правыми, традиционно представляющими наиболее мощные (в политическом и финансовом отношении) силы российского общества и имеющими значительный потенциал поддержки за рубежом.

Основными положительными результатами выборов можно считать высокую явку избирателей (68%),

которая сама по себе опровергла спекуляции на тему узости базы поддержки В. Путина, крах претензий «третьей силы» на значимость своей политической роли, подтверждение настроений общества на необходимость общей стабилизации ситуации в стране и спокойного поступательного продвижения вперед, сохранение В. Путиным относительной независимости от владельцев медиа-групп и возможности после победы усилить госконтроль над СМИ.

К положительным результатам выборов можно отнести также то, что В. Путину удалось избегнуть активного противостояния с другими кандидатами. В послевыборный период формирования реальной структуры власти в стране это давало и. о. президента возможность создавать (при желании) условия для интеграции основных политических сил общества в новую систему властных отношений.

В то же время ряд тенденций, проявившихся в ходе избирательной кампании, несли в себе определенные угрозы для политической деятельности нового российского президента.

По общему мнению, главная опасность для В. Путина состояла в том, что перегретые предвыборными обещаниями и созданным имиджем ожидания перемен граждане задавали высокую планку требований к новому президенту. В случае неприятия быстрых и конкретных шагов, направленных на реализацию ожиданий народа, создавалась угроза того, что уже через несколько месяцев после избрания глава государства потеряет поддержку подавляющего числа граждан.

Одновременно высокий уровень поддержки населением КПРФ требовал от В. Путина поиска путей диалога и взаимодействия с парламентскими левыми. При этом коммунисты могли рассчитывать на более активное привлечение их к принятию основных решений правительственного уровня.

Лидер коммунистов Г. Зюганов, несмотря на формальное поражение, реализовал свою главную задачу — монополизировал нишу лидера оппозиции, не допустив в нее никого из соперников. Г. Зюганову удалось получить большее по сравнению с В. Путиным количество голосов избирателей сразу в нескольких регионах, таких, как Брянская область (45,99% против 42,95%), Липецкая область (47,41% против 40,86%),

Омская область (43,64% против 38,14%), Республика Алтай (42,72% против 37,89%). Он не только сохранил свой базовый электорат, но и сумел привлечь ряд новых сторонников, нарастив уровень своей поддержки в некоторых важных регионах, включая Москву и ряд областей Сибири.

Внушительные результаты Г. Зюганова давали КПРФ основание претендовать в качестве главного кандидата на роль партнера власти при определении путей будущего развития страны.

Вместе с тем выборы президента России подтвердили, что в стратегическом плане у коммунистической идеологии в России перспектив нет. В большинстве российских регионов наблюдалось снижение уровня поддержки Г. Зюганова. С электоральной карты России фактически исчезли регионы «красного пояса» (Черноземье, Юг России, другие аграрные регионы) — как в смысле преобладания симпатий к коммунистам среди электората, так и в смысле поддержки КПРФ губернаторами данных территорий. Поражение на выборах создало угрозу активизации попыток раскола КПРФ.

Провал лидера «Яблока» Г. Явлинского стал главным сюрпризом президентских выборов-2000. Его результат (около 6% при явке в 68%) меньше количества голосов, поданных на парламентских выборах за партию «Яблоко» (5,93% при явке в 65%). Не сумев привлечь на свою сторону голоса демократически ориентированных избирателей (в общей сложности до 28% голосов избирателей), Г. Явлинский перестал быть главным претендентом на должность лидера демократической оппозиции. Второе подряд поражение на выборах за короткий срок усилило внутренние противоречия в рядах «Яблока».

Однако лидеру «Яблока» удалось добиться и некоторых положительных результатов. В частности, Г. Явлинский не пропустил вперед ни одного из кандидатов, рассчитывавших сыграть роль «третьей силы» (А. Тулеев, К. Титов). Из политиков собственно демократического направления Г. Явлинский сохранил наибольшую (и при этом твердую, не подверженную сомнениям) электоральную базу. «Яблоко» существенно улучшило свои результаты в обеих столицах, Г. Явлинский в трех субъектах Федерации набрал бо-

лее 10 процентов голосов избирателей, еще в трех — более 8 процентов и в 25 — более 5 процентов голосов, что делает его (после 10 лет политической карьеры) политиком, выражающим не только интересы «московской тусовки».

Из остальных кандидатов в президенты позитивные результаты от участия в президентских выборах получил только А. Тулеев. В его активе почти полная поддержка избирателей «своего» региона — Кузбасса (51,575% «за»), подтверждение статуса общефедерального политика, выход на всероссийскую политическую арену в качестве представителя не только Кузбасса, но и всей зауральской России (среди 18 регионов, в которых результат голосования за А. Тулеева превышал среднероссийский, 17 — сибирские и дальневосточные).

Наиболее значимыми минусами для А. Тулеева по итогам президентской кампании явились неспособность превратиться в «третью силу» в масштабах всей страны (даже в большинстве сибирских и дальневосточных территорий Г. Явлинский значительно опережал А. Тулеева по набранным голосам: результат А. Тулеева превышал 5% только в 4 регионах, тогда как результат Г. Явлинского — в 31), отсутствие должного внимания к себе со стороны населения мусульманских республик Поволжья и Северного Кавказа (например, в Башкортостане его поддержали 2,35% избирателей, в Татарстане — 2,17%), а также то, что ни в одном из базовых для Г. Зюганова регионов «красного пояса» А. Тулеев не стал реальным конкурентом лидеру КПРФ.

Для В. Жириновского 2,7 процента голосов — это еще больший провал, чем у Г. Явлинского. Для ЛДПР и ее лидера характерна ярко отрицательная электоральная динамика: на парламентских выборах — падение с 11,3 процента в 1995 году до 5,98 процента в 1999 году, на президентских — падение с 5,7 процента в 1996 году до 2,7 процента в 2000-м.

Провально выглядели итоги выборов и для К. Титова. Самарский губернатор попытался построить свою стратегию на расколе «Союза правых сил» (через отрыв от него антипутинского крыла) и привлечении тех избирателей демократической ориентации, кому антипатичен Г. Явлинский. Единственным успехом можно считать то, что он создал себе хороший полити-

ческий задел перед досрочными губернаторскими выборами в Самаре.

В целом итоги выборов если и не давали В. Путину карт-бланш на проведение собственной политики, то по меньшей мере обеспечивали свободу политического маневра в рамках сложившихся взаимоотношений между властью и олигархами, властью и регионами, властью и политическими элитами, властью и обществом.

Судя по географии голосования за В. Путина, у него есть свой электорат, способный стать социально-политической базой власти и имеющий цели, которые совпадают с национальными интересами России. Поэтому не исключено, что он будет стремиться к серьезным изменениям оснований власти в России, менять ее социальную опору, по-новому выстраивать свои отношения с элитами.

Скорее всего, изменится не только власть, но и оппозиция. Некоторые считают, что нынешняя левая оппозиция трансформируется в системную силу, которая войдет в блок с другими государственническими силами страны, а демократическая оппозиция скорее и станет оппозицией будущего. Недаром В. Путин, комментируя итоги выборов, тепло отозвался о политическом успехе компартии на президентских выборах, а также намекнул на возможность заключения альянса с левоцентристскими политиками.

На фоне кризиса российского либерализма и грызни в стане олигархов решение найти для режима широкую базу, вновь повенчать власть с общенациональными интересами явилось бы новым словом в истории России.

Апрель 2000 года. Москва

ОБ АВТОРЕ

Вагиф Гусейнов родился в Азербайджане, в городе Кубе.

Этот город, расположенный на склонах Большого Кавказа, помнит Лермонтова, поэта-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского и других. Был там и Александр Дюма во время путешествия по России.

Свою журналистскую деятельность В. А. Гусейнов начал в 60-х гг. во время службы в армии. Потом работал в ряде СМИ в Баку: корреспондентом Азербайджанского радио и телевидения, главным редактором республиканской молодежной газеты.

В 1974—1978 гг. руководил комсомолом республики, работал секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника одного из управлений МИД СССР, был последним председателем КГБ Азербайджана.

Генерал-майор КГБ В. А. Гусейнов уволился со службы после августа 1991 г.

В настоящее время он руководитель одного из аналитических центров. Входит в состав совета директоров московской корпорации «Система» и совета директоров концерна «Система — Масс-медиа».

Член Совета по внешней и оборонной тактике.

Автор исследований «От Ельцина к ... ?».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ПОДКОВЕРНЫЕ СХВАТКИ

Глава 1
ЖАРКИЙ ИЮЛЬ 99-го 3

Глава 2
КТО СНЯЛ СЕРГЕЯ СТЕПАШИНА 61

Глава 3
БАНДИДАТЫ В ДЕПУТАТЫ 110

Глава 4
ВСЕ НА БОРЬБУ С ЛУЖКОВЫМ! 177

Глава 5
НОВЫЙ ПРЕЕМНИК 215

Часть вторая

ВСЕ ПРОТИВ ВСЕХ

Глава 1
ОКТЯБРЬСКИЕ МАНЕВРЫ 270

Глава 2
КАВКАЗСКАЯ ДУГА КРИЗИСОВ 323

Глава 3
КРЕДИТНАЯ КАРТОЧКА ЦАРЯ БОРИСА 383

Глава 4
ВЕТРЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» 440

Глава 5
ЭЛИТА ОТДЕЛЬНО, НАРОД ОТДЕЛЬНО 500

Глава 6
КТО ВЛАДЕЕТ ИНФОРМАЦИЕЙ, ТОТ ВЛАДЕЕТ МИРОМ 537

Глава 7
ПОДВЕЛИ АДАМА К ЕВЕ И СКАЗАЛИ: «ВЫБИРАЙ СЕБЕ ЖЕНУ» 573

Вагиф Алиовсатович
Гусейнов

ОТ ЕЛЬЦИНА К ... ?

ВОЙНА КОМПРОМАТОВ
Июль — декабрь 1999

Редактор *В. Поляков*
Художественный редактор *В. Горин*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Корректор *Л. Логунова*
OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.
Лицензия ЛР № 070099 от 03.09.96.
Сдано в набор 24.07.00. Подписано в печать 17.08.00.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 6000 экз.
Изд. № 00-672-ДО. Заказ № 1467.
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23
Полиграфическая фирма «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

ВАГИФ ГУСЕЙНОВ

Две первые книги «От Ельцина к ...?» руководителя одного из аналитических центров в Москве Вагифа Гусейнова сразу же после выхода в свет осенью 1999 года стали бестселлерами. Поднятая тема оказалась настолько интересной и интригующей, что издательство по многочисленным просьбам читателей предложило автору продолжить хронику невидимых битв политических и финансовых группировок за президентское кресло.
В этой книге Вагиф Гусейнов рассказывает о кульминации тайной и явной борьбы за право стать преемником Б. Ельцина. В решающую схватку вступили силы более могущественные, чем в предыдущие годы.

Вы узнаете:

- *КТО ВЫНУДИЛ Б. ЕЛЬЦИНА ДОСРОЧНО ПОКИНУТЬ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПОСТ*
- *ПОЧЕМУ В. ПУТИН ОБОШЕЛ ВСЕХ СВОИХ КОНКУРЕНТОВ*
- *НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ И СТАРАЯ «СЕМЬЯ»: РАЗРЫВ ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ*
- *УЙДЕТ ЛИ ЭПОХА Б. ЕЛЬЦИНА*

33414
От Ельцина к ... Война компроматов
22